

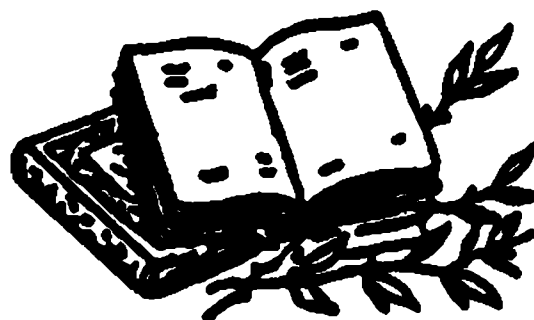
Клиффорд Саймак

КЕРРА

KÆPPA

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Клиффорд Саймак

**СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ**

Том второй

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

Роман

**ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ
ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ**

Роман

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ТЕРРА

**МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999**

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)
С14

Составитель
А. АЛЕКСАНДРОВА

Художники
А. АКИШИН, И. ВОРОНИН

Саймак К.

С14 Сочинения: В 3 т. Т. 2: Исчадия разума; Что может быть проще времени: Романы; Повести и рассказы / Пер. с англ.; Сост. А. Александрова. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 512 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-02693-X (т. 2)

ISBN 5-300-02691-3

Клиффорда Доналда Саймака заслуженно считают одним из мэтров американской фантастики. На счету патриарха этого жанра литературы — свыше тридцати романов, сборников повестей и рассказов. Саймак — лауреат многих литературных премий, в том числе самой престижной среди писателей-фантастов премии Хьюго.

Во второй том Сочинений включены романы «Исчадия разума», «Что может быть проще времени», а также повести и рассказы «Галактический фонд призрения», «Мираж», «Торговля в рассрочку» и др.

УДК 82/89
ББК 84 (7 США)

ISBN 5-300-02693-X (т. 2)

ISBN 5-300-02691-3

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

ИСЧАДИЯ РАЗУМА

Роман

1

А я все вспоминал своего старого друга и слова, что он сказал мне в последний раз, когда я его видел. Это было за два дня до того, как его убили — убили прямо на шоссе. Во время катастрофы там было машин не меньше, чем всегда; его машина превратилась в искореженную грудку металла, и следы покрышек рассказывали, как это случилось, как он врезался в другую машину, внезапно вынырнувшую со своей полосы ему наперерез. Все было ясно, кроме одного: та другая машина бесследно исчезла.

Я пытался выбросить загадку из головы и думать о чем-нибудь еще, но проходили часы, бесконечная бетонная лента разматывалась мне навстречу, мимо мелькали весенние сельские пейзажи, а память нет-нет да и возвращала меня к последнему вечеру, когда мы с ним виделись.

Он сидел в огромном кресле, которое, казалось, того и гляди поглотит его, засосет в глубину своих красно-желтых узоров, — сморщенный гном, перекатывающий в ладонях стаканчик бренди и посматривающий на меня снизу вверх.

— Сдается мне, — говорил он, — что мы в осаде. Нас обложили наши собственные фантазии. Все наши вымыслы, все уроды, каких мы напридумали с тех времен, когда первобытный человек сидел скорчившись у костра и вглядывался в черноту ночи за порогом пещеры. И воображал, что может таиться там, во тьме. И ведь, конечно, знал про себя, что там на самом деле. Кому, как не ему, было знать — ведь он был охотник, собиратель трав, первопроходец в царстве дикой природы. У него были глаза, чтобы видеть, и нос, чтобы ощущать запахи, и уши, чтобы слышать, и все эти чувства, скорее всего, были куда острее, чем у нас сегодня. Он помнил наперечет все и всех, кто и что может прятаться во тьме. Помнил, знал назубок и все-таки не доверял себе, не доверял своим чувствам. И его крохотный мозг, при всей своей примитивности, без устали лепил новые формы и образы, измышлял иные виды жизни, иные угрозы...

— И ты думаешь, мы не лучше? — спросил я.

— Разумеется, — ответил он. — Наши вымыслы на другой манер, но не лучше...

Сквозь открытые двери в комнату залетел ветерок и принес с собой слабый аромат весенних цветов. И вместе с ветерком донесся отдаленный рокот самолета, совершавшего круг над Потомаком перед тем, как приземлиться на другом берегу.

— Мы теперь придумываем другое, — продолжал он. — Тут есть о чем еще поразмыслить. Мы, пожалуй, не придумываем нынче таких страшилищ, как в пещерные времена. Те были страшищами во плоти, а нынешних, каких мы вызываем к жизни сегодня, можно бы назвать умственными...

У меня осталось подозрение, что он был готов развить свою диковинную концепцию и сказать больше, гораздо больше, но как раз в эту минуту в комнату ввалился Филип Фримен, его племянник. Филип, сотрудник Госдепартамента, горел нетерпением поведать странную и забавную историю про одного высокопоставленного чудака, пожаловавшего в Вашингтон с визитом, а потом разговор перешел на какие-то иные темы, и о том, что люди попали в осаду, уже не упоминалось.

Впереди замаячил указатель, предупреждающий о съезде на Старую военную дорогу, и я сбросил газ, чтобы вписаться в поворот, а как только очутился на старой дороге, пришлось тормозить еще решительнее. Я проехал несколько сот миль, делая не меньше восьмидесяти миль в час, и теперь сорок казались черепашьей скоростью, — но для такой дороги, как эта, и сорок было слишком много.

Я, честно сказать, давно забыл, что на свете есть такие дороги. Когда-то покрытие было гудроновым, но на многих участках гудрон потрескался, наверное по весне, когда таял снег, потом трещины залатали каменной крошкой, а она с годами стерлась в порошок, в тонкую белую пыль. Дорога была узкой изначально и еще сузилась оттого, что с обеих сторон обросла густыми кустами, кусты сжимали ее как изгородь, вползали на обочины, и машина словно плыла в тени листвы по извилистой мелководной канаве.

Шоссе шло вдоль гребня, а Старая военная дорога с места в карьер нырнула вниз меж холмами — такой я и представлял ее себе по памяти, хоть и не помнил, чтоб уклон был таким крутым и начинался сразу же, едва я съехал с верхней бетонки. А впрочем, бетонку, по которой я только что мчался, перестроили и превратили в шоссе лишь несколько лет назад.

«Другой мир», — сказал я себе, и это, конечно же, было именно то, чего я искал. Правда, я не ждал, что другой мир охватит меня так внезапно, что для этого будет довольно просто-напросто свернуть с шоссе. Да и попал ли я в другой мир? Не вернее ли, что мир здесь не столь уж и отличен, просто у меня разыгралось воображение и я увидел его таким в силу самовнушения: предвкушал, что увижу другой мир, вот и увидел.

Неужели и вправду Пайлот Ноб несколько не изменился? — задал я себе вопрос. Казалось почти невероятным, чтобы городишко мог стать иным. Судьба не давала ему такого случая. Все эти годы он лежал вдали от больших событий, они не затрагивали его, обходили его стороной, так зачем ему было меняться? Но вопрос, признался я себе, вовсе не в том, сильно ли изменился Пайлот Ноб, а в том, насколько изменился я сам...

И почему — задал я себе еще вопрос — человек так тоскует по прошлому? Ведь знает же он — знает даже тогда, когда тоскует, — что осенней листве никогда уже не пламенеть так ярко, как однажды утром тридцать лет назад, что ручьям никогда больше не бывать такими чистыми, холодными и глубокими, какими они помнятся с детства, что по большей своей части картинки такого рода остаются и останутся привилегией тех, кому от роду десять лет.

Наверняка можно бы выбрать добрую сотню мест, и притом более комфортабельных, где я точно так же обрел бы свободу от треска телефона, где мне точно так же не пришлось бы вязать узелки на память и клятвенно обещать во что бы то ни стало поспеть к определенному сроку, где не надо было бы спешить на встречи с важными шишками, представляться умным и хорошо информированным и принаравливать к сложным привычкам окружающих, к тому же усложняющимся день ото дня. Есть сотня других мест, где нашлось бы время думать и время писать, где позволительно не бриться, если не хочется, где можно одеваться кое-как и ни одна живая душа этого не заметит, где можно, если вздумается, удариться в лень или в беспечность, можно не слушать новостей, можно не играть ни в ученость, ни в остроумие, а вместо этого предаться беззлобным сплетням, не имеющим ровно никакого значения.

Сотня других мест — и все же, когда я принимал решение, у меня, в сущности, не было и тени сомнения в том, куда я поеду. Может статься, я чуть-чуть дурачил себя, но это само по себе доставляло мне удовольствие. Я бежал домой, но не признавался себе, что бегу домой. Ведь знал же я, знал на протяжении всех долгих бетонных миль, что такого места, какое мне рисовалось, нет и никогда не было, что годы сыграли со мной шутку, обратив реальность в набор обольстительных иллюзий из тех, что одолевают каждого из нас, едва вспоминается юность.

День клонился к вечеру, уже когда я свернул с шоссе, а теперь дорога проваливалась все глубже меж холмов, и по временам ее застилала тяжкая тьма. Сквозь густеющие сумерки поодаль, в укромных долинах, светились мягкие белые шары фруктовых деревьев в цвету, а порывами до меня долетал и их аромат, — очевидно, они росли не только поодаль, но и много ближе ко мне, просто были скрыты от глаз. И хотя вечер едва вступал в свои

права, мне казалось, что я улавливаю еще и странное благоухание тумана, поднимающегося с сочных лугов по берегам извилистых речушек.

Годами я твердил себе, что помню местность, где очутился сейчас, наизусть, что она впечатана мне в душу с детства и стоит лишь попасть на старую дорогу, как я найду Пайлот Ноб безошибочно, чутьем. Однако теперь у меня возникло подозрение, что я ошибался. Потому что мне до сих пор не случилось опознать ни одного конкретного дерева, ни одного камушка. Общие контуры местности — да, они были точно такими, как помнились, но ничего более определенного, чтобы я мог ткнуть пальцем и воскликнуть: вот, наконец-то я понял, где нахожусь, — ничего подобного не попадалось. Это раздражало, а пожалуй, и унижало, и я поневоле усомнился: та ли это дорога, что ведет в Пайлот Ноб?

Дорога была скверной, много хуже, чем я ожидал. Я отказывался понимать, почему ее довели до подобного состояния. Ну ладно, резкие повороты, повторяющие изгибы холмов, еще можно простить. А выбоины? А участки, утонувшие в непролазной пыли? И давным-давно следовало бы сделать что-то с каменными мостиками, где двум машинам не разминуться. Впрочем, встречных машин и не было. Похоже, я был на дороге совершенно один.

Темнота сгущалась, и пришлось включить фары. Как еще раньше пришлось сбросить газ и порой ползти со скоростью не более двадцати миль. Иначе эти резкие повороты появлялись перед носом слишком стремительно, и я не чувствовал себя в безопасности.

Пайлот Ноб, уж это заведомо, не мог быть очень далеко — самое большее миль сорок от той точки, где я свернул с шоссе, а я с тех пор проехал по крайней мере половину этого расстояния, никак не меньше. Можно бы сказать поточнее, если бы засечь пробег в момент поворота, но я, к несчастью, не догадался.

А дорога становилась не лучше, а хуже, и вдруг сделалась еще хуже, чем когда бы то ни было. Машина шла на подъем по теснине, зажатой между холмами, и с обеих сторон к дороге припадали массивные валуны — лучи фар то и дело скользили по их бокам. Да и погода переменилась. На небе уже загорались было редкие звездочки, а теперь они пропали, и до меня донеслось бормотанье грома, отдаленное, но многократно отраженное склонами.

Неужели я прозевал какую-нибудь развилку? Что, если в темноте нечаянно свернул на дорогу, ведущую обратно на гребень? Но, как я ни старался, я не мог припомнить, чтобы дорога раздваивалась. С той минуты, как я свернул с шоссе, передо мной лежала одна и только одна дорога. Правда, время от времени к ней подбегали проселки с окрестных ферм, но именно

проселки и всегда под прямым или примерно под прямым углом.

Одолев очередной крутой поворот, я заметил справа кучку низких строений с единственным слабо освещенным окном. Я снял ногу с акселератора и пододвинул к педали тормоза, почти решившись остановиться и спросить, правильно ли я еду. Но почему-то, — право, не берусь объяснить, почему, — передумал и поехал дальше. Ведь если понадобится, я всегда найду местечко, чтобы развернуться и подать назад. Или попадется какая-нибудь другая ферма, где можно будет притормозить и справиться о дороге.

Вон, пожалуйста, впереди, не больше мили отсюда, на склоне холма распласталась еще одна кучка строений, и там тоже светится единственное окошко, почти в точности как то, которое я только что миновал.

На какую-то долю секунды, будто замороженный этим окошком и падающим из него слабым лучиком, я отвел глаза от дороги, а когда вновь посмотрел вперед, увидел прямо в конусе света от фар нечто несущееся мне навстречу. В следующую долю секунды я, наверное, окаменел — мозг наотрез отказывался принять на веру то, о чем доложили чувства: навстречу пер динозавр.

Я не знаток динозавров и не желаю им становиться — на свете есть столько вещей, вызывающих у меня больший интерес. Но как-то летом я ездил в Монтану и провел неделю с палеонтологами, которые, задыхаясь от радости (и обливаясь потом), раскрывали, по собственному их выражению, кладбище костей и выкапывали Бог весть чем примечательные останки и осколки существ и событий, живших и бывших шестьдесят миллионов лет назад. И как раз при мне они обнаружили скелет трицератопса почти безупречной сохранности и пришли в великое возбуждение, поскольку найти трицератопса вообще-то не редкость, скелетов хоть отбавляй, но у этого были какие-то мелкие отличия от всех найденных прежде.

И вот он самый, трицератопс, мчится прямо на меня по дороге — не ископаемый скелет, а гора живого мяса. Голову наклонил, выставил вперед, как два копыя, рога над глазами, а позади рогов висится блестящий костный щит. Мчится целеустремленно, громада тела, кажется, заполнила собой всю дорогу и уже набрала порядочную скорость. Разумеется, у такой зверюги хватит силы, да и просто веса, чтобы раскатать автомобиль в металлический блин.

Я отчаянно крутанул баранку, не вполне понимая, что делаю, но, по-видимому, чувствуя, что бездействовать нельзя. Возможно, я надеялся, что машина избежит тарана, если вкатится на склон чуть повыше, а может, думал даже, что сумею развернуться и пуститься наутек.

Машина дернулась и пошла юзом, конус света от фар соскользнул с дороги и завяз в путанице каменных осыпей и кустов крутогорья. Динозавра я больше не видел, но думал, что вот-вот раздастся страшный удар и в машину врежется его огромная бронированная голова.

Задние колеса заносило, пока они не сползли в кювет, а дорога была такая узкая, что передние колеса оказались на противоположной ее стороне. Машина поднялась на дыбы, меня откинуло на спинку сиденья, а ветровое стекло смотрело теперь прямо в небо. Двигатель заглох, фары потускнели, и я ощутил себя подсадной уткой, выставленной на дорогу в ожидании той секунды, когда старик трицератопс подденет меня на рога.

Дождаться этой секунды я не стал. Я распахнул дверцу, кубарем выкатился наружу и кинулся вверх по склону, натываясь на валуны и отскакивая, как мячик, от кустов. В любую секунду сзади на меня обрушится грохот, и... Но грохота не было.

Я споткнулся о камень, свалился в чащобу и основательно исцарапался, а с дороги все не доносилось ни звука. Странно, очень странно: трицератопс должен был бы уже сто раз наткнуться на машину, даже если бы брел вперевалочку, не спеша.

Кое-как выкарабкавшись из кустов, я съезжился на открытом склоне. Отблеск автомобильных огней, хоть и слабый, отраженный холмами, освещал дорогу в обоих направлениях футов на сто. Дорога была пуста, динозавра не было и в помине. Разумеется, он все равно может, рыскать где-то невдалеке. Чем занимаются динозавры, предоставленные самим себе? В одном я был уверен — я видел его ясно, как днем, видел собственными глазами и опознал без ошибки. Может, он затаился во тьме и решил поохотиться на меня? Хотя в идее, что такая громоздкая тварь способна затаиться, сквозило что-то абсурдное. Трицератопсы не созданы для того, чтобы таиться и прятаться.

И все равно я дрожал, припав к земле. По-над холмами погромыхивал гром, в свежем вечернем воздухе можно было различить аромат цветущих яблонь.

«Но это же смехотворно!» — воскликнул я про себя, прибегая к давнему проверенному психологическому приему. Не было там никакого динозавра и не могло быть. Ну откуда ему взяться среди холмов моего детства, в каких-то двадцати милях от милого родного городишки Пайлот Ноб! У меня просто разыгралось воображение. Увидел что-то непривычное и принял за динозавра.

Однако что с психологическими приемами, что без, я видел его и, черт меня возьми, видел ясно. Я будто видел его до сих пор — лоснящаяся складчатая шкура и глазенки как раскаленные угли, отражающие свет фар. Я не знал, что произошло и как это объяснить (потому что встретить трицератопса на сельской дороге через шестьдесят миллионов лет после того, как окошел пос-

ледный из их породы, конечно же, немислимо), — но принять за истину, что его там не было, я не мог тоже.

Кое-как поднявшись на нетвердые ноги, я начал осторожно красться назад к машине по усыпавшим склон шатким и острым камням, которые так и норовили выскользнуть из-под подошв. Гром гремел все сильнее. Холмы к западу от долины, к которой должна бы вывести петляющая дорога, то и дело озарялись вспышками молний. Гроза быстро надвигалась, подступая ближе и ближе.

Машина застряла поперек дороги, задние колеса в кювете, кузов всего на дюйм-другой приподнят над полотном. Я залез на сиденье, выключил свет и нажал на стартер. Но когда сделал попытку тронуться, машина не шелохнулась. Задние колеса прокручивались с воем, потоки грязи пополам с мелкими камешками барабанили изнутри по крыльям. Я попытался подать немного назад, чтобы тронуться с разгона, — колеса продолжали вертеться вхолостую. И дураку было ясно, что завяз я прочно.

Я заглушил мотор и вылез, постоял немного, вылавливая в паузах между раскатами грома хоть какой-нибудь звук, намекающий на большого зверя, который притаился во тьме. Я не расслышал ровным счетом ничего.

Тогда я пошел пешком, по правде говоря, не слишком смело — да что там, по-прежнему перепуганный до смерти, готовый сорваться и бежать сломя голову при малейшем шевелении в темноте, при малейшем шорохе.

Впереди была ферма, та, что я заметил раньше. Свет все так же лился из единственного окошка, остальная часть дома тонула в потемках. Яркой синей вспышкой полыхнула молния, и я понял, что это не дом, а домик, крохотная развалюха, прижатая к земле, с перекошенной под ветром, дико накренившейся трубой. Выше домика на склоне расположился ветхий амбар, навалившийся по-пьяному на одинокую копну сена, а за амбаром — навес для скота на отесанных столбах. При свете молнии он показался странным сооружением из белых отполированных костей. Позади домика высилась исполинская поленница, а рядом с ней — допотопный автомобиль, рыдван, опирающийся задом не на колеса, а на доску поперек козел.

Единственной вспышки оказалось довольно, чтобы я признал этот домик. Не этот конкретный домик, конечно, но тип жилища, к какому он принадлежал. Когда я мальчишкой бегал по окрестностям Пайлот Ноба, я видел таких немало — нищенские наделы (трудновато было назвать их фермами), где семьи, утратившие всякую надежду на лучшее, надрывались год за годом, лишь бы сохранить на плечах какую-то одежонку, а на столе — еду. Такие наделы были в этих краях двадцать лет назад и вот сохранились

до сих пор, а значит, тут ничего не изменилось. Что бы ни происходило во внешнем мире, здешние люди, теперь я убедился, жили так же или почти так же, как повелось от века.

Путь озарили новые вспышки, с их помощью я вскарабкался по тропке к освещенному окошку и наконец добрался до дверей. Поднялся по шатким ступенькам на крыльцо, постучал.

Даже и ждать не пришлось. Дверь отворилась почти мгновенно. словно обитатели поджидали меня, словно предвидели встречу.

Тот, кто открыл мне, был плотен и седоват. На голове у него была шляпа, а в зубах трубка. Зубы, сжимавшие трубку, изрядно пожелтели, а глаза, выглядывавшие из-под большой черной шляпы, из-под ее нависших полей, прежде были голубыми, да вылиняли.

— Ну входи, входи, — бросил он. — Не пялься без толку. А то гроза грянет, шкуру промочишь.

Я переступил порог, а он притворил дверь. Я оказался на кухне. Дородная тетка — голова крупная, тело еще крупнее, одета в бесформенное платье-балахон, а волосы повязаны тряпкой — стояла у плиты, где пылали дрова, и готовила ужин. Колченогий стол был готов к трапезе, то есть накрыт клеенкой, а на середину выставлен керосиновый фонарь.

— Извините, что беспокою вас, — вымолвил я, — но моя машина завязла на дороге, не сдвинешь. И кроме того, я, наверное, заблудился...

— Дороги тут путаные, — ответил мужчина. — Для тех, понятно, кто не привык. Иная вьется, вьется, а потом, глядишь, никуда и не приведет. А ты куда путь держишь, незнакомец?

— В Пайлот Ноб.

Он глубокомысленно кивнул.

— Выходит, ты не туда заехал. Тут, немного ниже, надо было в другую сторону поворачивать.

— Мне подумалось, — сказал я, — не согласитесь ли вы запрячь лошадь и вытянуть мою машину обратно на дорогу? Ее занесло, задние колеса попали в кювет. Я более чем охотно заплачу вам за ваши хлопоты...

— Слышь, незнакомец, присядь-ка, — перебил он, вытаскивая стул из-под стола. — Мы как раз собирались поесть, еды хватит на троих. Окажи милость составить нам компанию.

— А как же машина? Я, признаться, спешу...

Он качнул головой.

— Ничего не выйдет. Сегодня, по крайней мере. Лошадей-то нет на конюшне, пасутся где-то, может, наверху на холмах. Не сумеешь ты заплатить мне столько, и никто не сумеет, чтобы я потопал их искать, когда вот-вот хлынет дождь и вокруг полно гремучих змей.

— Но гремучие змеи, — возразил я глуповато и невпопад, — по ночам не выползают...

— Вот что я тебе скажу, сынок, — заявил он. — Про гремучих змей никто ничего наверняка не знает.

— Извините, я не представился, — сказал я. — Меня зовут Хортон Смит.

Мне, по правде говоря, надоело, что он обращается ко мне «незнакомец» или «сынок». Но женщина вдруг отпрянула от плиты, впрочем, не выпуская огромной вилки из рук, и обернулась.

— Смит! — воскликнула она радостно. — Но ведь наша фамилия тоже Смит! Мы случайно не родственники?

— Да нет, мать, — откликнулся мужчина. — Смитов на свете пруд пруди. Если чья-то фамилия Смит, то вовсе не обязательно, что он нам родня. Но, — добавил он, — сдается мне, что с однофамильцем не грех и выпить по маленькой.

Пошарив под столом, он вытащил объемистую банку. И достал с полки над головой пару стаканов.

— По виду ты вроде горожанин, — изрек он, — хотя доводилось слышать, что среди вас тоже есть не дураки выпить. Не скажу, что эту штуку можно назвать первосортным пойлом, но гнали ее из кукурузы без всяких примесей, и уж точно, что ты не отравишься. Только не глотай сразу помногу, а то дух перехватит. Зато после третьего-четвертого глотка можешь больше не трусить, потому как приспособишься. Кто бы что ни говорил, а в такую ночь нет ничего приятнее, чем присосаться к банке с самогоном. Я добыл эту у старого Джо Хопкинса. Джо гонит пойло у себя на острове, там, на реке... — Он уже приподнял банку в намерении разлить содержимое по стаканам, как вдруг на лице его мелькнул испуг и он смерил меня пронизательным взглядом: — Слышь, а ты часом не из налоговых инспекторов?

— Нет, — заверил я его, — не из налоговых.

Он вернулся к прерванному занятию и наполнил стаканы.

— С ними ничего наперед не знаешь. Подкрадутся исподтишка, и не раскусишь. В прежние времена их было видать за мило, а теперь наловчились. Могут переодеться и выдать себя за кого угодно. — Он подпихнул один стакан по столу в мою сторону. — Мистер Смит, мне жаль, что я не могу услужить тебе. По крайней мере, сейчас не могу. Не сегодня, когда вот-вот начнется гроза. А утром я с полным удовольствием запрягу конягу и выручу твою телегу из беды.

— Но она торчит поперек дороги и мешает движению.

— Мистер, — подала голос женщина от плиты, — пусть это вас не тревожит. Эта дорога никуда не ведет. Перевалит за холм, дойдет до заброшенного дома и исчезнет.

— Говорят, — вставил мужчина, — там в доме водятся привидения.

— Может, у вас есть телефон? Я бы мог позвонить...

— Нет у нас телефона, — отозвалась женщина.

— Никогда не мог понять, — заявил мужчина, — на что людям телефон. Все время брякает. Кто-то звонит просто от нечего делать. А человеку не остается ни одной спокойной минуты.

— Телефоны денег стоят, — заметила женщина.

— Я мог бы спуститься по дороге пешком, — не унимался я. — Там ниже есть еще одна ферма. Может, у них...

Хозяин ожесточенно затряс головой.

— Давай бери стакан и отхлебни чуток. И не думай пройтись по этой дороге пешком, если дорожишь жизнью. Не в моих привычках говорить о соседях дурно, но никому не дозволено держать свору таких свирепых псов. Конечно, они стерегут дом и отгоняют лисиц, но жизнь человека не стоит ни гроша, если он напорется на них в темноте...

Я поднял стакан и пригубил спиртное. Оно было дрянь дрянью, но внутри будто зажегся маленький костерок.

— Никуда вам неохота идти, — заметила хозяйка в мой адрес. — Дождь начинается...

Я отхлебнул еще глоток — вкус самогона определенно улучшился. Он был вдвое слаще, чем в первый раз, и костер разгорелся сильнее.

— Устраивайтесь поудобнее, мистер Смит, — сказала хозяйка. — Я собираюсь подавать на стол. Отец, дай-ка ему тарелку и чашку.

— Но я же...

— Ерунда, — перебил хозяин, — ты ведь не откажешься с нами поужинать, не правда ли? Старуха сготовила похлебку из свиной грудинки с зеленью, и на пробу похлебка была хороша. Никто на свете не варит такую похлебку лучше. Я тут сидел и пускал слюнки, поджидая, покуда она поспеет... — Он взглянул на меня пристально и задумчиво. — Держу пари, тебе вовек не доводилось пробовать настоящей свиной грудинки. Это не городская еда.

— Ошибаетесь, — ответил я. — Доводилось, только много лет назад.

Скажу по совести, я был голоден, и свиная грудинка представлялась мне чудом из чудес.

— Давай, — сказал хозяин, — приканчивай свой стакан. Тебя проберет до пяток.

Я прикончил самогон, а он полез на полку, достал оттуда тарелку и чашку, а из ящика — вилку, ножик и ложку, и очистил мне место за столом. Женщина подала еду, водрузив кастрюлю в центре стола.

— Ну вот, мистер, — сказала она, — пододвиньте стул поближе к тарелке. А ты, отец, вынь-ка трубку изо рта. — И поясни-

ла для меня: — Довольно и того, что он никогда не снимает шляпу, даже спит в ней, но я не перевариваю, когда он сидит за столом и норовит засунуть вилку в рот, не разжимая зубов, чтоб не выпустить трубку. — Она уселась на свое место и вновь обратилась ко мне: — Действуйте, лезьте в кастрюлю и накладывайте, сколько хотите. Это не ресторан, но у нас чисто и еды вдосталь, и надеюсь, вам придется по вкусу...

Еда оказалась очень вкусной и сытной, и ее действительно было вдосталь — словно, подумалось мне, они заранее предвидели, что к ужину пожалует кто-то третий.

В разгар ужина начался дождь. Он перешел в ливень, плотные его полосы хлестали по шаткому домику с таким шумом, что приходилось повышать голос, лишь бы расслышать друг друга.

— Ничего нет лучше свиной грудинки, — заявил хозяин, как только скорость, с какой он поглощал еду, начала снижаться, — ну может, кроме опоссума. Возьмешь опоссума, сготовишь его с молодой картошкой — и уж поверь, лезет в глотку ну как по маслу. Мы, бывало, частенько его готовили, да вот уж не упомяну, когда в последний раз. Чтоб добыть опоссума, нужен пес, а как наш Пастор состарился и издох, у меня не хватило духу завести другую собаку. Честно, я любил эту псину и хотел было заменить его, да не смог.

Хозяйка смахнула слезу.

— Он был самый лучший пес из всех, какие у нас жили, — сказала она. — Прямо член семьи. Спал под плитой, там иной раз такая жара, что у него вроде шкура дымилась, а ему хоть бы хны. Наверно, ему нравилось, когда жарко. Может, кому подумается, что Пастор — странная кличка для собаки, но он же был в точности как пастор. И вел себя как пастор, всегда серьезный, а то вроде печальный, но с достоинством...

— Ну это пока не учует опоссума, — вставил хозяин. — А как учует, просто сходит с ума от ярости.

— Не подумайте, что мы какие-нибудь безбожники, — добавила женщина. — Но вот не было для него другой клички, хоть плачь. Он выглядел как пастор, вот и все.

Мы покончили с едой, и хозяин, снова засунув трубку в рот, опять потянулся за банкой.

— Спасибо, — сказал я, — больше не буду. Мне надо идти. Если вы разрешите взять пару поленьев из поленницы, я попробую подсунуть их под колеса...

— Не советую, — заявил хозяин. — В такую бурю никак не советую. Да это же скандал, за это в тюрьму сажать надо, если я соглашусь выпустить тебя в такую погоду. Ты останешься здесь, в тепле и уюте, мы с тобой маленечко выпьем, а уж поутру затеешь что пожелаешь со свежими силами. Правда, у нас нет второй кровати, но ты можешь прилечь на кушетке. Устроишься как сле-

дует, заснешь за милую душу. А утром спозаранку лошади заявятся домой, мы их запрежем и вытянем твою машину из канавы...

— Даже не предлагайте, — запротестовал я. — Я и так причинил вам столько беспокойства...

— Это ведь прямо счастье, что ты заглянул к нам, — ответил он. — Новый человек, с кем можно потолковать, такое выпадает не часто. Мы с матерью по вечерам сидим и глядим друг на друга. Молча сидим. Мы уже столько лет говорим друг с другом, что давно выговорились. — Он наполнил мой стакан и вновь подпихнул его ко мне через стол. — Бери смелее и будь благодарен судьбе, что в такую ночь у тебя есть крыша над головой. И не желаю я больше даже слышать о том, что ты уйдешь отсюда раньше утра.

Я поднял стакан и сделал добрый долгий глоток, и должен признать, что идея не выходить наружу в грозовую ночь приобрела известную привлекательность.

— В конце-то концов, — продолжал хозяин, — если у меня не осталось пса и я не могу поохотиться на опоссума, в этом тоже есть свое преимущество. Мне точно не хватает старины Пастора. Но когда нет собаки, у человека остается больше времени посидеть. Ты еще молод и неспособен это понять, но это же самое ценное время в жизни. Сидишь и думаешь, сидишь и мечтаешь и становишься лучше, чем был. Большинство подонков, что попадают нынче на каждом шагу, стали такими оттого, что у них не находилось времени посидеть. Они все торопятся, все бегут и воображают, что бегут к какой-то цели, а на самом деле бегут от самих себя.

— По-моему, это правда, — откликнулся я, имея в виду себя самого. — По-моему, это самая настоящая правда.

Я хлебнул самогона, и это было так замечательно, что я хлебнул еще.

— Эй, парень, — обратился ко мне хозяин, — ну-ка тяни сюда свой стакан. А то, гляжу, у тебя там почти ничего не осталось.

Я подчинился. Банка булькнула, и стакан был опять полнехонек.

— Вот мы сидим, — разглагольствовал он, — устроились, как клопы за печкой, и ни черта нет у нас никаких дел, кроме как сидеть и пить помаленьку и болтать по-дружески, и наплевать нам, сколько времени прошло и который час. Время, — добавил он поучительно, — наш лучший друг, если мы умеем им распорядиться, и наш худший враг, если мы позволяем ему распоряжаться нами. Большинство из тех, кто живет по часам, несчастные существа. Если живешь по солнцу, тогда другое дело.

Я понимал, что тут что-то неладно. Я чувствовал привкус какой-то неладности. Словно я был знаком с этой парой когда-то раньше, словно встречал их где-то годы назад и вот-вот непре-

менно вспомню снова, вспомню, кто они, что за люди и где мы познакомились. Но как я ни шарил в памяти, она не подчинялась, воспоминание ускользало.

А хозяин говорил и говорил, и я понял, что слушаю его в полслуха. Помню, что он толковал про охоту на енотов, и про то, на какую наживку брать сома-усача, и еще много о чем. Все это было очень мило, но я, без сомнения, упустил много подробностей.

Я прикончил стакан и без приглашения протянул его хозяину, чтобы наполнить по новой, и хозяин наполнил, и все шло так хорошо и славно — огонь ворчал в печи, часы на полке у дверей, что вели в кладовку, тикали громко и общительно, и комната замкнулась в себе. Утром жизнь возьмет свое, я найду пропавшую развилку и продолжу путь в Пайлот Ноб. А пока что, втолковывал я себе, мне выпало время досуга, время отдыха, — можно просто сидеть, и пусть часы тикают себе на здоровье, и можно ни о чем не думать или, по меньшей мере, ни о чем особенно не задумываться. От выпитого самогона меня порядком развезло, и я понимал, что развезло, но не имел ничего против. Я по-прежнему сидел и слушал не вслушиваясь, и думать не думал о завтрашнем дне.

— Между прочим, — спросил я, — а как в этом году динозавры, не досаждают?

— Да бродит тут несколько, — ответил он беззаботно, — только, сдается мне, помельче они пошли нынче, не то что прежде...

И как ни в чем не бывало завел байку о том, как срубил дерево, где было дупло с пчелами, а потом стал вспоминать год, когда кролики нажрались ядовитого астрагала и сделались такими задиристыми, что, сбившись стаями, гоняли медведя гризли по всей округе и чуть не затравили его. Но это, наверное, случилось где-нибудь в другом месте, потому что в этих краях, мне было точно известно, астрагал не рос, да и гризли никогда не водились.

Последнее, что я помню, — как устраивался на кушетке в другой комнате, а хозяин стоял подле меня с фонарем. Я снял пиджак и повесил на спинку стула, стащил ботинки и, старательно выровняв, поставил рядышком на полу. Затем распустил галстук и растянулся на кушетке, и, как хозяин и обещал, мне стало очень удобно.

— Ты хорошо выспишься, — заверил он. — Барни, когда гостил у нас, всегда ночевал здесь. Барни здесь, а Спарки на кухне...

И внезапно, как только эти два имени донеслись до меня, я вспомнил! Я предпринял отчаянную попытку приподняться, и мне это почти удалось.

— Знаю! — закричал я. — Теперь я знаю, кто ты! Ты Куряка Смит из того же комикса, что Пучеглаз Барни, и Затычка Спарки, и Веселая Веснушка, и вся ваша компания!..

Я хотел сказать еще что-то и не сумел, да, в общем, это было и неважно — или не слишком важно.

Я рухнул назад на кушетку и замер в изнеможении, и Куряка ушел, забрав с собой фонарь, а по крыше над моей головой без умолку стучал дождь.

Я заснул под стук дождя...

И проснулся среди гремучих змей.

2

Меня спас страх — животный, мертвящий страх, погрузивший тело в оцепенение на несколько секунд, которых как раз хватило, чтобы разум осознал ситуацию и принял решение.

Надо мной, нацелившись мне точно в лицо, вздымалась безобразная смертоносная голова. Ничтожная доля секунды, столь быстротечная, что лишь самая скоростная камера могла бы ее запечатлеть, — и выпад! Жуткие изогнутые клыки уже подняты наготове.

Шевельнись я, и они бы вонзились в меня.

Но я не шевелился, потому что не мог шевельнуться, потому что страх, вместо того чтобы толкнуть меня к мгновенному непроизвольному действию, обратил тело в камень, в ледяную статую, завязал мускулы тугим узлом, сковал сухожилия, покрыл руки и спину гусиной кожей.

Нависшая надо мной голова казалась вырезанной из кости, вырезанной небрежно и грубо, глазки сверкали тусклым блеском свежесколотого камня, еще не знавшего полировки, а в промежутке между глазками и ноздрями были ямки, которые, говорят, служат датчиками радиации. Раздвоенный язык выстреливал и исчезал, напоминая, пожалуй, игру молний в небе, пробуя мир на вкус и на ощупь, снабжая крохотный мозг, спрятанный в глубине черепа, первичными фактами: что это за существо, на котором я, змея, очутилась неожиданно для себя? Змеиное тело было мутно-желтым с более темными полосами, переходящими в косые ромбовидные узоры. И змея была большой, — может, и не такой большой, как померещилось в первый момент страха, когда я заглянул ей в глаза, — но достаточно большой, чтобы чувствовать ее вес на груди.

Crotalus horridus — гремучая змея!

Она знала, что я тут. Зрение, может быть, и слабенькое, все же поставляло ей какую-то информацию. Раздвоенный язык — тем более. А эти радиационные ямки, возможно, измеряли темпера-

туру моего тела. Она была в смутном замешательстве — настолько, насколько пресмыкающиеся способны на замешательство. Она была в неуверенности и нерешительности. Друг или враг? Слишком велик для того, чтобы стать пищей, но вполне может обернуться угрозой. И я знал наверняка, что при малейшем признаке угрозы она ужалит.

Мое тело вышло из повиновения, страх сковал его, но сквозь пелену страха пробилась мысль, что еще мгновение, и скованность пройдет — я попробую удрать, попробую в безнадежном броске переместиться так, чтоб эта тварь меня не достала. Однако мой мозг, пусть и затуманенный страхом, работал с холодной логикой отчаяния и приказывал мне не двигаться, оставаться оцепенелой колодой как можно дольше. В этом был мой единственный шанс на спасение. Любое движение может быть истолковано как угроза, и змея решит защищаться.

Я смежил веки, смежил медленно-медленно, чтобы даже не моргать больше, и погрузился во тьму, а в горле вставал жгучий желчный комок, и паника сводила желудок.

«Не двигайся, — повторял я себе. — Не шелохнись, не шевельни пальцем и не вздумай дрожать...»

Труднее всего оказалось держать глаза закрытыми, но надо, надо! Даже такая мелочь, как внезапное движение век, может заставить змею ужалить.

Тело мое кричало криком — каждый мускул, каждый нерв, каждый пупырышек на коже требовали, чтоб я удирал. Но я приказывал телу лежать — та часть меня, что была рассудком, разумом, сознанием. Откуда-то просочилась непрошенная мыслишка, что никогда за всю мою жизнь разум и тело не вступали в такой явный конфликт друг с другом.

Мурашки терзали кожу, словно по ней топотали миллионы грязных ног. Кишечник бунтовал, его крутило и переворачивало. Сердце колотилось так, что я, казалось, вот-вот распухну и лопну или просто задохнусь от кровяного давления.

А на грудь по-прежнему давил вес.

Я пытался угадать, как змея ведет себя, по характеру этого веса. Изменила ли она позу? Не стряслось ли чего-нибудь, что могло бы склонить змеиные мозги к агрессии? А вдруг она как раз сию секунду тянется вверх, изгибаясь буквой S, что всегда предшествует атаке? Или, наоборот, опускает голову и готовится уползти, удостоверившись, что я не представляю собой угрозы?

Если бы я мог открыть глаза и узнать все наверняка! Поистине это была задача, непосильная для живой плоти, — знать об опасности, осознавать опасность и не видеть ее, напряжением воли заставляя себя не видеть.

Но я держал веки смеженными — не зажмуренными, не плотно сжатыми, а именно смеженными самым естественным обра-

зом, какого только мог добиться: откуда мне было знать, а вдруг даже шевеление лицевых мускулов, нужное для того, чтоб зажмуриться, встревожит змею?

Я даже дышать старался как можно легче: ведь дыхание — тоже движение. Хотя, с другой стороны, я убеждал себя, что за это время змея должна бы уже привыкнуть к ритму дыхания.

И вот змея зашевелилась.

Тело мое тут же напряглось против воли — но, раз уж напряглось, я так и оставил его напряженным. Змея сползла вниз по груди, по животу, — казалось, движение будет длиться до бесконечности... — но конец наступил, змея проползла, и ее не стало.

Ну! — вскричало тело, — ну же, пора удирать! Но я вновь удержал тело в повиновении и медленно открыл глаза, так медленно, что зрение возвращалось постепенно, мало-помалу, сперва туманные контуры сквозь ресницы, потом контуры чуть пояснее сквозь узкие щелочки и, наконец, зрение в полном объеме.

Когда глаза мои открылись в первый раз, я не рассмотрел ничего, кроме безобразной сплющенной змеиной головы, нацеленной мне в лицо. Теперь я увидел футах в четырех над собой скальный свод, снижающийся справа налево. И одновременно ощутил промозглый запах пещеры.

Я лежал вовсе не на кушетке, где засыпал под стук дождя по крыше. Подо мной была такая же, как свод, скальная плита — дно пещеры. Чуть скосив глаза, я разглядел, что пещера неглубока, что она, по сути, всего-навсего горизонтальная расщелина, выбитая непогодой в известняке.

Змеиное логово! — понял я. Та змея — не единственная здесь, тут их может быть сколько угодно. А значит, я должен по-прежнему лежать тихо, по крайней мере пока не приду к убеждению, что рядом больше змей нет.

Утреннее солнце пробивалось в расщелину сбоку, касаясь правой стороны моего тела и чуть пригревая ее. Я глянул в том направлении и обнаружил, что от самого подножия холма к пещерке ведет неширокая ложбина. И там, внизу, где она кончается, видна дорога, по которой я ехал вчера, и поперек дороги торчит, накренившись, машина. Моя машина. А вот домика, что стоял здесь накануне, нет и в помине. Ни амбара, ни навеса для скота, ни поленницы. И вообще ничего. Между дорогой и тем местом, где я лежу недвижим, — склон холма, пастбище, запятнанное кое-где густым кустарником, зарослями ежевики и отдельными деревцами.

Можно бы заподозрить, что это совсем другое место, если бы не моя собственная машина там, на дороге. Но раз машина торчит на дороге как торчала, значит, место то самое, только с ним, а за-

одно и с домиком, что-то случилось. И уж тут впору было рехнуться — такого просто не бывает. Дома и стога, навесы для скота и поленницы не пропадают ни с того ни с сего. Рыдваны с задом, подпертым доской, не пропадают тоже.

В глубине расщелины слышался какой-то шелест, сухой треск, и нечто быстрое и жесткое, скользнув по моим коленям, скрылось в хрустнувшей куче прошлогодних листьев: высохшие за зиму, они скопились на склоне у порога пещерки.

Тело мое взбунтовалось. Слишком долго его продержали в страхе. Им руководил инстинкт, которому разум не мог больше противостоять: рассудок еще протестовал вовсю, а я уже пружиной вылетел из пещерки и поднялся на ноги ни жив ни мертв. Передо мной, чуть правее, вниз по склону стремительно ускользала змея. Достигнув зарослей ежевики, она юркнула в них и уже не выдавала себя ни малейшим шорохом.

Все застыло недвижно и беззвучно, и я замер на склоне, напряженно поджидая хоть какого-нибудь движения, какого-нибудь звука. Осмотрел почву вокруг, затем повторил осмотр медленнее и основательнее. Едва ли не первым, что я увидел, был мой собственный пиджак, лежащий на земле, но не кое-как, а словно бы я бережно опустил его — словно бы, подумал я с ужасом, у меня было намерение повесить его на спинку стула, да только стула не оказалось. А на шаг-другой выше стояли мои ботинки, аккуратно, рядышком, пятками к вершине холма. И только увидев эти ботинки, я понял, что стою в одних носках.

Змей видно не было, хотя в глубине пещерки что-то ворочалось, но там была темень — не разглядеть. Какая-то птичка спустилась из поднебесья и устроилась на сухом старом пне, посверкивая на меня глазками-бусинками, а откуда-то издали, из долины, донеслось звяканье коровьего колокольчика.

Я осторожно подступил к пиджаку и потрогал его ногой. Ни под ним, ни в нем как будто не было ничего постороннего, и я рискнул наклониться, поднять его и встряхнуть. Потом подобрал ботинки, но надевать не стал — это значило бы задержаться, — а начал отступать по склону вниз, вниз, подавляя в себе яростное желание броситься бегом, скатиться с холма кубарем, лишь бы покончить с наваждением и прорваться к машине. Но нет, я переступал еле-еле, осматривая каждый фут в поисках змей. Склон наверняка кишмя кишит ими: одна была у меня на груди, вторая скользнула по коленям, третья шуршала в глубине пещерки, и Бог знает, сколько их тут еще.

Однако больше змей я не встретил. Зато наступил правой ногой на чертополох и до конца пути вынужден был идти на цыпочках, чтобы колючки, вцепившиеся в носок, не жалили еще больнее. Но змей не было, — по крайней мере, они не показывались.

«А может, — мелькнула мысль, — змеи испугались меня не меньше, чем я их?..» Ну нет, они-то не испугались. Я наконец заметил, что весь дрожу, даже зубы стучат. У подножия холма, подле самой дороги, я бессильно опустился на травку, подальше от зарослей и валунов, где могли бы таиться змеи, и выковырял колючки. Потом попытался надеть ботинки, но руки тряслись и не слушались, и только тут до меня дошло, как я был перепуган, но едва я постиг глубину своего страха, как испугался еще сильнее.

Желудок поднялся к горлу и ударил меня в лицо, но сил хватило лишь на то, чтобы перекатиться на бок. Меня вырвало, и спазмы продолжались еще долго после того, как в желудке совсем ничего не осталось.

И все-таки мне полегчало, и в конце концов я отер подбородок, ухитрился надеть ботинки и даже завязать шнурки, а потом доковылял до машины и прислонился к ней, чуть не обнял ее от счастья. И, обнимаясь с уродливой кучей железа, я понял, что машина отнюдь не застряла. Канава была куда мельче, чем я вообразил накануне.

Я залез в машину и протиснулся за баранку. Ключи обнаружили у меня в кармане, мотор завелся без промедления. Машина тронулась как ни в чем не бывало, и я поехал вниз по дороге — в направлении, обратном вчерашнему.

Было раннее утро, солнце взошло, вероятно, не более часа назад. Паутина, заткавшая придорожную траву, еще блестела от росы, а в небе кружились жаворонки, роняя на землю обрывки своих звонких песен.

Я одолел поворот — и увидел исчезнувший дом! Стоит себе невдалеке от дороги со своей безумно наклоненной трубой и с поленницей позади, и с рыдваном возле поленницы, и с амбаром, привалившимся к копне сена. Все как вчера вечером, все как запало в память при вспышке молнии.

Увидеть все это вновь было для меня ударом, и разум заработал с бешеной скоростью, пытаясь хоть как-то свести концы с концами. Прежде всего я явно ошибся, решив, что, раз машина осталась на дороге, значит, дом исчез. Потому что вот он, дом, в точности такой, как несколько часов назад. Логика требовала предположить, что дом стоит, как стоял всегда, а машину могли и передвинуть, да и меня перенесли на добрую милю вверх по дороге.

В таком предположении тоже не было смысла, более того, оно казалось неосуществимым. Машина вчера накрепко завязла в кювете. Я же пытался тронуться, колеса крутились, а она ни с места. Может, я и напился допьяна, но все равно не мог представить себе, чтобы меня волокли целую милю и затащили в змеиное логово и чтобы я этого вообще не заметил.

Все это было полным бредом — нападающий трицератопс, испарившийся прежде, чем атака завершилась, машина, застрявшая в кювете, Куряка Смит со своей женой Лаузи и даже кукурузное пойло, которое мы с ним глотали, сидя за кухонным столом. Ведь я не ощущал похмелья — я бы почти обрадовался ему, потому что тогда можно бы списать любые невероятные события на то обстоятельство, что я напился до чертиков. Ну не может человек выпить столько дрянного самогона, сколько я припоминал, что выпил, и не ощущать никаких последствий. Разумеется, меня вырвало, но слишком поздно для того, чтоб это могло повлиять на мое самочувствие. К тому времени вся гадость, что была растворена в самогоне, должна бы добралась до каждой клеточки тела.

И тем не менее передо мной красовался, по-видимому, тот самый дом, где я искал приюта вчера вечером. Конечно, я видел его тогда при неверном свете молний, но и сегодня все здесь было так, как запомнилось.

Но при чем тут трицератопс — недоумевал я — и зачем гремучие змеи?.. Динозавр, вероятно, не представлял собой особой опасности (возможно даже, что он мне пригрезился, хоть я по-прежнему не склонен был верить в это), но уж гремучие змеи были самыми настоящими. Они были частью жуткой схемы преднамеренного убийства, а кому на свете могло понадобиться убить меня? И даже если кому-то понадобилось, по неведомым мне причинам, то уж, конечно же, он предпочел бы более простые, не столь замысловатые способы добиться своего.

Я пялился на этот дом так неотрывно, что чуть не слетел с дороги, но в последний момент все-таки успел вывернуть руль и совладать с машиной.

Взять хотя бы то, что вечером вокруг дома не было никаких признаков жизни, а сейчас они появились. Со двора вылетела свора сердитых псов и устремилась к дороге, гавкая на машину. Ей-ей, никогда в жизни я не видывал такого множества собак, тем более таких поджарых и тощих: даже на расстоянии нетрудно было различить выпирающие из-под шкур ребра. В большинстве своем это были охотничьи собаки с висячими и худосочными хвостами-хлыстиками. Одни с лаем устремились к воротам и протискивались на дорогу в намерении прогнать меня, другие поленились добираться до ворот, а просто перемахнули через забор одним высоким прыжком.

В доме распахнулась дверь, на крыльцо вышел мужчина и заорал на собак. Услышав оклик, вся свора враз притормозила, застыла, а затем стала пятиться назад к дому, точь-в-точь как мальчишки, застигнутые на арбузной делянке. Этим псам было отлично известно, что их держат не за тем, чтоб охотиться на проезжающие машины.

Однако я уже не обращал большого внимания на собак, а во все глаза смотрел на того, кто вышел и окликнул их. Когда он вышел, я, в сущности, не сомневался, что это Куряка Смит. Сам не понимаю, почему, — вероятно, мне просто нужна была зацепка, чтобы хоть сколько-нибудь логично объяснить происшедшее. Только это оказался не Куряка Смит. Мужчина был заметно выше, чем Куряка, и не носил шляпы, и у него не было трубки. Тогда я сообразил, что мужчина никак не мог оказаться Курякой — ведь у того вечером не было ни одной собаки. Это был сосед, о котором Куряка предупреждал меня, сосед со сворой свирепых псов. Не вздумай пройти по этой дороге пешком, предупреждал Куряка, если дорожишь жизнью...

А мне чуть не стоило жизни то, что я предпочел остаться с Курякой и сидеть с ним за кухонным столом, распивая самогон.

Но неужто я мог хоть на миг поверить, что вечером действительно гостил у Куряки Смита! Такой человек никогда не существовал, не мог существовать. Он и его туповатая женушка были сумасбродными персонажами, выдуманными для комиксов. Но сколько бы я ни твердил себе это, у меня ничего не получалось, объяснение не клеилось.

Не считая собак и мужчины, вышедшего на двор, чтобы наорать на них, дом оставался точной копией того, что облюбовал Куряка. И эта схожесть была вообще за пределами понимания.

И вдруг я заметил нечто отличное от вечернего воспоминания и мгновенно почувствовал себя куда лучше, куда дальше от помешательства, хотя это был совершенный пустык, который, казалось бы, не должен влиять на настроение. Да, у поленницы стоял рыдван, но зад рыдвана не был поднят на доску поперек козел. Рыдван опирался на все четыре колеса. Правда, козлы и доска оставались рядом, прислоненные к поленнице, будто рыдван недавно чинили, но теперь привели в порядок и подпорки можно отставить.

Я уже почти проехал мимо, и вновь машина едва не слетела в кювет, и вновь я выправил ее в последний момент. Вывернувшись, я окинул дом прощальным взглядом и заметил, что у ворот на стойке висит почтовый ящик.

Грубыми печатными буквами, дрянной малярной кистью, с которой капала краска, на ящичке было выведено имя:

Т.УИЛЬЯМС¹.

---

¹ Выбор имени, по-видимому, не случаен: его можно воспринять как намек на знаменитого американского драматурга Теннесси (настоящее имя — Томас) Уильямса, излюбленные мотивы которого — неспособность людей понять друг друга, противостояние личности враждебному окружению. — Здесь и далее примечания переводчика.

Джордж Дункан постарел, но я все равно узнал его в ту же минуту, как вошел в лавку. Он был теперь седой и по-стариковски изможденный, он нетвердо стоял на ногах — и все-таки это был Дункан, тот самый, кто совал мне бесплатно пакетик мятных леденцов, покуда отец покупал что-нибудь из круп или, допустим, мешок отрубей, который приходилось тащить волоком из задней комнаты, где хранился корм для скота.

Джордж стоял за прилавком и разговаривал с какой-то женщиной. Голос у него был надтреснутый, но слова звучали отчетливо.

— Да они, дети этого Уильямса, всегда были шальные, — дребезжал он. — С самого того дня, как они приперлись сюда, от Тома Уильямса и его семейки здесь не видывали ничего, кроме горя. Говорю вам, мисс Адамс, они неисправимы, и будь я на вашем месте, я бы, конечно, учил их на совесть, но уж если набезобразничали, не давал бы им спуска, вот и вся премудрость...

— Но, мистер Дункан, — отвечала женщина, — они вовсе не такие плохие. Конечно, им не дали должного семейного воспитания, и манеры у них отвратительные, но по натуре они не злобные. На них давят нужда и лишения, вы и представить себе не можете, какие лишения на них давят...

Он ухмыльнулся, показав корявые зубы, и ухмылка вышла мрачной, а отнюдь не добродушной.

— Да знаю, знаю! Вы говорили мне это всякий раз, как они влипали в какую-нибудь историю. Они, мол, отверженные. Сдается мне, вы говорили именно так.

— Совершенно верно, — подтвердила она. — Отверженные в ребячьей среде, отверженные в городке. У них отобрали чувство собственного достоинства. Держу пари, когда они заходят к вам в лавку, вы же с них глаз не спускаете...

— Точно, не спускаю. А то они обчистят меня до нитки.

— С чего вы взяли?

— Ловил их с поличным.

— Это от обиды. Они просто мстят.

— Мне им мстить не за что. Я не делал им ничего дурного.

— Может, в одиночку, как мистер Дункан, и не делали. Не делали лично. Но делали и делаете вместе с остальными. Ребята чувствуют, что все вокруг настроены против них. Они знают, что никому не милы. В этой общине им просто нет места, и не потому, что они что-то там натворили, а потому, что здесь решили, раз и навсегда, считать семью Уильямсов никчемной. Вы ведь, по-моему, сами недавно так и сказали — никчемная семейка?..

Лавка, насколько я мог судить, почти не изменилась. На полках появились какие-то новые товары, а каких-то бывших товаров не хватало, но сами полки остались прежними. Старенький круглый стеклянный жбан, где когда-то держали круги сыра, исчез, зато древний резак, которым пользовались, чтобы разделить плитку жевательного табака на квадратики, был все так же привинчен к дальнему концу прилавка. В углу теперь расположился холодильник для молочных продуктов (что, наверное, и объясняло исчезновение сырного жбана), но это была единственная существенная перемена во всей лавке. Центр ее по-прежнему занимала пузатая печка на подушке из песка, а вокруг по-прежнему стояли стулья с поцарапанными спинками и сиденьями, вытертыми до блеска. Ближе к входной двери располагалась все та же вереница почтовых ящиков и окошечко, где продавались марки, а открытая дверь поодаль вела в заднюю комнату, откуда шел, как встарь, резкий запах кормов — груды джутовых и бумажных мешков поднимались там чуть не до потолка.

Ну словно я заходил сюда только вчера, подумалось мне. А наутро зашел опять и вот слегка удивлен тем, что за ночь кое-что изменилось...

Я выглянул на улицу сквозь пыльную, засиженную мухами витрину. Там, на улице, какие-то перемены произошли, но их оказалось тоже немного. На углу напротив банка был, как мне помнилось, пустующий участок — теперь его заняла автомастерская, наспех сложенная из бетонных блоков, а перед ней бензозаправка, проще сказать, одинокий насос с облупившейся краской. Рядом в крохотном домике была парикмахерская, и она не изменилась, разве что выглядела еще обшарпаннее и требовала ремонта еще настоятельнее, чем прежде. А бок о бок с парикмахерской был магазинчик скобяных товаров, так тот, по-моему, не изменился совсем.

Разговор в лавке, по-видимому, подошел к концу, и я обернулся. Женщина, что спорила с Дунканом, уже направлялась к двери. Она была моложе, чем показалось, когда я смотрел на нее со спины. На ней был серый жакетик и юбка, угольно-черные волосы были туго зачесаны назад и завязаны узлом. Она носила очки в светлой пластмассовой оправе, а на лице у нее застыли озабоченность и гнев в странном сочетании друг с другом. Шагала она размашисто, почти по-военному, и вообще напомнила мне секретаршу какого-нибудь большого начальника — деловитую, лаконичную и не намеренную терпеть вольностей ни с чьей стороны. В дверях она задержалась и задала Дункану прощальный вопрос:

— Так вы придете сегодня к нам на вечер? Или нет?

Дункан усмехнулся своими корявыми зубами.

— Ни разу не пропускал ваших вечеров. Ни разу за много лет. С чего бы я вдруг изменил своим привычкам?

Она распахнула дверь и удалилась. Краем глаза я видел, как она вышагивает по улице, быстро и целеустремленно. Дункан выбрался из-за прилавка, прошаркал мне навстречу и осведомился:

— Чем могу служить?

— Меня зовут Хортон Смит. Я просил, чтобы...

— Постой, погоди минутку, — перебил он, всматриваясь пристальнее. — Когда на это имя начала поступать почта, я, разумеется, признал его, но сказал себе, что здесь какая-то ошибка. Я думал, может статься...

— Никакой ошибки нет, — заверил я, протягивая ему руку. — Как поживаете, мистер Дункан?

Он схватил мою руку и вцепился в нее мертвой хваткой.

— Малыш Хортон Смит, — произнес он. — Ты обычно приходишь сюда со своим папаней...

— А вы обычно давали мне пакетик леденцов.

Его глаза сверкнули из-под тяжелых бровей, и прежде чем отпустить мою руку, он потряс ее снова как мог сердечнее.

«Все будет хорошо, — сказал я себе. — Старый Пайлот Ноб еще жив, и я здесь не посторонний. Я вернулся домой...»

— И ты тот самый, — не то спросил, не то сообщил он, — кто выступает по радио, а иногда и по телевидению... — Я не стал этого отрицать, и он продолжал: — Пайлот Ноб гордится тобой. Сперва нам странновато было слушать нашего местного мальчугана по радио, сидеть с ним лицом к лицу, когда он на экране. Но понемножку мы привыкли и в большинстве стали твоими постоянными слушателями. И взяли за правило потом обсуждать твои передачи и повторять друг другу: Хортон, мол, сказал так или эдак, и твое мнение для нас стало авторитетным. Но, — внезапно спросил он, — а чего ты вернулся? То есть не пойми, что мы не рады тебе...

— Думаю пожить здесь какой-то срок, — ответил я. — Несколькими месяцами, а может, и год.

— Что, отпуск?

— Нет, не отпуск. Хочу написать кое-что. А чтобы написать, надо куда-то скрыться. Куда-то, где найдется время писать и время думать перед тем, как писать.

— Это будет книга?

— Да, надеюсь, что книга.

— Ну что ж, сдастся мне, — он потер ладонью затылок и шею, — у тебя найдется много чего написать. Может, такое, чего не скажешь в эфире. Все эти заграницы, где ты побывал. Ты же где только ни был!..

— Да, довелось кое-где побывать, — согласился я.

— А в России? Что ты думаешь о России?

— Мне понравились русские. Они показались мне во многом похожими на нас.

— Что, на американцев?

— На американцев, — подтвердил я.

— Иди сюда к печке, — предложил он, — давай посидим, потолкуем. Сегодня я, правда, не зажигал огня. По-моему, в нем нынче нет нужды. Помню, будто это было вчера, как твой папаня усаживался на один из этих стульев и беседовал с другими. Хороший он был человек, твой папаня, только я всегда говорил, что негоже ему быть фермером, это не для него. — Мы уселись, и Дункан спросил: — А он, твой папаня, живой еще?

— Живой. И он и мама, оба живы. Они в Калифорнии. Ушли на покой, живут в достатке.

— А у тебя есть где остановиться?

Я покачал головой.

— Ниже по реке открыт мотель, — сказал Дункан. — Построен всего год или два назад. Содержит его семья Стритеров, они в здешних краях новички. Дадут хорошую скидку, если задержишься у них дольше, чем на пару дней. Я поговорю с ними.

— Право, не беспокойтесь...

— Но ты же не простой постоялец. Ты наш, местный, решивший вновь пожить здесь. Они захотят познакомиться с тобой.

— А как там насчет рыбной ловли?

— Лучшее местечко на всей реке. У них есть лодки напрокат и даже каноэ, хотя никак не возьму в толк, кто и зачем станет рисковать своей головой, плавая тут на каноэ...

— Мечтал найти что-нибудь в таком духе, — признался я. — Я боялся, что таких мест уже не осталось.

— По-прежнему помешан на рыбалке?

— Мне нравится рыбачить.

— Помню, когда ты был мальчишкой, то здорово ловил голавлей.

— Голавль — хитрая добыча.

— Тут до сих пор много старожилков, кого ты вспомнишь. И все захотят повидать тебя. Почему бы тебе не заглянуть сегодня в школу на вечер? Там наверняка будет много народу. Ты только что видел в лавке учительницу, ее зовут Кэти Адамс.

— У вас все та же школа с единственной классной комнатой?

— А ты как думал? На нас давили, чтобы мы объединились с другими общинами, но когда дошло до голосования, мы эту затею провалили. В одной комнате можно учить ребятшек ничуть не хуже, чем в новой школе со всеми выкрутасами, а обходится куда дешевле. Если кто из ребят захочет продолжать в средней школе, мы вносим плату за обучение, но, по правде, немногие соглашаются уезжать учиться. Все равно выходит дешевле, чем ес-

ли объединяться с другими. Да и к чему тратиться на среднюю школу для таких недорослей, как сыночки Уильямсов...

— Извините, — сказал я, — войдя сюда в лавку, я невольно подслушал...

— Вот что, Хортон. Эта Кэти Адамс — прекрасная учительница, но больно добросердечная. Вечно заступает за младших Уильямсов, а я тебя заверяю, они просто банда головорезов. Ты, наверное, не знаешь Тома Уильямса — его занесло сюда, когда вы уже уехали. Сперва шатался по ближним фермам, подрабатывал чем придется, только толком-то он ничего не умел. Хотя, похоже, каким-то образом подкопил денег. Он был уже староват для женитьбы и все-таки спутался с дочкой Злыдня Картера. С одной из дочек Младшего Злыдня, с Амелией. Ты помнишь Злыдня?

Я опять покачал головой.

— У него был братец по прозвищу Старший Злыдень. Никто теперь и не помнит, как их звали на самом деле. Вся семейка жила на Ондатровом острове. В общем, когда они с Амелией поженились, этот Уильямс купил на деньги, что припас, клочок земли в Уньлой лощине, милях в двух от дороги, и надумал завести собственную ферму. Как уж он с ней управляется, просто не понимаю. И чуть не каждый год по ребятенку, да только после он со своей миссис не уделяют потомству никакого внимания. Скажу тебе откровенно, Хортон, вот уж людишки, без которых мы здесь спокойно бы обошлись. От них, что от Тома Уильямса, что от всех, кого он наплодил, только неприятности и ничего больше. Завели собак столько, что никакой дубиной не разгонишь, и собаки-то никчемные, в точности как сам Том. Знай себе шляются по округе, жрут что попало и ни черта не умеют. Том уверяет, что просто любит собак, вот и все. Ну слышал ли ты что-либо подобное? Никудышный человечиска, со всеми своими собаками и детьми, которые вечно влипают в какие-нибудь передраги...

— Мисс Адамс, кажется, считает, — напомнил я, — что это не только их вина.

— Знаю. Она твердит, что они отверженные и неимущие. Еще одно любимое ее словцо. Тебе понятно, что это за неимущие? Это те, кто не сумел ничего нажить. Да никаких неимущих не было бы в помине, если б каждый работал на совесть и имел хоть каплю здравого смысла. Да, конечно, в правительстве обожают болтать о неимущих и о том, что мы все обязаны им помогать. Только если бы правительство пожаловало сюда да полюбовалось на кое-каких неимущих, то сразу смекнуло бы, отчего они такие, какие есть...

— Когда я ехал сюда поутру, — перебил я, — мне стало любопытно, сохранились ли здесь еще гремучие змеи.

— Гремучие змеи? — переспросил он.

— Раньше, в мои мальчишеские годы, их было здесь видимо-невидимо. Любопытно, теперь их не поубавилось?

Он кивнул глубокомысленно.

— Может, и поубавилось. Хотя еще попадаются. А если залезть подальше в холмы, там их сколько угодно. Тебя что, интересуют гремучие змеи?

— Да нет, не особенно.

— Ты непременно должен прийти в школу на вечер, — сказал он. — Там соберется много народу. Познакомишься кое с кем. Сегодня последний день занятий, и ребяташки исполнят что-нибудь, будут читать стихи, а может, споют песенку или сыграют пьеску. А потом будет распродажа корзинок, чтоб собрать деньги на новые книжки для библиотеки. Мы здесь до сих пор придерживаемся прежних обычаев, годы нас не очень-то изменили. И развлекаемся как умеем, на свой манер. Сегодня распродажа, а неделки через две в методистской церкви будет клубничный фестиваль. Вот тебе два прекрасных случая встретить старых знакомых.

— Обязательно приду, если смогу, — пообещал я. — И на вечер, и на фестиваль.

— На твоё имя есть почта, — сообщил он. — Начала поступать неделю назад, если не две. Я же местный почтмейстер, как и прежде. Почтовое отделение размещается здесь, в этой лавке, уже без малого сотню лет. Говорят, правда, что его заберут отсюда, объединив с отделением в Ланкастере, чтоб доставлять почту во все поселки по кольцу. Ну никак не желает правительство оставить нас в покое. Все ему нейдет, все норовит что-нибудь переделать. И назвать это улучшением обслуживания. Клянусь жизнью, не понимаю, чем плохо было обслуживание, каким население Пайлот Ноба пользовалось целых сто лет...

— Я так и предполагал, что у вас накопится куча почты, — сказал я. — Я просил пересылать ее сюда, но сам слегка задержался. Ехал не спеша, останавливаясь повсюду, где было на что посмотреть.

— Собираешься заглянуть на ферму, где жил прежде?

— Пожалуй, нет. Там, наверное, слишком многое изменилось.

— Там теперь живет семья Боллардов. У них два сына, оба уже почти взрослые. Пьют они сильно, сыновья, временами просто беда.

Я кивнул.

— Так вы говорите, мотель ниже по реке?

— Точно. Проедешь школу и церковь, потом дорога свернет налево. Вскоре за поворотом увидишь вывеску. Мотель называется «У реки». Сейчас я соберу твою почту.

На большом плотном конверте в левом верхнем углу был небрежно написан обратный адрес, и это был адрес Филипа Фримена. Я сидел в кресле у открытого окна и вертел конверт в руках, недоумевая, чего ради Филипу Фримену вздумалось мне написать или послать что бы то ни было. Да, конечно, мы были с ним знакомы, и он мне даже нравился, но близкой дружбой никогда и не пахло. Единственное, что нас связывало, — мы оба испытывали симпатию и уважение к замечательному старику, погибшему три недели назад в автокатастрофе.

Из-за окна доносился голос реки, ее приглушенный бормочущий разговор с полями и холмами, мимо которых она скользила. Чем дальше я вслушивался в этот голос, тем яснее припоминал деньки, когда мы с отцом сидели на ее берегу и удили рыбу. На реке я всегда бывал с отцом, ни разу сам по себе — река таила слишком много опасностей для десятилетнего мальчишки. Ручей, разумеется, другое дело, на ручей я мог отправиться и один, пообещав, что буду осторожен.

Ручей был мне другом, искристым летним другом, а река привораживала. И привораживает по-прежнему, признался я себе, и даже сильнее, чем раньше: мальчишеские грезы обострены временем... И вот я снова здесь, подле нее, и буду жить подле нее, пока не наскучит. Я даже отдавал себе отчет, что где-то глубоко внутри прячется страх: а если я проживу здесь так долго, что привыкну к реке? И волшебство утратится, и окажется, что это обыкновенная река, текущая по обыкновенной земле.

Мир и покой, — подумал я, — такой мир и покой сегодня сохранились в немногих тихих заводях, медвежьих углах планеты... Здесь человеку достанет времени и места сосредоточиться и подумать, и не доберутся до него даже отзвуки грохочущих бед мировой торговли и международной политики. Натиск прогресса не затронул эти края, здесь он почти неощутим.

Почти неощутим, а потому здесь сохранились прежние идеалы. Эти края не ведают, что Бог умер: в церквушке священник, наверное, и поныне поминает в проповедях козни дьявола и геенну огненную, а паства самозабвенно внимает ему. Эти края не подавлены комплексами социальных сопоставлений, здесь до сих пор полагают, что человек, чтобы заработать на жизнь, должен трудиться в поте лица своего. В этих краях избегают трат не по средствам, а норовят обойтись тем, что есть, и не выплачивать лишних налогов. Здесь ценят старые надежные добродетели, когда-то повсеместные, но не выдержавшие состязания с соблазнами века. А еще здесь не погрязли в глупостях, привнесенных извне, спаслись от них — и не только от материальных глупостей, но не в меньшей мере и от глупостей интеллектуальных, мораль-

ных, эстетических. Здесь все еще способны верить — в эпоху, когда уже не верят ни во что. Здесь все еще держатся за определенные ценности, пусть даже ошибочные, — в годы, когда ценностей почти не осталось. Здесь все еще искренне соблюдают основные принципы общежития — в то время как большая часть человечества сорвалась в цинизм.

Я оглядел комнату, совсем простую, маленькую, чистую, светлую, с деревянными панелями по стенам, с минимумом мебели и без ковров на полу. Монашеская келья, — подумал я и сразу решил, что так и должно быть: трудно, почти невозможно работать, если тебя окутали избытком удобств.

Мир и покой, — повторил я про себя. — А как тут насчет гремучих змей?.. Что если весь этот мир и покой — не более чем обманчивая поверхность, тихая запруда у мельничного створа, под которой скрыт бешеный водоворот? Я будто вновь увидел нависшую надо мной безжалостную плоскую голову — и, едва я вспомнил ее, мое тело отозвалось болью, заново ощутив ужас, заморозивший его до полной неподвижности.

Зачем понадобилось задумывать и осуществлять покушение столь причудливым образом? Кто это сделал и как, и почему это выпало на мою долю? Почему вечером ферм было две и таких одинаковых, что глаз почти не замечал различий? И причем тут Куряка Смит, и застрявшая машина, которая на самом деле не застревала, и трицератопс, который через мгновение исчез без следа?

Я сдался. Ответов не было. Единственный возможный ответ заключался в том, что ничего этого не происходило, — а я был убежден, что все произошло. Еще допустимо, что я мог вообразить себе любое из происшествий по отдельности, но все вместе — нет, никогда! Безусловно, где-то должно было таиться какое-то объяснение, но я не находил даже намека на него.

Отложив большой конверт, я просмотрел остальную почту и не обнаружил ничего важного. Несколько открыток от друзей с пожеланиями удачно обосноваться на новом месте, но в большинстве своем открытки несли на себе отпечаток фальшивой сердечности, который мне не слишком понравился. Вероятно, все посчитали, что я слегка помешался, если решил похоронить себя в дикой, по их представлениям, глуши ради того, чтобы сочинить книжку, которая скорее всего окажется препаршивой. Кроме открыток, в почте было несколько неоплаченных счетов, парочка журналов и рекламные проспекты.

Я вернулся к большому конверту и вскрыл его. Из конверта выпала пачка оттиснутых на ксероксе листов и приколотая к ним записка. Она гласила:

«Дорогой Хортон! Разбирая бумаги, оставшиеся на дядюшкином столе, я наткнулся на эту рукопись. Поскольку вы были од-

ним из его ближайших друзей и он вас очень ценил, я снял для вас копию. Честно говоря, не знаю, что и подумать. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, я, наверное, решил бы, что это всего лишь безобидная фантазия, которую автор по какому-то капризу или по иным личным мотивам решил записать, — может, просто для того, чтобы выкинуть ее из головы. Но вы, вероятно, согласитесь со мной, что дядюшка не был склонен к пустым капризам. А вдруг он при каких-то обстоятельствах упоминал в беседах с вами о чем-либо подобном? Если так, вы сумеете разобраться в рукописи гораздо лучше меня. Филип».

Я отсоединил записку от ксероксных листов, и передо мной на стол лег документ, нацарапанный мелким неразборчивым почерком — почерком, совершенно не похожим на автора.

Названия у документа не было. Не было никаких указаний на то, что записано на этих листах и зачем.

Я уселся в кресло поудобнее и начал читать.

5

«Эволюционные процессы, — так начиналась рукопись, — притягивали и до крайности интересовали меня всю жизнь, хотя в своей узкой области я занимался лишь одной небольшой и, возможно, не самой замечательной их частицей. Как профессора истории меня с годами все более и более занимала эволюция человеческой мысли. Стыдно сказать, сколько часов я потратил, пытаясь вычертить график, схему, диаграмму (назовите как угодно), которая представила бы развитие мышления и перемены в нем на протяжении столетий, и сколько раз я повторял такие попытки. Однако предмет исследования оказался слишком обширным, разнообразным (а подчас, признаюсь, и слишком противоречивым), чтобы можно было уложить его в какую бы то ни было иллюстративную схему. И тем не менее я уверен, что человеческое мышление эволюционирует, что самая его основа менялась на протяжении всей нашей письменной истории и что сегодня мы думаем совсем не так, как сто лет назад, а за тысячу лет наши суждения изменились неузнаваемо — и не столько потому, что ныне эти суждения подкреплены гораздо большим запасом знаний, сколько потому, что самые точки зрения, присущие человечеству, претерпели изменения, которые смело можно назвать эволюцией.

Кого-то, вероятно, позабавит, что можно так увлеченно размышлять о самом процессе мышления. И этот кто-то будет неправ. Потому что именно способность к абстрактному мышлению и ничто иное отличает человека от любого другого существа, живущего на Земле.

Попробуем бросить взгляд на эволюцию, никоим образом не претендуя на глубокое ее осмысление, а лишь затрагивая главные поворотные пункты из подсказанных нам палеонтологами, отмечая самые важные вехи на пути прогресса с тех отдаленных времен, когда в первобытном океане зародились первые микроскопические живые существа. Не станем вникать в мелкие изменения, какими было отмечено все развитие жизни, тем более не станем вдаваться в них, а только обрисуем некоторые горизонты, раскрывшиеся в результате накопления этих мелких изменений.

Одной из первых важнейших вех следует, безусловно, признать выход каких-то форм жизни из воды на сушу. Перемена среды обитания была, несомненно, затяжным, болезненным и, вероятно, рискованным процессом. Но для нас сегодняшних время сжалось, и процесс предстает в нашем понимании единым событием в эволюционной схеме. Другая веха — образование хорды, которая в последующие миллионы лет постепенно преобразилась в спинной хребет. Еще одна веха — развитие способности к передвижению на двух ногах, хотя я лично не склонен придавать прямохождению особого значения. Человека, каким он стал сегодня, создало не прямохождение, а способность отвлекаться от «здесь» и «сейчас», способность мыслить за пределами сиюминутных решений.

Эволюционные процессы — это длинные цепи событий. Многие эволюционные тенденции были опробованы природой и отброшены как тупиковые, и виды вымирали, поскольку были жестко привязаны к таким тенденциям. Но неизменно какой-то фактор или группа факторов, выявившиеся в развитии ныне вымерших видов, давали начало новым линиям эволюции. И неизбежно приходишь к выводу, что в запутанном клубке изменений и усовершенствований всего живого прослеживается единая стержневая эволюционная нить, ведущая к одному главному изменению. Сквозь все миллионы лет это главное изменение, ныне выраженное в человеке, лежало в постепенном наращивании мозга, который с течением времени стал субстратом разума.

Как мне кажется, особенность эволюционных процессов состоит еще и в том, что как бы замечателен ни был результат тех или иных изменений, он раскрывается лишь потом, когда они произошли, а до того ни один беспристрастный наблюдатель не смог бы его предвидеть и предсказать. Полмиллиарда лет назад никакой наблюдатель не мог бы обосновать догадку, что через два-три миллиона лет некоторые формы жизни выберутся из воды и переселятся на сушу. Подобная догадка показалась бы маловероятной, граничащей с невозможным. Потому что все известные тогда формы жизни нуждались в воде, были приспособлены к жизни в воде, не могли существовать без воды. А суша,

голая и бесплодная, наблюдателю представилась бы пустыней, враждебной жизни, примерно такой же, каким нам сегодня видится космическое пространство.

Полмиллиарда лет назад все формы жизни были миниатюрными. Миниатюрность в то время казалась столь же обязательным жизненным требованием, как вода. И никакой наблюдатель тогда не мог бы представить себе чудовищных динозавров последующих эпох или современных китов. Подобные размеры для него лежали бы за пределами воображения. Точно так же наблюдатель той поры вообще не подумал бы о летающих существах: такое просто не пришло бы ему в голову. А если и подумал бы, вопреки всякой вероятности, то уж никак не отыскал бы путей к тому, чтобы жизнь поднялась в воздух, и не понял бы, зачем ей это может понадобиться.

Таким образом, мы осознаем обоснованность и правоту эволюции, когда оглядываемся назад, но предсказать ее дальнейший ход нам, по-видимому, не дано.

Кто придет на смену человеку? Вопрос не нов, иногда его поднимают и обсуждают хотя бы в порядке праздных предположений. По-моему, мы инстинктивно сопротивляемся тому, чтобы размышлять на эту тему всерьез. В большинстве своем люди, если думают об этом вообще, считают, что вопрос относится к весьма отдаленному будущему, а значит, его и ставить-то нет резона. Приматы появились восемьдесят миллионов лет назад, может быть, и того меньше, а человеку, по самой щедрой оценке, не более двух-трех миллионов лет. По сравнению с трилобитами и динозаврами это ничтожный срок, и получается, что пройдут еще тысячи тысяч лет, прежде чем приматы исчезнут или утратят свое главенствующее положение на Земле.

В сущности, мы инстинктивно не допускаем самой мысли о том, что род человеческий когда-либо прекратит свое существование. Иные из нас (разумеется, далеко не все) могут кое-как примириться с идеей, что лично они физически умрут. Человек еще в состоянии представить себе мир без себя как личности, однако представить себе Землю, на которой не осталось людей, оказывается, куда труднее. Ведомые странным внутренним испугом, мы прячемся от того, что сам наш род рано или поздно погибнет. Умом, если не сердцем, мы готовы допустить, что каждый из нас как частица человечества однажды исчезнет, однако нам не по силам даже помыслить, что само человечество также смертно и не вечно. Да, мы заявляем подчас, что человек — единственное в истории существо, которое изобрело средства для самоуничтожения. Но даже провозглашая этот тезис, мы внутренне не верим в него.

В немногих серьезных исследованиях, касавшихся этой проблемы, речь шла, в сущности, вовсе не о ней. Словно наш разум

воздвиг неодолимую преграду, мешающую нам углубиться в тему. Мы почти не задумываемся над вопросом, кто и что может вытеснить человека: все, на что мы способны, — нафантазировать сверхлюдей будущего, может, и отличных от нас во многих отношениях, но тем не менее остающихся людьми. Обогнавших нас умственно, интеллектуально, но биологически наших прямых потомков. Даже в фантазиях такого пошиба мы исходим из упрямой веры, что человечество будет существовать вечно.

Естественно, это заблуждение. Если эволюционные процессы, создавшие человека, тем самым не исчерпали себя, то вслед за нами на сцену должно выйти нечто большее, чем человек. История как будто учит, что эволюция не может себя исчерпать. Минувшие эпохи накопили достаточно свидетельств, что она никогда не затруднялась в создании новых форм жизни, в изыскании новых ценностей, полезных в борьбе за существование. На нынешнем уровне знаний нет оснований предполагать, что с появлением человека эволюционные процессы застопорились, не оставив ничего про запас.

Итак, вслед за человеком будет что-то еще, что-то отличное от нас. Не просто некое продолжение человека, более совершенная его версия, а нечто принципиально иное. Остается спросить с ужасом и недоверием: что же способно вытеснить человека, что способно превзойти разум?

Мне кажется, я знаю ответ.

Мне кажется, наши преемники уже существуют и живут рядом с нами на протяжении многих, многих лет.

Абстрактное мышление — явление для Земли новое. Ни одно существо, кроме человека, не ведает этого благословения (или проклятия). Абстрактное мышление отняло у нас чувство безопасности, свойственное другим существам, которые сознают себя лишь в пределах «здесь» и «сейчас», и то порой довольно смутно. Наше мышление позволяет нам заглянуть в прошлое и, что гораздо хуже, всматриваться в черноту будущего. Наше мышление приводит нас к осознанию своего одиночества, оно вселяет в нас надежду, которая тут же обращается в безнадежное отчаяние, оно доказывает нашу наготу и незащищенность перед лицом безразличного космоса. День, когда первый из человекообразных сопоставил себя с масштабами времени и пространства, должен быть без колебаний назван самым жутким и самым знаменательным днем в истории жизни на Земле.

Мы использовали свой разум в бесчисленных практических целях, а равно для теоретических изысканий, которые, в свою очередь, подсказывали нам ответы на практические вопросы. Но мы не довольствовались этим, а нашли разуму еще одно применение. Мы воспользовались разумом, чтобы заселить загадочный мир вокруг нас бестелесными созданиями — богами, чертями,

ангелами, призраками, нимфами, феями, домовыми, гоблинами. Мы создали в своих первобытных мозгах темный, неподвластный нам мир, где у нас есть и враги, и союзники. Были среди наших созданий и иные мифические существа, не темные и не страшные, а просто досужие плоды нашего воображения — Санта Клаус, Пасхальный Кролик, Мороз Красный Нос, Дедушка Песочник¹ и многие, многие другие. И мы не просто создали их в уме, а до известной степени сами поверили в них. Мы видели их, мы беседовали о них, они стали для нас очень реальными. Чем, как не трепетом перед этими созданиями, можно объяснить, что крестьяне средневековой Европы с приходом ночи закрывали свои лачуги на все засовы и наотрез отказывались высунуть нос наружу? Чем, как не боязнью встретить нечто ужасное, объясняется, что кое-кто и сегодня не способен преодолеть страх темноты? Да, сегодня мы редко поминаем вслух призраков ночи, но былые тревоги и страхи не отмерли, — тому доказательством широко распространенная вера в летающие тарелки. В наши просвещенные дни показалось бы ребячеством, если бы кто-то заговорил всерьез об оборотнях и упырях, а вот верить в технических духов вроде летающих тарелок допустимо вполне.

Что мы знаем об абстрактном мышлении? Ответ очевиден: мы не знаем о нем ничего. Насколько я понимаю, не исключена возможность, что оно имеет электрическую природу и основано на энергетическом обмене определенного рода, — ведь физики заявляют, что любые процессы в последнем счете имеют энергетическую основу. Но что мы, положа руку на сердце, знаем об электричестве и об энергии? Что мы знаем, коли на то пошло, о чем бы то ни было? Знаем ли мы, как действует атом и почему, знаем ли мы, наконец, что такое атом? И может ли кто-нибудь дать объяснение, как возникает самосознание и осознание окружающей среды, отличающее жизнь от неорганической материи?

Мы полагаем, что мышление — результат неких мозговых процессов, и на словах соглашаемся с физиками, что тут, вероятно, замешан энергетический обмен. Но о мыслительных процессах мы знаем не больше, а, наверное, меньше, чем древние греки о строении атома.

Честь первого упоминания об атомарном строении вещества обычно приписывается Демокриту, жившему в четвертом веке до Рождества Христова. Готов допустить, что это было достижением человеческой мысли, но в действительности атомы Демокрита не имели ничего общего с тем, что мы сегодня понимаем под атомом, — и ведь, между прочим, даже сегодня мало что понимаем. И когда мы сегодня говорим о мышлении, мы почти не понимаем,

---

¹ Фольклорный персонаж, подобный андерсеновскому Оле Лукойе и Дреме русских сказок: он помогает детям засыпать, бросая им в глаза мягкий песок.

о чем говорим, примерно так же, как во времена Демокрита люди могли говорить об атомах (если говорили, то мимолетно, неуверенно и без подлинного интереса). Назовем вещи своими именами: в своих разговорах о мышлении мы просто-напросто пустословим.

Правда, мы знаем кое-что о результатах мышления. Все, чем располагает сегодня человечество, — это продукты мысли. Но по большому счету это лишь результат воздействия мышления на человека как животное, воздействия, аналогичного работе паровой машины: пар давит на поршень, и колеса вращаются.

Можно спросить: что происходит с паром после того, как он воздействовал на механизм и исполнил свое назначение? Не менее правомерен и вопрос: а что происходит с мыслью после того, как она оказала воздействие на нас самих? Коль скоро нас заверяют, что для возникновения и развития мысли необходим энергетический обмен, что происходит с этим обменом далее?

Мне кажется, я знаю ответ. По моему убеждению, энергия мышления, принимающего порой самые странные формы, изливаясь нескончаемо в течение веков из умов миллиардов мужчин и женщин, дала жизнь созданиям, которые в будущем — и, возможно, не слишком отдаленном — займут место, ныне принадлежащее человечеству.

Выходит, что наши преемники созданы тем самым механизмом — мышлением, которое сделало человечество видом, господствующим ныне. Но все известные мне данные свидетельствуют о том, что это как раз решение, типичное для эволюции.

Человек строит не только руками — он строит и разумом, причем, по-моему, прочнее и не совсем так, как можно было бы предположить.

Если кто-то один измыслил мерзкую злобную тварь, рыскающую во тьме, этого, конечно, не хватит, чтобы пробудить ее к жизни. Но если тот же злобный образ создает мысленно (и с единокдушным ужасом) целое племя, — это, на мой взгляд, достаточный толчок, чтобы тварь действительно ожила. Разумеется, ее когда-то не было. Потом она возникла в сознании одного человека, съезжившегося испуганно перед лицом ночи. Испугавшись неведомо чего, он решил придать своим страхам какую-то определенную форму и, придумав ее, пересказал другим то, что придумал, и они тоже представили себе эту вымышленную тварь. И коллективное воображение работало так долго и плодотворно, люди так поверили в собственный вымысел, что в конце концов воссоздали его в натуре.

Эволюция действует во многих направлениях. Можно сказать, что она действует в любом направлении, какое только находит. Тот факт, что доселе эволюция никогда не выбирала именно такой путь, может объясняться просто: пока не развился челове-

ческий разум, в ее распоряжении не было фактора, способствующего созданию новых существ при помощи силы воображения. И не забудем, что, кроме воображения, кроме произвола мысли, тут задействованы силы и энергии, которых человек до сих пор не понимает и, возможно, никогда не поймет.

По моему убеждению, люди со своим неумным воображением, со своей страстью к сочинению небылиц, с присущим им страхом перед временем и пространством, темнотой и смертью, за тысячелетия создали иной мир, целый мир существ, живущих ныне на Земле рядом с нами. Этот мир скрыт, невидим, я не знаю, каков он, но я уверен, что он вполне реален, и настанет день, когда созданные нами существа выйдут из своих укрытий и предъявят нам права на наследство.

Во всей мировой литературе и в каждодневном потоке новостей рассеяны заметки о происшествиях необычных и странных — и в то же время эти происшествия зафиксированы с такой точностью, что их никак не спишешь на обман чувств и миражи...»

6

Рукопись обрывалась на середине страницы. Далее было еще немало страниц, но когда я перевернул листок, то увидел, что следующий заполнен отрывочными заметками, на первый взгляд, совершенно беспорядочными. И, конечно, трудночитаемыми, как все написанное почерком моего друга. И при этом вбитыми в страницу так тесно, словно она была единственной, какая у него оставалась, а стало быть, надлежало использовать каждый ее дюйм, чтобы вместить сюда все собранные факты, все накопленные наблюдения. Заметки шли плотным строем через центр страницы, а затем поля заполнялись новыми заметками, и буквы порой превращались в такие крохотные узелочки, что сложить из них слова стоило немилосердных трудов.

Я быстро перелистал все до конца, но каждая следующая страница была подобием предыдущей, каждая была заполнена до отказа. Тогда я сложил страницы по порядку, вернулся к началу рукописи и приколол записку Филипа сверху, пообещав себе, что позднее непременно прочту все заметки до единой, прочту и попытаюсь разгадать их смысл. Но на сегодня с меня достаточно и того, что я уже прочел. Более чем достаточно.

«Наверное, это шутка», — сказал я себе. Но записки не могли быть шуткой, потому что мой старый друг никогда не шутил. Он не ощущал нужды в шутках. Он был исполнен доброты, он обладал гигантской эрудицией и если уж говорил, то знал словам лучшее применение, чем расходовать их на глупые шутки.

И я опять вспомнил его в тот вечер, когда мы виделись в последний раз, — сморщенного гнома в огромном кресле, угрожающем поглотить его без остатка, и то, как он заявил мне, что мы в осаде. Я был убежден, что он хотел сказать мне больше, гораздо больше, но не сказал, потому что, когда он собрался с мыслями, явился Филип и мы заговорили о чем-то другом.

Теперь, сидя в мотеле у реки, я чувствовал уверенность в том, что он намеревался пересказать мне рукопись, прочитанную минуту назад. Собирался заявить, что нас взяли в осаду существа, которых люди напридумывали за столетия, и что наш разум, наше воображение послужили целям эволюции.

Разумеется, он заблуждался. Если без обиняков, его теория граничила с помешательством. Но, едва подумав об этом, я тут же осознал в глубине души, что человеку такого склада, как он, не просто впасть в заблуждение. Прежде чем поверить свои мысли бумаге, хотя бы ради того, чтобы сформулировать их для себя, он проделал долгую и кропотливую работу, приведшую его к определенным выводам. Страницы, приложенные к рукописи, наверняка не исчерпывают собранных им доказательств. Скорее они суммируют эти доказательства, подводят им итог и конспективно передают выводы. Нет, конечно, опять-таки отсюда не следует, что он не впал в заблуждение, все это очень похоже на заблуждение, но даже в таком случае у него должно было скопиться довольно фактов и логических построений, чтобы от его теории нельзя было просто отмахнуться.

Он намеревался рассказать мне обо всем, возможно, хотел опробовать на мне свои умозаключения. Но из-за Филипа, явившегося так некстати, отложил это до более удобного случая. А случая уже не представилось, поскольку через два дня он погиб, его машину сплющило в лепешку, а из него вышибло дух в результате столкновения с другой машиной, которой, однако, так нигде и не нашли.

Я задумался и вдруг похолодел от страха — особенного, кошмарного страха, какого я никогда не испытывал прежде. От страха, который выполз из иного, неведомого нам мира, который прятался где-то в дальнем уголке наследственной памяти и, казалось, был многократно забыт. Именно такой страх, леденящий и цепенящий, выворачивающий душу, был уделом тех, кто корчился в пещере, вслушиваясь в звуки, издаваемые дьявольскими созданиями, что скрывались снаружи во мраке.

Я задал себе вопрос: а не может ли стать, что мыслительная мощь этих созданий мрака достигла такого развития, такого совершенства, что они теперь способны принять любую форму, любой облик по своему усмотрению? Способны, например, преобразиться в машину, которая протаранит другую машину, а потом, после тарана, вернуться в иной мир, в родное свое измере-

ние, в невидимость, покинутую временно ради определенной цели?

Может ли быть, что мой старый друг погиб именно потому, что догадался о тайном мире этих исчадий разума?

А как же гремучие змеи? — перебил я себя. Нет, гремучие змеи тут не при чем, потому что змеи были самыми настоящими. Но разве трицератопс, дом с окружающими постройками, рыдван на козлах у поленницы, Куряка Смит и его женушка не казались мне настоящими? Что, если это ответ, который я искал? Что, если все эти предметы и существа порождены миром исчадий, устроившим маскарад, чтобы заманить меня в засаду, замутившим мне сознание до того, что я готов был поверить в заведомо невероятное, и уложившим меня не на кушетку в доме Куряки, а на скальное дно расщелины, где полно змей?

Но если даже так, то почему? Потому, что эти гипотетические исчадия знали о толстом конверте от Филипа, который поджидает меня в лавке Джорджа Дункана?

Это безумие, уговаривал я себя. Ну а пропустить развилку на дороге — не безумие? Трицератопс, и дом, очутившийся там, где никакого дома не было и в помине, и гремучие змеи — не безумие? Нет, нет, повторил я себе, гремучие змеи были реальными. Но что такое реальность? — спросил я себя. Каким образом можно удостовериться в реальности чего бы то ни было? А если мой старый друг прав в своих догадках, что вообще останется от реальности?

Я был потрясен гораздо глубже, чем признавался себе. Я сидел в кресле и смотрел в стену, а когда пачка листов выскользнула у меня из рук, я даже не шевельнулся, чтобы их подобрать.

Если все это так, — подумал я, — значит, прежний надежный мир вышибли у нас из-под ног... Значит, гоблины и вампиры существуют теперь не только в сказках у камелька, а во плоти; ну, может, и не совсем во плоти, но каким-то образом существуют, а не просто мерещатся. Мы считали их плодом воображения и даже не представляли себе, насколько же мы правы в своих фантазиях. И опять-таки, если все это так, Природа в эволюционном развитии совершила очередной гигантский скачок вперед — от живой материи к сознанию, от сознания к абстрактному мышлению, а от абстрактного мышления к новой форме жизни, призрачной и реальной одновременно, а возможно, даже способной выбирать, быть ли ей призрачной или реальной.

Я пытался вообразить, что это за новая жизнь, каковы ее радости и печали, побуждения и принципы. У меня ничего не вышло. Самое мое тело из костей, плоти и крови не позволило мне вообразить эту жизнь. Потому что она должна быть принципиально иной, пропасть между нами слишком широка. С тем же, если не большим, успехом можно было бы просить трилобита, чтобы он

вообразил себе мир динозавров. И если в своем бесконечном обновлении видов Природа ищет качества, полезные в борьбе за существование, то вот, наконец, она создала существа (если позволительно называть их существами) с фантастически высокой способностью к выживанию, ибо в физическом мире нет ничего, абсолютного ничего, что могло бы угрожать им.

Я сидел, размышляя об этом снова и снова, и мысли грохотали в черепной коробке, как раскаты отдаленного грома, и тем не менее никуда не вели. Я даже не блуждал по кругу. Я просто дергался туда-сюда, как полупомешанный чертик на веревочке.

Мне стоило немалых усилий оборвать чехарду безумных мыслей, и тогда я опять услышал журчание, радостный и смешливый голос реки, бегущей по земле в величии своего волшебства.

Надо распаковать пожитки, вытащить из машины коробки и сумки и приволочь их в комнату. Меня ждет рыбалка, каноэ у причала и крупные окуни, затаившиеся в камышах и среди кувшинок. А потом, как только я обживусь, меня ждет книга, которую надо, обязательно надо написать.

А еще, я вспомнил, сегодня вечером меня ждет школьный вечер и распродажа корзинок. Придется туда пойти.

7

Линда Бейли заметила меня в ту же секунду, как я переступил школьный порог, и налетела на меня словно хлопотливая самодовольная курица. Она была одной из немногих, кого я помнил, да, честно говоря, ее просто невозможно было забыть. Вместе с мужем и выводком неопрятных детишек она жила на ферме по соседству с нашей, и за все годы, что мы провели здесь, едва ли выдался десяток дней, чтобы она не притащилась по дороге, а то и напрямиком через поля, одолжить чашечку сахара, или ломтик масла, или еще какую-нибудь ерунду, которой у нее вдруг не хватило в хозяйстве и которую она, между прочим, потом не удосуживалась отдать. Она была крупная, костлявая женщина с лошадиным телосложением и если постарела, то, по-моему, совсем чуть-чуть.

— Хортон Смит! — взревела она. — Малыш Хортон Смит! Я бы узнала тебя где угодно!..

Она схватила меня в объятия и принялась колошматить меня по спине. Она осыпала меня звучными тумаками, а я недоуменно припоминал, случилось ли хоть однажды в отношениях между нашими семьями что-нибудь, что дало бы ей право на такое приветствие.

— Значит, ты вернулся, — грохотала она. — Ты не смог жить вдали от нас! Уж если Пайлот Ноб у кого в крови, тот его нипочем

не забудет. Даром что ты побывал в разных местах. В языческих странах. И в Риме ты тоже был, ведь так?

— Я провел в Риме некоторое время, — ответил я. — Это вовсе не языческая страна.

— У меня возле свинарника растут пурпурные ирисы, — объявила она, — из сада самого папы. Вообще-то не на что особенно посмотреть. На своем веку я видывала ирисы и получше, куда привлекательнее этих. Будь у меня другие такого сорта, я бы выкопала их и вышвырнула давным-давно. А эти сохранила из-за того, откуда они. Уж поверь, не у каждого есть ирисы из сада самого папы. Не думай, что я поддерживаю папу и всякие там глупости, но это все-таки особенные ирисы, ты согласен со мной?..

— Конечно, согласен, — ответил я.

Она вцепилась в мою руку.

— Да пойдем же, ради Бога, сядем! Нам надо о многом поговорить... — Она потащила меня к выстроенным в ряд стульям, и пришлось сесть с ней рядом. — Ты говоришь, Рим не языческая страна, но ведь у язычников ты тоже был. Что ты скажешь о русских? Ты же часто бывал в России...

— Не знаю, что и сказать. Есть русские, которые до сих пор верят в Бога. Правда, правительство у них...

— Вот тебе раз! Никак тебе нравятся русские?

— Некоторые нравятся, — ответил я.

— Я слышала, ты был в Унылой лощине и утром проезжал мимо фермы Уильямсов. За какой надобностью тебя туда занесло?

«Интересно, — подумал я, — а есть что-нибудь, о чем бы она не слышала, о чем не слышал бы весь Пайлот Ноб?..» Отчетливее, чем в перестуке барабанов по джунглям, эффективнее, чем по радио, новости распространяются здесь в мгновение ока — все до мельчайшего слушка, до самой ерундовой догадки.

— Да вот пришло в голову свернуть, — приврал я слегка. — Мальчишкой я, бывало, охотился там на белок...

Она взглянула на меня подозрительно, не уловив логики в моих оправданиях.

— Может, днем там и ничего, — заявила она, — но ни за какие деньги не хотела бы я оказаться там после захода солнца. — Она наклонилась ко мне поближе, и пронзительный ее голос снизился до скрипучего шопота. — Там жуткая свора собак, если это вообще собаки. Носятся по холмам, лают, рычат, заливаются, а как пробегут мимо — будто ветер ледяной пролетел. Душа в пятки уходит...

— Вы сами слышали этих собак?

— Слышала ли? Да чуть не каждую ночь слышу, но, правда, никогда не бывала так близко, чтобы пахнуло ветром. Мне Нетти Кэмпбелл рассказывала. Ты помнишь Нетти? — Я отрицательно

покачал головой. — Ну верно, как ты можешь помнить! Она была Нетти Грэхем, прежде чем вышла за Энди Кэмпбелла. Они жили в самом конце дороги, что ведет вверх по Унылой лощине. Нынче в том доме никто не живет. Хозяева просто снялись и ушли. Собаки их выжили. Может, ты видел его — их прежний дом, я имею в виду.

Я кивнул не слишком уверенно: своими глазами я дома не видел, но я же слышал о нем накануне вечером от Лаузи Смит.

— Странные вещи творятся здесь на холмах, — продолжала Линда Бейли. — Такое, чему никто, если в здравом уме, не поверит. Наверное, все потому, что здесь у нас настоящая глухомань. Сколько других поселков разрослись, обустроились, ни деревца не осталось, зато вокруг поля. А здесь глухомань. Наверное, так навсегда и останется...

Комната заполнялась народом. Я заметил Джорджа Дункана, пробирающегося сквозь толпу в моем направлении, и встал ему навстречу, протягивая руку.

— Я слышал, ты хорошо устроился, — сказал он. — Я так и знал, что тебе там понравится. Учти, я звонил Стритеру и просил его присматривать за тобой как следует. Он ответил, что ты вышел порыбачить. Поймал что-нибудь стоящее?

— Пару окуньков, — покался я. — Надеюсь, когда попривыкну к реке, дела пойдут лучше...

— По-моему, начинается, — сказал он. — Увидимся позже. Тут много народу, с кем тебе не мешало бы поздороваться.

Вечер и вправду начался. Учительница Кэти Адамс играла на старой расстроенной фисгармонии, ребяташки выходили группа за группой, и одни пели песни, другие читали стихи, а восьмиклассники представили маленькую пьесу, которую, как не преминула сообщить мисс Адамс, сами же и сочинили.

Все это было восхитительно на свой нескладный манер, и я сидел, припоминая, как ходил в школу в это самое здание и принимал участие в вечерах, таких же точно, как нынешний. Я даже попытался выудить из памяти, как звали моих учителей, хотя бы некоторых, и только к концу программы вспомнилось, что была у меня учительница по имени мисс Стейн, чудаковатая рыжеволосая особа, худая и нервозная, впадающая в расстройство от любой нашей выходки — а уж выдумывать их мы были горазды. Мельком подумалось: «Где-то она сейчас, мисс Стейн, и как обошлась с ней судьба? Хотелось бы верить, что благосклоннее, чем иные из нас обходились с ней в наши школьные годы...»

Линда Бейли потянула меня за рукав пиджака и завела резким шепотом:

— Хорошие ребяташки, правда? — Я кивнул в знак согласия. — И эта мисс Адамс хорошая учительница, в самом деле

хорошая. Только, боюсь, она здесь ненадолго. Нашей маленькой школе не удержать такую хорошую учительницу, как она...

Когда программа завершилась, Джордж Дункан пробрался ко мне сквозь толпу, взял меня на буксир и принялся представлять присутствующим. Кого-то из них я мог припомнить, а кого-то нет, но поскольку все они, казалось, помнили меня, я притворялся, что тоже их помню. Церемониал был в самом разгаре — но тут вмешалась мисс Адамс. Она поднялась на приступочку у дверей и окликнула Джорджа:

— Вы что, забыли свое обещание? Или делаете вид, что забыли, в надежде увернуться? Напоминаю вам, что вы дали согласие выступить сегодня в роли аукциониста.

Джордж отнекивался, но для меня было очевидно, что он польщен. Не составляло труда догадаться, что в Пайлот Нобе Джордж Дункан — человек авторитетный. Еще бы, он был лавочник, и почтмейстер, и член школьного совета, и время от времени ему выпадали разные мелкие общественные поручения, например, выступить аукционистом на распродаже корзинок. В пределах Пайлот Ноба он был палочкой-выручалочкой, к которой прибегали всякий раз, когда предстояло что-либо предпринять.

В конце концов он поднялся на возвышение и повернулся к столу, заставленному раскрашенными корзинками и коробками. Выбрав одну корзинку, он поднял ее повыше, чтобы все могли хорошенько ее рассмотреть. Но прежде чем приступить к обязанностям аукциониста, он произнес небольшую речь.

— Всем вам известно, — изрек он, — какое у нас сегодня событие. Выручка от продажи корзинок предназначена на приобретение новых книг для школьной библиотеки, так что вы испытаете удовлетворение от сознания, что сколько бы вы здесь ни оставили, все пойдет на доброе дело. Вы не просто покупаете корзинку, снаряженную для пикника, и право разделить трапезу с леди, чье имя вы обнаружите внутри. Вы способствуете весьма достойному общественному начинанию. Прошу вас, дорогие мои, не стесняйтесь и истратйте хотя бы часть денег из тех, что оттягивают вам карманы!..

Он поднял корзинку еще выше и продолжал:

— Ну вот хотя бы эта корзинка. Мне доставляет истинное удовольствие предложить ее вам. Скажу без утайки, она увесистая. Там много славной снеди, а по тому, как она украшена и все такое прочее, можно смекнуть, что леди, снаряжавшая эту корзинку, уделила ее содержимому не меньше внимания, чем внешнему виду. Может, вас заинтересует, что я улавливаю запах жареного цыпленка. Ну и, — закончил он, — сколько же вы даете?..

— Доллар, — произнес кто-то, а кто-то другой незамедлительно поднял сумму до двух долларов, а потом кто-то из задних рядов назвал два с половиной.

— Два с половиной, — повторил Джордж Дункан удивленно и обиженно. — Вы что, в самом деле намерены остановиться на двух с половиной? Ну знаете, если бы корзинка шла на вес, и то это было бы просто даром. Что? Я, кажется, слышу...

Кто-то предложил три доллара. Джордж ухитрился, выбивая из толпы по пятьдесят центов и по четвертаку, поднять торг до четырех семидесяти пяти и наконец стукнул молотком, продав корзинку за эту цену.

Я вглядывался в лица. Они были дружелюбными, люди от души развлекались. Люди проводили вечер в компании соседей, и им было уютно в этой компании. Сейчас они сосредоточились на распродаже корзинок, а позже у них будет время поболтать, и я знал заведомо, что никто не поднимет никаких обременительных тем. Они будут толковать об урожае, о рыбалке, о новой дороге, насчет которой говорили уже лет двадцать, если не больше, но разговоры так ни к чему и не привели и самое время было начать их сизнова. Они разберут по косточкам последний скандалчик (уж какой-нибудь скандалчик произошел обязательно, хотя почти наверняка пустяковый), обсудят проповедь, которую священник произнес в минувшее воскресенье, помянут старичка, который недавно умер и которого все любили. Посудачат обо всем понемногу, а потом разойдутся по домам, разойдутся не спеша, наслаждаясь мягким весенним вечером. Конечно, у любого из них есть свои маленькие тяготы, есть и проблемы, касающиеся округа в целом, но никто из них знать не знает исполинского груза вселенских забот. «И как же это здорово, — повторил я себе, — очутиться в местечке, где нет неотвратимых и жутких вселенских забот...»

Кто-то дернул меня за рукав, я волей-неволей обернулся — и, разумеется, это оказалась Линда Бейли.

— Тебе стоило бы вступить в торг, — шепнула она. — Сейчас пойдет корзинка, приготовленная дочкой пастора. Дочка, скажу тебе, прехорошенькая. Тебе будет приятно с ней познакомиться...

— А откуда вы знаете, — не утерпел я, — что это ее корзинка?

— Знаю, и все, — отрезала она. — Не спорь, торгуйся.

Цену уже подняли до трех долларов, я назвал три с половиной, и тут же с дальнего конца комнаты послышалась цифра четыре. Я бросил взгляд в ту сторону — там, прислонясь к стене, рядком стояли три юнца лет по двадцать с небольшим. Обнаружилось, что все трое в свою очередь пялятся на меня и ухмыляются неуклюже, но, как мне почудилось, очень неприязненно.

Рукав дернули снова.

— Давай торгуйся, — настаивала Линда Бейли. — Это младшие Болларды, а третий из Уильямсов. Хулиганье паршивое. Нэнси просто умрет, если ее корзинка достанется кому-то из них троих.

— Четыре пятьдесят, — произнес я не думая, и Джордж Дункан на возвышении подхватил:

— Четыре пятьдесят! Кто скажет пять?.. — Он обращался к троим у стенки, и один из них сказал пять. — Значит, пять, — пропел Джордж. — А может, кто-нибудь даст шесть?

Он смотрел прямо на меня, но я покачал головой, и корзинка ушла за пять.

— Почему ты отступился? — Линда Бейли взъярилась так, что шепот перешел в ржание. — Надо было продолжать, раз начал.

— Еще чего! — заявил я. — Я приехал сюда не для того, чтобы в первый же вечер помешать какому-то юнцу купить корзинку, на которую он позарился. Может, тут замешана его подружка. Может, она намекнула ему заранее, как отличить ее корзинку...

— Да говорю тебе, Нэнси вовсе не его подружка! — Линда Бейли не скрывала своего негодования. — У Нэнси нет никакого парня. Она будет просто оскорблена.

— Вы сказали, это Болларды. Те самые Болларды, что живут на нашей прежней ферме?

— Они, они самые, — подтвердила она. — Старики вполне приличные люди. Но эти их два сыночка! Вот уж навязли в зубах! Девчонки от них врассыпную. На танцах они завсегда там, но то и дело грязно ругаются и постоянно пьют...

Я опять бросил взгляд на троицу в дальнем конце комнаты. Они по-прежнему наблюдали за мной, и к их лицам приклеились ухмылки злобного триумфа. Я только что явился в Пайлот Ноб, я был чужак, а они меня обставили, переплюнули в споре за корзинку. Несусветная глупость, если разобраться, но в крошечных поселках, как этот, маленькие триумфы и маленькие обиды часто вырастают в масштабах.

«Боже, — подумал я, — и угораздило же меня напороться на эту Бейли! От нее всегда были одни неприятности, и в этом смысле она ни капельки не изменилась. Вечно совала нос не в свои дела, и уж сунет — добра не жди...»

Корзинки расходились одна за другой, осталось всего несколько штук. Джордж начал уставать, темп торгов снизился. Мне подумалось, что надо бы все-таки купить корзинку. Хотя бы для того, чтоб показать, что я не чужак, а местный, вернувшийся в Пайлот Ноб с намерением пожить здесь, сколько получится.

Я огляделся по сторонам — Линда Бейли куда-то делась. Наверняка, обозлилась на меня и отошла прочь. Однако, едва

подумав о ней, я ощутил мимолетную вспышку гнева. Какое у нее было право требовать, чтобы я защищал дочку священника от невинных — а если не невинных, то по крайней мере бесперспективных — ухаживаний какого-то деревенского уванья!

На столе оставалось всего три корзинки, и Джордж выбрал одну из них. По размеру она была вполовину меньше многих проданных ранее и украшена довольно скромно. Подняв ее над головой, он завел очередную арию аукциониста.

В торг включились двое или трое, цена достигла трех с половиной долларов, а я дал четыре. Кто-то от дальней стенки сказал — пять, и когда я взглянул туда, то снова увидел троицу. Они ухмылялись, как мне показалось, с нарочитой злобой, как мог бы ухмыляться клоун, разыгрывающий злобу.

— Даю шесть, — сказал я.

— Семь, — откликнулся средний из троицы.

— Семь! — повторил Джордж ошарашенно, поскольку это была наивысшая сумма, названная за вечер. — Я услышу семь с половиной, а может, кто-нибудь даст восемь?

Какое-то мгновение я колебался. Нет, положительно первые несколько ставок были предложены другими, а не троицей у стенки. Они вступили в торг только после меня. Я понял, что они намеренно издеваются надо мной, и от меня не укрылось, что все присутствующие также это поняли.

— Восемь? — переспросил Джордж, не спуская с меня глаз. — Слышу ли я цифру восемь?

— Не восемь, — ответил я. — Пусть будет десять.

Джордж поперхнулся.

— Десять! — закричал он. — А может, одиннадцать? — Он перевел глаза на троицу у стены. Те ответили мрачными взглядами. — Одиннадцать, — повторил он. — Теперь одиннадцать. Если уж поднимать, то на доллар и не меньше. Даете одиннадцать?..

Одиннадцать ему не дали.

Когда я вышел вперед расплатиться и получить свою корзинку, я покосился в направлении дальней стенки. Троицу как ветром сдуло.

Отойдя в сторону, я вскрыл корзинку. Поверх еды лежала полоска бумаги, и на ней я прочел имя Кэти Адамс.

8

Распускалась первая сирень, и в вечернем воздухе, сыром и прохладном, ощущался слабый намек на аромат, который через неделю-другую нависнет над улицами и тропинками городка

тяжким духовитым облаком. Ветер, налетающий от реки, раскачивал подвесные лампы на перекрестках, и по земле метались полосы света и тени.

— Как я счастлива, что все позади, — сказала Кэти Адамс. — Во-первых, вечер, а во-вторых, и весь учебный год. Но в сентябре я вернусь.

Я присматривался к женщине, идущей рядом, и, ей-же-ей, это была совсем другая женщина, чем та, с какой я столкнулся утром в лавке. Она сделала что-то с волосами и сразу избавилась от облика типичной училки, а кроме того, она сняла очки. «Защитная окраска, — подумал я. — Неужели утром это была мимикрия, сознательная попытка выглядеть именно такой училкой, какую только и может принять здешняя община? Что за жалость, — добавил я про себя. — Дали б ей хоть малый шанс, она могла бы стать просто привлекательной...»

— Вы сказали, что вернетесь, — произнес я. — А куда вы собираетесь летом?

— В Геттисберг.

— В Геттисберг?

— Ну да, в Геттисберг, штат Пенсильвания. Я там родилась, а мои родители и теперь там. Я езжу к ним каждое лето.

— Я ведь был там всего несколько дней назад. Остановливался по дороге сюда. Провел в Геттисберге два полных дня, обошел поле сражения и пытался себе представить, как все это было тогда, более ста лет назад...¹

— Вы что, раньше там не бывали?

— Всего раз, и притом очень давно. Когда впервые попал в Вашингтон начинающим репортером. Как-то раз я присоединился к экскурсии. Получилось не слишком удачно. С тех самых пор мне хотелось побывать там в одиночку, не торопиться, осмотреть все, что я выберу, заглянуть в каждый уголок и в каждом провести столько времени, сколько мне будет угодно.

— Значит, на этот раз вы были там в свое удовольствие?

— Да, провел два дня в прошлом. И старался представить его себе наглядно.

— Мы живем там так долго, что свыклись и стали считать все само собой разумеющимся. Естественно, мы гордимся прошлым и проявляем к нему интерес, но туристам достается неизмеримо больше. Они полны энтузиазма и свежести восприятия и, возможно, видят все другими глазами, чем мы, старожилы.

---

¹ В июле 1863 года под Геттисбергом произошло одно из решающих сражений Гражданской войны Севера и Юга. Северяне под командованием Джорджа Мида отразили атаки южан, которыми командовал Роберт Ли, и вынудили их к отступлению. (Подробнее об этом сражении в главах 14—15.) В настоящее время под Геттисбергом находится мемориальный комплекс.

— Может быть, может быть, — согласился я, хоть вовсе так не думал.

— Вот Вашингтон — другое дело. Люблю этот город, особенно Белый дом. Он восхищает меня. Могу стоять часами у его чугунной ограды и просто смотреть на него.

— Как и миллионы других, — подхватил я. — Когда ни подойдешь к Белому дому, там всегда полно людей. Ходят взад-вперед вдоль ограды и смотрят во все глаза.

— А больше всего я обожаю белок. Нахальных белок, что подбираются к самой ограде Белого дома и попрошайничают. А то выпрыгивают на тротуар и крутятся под ногами, принюхиваясь, а потом присядут на задние лапки, подожмут передние и уставятся на вас своими бусинками...

Припомнив белок, я рассмеялся и заметил невзначай:

— Вот уж кто обязательно добьется своего.

— Вы словно завидуете им.

— Почему бы и не позавидовать, — согласился я. — Жизнь у белок, как можно понять, простая и незатейливая, а мы, люди, запутали свою жизнь до того, что она никогда уже не будет простой. Смешали все понятия, устроили из них кавардак. Вообще-то, наверное, не больший, чем раньше, но суть в том, что жизнь никак не становится легче. Скорее даже наоборот.

— И вы намерены вставить рассуждения в этом роде в свою книгу? — Вопрос удивил меня, и я не сумел скрыть удивления. — Бросьте, все знают, что вы вернулись сюда поработать над книгой. Вы упоминали об этом кому-нибудь или они догадались сами?

— Кажется, говорил Джорджу Дункану.

— Вот и достаточно. Достаточно упомянуть о чем-нибудь одному человеку, одному-единственному. Ровно через три часа все, что вы сказали, будет известно в поселке всем и каждому. Завтра еще до полудня все в поселке будут знать, что вы провожали меня домой и выложили за мою корзинку десять долларов. Какая муха вас укусила, что вы предложили такую сумму?

— Поверьте, совсем не ради похвальбы. Понимаю, кто-то подумал именно так, и мне это очень неприятно. Не надо было, наверное, упорствовать, но там были эти три увальня у стенки...

Она кивнула.

— Знаю, кого вы имеете в виду. Два Болларда и один Уильямс. Но вам не стоит обижаться на них. Вы показались им подходящей добычей. Новичок да к тому же еще горожанин. Вот им и захотелось показать вам...

— А получилось, что я показал им. Взаимное ребячество, что с их стороны, что с моей. Только меня извинить труднее, мне бы следовало держать себя в руках.

— Как долго вы планируете здесь пробыть? — спросила она.

Я усмехнулся.

— Во всяком случае, в сентябре, когда вы вернетесь, я еще буду здесь.

— Я вовсе не в том смысле...

— Знаю, что не в том. Но книга займет немало времени. Я не собираюсь писать ее наспех. Хочу поработать на совесть и показать лучшее, на что я способен. А еще хочу порыбачить. Вознаградить себя за все годы, когда я мог лишь мечтать о рыбалке. Осенью, пожалуй, поохочусь немного. По-моему, тут хорошая охота на уток.

— Наверное, да, — сказала она. — Из местных многие охотятся на уток каждую осень. Неделями только и слышишь о том, когда же, наконец, начнется настоящий перелет с севера...

Так я и предполагал, так и предчувствовал. Соблазн и притягательность таких поселочков, как Пайлот Ноб, в том и состоит, что живешь в спокойном знании мыслей окружающих и можешь, если хочешь, присоединиться к их уютной беседе, присесть в лавке у заплеванной печки и порассуждать, скоро ли начнется настоящий перелет с севера, или о том, как хорошо нынче клюет у Судейской трясины, или что после недавних дождей кукуруза пошла в рост, или что гроза минувшей ночью положила овес и ячмень. Теперь мне вспомнилось, что у печки был особый стул для моего отца: никто не спорил с тем, что занимать этот стул — его личное право и привилегия. И, шагая по вечерним улицам, наполненным сиренью, я задал себе вопрос: а будет ли в лавке особый стул для меня?

— Мы пришли, — объявила Кэти, сворачивая на дорожку, что вела к большому белому двухэтажному особняку, утонувшему в кустах и деревьях. Я остановился и стал вглядываться в особняк, силясь опознать его, выцарапать из памяти имя владельца. Кэти пришла мне на помощь: — Дом Форсайта. Банкира Форсайта. Я живу здесь с тех самых пор, как начала учительствовать три года назад.

— А что банкир?..

— Увы, его нет. Умер лет десять назад, может, и больше. А его вдова живет здесь до сих пор. Она совсем, совсем старенькая. Почти ослепла, ходит с палочкой. Говорит, что ей стало невозможно жить одной в таком большом доме. Потому-то она меня ипустила.

— Вы когда уезжаете?

— Через день-другой. Я на своей машине, спешить особенно некуда. И никаких забот на все лето. В прошлом году я подрабатывала на летних курсах, в нынешнем решила обойтись без этого.

— Вы разрешите до отъезда увидеться с вами еще раз?

О причинах я не задумывался, но мне почему-то захотелось увидеться с ней снова.

— Право, не знаю. Я буду занята...

— Может быть, завтра вечером? Пожалуйста, поужинайте со мной. Наверняка есть какое-нибудь заведение, куда можно поехать. Поужинаем и выпьем немного...

— Надеюсь, это будет не скучно, — сказала она.

— Я заеду за вами. В семь не слишком рано?

— Пусть будет в семь. И спасибо, что проводили меня домой.

Это был сигнал к расставанию, но я медлил.

— А как вы попадете домой? — Вопрос прозвучал глуповато. — У вас есть ключ?

Она рассмеялась.

— Ключ у меня есть, но он мне не понадобится. Она меня ждет и наблюдает сейчас за нами.

— Кто она?

— Миссис Форсайт, кто же еще. Хоть она и полуслепая, а в курсе всего вокруг. А уж меня караулит как дочку. Никто не причинит мне зла, покуда она жива.

Это меня позабавило, но и рассердило слегка и расстроило. Я забыл, я опять забыл, что тут нельзя никуда пойти, ничего нельзя предпринять без того, чтобы кто-нибудь не наблюдал за вами и не поделился свежими наблюдениями со всем населением Пайлот Ноба.

— До завтрашнего вечера, — сказал я немного чопорно: мне стало не по себе от глаз, что следят за нами, невидимые, из-за занавесок на окне.

Я смотрел вслед Кэти; она поднялась по ступенькам на веранду, увитую виноградом, — и прежде чем она добралась до двери, та распахнулась ей навстречу и выплеснула поток света. Кэти была права. Миссис Форсайт наблюдала за нами.

Я двинулся восвояси обратно через калитку и вниз по улице. Над утесом к востоку от Пайлот Ноба взошла луна — в давнюю пору колесных пароходов утес служил ориентиром для речных лоцманов, он и дал городку название¹. Лунный свет пробился сквозь листву мощных вязов, росших по обеим сторонам улицы, и испещрил тротуар пятнами, а в воздухе плыл легкий аромат расцветающей по дворам сирени.

Миновав перекресток у школы, я свернул на дорогу, ведущую к реке. Поселок здесь и кончался, а деревья, карабкающиеся по склону утеса, стали еще гуще и поглотили луну.

И не успел я сделать десяти шагов в этой густой тени, как они набросились на меня. Нападение было для меня полной

¹ Пайлот Ноб (Pilot Knob) — в переводе «Лоцманская горка».

неожиданностью. Чье-то тело ударило меня по ногам и опрокинуло, как кеглю, и не успел я упасть, как что-то еще врезалось в ребра. Я шмякнулся наземь, откатился в сторону и тут услышал топот башмаков по дороге. Подтянув колени, я попытался встать, но различил перед собой контур человека и угадал (именно угадал, а не увидел, просто уловил быстрое движение), что сейчас получу новый удар ногой. Я уклонился, и удар пришелся вскользь по предплечью, а не в грудь, куда был, вероятно, нацелен.

Я догадывался, что нападающий не один, — я же слышал топот ног на дороге, — и сообразил, что если останусь лежать, они накинута на меня все разом, лягаясь и пинаясь. Я предпринял героическое усилие, и мне удалось подняться, хотя меня изрядно шатало. Подавшись назад в надежде обрести какую-нибудь опору, я уперся спиной по что-то твердое. Почувствовал шершавость коры и понял, что это древесный ствол.

Теперь я различил, что их трое, они затаились в тени, но оставались все же темнее тени. Неужели те самые трое, что подпирали стенку и старались поднять меня на смех, считая приезжего своей законной добычей? А когда я пошел провожать Кэти, решили устроить на меня засаду...

— Ладно, сопляки, — выговорил я, — подходите поближе и получите, что вам причитается.

И они откликнулись на приглашение, все трое. Если бы у меня хватило здравого смысла не раскрывать рта, они бы, может, и воздержались от нового нападения, но насмешку не снесли.

Разочек я все-таки попал. Мой кулак угодил прямо в лицо тому, кто был в центре. Удар был хорош, да он и сам двигался кулаку навстречу. Раздался звук, словно острый топор врубился в бревно, прихваченное морозом.

Но тут их кулаки обрушились на меня со всех сторон, и я опять потерял равновесие, а когда упал, они забыли про кулаки и принялись обрабатывать меня ногами. Я сжался, вернее, попытался сжаться в комок и защитить все, что можно. Это продолжалось довольно долго, я был совершенно ошеломлен, и не исключено, что на какое-то время потерял сознание.

Следующее, что я помню, — я сижу на земле, а дорога пуста. Я один на один с собой, и мое «я» — сплошная боль, хотя есть места, где болит чуточку сильнее. Кое-как поднявшись, я нетвердыми шагами двинулся дальше. Сперва меня швыряло то вправо, то влево, но помаленьку дело наладилось, и я наловчился прокладывать ровный курс.

В конце концов я доплелся до мотеля, ввалился к себе и сразу отправился в ванную, включив свет. Ну и видочек же у меня! Один глаз заметно припух, и глазница уже начала темнеть. Лицо в крови от многочисленных ссадин. Осторожно смыв кровь, я об-

следовал ссадины, — к счастью, они оказались неглубокими. Синяк под глазом продержится, без сомнения, несколько дней, тут уж ничего не поделаешь.

В общем-то, больше всего пострадало мое чувство собственного достоинства. Вернуться в родной городишко микрознаменитостью, выступавшей по телевидению и по радио, и в первый же вечер ухитриться быть избитым — и кем? Шайкой деревенских подонков из-за того, что я перехватил у них корзинку учительницы! «Господи Боже, — подумал я, — если эта история станет известна в Вашингтоне или Нью-Йорке, мне же будут ее помнить до конца дней моих...»

Я ощупал все тело — там и тут ушибы и кровоподтеки, но ничего серьезного. Денек-другой поболит и пройдет. «Однако завтра-послезавтра, — сказал я себе, — придется рыбачить с восхода до заката. Торчать на реке и по возможности стараться ни с кем не видеться, пока запухший глаз не откроется...» Но я же знал, все равно знал, что нет ни малейших шансов скрыть происшествие от милых жителей Пайлот Ноба. И завтрашнее свидание с Кэти — что прикажете делать с ним?

Я подобрался к двери и вышел за порог, чтобы еще раз полюбоваться весенней ночью. Луна поднялась высоко над хмурым утесом, легкий ветерок шевелил деревья и украдкой шуршал в листве. И вдруг я услышал иной звук — отдаленный собачий вой, исступленный визг охотничьей своры.

До меня донесся всего-то обрывок звука, маленький фрагмент, подхваченный ветром и оброненный им для меня, — и снова все было тихо. Я замер, вслушиваясь и вспоминая, что толковала Линда Бейли о псах-оборотнях, завладевших Унылой лощиной.

И вот звук донесся опять — дикий, остервенелый, леденящий кровь клич стаи, наступающей добычу. Потом ветер вновь переменялся, и звук пропал.

9

День выдался замечательный. Замечательный не столько рыбалкой — я поймал всего четырех окуней, — сколько тем, что я был на воде, на реке, и получил щедрую возможность возобновить знакомство с ее миром, освежить в памяти отдельные подробности полузабытого детства. Миссис Стритер дала мне с собой еды, осведомившись о синяке под глазом; я уклонился от ответа, ограничившись хилой шуткой. И удрал на реку, где и провел весь день. Не только со спиннингом, но и в разведке, направляя каноэ в заросшие заводи и извилистые протоки, а раз-другой даже высаживаясь на островки. Я уверял

себя, что выискиваю самые уловистые местечки, но в действительности я добивался большего. Я обследовал водную гладь, о которой мечтал годами, выяснял ее привычки и настроения, старался приноровиться к загадочному царству текучих вод, лесистых островов, голых изменчивых отмелей и зеленых берегов.

Наконец, когда тени начали сгущаться, я повернул обратно к мотелю, держась ближе к берегу и сражаясь с течением неуклюжими гребками. До причала оставалось всего ярдов двести, когда я услышал собственное имя, — чей-то шепот долетел ко мне, отражаясь от воды.

Я поднял весло и взял его наперевес, вглядываясь в линию берега. Течение подхватило каноэ и неторопливо потащило его назад, вниз по реке.

— Сюда, — позвал шепот.

Берег был взрезан крошечной заводью, и в устье ее я заметил цветное пятнышко. Погрузил весло в воду, направил каноэ к пятнышку. На коряге, косо спускающейся с берега и уходящей концом под воду, стояла Кэти Адамс. Я гнал каноэ к берегу, пока лодка не уткнулась в корягу.

— Прыгайте, — предложил я. — Приглашаю вас в плавание.

Она уставилась на меня с ужасом.

— Ничего себе глаз!

— Попал в переделку, — усмехнулся я.

— Да, я слышала, что была драка. Кажется, вы действительно попали в переделку.

— Я всегда попадаю в переделки, — ответил я. — Не в одну, так в другую.

— На этот раз дело серьезное. Подозревают, что вы убили человека.

— Но я легко могу доказать...

— Джастин Боллард, — сказала она. — Его тело нашли час или полтора назад. Вы дрались с ним вчера вечером.

— Наверное, с ним, — подтвердил я. — Было темно. Их было трое, но я не мог толком их рассмотреть. Может, тот, кому я врезал, в самом деле был Боллард. Я сумел врезать только одному. А потом двое других навалились на меня.

— Вы дрались вчера с Джастином Боллардом. И с двумя другими тоже. Сегодня с утра они похвалялись по всему поселку, а у Джастина была расквашенная физиономия.

— Ну что ж, это отводит от меня подозрение. Я провел весь день на реке... — И тут мой язык прилип к гортани. Ведь у меня не было доказательств, что я провел день на реке. Я не видел ни души, и вполне вероятно, что меня тоже никто не видел. — Простите, я ничего не понимаю...

— С утра они носились повсюду, похваляясь, что отделали вас под орех, потом стали добавлять, что разыщут вас и прикончат. А потом Джастина нашли мертвым. Двое других исчезли.

— Надеюсь, в Пайлот Нобе не думают, что я прикончил всех троих?

Она покачала головой.

— Не знаю, что они думают. Весь поселок вверх дном. Собралась толпа, они хотели явиться сюда и расправиться с вами, но Джордж Дункан сумел их отговорить. Он сказал, что негоже вершить правосудие собственными руками. Он сказал, что надо, мол, сперва доказать вашу вину. Но в поселке все равно думают, что это вы. Джордж позвонил в мотель и выяснил, что вы на рыбалке. Тогда он повторил всем, чтобы вас не трогали, а сам позвонил шерифу. По его мнению, пусть этим лучше займется шериф.

— Но вы, Кэти?.. — Вопрос вырвался сам собой. — Вы пришли предупредить меня...

— Вы купили мою корзинку, и проводили меня домой, и назначили мне свидание. Мне вроде как показалось, что я должна быть на вашей стороне. Совершенно не хочу, чтобы они захватили вас врасплох.

— Боюсь, что свидание откладывается. Мне очень жаль. Я ждал его с нетерпением.

— Что вы намерены теперь делать?

— Право, не знаю. Мне надо все обдумать.

— У вас не слишком много времени.

— Догадываюсь, что не много. Пожалуй, единственное, что мне остается, — подгрести к причалу, сесть сложа руки и ждать их.

— Но они могут не дождаться шерифа...

Настала моя очередь покачать головой.

— У меня в комнате есть одна вещь, которую непременно нужно взять. Вообще во всем этом есть что-то странное... И не что-то одно, а все стало странным. Гремучие змеи, а теперь убитый сын фермера. Однако был ли он убит? Он ли был убит? И был ли убит вообще кто-нибудь?

— Вам нельзя сейчас возвращаться, — сказала она. — Оставайтесь на реке, по крайней мере пока не придет шериф. Затем я вас и предупредила. А если у вас в комнате есть что-то важное, я могу забрать это и сохранить.

— Ну уж нет!

— Там есть черный ход. Со дворика, что смотрит на реку. Вы не знаете, там не заперто?

— Думаю, что нет.

— Я могла бы проскользнуть внутрь и забрать...

— Кэти, — взмолился я. — Я не вправе...

— Вы не вправе туда возвращаться. По крайней мере сейчас.

— Вы уверены, что сможете проникнуть в комнату?

— Совершенно уверена.

— Большой плотный конверт, — сказал я. — С вашингтонским почтовым штемпелем и пачкой бумаг внутри. Возьмите конверт и уходите. И как только конверт будет у вас в руках, держитесь от всей этой кутерьмы подальше.

— Что в конверте?

— Ничего криминального. Ничего незаконного. Просто кое-что не для посторонних глаз. Информация, не предназначенная к распространению.

— Важная?

— Полагаю, что важная. Но, право, я не должен бы впутывать вас в это дело. Получается не вполне...

— Я уже впуталась. Я вас предупредила, и это, наверное, не к лицу законопослушным гражданам. Но я не могла допустить, чтобы вы напоролись на них нежданно-негаданно. Возвращайтесь себе на реку и сидите тихо...

— Кэти, — произнес я, — я должен еще добавить кое-что, что вам не понравится. Если вы и вправду хотите взять на себя риск с конвертом...

— Да, хочу, — ответила она. — Если вы сами попробуете туда пробраться, вас могут увидеть. А меня если и увидят, то не обратят внимания.

— Хорошо, — согласился я и возненавидел себя за то, что позволяю ей взяться за такое грязное дело. — Но я не просто вернусь на реку. Я убегу, быстро и без оглядки. Не потому, что убил кого-то, есть другая причина. Наверное, честнее всего было бы сдать, но, к несчастью, я обнаружил, что трусоват. Сдаться никогда не поздно, но лучше все-таки попозже...

Теперь она глядела на меня с испугом, и я не мог ее за это винить. И не только с испугом, но, пожалуй, с гораздо меньшим расположением, чем раньше.

— Раз решили бежать, тогда бегите без промедления.

— Только еще одно...

— Да?

— Если добудете этот конверт, не заглядывайте в него. Не читайте того, что внутри.

— Как хотите, я не понимаю...

— А вот я не понимаю, зачем вы предупредили меня.

— Я уже объясняла. Могли бы по меньшей мере сказать спасибо.

— Конечно, спасибо.

Она принялась взбираться на берег.

— Не мешкайте, — сказала она на прощанье. — Я добуду вам ваш конверт.

10

Упала ночь, и мне уже незачем было прижиматься к берегу — я смог выйти на стремнину, где меня подхватило течение. Мне встретились два городка, оба на противоположной стороне реки: я видел огни, однако от них меня отделяла не только вода, но и широкая болотистая пойма между водой и настоящей сушей.

Меня тревожила мысль о Кэти. Не было у меня никакого права просить ее о помощи. Я поступил как порядочный мерзавец, если позволил ей взяться за поручение, способное обернуться очень скверно. Но ведь она пришла предупредить меня, она выступила со мной заодно — да и кроме нее обратиться было не к кому. Больше того, похоже, она была здесь единственной, кому я мог доверять. Я твердил себе, что у нее есть все шансы справиться с задачей, и мне по-прежнему казалось важным, чертовски важным, чтобы плотный конверт ни при каких обстоятельствах не попал в руки тех, кто мог бы разгласить его содержание.

Надо как можно скорее связаться с Филипом и насторожить его, предупредив о том, что происходит. Вместе мы, быть может, придумаем что-нибудь, отыщем приемлемый курс действий. Первым делом отплыть от Пайлот Ноба на какое-то расстояние, затем найду телефон — так, чтобы это было достаточно далеко отсюда и звонок не вызвал подозрений.

А пока что я наращивал дистанцию. Течение было быстрое, и я еще помогал ему, размеренно, во всю мочь работая веслом.

Гребля не мешала думать о вчерашнем вечере и о найденном сегодня теле Джастина Болларда. И чем дольше я думал, тем явственнее приходил к убеждению, что Боллард не умирал. Не оставалось сомнений, что троица, напавшая на меня вечером, была той самой, что подпирала стенку в школе. Они похвалялись тем, что задали мне взбучку, и вскоре исчезли, — но куда исчезли и как? Каков бы ни был ответ, но когда они испарились, проще простого было подсунуть мертвое тело, чтобы поссорить меня с законом, а то и подбить толпу на суд Линча. И если Кэти не ошиблась, компания линчевателей уже собиралась и собралась бы, не вмешайся Джордж Дункан и не разгони ее. Что бы ни представляли собой исчадия, которым пока не было имени, но если им по силам смоделировать себя (или энергию, лежащую в их основе) в виде дома, пленницы, рыдвана на козлах, супружеской пары из комикса, ужина на

столе и банки с добротным кукурузным виски, — значит, они способны на что угодно. А уж изобразить мертвое застывшее тело для них — детская задача. И, конечно, сообразил я, они в состоянии использовать свои таланты для того, чтобы удержать пропавшую троицу вдали от людей, пока не произойдут нужные события. Вне сомнения, это безумный способ добиваться своего, но не более безумный, чем прикончить человека машиной, которая тут же растворяется в воздухе, и не более причудливый и замысловатый, чем план, к которому они прибегли, дабы заманить потенциальную жертву в змеиное логово.

Где-нибудь вскоре, по крайней мере я так надеялся, найдется прибрежный поселок с телефонной будкой, и я позвоню. Хотя, наверное, уже объявлена тревога и за прибрежными поселками установлено наблюдение. Однако шериф не может быть уверенным, что я отправился вниз по реке. Не может, правда, лишь в том случае, если Кэти не задержали в мотеле. Я силился выкинуть подобное предположение из головы, но безуспешно — оно возвращалось непрошенным. Впрочем, даже в случае, если за поселками наблюдают, я, вероятно, успею позвонить. А что потом, что делать после звонка? Пожалуй, сдать, хотя это уж я успею решить впоследствии. До меня дошло, что я мог бы сдать и все равно связаться с Филипом, но тогда разговор придется вести в присутствии полицейских и, кроме того, у меня не останется выбора, что делать после звонка.

Я не был вполне удовлетворен тем, как справился с ситуацией. Меня не покидало чувство вины, но сколько я ни прокручивал события в памяти, я не находил своим решениям приемлемой альтернативы.

Ночь вступила в свои права, однако над рекой еще брезжил слабый свет. Вдалеке на берегу мычала корова, чуть слышно залаял пес. А вокруг струилась вода, напевая шепотом свою вечную песнь, порой всплескивала рыба: внезапный шлепок хвостом — и маленький водоворот, и концентрические круги ряби. Мне мерещилось, что я плыву по исполинской равнине, — окаймленные деревьями темные берега и дальние холмы стали просто тенями на крайних ее пределах. Глубокий мир и покой владели этим царством воды и теней. Как ни странно, я ощущал себя на реке в безопасности. В обособленности — более точное слово. Я был центром миниатюрной вселенной, и она простиралась от меня во все стороны, и не было в ней жителей, кроме меня. Достигавшие меня звуки, мычание и лай, несли в себе такой привкус отдаленности, что не разрушали моей самодовольной обособленности, а подчеркивали ее.

И вдруг обособленности пришел конец. Прямо передо мной вода вздулась горбом, и покуда я отчаянными гребками уклонял-

ся от препятствия, из реки поднялась черная масса — ярды и ярды тьмы, с которой потоками сбегала вода.

От черной массы отделилась полоса, отделилась, взвилась в воздух и оказалась исполинской длинной изогнутой шеей с насаженной на нее кошмарной головой. Шея описала в воздухе изящную кривую, и голова нависла прямо надо мной. Взглянув вверх, я в гипнотическом ужасе уставился в красные, почти рубиновые глазки — даже слабенького света, отраженного от поверхности реки, было довольно, чтобы заставить их пылать пламенем. В мою сторону выстрелил раздвоенный язык, а потом раскрылась пасть, и я увидел клыки.

Я схватился за весло и мощным рывком послал каноэ вперед и вбок. Горячее дыхание зверя обожгло мне шею: голова сделала выпад, но промахнулась буквально на несколько дюймов.

Обернувшись через плечо, я увидел, что голова вновь взвивается в воздух, готовясь к новому броску, и уразумел, что игра складывается явно не в мою пользу. Я одурачил чудовище один раз, но сомнительно, чтобы тот же трюк удался мне вторично. Берег был слишком далек и недостижим. Все, что я мог, — увертываться и удирать. На мгновение мелькнула мыслишка, не бросить ли каноэ, но пловец я неважный, а чудовище, несомненно, в своей стихии и без труда выудит меня из воды.

Оно не торопилось. Ему не было нужды торопиться. Оно знало наверняка, что мне не уйти, но ему не хотелось больше промахиваться. Оно приближалось ко мне, раздвигая воду аккуратными расходящимися волнами, — длинная шея напряженно изогнута, голова поднята, пасть разверста, клыки сверкают при свете звезд.

Я резко дернул каноэ вбок в надежде сбить чудовище с курса и заставить затормозить и развернуться, прежде чем оно повторит нападение. И тут, при рывке, что-то стукнуло и покатило, дребезжа, по дну каноэ. И едва я уловил этот стук, я понял, что мне делать. Решение было безрассудным, противоречащим всякой логике, но жизнь моя висела на волоске, и времени оставалось в обрез. Я даже не рассчитывал, что мой план удастся, — да какой там план, скорее инстинктивная реакция, — и уж тем более не имел представления, что будет в случае удачи. Но я не мог не попробовать. Прежде всего потому, что это было единственное действие, пришедшее мне на ум.

Я ударил веслом по воде, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, и оказался с чудовищем лицом к лицу. Затем я наклонился, поднял спиннинг и встал во весь рост. Вообще-то каноэ — посудина, отнюдь не предназначенная для того, чтобы стоять в ней в рост, но эта оказалась довольно устойчивой. К тому же я практиковался, как подниматься в каноэ, еще в дневные часы.

На леске у меня был крючок на окуней, и достаточно тяжелый, возможно даже, слишком тяжелый для этой рыбы, — зазубренный крючок-тройник.

Чудовище подплыло совсем близко, пасть у него была по-прежнему раззявлена. Я отвел удилище назад, мысленно прикинул, куда бы всадить крючок, и энергичным взмахом послал его в цель. Как зачарованный, следил я за металлической искоркой, сорвавшейся с удилища и чуть заметной в отсветах от реки. Когда крючок исчез в пасти, я выждал долю секунды, приподнял конец удилища еще выше и рванул его назад изо всех сил, чтобы зубья впились поглубже. Я ощутил пальцами, что это удалось, тройник зацепился плотно, — и вот вам, пожалуйста, я в утлом каноэ с чудовищем на крючке.

Я не строил никаких планов насчет того, что буду делать, когда заброшу крючок. Я просто не задумывался о том, что будет дальше. Вероятно, я вообще ни на миг не верил, что действительно поймаю чудовище на спиннинг.

Теперь, когда я его поймал, я сделал единственное, что мне оставалось, — стремительно опустил и сжался в комок, отчаянно вцепившись в удилище. Голова чудовища дернулась и задралась к небу. Катушка запела, выматывая леску.

Я вновь рванул спиннинг, засаживая тройник еще глубже, а передо мной вспучилась высокая, как при приливе, волна. Огромное туловище поднялось из воды, оно поднималось и поднималось, и казалось, этому не будет конца. Голова на длиннущей шее яростно моталась туда и сюда, удилище у меня в руках ходило ходуном, но я вцепился в него мертвой хваткой, хотя сам не мог понять, зачем. Одно достоверно: такое рыбацкое счастье мне было не в радость.

Каноэ прыгало на волнах, поднятых ошеломленным чудовищем, зарывалось носом и вставало на дыбы, но я скрючился на дне, слился с лодкой, прижав локти к бортам и норовя расположить центр тяжести как можно ниже, чтоб не перевернуться. И вот лодка двинулась по реке, быстрее и быстрее, на буксире за перепуганным, удирающим зверем.

А я цеплялся за спиннинг, несмотря ни на что. Я мог бы выпустить его или отбросить, но я цеплялся за него и теперь, когда лодка пришла в движение, испустил торжествующий вопль. Мерзкая тварь охотилась на меня, считала своей добычей, но я поймал ее на крючок, и вот она удирает, вне себя от боли и паники, а у меня, кажется, появилась возможность прокатиться на дармовщину.

Чудовище мчалось вниз по реке, леска звенела от напряжения, каноэ шло так стремительно, что взлетало над водой, а я вопил, как полоумный ковбой, оседлавший непокорную лошадь. На минуту я начисто забыл обо всем, забыл, что привело к этой гон-

ке. Осталось лишь само стремительное движение по волшебному ночному миру реки. Чудовище брыкалось и корчилось в упряжке, иззубренные плавники на его спине то выгибались в воздухе, то прижимались к воде, то уходили под воду в тщетной борьбе за освобождение.

И вдруг леска ослабла, а чудовище сгнуло. Я был один на реке, распростертый на дне каноэ, которое скакало вверх и вниз по вскипевшей воде. Когда волнение улеглось, я сел и принялся сматывать леску. Сматывать пришлось долго, однако в конце концов крючок брякнул о борт и вскоре замер на своем законном месте на верхушке удилица. По правде сказать, я удивился, что крючок цел, так как предполагал, что леска оборвалась, позволив чудовищу нырнуть и броситься наутек. Теперь для меня стало очевидным, что хищник попросту исчез. Тройник был засажен в глотку чудовища глубоко и прочно, и вернуться ко мне он мог только в одном случае — если плоть, куда его всадили, перестала существовать.

Каноэ мягко качалось на воде, и я снова взялся за весло. Взошла луна, небо в ее лучах посветлело, и река засверкала, как дорога из жидкого серебра. Весло было у меня в руках, но я не мог решить, что делать дальше. Инстинктивно хотелось не медля опустить весло в воду и грести к берегу, покинуть реку прежде, чем еще одно чудовище вынырнет из глубин. Но по зрелому размышлению я пришел к выводу, что однотипного чудовища не предвидится, поскольку само его появление можно допустить лишь в рамках той же схемы, что и логово гремучих змей, и смерть Джастина Болларда. Иной мир, описанный моим другом, выкинул очередной фокус и опять потерпел неудачу; по-моему, не в их привычках было повторять фокус, который не удался. И если мои рассуждения верны, то в ближайшее время река для меня — самое безопасное убежище на свете.

Мои мысли прервал резкий, пронзительный писк, и я поневоле дернул головой в поисках его источника. На борту, в нескольких футах от меня, сидел, как на насесте, уродец-монстренок. Он был карикатурно человекообразен, весь покрыт густой шерстью и цеплялся за борт нижними лапами, похожими на когти совы. Голова заострялась кверху, и с заостренной макушки волосы свисали на манер соломенной шляпы, какие носят туземцы в отдельных странах Азии. По бокам головы торчали остроконечные уши, напоминающие кувшинчики, а из-под спутанных волос просвечивали багровые глазки.

Как только я разглядел монстренка, его писк стал обретать определенный смысл.

— Трижды испытан — заговорен! — пищал он своим пронзительным голоском, ликуя и надсаживаясь. — Трижды испытан — заговорен! Трижды испытан — заговорен!..

К горлу поднялась тошнота, и я взмахнул веслом. Плоскость весла угодила по монстренку без промаха, смела его с борта и подкинула высоко в воздух, словно я ударил бейсбольной битой по навесному мячу. Писк перешел в слабый всхлип, а я замороженно следил, как он взлетает над рекой, достигает вершины своей траектории и, наконец, начинает падать. Но на полпути вниз монстренок вдруг улетучился, лопнул, как мыльный пузырь: только что был — и не стало.

А я сосредоточился на гребле. Мне необходимо найти поселок, и хватит себя обманывать. Чем скорее я доберусь до телефона и позвоню Филипу, тем лучше для всех.

Мой старый друг в своей рукописи, возможно, в чем-нибудь и ошибся, но, черт меня побери, вокруг творится нечто странное, очень странное.

11

Городишко был крохотный, и уличной телефонной будки в нем не оказалось. Я даже не был абсолютно уверен, что это за городок, если память меня не подводила, он назывался Вудмен. Я попытался представить себе карту местности, но все это ушло в прошлое, ушло слишком далеко, и я не мог быть ни в чем уверен. Однако название городка, внушал я себе, не играет роли. Важно одно — сумею ли я позвонить... Филип в Вашингтоне, и ему лучше знать, что предпринять. А если он и не знает, что предпринять, то по крайней мере имеет право узнать, что происходит. Я обязан ему хотя бы тем, что он послал мне копию рукописи своего дядюшки. Хотя очень может быть, что если бы он не послал мне копию, я не попал бы в эту заваруху.

Во всем деловом кварталчике протяженностью в десяток домов оставалось единственное открытое заведение — бар. Сквозь заляпанные грязью оконца пробивался тусклый желтенький свет. Легкий ветерок раскачивал скрипучую вывеску с изображением кружки пива, укрепленную на железном кронштейне над тротуаром.

Я стоял на противоположной стороне улицы, силясь наскрести храбрости на то, чтобы войти в бар. Разумеется, не было никаких гарантий, что в баре есть телефон, хотя не исключалось, что есть. Однако, переступив порог заведения, я подвергнусь определенному риску, поскольку шериф почти наверняка уже объявил тревогу по моему поводу. Опять-таки возможно, что до бара тревога и не докатилась, но риск был вполне отчетливый.

Каноз осталось на реке, привязанное к какому-то гнилому столбику. Все, что от меня требовалось, — вернуться, забраться в

лодку и выгрести на стремнину. Никто не мог бы мне помешать хотя бы потому, что никто меня не видел. Не считая заведения на той стороне улицы, поселок совершенно вымер.

Но я должен позвонить Филипу, просто обязан! Его надо предупредить, если еще не поздно. Предупрежденный, он, может статься, сообразит, что предпринять. Ведь теперь очевидно, что каждый читавший рукопись моего друга тем самым подвергал себя такой же опасности, какую тот навлек на себя, записав свои предположения.

Я стоял, задыхаясь от нерешительности, и наконец, едва ли отдавая себе отчет в своих поступках, начал переходить улицу. Однако, добравшись до тротуара, остановился и поднял глаза на поскрипывающую вывеску. Скрип словно пробудил меня, и я осознал, какую глупость чуть было не сделал. На меня объявлена охота, и нет никакого резона входить и напрашиваться на неприятности, которым я подвержен и без того. Я прошел мимо бара, не заходя в него, но спустя полквартила круто развернулся и зашагал обратно. И тут до меня дошло, что этому не будет конца, что я могу шагать туда-сюда, не зная, на что решиться, всю ночь напролет.

Тогда я поднялся по ступенькам и толкнул дверь. В дальнем конце зала у стойки сгорбился посетитель, а бармен опирался на стойку, стоя к двери лицом, и вид у него был такой, будто он намерен ждать клиентов хоть до утра. Больше в заведении никого не было, стулья были придвинуты к столам вплотную.

Бармен не пошевелился, словно и не заметил меня. Я вошел, закрыл дверь за собой и подошел к стойке.

— Что прикажете, мистер? — очнулся бармен.

— Бурбон, — ответил я. Про лед я даже не заикнулся: заведение выглядело так, что попросить здесь льда могло бы показаться неприличным. — И наменяйте мне мелочи — в том случае, если у вас есть телефон.

Бармен ткнул большим пальцем в угол зала.

— Вон там. — Я бросил взгляд в направлении, которое он обозначил, и точно — там в углу была телефонная будка. — Ну и глазик у вас!

— Не спорю, — отозвался я.

Он поставил на стойку стакан и нацедил виски.

— Поздненько же вы путешествуете...

— Да уж так, — отозвался я. И посмотрел на наручные часы: половина двенадцатого.

— Я не слышал машины.

— Поставил на улице, может, далековато. Думал, в поселке все уже закрыто. Потом увидел ваш огонек.

Вышло не очень убедительно, однако он не усомнился ни в чем. Ему было наплевать. Он просто поддерживал разговор.

— Я скоро закрываюсь, — сообщил он. — Не имею права торговать после полуночи. Да сегодня все равно никого. Кроме старины Джо, вот он сидит. Но он здесь завсегда. Околачивается каждый вечер до закрытия, пока я не вышвырну его, как паршивую кошку.

Спиртное было не первый сорт, но я нуждался в нем. Оно чуть-чуть согрело меня и помогло избавиться от пленки страха, перекрывшей горло. Я протянул бармену деньги.

— Хотите мелочь на всю сумму?

— Если найдется, то да.

— Найдись-то найдется. Но вы, видно, собрались звонить на край света.

— В Вашингтон.

Я не видел причин темнить. Он снабдил меня мелочью, я вошел в будку и вызвал Вашингтон. Номера Филипа я не знал, пришлось подождать. Потом я услышал зуммер, и мгновение спустя кто-то снял трубку.

— Мистера Филипа Фримена, пожалуйста, — попросила телефонистка. — Междугородний разговор.

На том конце провода послышался удивленный вздох, затем тишина. Наконец женский голос произнес:

— Его нет.

— Вы не знаете, когда он будет? — осведомилась телефонистка.

— Его не будет, — ответил голос придушенно. — Это что, дурная шутка? Филип Фримен умер...

— Вызываемое лицо не может подойти к телефону, — изрекла телефонистка равнодушно, как компьютер. — Мне сообщили...

— Не повторяйте, — перебил я. — Соедините меня с тем, кто подошел к телефону.

— С вас полтора доллара, — сообщил компьютер.

Я полез в карман за мелочью, достал пригоршню, но не совладал с ней и уронил несколько монет на пол. Рука тряслась так, что монеты не попадали в предназначенные для них щели.

Филип Фримен умер!

С грехом пополам я пропихнул в прорезь последнюю монетку.

— Говорите, — разрешила телефонистка.

— Вы меня слышите? — спросил я.

— Слышу, — отозвался призрачный дрожащий голос на том конце провода.

— Простите меня. Я ничего не знал. Меня зовут Хортон Смит, я давний друг Филипа...

— Он упоминал ваше имя при мне. Я его сестра.

— Мардж? — спросил я.

— Да, Мардж.

— Но когда?..

— Сегодня, — сказала она. — Филлис собиралась заехать за ним. Он ждал ее, стоя на тротуаре, и вдруг упал.

— Сердечный приступ?

Наступило долгое молчание, потом она ответила:

— Мы так думаем. Филлис тоже так думает, хотя...

— Как держится Филлис?

— Она спит. Доктор дал ей что-то, чтобы она заснула.

— Не могу передать, как я вам соболезную. Вы сказали — сегодня?

— Несколько часов назад. И, мистер Смит, не знаю, может, и не стоило бы этого говорить. Но вы были другом Филипа...

— В течение многих лет.

— Понимаете, странная штука. Прохожие, видевшие, как он упал, говорят, что он был убит стрелой — стрелой прямо в сердце. Только никакой стрелы не оказалось. Но свидетели сообщили полиции, и теперь следователь... — Голос ее прервался, я расслышал всхлипывания. Потом она спросила: — Вы знали Филипа, но и дядюшку вы ведь тоже знали?

— Да, знал обоих.

— Это кажется невероятным. Оба один за другим...

— Это выглядит невероятным, — согласился я.

— У вас какое-то дело? Вы спрашивали Филипа...

— Уже не имеет значения. Я возвращаюсь в Вашингтон.

— Похороны, наверное, в пятницу.

— Благодарю вас. Извините, что потревожил в такой день...

— Вы же не могли знать. Я передам Филлис, что вы звонили.

— Будьте добры, — ответил я вежливо. Хотя в действительности это не играло особой роли. Филлис меня и не вспомнит. Я встречал жену Филипа всего-то раз или два.

Мы попрощались с Мардж, но я так и остался в кабинке, ошеломленно глядя перед собой. Филип умер — убит стрелой. Не в обычаях наших дней использовать стрелы, чтоб избавляться от людей. Однако, коли на то пошло, морские змеи, а равно змеи гремучие, — тоже не из современного репертуара.

Наклонившись, я стал шарить по полу, собирая рассыпанные монеты. В дверь кабинки постучали. Подняв глаза, я увидел бармена, прижавшегося носом к стеклу. Перехватив мой взгляд, он перестал стучать, зато принялся махать мне рукой. Я выпрямился и открыл дверь.

— Что с вами? — спросил он. — Вам нехорошо?

— Нет, просто растерял монеты.

— Если хотите выпить еще, то как раз успеете. Я закрываюсь.

— Мне надо сделать еще один звонок.

— Тогда в темпе.

Телефонный справочник лежал на полке под аппаратом.

— Найду я здесь номера Пайлот Ноба?

— Найдете. В разделе «Пайлот Ноб — Вудмен».

— Значит, это Вудмен?

— Конечно, Вудмен, — ответил бармен возмущенным тоном. — Вы что, зазевались и не заметили название при въезде?

— Да, должно быть, — ответил я.

Прикрыв дверь кабинки, я раскрыл указанный мне раздел и стал листать страницы в поисках нужного имени. В конце концов я обнаружил его — миссис Джанет Форсайт. К счастью, в разделе не оказалось других Форсайтов, иначе я не ведал бы, кому звонить. То ли я забыл имя жены старого Форсайта, то ли никогда и не знал его.

Я уже потянулся к трубке и хотел было снять ее, но в последнюю секунду заколебался. До сих пор мне все сходило с рук. Надо ли продолжать искушать судьбу? С другой стороны, возразил я себе, вряд ли в здешних краях есть средства установить, откуда пришел звонок.

Я снял трубку, опустил монету и набрал номер. Телефон на том конце провода звонил и звонил, а я ждал. Наконец звонки прекратились и кто-то откликнулся. Мне показалось, что я узнаю голос, но хотелось удостовериться.

— Мисс Адамс? — спросил я.

— Она самая. Миссис Форсайт уже спит, и...

— Кэти, — позвал я.

— Кто это?

— Хортон Смит.

— О!.. — удивленно воскликнула она и замолкла.

— Кэти...

— Очень хорошо, что вы позвонили. Все оказалось сплошной ошибкой. Пропавший Боллард обнаружился. Обнаружились все трое. Теперь все в порядке, и...

— Погодите минутку, — прервал я. Она тараторила так быстро, что слова мешались друг с другом. — Если Боллард обнаружился, то что стало с телом?

— С телом? Вы имеете в виду...

— Да, я имею в виду тело Джастина Болларда.

— Понимаете, Хортон, это самое странное. Тело исчезло.

— Как это исчезло?

Я догадывался как, но следовало убедиться наверняка.

— Ну, если по порядку, труп нашли на опушке у западной околицы и оставили двоих — один был Том Уильямс, не знаю, кто второй, — сторожить его до приезда шерифа. Сторожа отвернулись буквально на мгновение, а когда посмотрели опять, трупа

не оказалось. Украсть его никто не мог. Он просто исчез, и все. Пайлот Ноб в ужасном волнении...

— А вы? — вновь перебил я. — Вы достали конверт?

— Да, он у меня. Я как раз добралась домой, когда стало известно, что тело исчезло.

— Так что теперь все в порядке?

— Да, конечно. Вы можете спокойно вернуться назад.

— Скажите мне только одно, Кэти. Вы смотрели, что лежит в конверте? — Она начала было отвечать, но осеклась. — Послушайте, Кэти, это важно. Вы видели текст?

— Я глянула мельком и...

— Черт возьми, — закричал я, — не увиливайте! Скажите прямо, прочли ли вы текст.

Она разгневалась.

— Ну допустим, прочла. По-моему, человек, сочинивший это...

— Не будем про автора. Много ли вы прочли? Все до конца?

— Первые несколько страниц. До того места, где начинаются заметки. Уж не хотите ли вы сказать мне, Хортон, что в этом что-то есть? Да нет, глупо даже спрашивать. Ничего в этом нет и быть не может. Я не разбираюсь в эволюционных процессах, но даже я вижу в его рассуждениях кучу прорех...

— Не тратьте время на поиски прорех. Что заставило вас прочесть рукопись?

— Ну, наверное, то, что вы не велели мне этого делать. Раз вы так сказали, я уже просто не могла не прочесть. Так что это ваша собственная вина. Но что плохого, если я и прочла?

Все сказанное ею было, конечно же, понятно, и жаль, что я не подумал об этом вовремя. Я предупредил ее, оттого что не хотел впутывать ее в неприятности, и тем самым предопределил с гарантией, что она впутается в них хуже некуда, увязнет по самое горло. И самое скверное, что можно было не впутывать ее вовсе, посылать ее за конвертом не было нужды. Тело Джастина Болларда исчезло, и с момента исчезновения я больше не был подозреваемым. Ну а если бы все повернулось по-другому? — спорил я сам с собой, пытаюсь оправдаться. Шериф не преминул бы обыскать мою комнату в мотеле, обнаружил бы конверт, и тогда-то уж началось бы черт знает что...

— Плохо только то, — сказал я в трубку, — что вы попали в передрагу. Теперь вы...

— Хортон Смит, — взорвалась она, — не вздумайте угрожать мне!

— Я вам не угрожаю. Я очень сожалею, вот и все. Мне не следовало позволять вам...

— О чем это вы сожалеете? — перебила она.

— Кэти, — взмолился я, — выслушайте меня и не спорьте. Как скоро вы могли бы уехать? Вы собирались домой в Пенсильванию. Вы готовы тронуться в путь немедленно?

— В общем-то да, — сказала она. — У меня все сложено — но какая тут связь?..

— Кэти... — начал я и запнулся. Она испугается, а мне этого совсем не хотелось. Однако, как ни крути, а мягких слов тут не отыщешь. — Кэти, — решил я, — человека, написавшего то, что в конверте, убили. Человека, который прислал мне этот конверт, тоже убили буквально пять-шесть часов назад...

Она ахнула:

— И вы полагаете, что я...

— Не валяйте дурака, — сказал я. — Каждому, кто прочтет эту рукопись, грозит опасность.

— А вам? Или эта история с Джастинном...

— По-видимому, так.

— Что я должна делать? — спросила она. Без особого испуга, почти обыденным тоном, ну может, чуть-чуть скептически.

— Вы могли бы сесть в машину и приехать за мной. И заберите конверт, чтобы больше никто не заглянул в него.

— Допустим, я приеду за вами. Что дальше?

— А дальше в Вашингтон. Там есть люди, с которыми надо встретиться.

— Например?

— Хотя бы ФБР для начала.

— Чего же проще снять трубку...

— Ну уж нет! — Я повысил голос. — Только не по такому поводу. Во-первых, они не верят телефонным звонкам. Им бесконечно звонят всякие психи.

— Но вы, очевидно, верите, что сумеете их убедить.

— Может, и не сумею. Вас ведь я, по-видимому, не убедил.

— Не знаю, что и ответить. Мне надо подумать.

— На раздумья нет времени. Или вы приезжаете за мной, или нет. Думаю, было бы безопаснее путешествовать вместе, хотя полной гарантии дать не могу. Но вы в любом случае едете на восток, и...

— Где вы находитесь? — решительно спросила она.

— В Вудмене. Это городок вниз по реке.

— Я знаю, где это. Хотите, чтобы я заехала в мотель и забрала какие-то ваши вещи?

— Нет. По-моему, самое важное — выиграть время. Можем вести машину по очереди, останавливаясь только чтобы заправиться и перекусить.

— Где я вас найду?

— Просто-напросто поезжайте медленно по главной улице. Да тут она единственная, шоссе выведет прямо на нее. Я буду

поджидать вас. Сдается мне, большого наплыва машин тут сегодня ночью не ожидается.

— Я чувствую себя довольно нелепо, — призналась она. — Все это как-то...

— Мелодраматично, — подсказал я.

— Можно назвать и так. Но, как вы справедливо заметили, я в любом случае собиралась ехать на восток.

— Значит, я жду вас?

— Буду через полчаса, — сказала она. — Ну, может, на пять-десять минут позже.

Выбравшись из телефонной будки, я обнаружил, что мышцы ног совсем онемели: я слишком долго пробыл в тесном пространстве не шевелясь, — но кое-как дохромал до стойки.

— Вы не спешили, — заметил бармен кислым тоном. — Я уже вышвырнул Джо, пора закрываться. Вот вам виски, только пейте без канители.

Я взял стакан.

— Буду польщен, если вы составите мне компанию.

— Вы что, предлагаете мне выпить с вами? — Я кивнул, но он покачал головой, заявив: — Я не пью.

Я прикончил бурбон, расплатился и вышел на улицу. В тот же миг огни за моей спиной погасли, а через минуту появился бармен и запер дверь на замок. Спустившись на тротуар, он споткнулся и чуть не упал, однако устоял на ногах и, наклонившись, поднял с земли предмет, чуть не послуживший причиной его падения. Это оказалась бейсбольная бита.

— Чертова ребятня, — заявил он. — Играли допоздна, вот кто-то и позабыл ее. — Он рассерженно бросил биту на скамью, что стояла возле двери, и вдруг добавил: — Я что-то не вижу вашей машины.

— А у меня нет машины.

— Но вы же сказали...

— Сказал. Но если бы я заявил, что у меня нет машины, пришлось бы пускаться в объяснения, а мне надо было успеть сделать эти звонки... — Он взглянул на меня с недоумением: что за чудак — свалился невесть откуда, и еще без машины. Тогда я все-таки пояснил: — Приплыл на каноэ. Привязал его у причала.

— А сейчас что вы намерены делать?

— Подожду прямо здесь. За мной подъедет друг.

— Тот, кому вы звонили?

— Вот именно. Тот, кому я звонил.

— Ну что ж, спокойной ночи. Надеюсь, вам не придется слишком долго ждать.

Он пошел прочь, вероятно, домой, но то и дело замедлял шаг и, полуоборачиваясь, поглядывал на меня через плечо.

Где-то в лесу у реки жалобно заухала сова. Ночной ветер стал покусывать, и я поднял воротник рубашки, надеясь сберечь последние остатки тепла. Бродячая кошка крадучись вышла на улицу, замерла, заметив меня, потом свернула, стремглав перелетела на другую сторону и сгнула в темном проулке между домами.

Как только бармен скрылся из виду, городок приобрел облик полностью покинутого. Раньше я не очень-то его разглядывал, зато сейчас, убивая время, я распознал все приметы местечка заброшенного и жалкого, еще одного умирающего городишки, проследовавшего по пути забвения на шаг дальше, чем Пайлот Ноб. Тротуары потрескались, сквозь трещины выбивалась травка и какие-то сорняки. Дома давно запамятовали, когда их красили и чинили, а их архитектура, если уж почтить эти строения подобным словом, принадлежала прошлому столетию. А ведь были дни — наверняка были такие дни, — когда поселок поднимался новехонький и полный оптимизма: была же некая экономическая целесообразность в его появлении и существовании. И не приходилось сомневаться, что причина, вызвавшая его к жизни, — река в ту пору, когда она еще служила хозяйственной магистралью, когда продукцию ферм и мельниц свозили к пристаням, чтобы погрузить там на пароходы, и те же самые пароходы доставляли обратным рейсом грузы, нужные на селе. Однако река давно утратила свою хозяйственную роль и вернулась к первобытному состоянию — текучая полоса на пойме, и только. Железные дороги, скоростные автострады, самолеты в заоблачной вышине похитили у реки все ее значение, кроме первичного, исконного значения для окрестной природы.

А Вудмен стоит заброшенный, поистине тихая заводь в общественной системе, подобная мелким заводям в стороне от главного русла реки. Некогда многообещающее и по-своему значимое, а то и преуспевающее местечко, ныне впавшее в нищету, цепляется за жизнь как малюсенькая точка на карте (отнюдь не на каждой карте), как пристанище для тех, кто потерял связь с действительностью в той же мере, что и сам городишко. Мир ушел вперед, а такие крошечные умирающие городки не ступили и шагу — они задремали и сбились с ноги, и сегодня их, похоже, не слишком волнуют ни весь остальной мир, ни его обитатели. Здесь сохранили, либо создали, либо возродили свой мир, и этот мир принадлежит безраздельно местным жителям — или они ему. И, размышляя на этот счет, я пришел к выводу, что какова бы ни была подоплека здешних невзгод, доискиваться до нее нет смысла, ибо Вудмен сегодня попросту никому не интересен. И это достойно сожаления, потому что именно в таких городках, дремлющих, забытых и

забывчивых, сохранились редкие ныне ценности — забота о ближнем и сочувствие к нему. Ценности, необходимые человечеству. Ценности, которые несомненно нашли бы себе применение, если бы не были по большей части утрачены.

В таких городишках люди до сих пор способны услышать, вообразить себе завывания стаи оборотней, тогда как остальной мир вслушивается, не грянет ли звук пострашнее, звук — предвестник громового удара атомной смерти. По моему мнению, если уж выбирать, то завывания оборотней как-то симпатичнее и безопаснее. И если провинциализм таких городков — безумие, то безумие тихое, добродушное, даже приятное, в то время как безумие большого мира чем-чем, а добротой не отличается.

Скоро должна появиться Кэти, — вернее, можно надеяться, что появится. Если не появится, на нее тоже нельзя сердиться. Она сказала, что приедет, но я не обманывался: поразмыслив, она могла и передумать. Я ведь и сам поначалу серьезно усомнился в том, что прочел в рукописи моего друга, а у меня даже тогда было куда больше оснований доверять прочитанному, чем накопилось у Кэти.

Ну а если она не появится, что прикажете делать дальше? Самое логичное — вернуться в Пайлот Ноб, собрать свои пожитки и направиться в Вашингтон. Хотя мне не было до конца ясно, получится ли из этого что-нибудь путное. Куда лучше сунуться — в ФБР или ЦРУ? Или куда-то еще? Надо найти кого-то, кто выслушал бы меня, и выслушал со вниманием, а не пропустил бы мои слова мимо ушей как бред сумасшедшего.

Я стоял, прислонившись к стене дома, где уютился бар, и поглядывал в сторону, откуда должна была вот-вот появиться Кэти, когда вместо нее из мрака рысцой выбежал волк.

В волках есть некое качество, не присущее ни одному другому зверю. Какой-то глубинный инстинкт из отдаленного прошлого бросает нас при виде волка в озноб, поднимает волосы дыбом. Вот перед нами непримиримый враг, убийца столь же жестокий и беспощадный, как и сам человек. В нем нет ни крупинки великодушия, он коварен и изобретателен, жесток и неумолим. Между ним и человеком нет и не может быть перемирия — взаимная вражда тянется слишком долго. Неудивительно, что завидя волка, вынырнувшего из мрака, я ощутил мгновенный озноб и мурашки по коже.

Волк бежал целеустремленно. Не крался, не таился — у него была определенная цель, и он был не намерен отвлекаться по пустякам. Он был большой и черный или, по крайней мере, ночью казался черным, а кроме того, он был тощий и выглядел проголодавшимся.

Я оторвался от стены и торопливо огляделся вокруг в поисках чего-нибудь, что могло бы служить оружием. Взгляд мой упал на

бейсбольную биту, она лежала там, куда бармен швырнул ее, на скамье. Дотянувшись до нее одним движением, я ухватился за рукоять. Бита была увесистой и удобно легла мне в ладонь.

А когда я вновь посмотрел на улицу, там оказался уже не один волк, а три. Они бежали цепочкой друг за другом, одинаковой рысцой и с одинаковой, действующей на нервы самоуверенностью.

Я застыл на тротуаре с зажатой в руке битой. Как только первый волк поравнялся со мной, он остановился и развернулся ко мне мордой.

Наверное, я мог бы заорать и перебудить весь городок и уж точно мог позвать на помощь. Однако идея такого рода даже не пришла мне в голову. Это дельце следовало решить между нами, между мной и этими тремя волками — нет, уже не тремя, их стало больше, они вереницей выныривали из ночи и трусили по улице в мою сторону.

Я же знал, знал с самого начала, что это не волки, не просто волки, не обыкновенные волки, рожденные и выросшие на обыкновенной земле. Не более подлинные, чем морской змей, объявившийся на реке. Это были те самые, с которыми я уже был знаком, те, про которых рассказывала Линда Бейли, а может, те самые, которых я слышал накануне вечером, когда вышел на минутку вдохнуть свежего воздуха. Линда Бейли говорила — собаки, но какие к черту собаки! Олицетворение древнего ужаса, восходящего к первым дням человечества, и ужас этот не только уцелел в бесчисленных столетиях, но, более того, столетия ужаса закрепили, отточили и материализовали его.

Словно повторяя маневр, отрететированный заранее на учениях, волки подбегали к своему лидеру, выстраивались в шеренгу и разворачивались ко мне. Собравшись все вместе, они разом сели, будто по чьему-то приказу, и сидели рядком в одинаковых позах — прямо, но без напряжения, аккуратно подбрав передние лапы под себя. Посидев немного, они вывалили языки набок и принялись дышать — не очень шумно, почти застенчиво. И не спускали с меня глаз, не отводили от меня взгляда ни на секунду.

Я пересчитал волков — их оказалась ровно дюжина.

Тогда я перехватил биту, стиснул ее покрепче, хотя и понимал, что если они накинутся на меня, надеяться не на что. Если накинутся, то, без сомнения, все одновременно, как одновременно исполняли все остальное. Бейсбольная бита, только бы размахнуться хорошенько, — страшное оружие, и я наверняка успею прибить одного, а то и нескольких, но никак не успею перебить всех. Может быть, я сумел бы, подпрыгнув, достать до железного кронштейна, на котором болталась вывеска с кружкой пива, но крайне сомнительно, что кронштейн выдержит мой вес.

Он и без того скособочился и прогнулся. Винты, или болты, или на чем он там крепится, выскочат из трухлявого дерева при малейшем усилии.

Остается одно, — внушал я себе, — собрать все свое мужество, и будь что будет...

Но на мгновение я отвлекся от волков, чтобы посмотреть на вывеску, а когда взглянул на них снова, перед ними, откуда ни возьмись, вырос уродец-монстренок с заостренной головкой.

— Надо бы позволить им сожрать вас, — пропищал он злобно. — Там, на реке, у вас не имелось никакого права огреть меня веслом...

— Если ты не закроешь варезку, — ответил я, — я огрею тебя еще и этой битой.

Он в ярости подпрыгнул вверх-вниз, как мячик.

— Какая неблагодарность! — проверещал он. — Если бы не правила...

— Какие правила? — удивился я.

— Надо бы знать, — завизжал он, вне себя от гнева. — Это же вы, люди, навязали их нам.

И тут до меня дошло.

— Ты имеешь в виду эту белиберду, что трижды испытан — заговорен?

— К несчастью, — взвизгнул он, — это так и есть.

— И теперь, когда вы, недоумки, опростоволосились трижды подряд, с меня взятки гладки?

— Увы, — согласился он.

Я опять поглядел на волков. Они сидели в той же позе, свесив языки, и ухмылялись. Я догадался, что им все равно, броситься ли на меня или удалиться трусцой восвояси.

— Но есть кое-что в дополнение, — заявил монстренок с заостренной головкой.

— Что, припасли уловку про запас?

— Вовсе нет, — откликнулся монстренок. — Дело касается благородного рыцарства.

Я пришел в недоумение, при чем тут рыцарство, но вопроса не задал. Было ясно, что он и сам все скажет. Ему не терпелось, чтобы я спросил. Его, видно, до сих пор корежило от того удара веслом, и ему донельзя хотелось поиздеваться надо мной. Он злобно пялился на меня из-под свисающих с макушки косм и молчал. Молчал и я, крепко сжимая битую. А волки потешались от души, их просто распирало от беззвучного смеха.

В конце концов он не выдержал.

— Вы свой трехкратный заговор имеете, — заявил он. — Но есть особа, которая не имеет.

Он застиг меня врасплох и смекнул, что застиг врасплох, — его счастье, что я никак не дотянулся бы до него битой.

— Ты говоришь о мисс Адамс, — уточнил я как мог хладнокровнее.

— Вы быстро уловили суть, — одобрил он. — Желаете ли вы, как благородный джентльмен, принять ее искус на свои плечи? Если бы не вы, она не была бы уязвима. Полагаю, вам приличествует вернуть ей долг.

— Согласен, — заявил я.

— Вы серьезно? — выкрикнул он с ликованием.

— Совершенно серьезно.

— Вы принимаете на свои плечи...

Я прервал его:

— Кончай разглагольствовать. Я сказал то, что сказал.

Вероятно, я мог бы потянуть время, но в таком случае я, по-моему, потерял бы лицо, а мне почему-то казалось, что терять лицо при данных обстоятельствах никак нельзя.

Волки разом поднялись на ноги и разом прекратили шумно дышать, и усмешку с них как ветром сдуло.

Мысли крутились бешеным водоворотом: что бы такое придумать, что предпринять, чтобы обрести хоть какой-то шанс выбраться из этой западни? Но водоворот крутился впустую. Идей не возникало.

Волки неторопливо двинулись вперед, вид у них был целеустремленный и деловой. Они выполняли поставленную задачу и были полны решимости выполнить ее и перейти к очередным делам. Я попятился. Если прижаться спиной к стене, то, может, удастся продержаться чуть подольше. Я замахнулся на волков битой — они приостановились, потом двинулись снова. Что оставалось? Прильнуть к стене и ждать.

И тут в стену напротив ударил сноп света, повернулся как на шарнире и устремился вдоль улицы в нашу сторону. Из ночи вынырнули слепящие фары. Протестующе взвыл мотор — машина резко набрала скорость, вой мотора смешался с истерическим визгом покрышек.

Волки обернулись, присели в испуге, пригвожденные лучом света, потом рванулись, но два-три из них рванулись недостаточно резво. Машина влетела в стаю, как плуг, послышался тошнотворный хряск металла, раздирающего мясо и крошащего кости. И — волков не стало, они пропали, как пропал монстренок с заостренной головкой, когда я на реке врезал ему веслом.

Машина замедляла ход, и я бросился к ней со всех ног. Не то чтоб я предвидел новую немедленную угрозу, но в салоне я буду точно в большей безопасности.

Едва машина остановилась, я подскочил к ней, вскочил на сиденье, захлопнул дверцу, запер на замок и выдохнул:

— Один искус пройден, два впереди.

— Один искуc пройден? — переспросила Кэти дрогнувшим голосом. — Как это понять?

Она старалась держать себя в руках, однако ей это не очень удавалось. Я потянулся к ней в темноте, коснулся ее и понял, что ее бьет дрожь. Видит Бог, вполне обоснованно.

Я притянул ее к себе и обнял, а она прильнула ко мне. А вокруг простиралась тьма, проникнутая древним ужасом и тайной.

— Что это были за звери? — спросила она нетвердо. — Они прижали вас к стене и выглядели как волки.

— Это и были волки. Только особенные.

— Особенности?

— Волки-оборотни. По крайней мере, мне так кажется.

— Но, Хортон...

— Вы же читали рукопись. Хотя не должны были этого делать. Теперь вам следовало бы понимать...

Она отшатнулась от меня.

— Но такого не может быть! — заявила она суровым тоном учительницы. — Не может быть ни оборотней, ни гоблинов, ни остальных в этом духе...

Я тихо рассмеялся — я ничуть не упивался собой, просто меня позабавила искренность ее протеста.

— Их и не было, — сказал я, — пока не объявился нахальный щуплый примат и не вообразил их себе.

Она взглянула на меня пристально и произнесла:

— Однако здесь, в Вудмене, они были...

— И сожрали бы меня, не подоспей вы вовремя.

— Я ехала очень быстро. Слишком быстро для такой дороги. Кляла себя за это, но чувствовала, что надо спешить. Я так рада, что не опоздала...

— Я тоже.

— Что будем делать теперь?

— Поедем дальше. Не теряя времени. Не задерживаясь ни на минуту.

— В Геттисберг?

— Вы же собирались именно туда.

— Да, конечно. Но вы упоминали Вашингтон.

— Мне действительно надо попасть в Вашингтон. И как можно скорее. Может, было бы лучше...

— А что, если я поеду с вами прямо в Вашингтон?

— Если бы вы только смогли. Это было бы во сто крат безопаснее.

Я сам удивился своим словам. Как я смею гарантировать ей безопасность?

— Тогда, наверное, нужно трогаться не откладывая. Путь не близкий. Хортон, вы не согласились бы сесть за руль?

— Разумеется, — ответил я и открыл дверцу.

— Не надо! — воскликнула она. — Не выходите наружу!

— Я же должен обойти машину.

— Поменяемся местами не выходя. Протиснемся как-нибудь...

Я рассмеялся. Я стал ужасно храбрым.

— С этой бейсбольной битой мне ничто не грозит. Да там, снаружи, и нет никого.

Тут я ошибся. Некто или нечто возникло опять. Оно вскарабкалось по борту машины и к моменту, когда я вышел, устроилось на капоте. И повернулось ко мне, приплясывая от негодования. Заостренная головенка тряслась, остроконечные уши хлопали по щекам, шляпа из волос, свисающих с макушки, прыгала вверх и вниз.

— Я рефери, — визгливо объявил монстренок. — Вы берете хитростью. За такую грязную игру полагаются штрафные очки. Я подаю на вас протест за нарушение правил...

Вне себя от ярости, я схватил биту обеими руками и размахнулся. Для одного вечера с меня было достаточно, странный уродец допек меня вконец.

Медлить он не стал. Он усвоил, чего можно ждать, — колыхнулся и исчез, и бита просвистела по воздуху.

13

Я пытался заснуть, привалившись к спинке сиденья, но сон не шел. Тело остро нуждалось в отдыхе, а мозг бунтовал и не соглашался отключиться. Я проваливался в сон, блуждал по самой его кромке, но мне никак не удавалось провалиться в него окончательно.

Перед глазами строем проходили картины, и не было им предела, да и повода к ним, прямо скажем, не было. Я даже не думал, я был слишком вымотан для того, чтобы думать. Я слишком долго просидел за баранкой — всю ночь до рассвета, потом мы остановились перекусить где-то возле Чикаго, а потом я снова гнал машину прямо на восходящее солнце, пока меня наконец не сменила Кэти. После этого я сразу попробовал заснуть и ухитрился чуть-чуть подремать, однако отдохнувшим себя не почувствовал. У границ Пенсильвании мы пообедали, и теперь я твердо решил урвать часок-другой на настоящий сон. Только ничего из этого не выходило.

Ко мне опять подкрадывались волки, трусили на мягких лапах с тем же безразличием, с каким трусили по улице в Вудмене. Они окружали меня, я прижимался спиной к стене, я высматривал Кэти, я ждал ее, а она не появлялась. Волки нападали на меня, и я бился с ними, сознавая, что все равно их не одолею, а рефери за-

брался на кронштейн со скрипучей вывеской и писклявым голоском выкрикивал проклятия в мой адрес. Ноги и руки наливались свинцом, ими было трудно пошевелить, и я отчаянно, до боли, до изнеможения хотел заставить их слушаться. Я наносил удары битой, но удары получались слабые, немощные, хоть я вкладывал в них всю свою силу. И я недоумевал и огорчался, пока меня постепенно не осенило, что в руках у меня не бейсбольная бита, а гибкая, извивающаяся гремучая змея.

И едва я осознал это, как змея, и волки, и Вудмен поблекли и стерлись, и оказалось, что я вновь беседую со старым другом, который съежился в кресле, угрожающем поглотить его без остатка. Он показал мне жестом на дверь, ведущую во дворик, и, повинувшись этому жесту, я поднял глаза к небу и увидел там волшебную страну с древними корявыми дубами и средневековым замком, взметнувшим в вышину белоснежные шпили и башенки, а по дороге, ведущей к замку, петляющей в обход диких безмолвных скал, шествовала пестрая толпа разномастных рыцарей и чудищ. «По-моему, мы в осаде», — сказал мне мой друг, и только он это сказал, как у меня над ухом просвистела стрела и впилась ему в грудь. Где-то за кулисами, словно я очутился на театральных подмостках, сладенький голос начал декламировать: «Кто малиновку убил? Я, ответил воробей...»¹ — и, присмотревшись внимательно, я понял со всей ясностью, что мой старый друг со стрелой в груди — никакая не малиновка, а самый настоящий воробей, и то ли его подстрелил другой воробей, то ли я недопонял и малиновка сразила воробья, а не наоборот. И я заявил уродцу-монстренку-рефери, который теперь пристроился на каминной полке: «Почему ты не подаешь протест, ведь это грязная игра, самая грязная из всех возможных, если мой друг убит...» Хотя, в сущности, я не был уверен, что он убит: он все так же сидел, утонув в кресле, сидел с улыбкой на устах, и там, куда вошла стрела, не показалось ни капли крови.

Но тут, подобно волкам в Вудмене, мой старый друг и его кабинет исчезли без следа, зеркало моего сознания очистилось, и я обрадовался этому, однако почти мгновенно выяснилось, что я бегу по улице, а впереди маячит здание, знакомое мне и многим, и мне непременно нужно туда попасть, я стремлюсь к нему из последних сил, это очень важно, и в конце концов добираюсь до цели. За столом сразу у входной двери расположился агент ФБР. Я немедленно понимаю, что он агент, по квадратным плечам и выпирающей челюсти, а также по черной шляпе пирожком. Я наклоняюсь к самому его уху и передаю ему шопотом страшную тайну, о которой нельзя говорить никому, потому что она грозит смертью каждому, кто проникнет в нее. Агент слушает меня без всякого выражения на лице, ни разу не шевельнув бровью, а ког-

¹ Строка из популярной в англоязычных странах детской песенки.

да я заканчиваю рассказ, хватается за телефонную трубку. «Ты гангстер, — кричит он мне, — я узнаю вашего брата за сотню шагов!..» И тут я вижу, что ошибся, что никакой он не агент, а просто Супермен. Без малейшей паузы на его месте оказывается другой человек в другом здании — этот стоит сурово и величественно, седые волосы тщательно расчесаны, седые усы щеточкой тщательно подстрижены. Я сразу понимаю, что он не кто иной, как агент ЦРУ, и привстаю на цыпочки, чтобы поведать ему на ухо ту же тайну, что и человеку, ошибочно принятому за фэбээровца, но на сей раз я старательно подбираю выражения, привычные для ЦРУ. Суровый агент стоит и слушает и, выслушав, хватается за телефонную трубку. «Ты шпион, — объявляет он мне, — я распознаю шпионов за сотню шагов!..» И тут я отдаю себе отчет, что и ФБР и ЦРУ мне привиделись, что я вовсе не в здании, а на угрюмой серой равнине, простирающейся во все стороны до самого горизонта, но горизонт тоже сер, и не разберешь, где кончается равнина и начинается небо.

— Ну постарайтесь заснуть, — сказала Кэти. — Вам необходимо поспать. Хотите таблетку аспирина?

— Зачем мне аспирин, — пробормотал я. — Я маюсь не от головной боли...

Мои мученья были, вне сомнения, куда хуже головной боли. Это не были сны — я же полубодрился. И я знал, все время знал, какие бы миражи ни проносились в моем сознании, что нахожусь в машине и что машина движется. Даже пейзажи за окном не утратились полностью: я полужамечал деревья и холмы, поля и отдаленные фермы, встречные и попутные машины и саму дорогу, мерцающую впереди, я полуслышал шум мотора и шелест шин. Но все это виделось и слышалось тускло и глухо, скользило мимо, не задевая разума и не влияя на миражи, порожденные мозгом, который потерял контроль над причинами и следствиями и бредил, обобщая фантастику оживших небылиц.

Я опять очутился на равнине, но теперь уяснил себе, что она лишена всяких примет, пустынна и вечна, ровна как скатерть и на ней нет ни рубчика, ни холмика, ни деревца, что этой безликости нет конца, нет края и что небо над равниной, в точности как она сама, лишено примет — ни облачка, ни солнца, ни звезды, и вообще непонятно, день здесь или ночь: для дня слишком темно, для ночи слишком светло. Короче, глубокие сумерки — и я задал себе вопрос, могут ли сумерки длиться вечно, может ли статься, что и не будет ничего, кроме сумерек, стремящихся к ночи, но не способных перейти в нее. Я торчал на равнине, пока до меня не донесся далекий вой — вой, который я не мог спутать ни с чем, такой же точно, как когда я вышел за глотком свежего воздуха и услышал стаю, беснующуюся в Уньлой лощине. Напуганный, я стал медленно озираться, пытаюсь определить, откуда пришел

звук, и вдруг различил нечто бредущее у самого горизонта и смутно чернеющее на фоне серого неба. Смутно, и все же как не узнать эту иззубренную спину, эту длиннущую изогнутую шею, увенчанную безобразной верткой и жадной головой.

Я бросился бежать, хотя бежать было некуда, а уж спрятаться и подавно негде. И на бегу разобрался, что эта равнина — место, которое существовало всегда и будет существовать всегда, где ничего никогда не случилось и ничего никогда не случится. И сразу же я уловил еще один звук, непрерывный и надвигающийся, просто слышен он был лишь в паузах, когда волки смолкали, — не то хлопки, не то шлепки, сопровождаемые шуршанием и время от времени резким, жестким гулом. Я завертелся, шаря взглядом по поверхности равнины, и спустя мгновение увидел их — целый эскадрон стелющихся и извивающихся устремившихся на меня гремучих змей. Я снова бросился бежать, напрягаясь до изнеможения, до свиста в легких, — и ведь знал, прекрасно знал, что бежать нет смысла, да и резона нет. Потому что здесь, на этой равнине, ничего никогда не случилось и ничего никогда не случится, а следовательно, здесь совершенно безопасно. Бежать меня заставляет страх, и только страх. Здесь безопасно, здесь не существует опасности, но именно поэтому — другая сторона медали — здесь все тщетно и нет места надежде. И тем не менее я бежал и не мог остановиться. Волчий вой не приближался и не отдалялся, а доносился с того же расстояния, что и прежде, да и змеи, шлепая и шурша, держались со мной наравне. Силы мои истощились, я задохнулся и упал, потом вскочил, снова бросился бежать и снова упал. Наконец я упал и остался лежать, безразличный ко всему и к тому, что случится со мной, — хотя мне ведь было известно, что здесь ничего не случается. Я даже не пытался встать. Я просто лежал и позволил тщете, безнадежности и тьме сомкнуться надо мной.

Однако неожиданно меня пронзила догадка, что дело дрянь. Не было больше ни шума мотора, ни шелеста шин по бетону, ни ощущения движения. Вместо этого был тихий шорох ветра и запах цветов.

— Проснитесь, Хортон! — Голос Кэти звучал испуганно. — Что-то случилось. Что-то очень, очень странное...

Я разомкнул веки и сделал усилие, пытаюсь приподняться. Потом обеими руками протер слипшиеся со сна глаза.

Машина стояла как вкопанная, и не на автостраде. И вообще не на проезжей дороге, а на убогом проселке — выбитые повозками глубокие колеи петляли вниз по склону, обходя валуны, деревья и густые кусты, усыпанные яркими цветами. Меж колеями росла трава, и над всем висела первозданная тишина.

Мы находились, по-видимому, на вершине высокого холма или даже горы. Ниже нас склоны были одеты сплошным лесом, а

здесь, на вершине, деревья росли реже, зато поражали если не числом, то размерами — в большинстве своем могучие дубы с узловатыми, перекрученными ветвями и со стволами, запятнанными толстыми наростами мха.

— Ехала я себе, ехала, — рассказывала потрясенная Кэти, — не слишком быстро, ниже лимита, скорость была примерно миль пятьдесят. И вдруг — никакой дороги, машина прокатилась чуть-чуть и встала, мотор заглох. Но это невозможно! Так просто не бывает...

Я все еще не совсем очухался. Протер глаза снова — и не столько чтобы снять остатки сна, сколько потому, что местность выглядела как-то неправдоподобно.

— Не было никакого торможения, — продолжала Кэти. — Никакого толчка. И как можно вообще оказаться за пределами автострады? С нее же никак не съедешь...

Я видел где-то такие дубы, видел — и силился припомнить, где и когда. Не эти дубы конкретно, но другие точно такие же.

— Кэти, — обратился я к ней, — где мы?

— Наверное, на гребне гор Саут Маунтинз. Я только что проехала Чемберсберг.

— Ага, — сказал я, представив себе карту, — значит, мы почти добрались до Геттисберга.

По правде говоря, когда я задавал свой вопрос, я имел в виду нечто совсем иное.

— Вы до сих пор не сознаете, Хортон, что нас обоих могло убить...

Я покачал головой.

— Ну нет, не могло. Только не здесь.

— Как вас понять? — спросила она, раздражаясь.

— Взгляните на эти дубы, — предложил я. — Вы никогда раньше не видели таких дубов?

— Насколько помню...

— Нет, вы их видели. Обязательно видели. В детстве. В книжках про короля Артура, а может, про Робин Гуда.

Она ахнула и схватила меня за руку.

— На старых романтических, пасторальных рисунках!

— Совершенно верно. И все дубы в этом мире, вероятно, именно таковы, все тополя — высоки и величавы, а кроны сосен — треугольные, как на картинках.

Она стиснула мою руку еще крепче.

— Значит, это иной мир? Тот, что в рукописи вашего друга...

— Пожалуй, — ответил я. — Пожалуй...

Я понимал, что другого объяснения нет, я вполне верил Кэти, что, не попади мы в этот мир, мы оба, слетев с автострады, погибли бы, и все равно переварить случившееся было невероятно трудно.

— Но я думала, — сказала Кэти, — что этот мир населен призраками, гоблинами и прочими страшилищами...

— Страшилища тут водятся, не без того. Но скорее всего не только страшилища, а наряду с ними и добрые существа.

«Ибо, — добавил я про себя, — если это действительно тот мир, который гипотетически обрисовал мой друг, тогда он вместил в себя все легенды и мифы и все волшебные сказки — при условии, что человек вообразил их так полно и интенсивно, что они стали частью его самого».

Я отворил дверцу и выбрался наружу.

Небо было синее, пожалуй, чуть более синее, чем надо. Трава была капельку зеленее, чем нормальная трава, однако в ее сверхзелености проступал еще и оттенок счастья — тот, что, наверное, ощущает восьмилетний ребенок, выбежав босиком на свежую, мягкую весеннюю мураву.

Осмотревшись, я пришел к заключению, что пейзаж воистину сказочен до мельчайших подробностей. Они-то, подробности, подчеркивали неуловимым образом — не выразишь словами, — что это не земной, не трехмерный пейзаж: он был слишком хорош для какой бы то ни было страны на Земле. Пейзаж выглядел как иллюстрация, раскрашенная от руки.

Кэти, обойдя машину, встала со мной рядом.

— Здесь так покойно, — сказала она. — Так покойно, что не верится...

Откуда-то снизу к нам пришлепал пес — именно пришлепал, а не прибежал. Вид у него был анекдотический. Свои длинные уши он норовил держать торчком, но верхние их половинки все равно перегибались и свисали вниз. И весь он был большой и нескладный, а хвост, похожий на палку, торчал вертикально вверх, как радиоантенна. Шерсть у него была гладкая, лапы огромные, и в то же время он был невероятно тощ. Голову, несуразно костлявую, он держал высоко, с достоинством, и скалился, демонстрируя превосходные зубы, но самое смешное заключалось в том, что зубы были не собачьи, а человеческие.

Он подошел к нам вплотную, замер, а затем, вытянувшись, положил морду на передние лапы. При этом зад оставался приподнятым, а хвост крутился пропеллером, описывая точные круги. Пес был чертовски рад встрече с нами.

Но тут снизу донесся резкий, нетерпеливый свист. Пес вскочил и повернулся в сторону, откуда свистели. Свист повторился — тогда карикатурный пес глянул на нас еще раз через плечо, словно извиняясь, и припустил под гору. Манера бежать у него оказалась столь же несуразная, как и все остальное: задние лапы на бегу перегоняли передние, а хвост, задранный под углом сорок пять градусов, вращался бешеными кругами от неистовой радости бытия.

— Откуда я знаю этого пса? — произнес я. — Я его определенно где-то видел...

— Ну как же! — ответила Кэти, поражаясь моей несообразительности. — Это же Плутто, пес Мики Мауса!

Я подосадовал на себя. Форменная глупость не узнать пса, которого следовало бы отличить без промедления! Но когда настраиваешься на встречу с гоблинами и феями, никак не лезет в голову, что нарвешься на персонаж из мультфильмов.

А между тем все они, естественно, тоже здесь — вся честная компания. Доктор Як, и скверные мальчишки-кошкодавы, и Гарольд Тинэйджер, и бестолковый Дэгвуд, не говоря уж о причудливых героях, выпущенных в мир Диснеем.

Плутто явился к нам, желая познакомиться, но Мики Маус свистом отозвал его — и мы оба, Кэти и я, не усмотрели в этом ничего необычного. Если бы мы оставались вне этого мира, за его пределами, и смотрели на вещи с обыденной логической точки зрения, то не сумели бы принять подобное происшествие нипочем. Да что там, мы ни при каких обстоятельствах не согласились бы с тем, что этот мир вообще существует и что сюда можно попасть. Но раз уж мы здесь и не можем отойти в сторону, остается лишь отбросить сомнения и возвести шутство в ранг истины.

— Хортон, — спросила Кэти, — что нам теперь делать? Как по-вашему, сможет машина пройти по такой дороге?

— Можно ехать медленно. На первой скорости. А может, дальше дорога станет лучше...

Она вновь обошла машину кругом и уселась за руль. Потянулась к зажиганию, повернула ключ — никакого эффекта. Выключила зажигание, попробовала опять — и не раздалось ни звука, не было даже слабого бряканья, какое слышится при заупрямившемся стартере.

Я подобрался к машине спереди, отстегнул замки капота и открыл его. Сам не понимаю, чего ради я это сделал. Я же не механик и не сумел бы совладать с неисправностью, даже если бы нашел ее. Перегнувшись через радиатор, я осмотрел мотор — вроде бы все нормально. Хорошая половина мотора могла бы отсутствовать начисто — я бы ничегошеньки не заметил.

Вскрик и глухой удар оторвали меня от моего занятия. Подскочив, я грохнулся головой о крышку капота.

— Хортон! — позвала Кэти.

Я стремглав бросился на крик — она сидела на земле с лицом, перекошенным от боли.

— Нога... — выдохнула она. Тут я заметил, что ее левую ногу заклинило в колее. — Вылезала из машины и ступила наземь не глядя...

Опустившись подле нее на колени, я высвободил ногу из капкана как мог осторожнее. Туфля осталась в колее. Щиколотка у Кэти покраснела, и уже образовался кровоподтек.

— Ну что за дурость! — упрекнула она себя.

— Больно?

— Еще бы нет! Кажется, я ее вывихнула. Или растянула.

Щиколотка выглядела так, что в это нетрудно было поверить. И что к чертям прикажете делать с растяжением связок в таком заповеднике? Врачей здесь, разумеется, нет. Вроде бы я когда-то слышал, что рекомендуется закрепить растянутые связки эластичным бинтом, но бинта здесь, конечно, тоже не сыщешь.

— Надо снять чулок, — сказал я. — Если распухнет...

Кэти без возражений подняла юбку и, отстегнув подвязку, приспустила чулок. Я бережно стащил его, и, как только эта деликатная операция завершилась, стало ясно, что щиколотка повреждена, и сильно. Она воспалилась и слегка отекла.

— Кэти, — сказал я, — просто не представляю себе, что полагается делать в таких случаях. Может, вы знаете...

— По всей вероятности, все не так плохо, хоть и болит. Завтра-послезавтра пройдет. Машина послужит нам убежищем. Даже если она не заведется, в ней можно жить.

— А вдруг найдется кто-нибудь, кто может помочь? Без помощи мне не справиться. Если бы у нас был бинт! Я мог бы порвать на бинты рубашку, но нужна эластичность...

— Кто-нибудь, кто может помочь? Здесь-то?

— Попытка не пытка. Вы же видели, тут живут не только призраки с гоблинами. Наверное, гоблинов даже не слишком много. Они устарели, вышли из моды. Теперь тут другие...

— Возможно, вы и правы, — кивнула она. — Идея, что можно жить в машине, не такая уж и богатая. Нам нужно есть и пить. Но, быть может, мы рано перепугались. Быть может, я не лишилась способности ходить.

— Кто это перепугался? — подал я голос.

— Меня не проведете, — резко сказала она. — Мы попали в переделку, и вам это прекрасно известно. Мы ничего не знаем об этом мире. Мы тут иностранцы. У нас, если угодно, нет права здесь находиться.

— Мы же сюда не напрашивались...

— Какая разница, Хортон?

Да, наверное, никакой. Очевидно, кому-то понадобилось, чтобы мы очутились здесь. Кто-то перенес нас сюда.

От такой мысли мне стало не по себе. Я не за себя испугался, — по крайней мере, мне казалось, что не за себя. Черт побери, я-то вынесу любую гадость. После гремучих змей, морского змея и оборотней меня уже ничем не проймешь. Но вот Кэти, — как хотите, а затаскивать ее сюда было нечестно.

— Послушайте, — обратился я к ней, — что если я посажу вас в машину, вы запретесь изнутри, а я тем временем совершу небольшую разведку?

— Что ж, — согласилась она. — Если вы мне поможете...

Я не стал ей помогать. Я попросту поднял ее и усадил в машину. И, опустив на сиденье, дотянулся до противоположной дверцы, чтобы запереть замок.

— Поднимите стекло и закройте, — повторил я. — И кричите громче, если что-нибудь. Я буду недалеко, я услышу...

Она почти подняла стекло, потом приспустила его снова и, подняв с полу бейсбольную биту, просунула ее мне через окно.

— Возьмите, пригодится.

И я зашагал по тропинке вниз с битой в руке. Чувство было довольно-таки дурацкое, но бита приятно тяжелила ладонь и действительно могла пригодиться.

На повороте, там, где тропинка огибала огромный дуб, я остановился и оглянулся. Кэти смотрела мне вслед сквозь ветровое стекло. Я помахал ей и двинулся дальше.

Склон был крутой. Верхушки деревьев смыкались ниже меня сплошной непролазной чащобой. Не было ни ветерка, лес стоял недвижимый, только зелень листвы посверкивала, отражая предвечернее солнце.

Еще чуть ниже — и тропинка заложила новую петлю, огибая еще один дуб, а за поворотом меня поджидал указатель. Он был сильно побит временем и непогодой, однако надпись читалась отчетливо: «НА ПОСТОЯЛЬНЫЙ ДВОР» — и рядом стрелка.

Вернувшись к машине, я втолковывал Кэти:

— Не знаю, что это за двор, но не исключено, что там будет все-таки лучше, чем в машине. Может, там сыщется кто-нибудь, кто подлечит вам ногу. И во всяком случае мы добудем там холодной воды, а то и горячей. Какая вода помогает при растяжениях, холодная или горячая?

— Понятия не имею, — отвечала Кэти, — и постоялый двор меня что-то не привлекает, но не можем же мы сидеть здесь сложа руки. Надо хоть разобраться, что происходит, и представить себе, что нас ждет...

Постоялый двор улыбался мне не больше, чем ей. Мне вообще не улыбалось ничто в этом мире — но в принципе она была права. Невозможно было просто скорчиться там, куда нас забросило, и беспомощно ждать у моря погоды. Я вытащил Кэти из машины и посадил на капот, закрыл дверцы на ключ, а ключ положил в карман. А потом взял Кэти на руки и пошел под гору.

— Вы забыли биту, — напомнила она.

— А куда бы я ее дел?

— Я бы ее подержала.

— Очень похоже, что она нам не понадобится, — заверил я и продолжал идти, более всего опасаясь споткнуться и тщательно примеряясь к дороге на каждом шагу.

Сразу за указателем тропинка опять вильнула, обходя огромную кучу камней, и как только камни остались позади, на дальнем гребне открылся замок. Я так и застыл, едва увидев его, — уж очень неожиданным оказалось это зрелище, завораживающим до неподвижности.

Возьмите все прекрасные, феерические, романтические, многоцветные изображения замков, какие вы когда-либо видели, и совместите их так, чтобы ни одна привлекательная деталь не пропала. Забудьте все, что читали о реальных замках как о грязных, антисанитарных логовищах, наполненных зловонием и сквозняками, и вспомните взамен замки сказочные, Камелот короля Артура, замки Уолта Диснея. Если преуспеете в этом, то, быть может, получите слабенькое представление о том, что предстало нашему взору. Воплощение мечты, нечто из эпохи романтизма и рыцарства, дожившее до наших дней. Замок высился на гребне в своей блистающей белизне, а на шпилях и башенках развевались флажки и вымпелы всех цветов радуги. Здание было столь совершенным, что каждый понял бы инстинктивно и мгновенно: другого такого же не встретить никогда.

— Хортон, — попросила Кэти, — опустите меня на землю. Хочу посидеть чуть-чуть, просто полюбоваться. И вы знали, что здесь такое чудо, и ни словечка не сказали!

— Чего не знал, того не знал. Я повернул назад сразу же, как наткнулся на указатель со стрелкой.

— Тогда, может, попробуем попроситься в замок? Ну его, этот постоялый двор...

— Что ж, попробовать можно. Туда должна быть дорога.

Я опустил ее на траву и сам уселся с нею рядом.

— По-моему, нога болит меньше, — сказала она. — Наверное, я сумела бы справиться, даже если пришлось бы пройти пешком. — Я недоверчиво покачал головой. Нога у Кэти покраснела и опухла так, что лоснилась. — Знаете, когда я была маленькой, я воображала себе замки именно такими, романтически великолепными. Потом я прослушала курс истории средних веков и узнала правду. Но вот перед нами замок во всем величии, и флаги развеваются на ветру...

— Это именно такой замок, какой вы создали в воображении. Вы и миллионы других маленьких девочек в своих маленьких романтических головенках...

И ведь речь не только о замках, напомнил я себе. Здесь, в этом мире, материализовались все фантазии, какие человечество породило на протяжении веков и веков. Где-нибудь здесь Гекльберри Финн плывет на плоту по реке, которой нет конца. Где-нибудь в

этом мире Красная Шапочка бежит вприпрыжку по лесной дорожке. А где-нибудь бродит и злополучный мистер Мэгу¹, почти наощупь пробираясь от нелепости к нелепости.

И какова же цель всего этого — и обязательна ли цель? Эволюция сплошь и рядом тоже бредет вслепую, и на первый взгляд чудится, что у нее и нет особого плана. И людям, скорее всего, не стоит даже пытаться докопаться до цели этого мира, потому что люди — слишком уж люди в основе своей, чтобы воспринять, не говоря уж о том, чтобы постигнуть, стиль существования, отличный от их собственного. В точности так же, как динозавры были бы неспособны воспринять мысль (если у них вообще были мысли) о человеческом разуме, который придет им на смену.

Но ведь этот мир, — напомнил я себе, — тоже часть нашего разума... Все предметы и явления, все существа, все идеи этого мира — или этого измерения, или этого параллельного пространства, — по сути, производные человеческого разума. По-видимому, весь этот мир — продолжение разума: мысль, порожденная разумом, использована здесь как сырье, из которого строится новый мир, на котором зиждутся новые эволюционные процессы.

— Я могла бы просидеть тут весь день, — сказала Кэти, — просто сидеть и смотреть на замок, но, наверно, если мы хотим попасть туда, нам надо двигаться. Идти сама я, кажется, все-таки не смогу. Вам будет очень неприятно?..

— Однажды в Корее, в дни отступления, мой оператор был ранен в бедро, и мне пришлось тащить его на себе. Мы с ним и так слишком отстали от остальных, ну и... — Она рассмеялась радостно. — Он был много больше вас и куда менее привлекателен, да еще весь в грязи и сквернословил. И даже не поблагодарил меня...

— Я отблагодарю, обещаю твердо. Это так чудесно...

— Чудесно? С увечной ногой в этом милейшем из миров?..

— Но замок! — воскликнула она. — Вот уж не думала, что увижу своими глазами замок, каким он рисовался в воображении...

— Есть одна загвоздка, — сказал я. — Выскажусь определенно, чтобы больше не повторяться. Я очень сожалею, Кэти...

— О чем? О моей увечной ноге?

— Нет, не об этом. Очень сожалею, что вы вообще попали сюда. Мне не следовало впутывать вас в эту историю. Ни за что не следовало посылать вас за конвертом. И тем более звонить вам из того городка — из Вудмена.

---

¹ Этим словечком (mago) в Голливуде прозвали кремовые торты, которыми кидают друг в друга комедийные персонажи, и актеров — исполнителей подобных ролей. Такое же имя было дано персонажу комиксов, раздражительному и крайне близорукому.

Она наморщила лоб.

— Но что еще вам оставалось делать? К моменту вашего звонка я уже прочла рукопись, а значит, впуталась сама. Поэтому вы и позвонили.

— Может, они бы вас не тронули. Но как только мы оказались вместе в машине и взяли курс на Вашингтон...

— Хортон, берите меня на руки и пошли. Если мы явимся в замок слишком поздно, нас могут не впустить.

— Ладно, — сказал я. — В замок так в замок.

Я встал и наклонился, чтобы поднять ее, но в эту секунду кусты возле тропинки затрещали и оттуда вывалился медведь. Он шел на задних лапах, и на нем были красные шорты в белый горошек, которые держались на одной подтяжке, переброшенной наискось через плечо. На другом плече медведь нес дубинку и скалился самым приветливым образом. Кэти, отпрянув, приникла ко мне, но сдержалась и не вскрикнула, хоть имела на то полное право: несмотря на улыбку, в медведе этом было что-то не заслуживающее доверия.

Вслед за медведем из кустов выступил волк. Этот был без дубинки и тоже старался выжать из себя улыбку, но у него она получалась совсем неприветливой, а пожалуй, и зловещей. Следом за волком показалась еще и лисица, вернее, лис, и они втроем стали в ряд, ухмыляясь нам как давним друзьям.

— Мистер Медведь, — произнес я, — мистер Волк, Братец Лис! Как вы живы-здоровы?

Я старался, чтобы голос звучал ровно и буднично, но сомневаюсь, что мои старания увенчались успехом: эти трое мне ни капельки не понравились. Какая жалость, что я не прихватил с собой бейсбольную биту!

Мистер Медведь отвесил легкий поклон.

— Мы польщены, что вы сразу нас узнали. Очень удачно, что мы встретились. Предполагаю, что вы двое незнакомы со здешней округой?

— Мы только что прибыли, — ответила Кэти.

— Ну что ж, — продолжил мистер Медведь, — тем лучше, что мы встретились по-доброму. Поскольку мы ищем партнера для весьма достойного предприятия.

— Тут есть один курятник, — вставил Братец Лис, — куда не худо бы заглянуть.

— Прошу меня извинить, — сказал я. — Может быть, в другой раз. Мисс Адамс растянула себе ногу, и ее надо доставить куда-нибудь, где ей окажут медицинскую помощь.

— Какая неприятность, — вымолвил мистер Медведь, силясь изобразить сочувствие. — Сдается мне, что растяжение — испытание весьма болезненное для всякого, кому оно выпадало. Тем более для миледи, которая столь прекрасна.

— Но как же курятник! — воскликнул Братец Лис. — Бли- зится вечер...

— Братец Лис, — хрипло зарычал мистер Медведь, — у тебя нет сердца. Один желудок, к тому же вечно пустой. Понимае- те, — сообщил он мне, — курятник примыкает к замку и охраня- ется сворой собак и иными хищниками, так что нам троим не проникнуть туда ни за что. И это вопиющая несправедливость, потому что куры жирненькие и должны быть очень приятны на вкус. Вот мы и подумали: если заручиться поддержкой человека, можно разработать какой-то план, обещающий удачу. Мы обра- щались к местным жителям, но все они трусы, на которых нельзя положиться. Гарольд Тинэйджер, и Дэгвуд, и множество других, а надеяться не на кого... У нас тут, не слишком далеко, роскошная берлога. Может, посидим и подумаем над планом? Для миледи найдется удобный тюфяк, а один из нас сбегал бы за старухой Мэг и приволок бы ее со снадобьями для растянутой ноги...

— Нет, спасибо, — откликнулась Кэти. — Мы идем в за- мок.

— Если вы еще не опоздали, — вставил Братец Лис. — Они там помешаны на охране ворот и запирают их на ночь.

— Тем более надо спешить, — решила Кэти.

Я вновь вознамерился взять ее на руки, но мистер Медведь ла- пой остановил меня.

— Не допускаю и мысли, — изрек он, — что вы с такой лег- костью отвергаете наше дело с курятником. Вы ведь любите ку- рятину, не правда ли?

— Конечно, любит, — заявил волк, до той поры не вымол- вивший ни слова. — Человек — убежденный хищник, как и лю- бой из нас.

— Но привередливый, — добавил Братец Лис.

— Привередливый? — удивился мистер Медведь. — Эти ку- ры — самые упитанные, каких только видели мои старые глаза. Вкус у них должен быть — пальчики оближешь, и кто же, если в здравом уме, пройдет мимо них не оглянувшись!

— Как-нибудь в другой раз, — пообещал я, — я взвешу ваше предложение с чрезвычайным интересом, но в данную минуту нам надо идти.

— Как-нибудь в другой раз, — повторил мистер Медведь уныло.

— Вот именно, в другой раз, — сказал я. — Не забудьте свя- заться со мной снова.

— Когда вы проголодаетесь как следует, — добавил мистер Волк.

— Это может повлиять на мое решение, — согласился я.

Наконец я поднял Кэти. Она устроилась у меня на руках, как в люльке. До поры я отнюдь не был уверен, что они нас от-

пустят, но они все-таки расступились, и я двинулся дальше. Кэти вздрогнула.

— Какие страшные твари! Стоят и скалятся. И еще рассчитывают, что мы поможем им воровать кур...

Очень хотелось обернуться и убедиться, что они остались на месте и не крадутся следом. Однако оборачиваться я не посмел: еще подумали бы, что я их боюсь. Я их и в самом деле боялся, но тем важнее было, чтоб они этого не заподозрили.

Кэти обняла меня за шею и прильнула ко мне, положив голову мне на плечо. Я вынужден был признать, что нести ее несравнимо приятнее, чем невежу-оператора, сыплющего бранью. Да и весила она гораздо меньше.

Тем временем тропинка сбежала с относительно голого гребня в темную гущу величественного леса. Замок был теперь виден лишь от случая к случаю, с нечаянных лесных прогалинок, и то частями, а не целиком. Солнце склонялось к западному горизонту, в чащобах накапливался туманный сумрак, и я улавливал, что там в тени кто-то пошевеливается украдкой.

Тропинка раздвоилась, и на развилке обнаружился новый указатель. Стрелок на сей раз было две: одна нацеливала на постоянный двор, другая на замок. Но дорожка, ведущая к замку, буквально через несколько шагов уперлась в массивные железные ворота, и в обе стороны от ворот тянулась высоченная ограда из толстой стальной сетки с колючей проволокой поверху. Возле ворот стояла будка в веселенькую полоску, а будку подпирал часовой с алебардой, которую он, впрочем, держал кое-как, чуть не выпуская из рук. Чтоб удостоиться его внимания, пришлось не только приблизиться к воротам, но и пнуть их ногой.

— Опоздали, — прорычал он. — Ворота закрыты в час заката, драконы выпущены на волю. Пройди вы дальше хоть фэрлонг¹ — за вашу жизнь я не дал бы и гроша... — Он подошел к воротам вплотную и присмотрелся. — А тут, оказывается, еще и дамочка! С ней что, какая-то беда?

— Растяжение связок. Не может ходить.

Он хмыкнул.

— Ну раз такое дело, дамочку можно и пропустить, обеспечив ей охрану.

— Пропустите нас обоих, — решительно потребовала Кэти.

Часовой затряс башкой в притворном унынии.

— Я и так иду на уступку, пропускаю дамочку. Я не могу рисковать своей шеей, пропускаю двоих.

— В один прекрасный день, — заявил я, — я вернусь и сверну твою драгоценную шею собственными руками.

¹ Фэрлонг — старинная мера длины, равная одной восьмой мили (чуть более 200 метров).

— Проваливай! — заорал он, взъярившись. — Проваливай и забирай с собой свою шлюху! Пусть ведьма на постоялом дворе чинит ей ножку заклинаниями!

— Уйдем отсюда, — сказала Кэти испуганно.

— Друг мой, — обратился я к часовому, — клянусь тебе, что когда буду посвободнее, вернусь сюда и предъявлю тебе счет.

— Пожалуйста, — просила Кэти, — ну пожалуйста, уйдем отсюда!

Я так и сделал, повернулся и пошел прочь. Часовой у меня за спиной изрыгал угрозы, стуча по прутьям ворот алебардой. Я свернул на тропинку, ведущую на постоялый двор, а как только ворота скрылись из виду, остановился и спустил Кэти наземь, да и сам присел подле нее. Она плакала, но, по-моему, от гнева более, чем от страха.

— Никто никогда не называл меня шлюхой... — Я не стал уточнять, что дурные манеры, да и словечки такого рода, в эпоху замков были не в редкость. Она притянула мою голову к самому своему лицу. — Если б не я, вы могли бы ввязаться в драку...

— А, все это одни разговоры, — сказал я. — Между нами были ворота, а у него в руках этот маскарадный тесак...

— Он упомянул, что на постоялом дворе ведьма, — сказала она. Я легонько поцеловал ее в щеку. — Вы пытаетесь меня отвлечь, чтоб я не думала о ведьмах?

— Мне показалось, что это поможет.

— Но ограда! Проволочный забор! Кто когда слышал, чтоб вокруг замков возводились заборы? Да в ту пору и проволоку-то еще не изобрели!..

— Темнеет, — напомнил я. — Лучше бы поскорее добраться до постоялого двора.

— Но там ведьма!..

Я рассмеялся, хоть смеяться мне, в сущности, не хотелось.

— Ведьмами, — сообщил я Кэти, — чаще всего считают чудакватых старух, которых никто не понимает.

— Может, вы и правы...

Я поднял ее и сам поднялся на ноги. Она повернула ко мне лицо, и я поцеловал ее в губы. Руки ее крепко обвили меня, я обнял ее в ответ, впитывая в себя ее обаяние и искреннюю теплоту. И на долгое-долгое мгновение во всей опустевшей вселенной не осталось никого, кроме нас двоих. Лишь постепенно я возвратился к реальности сгустившихся теней и вкрадчивых лесных шорохов.

Вскоре я заметил с тропинки, совсем неподалеку, слабо освещенный прямоугольничек и понял, что это и есть постоялый двор: чему же еще тут быть?

— Мы почти пришли, — шепнул я Кэти.

— Я не буду обузой, Хортон, — пообещала она. — И не стану кричать. Что бы мы ни увидели, я не вскрикну.

— Я уверен в этом, — ответил я. — И мы выберемся отсюда. Не знаю как, но выберемся. Выберемся вместе. Вдвоем.

Едва различимый в глубоких сумерках, постоянный двор состоял из единственного строения, дряхлого и обветшалого, приуливающего под сенью могучих искривленных дубов. Из трубы, делившей крышу пополам, вился дымок, тусклый свет еле пробивался сквозь ромбовидные оконные стеклышки. Вокруг не было ни души, что меня в общем-то устраивало.

Я уже почти доплелся до строения, когда в дверях показалась согбенная уродливая фигура. Видно было плохо — слабенький свет изнутри едва обводил контуры неказистого тела.

— Входи, входи, парень, — взвизгнуло скрюченное существо. — Что встал, рот разинув? Тут тебя не укусят. Ни тебя, ни миледи.

— Миледи растянула щиколотку, — выговорил я. — Мы надеялись...

— Ну конечно! — выкрикнуло существо. — Вы пришли в самое подходящее место, чтоб излечиться. Сейчас старая Мэг замешает целебный отвар...

Как только я сумел приглядеться, у меня не осталось сомнений, что нас встретила та самая ведьма, о которой говорил часовой. С головы у нее спадали жидкие нечесанные пряди волос, нос был длинный, крючковатый, свисающий к мощному подбородку и почти достающий до него. Она тяжело опиралась на деревянную клюку.

Ведьма посторонилась, и я переступил порог. В очаге горел чадный огонь, неспособный разогнать царивший в комнате мрак. Запах горящих поленьев смешивался с множеством других, не поддающихся определению, и, казалось, обострял их. Запахи висели в комнате, как сплошной туман.

— Сюда, сюда, — пригласила ведьма Мэг, указывая дорогу клюкой. — Вон кресло у очага. Сработано добротнo из настоящего дуба и выточено по форме тела, а на сиденье шерстяная подушечка. Миледи будет очень удобно.

Я перенес Кэти к креслу и, усадив, осведомился:

— Все в порядке?

Она взглянула на меня снизу вверх. Ее глаза мягко сияли в отсветах огня.

— Все в порядке, — заверила она счастливым тоном.

— Можно считать, что мы на полпути домой, — добавил я.

Ведьма проковыляла мимо, стуча клюкой по полу и бормоча что-то себе под нос. Сгорбившись над огнем, она принялась помешивать жидкость в кастрюле, поставленной на угли. От кастрюли валил пар. Вспышки пламени высвечивали уродство

ведьмы, ее немыслимый нос, почти сомкнувшийся с подбородком, и исполинскую бородавку на щеке. Из бородавки росли волосы, похожие на паучьи лапки.

Мои глаза по привычке к темноте, и я стал разглядывать обстановку. У стены стояли три грубых дощатых стола, на столах подсвечники, а в подсвечниках вкривь и вкось торчали незажженные свечи. Свечи напоминали бледных, перепившихся призраков. На открытых полках большого буфета в дальнем углу громоздились кружки и бутылки, чуть поблескивающие в неверном, колеблющемся свете от очага.

— Ну вот, — прокаркала ведьма, — еще чуток толченой жабы и щепотку кладбищенской пыли, и отвар готов. А когда подлечим даме щиколотку, будет еда. О да, о да, будет еда!..

Она пронзительно захихикала, довольная собственной шуткой. В чем заключалась шутка, я недопонял, — возможно, ведьму развеселило что-то связанное с едой.

Откуда-то издали донеслись голоса. Неужели тоже путешественники, ищущие ночлега? — подумалось мне. — Похоже, целая ватага...

Голоса стали громче, и я, подойдя к дверям, бросил взгляд в направлении, откуда они слышались. Вверх по тропе, ведущей от подошвы холмов, карабкалась толпа людей, некоторые с пылающими факелами.

За толпой следовали два всадника. Чуть позже я, наблюдая за процессией, разобрался, что второй, едущий позади, сидит не на лошади, а на осле, и ноги у него почти волочатся по земле. Однако внимание мое приковал к себе не второй, а первый, — и на то были все основания. Первый был высок, изможден и закован в доспехи, на левой руке у него был щит, а на правом плече — длинное копье. Лошадь казалась такой же тощей, как ее хозяин, и брела понуро, спотыкаясь и свесив голову. А когда процессия подошла поближе, стало ясно даже в изменчивых отблесках факелов, что лошадь — форменный мешок с костями.

Процессия остановилась, люди расступились, а лошадь с пугалом в доспехах проковыляла сквозь толпу и выбралась на передний план. Но едва толпы вокруг не стало, она тоже затормозила и понурилась окончательно. Я не удивился бы, если бы она в любой момент рухнула замертво.

Всадник и лошадь застыли без движения, застыла и толпа, а я, наблюдая за ними исподтишка, терялся в смутных догадках: что дальше? Очевидно, в таком милом местечке может случиться все что угодно. Спектакль был, разумеется, нелепый, — но это не утешало, потому что мои оценки базировались на обычаях и нравах людей двадцатого столетия, а здесь просто не имели силы.

Лошадь медленно подняла голову. Толпа выжидательно заерзала, факелы закачались из стороны в сторону. Рыцарь с види-

мым усилием выпрямился в седле и снял копье с плеча. А я по-прежнему стоял у дверей как зритель, заинтригованный и слегка недоумевающий, что бы это могло означать.

Неожиданно рыцарь что-то выкрикнул. Голос его в ночной тишине звучал громко и ясно — но мне потребовалась чуть не минута на то, чтобы разобрать, что именно он сказал. Копье оторвалось от бедра и легло горизонтально, а лошадь бросилась в галоп, прежде чем до меня дошло наконец значение его слов.

— Трус, — кричал он, — негодяй и подлый изменник, защищай свою презренную жизнь!..

И я вдруг сообразил, что он имеет в виду не кого-нибудь, а меня. Лошадь с грохотом надвигалась на меня, копье было нацелено мне в грудь, а у меня, Бог свидетель, не оставалось времени даже приготовиться к защите.

Если б я располагал временем, то, естественно, бросился бы наутек, поскольку мы выступали явно в разных весовых категориях. Но времени не осталось ни на что, да и, по правде говоря, безумие происходящего ввергло меня в оцепенение. Нас разделяли мгновения, которые тем не менее походили на часы, а я недвижно, как зачарованный, смотрел на блестящее острие копья, готовое пронзить меня. Лошадь, может, оставляла желать лучшего, но для таких внезапных бросков годилась вполне, и она громыхала прямо ко мне, как страдающий одышкой локомотив.

Острие было всего-то футах в пяти, когда я опомнился хотя бы настолько, чтобы пошевелинуться. Я отскочил. Казалось, смерть пронеслась мимо, и вдруг то ли рыцарь не совладал со своим оружием, то ли лошадка сдрейфила или споткнулась, — не знаю, что, но по какой-то причине копье резко вильнуло в мою сторону, и тогда я, выбросив обе руки, стукнул по нему наудачу, лишь бы не попасть на вертел.

Я не промахнулся, отразил копье вниз, и острие ушло глубоко в землю. И, вопреки всякому ожиданию, копье сработало как катапульта: тупой его конец поддел рыцаря под мышку и выбросил из седла. Лошадь встала как вкопанная, поводья беспризорно провисли, а копье спружинило, выпрямилось и взметнуло незадачливого рыцаря в воздух, как камень из пращи. Описав высокую дугу, он плюхнулся поодаль с раскинутыми руками и вниз лицом, и грохот раздался такой, будто по пустой железной бочке что есть силы саданули тяжелым молотком.

Толпа, сопровождавшая рыцаря, содрогнулась в общем ликовании. Люди хватались за животы, иные складывались пополам, а кое-кто повалился наземь и катался, задыхаясь от гогота.

К месту происшествия приблизился вислоухий ослик с седоком в лохмотьях. Ноги у седока чуть не волочились по земле, и все равно бедный терпеливый Санчо Панса в который раз спешил на помощь своему господину Дон Кихоту Ламанчско-

му. А те, что катались в конвульсиях, — теперь я понял — следовали за Дон Кихотом просто потехи ради. И факелы они прихватили намеренно, освещали путь пугалу в доспехах по своей воле, усвоив из опыта, что очередная серия нескончаемых его злоключений не заставит себя ждать и даст им повод позабавиться от души.

Я отвернулся и шагнул назад к постоялому двору — но постоялый двор исчез.

— Кэти! — закричал я. — Кэти!..

Ответа не было. Толпа, дождавшаяся вождя зрелища, все еще содрогалась от смеха. Поодаль Санчо слез с ослика и мужественно, хоть и без особого успеха, пытался перекатить Дон Кихота на спину. А постоялого двора больше не было. Не было никаких следов ни Кэти, ни ведьмы Мэг.

И вдруг откуда-то из чащи ниже по склону донеслось ведьмино пронзительное хихиканье. Я замер, чуть подождал — хихиканье повторилось, но теперь я распознал направление, откуда оно пришло, и бросился вниз не разбирая дороги. Мгновенно пересек узкое расчищенное пространство, примыкавшее прежде к постоялому двору, и углубился в лес. Корни хватили меня за ноги, норовили вцепиться и опрокинуть, ветви хлестали по лицу. Но я все равно бежал, выставив вперед руки, чтобы не врезаться в какой-нибудь ствол и не вышибить себе мозги, — если, конечно, они у меня еще были. Полоумное хихиканье впереди не смолкало.

Только бы поймать мерзавку, обещал я себе, уж я буду крутить тощую старушечью шею до тех пор, пока меня не отведут к Кэти или не скажут, куда она делась... И было понятно, что искушение продолжить выкручивание не угаснет даже в этом благоприятном случае. В то же время я, наверное, сразу отдал себе отчет, что шансов действительно поймать ведьму у меня практически нет. Я наткнулся на валун и упал на него, поднялся, обогнул препятствие и опять бросился бежать — а впереди, не приближаясь ни на миг, но и не отдаляясь, будто заманивая, слышались те же полоумные смешки. Я налетел на дерево — вытянутые руки спасли меня и не дали раскрыть себе череп, но в первый момент мне померещилось, что я сломал обе кисти. И, наконец, какой-то злокозненный корень все-таки подстерег меня и поймал врасплох — я покатился кубарем, и мне повезло, что приземление оказалось мягким, на край лесного болотца. Приземлился я на спину, головой в болотную жижу, и минуту-другую кашлял и отхаркивался, наглотавшись тухлой воды.

Потом я сидел еще минуту не шевелясь и сознавая, что побежден. Можно гоняться за этими смешками по лесам миллион лет и все равно не догнать старуху. Потому что с этим миром ни мне, ни любому другому человеку не справиться.

Человек будет сражаться с фантазиями, которые, правда, сам же и породил, но накопленный им логический опыт ему тут ничем не поможет.

Я сидел в воде и грязи по пояс, а над головой качались камыши. Чуть левее меня по трясине прошлепала какая-то тварь, наверное, лягушка. Зато справа вдали я вроде бы различил тусклый огонек и тогда помаленьку встал на ноги. Комки болотной грязи скатывались с брюк в воду, оповещая об этом легкими шлепками. Но даже поднявшись в рост, я не мог рассмотреть огонек получше: ноги ушли в трясину по колени, камыши так и остались выше меня.

Не без труда я побрел в ту сторону, где заметил свет. Именно побрел. Трясина была глубокая и вязкая, и камыши, перемешанные с какими-то водолюбивыми кустиками, двигаться тоже не помогали. Однако я упорно шел вперед, и никакие заросли сами по себе меня не смущали.

Мало-помалу грязная вода стала мельче, камыши поредели. Теперь огонек виднелся яснее, но, к немалому моему удивлению, переместился вверх. Лишь когда я выбрался из болота на более или менее твердую почву, до меня дошло, что огонек зажгли выше на берегу. Я начал карабкаться на откос, но было скользко. Примерно на полпути я забуксовал, меня неудержимо потащило назад — и вдруг, откуда ни возьмись, ко мне протянулась большая мускулистая рука, я вцепился в нее, и сильные пальцы сомкнулись у меня на запястье.

Только тут я увидел того, кому принадлежала рука, — он свесился ко мне с откоса. На лбу у него красовались рога, лицо было тяжелое, грубо скроенное, но, невзирая на грубость, в чертах проступало что-то лисье. Внезапно он осклабился в усмешке, сверкнули белые зубы, и, признаюсь честно, с тех самых пор, как заварилась вся эта каша, я впервые понял, что такое испугаться по-настоящему.

И он был не один. На бережку рядом с ним пристроился мелкорослый уродец-монстренок с заостренной головкой. И едва монстренок понял, что я заметил его, он принялся гневно подпрыгивать и орать:

— Нет! Нет! Не два зачета, только один! Дон Кихот не считается!..

Дьявол рванул меня к себе, втащил на берег и поставил на ноги.

На земле горел керосиновый фонарь. Света он давал немного, но достаточно, чтобы разглядеть, что дьявол коренаст, ростом чуть ниже меня, но сложен крепче и накопил изрядно жирку. Одежды на нем не было никакой, не считая грязной тряпки на бедрах, повязанной так, что могучее брюхо перевешивалось через нее толстой складкой.

А рефери знай себе пищал визгливо:

— Это нечестно! Вы сами понимаете, что нечестно! Дон Кихот — придурок. У него никогда ничего не получается. Победа над Дон Кихотом не связана ни с малейшей опасностью, и...

Дьявол чуть повернулся и взмахнул ногой, в лучах фонаря блеснуло раздвоенное копыто. Удар угодил рефери по туловищу, поднял его в воздух и вышвырнул с глаз долой. Писк перешел в жалостный пронзительный вой и закончился всплеском.

— Ну вот, — заявил дьявол, обращаясь ко мне, — это даст нам минутку подлинной тишины и покоя. Хотя по настойчивости этому типу нет равных, он непременно выберется и примется докучать нам снова. Мне что-то не кажется, — добавил он, быстро меняя тему, — что вы сильно испуганы.

— Я просто окаменел от ужаса.

— Знаете, — посетовал он, поигрывая щетинистым хвостом в знак недоумения, — для меня каждый раз проблема решить, в каком виде предстать перед смертными. Вы, люди, упорно рисуете меня в сотнях разных обличей, и никогда не знаешь, какое из них окажется наиболее эффективным. В принципе я способен принять любой из множества обликов, какие мне приписывают, так что если у вас есть иные предпочтения... Хотя откровенно скажу, что тот облик, в каком вы застали меня сейчас, носить несравненно удобнее всех остальных.

— У меня нет никаких предпочтений, — ответил я. — Оставайтесь таким, как есть, если вам так больше нравится.

Частичка храбрости, по-видимому, вернулась ко мне, но дрожь в коленках еще ощущалась. Не каждый день беседуешь с дьяволом.

— Вы, видимо, подразумеваете, что до сих пор вспоминали обо мне не слишком часто.

— Вероятно, вы правы, — признался я.

— Так я и думал, — заметил он скорбно. — Такова моя участь в последние полвека или вроде того. Люди почти не вспоминают обо мне, а если вспоминают, то без страха. Ну, может, им при этом чуточку неуютно, но страха они не ведают. И подобное развитие событий принять очень непросто. Некогда, не столь уж давно, весь христианский мир страшился меня до оторопи.

— Наверное, есть и такие, кто страшится по сей день, — сказал я, пытаюсь его утешить. — В некоторых отсталых странах такие найдутся наверняка.

И едва я произнес свою тираду, как пожалел о ней. Я не только не утешил его, но, напротив, причинил ему еще худшую боль.

На берег с шумом вскарабкался рефери. Он был весь покрыт грязью. С волос, свисающих наподобие шляпы, капала вода. Но как только уродец добрался до нас, он пустился в дикий воинственный пляс, кипя от ярости.

— Я этого не потерплю! — кричал он на дьявола. — Мне плевать, что ты скажешь! Он должен выдержать еще дважды. Нельзя не принять в зачет оборотней, но можно и нужно не принять Дон Кихота, который просто не годится в противники. Сам подумай, какова цена правилам, если...

Дьявол мрачно вздохнул и схватил меня за руку.

— Отправимся в другое место, где можно сесть и потолковать...

Раздался оглушительный свист и внезапный раскат грома, в ноздри ударил запах серы, и спустя ровно одно мгновение мы действительно очутились в каком-то другом месте — тоже над болотистой низиной, но на склоне плавном и ровненьком. Рядом была рощица, возле нее лежала груда камней. Из низины неслось лягушачье кваканье, безмятежное, как весной. Легкий ветерок шелестел в листве. Так или иначе, место выглядело гостеприимнее, чем тот бережок над трясинной.

Колени подо мной подогнулись, но дьявол удержал меня от падения и подвел к груде камней, где и усадил на один из них, оказавшийся, как ни удивительно, вполне комфортабельным. Затем он и сам опустился рядом, закинул ногу на ногу, да еще обвил ноги хвостом, с тем чтобы самый кончик с кисточкой лег на колено.

— Ну вот, — объявил он, — теперь можно и побеседовать без неподобающих помех. Рефери, разумеется, способен выследить нас, однако ему потребуется какое-то время. Горжусь превыше всех своих умений искусством почти мгновенно перемещаться в любую точку.

— Прежде чем мы приступим к сколько-нибудь серьезной беседе, хочу задать вопрос. Со мной была женщина, и она исчезла. Она оставалась на постоялом дворе, и...

— Да знаю я! — ответил он, глянув на меня искоса. — По имени Кэти Адамс. Что касается ее, можете не беспокоиться, потому что ее вернули на Землю — на Землю к людям, я имею в виду. Что и прекрасно, поскольку нам она не нужна. Но пришлось забрать и ее, ибо она была вместе с вами...

— Вам она не нужна?

— Разумеется, нет. Нам нужны вы, и только вы.

— Послушайте, однако... — начал я, но он остановил меня небрежным мановением руки.

— Мы нуждаемся в вас как в посреднике. Полагаю, это самое точное слово. Мы уже долгое время ищем кого-то, кто мог бы исполнить наше поручение, выступить, если хотите, нашим агентом, а тут как раз подвернулись вы, ну и...

— Если вы нуждались во мне, то взяли вы за дело самым несуразным образом. Ваша банда изо всех сил старалась меня прикончить, и лишь слепая удача...

Он прервал меня со смешком:

— Никакая не слепая удача. Отточенное чувство самосохранения, сработавшее лучше, чем я могу припомнить за долгие-долгие годы. А насчет того, что с вами пытались разделаться, — уверяю вас, виновны конкретные исполнители, и кое-кто уже поплатился за это. Узколобость сочетается в них с излишним воображением, и тут, хочешь не хочешь, придется вносить определенные коррективы. Я был занят множеством других дел, как вы легко можете себе представить, и мне не сразу доложили, что происходит.

— Вы отменяете правило «трижды испытан — заговорен»?

Он опечаленно покачал головой.

— Нет, нет. С прискорбием должен вас уведомить, что это не в моих силах. Понимаете, правила есть правила. В конце концов, это же вы, люди, сами придумали такое правило наряду с кучей других, в равной мере не имеющих смысла. Вроде того, что «преступление не окупается», когда вам прекрасно известно, что окупается, да еще как! Или эта чушь, что кто рано встает, тому Бог подает. — Он опять покачал головой. — Вы даже отдаленно не представляете себе, сколько хлопот причиняют нам эти ваши дурацкие правила.

— Но это никакие не правила...

— Знаю. Вы называете их изречениями или пословицами. Но как только достаточное число людей поверит в них хотя бы отчасти, мы связаны ими по рукам и ногам.

— Стало быть, вы по-прежнему намерены испытать меня еще раз? Или вы согласны с рефери, что схватка с Дон Кихотом...

— Дон Кихот засчитан, — рыкнул дьявол. — Я согласен с рефери, что с этим слабоумным испанцем нетрудно справиться любому, кто старше пяти лет от роду. Однако я желаю, чтобы вы освободились от своего долга, и чем скорее и проще я избавлю вас от него, тем лучше. Вас ждет дело, настоящее дело. Но вот чего я не в состоянии уразуметь — это неуместного рыцарского порыва, заставившего вас согласиться на повторный круг. Как только вы избавились от змея, вы были на воле, но почему-то позволили мерзавцу рефери уговорить себя...

— В отношении Кэти я чувствовал себя должником. Ведь я же ее во все это и втравил.

— Знаю. И про это знаю, — ответил он. — Только временами совершенно перестаю вас, людей, понимать. По большей части вы норовите перерезать друг другу глотку, воткнуть нож в спину ближнему и через его труп лезть дальше к тому, что у вас зовется успехом. И вдруг — полный поворот, и вы переполняетесь таким благородством и состраданием, что просто тошнит...

— Но если все-таки начать сначала: почему, если вы предполагали меня использовать — во что я, признаться, не верю, — по-

чему вы пытались меня убить? Почему бы, коль на то пошло, попросту не протянуть лапу и не забрать меня, как я есть?

Моя наивность вызвала у него тяжкий вздох.

— Попытка убийства была обязательна. Это тоже правило, давнее правило. Однако не было никакой нужды так усердствовать. Никакой нужды хватать через край. Исполнители сидят себе часами и измышляют фантастические схемы — и на здоровье, если им нравится подобное времяпрепровождение, — но они хмелеют от собственной изобретательности до того, что норовят испытать свои схемы на практике.хлопоты, на какие они идут ради элементарного убийства, превыше всякого разумения. И опять-таки это ваша человеческая вина. Вы, люди, делаете в точности то же самое. Ваши писатели, художники, сценаристы, — в общем, те, кого вы именуете творческими людьми, — высиживают, высасывают из пальца своих чокнутых персонажей, эти немыслимые интриги, а мы повязаны их бреднями, нам и отдуваться. И такое положение вещей возвращает нашу беседу к предложению, которое я и собирался с вами обсудить.

— Ну так не тяните, — сказал я. — У меня был трудный день, и мне не повредило бы соснуть часиков двадцать. В том случае, конечно, если найдется место, где преклонить голову.

— Найдется, — заверил он. — Вон меж тех двух валунов есть постель из листьев. Их намело туда минувшей осенью. Очень удобное ложе для столь необходимого вам отдыха.

— В компании гремучих змей?

— За кого вы меня принимаете? — возмутился дьявол. — Или вы полагаете, что у меня нет чести и я подстрою вам ловушку? Даю слово, что никто не посмеет причинить вам вреда до той поры, пока вы не очнетесь от сна.

— А потом? — осведомился я.

— А потом предстоит еще одна угроза, последняя опасность, чтоб исполнилось правило трех. Отдыхайте спокойно и примите мои лучшие пожелания в этом новом испытании, каково б оно ни оказалось.

— Ладно, — сказал я, — раз уж не судьба выкрутиться иначе. Но, может, вы хоть замолвите за меня словечко? А то я, признаться, начал уставать. Не думаю, что мне хотелось бы сейчас свидетельствовать еще с каким-нибудь морским змеем.

— Могу торжественно обещать, — ответил дьявол, — что это будет не змей. А теперь перейдем к делу.

— Ну хорошо, — вяло согласился я. — О чем пойдет речь?

Дьявол заговорил, все более раздражаясь:

— О чем, как не о вздорных фантазиях, которые вы нам скармливаете! Как, по-вашему, можно создать сколько-нибудь устроенную жизнь на базе эдакой мути и пены? Белогрудые птички

расселись на ветке и свиристят: «Казесся, мы видим коску — коску, коску, коску...» А глупый мультипликационный кот сидит внизу под деревом и пялится на них с видом беспомощным, почти виноватым. Ну как, спрашиваю я со всей прямоотой, рассчитывать на достойное поведение других, если мы обречены на подобные ситуации? Некогда вы дали нам солидную, прочную базу, основанную на твердых убеждениях и непритворной вере. А нынче вы развлекаетесь и поставляете нам типажи совершенно неправдоподобные и слабовольные, и новички не только не добавляют нам сил, но подтачивают все, что было накоплено в прошлом.

— Вы намекаете, что ситуация складывалась бы для вас гораздо благоприятнее, если бы мы по-прежнему верили в чертей, призраков, гоблинов и тому подобное?

— Да, гораздо благоприятнее, — подтвердил дьявол, — по крайней мере, если бы вера была хоть отчасти искренней. А вы нынче взяли моду выставять нас на смех...

— Мода тут не при чем, — возразил я. — Не забывайте: человечество в большинстве своем понятия не имеет, что вы существуете на самом деле. И как может быть иначе, если вы намерены и впредь убивать всякого, кто заподозрит, что ваш мир — реальность?

— А все эта канитель, — заявил дьявол с горечью, — которую вы именуете прогрессом. Вы сегодня можете иметь почти все, что хотите, но вы хотите все больше и больше. Заполняете свои умы вожделениями, не оставляя места самоанализу и не задумываясь о своих недостатках. В вас нет ни страха, ни мрачных предчувствий...

— Страх есть, — сказал я, — и мрачных предчувствий сколько угодно. Вопрос только в том, что мы предчувствуем и чего боимся.

— Точно, — согласился дьявол. — Вы боитесь водородной бомбы и неопознанных летающих объектов. Надо же выдумать такую чепуху, как летающие тарелки!

— Ну, пожалуй, тарелки все же лучше дьявола. С ними есть хоть какая-то надежда совладать, а с дьяволом — никогда. Ваша порода славится коварством.

— Знак времени, — посетовал он. — Механика вместо метафизики. Вы не поверите, но несчастные наши владения нынче забиты полчищами НЛО самой отвратительной конструкции, где обитают совершенно мерзостные инопланетяне. Они вселяют ужас, только он даже не сродни тому добросовестному ужасу, какой я олицетворяю собой. Они бредовые существа, не имеющие под собой никакой почвы.

— Понятно, что вам это не по нутру. Во всяком случае, я уловил, что именно вас беспокоит. Однако не представляю себе, чем

тут можно помочь. Людей, продолжающих верить в вас хоть немного искренне, сегодня можно найти разве что в самых культурно отсталых районах. О да, конечно, вас поминают время от времени. Ссылаются, когда что-то не ладится, на происки дьявола или восклицают: «Ну и дьявол с ним!» — но ведь на самом-то деле о вас при этом вовсе не думают. Вы превратились просто-напросто в бранное слово, к тому же слабенькое. В вас не верят. Та вера, что была, приказала долго жить. И не думаю, что эту тенденцию можно изменить. Прогресс человечества не остановишь. Придется вам набраться терпения и ждать дальнейшего развития событий. А вдруг какое-нибудь из них ненароком обернется вам на пользу?

— А я полагаю, что кое-что можно предпринять уже сейчас, — заявил дьявол, — и хватит ждать. Мы и так ждали слишком долго.

— Совершенно не представляю себе, что вы можете сделать. Не можете же вы...

— Я не намерен раскрывать вам свои планы, — перебил он. — Вы показали себя чересчур находчивым умником, обладателем того бесчестного, изворотливого и безжалостного ума, какой отличает отдельных представителей человечества. И если я поделился с вами немногими соображениями, то исключительно потому, что когда-либо в будущем вы оцените их и, возможно, будете расположены согласиться на роль нашего агента...

И с этими словами он исчез в клубах серного дыма, оставив меня в одиночестве. Налетевший ветер отнес дымок к западу, и я вздрогнул, хотя ветер вовсе не был холодным. Скорее уж холод шел изнутри, как своеобразная память о недавнем моем собеседнике.

Местность была безлюдной, с неба светила бледная луна, подчеркивая это запустение и беззвучное ожидание — чего? Опять чего-то дурного?

Он сказал, что меж двух валунов меня ждет ложе из листьев, и я нашел его без большого труда. Покопался в листве, но гремучих змей не обнаружил. Да, пожалуй, и не предполагал обнаружить: дьявол не производил впечатления субъекта, прибегающего к откровенной лжи. Я забрался меж камней и взбил листья, устраиваясь поудобнее.

Во тьме надо мной постанывал ветер, и я благодарно подумал о том, что Кэти сейчас в безопасности, у себя дома. Я заверял ее, что мы как-нибудь выберемся отсюда, выберемся вдвоем, но и мечтать не мог тогда, что она окажется дома уже через час-другой. Моей заслуги, разумеется, в том не было никакой, но по существу это не играло роли. Так устроил дьявол, и хоть его решение было продиктовано чем угодно, только не

состраданием, я поймал себя на том, что думаю о нем с теплым чувством.

Я вспомнил Кэти, вспомнил ее лицо, обращенное ко мне в отблесках пламени у ведьмина очага, и попытался восстановить в памяти ее счастливый тон и выражение глаз. Что-то ускользало, какой-то оттенок никак не вспоминался, и я все старался воссоздать его в точности, пока не заснул.

Чтобы проснуться в день битвы при Геттисберге.

14

Проснулся я от толчка, проснулся очень резко, стремительно сел и трахнулся затылком о валун. Из глаз посыпались искры, но и сквозь фейерверк я различил человека, который склонился надо мной и пристально меня рассматривал. В руках он держал ружье, и дуло было направлено в мою сторону. Не то чтобы он в меня целился всерьез — скорее он только что использовал ружье, чтобы растолкать меня.

На нем было кепи с большим козырьком, сидевшее на макушке, потому как он давненько не стригся. А еще на нем был линялый синий мундир с медными пуговицами.

— Ума не приложу, — сказал он, впрочем, вполне дружелюбно, — как это некоторые ухитряются дрыхнуть где и когда попало.

Он чуть повел головой, и поверхность валуна украсилась метким табачным плевком.

— Случилось что-нибудь? — спросил я.

— Мятежники подтягивают пушки. С самого рассвета только этим и занимаются. Там уж, поди, тысяча пушек, вон на взгорке напротив. Развернуты в ряд, колесо к колесу.

— Да нет, какая там тысяча, — откликнулся я. — Цифра двести будет поточнее.

— Может, ты и прав, — согласился он. — Может, у них, у мятежников, тысячи пушек вообще нет.

— Значит, это Геттисберг?

— Конечно, Геттисберг, — ответил он недовольно. — И не уверяй меня, что не знаешь. Не мог ты стоять на позиции несколько дней и не иметь понятия, где стоишь. Тут было горячо как в аду, и чтоб мне провалиться, нам скоро опять попробуют задать жару...

Битва при Геттисберге. Ничего другого и ждать не приходилось. Неспроста рощица на склоне показалась мне вечером смутно знакомой. Но какой это был вечер? — задумался я. Вчерашний вечер или тот, что отгорел здесь сто с лишним лет назад? Или в этом мире точное время имеет не больше смысла, чем все остальное?..

Скорчившись на ложе из листьев, я старался как-нибудь взять себя в руки. Вечером тут была просто рошица и груда камней — а утром оказалось поле битвы!

Я пригнул голову, выкарабкался из щели меж камнями и, сев на корточки, оказался лицом к лицу с тем, кто меня разбудил. Он перекатил жвачку во рту от одной щеки к другой, присмотрелся ко мне и спросил подозрительно:

— Ты из какого отряда? Что-то не припомню, чтоб мне встречался здесь кто-нибудь, разряженный, как ты...

Если бы мозги ворочались попроворнее, я, может, и нашелся бы, что ответить, но рассудок был еще помутнен со сна, и затылок трещал после близкого знакомства с валуном. Да и то, что я очнулся на поле битвы при Геттисберге, ясности мыслям тоже не добавляло. Я понимал, что надо что-то сказать, но никакого членораздельного ответа не придумал и только покачал головой.

На склоне надо мной, на самой его вершине, выстроился строй пушек с канонирами, замершими близ них неподвижно, как на параде, и неотрывно глазеющими по-над низиной на взгорок напротив. Был виден офицер на лошади — она нервно пританцовывала, он выпрямился в седле. А чуть ниже пушек длинной ломаной линией расположилась пехота — кто за наспех сделанными укрытиями всевозможного вида, кто плашмя на земле, а кто сидел, словно бы отдыхая, но все без исключения тарасились в одном направлении.

— Не по душе мне это, — произнес обнаруживший меня солдат. — Не нравится, как все это выглядит и как пахнет. Если ты из города, сматывайся отсюда, пока не поздно.

Издали донесся сильный удар, звучный, хоть и не слишком громкий. Я вскочил на ноги и заметил за низиной, над деревьями, венчающими противоположный склон, тающее облачко дыма. Немного ниже среди древесных стволов вдруг сверкнула вспышка, будто кто-то открыл на миг дверцу пылающего очага и тут же ее захлопнул.

— Ложись! — заорал солдат. — Ложись, дуралей безмозглый!..

Он добавил еще что-то, но слова потонули в звенящем грохоте, который раздался совсем близко у меня за спиной.

Сам солдат уже бросился наземь, как и все остальные. Я тяжело распластался рядом. Такой же грохот раздался где-то слева, и тут я увидел, как десятки печных дверец открылись разом по всему противоположному склону. Над низиной и прямо над головой воздух со свистом вспороли стремительно летящие ядра, а затем вершину позади меня и весь мир разнесло на куски.

И снова, и снова, и снова.

Казалось, сама почва подо мной прогибается от канонады. Воздух наполнился оглушительным, непереносимым громом —

непереносимым и нескончаемым. Над склоном волнами плыл дым, к грохоту выстрелов и разрывов примешивались жужжание и свист. Ум обострился, как бывает нередко в минуты смертельного страха, и я без подсказки сообразил, что это свистят осколки, разлетающиеся веером с гребня позади меня и осыпающие склон впереди.

Я прижимался лицом к земле и все же чуть-чуть вывернул голову, чтобы вновь окинуть взглядом пушки на гребне. К моему удивлению, я мало что увидел — и уж, конечно, никак не то, чего ждал. Гребень был словно окутан тяжелым туманом, дымное покрывало висело не выше трех футов над почвой. Мне были видны лишь ноги отчаянных артиллеристов, суетящихся у своих батарей, — как будто половинки людей стреляли из половинок орудий: ведь из-под покрывала выглядывали только лафеты, и то не целиком, а остальное тонуло в плотном дыму.

Сквозь мутную пелену то и дело прорывались вспышки пламени — пушки, скрытые в дыму, вели ответный огонь по неприятелю по ту сторону низины. При каждой вспышке на меня сверху налетала волна жара, но сверхъестественным образом гром орудий, что палили прямо над моей головой, тонул в грохоте обстрела с противоположной стороны, и казалось, что все пушки стреляют где-то поодаль.

Облака дыма не могли скрыть разрывов неприятельских ядер, однако эти разрывы скрадывались пеленой и не полыхали быстрыми острыми вспышками, как можно было бы ожидать, а мерцали красно-оранжевыми язычками, прыгающими по гребню, как неоновая реклама. Исключением стал один мощный взрыв, когда в дыму извергнулся ослепительный багровый вулкан и серое покрывало прорезал гигантский столб черного дыма. Какое-то ядро угодило в зарядный ящик.

Я прижался к земле еще плотнее, изо всех сил стараясь зарыться в нее, раскататься по ней листом и в то же время стать тяжелым-тяжелым, чтобы почва подалась под моим весом, укрыла и защитила меня. И в этот самый миг меня осенило, что я нахожусь, пожалуй, в одной из самых безопасных точек на всем Кладбищенском гребне: известно, что в тот день более ста лет назад канониры-конфедераты брали слишком высокий прицел и чаще всего ядра рвались не на гребне, а по ту его сторону.

Вывернув голову в другом направлении, я бросил взгляд над низиной на противоположный, Семинарский гребень. Там над деревьями клубилось такое же облако дыма, а по низу облака перебегали искорки, отмечающие жерла конфедератских пушек. Солдату, что заговорил со мной, я сказал — двести пушек, а теперь мне припомнилось, что их было сто восемьдесят против восьмидесяти на гребне за моей спиной. Нет, против восьмидесяти с чем-то, если верить книгам. И время сейчас, по-видимому, шло

к половине второго, так как канонада началась сразу после часу дня и длилась около двух часов без перерыва.

Где-то там, на том гребне, генерал Ли наблюдал за сражением, не покидая седла своего верного Странника. Где-то там другой генерал, Лонгстрит, присел на подвернувшуюся железную ограду в мрачном убеждении, что атака, приказ о которой он должен отдать, не принесет успеха. Потому что, по его мнению, атаки такого сорта следовало оставить северянам, а для южан наилучшей тактикой всегда была оборонительная — вынудить северян к атаке и стойко защищаться, выматывая противника.

Но, поправил я себя, ход моих мыслей неточен. Нет там, на том гребне, никакого генерала Ли, нет и Лонгстрита. Сражение, что было здесь, отгремело более века назад и не повторится. А эта шутейная битва, поставленная сегодня, — отнюдь не воссоздание того сражения, каким оно было в действительности, а пьеса на базе устоявшейся традиции: все происходит так, как отложилось в воображении позднейших поколений.

И тут перед самым моим носом в землю, раздирая дерн, впился осколок железа. Я несмело протянул руку, решив проверить, каков он на ощупь, но отдернул прежде, чем дотронулся до него, — осколок пылал жаром. Не оставалось сомнений: если бы он попал в меня, смерть была бы не менее достоверной и непоправимой, чем в настоящей битве.

Справа от меня находилась рошица, где некогда атака конфедератов достигла наивысшей силы и захлебнулась, откатившись вниз по склону. Также справа, но у меня за спиной, должны были выситься кладбищенские ворота, массивные и безобразные, — впрочем, их было не различить за дымом. Несомненно, все здесь выглядело точно так, как в тот день сто с лишним лет назад, и все передвижения полков и более мелких отрядов соответствовали реальному расписанию, насколько оно было известно. Но, разумеется, многое так или иначе утратилось — разные мелкие подробности, о которых сыновья и внуки не знали или предпочли не знать, отлакировав их в памяти. Все, что сохранилось в достоверных свидетельствах о гражданской войне или традиционно считалось достоверным, например, «круглые столы», когда противники якобы раз в месяц встречались за ужином и спорили до хрипоты, безусловно воспроизводилось и здесь, но в этой пьесе не найдется места событиям, о которых было некому рассказать, потому что никто из участников не пережил их.

Кромешный ад на поле битвы не прекращался и не слабел — лязг, грохот и звон, пыль, дымный туман и пламя. Я цеплялся за почву, которая, казалось, продолжает прогибаться подо мной. Я утратил способность слышать, и мне представилось даже, что та-

кой способности у меня никогда не было и не будет, что ее вообще нет в природе и она мне попросту примерещилась.

По обе стороны от меня и передо мной тела, одетые в синее, стискивали землю в объятиях, прятались за валунами, жались к кучам кое-как наваленных железных прутьев, корчились в мелких, наспех выкопанных ямах, укрывались за каменными кладбищенскими оградами, опуская головы как можно ниже, но крепко сжимая ружья, торчащие дулами вверх и в направлении, откуда палили неприятельские пушки. Люди ждали того часа, когда канонада прекратится и длинные цепи южан, марширующих как на параде, начнут перебираться через низину и подниматься по склону.

Как давно началось это представление и сколько продолжалось? Я покрутил рукой, пододвигая запястье к глазам, — часы показывали одиннадцать тридцать. Что, конечно, было неверно, потому что канонада должна была начаться в час дня, а может, и на несколько минут позже. И ведь я ни разу не догадывался взглянуть на часы с тех самых пор, как меня зашвырнули на это дурацкое взгорье, и не в моих силах было судить о том, как течет здесь время в сравнении с нормальным земным и есть ли здесь вообще такое явление, как время.

В конце концов я решил, что с начала канонады прошло всего пятнадцать-двадцать минут, хотя, естественно, казалось, что много больше. В любом случае я был уверен, что, прежде чем пушки смолкнут, пройдет еще очень много времени. И я приготовился ждать, силясь уменьшиться в размерах, чтобы являть собой самую маленькую мишень, какая только возможна. Мне не оставалось ничего другого, кроме как ждать, — а впрочем, я уже начинал беспокоиться о том, что стану делать, когда канонада прекратится и цепь конфедератов попрут вверх по моему склону, с боевыми красными стягами, плещущими на ветру, со штыками и саблями, сверкающими на солнце. Что мне делать, если кто-то из них устремится прямо ко мне со штыком наперевес? Безусловно, только бежать — если здесь найдется куда бежать, и ведь наверняка будут и другие бегущие, много бегущих, и наверняка одетые в синее офицеры и солдаты по ту сторону гребня весьма неодобрительно отнесутся к каждому, кто удирает с поля битвы. Однако о том, чтобы защищаться, для меня лично не могло быть и речи, даже если бы удалось каким-то образом раздобыть ружье: ружья вокруг были несуразными, каких свет не видывал, а уж как из них стрелять, я просто не догадывался. Вроде бы все они заряжались с дула — опыта обращения с подобным оружием у меня не было, мягко говоря, никакого.

Пелена над полем сражения сгустилась так, что затянула солнце. Дым заполнил низину, и толстый слой его плавал буквально

над самыми головами тех, кто припал к склону перед строем рычащих унионистских батарей. Я смотрел вниз из-под этого слоя вместе со всеми, и мне чудилось, что я заглядываю в щелочку под свисающий сверху грязно-серый занавес, очень серый и очень грязный.

Внизу на склоне что-то шевельнулось — нет, не человек, кто-то гораздо мельче человека. Может, собачонка, — подумалось мне. — Оказалась между позиций и мечется... Нет, пожалуй, не собачонка, что-то более темное и пушистое. Похоже, весьма похоже, что сурок.

И я даже обратился к нему: «Послушай, сурок, на твоём месте я бы нырнул обратно в нору и не высывался оттуда, пока все не кончится...» Не думаю, чтобы я в самом деле произнес что-то вслух, но если бы и произнес, это не имело бы никаких последствий, потому что никто на свете, а тем более чокнутый сурок меня при всем желании не расслышал бы.

Сурок чуть-чуть посидел, а затем потопал по склону вверх ко мне, раздвигая траву.

Тут от дымного слоя отделился клочок и на минуту скрыл сурка. Батарея у меня за спиной продолжала стрельбу, только теперь мне казалось, что пушки не говорят в голос, а немощно пыхтят: их привычный рев совсем потерялся в визге и грохоте металла, в нарастающей лавине разрывов, заполнившей все небо. Из дымного облака, как тяжелые капли дождя, падали кусочки железа, а время от времени в дерн вгрызались и более основательные осколки, выплескивая в воздух фонтанчики земли.

Клочок дыма наконец рассосался. Сурок оказался намного ближе ко мне, и я понял, что это не сурок. Как я не опознал с первого взгляда эту остроконечную макушку, шляпу из волос и уши-кувшинчики, осталось для меня загадкой. Даже на расстоянии я обязан был догадаться, что рефери — не сурок и не собачонка.

А теперь я видел его совершенно отчетливо, и он пялился мне прямо в глаза, пялился с дерзким вызовом, как задиристый боевой петух, и как только понял, что я вижу его, поднял кривопалую верхнюю лапку и недвусмысленно показал мне нос.

Мне бы проявить выдержку. Можно бы разрешить ему идти своей дорогой. Можно бы не обратить на него внимания. Но вид этого нахаленка, возникшего ниоткуда, привставшего на кривых нижних конечностях и показывающего мне нос, оказался просто непереносим.

Забыв обо всем, я вскочил и бросился к нему. И едва я сделал первый шаг, как меня настиг неотвратимый удар. Я не запомнил толком, что случилось. По черепу чиркнуло раскаленное железо. Внезапное головокружение, а затем падение вниз по склону, падение стремительное, молниеносное — и все.

Казалось, я бесконечно долго карабкался сквозь пустынное царство тьмы — хоть веки были плотно сжаты и я, в сущности, не знал, темно ли вокруг. Но вроде бы догадывался, что темно: я словно ощущал темноту кожей, что не помешало, впрочем, задуматься над тем, как же глупо будет открыть глаза и увидеть полуденное солнце. Так или иначе, глаза я не открыл. По какой-то причине — я не мог четко осознать ее, однако и одолеть не мог, — мне думалось, что глаза должны быть закрыты, почти как если бы меня поджидало зрелище, запретное для смертных. И это тоже оставалось чистой воды вымыслом. Подкрепить подобное подозрение мне было положительно нечем. Пожалуй, это и было самое страшное: в моем распоряжении не было фактов, я очутился в темном мире без всяких зацепок, я карабкался в пустоте, и не просто в пустоте, а в такой, где еще совсем недавно была прочность, была материя и жизнь, а ныне не осталось ни того, ни другого.

Я карабкался и карабкался, полз вверх по склону, полз мучительно, еле-еле, не зная, куда ползу и зачем. И все же мне казалось, что я должен ползти, не могу не ползти, и не потому, что мне этого хочется, а потому, что нет выбора — все иные решения непредставимо ужасны. Я не помнил, кто я и что я, не догадывался, как попал сюда. Не исключено, что я всегда был здесь и от самого сотворения мира полз сквозь темноту по этому бесконечному склону.

Но постепенно я дополз до минуты, когда осознал кое-что новое — руки нащупали почву и траву, колено отозвалось болью, когда я наткнулся на камушек и оцарапался о него, щека уловила прикосновение легкого прохладного ветерка, а ухо поймало звук, трепещущий посвист ветерка, перебирающего листву где-то над головой. Ощущений стало гораздо больше, чем раньше: окружающее меня царство темноты возвращалось к жизни. Я прекратил ползти и разлегся плашмя без движения, чувствуя каждой клеточкой, как земля отдает накопленное за летний день тепло. И понял, что тишину нарушает не только ветерок, играющий в листьях, а еще и неровный топот ног, и отдаленные голоса.

И я рискнул открыть глаза. Да, было темно, как я и предполагал, и все же не так темно, как могло бы быть. Невдалеке виднелась небольшая рощица, а на гребне за рощицей, силуэтом на фоне звездного неба, торчала пьяная пушка — колесо осело, а жерло задралось к звездам.

Разглядев пушку, я вспомнил Геттисберг и узнал место, где лежу. Выходит, никуда я не полз, а оставался там же или почти там же, где имел глупость вскочить на ноги, когда рефери показал

мне нос. Никуда я не полз, это только мерещилось в горячечном помрачении рассудка.

Я поднял руку к голове. Пальцы нащупали сбоку на черепе выпуклый скользкий рубец, а когда я их отнял, они оказались липкими. С грехом пополам я поднялся на колени, но вставать не спешил, прислушиваясь к своему самочувствию. Голову там, где я коснулся ее, немножко саднило, но ум работал ясно, меня не шатало и в глазах не двоилось. И я вроде бы сохранил достаточно сил. Вероятно, осколок задел меня по касательной, вспорол кожу да вырвал клочок волос, только и всего.

Стало ясно, что рефери чуть не добился того, к чему стремился, — от смерти меня спасла ничтожная доля дюйма. Но интересно все-таки: неужели такую битву затеяли ради меня одного, ради того, чтобы поймать меня в ловушку? Или сражение разыгрывается периодически, повторяется снова и снова по расписанию? А может, ему суждено потворяться без конца до тех пор, пока жители моей страны не утратят интереса к эпохе Геттисберга?

Я встал на ноги, и они удержали меня, притом вполне уверенно, хотя где-то под ложечкой засело странное ощущение. Что бы оно значило? — подивился я и внезапно понял, что это самое обыкновенное чувство голода. Последний раз мне довелось поесть вчера днем, когда мы с Кэти обедали в придорожной закуской у границ Пенсильвании. Вчера — если судить по моим часам, потому что откуда же было мне знать, как течет время на этом разрытом ядрами склоне. Я вспомнил, что обстрел здесь начался на два с лишним часа раньше, чем должно, — опять-таки, если верить моим часам. Правда, историки до сих пор спорят, когда же точно раздался первый выстрел, но безусловно не раньше, чем в час дня. Однако я тут же поправился: в данных обстоятельствах исторические уточнения не играют в сущности никакой роли. В этом перекошенном мире занавес может подняться в любую секунду, когда того пожелает режиссер.

Едва я сделал три шага вверх по склону, как споткнулся обо что-то лежащее на земле и полетел кубарем, еле-еле успев выставить руки перед собой, чтобы не расквасить лицо. Руки оказались полны песка и камешков — но это еще не худшее. Худшее наступило, когда я перевалился на бок, решив разобраться, что за препятствие подставило мне ножку. И чуть не задохнулся, когда разобрался, и сразу заметил, что таких препятствий вокруг рассеяно много, очень много. Здесь, на склоне, где две враждующие армии сошлись в рукопашной, кое-кто остался тихо лежать во тьме грудями тряпья, только легкий ветерок шевелил полы мундиров, словно напоминая, что хозяева этих мундиров недавно были живы.

«Убитые, — сказал я и себе тут же осекся: — Да нет, какие убитые, горевать не о ком, разве что в память о давних временах,

когда здесь все происходило всерьез, а не в натужной постановке для слабоумных...»

Мой старый друг размышлял об иной форме жизни. Возможно, более совершенной, чем наша. О том, что продолжающийся эволюционный процесс достиг нового значительного поворотного пункта. Пункт этот, вероятно, можно назвать силой мышления. Физическая составляющая абстрактного мышления обрела здесь, в этом мире, приют и вещественную форму, и эта форма способна жить и умирать (или притворяться умершей), а затем вновь становится абстрактной силой, чтобы со временем вновь ожить и вновь обрести форму, ту же самую или совсем иную.

Что за бессмыслица! — сказал я себе. Но ведь в таком случае бессмыслицей было все и всегда. Огонь был бессмыслицей, пока неведомый нам предок не приручил его. Колесо было бессмыслицей, пока кто-то его не придумал. Атом был бессмыслицей, пока любознательные умы не представили его себе и не доказали, что он существует (хотя в сущности так и не разобрались в нем досконально), и атомная энергия была бессмыслицей, пока однажды в Чикагском университете не возгорелся странный пожар, а чуть позже над пустыней не поднялся исполинский зловещий гриб.

Если эволюция представляет собой, как принято думать, беспрерывный процесс, направленный на то, чтобы привести жизнь в соответствие с изменениями окружающей среды, помочь ей совладать с ними, тогда этот новый гибкий, изменчивый род жизни означает, что эволюция близка к своему высшему достижению и окончательной, неоспоримой победе. Потому что жизнь, в основе своей не материальная, но способная, по крайней мере теоретически, принять любую материальную форму, может мгновенно приспособиться к любому окружению, справиться с любой экологической средой.

Какую же цель преследует эта новая жизнь? — задал я себе вопрос, лежа на поле битвы при Геттисберге в окружении мертвецов (можно ли назвать их мертвецами?). Но, коли на то пошло, наверное, слишком рано искать в проявлениях этой жизни осознанную цель. Орды голых плотоядных обезьян, шастающие по Африке два с чем-нибудь миллиона лет назад, разумному наблюдателю со стороны показались бы лишенными осознанной цели в еще большей степени, чем диковинные обитатели этого мира.

Я снова поднялся на ноги и побрел вверх, мимо рощицы, мимо разбитой пушки — теперь мне было видно множество таких разбитых пушек, — и в конце концов поднялся на гребень и заглянул на его противоположный склон.

Представление все еще не кончилось. На самом склоне, на юг и на восток от него искрились костры, издали доноси-

лись звяканье упряжи и скрип повозок, а может быть, пушек на марше. Где-то на отшибе, в районе Круглых вершин, заревел мул.

А надо всей сценой навис полог сверкающих летних звезд, и это, вспомнилось мне, явная ошибка в сценарии, поскольку после последней атаки на злосчастный склон обрушился сильный дождь и кое-кто из раненых, не способных передвигаться, не сумел отползти от вздувшегося ручья и захлебнулся. Это так и окрестили — «пушечная погода». Военные подметили, что вслед за жестоким сражением часто поднимается буря, и уверовали, что можно спровоцировать дождь артиллерийской канонадой.

Весь ближний склон был помечен темными бесформенными контурами мертвых солдат, попадались и мертвые лошади, но, удивительное дело, раненых словно не было совсем. Они не выдавали себя ни звуком, не было ни стонов, ни рыданий, неизбежных после каждой битвы, и уж тем более не было надрывных криков людей, обезумевших от боли. Не приходилось сомневаться, что раненых никак не могли успеть подобрать и вынести с поля битвы всех до одного — слишком мало времени прошло, — и я усомнился, были ли здесь вообще раненые, не был ли исторический сценарий подвергнут цензуре, вычищен таким образом, чтобы раненых не осталось.

Достаточно было чуть взглянуть в смутные фигуры, распростертые на земле, чтобы ощутить исходящие от них безмолвие и покой, величие смерти. Никто не застыл неестественно и конвульсивно, все лежали в достойных позах, будто просто прилегли и заснули. Не было следов агонии и смертных мук. Даже лошади и те были лошадьми, прилегшими отдохнуть. Не было тел, вспухших от газов, не было нелепо вывернутых ног. Поле битвы в целом было учтивым, аккуратным, дисциплинированным и, пожалуй, слегка романтическим. Ясно было, что и здесь вмешались редакторы — и, наверное, не столько редакторы этого мира, сколько моего собственного. Именно такой воображали себе войну те, кто жил в эпоху Геттисберга, именно такой она осталась в памяти поколений, когда годы постепенно содрали с нее наслоения грубости, жестокости, страха, набросили на события плащ благородства и превратили войну в сагу о войне.

Я понимал, что действительность была другой. Я понимал, что на самом деле все происходило не так. И тем не менее, когда я стоял на гребне, я почти забыл, что это всего лишь спектакль, ощутил величие бранной славы и предался чувству овеянной величием меланхолии.

Мул поорал и затих, и у одного из костров завели песню. Рощица у меня за спиной зашелестела листьями.

Вот он, Геттисберг, подумал я. Я ведь был здесь в иное время, в ином мире (или теперь попал в иной мир, каков бы он ни был и какие бы чуждые силы им ни управляли), стоял на этом самом месте и старался представить себе, как все это выглядело сто лет назад, — и вот я вижу, вижу своими глазами, по крайней мере, какую-то часть минувшего.

Я принялся спускаться с холма, когда услышал голосок, окликнувший меня по имени:

— Хортон Смит!

Я поспешно обернулся на оклик, но в первую секунду не разглядел говорящего. Потом я увидел его — он уселся на сломанном колесе разбитой пушки. Я различил только его силуэт — заостренную головку, накрытую копной волос, и уши-кувшинчики. Впервые за все эти дни он не прыгал в кипучей ярости, а сидел смиренненько, словно и впрямь на насесте.

— Опять ты, — отметил я вслух. — Чего явился?

— Вы прибегли к помощи дьявола, — заявил рефери. — Вы снова поступили нечестно. Схватку с Дон Кихотом не следовало засчитывать в принципе, и только с помощью дьявола можно было уцелеть под канонадой...

— Допустим. Допустим, мне действительно помогал дьявол. Ну и что из того?

— Вы признаете это? — возбужденно переспросил он. — Признаете, что прибегли к его помощи?

— Ничего я не признаю, — ответил я. — Это ты утверждаешь так, а я просто не в курсе. Дьявол даже не заикался о том, что собирается мне помочь.

Он удрученно сник.

— Тогда, как видно, ничего не попишешь. Трижды испытан — заговорен. Таков закон, и я не вправе подвергнуть его сомнению, хотя, — добавил он зло, — очень хотелось бы. Вы неприятны мне, мистер Смит. Вы мне весьма неприятны.

— Вот уж чувство, — ответил я, — которое я разделяю.

— Шесть раз! — взвыл он горестно. — Это аморально! Это немыслимо! Никто никогда не выдерживал даже трех раз!..

Подойдя поближе к пушке, на которой он восседал, я смерил его откровенно ехидным взглядом.

— Если тебе от этого станет легче, — высказался я наконец, — сообщаю, что я не вступал в сделку с дьяволом. Я просил его замолвить за меня словечко, но он дал мне понять, что не может выполнить мою просьбу. Он сказал, что правила есть правила и не в его власти их изменить.

— Если мне станет легче! — завопил монстренок, пыхтя от негодования. — С чего это вам вдруг заботиться, чтобы мне стало легче! По-моему, это новый трюк. Еще один грязный человеческий трюк!

Я резко развернулся на каблуках и бросил:

— А пошел ты!..

И впрямь, чего ради блюсти вежливость с этим чучелом?

— Мистер Смит! — бросил он мне вдогонку. — Мистер Смит! Ну пожалуйста, мистер Смит!..

Я продолжал решительно спускаться с холма, не обращая на его призывы никакого внимания.

Слева от себя я заметил белеющий силуэт фермы, а вокруг нее ограду из кольев, такую же белую, но частично порушенную. В окнах горел свет, на дворе били копытами привязанные кони. Вероятно, это был штаб генерала Мида, и вполне возможно, что сам генерал сейчас находился в штабе. Подойди я поближе, я бы мог, наверное, мельком увидеть его. Но я не подошел, а продолжал спускаться с холма. Потому что этот Мид не был настоящим Мидом, и ферма не была настоящей фермой, а разбитая пушка пушкой. Все это оставалось грубой подделкой, хотя и очень вещественной, настолько вещественной, что, там на гребне, я на мгновение ощутил дыхание подлинной истории, настоящего поля битвы.

Теперь до меня со всех сторон долетали голоса, а иной раз и звук шагов. Время от времени я даже смутно различал фигуры людей, перебегающих по склону, то ли с официальными поручениями, то ли, скорее всего, по своим делам.

Почва чуть было не ушла у меня из-под ног — склон круто обрывался, переходя в овраг. Ближний край оврага густо зарос деревьями, а под ними был разожжен походный костер. Я попытался обойти его, я не испытывал желания встретиться с кем бы то ни было, но упустил момент, и меня заметили. И то сказать, какие-то мелкие камешки сорвались у меня из-под ног и с шумом покатались в глубину оврага. Раздался громкий окрик. Я застыл как вкопанный.

— Кто идет? — повторил тот же голос.

— Друг, — ответил я. Я признавал, что это глупый ответ, но ничего больше не придумал.

Пламя костра осветило поднятый ствол мушкета.

— Слушай, Джед, — вмешался другой, протяжный голос, — ну чего ты психуешь? Мятежников поблизости нет, а если б и были, то уж постарались бы вести себя тихо-тихо...

— Хотел проверить, только и всего, — откликнулся Джед. — После нынешнего побоища к чему рисковать?

— Не волнуйтесь, — произнес я, приближаясь к костру. — Никакой я не мятежник.

Попад в круг света, я остановился и позволил им осмотреть себя. Их было трое — двое расположились на земле у костра, третий стоял с мушкетом в руках.

— Но вы, погляжу, и не из наших, — сказал стоящий. Очевидно, он и был Джед. — Кто вы, мистер?

— Меня зовут Хортон Смит. Я газетчик.

— Ну и ну, — заметил солдат с протяжным голосом. — Идите сюда, присаживайтесь к костру. Можем потолковать чуток, если не торопитесь.

— Нет, не очень тороплюсь, — ответил я.

— Мы вам про все расскажем, — сказал тот, кто еще не говорил. — Мы же были в самой гуще. Там, подле рощицы.

— Погоди-ка, — перебил протяжный голос. — Ничего нового мы ему не расскажем. Я видел этого джентльмена. Он сам был там, рядом с нами: По крайней мере был какое-то время, а может, и до конца. Я его видел, пока не припекло так, что стало не до него.

Я подошел к костру вплотную. Джед прислонил мушкет к сливовому деревцу и вернулся на свое прежнее место у огня.

— Мы тут решили поджарить себе бекона, — пояснил он, показывая на сковородку, установленную на углях сбоку от костра. — Если вы голодны, у нас хватит на всех...

— Нужно очень оголодать, — отозвался кто-то из двух других, — чтоб польститься на такую еду.

— Похоже, что я оголодал как следует, — подхватил я, вошел к ним в круг и опустился на корточки. Рядом со сковородкой, где жарилась свинина, был установлен дымящийся кофейник, и я вдохнул дразнящий аромат. — Мне случилось сегодня пропустить обед. Да, по правде говоря, и завтрак тоже.

— Тогда вы, может, и не побрезгуете, — сказал Джед. — У нас есть в запасе парочка галет, я смастерю вам сэндвич.

— Только не забудь для начала, — вмешался протяжный голос, — тюкнуть галетой обо что-нибудь и выбить червяков. А то с непривычки сырое мясо может и не понравиться...

— Слушайте, мистер, — сказал третий, — сдается мне, вас нынче царапнуло...

Я коснулся рубца на голове, когда я отнял пальцы, они были по-прежнему липкими.

— Да, меня сегодня выключили, — признался я. — Очнулся совсем недавно. Осколок, наверное.

— Майк, — обратился Джед к протяжному, — почему бы вам с Эйсой не обмыть ему голову и не поглядеть, глубока ли рана? А я нацежу кружку кофе. Может, ему на пользу пойдет.

— Да ладно, — сказал я. — Это и правда царапина.

— Все равно лучше поглядеть, — заявил Майк, — а потом, когда расстанемся, двигайте к дороге на Танитаун. Поверните по ней на юг — найдете нашего полевого хирурга. Он порядочный мясник, но приложит вам какую-нибудь мазь, чтоб не омертвело.

Джед подал мне кружку кофе, который оказался крепок и горяч. Я едва прихлебнул его и обжег язык. А Майк тем временем

мягко, как женщина, обмывал мне рану с помощью носового платка, смоченного водой из фляги.

— В самом деле царапина, — подтвердил он. — Содрало кусочек шкуры, только и всего. Но на вашем месте я бы все равно навестил мясника.

— Хорошо, навещу, — пообещал я.

Самое забавное было в том, что не оставалось и тени сомнения: эти трое у костра всерьез верили в свои роли солдат-унионистов. Они не играли. Они жили той жизнью, что была им предложена. Возможно, они могли стать кем и чем угодно, вернее, сформировавшая их сила (если это сила) могла обернуться кем и чем угодно. Но как только сила обрела определенный материальный облик, они стали теми, кем стали, без каких бы то ни было оговорок. Пройдет немного времени, и их нынешний облик утратится, трансформируется в некую изначальную сущность, готовую к новым трансформациям, но пока этого не произошло, они были солдатами армии северян, недавно выдержавшими жестокую схватку на этом иссеченном ядрами гребне.

— Больше я ничего не могу сделать, — произнес Майк, усаживаясь на прежнее место. — Даже чистой тряпки и то нет, перевязать вас нечем. Но ничего, найдете дока, он укутает вас как надо.

— А вот и сэндвич, — объявил Джед. — Я постарался выколотить всех ползунов. Думаю, мне это в общем удалось.

Галета была покрыта неаппетитным месивом и оказалась несусветно твердой, такой, как я и читал о галетах той поры, но я был голоден, а это была еда, и я ее проглотил. Джед приготовил сэндвичи для остальных, и несколько минут мы жевали молча, не обмениваясь ни словом: такого рода пища требует от человека полной сосредоточенности. Тем временем кофе достаточно остыл, его стало можно пить, и галета сделалась посъедобнее.

Наконец мы справились с едой, и Джед нацедил всем еще по кружке кофе. Майк вытащил старую трубку и долго шарил по карманам, пока не нашел довольно табачных крошек, чтобы набить ее. Прикурил от головешки, бережно добытой из костра, и сказал:

— Газетчик, надо же! Из Нью-Йорка, наверное?

Я покачал головой. Нью-Йорк был слишком близко. Кто-нибудь из них, чего доброго, уже встречался с газетчиками из Нью-Йорка.

— Из Лондона. Газета «Таймс».

— А говорите, по-моему, не как британец, — заметил Эйса. — Ваши обычно так смешно бормочут...

— Просто я уже много лет как из Англии. Слоняюсь тут среди вас...

Разумеется, это никак не могло объяснить потерю британского акцента, но их это на время устроило.

— Говорят, в армии Ли тоже есть британец, — сказал Джед. — По фамилии Фримантл или что-то похожее. Может, вы его знаете?

— Слышал о нем, — поспешил откреститься я, — но лично не встречал.

Они, пожалуй, становились чересчур любопытными. Держались по-прежнему дружелюбно, но любопытствовали не в меру. К счастью, они не задержались на этой теме: было слишком много других, которые им тоже хотелось бы обсудить.

— Когда будете писать свою статейку, — осведомился Майк, — что вы намерены сказать о Миде?

— Ну я еще не решил, — промямлил я. — Еще не успел как следует все обдумать. Конечно, здесь он провел прекрасную битву. Заставил южан пойти напролом. В первый раз сыграл их картами. Упорная оборона, и вот...

Джед сплюнул.

— Может, и так. Но нет у него блеска. Вспомните Мака — вот кто действительно воевал блестяще¹...

— Блестяще, блестяще, — передразнил Эйса, — почему же нас под его началом всегда лупили? Честно скажу, недурно хоть разок почувствовать себя победителем. — Он взглянул сквозь пламя костра в мою сторону. — Как по-вашему, сегодня мы победили?

— Уверен, что победили, — ответил я. — Завтра Ли начнет отступление. Может, уже и начал.

— Кое-кто у нас думает иначе, — возразил Майк. — Я тут толковал с ребятами из Миннесоты. Они считают, что эти чокнутые повстанцы завтра начнут все сначала.

— Не думаю, — сказал Джед. — Сегодня мы перешибли повстанцам хребет. Черт побери, они поперли вверх по склону как на параде. Прямо на нас и прямо на пушки. И мы их смели, будто били на стрельбах по мишеням. Нам твердили, что их генерал Ли ловок и умен, но какой же умный генерал пошлет своих людей парадом по ровному склону прямо на пушки!..

— Бернсайд послал нас на пушки при Фредриксберге, — напомнил Эйса.

Джед опять сплюнул.

— Кто сказал, что Бернсайд — умный генерал? Никто никогда этого не утверждал.

Я допил кофе, быстро крутанул кружку, взбалтывая остаток, и выплеснул его в костер. Джед потянулся за кофейником.

---

¹ Имеется в виду, по-видимому, Джордж Макклеллан, до 1862 года командир Потомакской армии северян, затем замененный генералом Бернсайдом. На президентских выборах 1864 года Макклеллан выступил соперником Авраама Линкольна, но потерпел поражение.

— Спасибо, больше не надо, — сказал я. — Мне пора идти.

Идти мне вовсе не хотелось. Хотелось остаться здесь и убить еще час-другой в болтовне с тремя солдатами у костра. Здесь было тепло, удобно и вообще уютно.

Однако меня не покидало глубокое, серьезное подозрение, что мне надо сматываться отсюда как можно скорее. Подальше от этих солдат и от поля битвы, пока не случилось еще чего-нибудь. Железный осколок пролетел достаточно близко. Теоретически, конечно, я был уже вне опасности, но я не доверял этому миру и тем более не доверял рефери. Чем быстрее я выберусь из Геттисберга, тем лучше. Я встал.

— Спасибо за еду и кофе. Честно скажу, это было не лишнее.

— Куда вы теперь?

— Наверное, прежде всего надо бы разыскать вашего доктора.

— На вашем месте, — кивнул Джед, — я бы поступил именно так...

Я побрел прочь, ожидая с секунды на секунду, что они окликнут меня и вернут обратно. Но они не сделали этого, и я, спотыкаясь, стал спускаться в темный овраг.

В голове у меня, пусть вчерне, возникла полузабытая карта местности, и вскоре я принял решение, куда идти. Конечно, ни о какой дороге на Танитаун не могло быть и речи — я остался бы чересчур близко к полю битвы. Я пересеку эту дорогу и пойду дальше на восток, пока не доберусь до Балтиморского тракта, а потом поверну по тракту на юго-восток. Хотя совершенно непонятно, о чем я размышлял и зачем. В этом таинственном мире одно направление, вероятно, ничуть не лучше другого. Да и, в сущности, куда мне было идти — я двигался без всякой цели. Дьявол заявил, что Кэти в безопасности, снова в мире людей, но и полусловом не намекнул, как человеку попасть отсюда к своим. И не так уж твердо я был убежден, что дьяволу можно верить в отношении Кэти. Он субъект изворотливый и вряд ли достоин доверия.

Добравшись до конца оврага, я вышел к долине. Впереди уже виднелась дорога на Танитаун. Там и тут горели костры, я обходил их стороной. И неожиданно наткнулся в темноте на теплое волосатое тело, приветствовавшее меня легким фырканьем. Я попятился и, прищурившись, разглядел лошадь, привязанную к уцелевшей железной оградке.

Лошадь шевельнула ушами и тихо заржала. Наверное, ее оставили тут давно, она была напугана одиночеством и определенно рада человеку. На ней было седло, и к оградке ее привязали по всем правилам, за повод.

— Привет, лошадка, — произнес я. — Как дела?

Она фыркнула, адресуясь несомненно ко мне. Я передвинулся и потрепал ее по шее. Она вывернула морду и попыталась ткнуть-ся в меня носом.

Я отступил на шаг, осмотрелся — поблизости никого. Тогда я освободил поводья, накинул их ей на шею и, выпрямившись, с грехом пополам забрался в седло. Лошадь, по-видимому, была счастлива, что ее отвязали, и послушно шла, куда я ее направлял.

У дороги и на самой дороге стояла куча повозок, но я ухитрился проскочить мимо них незамеченным. Никто меня не окликнул, я пересек дорогу и погнал лошадь на юго-восток. Она пошла легкой рысью.

Нам постречалось несколько мелких групп солдат, тяжело бредущих куда-то, потом пришлось объезжать артиллерийскую батарею, но постепенно всякое движение замерло. В конце концов лошадь выбралась на Балтиморский тракт и поскакала по нему прочь от Геттисберга.

16

Несколько миль от Геттисберга — и дорога внезапно оборвалась. Как и следовало ожидать: ведь в горах Саут Маунтинз, где мы с Кэти впервые познакомились с этим миром, сыскался один-единственный проселок и ничего похожего на настоящую дорогу. Балтиморский тракт и дорога на Танитаун, а может, и сам Геттисберг в этом мире служили всего-навсего декорациями для битвы, и довольно было отдалиться от поля сражения, чтобы нужда в декорациях отпала.

А как только дорога приказала долго жить, я оставил всякие попытки выбирать маршрут и предоставил лошади брести куда ей заблагорассудится. Если разобраться, не было вообще никакого смысла продолжать движение. Мест, куда я хотел бы попасть, здесь просто не было, но и останавливать лошадь я тоже не стал. По какой-то причине мне казалось, что чем дальше от Геттисберга, тем лучше.

И может, сейчас, мягкой летней ночью в седле под звездами, мне впервые с тех пор, как я попал в этот мир, выпал случай хорошенько подумать. Я перебирал в памяти одно за другим происшествия, что навалились на меня с минуты, когда я свернул на извилистую дорогу в Пайлот Ноб, и задавал себе множество вопросов по поводу каждого из них, а ответов по-прежнему не находил. Осознав это, я одновременно понял, что ищу ответы, которые удовлетворяли бы человеческой логике, а таких ответов нет, искать их — пустая затея. Перед лицом накопившихся у меня

фактов не оставалось сомнений, что человеческая логика и происходящее просто не имеют между собой ничего общего. Нравится или не нравится, приходилось признать, хотя бы наедине с собой, что единственно возможные объяснения надо основывать на посылаках, изложенных в рукописи моего друга.

Итак, есть некая область — и я угодил в нее, — где физическая составляющая воображения (термин очень неуклюжий, да что поделаешь) становится субстанцией, способной при известных условиях обращаться в материю, или подобие материи, или новую форму материи, не в наименовании суть. Я потратил немало времени, силясь вывести формулировку, которая действительно исчерпывала бы ситуацию и снижала число всяких «возможно» и «если» до разумных пределов, — но и такая задача на поверку была безнадежной. В конце концов я ограничился тем, что окрестил мир, где нахожусь, Страной воображения, — не Бог весть что, но на данный момент сойдет. Определение неточное и даже малодушное, но может, кто-нибудь когда-нибудь предложит лучшее.

Страна эта, как ее ни назови, слеплена из всех фантазий, всех маскарадов, всех волшебных сказок и народных поверий, всех выдумок и традиций рода человеческого. По этой стране шествуют и бегают, в этой стране таятся все существа и коллизии, когда-либо порожденные неугомонным мозгом своевольных маленьких приматов. Здесь Санта Клаус (каждую ночь или только в ночь перед Рождеством?) мчится по небу в запряженных северными оленями санях. Здесь Икабод Крейн (каждую ночь или только в канун Дня всех святых?) гонит свою измученную клячу по каменистой дороге в отчаянной надежде достичь заветного моста прежде, чем Всадник без головы сумеет запустить в него притороченной к седлу тыквой¹. Здесь Дэниэл Бун пробирается по лугам Кентукки с неизменным длинным ружьем наизготовку².

Здесь бродит славный Дедушка Песочник, а в его отсутствие злобные ухмыляющиеся твари танцуют джигу на заборе. И здесь повторяется битва при Геттисберге (вновь и вновь без остановки или только по специальному заказу?), но не та битва, что была на самом деле, а битва учтивая, облагороженная, почти бескровная, в какую ее превратило общественное мнение в последующие годы. И, вероятно, не только эта битва, но и многие другие — все великие беспощадные битвы, которые не утратили для нас значе-

---

¹ Имеется в виду новелла Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной лощине», а точнее, ее мультипликационный вариант, включенный Уолтом Диснеем в цикл «Страшные сказки».

² Дэниэл Бун (1734—1820) — реальное историческое лицо, один из тех, кого в Америке называют пионерами. Участвовал в войне за независимость и в бесчисленных стычках с индейцами, впоследствии стал героем книг, фильмов и комиксов.

ния, рассказы о которых вошли в традицию. Ватерлоо и Маратон, Шайло, мост Конкорд и Аустерлиц¹ — а в грядущие годы, как только воспоминания перейдут в традицию, к ним добавятся безумные, оскорбляющие человеческое достоинство механические сражения двух мировых войн, Кореи и Вьетнама. И одновременно частью этой страны станут, — может, уже стали — легендарные «громовые двадцатые» с их енотовыми шубами и долгополыми пиджаками, прикрывающими фляжки в заднем кармане брюк, с тупорылыми авто, гангстерами и пулеметами, заботливо уложенными в футляры от виолончелей.

Все это и многое другое, все образы и оттенки воображения, все безрассудство и остроумие, все шутовство и легкомыслие, все пороки и печали собрались здесь, в этом мире, лишь бы люди любой эпохи, от пещер до настоящего времени, обрисовали их в своем сознании с достаточной четкостью.

Разумеется, в холодном свете человеческой логики это выглядело помешательством, но вот оно, помешательство, окружает меня со всех сторон. Я ехал верхом по местности, которую язык не поворачивался назвать земной, — она была сказочной, застывшей под звездами, среди которых при всем желании нельзя было обнаружить ни одного созвездия, известного людям. Страна невозможного, где глупые поговорки обретали силу закона, где просто не оставалось места логике, поскольку сама страна была создана воображением, не признающим никакой логики.

Лошадка несла меня куда-то, переходя на шаг там, где почва была неровной, и пускаясь уверенной рысью, как только дорога позволяла ей это. Голова слегка побаливала, и когда я касался раны, пальцы были по-прежнему липкими, однако я нащупал образующийся струп и понял, что все в порядке. И вообще я чувствовал себя гораздо лучше, чем полагалось бы при данных обстоятельствах, — ехал и ехал без приключений по волшебной стране, замершей в сиянии звезд.

Честно признаться, я с секунды на секунду ожидал встречи с кем-либо из обитателей этой фантастического мира, но никто не показывался. Лошадь в конце концов отыскала тропу, утопанную получше прежних, и опять перешла на рысь. За спиной осталось уже немало миль, в воздухе холодало. Изредка я видел вдалеке поселения, хоть и не мог разобрать, что они такое. Впрочем, одно из них определенно выглядело как форт, обнесенный частоколом, наподобие тех, что ставили пионеры, когда осваивали новые земли Кентукки. Случалось, что сквозь звездную тень пробивались какие-то огоньки, но тут уж и вовсе нельзя было догадаться, что они могут означать.

---

¹ Перечислены сражения разных стран и эпох, начиная с битвы греков с персами при Маратоне в 490 году до н.э. и кончая Шайло — кровопролитной схваткой северян и южан в апреле 1862 года.

Внезапно лошадь резко остановилась. Совершеннейшее чудо, что я удержался в седле, а не полетел по инерции ей через голову. Ведь она шла так ровно и беззаботно, почти как заводная, и вдруг замерла без предупреждения, просто уперлась в землю копытами и встала. И наострила уши, затрепетала ноздрями, будто учуяв что-то во мраке впереди.

А потом она пронзительно заржала от ужаса, развернулась на задних ногах и, прыгнув с тропы вбок, бросилась бешеным галопом в лес, не разбирая дороги. Я остался в седле лишь потому, что успел лечь ей на шею и схватиться за гриву, и в этом мне опять повезло — если б я сидел выпрямившись, как прежде, какая-нибудь низко нависшая ветка непременно вышибла бы мне мозги.

Должно быть, лошадиный слух был значительно тоньше моего: только когда мы, забыв о тропе, понеслись по лесу, я различил позади хриплое мауканье, переходящее в чавканье. Налетевший ветерок приобрел смрадный оттенок, а затем сзади послышался настойчивый треск и хруст — что-то огромное, неуклюжее, кошмарное ломилось сквозь кусты и деревья следом за нами.

Отчаянно цепляясь за гриву, я осмелился бросить взгляд назад и уголком глаза уловил размытый контур тошнотворно зеленой туши, движущейся за нами след в след.

Нежданно-негаданно — так быстро, что я не заподозрил неладного, пока оно не произошло, — и седло, и лошадь вырвались из-под меня и испарились. Их не стало, словно никогда и не было: я камнем упал вниз, приземлился на ноги, но не удержался, опрокинулся навзничь и проехал по глине добрый десяток футов до крутого откоса, ну а тут уж покатился кубарем до самого низа. Я был ошарашен, но если расшибся, то не сильно, — во всяком случае, я сумел подняться на ноги и встретить тошнотворно зеленое нечто, с шумом продирающееся по лесу, лицом к лицу.

В общем-то я сразу понял, что случилось, понял совершенно ясно — этого следовало ожидать, к этому следовало приготовиться, но верховая езда казалась таким спокойным, таким обыкновенным занятием, что я позволил себе забыть про самый вероятный ее исход. Постановка-реставрация битвы при Геттисберге должна была прийти и пришла к концу. И там, на склонах и округлых холмах, больше не было ни уцелевших солдат, ни усевших поле бесформенных тел, ни разбитых пушек, ни расстрелянных ядер, ни боевых знамен и ничего другого — все исчезло в мгновение ока. Представление окончилось, актеров выгнали со сцены, декорации сломали, а поскольку моя лошадка тоже была частью реквизита, ее конфисковали.

И я остался в небольшой лощинке, укрывшейся в лесной чаще, один на один с преследующей меня омерзительной зеленью — она была зеленой, и мне впору было позеленеть от страшного гнилостного смрада, который она распространяла

перед собой. Она мяукала яростнее прежнего, а время от времени чавкала и еще жутко взвизгивала, и визг ее проникал до самой глубины души. Я замер, не в силах отвести взгляд от этой зелени, и вдруг опознал ее — тварь, выдуманную Лавкрафтом¹, вселенского пожирателя по кличке Древний, вынырнувшего из преданий исчезнувших племен, некогда изгнанного с Земли, но вернувшегося насытить свой мерзкий, чудовищный голод, способного не просто сдирать мясо с костей, а лишать воли к жизни, замораживая душу и разум, сковывая их безграничным ужасом.

Я ощутил этот ужас — волосы поднялись дыбом, внутри все сжалось и перевернулось, по телу разлилась слабость, во мне не осталось почти ничего человеческого; но я ощутил еще и гнев, и уверен — именно гнев сохранил мне рассудок.

Проклятый рефери, выругался я про себя, грязная маленькая хитренькая вонючка!.. Он, конечно же, возненавидел меня и имел на то полное право, ведь я не только одолел его, притом не один раз, а дважды, я еще и показал ему спину, презрительно ушел, когда он, взгромоздившись на колесо разбитой пушки, умолял меня вернуться. Однако правила есть правила, — сказал я себе, — и коль скоро я играл в его игру до конца, то теперь по справедливости должен бы быть избавлен от дальнейших опасностей...

Зеленоватый свет накалился, стал тошнотно, смертельно зеленым, но разглядеть преследователя никак не удавалось. Трупный смрад усилился до того, что загустел в горле, заполнил ноздри, я попытался избавиться от него, вызвав рвоту, но ничего не вышло, разве что смрад теперь казался еще гуще, еще отвратительнее.

А затем я внезапно увидел его — увидел не слишком четко, чернота древесных стволов дробила контур, разбивала его на куски. И все же я увидел достаточно, чтобы ужас преследовал меня до конца моих дней. Вообразите себе чудовищно распухшую жабу, добавьте к ней чуток стреляющей языком ящерицы и что-то гадостное от змеи, и у вас появится отдаленная, слабенькая идея о том, как выглядит Древний. На деле все было хуже, много хуже — эта тварь просто не поддавалась описанию.

На ватных от ужаса ногах, задыхаясь и давясь рвотой, я все-таки попытался бежать — но едва сделал первый шаг, как земля подо мной провалилась, и я рухнул лицом вниз. Упал на что-то твердое, ободрал лицо и ладони, да и ударился так, что как минимум расшатал себе зуб. Однако смрад исчез, и зеленоватый отсвет исчез, а когда я с грехом пополам приподнялся, то понял, что исчез и лес.

---

¹ Говард Филипс Лавкрафт (1890—1937) — американский писатель, питавший пристрастие к жанру «черной фантастики».

Поверхность, на которую я свалился, была залита бетоном, и тут меня пронзил новый страх. Что это — скоростная автострада? Взлетно-посадочная полоса?

Длинная бетонная лента уходила от меня вдаль, и я глядел на нее тупо и озадаченно. Да, я очутился на середине автострады — но опасности не было. Не было машин, с ревом мчащихся на меня на сумасшедшей скорости. Вернее, машины были, но ни одна не двигалась. Они просто застыли на бетонном полотне, и ни с места.

17

Потребовалось немало времени, прежде чем я начал что-то соображать. Первым делом я испугался оттого, что стою посередине скоростной автострады. Что это автострада, я понял моментально — широкие бетонные полосы, между ними разделитель, поросший травой, а по бокам прочный стальной забор, ограждающий движение от помех. Потом я отдал себе отчет, что машины, все до одной, замерли без движения, и это был настоящий шок. Одинокaя машина, съехавшая с бетона и стоящая на обочине с поднятым капотом, не представляет собой ничего особенного. Но когда таких машин десятки, это, согласитесь, совсем другое дело. И главное — ни в машинах, ни около них не было людей, никого не было. Одни машины, пустые и неподвижные, некоторые с поднятыми капотами, хотя не все, далеко не все. Словно машины в одну секунду вышли из строя и катились по инерции, пока не остановились. И не только те, что поблизости, — точно такая же картина в обе стороны, вверх и вниз по шоссе. Сколько хватает глаз, везде застывшие машины, уменьшающиеся до черных точек вдали.

И лишь теперь, лишь когда я осознал и кое-как переварил зрелище застывших машин, до меня дошло самое очевидное, то, что следовало бы уразуметь с первого же мгновения. Я снова очутился на моей родной земле! Я больше не был пленником странного мира Дон Кихота и дьявола!

Если бы меня не отвлекли машины, я, наверное, ощутил бы себя счастливейшим из смертных. Но машины озадачили меня так, что все другие чувства на время как бы выключились.

Я подошел к машине, что была ближе всех, и присмотрелся. Дорожная карта и пачка туристских проспектов на переднем сиденье, термос и свитер в углу заднего. В пепельницу воткнута трубка. Ключей зажигания на месте нет.

Вторая машина, третья, четвертая. То тут, то там — брошенный багаж, будто хозяева отлучились за помощью в твердом намерении вернуться.

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, утро становилось по-настоящему теплым.

Вдалеке, ближе к горизонту, над шоссе повисла эстакада — тонкая линия, затуманенная расстоянием. Надо думать, там перекресток, и я смогу сойти с автострады. Я пустился в путь в утренней тишине. За забором меж деревьями вились какие-то птицы, но и птицы молчали.

Итак, я снова дома, сказал я себе, и Кэти тоже, если позволительно верить дьяволу... Но где она? Скорее всего в Геттисберге, в безопасности у родителей. Только бы добраться до телефона, пообещал я себе, сразу позвоню и выясню все доподлинно...

Я миновал изрядное число замерших машин, но больше не удостоил вниманием ни одну из них. Важно было единственное — выбраться с автострады и найти кого-нибудь, кто объяснил бы мне, что происходит. Наконец, мне попался дорожный знак с обозначением «автострада 70», и я разобрался, где нахожусь, — в штате Мэриленд, где-то между городом Фредерик и Вашингтоном. Выходит, лошадка за ночь одолела солидную дистанцию, — естественно, в том случае, если география того мира повторяет географию нашего.

На указателе перед перекрестком я прочел название поселка, о котором никогда и не слышал. Втащился наверх, на узкую поперечную дорогу, обнаружил станцию обслуживания, но двери оказались на запоре и вообще все вокруг вымерло. Еще немного, и я очутился на окраине поселка. У тротуаров стояли машины, однако движение замерло и здесь. Я ввалился в первое же заведение, какое мне встретилось, — маленькое кафе, сложенное из бетонных блоков и выкрашенное в болезненно желтый цвет.

Центр зала занимал большой обеденный стол. Посетителей не было, хоть откуда-то из-за стены доносился звон кастрюль. Стойку украшал большой кофейник, под ним горел огонь, по залу плыл аромат кофе. Я опустился на стул, и в зал немедля вышла неряшливо одетая тетка.

— Доброе утро, сэр, — произнесла она. — Раненько же вы поднялись... — Достав чашку и наполнив ее из кофейника, она поставила кофе передо мной и осведомилась: — Закажете что-нибудь еще?

— Яичницу с беконом, — ответил я, — а если вы дадите мне мелочи, то, пока вы готовите, хотелось бы позвонить по телефону...

— Мелочь-то я вам дам, только толку не будет. Телефон не работает.

— Что, испортился? Может, где-нибудь поблизости есть другой телефон?

— Вы меня не поняли. Не работает ни один телефон. Вот уже два дня, с той самой минуты, как остановились машины.

— Машины-то я заметил...

— Ничего не работает, — пожаловалась она. — Просто не знаю, что с нами будет. Ни радио, ни телевидения. Ни машин, ни телефона. А что прикажете делать, когда выйдут припасы? Ну яйца и цыплят можно купить у фермеров. Сынишке придется ездить к ним на велосипеде, да это бы ладно, в школе занятий все равно уже нет. А когда у меня кончится кофе, сахар, мука и все остальное? Грузовиков-то не сыщешь. Остановились так же, как и легковые...

— Вы уверены? — спросил я. — То есть насчет машин. Вы уверены, что они остановились не только здесь, но повсюду?

— Ни в чем я не уверена, — отозвалась тетка. — Кроме того, что не видела ни одной машины на ходу вот уже целых два дня.

— Два дня? Это точно?

— Что уж точно, то точно. Лучше я пойду сготовлю вам завтрак...

И тут меня осенило: а что если случившееся — именно то, что имел в виду дьявол, заявивший мне, что у него есть определенные планы? Правда, когда мы с ним сидели на Кладбищенском гребне, звучало это так, будто планы еще разрабатываются, — а на деле, выходит, он уже пустил их в ход. Вполне возможно, все началось в тот самый миг, когда машина Кэти слетела с автострады и очутилась в призрачном мире воображения. Все другие машины заглохли и катились по инерции, пока не встали, а ее машину перекинули на тот убогий проселок на взгорье. Мне вспомнилось, что когда Кэти попыталась завести мотор сызнава, он не пожелал заводиться.

Но как можно осуществить такое? Как можно разом вывести из строя все машины до единой, чтобы они прокатились ровно столько, сколько сумеют, и больше не завелись?

Заклятье, ответил я себе, более чем вероятно, это заклинье... Хотя едва я сформулировал эту мысль, сама идея представилась мне невысказанной.

Да, она была невысказанной в моем мире, в том, где я сидел и ждал завтрака, который готовила тетка на кухне. А в мире дьявола такая идея, вероятно, вовсе не была невысказанной: там заклинье могло стать прочным, укоренившимся принципом, столь же веским, как физические и химические законы моего мира. Ведь принцип заклинья множество раз утверждался в волшебных сказках, в древнем фольклоре, да и в бесчисленных фантастических повествованиях, сочиняемых вплоть до наших дней. И люди некогда верили в этот принцип всерьез, и в течение долгих лет, вплоть до наших дней, многие отнюдь не сумасброды явно испытывали и испытывают почтение к давним предрассудкам, никак

не хотят расстаться с ними, а частенько верят в них и сегодня. Разве мало людей предпочтут сделать крюк, лишь бы не пройти под приставной лестницей? Разве мало тех, кто чувствует неприятный холодок, если черная кошка перебежит дорогу? Разве редки те, кто втайне ото всех и сегодня носит с собой кроличью лапку, а если не лапку, то иной амулет, например, монетку или какой-нибудь дурацкий значок? Разве редки те, кто на досуге все еще ищет клевер в четыре лепестка? Может, это делается не вполне серьезно или даже с самоиронией, призванной прикрыть несовременное поведение, однако поступки таких людей сами по себе выдают живущие в них страхи, уцелевшие с пещерных времен, вечное человеческое стремление защититься от невезения, черной магии, дурного глаза, — как ни называй подобные вещи, суть не меняется.

Дьявол изволил жаловаться, что простенькие, бездумные половицы доставляют его миру много хлопот, поскольку трактуются там как законы и принципы. И уж если в мире дьявола руководством к действию стала такая бессмыслица, как «трижды испытан — заговорен», то в потенциальной силе обыкновенного заклятья даже сомневаться не приходится.

Ну хорошо, заклятья действуют там, но каким образом возможно распространить их на наш собственный мир, где физические законы вроде бы должны успешно им противостоять? Хотя, коль на то пошло, идея заклятья рождена не кем-нибудь, а самим человеком. Человек измыслил заклятья, а затем передал их в пользование другому миру, и если теперь другой мир обернул их и использовал против нас, то мы этого по справедливости заслуживаем.

Разумеется, с точки зрения логики, общепринятой среди людей, все мои рассуждения — сущая белиберда, но машины, замершие на автострадах, неработающие телефоны, умолкшее радио и погасшие телевизоры — не белиберда, а беспощадная реальность. Можно сколько угодно отрицать действенность заклятий — но оглянись вокруг, и убедишься, что они действуют, еще как действуют.

Вот уж ситуация, сказал я себе, нарочно не придумаешь... Если машины не заводятся, если поезда не движутся, если связи нет и не предвидится, страну буквально через неделю ждет катастрофа. Без транспорта и связи заскрежещет, содрогнется и замрет вся национальная экономика. В городских центрах неизбежно скажется нехватка продуктов, тем более, что население примется в спешке скупать их про запас. Многим не хватит, и голодные толпы ринутся из городов в поисках пищи во всех направлениях, где есть надежда ее найти.

Не приходилось сомневаться, что уже сейчас налицо первые признаки паники. Столкнувшись с неизвестностью, при отсутст-

вии привычного потока информации, люди пускают в ход домыслы и слухи. Через день-другой подогретая этими слухами паника достигнет ошеломляющих масштабов.

Похоже, что роду человеческому нанесен удар, от которого, если не принять каких-то ответных мер, он может и не оправиться. Сложное общественное здание в нынешнем его виде во многом опирается на средства быстрого передвижения и мгновенной связи. Уберите эти две опоры — и все хрупкое здание, вероятно, тут же развалится на куски. Через месяц от него, вчера еще горделивого, просто ничего не останется. Человек будет отброшен вспять, к состоянию варварства, и страну наводнят кочующие орды, отчаянно ищущие хоть каких-то средств к существованию.

В моем распоряжении был не слух, а точный ответ, — я знал, что произошло, — но, конечно же, я понятия не имел, что теперь предпринять. Да и тот ответ, которым я располагал, если разобраться, тоже никого не устроит. Мне никто не поверит, а скорее всего никто даже не наберется терпения, чтобы выслушать меня толком. Подобная ситуация не может не породить кучу полоумных объяснений, и мой рассказ займет место в том же ряду — еще одно полоумное объяснение.

Тетка высунула голову из кухни и спросила:

— Я вас раньше не видела. Вы, наверно, приезжий? — Я кивнул, и она продолжала: — Тут теперь много приезжих. Все с авто-страды. Кое-кто за тридевять земель от дома, и теперь им никак не попасть обратно...

— Железные-то дороги, должно быть, действуют...

Она покачала головой.

— Не думаю. До ближайшей миль двадцать, и люди говорят — поезда тоже не ходят.

— А где мы сейчас находимся?

Тетка смерила меня подозрительным взглядом.

— Сдается мне, вы с луны свалились, ничего ни о чем не знаете. — Я промолчал, и она в конце концов сообщила то, что мне было нужно: — Вашингтон в тридцати милях отсюда.

— Спасибо, — сказал я.

— Неблизкая прогулочка, особенно в такой денек. Ближе к вечеру будет настоящее пекло. Вы и правда собрались идти пешком до самого Вашингтона?

— Не исключено, — отозвался я, и она вернулась на кухню.

Значит, до Вашингтона тридцать миль. А до Геттисберга сколько получится — шестьдесят или больше? И нет никакой уверенности, напомнил я себе, что Кэти в Геттисберге...

Надо решать — Вашингтон или Геттисберг?

В Вашингтоне, конечно же, есть люди, которым следовало бы узнать, которые вправе узнать то, что я могу рассказать, однако

крайне сомнительно, что они пожелают меня слушать. У меня в Вашингтоне есть друзья, в том числе и на высоких постах, и еще больше добрых знакомых, но найдется ли среди них хоть один, кто выслушает меня со вниманием? Я перебрал в уме десяток кандидатов и не обнаружил среди них ни одного, кто отнесся бы ко мне всерьез. Прежде всего, они просто не посмеют себе этого позволить, не захотят стать мишенью вежливых насмешек, неизбежных в случае, если кто-то попытается поверить мне хоть отчасти. Приходилось прийти к выводу, что в Вашингтоне я не добьюсь ничего, сколько бы ни колотился головой о каменные стены.

С учетом такого вывода, и все мои чувства кричали об этом в голос, мне следовало со всех ног броситься туда, где Кэти. Раз уж мир готов развалиться ко всем чертям, нам лучше быть вместе, когда это случится. Она единственная знает то же, что и я, она единственная способна понять уготованные мне муки, единственная, кто отнесется ко мне с симпатией и если будет в силах, то поможет.

Хотя нет, в душе моей было нечто большее, чем надежда на симпатию и помощь. Во мне жило воспоминание о том, как она прильнула ко мне, излучая обаяние и теплоту, каким счастьем засветилось ее лицо, когда она глянула на меня в отсветах ведьминого очага. Вот так, — подумалось мне, — после всех лет скитаний и женщин дальних заморских стран оказывается, что мне нужна Кэти. Меня потянуло на землю моего детства, я не был уверен, что поступаю правильно, не знал, что я там найду, а оказывается, там была Кэти...

Тетка поставила передо мной яичницу с беконом, и я принялся за еду. И тут, во время еды, меня посетила нелогичная мыслишка, прокралась исподтишка и завладела мной не спросясь. Я старался отогнать ее — ведь она была безрассудной, ее было нельзя обосновать. Но чем настойчивее я гнал ее, тем упорнее она возвращалась и укреплялась во мне. Я все сильнее подозревал, что найду Кэти не в Геттисберге, а в Вашингтоне у ограды Белого дома, что она ждет меня, подкармливая тамошних белок.

Несомненно, мы толковали с ней о белках в тот вечер, когда я провожал ее домой, но кто из нас завел этот разговор и как вообще это было? Нет, я не мог припомнить ничего, кроме того, что разговор действительно имел место, — и положительно был уверен, что в том разговоре не было ни словечка, которое могло бы навести меня на нынешнюю мысль. Но вопреки всему я продолжал пребывать в глубоком, неподвластном мне убеждении, что найду Кэти у Белого дома. Хуже того, убеждение это постепенно смешалось с уверенностью в неотложности дела. Я чувствовал, что обязан попасть в Вашингтон как можно скорее, иначе я ее упущу.

— Мистер, — подала голос тетка из-за стойки, — где это вы расцарапали себе лицо?

— Упал, — отозвался я.

— И на голове у вас здоровая ссадина. Смотрите, как бы не воспалилась. Вам бы к врачу наведаться.

— Некогда мне, — огрызнулся я.

— Тут в двух шагах живет старый док Бейтс. Больных у него немного, очередей не бывает. Он не Бог вещь что, старый док, но уж со ссадиной-то управится...

— Да не могу я. Мне правда надо в Вашингтон не теряя ни минуты. Не могу я задерживаться.

— Знаете, у меня на кухне есть йод. Я могу и сама промыть ссадину и смазать йодом. Наверное, найдется и чистое полотенце для перевязки, чтоб грязь не попадала. Нельзя вам шляться с эдакой ссадиной, занесете инфекцию... — Я знай себе ел, она смотрела на меня, потом добавила: — Не думайте, мистер, мне это нетрудно. И я знаю, как это делается. Я в свое время сестрой работала. Должно быть, мозгами тронулась, когда променяла профессию на такую вот забегаловку...

— Вы говорили, у вашего сынишки есть велосипед, — перебил я. — Слушайте, а он не согласится продать его?

— Ну не знаю. Штуковина вроде отслужила свой срок и не многого стоит, да и нужна ему, чтоб ездить за яйцами...

— Я дам за велосипед хорошую цену, — настаивал я.

— Спрошу у него, — поколебавшись, сказала она. — Но ведь мы с вами можем продолжить разговор на кухне. Я поищу йод. Ну не могу я позволить вам уйти отсюда с разодранной головой...

18

Тетка предсказывала, что день превратится в пекло, и была права. Волны жара, отражаясь от бетонного покрытия, катились мне навстречу. Небо сверкало как латунная чаша, воздух обжигал, и не было ни ветерка, чтобы хоть чуть колыхнуть его.

Поначалу велосипед доставил мне несколько неприятных минут, но уже две-три мили спустя тело начало припоминать навыки, сохранившиеся с детства, и я стал управляться с педалями довольно уверенно. Ехать было, может, и нелегко, но, разумеется, легче, чем идти пешком, — и разве у меня оставался выбор?

Я сказал тетке, что дам за велосипед хорошую цену, и она поймала меня на слове. Сто долларов — почти все деньги, какие у меня были. Сто долларов за допотопную железяку, скрепленную на живую нитку проволочками и случайными

винтиками! Красная цена ей была — десятка, но тут уж либо плати, либо отправляйся на своих двоих, а я спешил. И — добавил я себе в утешение — если нынешнее положение вещей продержится и дальше, я, пожалуй, даже не переплатил. Если б у меня не отобрали лошадку, я оказался бы обладателем ценнейшей собственности. Будущее, как оно складывается, принадлежит лошадям и велосипедам...

Автострада была забита брошенными машинами и грузовиками, кое-где среди них торчали автобусы, но людей не попадалось. У тех, кто застрял в отказавшем транспорте, было более чем достаточно времени убратся с дороги. Картина оставляла гнетущее впечатление, словно все эти машины были живыми существами, а теперь их убили и бросили на месте убийства, — да и сама автострада недавно была живой, полной шума и движения, и вот лежит бездыханная.

Я крутил и крутил педали, то и дело отирая рукавом рубашки пот, стекающий в глаза, и мечтая о глотке воды — и в конце концов понял, что добрался до пригородов.

Тут, конечно, были люди, но движение замерло, как и всюду. На улицах попадалось немало велосипедистов, я встретил и смельчаков, взгромоздившихся на роликовые коньки. Самое потешное на свете зрелище — джентльмен в безупречном костюме, с деловым кейсом в руке, бегущий на роликовых коньках, но старающийся не уронить своего достоинства. Выбор у людей был невелик — либо ничего не делать и молчаливо ждать, усевшись на бровке тротуара, на крылечке, на лужайке подле дома, либо пытаться с упорством отчаяния придерживаться прежнего распорядка жизни.

Потом я спешил у сквера, типичного вашингтонского сквера со статуей в центре, скамейками в тени деревьев, со старушкой, пришедшей покормить голубей, и фонтанчиком для питья. Надо ли говорить, что меня привлек фонтанчик. Долгие часы я накручивал педали под палящим солнцем, и язык иссох до того, что рот казался наполненным ватой. Однако остановка не затянулась: напившись и чуть отдохнув на скамейке, я вновь уселся на велосипед и тронулся в дальнейший путь.

Приблизившись к Белому дому, я еще издали заметил собравшуюся возле него толпу. Толпа стояла полукругом, не только заполнив тротуары, но и выплеснувшись на мостовую, и все безмолвно пялились в одну точку, похоже, на кого-то, кто держался ближе к ограде.

Кэти! — подумал я. Это же было в точности то место, где я и надеялся ее увидеть. Но что они все на нее уставились? Что еще стряслось?

Нажав на педали, я добрался до края толпы и соскочил с седла. Велосипед повалился набок, а я кинулся в самую гущу, рабо-

тая плечами и локтями. Люди сердито огрызались, кто-то орал на меня, кто-то толкался в ответ. Не обращая внимания на тычки и окрики, я пробивался в первые ряды и наконец пробился. И увидел.

Нет, это была не Кэти. Это был тот, кого, пораскинь я умом, я и должен был здесь увидеть, — старина Ник, его сатанинское величество, дьявол собственной персоной.

Наряд у него остался без изменений: непристойное его брюхо все так же перевешивалось через грязную тряпку, видимо, отвечавшую его понятиям о минимуме приличий. Зажав хвост в правой руке, он ковырялся в грязных зубах, используя кисточку как зубочистку. Небрежно привалившись к ограде и уперев раздвоенные копыта в пересекающую бетон трещину, дьявол сверлил толпу плотоядными глазками, намеренно доводя ее до исступления. А заметив меня, немедля выпустил хвост и, сделав шаг-другой вперед, обратился ко мне как к закадычному приятелю, которого, собственно, и поджидал.

— Привет герою! — протрубил он, быстро двигаясь мне навстречу и раскрывая объятия. — С возвращением домой! С возвращением не откуда-нибудь, а из Геттисберга! Я вижу, вы ранены. Но где, хотел бы я знать, вы раздобыли прелестную повязку, которая вам столь безусловно к лицу?

Он и впрямь чуть не обнял меня, но я уклонился. Я был раздражен: как это он посмел оказаться там, где я рассчитывал встретить Кэти?

— Где Кэти? — спросил я без обиняков. — Я думал увидеть ее здесь...

— А, маленькую девицу! — весело откликнулся он. — Оставьте свои опасения. Она в безопасности. В большом белом замке на вершине. Над ведьминым постоянным двором. Вы, надо думать, помните замок?

— Значит, вы мне солгали! — задохнулся я в ярости. — Вы же заверяли меня...

— Ну и солгал, — ответил он, разведя руки в знак того, что это не имеет для него ровно никакого значения. — Лгать — один из моих самых мелких пороков. И что за невидаль небольшая ложь между добрыми друзьями! Кэти в полной безопасности, куда вы со мной заодно...

— Это я-то с вами заодно!.. — возмущенно воскликнул я.

— Вы же хотите, чтобы ваши драгоценные машины покатались, как прежде? Хотите, чтобы радио бормотало, а телефоны трезвонили?..

Толпа беспокойно зашевелилась и начала смыкаться вокруг нас. Может, они и не понимали, что происходит, но наострили уши, едва дьявол упомянул про машины и радио. Впрочем, он не удостоил толпу вниманием.

— Однако вы и впрямь можете стать героем. Вам поси́льно осуществить переговоры. Поси́льно вступить в контакт с важными шишками...

Мне вовсе не хотелось проявлять героизм. Инстинкт подсказывал мне, что толпа вот-вот станет неуправляемой.

— Мы войдем внутрь, — изрек дьявол, — и поговорим с ними начистоту.

И не оборачиваясь ткнул пальцем через плечо, указывая на Белый дом.

— Не можем мы войти туда, — сказал я. — Нельзя просто так взять и войти туда с улицы...

— Но у вас же есть аккредитационная карточка!

— Конечно, есть. Но она вовсе не означает, что я могу войти в Белый дом в любой момент, когда мне заблагорассудится. В особенности с таким компаньоном...

— Вы что, не можете попасть в Белый дом?

— Во всяком случае, не так просто, как вы себе представляли.

— Послушайте, — почти взмолился он, — вы должны вступить с ними в переговоры. Вы способны подобрать подходящие выражения, вы владеете протоколом. Я не смогу ничего добиться без вашей помощи. Они не станут меня слушать.

Я покачал головой. От ворот Белого дома отделились двое охранников и двинулись по тротуару в нашу сторону. Дьявол проследил за моим взглядом и осведомился:

— Что, неприятности?

— Вероятно, да, — ответил я. — Охрана, должно быть, уже успела позвонить в полицию. Да нет, конечно, позвонить они не могли, но догадываюсь, что послали кого-нибудь за полицией. Чтоб упредить назревающие беспорядки...

Дьявол приблизился ко мне и произнес уголком рта:

— Только столкновения с полицией мне не доставало... — Он вытянул шею, желая получше рассмотреть охранников, которые целеустремленно вышагивали, направляясь несомненно к нам. Тогда он схватил меня за руку. — Давайте уберемся отсюда...

Удар грома — и мир ушел у меня из-под ног, его скрыл мрак, заполненный ревом ураганных ветров. И вдруг мы очутились в большой комнате. Центр комнаты занимал длинный стол, а вокруг стола сидело много народу во главе с президентом Соединенных Штатов.

В ковре на полу была прожжена дыра, от нее поднимались струйки дыма. Я стоял рядом с дьяволом. Воздух загустел от запаха серы и горячей ткани. В комнату вели две двери, и кто-то отчаянно барабанил по ним снаружи.

— Будьте любезны сообщить им, — произнес дьявол, — что сюда все равно не попасть. Боюсь, что двери заклинило.

Человек со звездами на плечах вскочил на ноги, и комната содрогнулась от его разъяренного рыка:

— Это еще что такое!

— Генерал, — отвечивал дьявол, — пожалуйста, сядьте на место и постарайтесь вести себя как подобает военному и джентльмену. Обещаю, что никто не пострадает.

В подтверждение своих слов он яростно помахал хвостом.

Я быстро оглядел комнату, проверяя первое свое впечатление, и оно оказалось правильным. Мы угодили прямо на заседание кабинета — а может, и нечто большее, чем заседание кабинета, потому что тут были не только министры, а и директор ФБР, и глава ЦРУ, и несколько высших военных чинов, и еще какие-то сумрачные личности, которых я не узнал. У стены поставили ряд дополнительных кресел, и на них расположилась группа весьма серьезных, по-видимому, ученых гостей.

Кто бы мог подумать, — мелькнула мысль, — мы-таки добились своего!..

— Хортон, — обратился ко мне госсекретарь, не повышая голоса и нисколько не волнуясь (он не умел волноваться), — что вы здесь делаете? Мне говорили совсем недавно, что вы ушли в отпуск...

— Я действительно ушел в отпуск, — ответил я, — только отпуск оказался непродолжительным.

— Вы, конечно, уже слышали про Филадельфию?

— Да, я слышал про Филадельфию.

Генерал опять вскочил на ноги — в отличие от госсекретаря, он был взволнован до крайности.

— Тогда, — рявкнул он, — может, государственный секретарь соблаговолит объяснить мне, что происходит?

Снаружи по-прежнему барабанили, и даже громче, чем раньше. Словно ребята из секретной службы старались взломать двери, используя столы и стулья.

— Все это очень необычно, — промолвил президент спокойным тоном, — но поскольку джентльмены уже здесь, можно догадаться, что они явились сюда с определенной целью. Предлагаю выслушать их, а затем вернуться к нашему обсуждению.

Разумеется, ситуация сложилась нелепая, и мной завладело ужасное подозрение, что я так и не выбрался из Страны воображения и что все вокруг, включая президента, и членов его кабинета, и остальных, — не более чем бредовая пародия, годная разве что для комикса.

— Полагаю, — обратился президент ко мне, — что вы Хортон Смит, хотя, признаться, я бы вас не узнал.

— Я был на рыбалке, мистер президент, — ответил я, — и не успел переодеться.

— О, ничего страшного, — заверил президент. — Мы тут не склонны придерживаться формальностей. Но я не знаю вашего друга.

— Не уверен, сэр, что он мой друг. По собственному его заявлению, он дьявол.

Президент глубокомысленно кивнул.

— Так я и подумал, хоть это представляется весьма театральным. Но если он в самом деле дьявол, что он здесь делает?

— Я явился, — сообщил дьявол, — обсудить взаимовыгодное соглашение.

Министр торговли оказался догадливым:

— Относительно наших проблем с машинами?

— Что за безумие! — воскликнул министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. — Я вижу это собственными глазами и все-таки говорю себе, что этого не может быть! Даже если бы дьявол действительно существовал... — Он запнулся и обратился ко мне: — Мистер Смит, уж вам-то прекрасно известно, что так не делается...

— Конечно, известно, — подтвердил я.

— Согласен, — заявил министр торговли, — что процедура отлична от общепринятой, но ведь и ситуация необычна. Если мистер Смит и его сернистый приятель располагают какой-то информацией, мы обязаны их выслушать. Мы уже выслушали многих, включая наших ученых гостей, — при этом он обвел широким жестом людей на дополнительных стульях у стены — и, собственно, ничего не узнали. Нам наперебой втолковывали, что случившееся попросту невозможно. Ученые сообщили нам, что поставлены в тупик, поскольку события последних дней противоречат всем физическим законам. А инженеры добавили...

— Но при чем тут дьявол!.. — взревел все тот же человек со звездами на плечах.

— Если, — заметил министр внутренних дел, — он действительно дьявол.

— Друзья, — вмешался глава Белого дома, потеряв терпение, — эти стены видели президента, великого президента военных лет, который, когда его упрекали в сотрудничестве с одним малосимпатичным иностранным правителем, сказал, что согласен воспользоваться помощью дьявола, лишь бы перебраться через стремнину. Сейчас перед вами еще один президент, который не устыдится вступить в переговоры с дьяволом, если они обещают решение наших проблем... — Он бросил взгляд на меня. — Мистер Смит, можете вы толково объяснить нам, что значит вся эта чертовщина?

— Мистер президент, — запротестовал министр здравоохранения, просвещения и т.д., — право же, смешно терять время на

подобную чепуху. Если пресса когда-нибудь пронюхает о том, что происходит в этой комнате сию минуту...

— А что им проку, — хмыкнул госсекретарь, — если они пронюхают? Как они свяжутся со своими редакциями? Их каналы связи не действуют точно так же, как и все другие. И, в любом случае, мистер Смит сам представляет прессу и если захочет, разгласит все до мельчайших подробностей, что бы мы ни предпринимали.

— Напрасная трата времени, — объявил генерал.

— Мы уже потратили напрасно все утро, — напомнил министр торговли.

— Теперь вы потратите время еще и на меня, но, боюсь, с тем же результатом, — сказал я. — Да, я могу рассказать вам, в чем дело, только вы не поверите ни одному моему слову.

— Мистер Смит, — заявил президент, — не заставляйте меня упрашивать вас...

— Сэр, — огрызнулся я, — вам незачем просить...

— Тогда будьте добры сесть и вместе со своим приятелем сообщите нам то, с чем пожаловали.

Я перешел комнату, чтобы взять себе стул из тех, на которые он указал. Дьявол ступал рядом, возбужденно помахивая хвостом. Барабанный стук по дверям наконец прекратился.

Пересекая комнату, я словно физически ощущал взгляды, прожигающие мне спину. Боже правый, куда меня занесло, — подумал я, — в одну компанию с президентом и членами кабинета, с шишками из Пентагона, знаменитыми учеными и отборными советниками... И самое скверное, что прежде чем я расстанусь с ними, они растерзают меня в клочья. Помнится, я недоумевал, сумею ли найти хоть кого-нибудь, кто располагал бы властью или был близок к властям и набрался бы терпения меня выслушать. И вот, пожалуйста, — не кто-то один, а целая комната власть имущих, и они, похоже, намерены меня выслушать, а я боюсь до полусмерти. Министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения не сдержал себя, генерал тоже, остальные пока что хранили бесстрастность, однако я не сомневался: прежде чем я доведу свою миссию до конца, к тем двоим присоединятся многие другие.

Я пододвинул стул к столу, и президент напутствовал меня:

— Не смущайтесь, просто расскажите все, что знаете. Мне доводилось раз-другой слушать вас по телевидению, и я уверен, что ваш рассказ окажется живым и интересным...

С чего начать? Как, не затратив ни одной лишней минуты, поведать им обо всем, что пережито за последние несколько дней? И внезапно до меня дошло, что единственный способ сделать это — представить себя перед микрофоном и телекамерой и говорить так, как я привык годами. Хотя, конечно, нынешняя задача

потруднее обычного. В студии я бы выкроил какое-то время, чтобы решить заранее, что именно я хочу сказать, и даже, может, набросал бы сценарий, который служил бы подспорьем в самых каверзных местах. Здесь я был один на один с судьбой, и мне это отнюдь не нравилось, но деваться некуда — надо было перетерпеть и довести дело до конца, надо было показать лучшее, на что я способен.

Все смотрели на меня, только на меня. Многие, я знал заведомо, гневались, решив, что я намеренно оскорбляю их интеллект, а кое-кто просто развлекался, — и те, и другие были убеждены непоколебимо, что дьявола нет в природе, и ждали подходящего повода, чтобы разнести меня вдребезги. А были и такие, кто перепугался не на шутку, — но это не составляло разницы, поскольку они, конечно же, начали праздновать труса еще до того, как мы с дьяволом объявились в комнате.

— Отдельные факты, о которых я расскажу, — начал я, — можно проверить. Например, то, что касается смерти Филя. — При этом я посмотрел на госсекретаря, и он явно удивился, но я не дал ему возразить, а повел свою линию: — Однако по большей части мой рассказ проверке не поддается. Я сообщу вам правду, или, по крайней мере, то, что я лично воспринимаю как правду. А уж поверите вы мне или нет, частично или полностью, — решать вам...

Самое трудное было взять старт, дальше пошло легче. Я внушал себе, что выступаю вовсе не перед членами кабинета, а в студии перед микрофоном, и как только скажу все, что хочу сказать, спокойно встану и уйду. Они сидели довольно тихо и слушали внимательно, хотя время от времени кто-нибудь ерзал, словно намереваясь прервать меня. Но каждый раз президент вскидывал руку и, восстановив порядок, разрешал мне продолжать. Время я не засекал, но, по-моему, говорил я примерно четверть часа, может быть, чуть-чуть дольше. Мне удалось сжать свое выступление до предела, проще говоря, опустить все, кроме самого существенного.

Когда я замолк, никто не решался нарушить тишину. Я обвел собравшихся взглядом. Наконец, директор ФБР зашевелился и произнес:

— Весьма интересно...

— Ну уж как же! — желчно отозвался генерал.

— Если я правильно понял, — сказал министр торговли, — ваш приятель возражает против того, что мы засылаем в его мифическую страну множество подрывных элементов и, таким образом, путаем ему карты, мешая попыткам создать достойное правительство...

— Не правительство, — вмешался я, ошеломленный таким поворотом мысли: это же надо умудриться говорить о правите-

льстве в мире, который я описал! — Речь идет о культуре. Может статья, ее лучше назвать образом жизни. Или поисками цели — потому что в этом мире до сих пор, по-видимому, не было общепризнанных целей. Каждый веселится и гнет свое, и никто никому не дает указаний. Разумеется, надо принять в расчет, что я провел там всего несколько часов, а потому не могу ручаться...

Министр финансов смерил министра торговли взглядом, исполненным ужаса:

— Уж не хотите ли вы сказать, что приняли на веру эту... эту байку, эту сказочку для детей?..

— Не знаю, принял или не принял, — ответил министр торговли. — Но мы выслушали свидетеля, заслуживающего доверия, и, по моему убеждению, он не стал бы сознательно искажать факты...

— Его одурачили! — вскричал министр финансов.

— Или это какой-нибудь новый рекламный трюк, — предположил министр здравоохранения и т.д.

— С вашего разрешения, джентльмены, — взял слово госсекретарь, — хотел бы обратить внимание на одно обстоятельство, поразившее меня чрезвычайно. Сотрудник нашего департамента Филип Фримен умер, по заключению следователя, от сердечного приступа. Но вскоре прошел загадочный слух, что он был сражен стрелой, которую выпустил убийца в одежде средневекового лучника. Никто, конечно, не поверил этой версии, она звучала слишком неправдоподобно. Точно так же и выслушанный нами только что рассказ кажется неправдоподобным, но...

Министр здравоохранения и т.д. чуть не взвился на дыбы:

— Вы что, тоже поверили в эту чепуху?

— Поверить трудно, — ответил госсекретарь, — но я остерег бы вас от побуждения отбросить этот рассказ, затолкать его под ковер, не удостоив повторным взглядом. По меньшей мере это следовало бы обсудить.

Генерал развернулся на стуле и обратился к приглашенным, сидящим у стены:

— Не следует ли первым делом спросить, что думают по этому поводу наши выдающиеся ученые?

Один из ученых медленно поднялся с места. Седовласый, нервный и немощный, но по-своему очень величественный, он старательно выбирал слова, подчеркивая их чуть заметными движениями венозных рук:

— Я не считаю себя вправе говорить от имени всех своих коллег, но надеюсь, они поправят меня, если я заблуждаюсь. Мое мнение, и я тщательно взвесил его, сводится к тому, что обрисованная ситуация противоречит всем принципам, известным науке. Я бы сказал, что она не представляется возможной.

И он сел так же аккуратно, как встал, предварительно взявшись за ручки кресла и лишь затем бережно опустившись в него. В комнате вновь воцарилось молчание. В группе ученых двое-трое согласно кивнули, остальные держались непроницаемо.

Дьявол возмущенно обратился ко мне:

— Эти болваны не поверили ни одному слову!..

Он не стал снижать голоса, и в окружающей мертвой тишине его слова прозвучали совершенно отчетливо, их нельзя было не услышать. В общем-то, можно предположить с достаточным основанием, что политиков (коль скоро они таковы, каковы есть) непременно обзывают болванами, но чтоб им сказали это без обид, в глаза — такого, надо полагать, с ними еще не случалось. Я покачал головой, отчасти попрекая дьявола за несдержанность, отчасти подтвеждая, что да, увы, не поверили. Просто не посмели: любого, кто рискнул бы поверить, осыпали бы градом насмешек и без промедления лишили бы политического поста.

Вскочив на ноги, дьявол хлопнул тяжелым волосатым кулаком по столу. Из ушей у него вырвались струйки дыма.

— Вы создали нас! — завопил он. — Ваши грязные, мелкие, злобные умишки, ваши бесподобно смутные умишки, ваши неумелые, ненасытные, трусливые умишки создали нас и тот мир, куда вы нас поместили! Вы не предвидели, что получится, и не виновны в том, что натворили. Хотя, раз уж вы так сведущи в физике и химии, могли бы и догадаться — только вы, грамотей, предпочли талдычить по-прежнему, что этого не может быть. Но теперь-то вы знаете, что может, теперь мы заставили вас понять это! И теперь вы морально обязаны облегчить несносные условия, которые сами нам навязали. Вы обязаны...

Президент в свою очередь поднялся на ноги и, подобно дьяволу, стукнул кулаком по столу. Впрочем, эффект оказался намного меньше, поскольку пустить дым из ушей он не сумел.

— Месье дьявол, — выкрикнул президент, — я хотел бы, чтобы вы ответили на мои вопросы. Вы заявили, что остановили машины и радио...

— Чертовски верно, остановил! — прорычал дьявол. — Остановил не только здесь, а по всему миру, но это лишь первое предупреждение, легкая демонстрация моих возможностей. И обратите внимание, я проявил гуманность. Машины остановились плавно и спокойно, ни одного пострадавшего. Самолетам, прежде чем я остановил их, было дозволено приземлиться. А фабрики и заводы я и вовсе пока не тронул, чтобы не лишить людей работы и не оставить их без денег и потребительских товаров...

— Но ведь без транспорта нам все равно крышка! — вскричал министр сельского хозяйства, до той поры молчавший. — Люди, лишенные подвоза продовольствия, начнут голодать. Пре-

кращение перевозок промышленных товаров приведет к остановке бизнеса...

— А интересы армии! — взвизгнул генерал. — Ни самолетов, ни танков, коммуникации перерезаны...

— Вы еще ничегошеньки не видели, — объявил дьявол. — В следующий раз я наложу запрет на колесо. Колеса просто перестанут вращаться. Не останется ни фабрик, ни велосипедов, ни роликовых коньков, ни...

— Месье дьявол, — крикнул президент, — прошу вас высказываться потише. Прошу всех высказываться потише. От того, что мы орем что есть мочи, нет никакой пользы. Проявим благоразумие. У меня назрел еще один вопрос. Вы сказали, что вы это сделали. Не скажете ли вы нам, как вы это сделали?

— Ну как, как, — начал дьявол и запнулся, — просто сделал, вот и все. Приказал, чтоб это случилось, оно и случилось. Я многое делаю именно таким способом. Вы же сами вложили в меня этот способ, выдумали его, описали его, без конца говорили о нем между собой. Дьявол может все, что угодно, при одном-единственном условии — если творит зло. Очень сомневаюсь, что мне удалось бы с таким же успехом творить добро...

— Заклятье, джентльмены! — провозгласил я. — Единственное объяснение случившемуся — заклинье. И не пеняйте на это дьяволу — мы сами придумали заклинье, как и все остальное.

Старичок, выступавший от имени ученых, тоже оказался на ногах. Он сжал кулаки и, пошатнувшись, поднял их над головой.

— Заклятье! — пискнул он. — Не может быть никакого заклинья! Нет таких законов науки...

Он хотел продолжить, но задохнулся, постоял минутку в надежде вновь обрести дыхание и дар речи, не справился с этим и сдался, бессильно опустившись обратно в кресло.

— Наверное, нет, — согласился дьявол. — Но при чем тут законы науки? Что мне за дело до науки? Мой следующий шаг — колесо, потом электричество, а потом, надо полагать, огонь, хотя так далеко в будущее я еще не заглядывал. А когда это будет выполнено — назад к феодализму, к старому доброму средневековью, ко временам простого честного мышления и...

— Теперь, сэр, — вмешался президент, — если вы покончили с угрозами, разрешите еще вопрос.

— Мой превосходный сэр, — ответил дьявол в тон, изо всех сил стараясь быть вежливым, — я отнюдь не угрожаю. Я просто заявляю, что еще может быть сделано и будет сделано, и вы...

— Но зачем вам это нужно? — поинтересовался президент. — Чем вы недовольны? На что жалуетесь?

— Жалуюсь! — заревел дьявол, вспыхнув и мгновенно забыв о вежливости. — Вы еще спрашиваете, на что я жалуюсь! Хортон Смит, раненный при Геттисберге, сражавшийся голыми руками с

Дон Кихотом, гонявшийся за злобной ведьмой по страшным чащобам, уже обрисовал перед вами мои печали. — Тут он одумался и в знак доброй воли снизил голос с рева до обычного рычания. — Некогда наш мир был населен отважным народцем. Одна его часть была честной и искренней в своей добродетели, другая — честной и искренней в служении злу. Не стану скрывать, друзья мои: я был и остаюсь в числе слугителей зла. Но по меньшей мере мы сознавали свое назначение и вели достойную жизнь — добрые и злые, феи и бесы в равной мере. А кого нам навязывают сегодня? Я скажу, кого. Крошку Эбнера, Чарли Брауна и опоссума Пого. Сиротку Энни, Дэгвуда Бамстеда и двойняшек Боббси. Хорейшо Эджера, мистера Мэгу, фею Динь-Динь, Мики Мауса, безмозглого Хауди Дуди¹...

Президент попытался жестом остановить его.

— Полагаю, вы очертили проблему с достаточной ясностью.

— Ни у кого из них нет характера, — не унимался дьявол. — Ни в ком из них не чувствуется ни вкуса, ни стиля. Все они пресны, как вата. Ни по-настоящему злобных, ни по-настоящему добрых — от той доброты, что в них якобы заложена, выворачивает желудок. Спрашиваю вас со всей искренностью: мыслимо ли с таким контингентом выстроить толковую цивилизацию?

— По правде сказать, — вклинился министр здравоохранения и т.д., — этот джентльмен — не единственный, у кого выворачивает желудок. Просто поражаюсь, чего ради мы принимаем участие в этом балагане...

— Потерпите еще минуту, — произнес президент. — Я стараюсь разобраться, что к чему. Пожалуйста, проявите терпение.

— Вероятно, — заявил дьявол, — вам хочется выяснить, что вы можете предпринять.

— Совершенно верно, — согласился президент.

— Вы можете положить конец этим глупостям. Можете остановить интервенцию крошек Эбнеров, Хауди Дуди и Мики Маусов. Можете вернуться к прямым и честным фантазиям. Можете придумать существа, исполненные настоящей злобы, и другие существа, исполненные подлинной доброты, и можете поверить в них...

— Никогда во всей моей жизни, — вскричал министр сельского хозяйства, поднявшись на ноги, — я не слышал такого позорного предложения! Он предлагает контроль над мыслями! Он предлагает нам диктовать характер развлечений и зрелищ, ду-

---

¹ В этом списке, куда вошли по преимуществу герои комиксов, обращает на себя внимание имя Хорейшо Эджера (1832—1899), родоначальника так называемой «скаутской литературы». Эджер многократно использовал один и тот же сюжет о мальчике-рассыльном либо чистильщике ботинок, который благодаря своему трудолюбию и упорству становится миллионером. С легкой руки Хемингуэя и писателей его поколения имя Эджера стало считаться синонимом литературной пошлости.

шить художественную и литературную творческую свободу! Но даже если бы мы согласились на это, каким образом это осуществить? Можно ли представить себе такой закон или президентский указ? Пришлось бы развернуть специальную кампанию, секретную, совершенно секретную, — хотя, на мой взгляд, ее все равно не удалось бы удержать в секрете более трех дней. И даже если бы удалось, потребовались бы миллиарды долларов и годы настойчивых усилий самых хитроумных экспертов Мэдисон-авеню¹ — а толку, уверен, все равно не вышло бы никакого. Нынче не средние века, которые, по-видимому, приводят этого джентльмена в такой восторг. Мы не можем заставить наш народ или другие народы мира заново поверить в дьяволов и чертей, да и в ангелов тоже. Предлагаю считать дискуссию законченной.

Слово взял министр финансов.

— Мой коллега, — сказал он, — принял данное происшествие чересчур серьезно. Я лично и, подозреваю, многие другие в этой комнате не в силах отнестись к услышанному даже с минимальным доверием. Принять эту смехотворную концепцию, пусть гипотетически, и обсуждать ее, по-моему, унижительно и несовместимо с нашим достоинством и общепринятыми правилами.

— Слушайте! Слушайте! — возопил дьявол.

— Мы сыты вашими выходками по горло, — обратился к нему директор ФБР. — Не в духе американских традиций, чтобы государственный совет выслушивал потоки оскорбительной и злобной чепухи, да еще из уст кого-то либо чего-то, кому и чему, в сущности, нет места в действительности.

— Прекрасно! — взъярился дьявол. — Нет места в действительности, говорите вы? Я покажу вам, олухи, что почем. Колесо, затем электричество, а потом я вернусь и у нас, быть может, появится лучшая база для откровенных переговоров. — С этими словами он потянулся и схватил меня за руку. — Мы удаляемся!..

И мы удалились, не сомневаюсь, в клубах пламени и дурно пахнущего дыма. Так или иначе, мир опять ушел из-под ног, нас накрыл мрак, завывали ветры, а когда мрак рассеялся, мы вновь очутились на тротуаре у ограды Белого дома.

— Ну что ж, парень, — заявил дьявол самодовольно, — похоже, я сказал им все, что о них думаю. Похоже, я содрал фальшивую шкуру с их напыщенных задниц. Обратил ты внимание, какие у них были рожи, когда я назвал их олухами?

— Да, конечно, вы выступили блестяще, — ответил я досадливо. — Прямо-таки с изяществом бегемота.

— Теперь, — он потер руки, — теперь колесо...

---

¹ На Мэдисон-авеню в Нью-Йорке расположены крупные издательства, зрелищные и рекламные агентства.

— Откажитесь от этого, — предупредил я. — Вы разрушите наш мир, но что произойдет тогда с вашим собственным миром?..

Однако он уже не слушал меня. Он уставился мне через плечо на что-то вдали, видимое только ему, и на его лице застыло странное выражение. Толпа, окружавшая дьявола в момент, когда я увидел его здесь впервые, рассеялась, но в парке на другой стороне улицы было немного народу, и вдруг все как один подняли восторженный крик.

Я резко обернулся, чтобы выяснить, что там такое.

К нам стремительно приближался Дон Кихот, до него оставалось едва ли полквартала. Он мчался верхом на мешке с костями, служившем ему в качестве боевого коня. Дон Кихот был в шлеме, щит поднят, сверкающее на солнце копьё взято наперевес. Следом поспешал Санчо Панса, увлеченно настегивая своего ослика, который прыгал на непослушных ногах, как мог бы прыгать испуганный кролик. В одной руке Санчо держал кнут, в другой, плотно прижатой к туловищу, — ведро, где была какая-то жидкость. Ослик не хотел отставать от коня, прыгал изо всех сил, и при каждом прыжке она выплескивалась на мостовую. А позади Дон Кихота и Санчо гарцевал единорог, на ярком солнце он казался ослепительно белым, точеный рог отливал колдовским серебром. Единорог бежал грациозно и легко, он был само изящество, и на спине у него, примостившись боком, сидела Кэти Адамс.

Дьявол снова потянулся ко мне, но я отбил его руку и, поднырнув под нее, ухватил его поперек живота. Одновременно, выбросив ногу назад, я пропихнул ее меж чугунных прутьев ограды. По сути я не отдавал себе отчета в том, что делаю, я не планировал ничего подобного и, скорее всего, вообще не понимал в ту секунду, что делаю и зачем. Но, вероятно, подсознание подсказало мне, что это может сработать. Только бы не позволить дьяволу перебраться за долю секунды в иные края — тогда Дон Кихот доскачет до нас и, если не промажет, нанижет его на копьё. Была и еще какая-то мыслишка о том, что мне при этом не мешает надежный якорь, а может, припомнилось и поверье, что дьяволу не по нутру соприкосновение с железом, — по той ли, по другой ли причине моя нога оказалась меж прутьев и там заклинилась.

Дьявол извивался, пытаюсь вырваться, однако я вцепился в него мертвой хваткой, сомкнув руки на его брюхе. Шкура у него была вонючая. Мое лицо, поскольку я поневоле прижался к ней, взмокло от его жирного пота. Он вырывался, ругался последними словами, молотил по мне кулаками, но уголком глаза я все время видел устремленное к нам острие копьё. Стук копыт раздавался все громче, надвигался все ближе, и вот копьё с хлюпающим звуком вонзилось в цель. Дьявол упал. Я выпустил его и тоже упал на тротуар, а нога так и застряла между прутьями.

Кое-как вывернув шею, я увидел, что копье ударило дьявола в плечо и пришилило его к ограде. Он извивался и подвывал, взмахивая руками. Из рта у него текла пена.

Дон Кихот попытался открыть забрало, но петли заело. Тогда рыцарь дернул шлем так, что сорвал его с головы целиком. Старческие пальцы не удержали тяжесть, шлем вывалился из них и заклацал по тротуару.

— Мошенник! — вскричал Дон Кихот. — Предлагаю тебе сдаться и дать торжественный обет, что отныне и навсегда ты воздержишься от вмешательства в дела людей...

— Будь ты проклят на веки вечные, — отвечал дьявол. — Уж кому бы я сдался, так только не бестолковому добродее, который дня не может прожить, не затеяв новый крестовый поход. Из всего вашего племени ты несомненно самый несносный. Ты способен учуять доброе дело за миллион световых лет и рвешься к нему как одержимый. А я не хочу иметь с тобой ничего общего. Пойми ты наконец — ничего общего!..

Санчо Панса соскочил с ослика и устремился к нам со своим ведром, куда, как выяснилось, был опущен черпак. В двух шагах от нас Санчо остановился, схватил черпак и плеснул на дьявола жидкостью, которая тут же с шипением вскипела. Дьявол скорчился от нестерпимой муки.

— Вода! — восторженно вскричал Санчо. — Освященная лично святым Патриком и наделенная чудодейственной силой!..

Он выплеснул на дьявола еще черпак. Тот продолжал корчиться и вскрикивать.

— Проси пощады! — требовал Дон Кихот.

— Сдаюсь! — завопил дьявол. — Сдаюсь, и подавитесь своим обетом!..

— Более того, — заявил неумолимый Дон Кихот, — ты дашь еще обет, что все зло, причиненное тобою людям, отменяется. С настоящей минуты и навсегда.

— Не стану! — взвыл дьявол. — Как же так, разрушить всю мою кропотливую работу!..

Санчо Панса положил черпак на тротуар. Сжав ведро обеими руками, он приподнял его и вознамерился опорожнить на дьявола целиком.

— Погодите! — истошно заорал дьявол. — Уберите проклятую воду! Сдаюсь безоговорочно и приношу любые обеты, какие хотите!..

— Тогда, — заявил Дон Кихот с известной церемонностью, — наша миссия здесь окончена.

Я даже не заметил, как они исчезли. Не было ни мерцания, ни самой короткой вспышки. Просто их вдруг не стало — ни дьявола, ни Дон Кихота, ни Санчо Пансы, ни единорога. А Кэти осталась и бежала ко мне со всех ног, и я еще подумал: как же это она

может так резво бежать, ведь у нее растяжение связок... Попытался встать ей навстречу, но сперва надо было выдернуть ногу из ограды, а я не мог. Нога застряла плотно, освободиться не удавалось.

Кэти опустилась подле меня на колени.

— Мы снова дома! — воскликнула она. — Хортон, мы дома!..

Она наклонилась и поцеловала меня, а толпа на противоположной стороне отозвалась на поцелуй громкими возгласами и гиканьем.

— Нога застряла, — пожаловался я.

— Ну так вытащи ее, — улыбнулась Кэти, не сдерживая счастливых слез.

Я попытался еще раз и опять не смог. Ногу, как только я тянул ее на себя, сводило болью. Кэти, поднявшись, подошла к ограде и попробовала помочь мне — тщетно, ничего не получалось.

— Кажется, щиколотка опухла, — сказала она, вновь села на тротуар и расхохоталась. — Два сапога пара, — смеялась она и плакала, — у обоих одно и то же. Сперва моя щиколотка, теперь твоя...

— Но твоя-то теперь в порядке...

— У них в замке живет волшебник. Чудесный старик с длинной белой бородой, в смешном колпаке и в плаще, усыпанном звездами. И вообще этот замок — такое славное место, лучшее из всех, какие я видела в жизни. Все так благородно и вежливо. Право, я могла бы остаться там навсегда, если б только ты был со мной. А единорог! Такой милый, такой ласковый... Ты же видел единорога?

— Видел, видел, — подтвердил я.

— Послушай, Хортон, а кто эти люди, бегущие к нам по лужайке?

Я так увлеченно смотрел на нее, так радовался тому, что она вернулась в наш мир, что лужайка у Белого дома просто выпала из поля моего зрения. Теперь я их увидел. Они бежали к ограде — впереди президент, а за ним все остальные, кто был на заседании.

Добежав и остановившись, президент смерил меня взглядом, который я не назвал бы особо доброжелательным.

— Хортон, — спросил он требовательно, — черт побери, что тут еще происходит?

— Вот, нога застряла, — ответил я.

— Черт с ней, с ногой! — объявил он. — То есть я вовсе не то хотел сказать... Клянусь, я видел здесь рыцаря и единорога...

Участники заседания скучились у самой ограды. И вдруг от ворот донесся выкрик охранника:

— Эй! Смотрите все! Машина! По улице едет машина!..

И точно, на улице появилась машина. На ходу.

— Но что будет с его ногой? — возмутилась Кэти. — Мы не можем вытащить ее, щиколотка опухла. Боюсь, похоже на вывих.

— Надо бы послать за доктором, — сказал госсекретарь. — Раз машины завелись, то, наверное, и телефоны заработали. Как ваше самочувствие, Хортон?

— Нормально, — откликнулся я.

— И пришлите сюда слесаря с ножовкой, — распорядился президент. — Во имя всего святого, пусть перепилят ограду, но освободят ему ногу...

Так я и остался недвижим, поджидая врача и слесаря, и Кэти рядом со мной. Не обращая внимания на толпу министров у ограды, а может, заинтересовавшись происходящим, несколько белок из обитающих подле Белого дома выбрались на тротуар. И сели рядком, изящно поджав передние лапки и выпрашивая подачку.

А по улице катились машины, и их становилось все больше и больше.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ

Роман

ГЛАВА 1

Грохот стих. Дым, словно тонкие серые пряди тумана, плыл над истерзанным полем, разваленными изгородями и персиковыми деревьями, которые артиллерийский огонь превратил в торчащие из земли щепки. Над огромной равниной, где в порыве застарелой ненависти сошлись в битве непримиримые враги, где совсем недавно люди рубились насмерть, а затем, истощив все силы, отползли назад, на какое-то мгновение воцарилось — нет, не успокоение — безмолвие.

Казалось, целую вечность перекатывался от горизонта до горизонта пушечный гром, взметалась в небо земля, ржали кони, хрипло кричали люди. Свист металла и тупые удары пуль, настаивающих жертву, вспышки обжигающего огня, блеск клинков, яркие боевые знамена, реющие на ветру.

А затем все это кончилось, и наступила тишина.

Но тишина в этот день и над этой равниной звучала фальшиво, и вот она уже нарушается стонами и криками: кто-то просит воды, кто-то молит о смерти — крики, стоны, призывы о помощи будут звучать под безжалостным летним солнцем еще долгие часы. Позже распростертые фигуры умолкнут и замрут, а над полем поплывет удушливый, тошнотворный запах, и могилы павших будут совсем не глубоки...

Много пшеницы останется необранной, и не зацветут весной неухоженные сады; а на равнине, плавно поднимающейся к каменному хребту, останутся несказанные слова, недоделанные дела и набухшие от влаги кучки тряпья, кричащие о бессмысленной расточительности смерти.

Железная Бригада, 5-й Нью-гемпширский, 1-й Миннесотский, 2-й Массачусетский, 16-й Мэнский — то были славные имена, откликающиеся эхом в туннелях веков.

Еще одно имя — Инек Уоллис.

Он так и держал в мозолистой руке свой разбитый мушкет. Лицо почернело от пороховой гари. Сапоги покрылись коркой спекшейся крови и пыли.

Он все еще был жив.

Доктор Эрвин Хардвик в раздражении перекатывал карандаш между ладонями и оценивающе разглядывал человека, что сидел напротив него.

— Я никак не могу понять, — произнес он, — почему вы пришли именно к нам.

— Ну, вы — это все-таки Национальная академия, и я подумал...

— А вы — разведка.

— Послушайте, доктор, если это устроит вас больше, давайте считать мой визит неофициальным, а меня просто частным лицом. Предположим, я столкнулся с необычной проблемой и зашел узнать, можно ли рассчитывать на вашу помощь.

— Я не против того, чтобы помочь вам, но не вижу, чем могу быть полезен. Все это настолько туманно и гипотетично...

— Но, тем не менее, — сказал Клод Льюис, — вы не можете опровергнуть даже те немногие имеющиеся у меня доказательства.

— Ладно, — произнес Хардвик, — давайте начнем все с начала и по порядку. Вы утверждаете, что этот человек...

— Его зовут Инек Уоллис, — сказал Льюис. — По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года. Единственный ребенок в семье Джедедии и Аманды Уоллис. Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым он сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса...

— Я смотрю, вы не поленились проверить.

— Пришлось разыскивать его документы. Свидетельство о зачислении в армию в архиве законодательного собрания штата в Мадисоне. Все остальное, включая запись о демобилизации, здесь, в Вашингтоне.

— Вы говорите, что он выглядит на тридцать?

— От силы на тридцать. Если не моложе.

— Но вы с ним не разговаривали?

Льюис покачал головой.

— Может быть, это не тот человек? Если бы у вас были отпечатки пальцев...

— Во времена Гражданской войны, — сказал Льюис, — до этого еще не додумались.

— Последний из ветеранов Гражданской войны, — произнес Хардвик, — умер несколько лет тому назад. Если не оши-

баюсь, барабанщик из армии южан. Должно быть, тут какая-то ошибка.

Льюис снова покачал головой:

— Поначалу, когда мне поручили это дело, я тоже так думал.

— Кстати, как это вообще произошло? С каких пор разведка занимается подобными делами?

— Должен признать, — ответил Льюис, — случай действительно не совсем обычный. Но тут кроются серьезные перспективы...

— Вы имеете в виду бессмертие?

— И это тоже. Возможность такого явления. Однако тут есть и другие соображения. Сама эта странная история требовала расследования.

— Но при чем здесь разведка?

— Вы, очевидно, думаете, что этим следовало бы заняться какой-нибудь научной группе? — Льюис улыбнулся. — Пожалуй, это было бы логично. Но дело в том, что Уоллиса случайно обнаружил наш человек. Он был в отпуске, гостил у своих родных в штате Висконсин, милях в тридцати от того места, где живет Уоллис. До него дошел слух об этом человеке. Скорее, даже не слух — просто кто-то упомянул о нем в разговоре. После чего наш сотрудник попытался выяснить кое-какие подробности самостоятельно. Ему не очень-то много удалось узнать, но и этих крох хватило, чтобы он заинтересовался.

— Меня вот что удивляет, — сказал Хардвик. — Как мог человек прожить на одном месте сто двадцать четыре года без того, чтобы не прославиться на весь мир? Вы представляете себе, какой шум подняли бы газетчики, узнай они о подобном случае?

— При мысли об этом, — сказал Льюис, — меня бросает в дрожь.

— Однако вы не объяснили мне, как ему удалось остаться в неизвестности.

— Не так-то просто это объяснить, — ответил Льюис. — Нужно знать те места и людей, которые там живут. Юго-западная часть штата Висконсин ограничена двумя реками: на западе течет Миссисипи, на севере — Висконсин. В глубине территории раскинулись бескрайние прерии: земли там богатейшие, фермеры и города процветают. Но вдоль берегов места холмистые, много оврагов, скал, обрывов, и кое-где образовались совсем уединенные, отрезанные от мира уголки. Дороги в этих районах неважные, а на маленьких примитивных фермах живут люди, которые по духу ближе к первым годам освоения этих земель, чем к двадцатому веку. У них, конечно, есть машины, радиоприемники и скоро, видимо, будет телевидение. Но они консервативны по натуре и держатся друг друга — не все, конечно, и даже не то чтобы большая часть, зато это в полной мере относится к тем людям, ко-

торые живут в тех забытых Богом местах. Когда-то там было немало ферм, но в наши дни едва ли можно заработать что-то, хозяйствуя по старинке, и экономические обстоятельства постепенно вытесняют людей из этих медвежьих углов. Они продают свои фермы за гроши и уезжают. По большей части в города, где еще можно устроиться на работу.

Хардвик кивнул:

— А те, кто остается, как раз наиболее консервативны и не жалуют чужаков.

— Вот именно. Земли в основном перешли к людям, которые не живут там и даже не пытаются делать вид, что используют их для сельскохозяйственных нужд. Иногда пускают на выпас скот — очень небольшие стада, — и на этом дело кончается. Совсем неплохой способ получения скидки с налогов для тех, кому это выгодно. Кроме того, во времена земельных банков им тоже было сдано немало участков.

— Хотите сказать, что эти «лесные жители» — так, что ли, их можно назвать — участвуют в заговоре молчания?

— Не то чтобы они делали это сознательно или намеренно, — сказал Льюис. — Это просто их образ жизни, мораль, унаследованная от старой крепкой философии первопроходцев Запада. Они занимаются своими делами. Им не нравится, когда люди суются в их жизнь, а сами они не лезут в чужую. Если человеку хочется жить тысячу лет, это, может быть, и удивительно, но это его личное дело — черт с ним, пусть живет. И если он хочет жить один, хочет, чтобы его оставили в покое, — это тоже его дело. Они, возможно, обсуждают Уоллиса между собой, но ни в коем случае ни с кем из посторонних. И скорее всего, им не понравится, если кто-то чужой будет пытаться разговорить их на эту тему. Мне кажется, они уже просто привыкли к тому, что Уоллис остается молодым, хотя их самих годы не щадят. Удивление прошло, и, видимо, даже между собой они не очень-то его обсуждают. Новые поколения принимают это как должное, потому что их родители не видят тут ничего необычного. Да и самого Уоллиса люди встречают редко — ведь он живет очень обособленно. А чуть дальше от тех мест если кто и думал об этом чуде, то, скорее, как об очередной «утке». Еще, мол, одна байка, выдумка, которая гроша ломаного не стоит. Может, всего лишь шутка, понятная разве что жителям какого-нибудь медвежьего угла вроде Дарк-Холлоу. Как легенда про Рип Ван Винкля, — легенда, где нет ни слова правды. Скорее всего, люди просто посмеются над человеком, который воспримет эту историю всерьез и попытается в ней разобраться.

— Однако ваш человек заинтересовался.

— Да. И, убей меня Бог, не знаю почему.

— Тем не менее ему это дело не поручили.

— Он был нужен в другом месте. Кроме того, его там знали.

— И вы...

— Мне потребовалось два года работы.

— И теперь вы знаете всю его историю.

— Не всю. Надо сказать, теперь вопросов у меня стало еще больше.

— Вы видели его самого?

— Неоднократно, — ответил Льюис. — Но я никогда с ним не разговаривал. И думаю, меня он не видел ни разу. Каждый день, перед тем как забрать почту, Уоллис совершает прогулку, но никогда не уходит далеко от дома. Все, что ему бывает нужно, приносит почтальон: то пакет муки, то фунт бекона, дюжину яиц, иногда спиртное.

— Надо полагать, в нарушение правил почтового ведомства.

— Разумеется. Но почтальоны делали это годами. Всех такая ситуация устраивает — по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не устроит скандал. Но там скандалов не устраивают. Возможно, кроме почтальонов, Уоллис ни с кем никогда дружеских отношений и не поддерживал.

— Насколько я понял, хозяйством он практически не занимается.

— Совсем не занимается. У него есть небольшой огород, но это все. Земля пришла в полное запустение.

— Но должен же он на что-то жить. Где-то он берет деньги?

— Да, — ответил Льюис. — Раз в пять или десять лет он отсылает одной фирме в Нью-Йорке горсть драгоценных камней.

— Как на это смотрит закон?

— Вы имеете в виду, что они могут быть краденными? Нет, не думаю. Хотя, если бы кто-то захотел найти к чему прицепиться, это было бы несложно. Давным-давно, когда Уоллис только начал отправлять им камни, возможно, все было в порядке. Но время шло, законы менялись, и, я подозреваю, теперь и он сам, и покупатель кое-какие из них нарушают.

— Но вы не вмешиваетесь?

— Я проверил фирму, — сказал Льюис, — и они здорово забеспокоились. Прежде всего потому, что все эти годы безбожно обдирали Уоллиса. Но я сказал им, чтобы они покупали, как и раньше. А если кто-то еще будет их проверять, чтобы сразу отсылали этих людей ко мне. Короче, посоветовал им держать язык за зубами и ничего не менять.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь его спугнул? — спросил Хардвик.

— Совершенно верно. Мне нужно, чтобы почтальон по-прежнему продолжал доставлять продукты, а нью-йоркская фирма по-прежнему покупала у него драгоценные камни. Я хочу, чтобы

все оставалось как есть. И если вы спросите меня, откуда берутся эти камни, я сразу вам скажу: не знаю.

— Может быть, у него там свой прииск?

— Хорош прииск. Алмазы, изумруды и рубины — все в одном и том же месте?

— Надо полагать, что даже при тех ценах, по каким с ним рассчитывались, Уоллис получает неплохой доход.

Льюис кивнул:

— Видимо, он посылает им новую партию, только когда кончатся деньги. А денег Уоллис тратит не так уж много, поскольку живет довольно просто, если судить хотя бы по тем продуктам, что он закупает. Правда, он выписывает множество газет, еженедельников и более десятка научных журналов. Кроме того, заказывает по почте много книг.

— Технических?

— Отчасти — да, но большинство из них — просто популярные издания, которые держат читателя в курсе последних достижений науки. Физика, химия, биология и все такое прочее.

— Но я не...

— Вот именно. Я тоже. Он вовсе не ученый. По крайней мере настоящего образования Уоллис не получил. В те далекие годы, когда он ходил в школу, не очень-то многому там учили — сейчас, во всяком случае, естественнонаучным дисциплинам уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, все, что он мог тогда узнать, давно уже обесценилось. Уоллис посещал начальную школу — типичную для тех времен школу, где все занимались в одной комнате, — а затем провел зиму в так называемой академии, что просуществовала год или два в городке Милвилл. Если вы в курсе, могу сообщить, что для пятидесятых годов прошлого века это относительно высокий уровень образования. Так что он наверняка был очень способным юношей.

Хардвик покачал головой:

— Невероятно! Вы все это проверили?

— Насколько было возможно. Приходилось действовать очень осторожно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что меня интересует на самом деле. Да, забыл упомянуть — Уоллис много пишет. Он покупает толстые тетради для дневниковых записей дюжинами. И чернила — пинтами.

Хардвик поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Льюис, — произнес он, — если бы вы не предъявили мне свои документы и если бы я не проверил их подлинность, честно говоря, я бы решил, что все это просто бездарный розыгрыш.

Он вернулся к столу и сел, потом взял карандаш и снова принялся перекачивать его между ладонями.

— Вы занимаетесь этим делом уже два года. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Никаких, — ответил Льюис. — Я в полном недоумении. Именно поэтому я здесь.

— Расскажите мне, что вы знаете о нем еще. Я имею в виду — о его жизни после войны.

— Его мать умерла, когда Уоллис был в армии. Отец с соседями похоронили ее там же, на ферме. В те годы многие так поступали. Молодой Уоллис получил отпуск, но слишком поздно: на похороны он не успел. Никакого замораживания попросту не было, а дорога отнимала много времени. Потом он вернулся в действующие войска. Отец Уоллиса остался холостяком, в одиночку работал на ферме и жил в достатке. По тем сведениям, что мне удалось собрать, он был хорошим фермером, даже исключительно хорошим для своего времени. Выписывал кое-какие сельскохозяйственные журналы и вводил у себя всякие новшества. Уже тогда он использовал севооборот и боролся с эрозией почвы. По современным стандартам это была не бог весть какая ферма, но жил он с нее совсем неплохо и даже сумел кое-что отложить. Затем с войны вернулся Инек, и они больше года работали на ферме вместе. Старый Уоллис купил косилку для лошадиной тяги — такая цилиндрическая конструкция с острыми длинными резаками, чтобы убирать сено и зерновые. Весьма прогрессивный шаг по тем временам. Вручную за такой штукой и не угонишься. Но однажды хозяин отправился на косьбу, и лошадей что-то испугало: они рванули, и старого Уоллиса бросило вперед, прямо под косилку. Далеко не самый лучший способ уйти из жизни...

Хардвик передернулся и пробормотал:

— Ужасно...

— Инек нашел отца и перенес его тело в дом. Затем взял ружье и пошел искать лошадей. Отыскал их в дальнем конце пастбища, пристрелил на месте, да там и оставил. Это действительно так и произошло. Долгие годы на пастбище лежали два лошадиных скелета, запряженные в косилку, — до тех пор пока не сгнила сбруя. Инек вернулся домой и занялся приготовлениями к похоронам. Обмыл отца, одел его в выходной черный костюм и положил на стол, потом сколотил в сарае гроб. Могилу он выкопал рядом с могилой матери. Закончил уже при свете фонаря и всю ночь просидел возле отца. Когда наступило утро, он отправился к ближайшему соседу, тот сообщил другим соседям, и кто-то позвал священника. Под вечер состоялись похороны, и Инек вернулся домой. С тех пор он там и жил, но никогда больше не возделывал землю. Только огород, и все.

— Вы говорили, что эти люди не любят разговаривать с чужаками, однако вам удалось узнать много подробностей.

— У меня ушло на это два года. Я, можно сказать, внедрился к ним. Купил побитую машину и, остановившись в Милвилле, пустил слух, что ищу женьшень.

— Что ищете?

— Женьшень. Это такое растение.

— Я знаю. Но на него уже долгие годы нет спроса.

— Ну, небольшой спрос все-таки есть. Время от времени женьшень скупают экспортеры. Но я собирал и другие лекарственные травы и вообще делал вид, что хорошо знаю народную медицину. Впрочем, «делал вид» — не совсем те слова: за два года я это дело неплохо освоил.

— Понятно, этакая простая душа, — сказал Хардвик, — тамошние таких понимают. Чудак, мол, травы какие-то ищет — это в наше-то время. Да и безобидный совсем. Может, даже немного чокнутый.

Льюис кивнул:

— Да, вышло даже лучше, чем я предполагал. Я просто шатался по окрестностям, и иногда люди со мной разговаривали. Мне, кстати, и женьшень удалось найти, правда немного. Особенно я подружился там с одной семьей, с Фишерами. Они живут ниже по реке, а ферма Уоллиса стоит на возвышенности у крутого берега. Причем живут они там почти столько же, сколько Уоллисы, но занимаются совсем другими делами. Фишеры всегда охотились на енотов, ловили рыбу-зубатку и гнали самогон. В моем лице они, видимо, нашли родственную душу. Я был столь же беспечен и склонен к безделью, как они сами. Я им даже помогал с самогоном: и гнать помогал, и пить, а пару раз и продавать. Ходил с ними ловить рыбу, охотился, разговоры разговаривал, и они показали мне несколько мест, где искать женьшень — «шань», как они его называют. Наверное, для социологов эта семейка — золотое дно. У Фишеров есть дочь — глухонемая, но очень хорошенькая, — так вот, она умеет заговаривать бородавки...

— Мне это все очень знакомо, — отозвался Хардвик. — Я сам родился и вырос в горах на юге.

— Они-то и рассказали мне про сенокосилку. Я выбрал денек, отправился в дальний конец пастбища Уоллисов и произвел кое-какие раскопки. Нашел лошадиный череп и кости.

— Но тут вряд ли докажешь, что это лошади Уоллиса.

— Пожалуй, — согласился Льюис. — Однако я нашел еще и обломки косилки. Осталось от нее не так много, но определить, что это такое, все же можно.

— Давайте вернемся к истории Уоллиса, — предложил Хардвик. — После смерти отца он остался на ферме. И никогда ее не покидал?

Льюис покачал головой:

— Инек живет в том же самом доме. Там абсолютно ничего не изменилось. И похоже, дом состарился ничуть не больше, чем его хозяин.

— Вам удалось побывать в доме?

— В доме — нет. Только возле дома. Сейчас я и об этом расскажу.

ГЛАВА 3

В его распоряжении был час. Льюис знал это совершенно точно — последние десять дней он следил за Уоллисом с хронометром в руках, и от момента, когда тот выходил из дома, до возвращения с почтой почти каждый раз получалось около часа. Иногда чуть больше, когда почтальон опаздывал или они останавливались поговорить. Но час, говорил себе Льюис, — это все, на что он может твердо рассчитывать.

Уоллис скрылся за холмом, направляясь к каменистой гряде, что поднималась над отвесным берегом реки Висконсин. Там он, зажав винтовку под рукой, заберется на скалу и остановится, задумчиво глядя на дикую долину реки. Затем спустится по камням вниз и пойдет по лесной тропе, вдоль которой в положенное время года цветут розовые «башмачки». А оттуда — снова вверх по холму к роднику, что выбивается из земли чуть ниже старого поля, не паханного, может, уже сотню лет, потом дальше, до почти заросшей дороги, и вниз к почтовому ящику.

За те десять дней, что Льюис наблюдал за ним, его маршрут не менялся ни разу. Возможно, он не менялся годами. Уоллис никогда не торопился. Прогуливался он с таким видом, словно времени у него было хоть отбавляй. Останавливался по пути, чтобы пообщаться со своими давними знакомыми — с деревом, с белкой, с цветком. Выглядел Уоллис крепким, здоровым, да и во всей его повадке еще чувствовался бывалый солдат — старые привычки и маленькие хитрости, оставшиеся с тех суровых лет, что он провел в боях под началом многих полководцев. Подняв голову и расправив плечи, Уоллис всегда двигался легкой походкой человека, познавшего в свое время долгие изнурительные переходы.

Льюис выбрался из своего укрытия за густой завесой ветвей деревьев, которые когда-то давно были садом: на кривых, узловатых, серых от старости ветвях кое-где еще родились крохотные кислые яблоки.

Остановившись у края зарослей, он окинул взглядом жилище Уоллиса, стоящее на вершине холма, и на мгновение ему показалось, что дом освещен каким-то особым сиянием, словно некий чистейший концентрат солнечного света преодолел разделяющую два небесных тела бездну и пролился только на один этот дом, чтобы выделить его среди всех других домов мира. Залитый солнечным сиянием, дом казался неземным, словно он и в самом деле был каким-то необыкновенным. Но затем это сияние исчез-

ло, — как будто оно просто привиделось, — и дом снова вернулся в освещенный привычным солнечным светом мир лесов и полей.

Льюис потряс головой, уверяя себя, что это просто игра воображения или оптический обман. Потому что особого солнечного света не бывает, и этот дом — самый обыкновенный дом, хотя он и прекрасно сохранился.

Такой дом в наши дни нечасто увидишь. Прямоугольное, длинное, узкое строение с высокой крышей и старомодными резными карнизами. Какая-то в нем чувствовалась суровость, не имеющая ничего общего с возрастом: таким он, видимо, был уже в тот день, когда его закончили строить. Простой, суровый, крепкий дом, под стать людям, которые в нем жили. Однако же, несмотря на эту вековую суровость, аккуратный и ухоженный: везде ровная, неободранная краска; ни малейшего намека, что где-то что-то подгнило; и даже непогода не оставила на нем своей печати.

С одной стороны от дома стояла пристройка, скорее даже просто сарай, и выглядел он тут совсем не на месте, словно его привезли откуда-то целиком и приставили к стене, закрыв боковую дверь. Может быть, дверь, ведущую на кухню, подумал Льюис. Сарай, без сомнения, использовался для того, чтобы вешать там плащи и куртки, оставлять калоши и сапоги; наверняка есть там скамьи для ведер и молочных бидонов и стоит плетеная корзина для сбора яиц. Над крышей сарая торчала невысокая печная труба.

Льюис приблизился к дому, обогнул пристройку и увидел, что дверь туда приоткрыта. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь пошире и застыл в изумлении.

Это был просто сарай. Судя по всему, именно тут Уоллис и жил.

В одном углу стояла печь, от которой уходила под крышу труба. Обыкновенная древняя печь, размерами немного меньше, чем старомодные кухонные плиты; на печи — кофейник, кастрюля и сковорода. На крюках, прибитых к доске за печкой, висела другая кухонная утварь. Напротив — полуторная кровать на четырех ножках, покрытая пестрым одеялом с орнаментом из множества цветных лоскутков, вроде тех, что были популярны у хозяек лет сто назад. В другом углу стояли стол и стул, над столом в небольшом открытом стенном шкафчике — тарелки. Керосиновая лампа на столе — старая, обшарпанная, но стекло чистое, словно его вымыли и отполировали сегодня утром.

Однако никакой двери, ведущей из сарая в дом, и никаких признаков, что она тут когда-то была. Просто ровная, обшитая дощечками стена дома, где полагалось быть четвертой стеной пристройки.

Невероятно, сказал себе Льюис, как это — нет двери? И почему Уоллис живет здесь, в этом сарае, а не в самом доме? Возможно, есть какая-то причина, по которой он не живет там, но тем не

менее остается поблизости. Может быть, Уоллис всю жизнь несет за что-то покаяние, словно средневековый отшельник, поселившись в лесной хижине или в пещере где-нибудь в пустыне.

Льюис стоял посреди помещения и оглядывался вокруг, надеясь, что ему удастся обнаружить какую-то зацепку, ключ к пониманию этой необычной ситуации. Но в сарае не было абсолютно ничего, помимо самых элементарных, необходимых для жизни вещей — печи, чтобы готовить пищу и обогревать жилище, кровати, чтобы спать, стола, на котором есть, лампы для освещения. Ни даже лишней шляпы (хотя, если подумать, Уоллис вообще не носил шляп) или лишней куртки.

Ни журналов, ни бумаг, хотя Уоллис никогда не возвращался от почтового ящика с пустыми руками. Он выписывал «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Крисчен сайенс монитор», «Вашингтон стар» и еще множество научных и технических журналов. Но в сарае не было ни журналов, ни книг, что он покупал. Ни, если на то пошло, толстых дневников. Там вообще не было ничего, на чем можно писать.

Возможно, сказал себе Льюис, этот сарай не больше чем маскировка, место, которое по совершенно неизвестной причине Уоллис тщательно обставил, чтобы создалось впечатление, будто он именно здесь и живет. Не исключено, что на самом деле он живет в доме. Но если дело действительно обстоит так, то зачем этот маскарад — не очень, кстати, убедительный?

Льюис повернулся к двери и вышел из сарая. Обогнул дом и приблизился к крыльцу. На первой ступеньке он остановился и осмотрелся. Кругом стояла тишина. Солнце взобралось уже высоко, день обещал быть теплым, и весь этот уединенный уголок земли словно успокоился и затих в ожидании полуденной жары.

Взглянув на часы и убедившись, что у него есть еще сорок минут, Льюис поднялся по ступенькам, взялся за круглую дверную ручку и повернул, — но она не повернулась, лишь скользнули по ней обхватившие ее пальцы.

Льюис удивился, попробовал еще раз, и снова у него ничего не получилось. Как будто дверная ручка была покрыта чем-то твердым и скользким, словно пленкой льда, по которой пальцы скользили, не оказывая на ручку никакого давления.

Он наклонился, стараясь разглядеть, есть ли там какое-нибудь покрытие, однако ничего не обнаружил. Ручка выглядела совершенно нормально, даже, может быть, слишком нормально. Она была такая чистая, словно кто-то совсем недавно протер ее и отполировал: ни пыли, ни оставленных непогодой отметин или пятен ржавчины.

Льюис попробовал царапнуть ее ногтем, однако ноготь скользнул, не оставив на ней никакого следа. Он провел рукой по по-

верхности двери — дерево оказалось таким же скользким. Ладонь совсем не чувствовала трения, как будто дверь намазали маслом. Однако никакой смазки там не было. Вообще не было ничего, что объясняло бы это непонятное скольжение.

Льюис отошел от двери и потрогал обшитую досками стену — стена была тоже скользкая. Он провел по ней сначала ладонью, затем ногтем — результат тот же. Весь дом, казалось, покрыт чем-то скользким и гладким, настолько гладким, что даже пыль не садилась на его поверхность и непогода не оставляла на нем никаких следов.

Льюис подошел к окну и только тут заметил странность, которую не заметил раньше, и понял, отчего дом производил такое суровое впечатление. Все окна были черными. Ни занавесок, ни штор, ни жалюзи — просто черные прямоугольники, похожие на пустые глазницы голого черепа здания.

Он приник к стеклу, закрывшись с обеих сторон ладонями от света, но все равно ничего не разглядел за окном. Перед глазами застыл черный омут, и, что странно, в этой черноте ничего не отражалось. Не отражалось даже его лицо. Ничего, кроме черноты, словно свет падал на стекло и тут же поглощался, всасывался и оставался там навсегда. Ни единого отблеска.

Льюис спустился с крыльца и медленно обошел вокруг дома, внимательно его разглядывая. Все окна до единого — те же черные прямоугольники, впитывающие свет без остатка, все стены такие же скользкие и твердые, как возле крыльца.

Он ударил по стене кулаком — все равно что скала. Обследовав каменный фундамент, Льюис убедился, что и там все гладко и скользко. Раствор между камнями лежал неровно, да и в самих камнях были трещины, но рука не чувствовала никаких шероховатостей.

Что-то невидимое покрывало камень — ровно настолько, чтобы заполнить щербины и неровности. Но что это, он не понимал. Казалось, оно было бесплотно.

Выпрямившись, Льюис взглянул на часы. В его распоряжении оставалось всего десять минут. Пора уходить.

Он спустился по холму к старому заброшенному саду и уже под деревьями остановился, чтобы взглянуть на жилище Уоллиса еще раз. Теперь дом выглядел иначе. Теперь это было не просто здание. В его ожившем облике появилось что-то насмешливое, даже издевательское, как будто внутри дома зрело, готовое вот-вот вырваться наружу, злое хихиканье.

Льюис поднырнул под низкие ветки и двинулся через сад, пробираясь между деревьями. Тропинки там, конечно, не было, а трава и сорняки вымахали выше колен. Он снова пригнулся, потом обошел дерево, которое много лет назад вырвало с корнем во время бури.

Время от времени он протягивал руку и срывал яблоки — мелкие горькие дички, — откусывал кусочек и тут же выбрасывал; ни одного съедобного среди них так и не нашлось, словно они всосали из заброшенной земли горечь запустения.

В дальнем конце сада Льюис наткнулся на забор, поставленный вокруг могил. Здесь трава разрослась не так сильно, а на заборе можно было заметить следы недавнего ремонта. В изножье каждой могилы, напротив трех простых надгробий из местного известняка, росло по кусту пионов — большие, разросшиеся кусты, посаженные, видимо, много лет назад. Поняв, что он наткнулся на семейное кладбище Уоллисов, Льюис остановился у ветхой изгороди.

Но тут должно быть только два надгробных камня. Откуда взялся третий?

Он двинулся вдоль изгороди к осевшей калитке, прошел внутрь и остановился у могил, читая надписи на надгробьях. Угловатые, неровные буквы свидетельствовали о том, что надписи сделаны неопытной рукой. Тут не было ни сентиментальных фраз, ни стихотворных строк, ни изображений ангелов, ягнят или других символических образов, характерных для шестидесятых годов прошлого века, — только имена и даты.

На первом камне: Аманда Уоллис 1821—1863.

На втором: Джедедия Уоллис 1816—1866.

А на третьем...

ГЛАВА 4

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш, — сказал Льюис.

Хардвик перестал катать его между ладонями и протянул Льюису.

— Лист бумаги? — спросил он.

— Да, если можно.

Льюис склонился над столом, и карандаш быстро забегал по бумаге.

— Вот, — произнес он, передавая лист Хардвику.

— Это какая-то бессмыслица, — сказал тот, сдвинув брови. — Кроме вот этого символа внизу.

— Восьмерка, лежащая на боку. Я знаю. Символ бесконечности.

— А все остальное?..

— Не имею понятия, — ответил Льюис. — Так начертано на надгробье. Я просто скопировал.

— И теперь знаете на память?

— Ничего удивительного, если учесть, сколько времени я провел, пытаюсь понять, что это такое.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного, — сказал Хардвик. — Впрочем, я не специалист и в таких вещах ничего не смыслю.

— Пусть вас это не смущает. Об этих символах никто не имеет ни малейшего понятия. Тут нет никакого сходства, даже отдаленного, с каким-то языком или с известными нам письменами. Я консультировался со специалистами. Опросил с десятков ученых. Говорил им, что обнаружил эту надпись на скале, и, думаю, большинство из них решили, что я чокнутый фанатик. Вроде тех людей, которые постоянно пытаются доказать, что в доколумбову эпоху в Америке были поселения римлян, финикийцев, ирландцев или еще что-нибудь в таком же духе.

Хардвик положил лист на стол.

— Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что сейчас у вас вопросов стало больше, чем вначале. Тут и молодой человек, которому больше ста лет, и гладкий, скользкий дом, и третье надгробье с непостижимой надписью. Вы ни разу не говорили с Уоллисом?

— С ним никто не говорил. Кроме почтальона. Когда Уоллис выходит на свою ежедневную прогулку, он берет с собой ружье.

— И что, люди боятся заговаривать с ним?

— Вы имеете в виду из-за ружья?

— Да, пожалуй. Почему он всегда при оружии?

Льюис покачал головой:

— Не знаю. Я пытался найти этому какое-то объяснение, понять, почему он всегда берет с собой ружье. Насколько мне известно, он не сделал из него ни одного выстрела. Однако я не думаю, что местные жители не вступают с ним в разговоры, потому что он вооружен. Уоллис для них — анахронизм, нечто из прошлого века. Я уверен, его никто не боится. Он слишком долго жил там. Слишком привычен. Он просто часть этих мест — такой же привычный, как деревья или скалы. Но при этом особого расположения к нему тоже никто не испытывает. Подозреваю, что, встретившись с ним лицом к лицу, большинство местных жителей будут чувствовать себя не очень уютно. Он не такой, как все, — нечто большее и одновременно нечто меньшее. Как человек, утративший свое человеческое естество. Я думаю, втайне многие соседи даже слегка стыдятся его, потому что он каким-то образом, может быть, невольно, обошел стороной старость — одно из наших наказаний, но в то же время и одно из неотъемлемых прав человека. Может быть, этот затаенный стыд в какой-то степени объясняет и их нежелание рассказывать об Уоллисе.

— Вы наблюдали за ним долго?

— Поначалу — да. Но теперь у меня группа. Мои сотрудники следят за ним посменно. У нас больше десятка наблюдательных

постов, и их мы периодически меняем. Но каждый день и каждый час дом Уоллиса находится под наблюдением.

— Я смотрю, вас эта ситуация заинтересовала всерьез.

— И не без оснований, — ответил Льюис. — Я хочу показать вам еще кое-что.

Он наклонился, поднял кейс, стоявший у кресла, раскрыл его и, достав пачку фотографий, передал их Хардвику.

— Что вы на это скажете?

Хардвик взял фотографии. И внезапно застыл. Лицо его побледнело, руки затряслись. Затем он принялся аккуратно раскладывать фотографии на столе, но взгляд его удерживала первая — та, что лежала сверху. Льюис увидел в его глазах вопрос и сказал:

— В могиле. В той самой, где надгробье с непонятными закорючками.

ГЛАВА 5

Аппарат связи пронзительно засвистел. Инек Уоллис отложил дневник и встал из-за стола. Прошел через комнату к аппарату, нажал кнопку и вставил ключ. Свист прекратился.

Из аппарата донеслось гудение, и на экране появились слова — сначала едва различимые, но с каждой секундой все более отчетливые: *Номер 406301 станции 18327. Путешественник в 16 097.38. Житель планеты Турбан-VI. Багажа нет. Жидкостный контейнер номер 3. Смесь 27. Отправление на станцию 12892 в 16 439.16. Прошу подтверждения.*

Инек взглянул на большой галактический хронометр, закрепленный на стене. До прибытия гостя оставалось еще три часа.

Он коснулся другой кнопки, и из щели на боку аппарата выполз тонкий металлический лист с текстом сообщения. Дубликат автоматически поступил в архив. Послышался щелчок, и экран опустел до следующего послания.

Инек вытащил металлическую пластинку с двумя дырочками и подколол в досье, затем опустил руки на клавиатуру и напечатал: *Номер 406301 получен. Подтверждение готовности в ближайшее время.*

Текст высветился на экране, и Инек не стал его стирать.

Турбан-VI? Интересно, кто-нибудь оттуда уже бывал здесь? Уоллис решил, что, закончив дела, непременно заглянет в картотеку и проверит.

Путешественнику требовался жидкостный контейнер, и такие гости, как правило, оказывались наименее интересными. Завязать с ними разговор удавалось далеко не всегда, поскольку их языковые концепции часто вызывали слишком много

трудностей для понимания. А нередко значительно отличались от человеческих, что с ними невозможно было найти точки соприкосновения.

Хотя так случалось не всегда. Уоллис вспомнил, как несколько лет назад к нему попал такой вот обитатель жидкой среды откуда-то из созвездия Гиды (или Гиад?), с которым они проговорили всю ночь, и так было интересно, что Инек едва не пропустил время отправки гостя на станцию назначения. Это довольно путаное общение (едва ли его можно было назвать беседой) продолжалось всего несколько часов, но оставило у него ощущение товарищеской, даже братской близости.

Он, а может быть, она или оно, поскольку у них как-то не возникло необходимости прояснить этот вопрос, больше на станции не появлялся. Впрочем, так случалось часто. Очень немногие из гостей останавливались на его станции на обратном пути. Большинство из них просто следовали к своей цели.

Но он (она или оно) остался в его записях. Черным по белому. Как и все остальные. Черным по белому. Ему потребовался, вспоминал Уоллис, почти весь следующий день, чтобы, сгорбившись за столом, описать услышанное: все рассказанные истории, все впечатления о далеких, прекрасных и манящих планетах (манящих, потому что так много было там непонятного), все тепло товарищеских отношений, возникших между ним и этим странным, уродливым, по земным меркам, существом с другой планеты. И теперь в любой в день по желанию он мог вытащить из длинного ряда стоящих на полке дневников тот самый и вновь пережить памятную ночь. Хотя он ни разу этого не делал. Странно, отчего-то ему всегда не хватает времени — или кажется, что не хватает, — на то, чтобы перелистать или перечитать хоть что-то из записанного за долгие годы...

Он отвернулся от аппарата связи и подкатил жидкостный контейнер номер три под материализатор, установил его точно на место и закрепил. Затем вытянул из стены шланг, нажал на селекторе кнопку 27 и заполнил контейнер. Шланг, когда он его отпустил, сам уполз обратно в стену.

Уоллис вернулся к клавиатуре, убрал текст с экрана и послал подтверждение о полной готовности к приему путешественника с Турбана, в свою очередь получил двойное подтверждение с центральной станции и перевел аппарат в состояние готовности для новых сообщений.

Затем прошел к картотечному шкафу, расположенному у письменного стола, и вытянул ящик, заполненный карточками. Действительно: Турбан-VI. И число: 22 августа 1931 года. Инек прошел через комнату к стене, от пола до потолка заставленной полками с книгами, журналами, его дневниками, и, выбрав нужную тетрадь, вернулся к столу.

22 августа 1931 года, как он обнаружил, открыв соответствующую страницу, выдалось совсем мало работы: всего один путешественник с Турбана-VI. И хотя записи о том дне занимали целую страницу, исписанную его мелким, неразборчивым почерком, гостю он посвятил всего один абзац:

«Сегодня прибыл сгусток с Турбана-VI. По-другому, пожалуй, и не скажешь. Просто масса живой материи, и эта масса меняла форму, то превращаясь в шар, то растекаясь по дну контейнера, словно блин. Потом она сжималась, втягивая края внутрь, и снова превращалась в шар... Перемены происходили медленно, и в них был заметен определенный ритм, но только в том смысле, что они повторялись. По времени каждый цикл отличается от предыдущего. Я пробовал хронометрировать их, но не смог установить четкой периодичности. Самое короткое время до полного завершения цикла составило семь минут, самое долгое — восемнадцать. Может быть, за более длительный срок можно было бы уловить повторяемость и по времени, но у меня не хватило терпения. Семантический транслятор не сработал, но существо издало несколько резких щелчков — как будто хлопнуло клешнями, хотя никаких клешней я у него не заметил. И только проверив по пазимологическому справочнику, я понял смысл этого обращения. Гость сообщал, что с ним все в порядке, что внимания ему не требуется и что он просит не беспокоить его. Я так и поступил».

В конце абзаца на оставшемся пустом месте было приписано: *«Смотри 16 октября 1931 года».*

Инек перелистнул несколько страниц и добрался до 16 октября. До одного из тех дней, когда Улисс прибыл на станцию с инспекторской проверкой.

Разумеется, его звали не Улисс. И, строго говоря, у него вообще не было имени. У его народа просто не возникало необходимости в именах, поскольку они выработали иную идентификационную терминологию, гораздо более выразительную. Однако эта терминология и даже ее общая концепция были настолько сложны для человека, что ни понять, ни тем более использовать ее Уоллис не мог.

— Я буду звать тебя Улисс, — сказал Инек ему, когда они встретились впервые. — Должен же я как-то тебя называть.

— Согласен, — ответило незнакомое существо (тогда еще незнакомое, но вскоре ставшее другом). — Но могу ли я спросить, почему ты выбрал имя Улисс?

— Потому что это имя великого человека моей расы.

— Я рад, что ты выбрал такое имя, — произнесло существо, только что получившее крещение. — Оно звучит, как мне кажется, возвышенно и благородно. Между нами говоря, я буду счастлив носить это имя. А тебя я буду звать Инек, поскольку нам предстоит работать вместе много-много твоих лет.

И действительно, прошло много-много лет, подумал Инек, стоя с открытым дневником в руках и глядя на запись, сделанную несколько десятилетий назад. Десятилетий, удивительно обогативших его, оставивших такой след в душе, что это и представить себе невозможно было до тех пор, пока он их не прожил.

И все это будет продолжаться. Гораздо дольше, чем тот небольшой отрезок времени, что уже прожит. Века, а может быть, целое тысячелетие. Чего он только не узнает к концу этого тысячелетия!

Хотя, думалось Инеку, может быть, знания — не самое главное.

К тому же он понимал, что прежнее положение долго не сохранится, поскольку теперь ему могут помешать. В окрестностях появились наблюдатели или по крайней мере один наблюдатель. Вполне возможно, что скоро они начнут сжимать кольцо поисков. Пока Уоллис не имел ни малейшего понятия, что делать и как готовиться к надвигающейся опасности. Но рано или поздно это должно было случиться, и, во всяком случае, внутренне он уже приготовился... Странно только, что этого не произошло раньше.

О такой опасности Инек рассказал Улиссу еще в тот день, когда они встретились впервые. И теперь, размышляя о своих проблемах, он снова вспоминал события многолетней давности — прошлое вставало перед его внутренним взором с такой ясностью, словно все это случилось только вчера.

ГЛАВА 6

Инек сидел на ступеньках крыльца. Вечерело. Над далекими холмами в штате Айова, за рекой, собирались грозовые тучи. День был жаркий, душный, ни дуновения ветерка. У сарая вяло ковырялись в земле несколько кур — скорее, наверное, по привычке, чем в надежде найти что-нибудь съедобное. Стайка воробьев то срывалась вдруг с крыши амбара и неслась к кустам жимолости, что у поля за дорогой, то летела обратно, и крылья их сухо потрескивали, словно от жары перья стали жесткими и твердыми.

Вот сижу, думал Инек, и гляжу на тучи, а ведь еще столько работы — и поле кукурузное надо перепахать, и убрать сено, и скопнить пшеницу...

Но что бы там ни случилось, как бы тяжело ему ни было, надо жить дальше, и по возможности с толком. Это станет ему уроком, напоминал себе Инек, хотя за последние годы он должен был в полной мере познать всю тщету земную. Однако на войне все было по-другому. На войне знаешь, чего ожидать, готовишься, но сейчас-то не война. Сейчас мирная жизнь, к которой он вернулся

с такими надеждами. Человек вправе ожидать, что в мире без войны действительно будет покой, что он будет огражден от жестокости и страха.

Теперь он одинок. Одинок, как никогда раньше. Теперь и вправду надо начинать новую жизнь, другого выбора нет. Но будь то здесь, на родной земле, или в каком-то другом месте — эта новая жизнь начинается с горечи и печали.

Инек сидел на крыльце, уронив руки на колени, и все смотрел на собиравшиеся на западе тучи. Может, пойдет дождь, и это хорошо, потому что земле нужна влага, но, может, и не пойдет: воздушные течения над сходящимися речными долинами — штука капризная, никогда не скажешь наверняка, куда двинутся облака...

Путника он заметил, когда тот уже свернул к воротам. Высокий сухопарый человек в запыленной одежде, судя по всему проделавший долгий путь. Гость шел по тропе к дому, но Инек сидел и ждал, не трогаясь с места.

— Добрый день, сэр, — произнес он наконец. — Сегодня жарко, и вы, должно быть, устали. Присаживайтесь, отдохните.

— С удовольствием, — ответил незнакомец. — Но сначала, прошу вас, глоток воды.

— Идемте, — сказал Инек, поднимаясь со ступеней. — Я накачаю прямо из колодца.

Он прошел через двор к насосу, снял с крюка ковш и дал его незнакомцу. Потом взялся за рукоятку и принялся качать.

— Пусть немного стечет, — сказал он. — Холодная вода идет не сразу.

Инек продолжал качать, и вода, выплескиваясь из крана неровными порциями, сбегала по доскам, закрывавшим колодец.

— Думаете, пойдет дождь? — спросил незнакомец.

— Трудно сказать, — ответил Инек. — Подождем, посмотрим.

Что-то неуловимое вызывало у него беспокойство, когда он глядел на своего гостя. Ничего явного, конкретного, но тем не менее какая-то мелочь не давала ему успокоиться. Качая воду, он еще раз посмотрел на незнакомца и подумал, что, должно быть, это его уши, чуть более острые вверху, чем положено, но, когда он через некоторое время взглянул на него снова, уши оказались нормальными, и Инек решил, что его подвело воображение.

— Ну вот, наверное, уже холодная, — сказал он.

Путник подставил ковш под кран и, подождав, когда он наполнится, предложил Инеку. Тот покачал головой.

— Сначала — вы. Вам больше нужно.

Гость приложился к ковшу и жадно выпил его до дна, раз-другой пролив воду на себя.

— Еще? — спросил Инек.

— Нет, спасибо, — ответил гость. — Но я подержу ковш, теперь качайте для себя.

Инек снова взялся за насос и, когда ковш наполнился до краев, принял его из рук незнакомца. Вода была холодная, и Инек, только в эту минуту поняв, что его тоже мучает жажда, осушил ковш почти целиком. Затем повесил его на место и сказал:

— Ну а теперь можно и посидеть.

Незнакомец улыбнулся:

— Пожалуй, мне это не повредит.

Инек достал из кармана красный платок и вытер лицо.

— Воздух плотный, как перед дождем... — произнес он и тут понял, что его все-таки беспокоило. Одежда на госте несвежая, башмаки покрылись слоем пыли — ясно было, что он одолел неблизкий путь, — да еще эта предгрозовая духота, а между тем его гость совсем не вспотел. Выглядел он таким свежим, словно была весна и он весь день пролежал, отдыхая под деревом.

Инек засунул платок обратно в карман, и они уселись на ступенях.

— Видимо, вы проделали неблизкий путь, — сказал он, пытаясь незаметно навести разговор на нужную тему.

— О да. Я забрался довольно далеко от дома.

— И, как видно, дорога предстоит еще дальняя?

— Нет, — сказал незнакомец. — Похоже, я оказался там, куда стремился.

— Вы имеете в виду... — начал было Инек, но не договорил.

— Я имею в виду — вот здесь, на этих вот ступенях. Я давно искал одного человека, и думаю, этот человек именно вы. Имени его я не знал, не знал и где искать, но никогда не сомневался, что найду того, кого ищу.

— Вы искали меня? — ошарашенно спросил Инек. — Но почему меня?

— Я искал человека, которому присуще много различных черт. Одной из них является то, что этот человек наверняка заглядывался на звезды и размышлял, что они собой представляют.

— Да, — признался Инек, — иногда я это делаю. Не раз, бывало, ночуя в поле, я лежал без сна, завернувшись в одеяло, и глядел на небо, на звезды, пытаюсь понять, что это такое, как они там оказались и — самое главное — зачем. Я слышал от людей, что каждая звезда — это такое же солнце, что светит над землей, только до сих пор не знаю, верно это или нет. Как видно, не больно-то много люди о них знают.

— Есть и такие, кто знает много, — сказал незнакомец.

— Уж не вы ли? — спросил Инек с легкой усмешкой, потому что его гость совсем не походил на человека, который много знает.

— Да, я, — ответил тот. — Хотя есть и другие, которые знают несравненно больше меня.

— Я иногда задумывался... — сказал Инек. — Если звезды — это солнца, то, возможно, там, наверху, есть и планеты, а может быть, и люди тоже...

Он вспомнил, как сидел однажды у костра, коротая вечер за разговорами со своими приятелями, и упомянул о том, что, мол, на других планетах, которые вертятся вокруг других солнц, живут другие люди; приятели тогда здорово посмеялись над ним и еще долго потом отпускали в его адрес шуточки, поэтому Инек никогда больше не делился с ними своими догадками. Впрочем, он и сам не особенно в них верил — мало ли что придет в голову ночью у костра.

А вот сейчас вдруг опять заговорил об этом, да еще с совершенно незнакомым человеком. С чего бы это?..

— Вы в самом деле верите, что там тоже живут люди? — спросил путник.

— Да так, пустые домыслы... — ответил Инек.

— Ну, не такие уж и пустые, — сказал незнакомец. — Другие планеты и вправду есть, и на них живут другие люди. Я один из них.

— Но вы... — начал было Инек и тут же умолк.

Кожа на лице незнакомца лопнула и начала сползать в стороны, а под ней Инек увидел другое лицо, не похожее на человеческое. И в ту минуту, когда маска сползла с этого другого лица, через все небо полыхнула огромная молния, тяжелый грохот сотряс землю, а издалека донесся шум дождя, обрушившегося на холмы, — он все близился и нарастал.

ГЛАВА 7

Вот так это и началось, думал Инек, больше века назад. Фантазия, родившаяся у горящего в ночи костра, обернулась реальностью, и теперь Земля отмечена на всех галактических картах как пересадочная станция для многочисленных путешественников, добирающихся от звезды до звезды. Когда-то все они были чужаками, но это давно уже не так. Просто для Уоллиса такой категории не существовало: в любом обличье и какую бы цель они ни преследовали — все они для него люди.

Он взглянул на запись от 16 октября 1931 года и быстро ее перечитал. То, что его интересовало, оказалось в самом конце:

«Улисс сказал, что жители шестой планеты Турбана, возможно, самые выдающиеся математики во всей Галактике. Похоже, создали новую систему счисления, превосходящую любую из существовавших ранее, и она особенно полезна для обработки статистических данных».

Инек захлопнул дневник и сел в кресло. Интересно, подумал он, знают ли статистики с Мицара-Х о достижениях жителей Тур-

бана? Возможно, знают, поскольку и они применяют порой для обработки информации нетрадиционные методы.

Он отодвинул дневник в сторону и, покопавшись в ящике стола, извлек свою таблицу, расстелил ее на столе, проглядел еще раз и погрузился в раздумья. Если бы он только был уверен... Если бы он знал мицарскую систему лучше... Последние десять лет Инек работал над этой таблицей, проверяя и перепроверяя все известные ему факторы по системе, выработанной на Мицаре, снова и снова пытаясь определить, те ли факторы он использует, что нужны для анализа...

Инек крепко стиснул кулак и ударил им по столу. Если бы только быть уверенным до конца. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. Но именно этого он пытался избежать, поскольку такой ход очень ясно показал бы обнаженность, беспомощность человечества.

А он все еще был человеком. Странно, подумал он, что ничего не изменилось, что за сто с лишним лет общения с существами из множества других миров он по-прежнему остается человеком с планеты Земля.

Ибо связи его с Землей во многих отношениях давно уже прервались. Он теперь общался с одним-единственным человеком, со старым Уинслоу Грантом. Соседи его сторонились, а больше тут никто не бывал, если не считать наблюдателей, которых он видел довольно редко, скорее мельком, а то и вообще просто их следы.

Только старый Уинслоу Грант да Мэри и другие люди-тени время от времени скрашивали его одинокие часы.

Вот и вся его Земля — старик Уинслоу, люди-тени да акры принадлежавшей семье фермы, раскинувшиеся вокруг дома. Но не сам дом, поскольку дом уже принадлежал Галактике.

Он закрыл глаза и принялся вспоминать, как выглядел дом в те давние времена. Здесь вот, где он сидит, была кухня с железной плитой, огромной черной плитой, сверкающей своими огненными зубами в щели решетки для поддува. У самой стены стоял стол, где они втроем ели, и он даже помнил, что на нем было: графинчик с уксусом, стакан с ложками и судок с горчицей, хреном и соусом из красного перца — в центре стола, на красной скатерти в клеточку, точно какое-то украшение.

Зимний вечер. Инеку года три или четыре. Мама у плиты готовит ужин. Он сидит на полу, играет в кубики и деревянные дощечки, а снаружи доносится приглушенное завывание ветра. Отец только что вернулся из хлева, доил коров, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, несущий вихрь снежинок. Дверь тотчас захлопнулась, ветер и снег остались снаружи, в ночном мраке и непогоде. Отец поставил ведро с молоком в раковину. Инек смотрит на него: на бороде и на бровях отца налип снег, в усах поблескивают мелкие льдинки.

Эта картина все еще перед ним, словно три восковых манекена, застывших на стенде исторического музея: отец с примерзшими к усам льдинками, в больших валенках до колен, покрасневшая у жаркой плиты мать в кружевном чепце и он сам с кубиками на полу.

Помнилось ему и еще кое-что, может быть, отчетливее, чем все остальное. На столе стояла большая лампа, а на стене за ней висел календарь, и свет от лампы падал на картинку, словно луч прожектора. На ней был изображен Санта Клаус в санях, несущихся по просеке в лесу, и весь лесной народец высыпал на обочины полюбоваться им. В небе висела большая луна, а землю укрывал толстый слой снега. Два зайца глядели на Санта Клауса во все глаза, рядом стоял олень, чуть дальше — закутавшийся в собственный хвост енот, а на низко свисающей ветке рядышком сидели белка с синицей. Старый Санта Клаус приветственно вскинул руку со свернутым кнутом, щеки у него покраснелись, он весело улыбался, а сани тянули гордые, сильные, неутомимые северные олени.

Сквозь все эти годы Санта Клаус из девятнадцатого столетия мчался по заснеженным дорогам времени, весело приветствуя лесных жителей. И вместе с ним мчался золотой свет настольной лампы, по-прежнему ярко освещавшей стену и скатерть в клеточку.

Да, думал Инек, что-то всегда остается навечно — хотя бы воспоминание об уютной теплой кухне в студеную зимнюю ночь из детства.

Но это лишь воспоминание, память души, потому что в жизни ничего такого не сохранилось. Кухни уже нет, и нет общей комнаты со старинным диваном и креслом-качалкой, нет гостиной со старомодными парчовыми занавесами и шелковыми шторами. Не сохранились ни гостевая спальня на первом этаже, ни семейные спальни на втором.

Вместо всего этого появился один большой зал. Пол на втором этаже и все перегородки убрали, и получился зал, одну сторону которого занимает галактическая пересадочная, а на другой живет ее смотритель. В углу стоит кровать, у противоположной стены — плита, работающая на неизвестном Земле принципе, и холодильник — тоже инопланетного происхождения. Все свободное место вдоль стен занято шкафами и полками, заставленными журналами, книгами и дневниками.

В доме сохранилась только одна примета тех давних времен — старый массивный камин, сложенный из кирпича и местного камня у стены общей комнаты, — единственное, что Инек не разрешил убрать инопланетным рабочим, которые устанавливали аппаратуру станции. Камин стоял на месте, напоминая о далеких днях прошлого, словно последняя частичка Земли в доме, а

над ним выступала из стены дубовая каминная полка, которую отец Инека сам вырубил из толстого бревна и потом обтесал рубанком и стругом.

На каминной и на книжной полках, на столе стояли и лежали различные предметы внеземного происхождения, для многих из которых даже не существовало земных названий, — подарки от дружелюбных путешественников, — их много накопилось за долгие годы. Некоторым из них находилось применение, на другие можно было смотреть, но попадались и совершенно бесполезные вещи — они либо не могли быть использованы человеком, либо просто не работали в земных условиях, либо созданы были для каких-то целей, о которых Инек не имел ни малейшего понятия. Несколько смущаясь, он принимал эти дары, потому что люди, дарившие их, всегда делали это от души, и долго, путано благодарил.

В другой половине дома размещался сложный комплекс аппаратуры, переносившей странников от звезды до звезды; он занимал все пространство до самого потолка.

Постоялый двор. Пересадочная станция. Галактический перекресток.

Инек свернул таблицу и убрал в ящик стола. Дневник поставил на место среди других таких же дневников. Потом взглянул на галактический хронометр: пора было идти.

Он придвинул кресло вплотную к столу, снял с крюков винтовку и, повернувшись к стене лицом, произнес одно-единственное слово. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Инек перешел в свой скудно обставленный сарайчик. Секция стены за его спиной так же бесшумно скользнула на место, и даже следа разъема не осталось.

Инек вышел во двор. День был изумительный, один из последних дней уходящего лета. Еще неделя-другая, подумал он, и появятся первые признаки осени, начнутся заморозки. Уже зацвел золотарник, а днем раньше начали распускаться в канаве у забора первые астры.

Он завернул за угол дома, прошел через большое запущенное поле, поросшее орешником и редкими деревьями, и направился к реке.

Вот она, Земля, размышлял он, планета, созданная для Человека. Но не для него одного, ведь на ней живут лисы, совы, горностаи, змеи, кузнечики, рыбы и множество других существ, что населяют воздух, почву и воду. И даже не только для них, для здешних обитателей. Она создана и для странных существ, что называют домом другие миры, удаленные от Земли на многие световые годы, но в общем-то почти такие же, как Земля. Для «улиссов», и «сиятелей», и для всех других инопланетян, если у них вдруг возникнет необходимость или желание поселиться на

этой планете и если они смогут жить тут вполне комфортно, без всяких искусственных приспособлений.

Наши горизонты, думал Инек, так узки, и мы так мало видим. Даже сейчас, когда, разрывая древние пути силы тяжести, поднимаются на столбе огня ракеты с мыса Канаверал, мы так мало задумываемся о том, что лежит за этими горизонтами.

Душевная боль не оставляла его и только усиливалась, — боль, вызванная стремлением поведать человечеству все то, что он узнал. Не только передать какие-то конкретные технические сведения, — хотя что-то Земле обязательно пригодилось бы, — но, самое главное, рассказать о том, что во Вселенной есть разум, что человек не одинок, что, избрав верный путь, он уже никогда не будет одинок.

Инек миновал поле, перелесок и поднялся на большой каменный уступ на вершине скалы, возвышающейся над рекой. Он стоял там, как стоял уже тысячи раз по утрам, и глядел на реку, величественно несущую серебристо-голубые воды через заросшую лесом долину.

Старая, древняя река, мысленно обращался к ней Инек, ты смотрела в холодные лица ледников высотой в милю, которые пришли, побьли и ушли, отползая назад к полюсу и цепляясь за каждый дюйм; с этих самых ледников ты уносила талую воду, заливавшую долину невиданными доселе потопами, ты видела мастодонтов, саблезубых тигров, бобров величиной с медведя, что бродили по этим вековым холмам, оглашая ночь рыком и ревом; ты знала небольшие тихие племена людей, которые ходили по здешним лесам, забирались на скалы или плавали по твоей глади, людей, познавших и лес, и реку, слабых телом, но сильных волей и настойчивых, как никакое другое существо; а совсем недавно на эти земли пришло другое племя людей — с красивыми мечтами, жестокими руками и непоколебимой уверенностью в успехе. Но прежде чем все это случилось, — ибо это древний материк, очень древний, — ты видела многих других существ, и много перемен климата, и перемены на самой Земле. Что ты обо всем этом думаешь? Ведь у тебя есть и память, и ощущение перспективы, и даже время, — ты уже должна знать ответы, пусть не все, пусть хоть какие-то.

Человек, проживи он несколько миллионов лет, знал бы их и, может быть, еще узнает, когда пройдут эти несколько миллионов лет. Если до тех пор Человек не покинет Землю.

«Я мог бы помочь, — думал Инек. — Я не способен дать никаких ответов, но я мог бы помочь человечеству в его поисках. Я мог бы дать человечеству веру, и надежду, и цель, какой у него не было еще никогда».

Но Инек знал, что не решится на это.

Далеко внизу, над гладкой дорогой реки, лениво кружил ястреб. Воздух был так чист и прозрачен, что Инеку казалось, будто,

вглядевшись чуть-чуть пристальнее, он сможет различить каждое перо в распростертых крыльях.

Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — все рождало чувство отрешенности, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех мест, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось, — ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли. Но хуже того, есть люди, которые никогда даже и не искали.

Инек стоял на вершине скалы, наблюдая за ленивым полетом ястреба, окидывая взором речной простор и зеленый ковер деревьев, а мысли его уносились все выше и дальше, к другим мирам, и от этих мыслей начинала кружиться голова. Но пора было возвращаться на Землю.

Он медленно спустился со скалы и двинулся по вьющейся меж деревьев тропе, пробитой им за долгие годы.

Сначала Инек хотел пройтись к подножью холма, чтобы взглянуть на полянку, где летом цвели розовые «башмачки», и представить себе красоту, которая вернется к нему в следующем июне, но затем решил, что в этом нет смысла, поскольку цветы росли в уединенном месте и с ними вряд ли что могло случиться. Было время, лет сто назад, когда они цвели на каждом холме, и он приходил домой с огромными охайками. Мама ставила цветы в большой коричневый кувшин, и на день-два дом наполнялся их густым ароматом. Однако теперь они почти перестали встречаться. Скот, что пасли на холмах, и охочие до цветов люди почти свели их на нет.

Как-нибудь в другой раз, сказал себе Инек. Перед первыми заморозками он сходит туда и удостоверится, что весной они появятся вновь.

По дороге он остановился полюбоваться белкой, игравшей в ветвях дуба, потом присел на корточки, когда заметил переползающую тропу улитку. Постоял у дерева-гиганта, рассматривая узоры облепившего ствол мха, затем долго следил взглядом за птицей, то и дело перелетавшей с ветки на ветку.

Тропа вывела Инека из леса, и он пошел по краю поля, пока не дошел до родника, бьющего из земли у подножья холма.

У самой воды сидела девушка, и он сразу узнал Люси Фишер, глухонемую дочь Хэнка Фишера, который жил на берегу реки.

Инек остановился. Сколько в ней грации и красоты, подумал он, глядя на девушку, — естественной грации и красоты простого, одинокого существа.

Она сидела у родника, протянув вперед руку, и у самых кончиков ее чувствительных пальцев трепетало что-то яркое. Люси замерла, выпрямив спину и высоко подняв голову; в лице девуш-

ки ощущалась какая-то обостренная настороженность, как, впрочем, и во всем ее нежном облике.

Инек подошел и, остановившись в трех шагах позади нее, увидел, что это яркое пятно — бабочка, большая золотисто-красная бабочка, какие появляются под конец лета. Одно крыло у нее было ровное и гладкое, но другое — помятое, и кое-где с него стерлась пыльца, которая придает окраске золотистый блеск.

Инек заметил, что Люси не удерживает бабочку, та просто сидела на кончике пальца и время от времени взмахивала здоровым крылом, чтобы удержать равновесие.

Но неужели ему померещилось? Теперь второе крыло было лишь чуть-чуть изогнуто, а еще через несколько секунд оно медленно выпрямилось, и на нем снова появилась пыльца (а может, она там и была). Бабочка подняла оба крыла, сложила их вместе.

Инек обошел девушку сбоку, и, заметив его, Люси не испугалась и не удивилась. Наверное, подумал он, для нее это естественно, она давно привыкла, что кто-нибудь может беззвучно подойти сзади и неожиданно оказаться рядом.

Глаза ее блестели, а лицо излучало внутренний свет, словно она только что испытала какое-то радостное душевное потрясение. И он в который раз подумал о том, каково это — жить в мире полного молчания, без общения с людьми. Может быть, не совсем без общения, но, во всяком случае, в стороне от тех свободных потоков информации, которыми все остальные люди обмениваются просто по праву рождения.

Он слышал, что ее несколько раз пытались определить в государственную школу для глухих, но ничего из этого не получилось. В первый раз она убежала и бродила по окрестностям несколько дней, прежде чем сумела найти свой дом. Позже просто устраивала «забастовки», отказывалась слушаться и вообще участвовать в любой форме обучения.

Глядя, как она сидит с бабочкой на пальце, Инек решил, что знает, почему это происходило: Люси жила в своем собственном мире, в мире, к которому она привыкла, в котором она знала, как себя вести. В этом мире она не чувствовала себя ущемленной, что наверняка случилось бы, если ее насильно втянуть в нормальный человеческий мир.

Зачем ей язык жестов и умение читать по губам, если у нее отнимут чистоту души?

Она принадлежала этим лесам и холмам, весенним цветам и осенним перелетам птиц. Она была частью этого мира, мира близкого и понятного ей. Она жила в старом, затерянном уголке природы, занимая то жилище, которое человечество давно оставило, — если оно вообще когда-либо им владело.

Вот она — с золотисто-красной бабочкой на кончике пальца, встревоженная, полная ожидания, лицо светится от сознания ис-

полненного долга. Она, именно она живет такой полной жизнью, какой не доводилось жить никому из тех, кого Инек знал.

Бабочка расправила крылья, взлетела с вытянутого пальца и запорхала без забот и страха над ковром диких трав и цветов золотарника.

Люси следила взглядом за ее полетом, пока бабочка не скрылась из виду у вершины холма, на который взбиралось старое поле, затем обернулась к Инеку и улыбнулась. Она свела и развела ладони, точно взмахнула золотисто-красными крыльями, но что-то в этом жесте чувствовалось еще — ощущение счастья, покоя, словно она говорила, что в мире все прекрасно.

«Если бы, — думал Инек, — я мог обучить ее пазимологии — науке моих галактических друзей, тогда мы смогли бы разговаривать почти так же легко, как с помощью человеческой речи, правда, только друг с другом. Когда времени достаточно, это совсем не трудно, ведь галактический язык жестов настолько прост и логичен, что им можно пользоваться почти инстинктивно после того, как освоишь основные принципы».

В давние времена на Земле тоже существовало множество языков жестов, но ни один из них не был развит настолько хорошо, как язык жестов, распространенный среди аборигенов Северной Америки. Независимо от того, на каком языке говорил американский индеец, он всегда мог объясниться с представителями других племен.

Однако даже индейский язык жестов можно сравнить в лучшем случае с костылем, помогающим человеку идти, когда он не в состоянии бежать. А галактический — это такой язык, который годится для любых средств и методов самовыражения. Он развивался не одно тысячелетие, с участием многих рас разумных существ, и за столь долгое время язык усовершенствовали, утрясли, отшлифовали до такой степени, что теперь он стал вполне самостоятельным средством общения.

А оно было крайне необходимо, поскольку Галактика — это своеобразный Вавилон. Но даже галактическая пазимология, отшлифованная до совершенства, не каждый раз могла преодолеть все препятствия и надежно гарантировать хотя бы минимальную возможность общения. Потому что кроме миллионов языков, на которых Галактика говорила, существовало еще множество других, основанных не на звуках, — далеко не все способны их производить. Да и звуки не всегда оказывались эффективными, если какая-нибудь раса общалась с помощью ультразвука, неразличимого для остальных. Конечно же, существует телепатия, но на одну расу телепатов приходилась тысяча других, не способных к обмену мыслями. Многие обходились одним только языком жестов, другие могли общаться лишь при помощи письменности и пиктографических систем, причем среди них встречались и та-

кие, которые создавали изображения прямо на участках тела, представляющих собой нечто вроде химического экрана. А еще была раса слепых, глухих, немых существ с загадочных звезд на дальнем конце Галактики, которые пользовались, наверное, самым сложным из всех галактических языков — кодированными сигналами, передаваемыми непосредственно в нервную систему.

Инек занимался своей работой уже больше века, но тем не менее даже при помощи универсального языка жестов и семантического транслятора, — а это всего лишь механическое приспособление, пусть и довольно сложное, — он иной раз с трудом понимал, что пытаются сообщить ему гости...

Люси Фишер подобрала с земли берестяной черпачок, зачерпнула воды и протянула Инеку. Тот подошел ближе, взял черпачок в руки и, опустившись на колени, приник к нему губами. Вода протекала через тонкие щели в стенках и дне, и он замочил рукав рубашки и куртки.

Выпив воду, Инек отдал черпачок Люси. Она приняла его одной рукой, а другую протянула вперед и легко коснулась лба Инека кончиками пальцев, — наверное, ей представлялось, что она благословила его.

Инек промолчал. Он уже давно не пытался говорить при ней, чувствуя, что движения губ, сопровождающие звуки, которые она не способна слышать, приводят ее в замешательство.

Вместо этого он дружеским жестом прикоснулся широкой ладонью к ее щеке. Потом поднялся на ноги и снова посмотрел на нее. На мгновение их взгляды встретились.

Он перебрался через ручей, берущий свое начало из родника, и направился к вершине холма по тропе, что выходила из леса и бежала через поле. На полпути Инек обернулся — Люси смотрела ему вслед. Он помахал на прощанье рукой, и она ответила тем же.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он увидел ее впервые — сказочную фею, которой исполнилось тогда, может быть, чуть больше десяти, маленькую лесную дикарку. Дружьями они стали далеко не сразу, вспоминал Инек, хотя он часто встречал ее во время прогулок: Люси бродила по окрестным холмам, по долине реки, словно это ее площадка для игр. Да, собственно, так оно и было.

Люси росла на его глазах. Они часто встречались, и постепенно между ними, одинокими изгоями, возникло взаимопонимание. Но не только это сближало их. Еще и то, что у каждого из них был свой собственный мир, и эти миры дарили им понимание, недоступное другим. Хотя ни он, ни она ни разу не говорили друг другу о своих мирах и даже не пытались, но каждый это чувствовал, оттого-то они потянулись друг к другу, оттого-то их дружба и становилась все крепче.

Ему вспомнился день, когда он застал ее на поляне, где росли розовые «башмачки». Она стояла на коленях и просто глядела на них, не сорвав ни одного цветка. Инека тогда очень обрадовало, что Люси их не тронула. Им двоим уже только вид этих цветов дарил радость и красоту — чувства куда более возвышенные, чем стремление обладать.

Инек дошел до вершины холма и стал спускаться вниз по заросшей травой дороге, что вела к почтовому ящику. И он не ошибся там, у родника, сказал он себе, пусть даже это кажется невероятным. Крыло у бабочки и вправду было порванное, смятое и блеклое. Сначала он действительно увидел покалеченную бабочку, а потом вдруг крыло стало целехоньким, и она улетела прочь.

ГЛАВА 8

Уинслоу Грант не опоздал.

Добравшись до почтового ящика, Инек увидел вдали облако пыли, поднятое его развалюхой, подпрыгивающей на ухабах дороги. В этом году вообще пыльно, подумал Инек, поджидая Уинслоу. Дождей выпало мало, и это сказалось на урожае. Хотя, по правде говоря, не так уж много осталось обработанных земель в здешних местах. Было время, вдоль дороги одна за другой тянулись небольшие фермы, на которые приятно было поглядеть: красные сараи, белые дома. Но теперь почти все они стояли заброшенные и опустевшие. Краска на сараях и домах облезла, и теперь постройки были не красные или белые, а одинаково серые от непогоды. Крыши просели, люди ушли. До прибытия Уинслоу осталось совсем немного; Инек ждал. Почтальон, может быть, остановится у ящика Фишеров, сразу за поворотом, хотя Фишеры, как правило, почти не получали писем — разве что рекламные проспекты и прочую ерунду, которая рассылается всем без разбору сельским жителям. Фишеров, впрочем, такая корреспонденция мало волновала: иногда они не забирали почту по нескольку дней. И если бы не Люси, которая обычно бегала к ящику, они бы вообще ее не брали. Таких лодырей, как Фишеры, думал Инек, еще надо поискать. И дом, и все их постройки столько лет уже держатся на честном слове, что, того и гляди, рухнут. На своем запущенном участке они высаживали кукурузу, которую заливали каждый раз, когда поднималась вода в реке. Сено Фишеры косили на заливном лугу в долине. Из живности держали двух костлявых лошадей, с полдюжины тощих коров и несколько кур. Машина-развалюха да спрятанная где-то в зарослях у реки самогонная установка — вот, пожалуй, и все хозяйство. Они, конечно, охотились, ловили рыбу, ставили капканы, но от случая к слу-

чаю — в общем, совершенно безалаберный народ. Хотя, если поразмыслить, соседи они вроде бы и неплохие. Занимаются своими делами и никого особенно не беспокоят, разве что изредка выбираются всем кланом и ходят по окрестностям, раздавая брошюры никому не известной секты фундаменталистов, в которую Ма Фишер записалась несколько лет назад на ярмарке в Милвилле.

Уинслоу не остановился у ящика Фишеров и в облаке пыли вылетел из-за поворота. Подъехав к Инеку, он резко затормозил и выключил двигатель.

— Пусть остынет немного, — сказал он.

Мотор, охлаждаясь, начал пощелкивать.

— Ты сегодня прямо минута в минуту, — сказал Инек.

— Почты было мало, — ответил Уинслоу. — Проезжал мимо ящиков, даже не останавливаясь.

Он полез в сумку, стоявшую рядом с ним на сиденье, и достал перевязанную бечевкой пачку для Инека: несколько ежедневных газет и два журнала.

— Ты, я смотрю, много всякого выписываешь, — сказал он, — а писем почти не получаешь.

— Да кто же мне напишет? У меня никого не осталось.

— Но сегодня тебе пришло письмо.

Инек, не скрывая удивления, взглянул на пачку корреспонденции и тут только заметил уголок конверта, торчащего между журналами.

— Личное письмо, — добавил Уинслоу, причмокнув губами. — Не деловое. И не реклама.

Инек сунул пачку под руку, рядом с прикладом ружья.

— Наверное, какая-нибудь ерунда.

— А может, и нет, — сказал Уинслоу, и глаза его блеснули.

Он достал из кармана трубку, затем извлек кисет и неторопливо набил ее табаком. Мотор все еще пощелкивал. На безоблачном небе сияло солнце. Пыльная листва вдоль дороги источала душный, едкий запах.

— Я слышал, этот тип, что ищет женьшень, опять вернулся в наши места, — сказал Уинслоу, стараясь, чтобы фраза прозвучала обыденно, но в голосе его все равно послышались заговорщицкие нотки. — Дня три или четыре его не было.

— Может быть, уезжал продавать женьшень.

— Сдается мне, что он вовсе не женьшень ищет, — сказал почтальон. — Что-то другое.

— Он уже довольно давно тут...

— Начнем с того, — сказал Уинслоу, — что на женьшень теперь почти нет спроса, но даже если бы и был, так нет самого женьшеня. Вот раньше его хорошо покупали. Китайцы им вроде лечатся, но сейчас торговли с Китаем почти что нет. Помню, ког-

да я был мальчишкой, мы тоже ходили искать корешки. Они в ту пору нечасто попадались, но все же попадались...

Уинслоу откинулся на спинку сиденья, сосредоточенно потягивая трубку.

— Странно все это, — сказал он.

— Я ни разу этого человека не видел, — ответил Инек.

— Бродит по лесам, — продолжал Уинслоу, — собирает всякие растения. Я одно время думал, он какой-нибудь знахарь или колдун. Травы для разных там снадобий и все такое. И к Фишерам зачастил, хлещут там это их пойло да все о чем-то разговаривают. Колдовство сейчас не в почете, но я в эти вещи верю. На свете полно такого, что наука объяснить не в состоянии. Взять хотя бы дочку Фишера, глухонемую, — так вот она умеет заговаривать бородавки.

— Я тоже слышал, — сказал Инек и подумал: «Не только это. Она еще умеет лечить бабочек».

Уинслоу наклонился вперед:

— Чуть не забыл. У меня для тебя еще кое-что есть.

Он поднял с пола машины коричневый бумажный сверток и протянул Инеку:

— Не посылка. Это я сам для тебя сделал.

— Да? Спасибо. — Инек взял сверток из его рук.

— Можешь развернуть, — сказал Уинслоу. — Посмотришь, что там такое.

Инек медлил.

— Стесняешься, что ли? Открывай.

Инек разорвал бумагу и увидел деревянную статуэтку двенадцати дюймов высотой, изображавшую его самого. Светлое, медового цвета дерево сияло на солнце, словно золотистый кристалл. Он шагнул, удерживая винтовку под рукой и чуть наклонившись против ветра, морщившего куртку и брюки.

Инек даже дар речи потерял, так его поразила статуэтка.

— Уинс, — сказал он наконец, — я такой красоты в жизни не видывал.

— Я ее вырезал из того полешка, что ты дал мне прошлой зимой, — сказал почтальон. — Материал, скажу тебе, отменный, первый раз такой попался. Твердое дерево почти без волокон. Не колетса, не ломается. Режешь по нему, и получается то, что надо. А полируется, считай, само, пока режешь; просто руками потереть, и больше ничего не требуется.

— Ты не представляешь себе, как много это для меня значит.

— За эти годы ты мне много всяких чурбачков подарил. Дерево, какого здесь никто никогда не видел. Все — высочайшего качества и очень красивое. Так что я подумал, пора мне что-то и для тебя сделать.

— Ты и так для меня много делаешь, — сказал Инек. — Возишь из города все, что ни попрошу...

— Инек, — сказал Уинслоу, — я к тебе очень хорошо отношусь. Не знаю, кто ты, и не собираюсь спрашивать, но, кто бы ты ни был, отношусь я к тебе очень хорошо.

— Я бы рад рассказать тебе, но нельзя.

— Ну и ладно, — сказал Уинслоу, усаживаясь поудобнее за рулем. — Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно знать, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша, — пример того, как жить в согласии, — мир был бы куда лучше.

— А пока в мире не очень-то спокойно, — с серьезным видом поддержал его Инек.

— Да уж куда там, — ответил почтальон и завел мотор.

Машина двинулась вниз по холму, волоча за собой шлейф пыли. Инек долго смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на деревянную статуэтку.

Человек, похоже, шел по гребню холма, открытому ветру, и чуть пригнулся, чтобы выдержать его бешеный напор.

«Почему Уинслоу изобразил меня именно так? — недоумевал Инек. — Что он такое разгадал во мне, изобразив шагающим навстречу ветру?»

ГЛАВА 9

Положив винтовку и почту на пыльную траву, Инек снова аккуратно завернул статуэтку. Он поставит ее на каминную полку или, еще лучше, на кофейный столик, что у его любимого кресла, рядом с письменным столом. Хочется, признавался он самому себе немного смущенно, чтобы статуэтка всегда стояла рядом, чтобы можно было смотреть на нее или подержать в руке, когда захочется. Подарок почтальона согрел душу, вызывая у него глубокое радостное чувство. Отчего это, почему он так разволновался?

Вовсе не потому, что редко получал подарки. Практически ни одна неделя не проходила без того, чтобы кто-то из инопланетных путешественников не оставил ему подарка. Они стояли и лежали по всему дому, а в похожем на пещеру подвале занимали целую стену, от пола до потолка. Может быть, говорил он себе, дело в том, что это подарок жителя Земли, такого же, как он сам?

Инек сунул сверток со статуэткой под руку, другой подхватил винтовку, пачку газет и журналов и направился домой по изрядно заросшей тропе — когда-то она была дорогой до фермы и по ней свободно проезжала повозка.

Между колеями буйно разрослась густая трава, но сами колени так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбова-

ли их окованные железом колеса старинных фургонов, что там до сих пор не могло укорениться ни одно растение. Кусты по обеим сторонам дороги, расплзшиеся от края леса по всему полю, вымахали в рост человека, а кое-где и выше, и получилось вроде зеленого коридора.

Но в некоторых местах, непонятно почему, — может, почва другая, да и мало ли какие еще бывают капризы у природы, — кустарник редел и сходил на нет, оставляя большие окна, откуда с гребня холма можно было увидеть всю речную долину.

В одном из таких просветов Инек и уловил блик среди деревьев на краю старого поля, неподалеку от ручья, где он повстречал Люси. Он нахмурился и остановился на тропе, ожидая повторения, но больше там ничего не мелькнуло.

Видимо, один из наблюдателей с биноклем. И этот блик — просто отраженное от линзы солнце.

Кто они? И почему следят за ним? Это ведь продолжается довольно долго, но, как ни странно, они только наблюдают, не предпринимая никаких действий, и ни один из них даже не пытался к нему приблизиться, познакомиться с ним, хотя это было бы вполне естественно и так просто сделать. Если им — кто бы это ни был — хотелось поговорить с ним, они могли устроить вроде бы совершенно случайную встречу во время одной из его утренних прогулок.

Но, как видно, у них пока такого желания не возникло.

Чего же, гадал Инек, они хотят? Наверное, изучают его привычки. Но для этого, подумал он, криво усмехнувшись, им вполне хватило бы первых десяти дней наблюдений.

А возможно, они ждут какого-то события, которое поможет им понять, чем он занимается. Хотя тут их наверняка постигнет разочарование: они могут наблюдать хоть тысячу лет подряд и все равно ни о чем не догадаются.

Инек отвел взгляд от просвета в зеленой стене и зашагал по дороге, озадаченный и обеспокоенный своими наблюдениями.

Может быть, думал Инек, они не пытались вступить в контакт из-за разных историй, которые им могли рассказать. Историй, о которых никто, даже Уинслоу, ему не говорит. Интересно, что напридумывали за долгие годы люди, жившие по соседству? Всякие небылицы, что рассказывают у камина и слушают, затаив дыхание?

Возможно, это и к лучшему, что он не знает, какие о нем рассказывают байки, хотя они наверняка существуют. И то, что наблюдатели не вступают с ним в разговор, тоже, может быть, к лучшему. Пока контактов нет, он все еще в безопасности. Пока нет вопросов, не надо на них и отвечать.

Вы действительно, спросят они, тот самый Инек Уоллис, что в 1861 году отправился сражаться за Эйба Линкольна? И

на этот вопрос есть только один ответ. Да, скажет он, я именно тот человек.

Но это, пожалуй, единственный вопрос, на который он сможет ответить правдиво. Во всех остальных случаях обязательно придется вилить или отмалчиваться.

Они спросят, почему он с тех пор не изменился? Почему он остается молодым, когда все люди стареют? Не может же он объяснить им, что стареет только вне станции; что стареет только час, когда выходит на прогулку, час или около того, когда работает на огороде, и пятнадцать минут, когда сидит на ступенях крыльца, любуясь закатом. Но едва он возвращается на станцию, процесс старения прекращается, и его организм возвращается в прежнее состояние.

Конечно же, он не может им этого рассказать. Как не может рассказать и многое другое. Возможно, наступит день, когда они придут к нему с вопросами, и тогда, он знал, придется бежать от них и скрыться в стенах станции, полностью отрезав себя от мира.

Такой поворот событий не вызовет осложнений, поскольку он может жить внутри станции, не испытывая никаких неудобств. Недостатка у него не будет ни в чем: инопланетяне предоставят ему все удобства для жизни. Время от времени Инек, конечно, покупал земные продукты через Уинслоу, который привозил его заказы из города, но только потому, что ему иногда хотелось простой земной пищи, памятной с детства или со времен военных походов.

Но даже и такие продукты он мог бы получать с помощью дубликации. Для этого достаточно отправить кусок бекона или дюжину яиц на другую станцию, где они останутся в качестве образцов, а копии ему будут высылаться по мере необходимости.

Инопланетяне не могут предоставить ему только одного — общения с человечеством, которое он поддерживает через Уинслоу и почту. Оставшись внутри станции, он будет полностью отрезан от знакомого мира, поскольку газеты и журналы — единственная ниточка, которая связывает его с Землей. Радио на станции просто не работает из-за помех, создаваемых аппаратурой.

Он не будет знать, что происходит вокруг, не будет знать, как идут дела во всем мире. Это, конечно же, отразится на работе над таблицей, но кому она тогда будет нужна? Впрочем, сказал он себе, она и сейчас почти бесполезна, поскольку он не уверен, что правильно учитывает все факторы.

Но самое главное — ему будет недоставать той маленькой части окружающего мира, что знакома ему до последнего камушка, того маленького уголка планеты, где он совершает свои прогулки. Может быть, эти самые прогулки более, чем все остальное, позволяли ему оставаться человеком, жителем Земли.

Он никак не мог решить для себя, насколько это важно — оставаться жителем Земли со всеми его мыслями и чувствами, оставаться частичкой человечества. Может быть, это и ни к чему. Может быть, он ведет себя слишком провинциально, цепляясь так долго за старую родную планету, — ведь ему открыта вся Галактика. Не исключено, что из-за этого провинциализма он даже что-то теряет.

Однако Инек знал, что не в силах будет отвернуться от родной Земли. Он слишком любит свою планету, сильнее, может быть, чем те люди, которым не довелось, как ему, соприкоснуться с далекими загадочными мирами. Человек, говорил он себе, должен быть к чему-то привязан, должен быть верен чему-то, должен себя с чем-то отождествлять. Галактика слишком велика, чтобы остаться с ней один на один, без опоры и поддержки.

Над поросшей высокими травами поляной пронесся жаворонок и взмыл в небо. Инек прислушался, ожидая, что с высоты польются стремительные переливчатые трели, но птица молчала: весна уже давно прошла.

Инек двинулся дальше по дороге, и вскоре впереди показалось строгое здание станции, оседлавшее холм.

Странно, что он воспринимает это здание не как дом, а только как станцию, подумал Инек. Хотя на самом деле ничего удивительного тут, может быть, и нет: станцией оно прослужило дольше, чем домом. Что-то в нем чувствовалось вызывающе-непоколебимое, словно здание уселось на холме навсегда. Но, собственно говоря, если понадобится, оно простоит там целую вечность, ибо ничто не может причинить станции вред.

Если он будет вынужден когда-нибудь остаться в стенах станции, она выдержит любые попытки узнать ее природу. Ни отколоть кусочек, ни оцарапать, ни разрушить ее просто невозможно. Люди не смогут сделать ровным счетом ничего. Любые наблюдения, предположения, попытки анализа не принесут им ничего нового, кроме понимания, что на вершине холма стоит в высшей степени необычное строение. Потому что оно в состоянии выдержать любое воздействие, кроме, пожалуй, термоядерного взрыва, а может, и его тоже.

Зайдя во двор, Инек обернулся и взглянул в сторону рощицы, где он заметил блик, но не увидел ничего такого, что выдавало бы наблюдателя.

ГЛАВА 10

В помещении станции жалобно свистел аппарат связи.

Инек повесил ружье на место, положил почту и статуэтку на стол и подошел к аппарату в другом конце комнаты. Нажал кноп-

ку, передвинул рычажок, и свист прекратился. На экране возник текст:

Номер 406302 станции 18327. Прибуду рано вечером по твоему времени. Приготовь горячий кофе. Улисс.

Инек улыбнулся. Улисс и его кофе! Он оказался единственным инопланетянином, которому понравилось хотя бы что-то из земной еды и напитков. Другие тоже пробовали разок-другой, но им ничего не нравилось.

У них с Улиссом вообще сложились странные отношения. Они с самого начала прониклись друг к другу теплыми чувствами, еще с того дня, когда сидели вдвоем на ступенях крыльца перед началом грозы и с лица Улисса сползла человеческая маска, скрывавшая его истинный облик.

Под ней оказалось ужасное лицо — некрасивое, даже отталкивающее. Лицо, как подумалось Инеку, жестокого клоуна. Хотя еще в тот момент он удивился возникшему сравнению, потому что жестоких клоунов не бывает. Однако вот он — лицо в цветных пятнах, плотно сжатые тяжелые челюсти, узкая щель рта.

Потом Инек увидел глаза, и это сразу изменило впечатление. Большие, добрые глаза, светившиеся пониманием, — существо словно тянулось к нему взглядом, как земной человек протянул бы руку дружбы.

Стремительно налетел дождь, прошелестел по траве, потом забарабанил по крыше сарая, а потом косая пелена придвинулась еще ближе, и дождевые капли ожесточенно застучали по участку, вколачивая в землю пыль, а перепачканные куры испуганно бросились под навес.

Инек вскочил и, схватив гостя за руку, втащил под крышу. Они стояли, глядя друг на друга, и Улисс потянул за обвисшие края маски, обнажая лысую голову, похожую на тупую пулю, и расцветенное лицо, словно у разъяренного индейца, что вышел на тропу войны, хотя в нем все же было что-то клоунское, какие-то нелепые мазки тут и там, точно лицо это являло собой гротескный образ войны, нелепого и бессмысленного занятия. Но мгновение спустя Инек понял, что это не грим, а естественная пигментация существа, прилетевшего из невообразимой звездной дали.

Конечно, он был удивлен, растерян, но ни на минуту не усомнился, что перед ним и вправду неземное существо. Не человек. Фигура человеческая: две руки, две ноги, голова, лицо. И в то же время было в нем что-то нечеловеческое, отталкивающее, чуждое.

В древности, подумал Инек, его, возможно, приняли бы за демона, но давно уже минуло то время (хотя, как знать, может, еще не везде), когда люди верили в демонов, призраков и прочую нечисть, что в представлении людей некогда обитали на Земле.

Пришелец со звезд, значит. Может, так оно и есть. Хотя это просто не укладывалось у Инека в голове. Такое не представить даже самой смелой фантазии. Не знаешь, что и делать, — ни примеров, ни правил для такой ситуации нет. В голове пустота, полная пустота! Может, со временем и осенит какая-нибудь мысль, но пока одно безмерное, бесконечное удивление.

— Не торопитесь, — произнес пришелец. — Я понимаю, вам нелегко. Только не знаю, чем вам помочь. Я даже не могу убедительно доказать, что действительно прилетел оттуда.

— Но вы так хорошо говорите...

— Вы имеете в виду, на вашем языке? Это совсем несложно. Если бы вы знали, как много во всей Галактике различных языков, то поняли бы, насколько несложно. Ваш язык относительно прост. В нем отсутствует множество понятий — с какими-то явлениями людям просто не приходилось еще сталкиваться.

Возможно, так оно и есть, подумал Инек.

— Если вы хотите, — сказал пришелец, — я могу уйти дня на два, чтобы дать вам время поразмыслить. А потом, когда вы все обдумаете, вернусь.

Инек улыбнулся и почувствовал, что улыбка у него получилась натянутая, деревянная.

— Мне как раз хватит времени, чтобы разнести новость по всей округе. И когда вы возвратитесь, тут будет ждать засада.

Пришелец покачал головой:

— Уверен, что вы этого не сделаете, и готов рискнуть. Если вы хотите...

— Нет, — ответил Инек спокойно и сам удивился своему спокойствию. — Если уж на тебя что свалилось, то решать надо сразу. Это я еще на войне понял.

— Отлично, — сказал пришелец. — Просто отлично. Я не ошибся в вас и могу этим гордиться.

— Не ошиблись?..

— Не думаете же вы, что я пришел сюда наугад? Я много знаю о вас, Инек. Почти столько же, сколько знаете о себе вы сами. А может быть, и больше.

— Вы знаете, как меня зовут...

— Конечно.

— Ладно, — сказал Инек. — А как зовут вас?

— Этот вопрос вызывает у меня крайнее смущение, — ответил пришелец, — потому что у меня нет имени как такового. Есть опознавательный признак, соответствующий предназначению моей расы, но его невозможно передать словами.

Непонятно почему, но Инек вдруг вспомнил сутулую фигуру человека, сидящего на верхней перекладине ограды с палкой в одной руке и складным ножом в другой. Человек спокойно обстругивал палку. Над головой его свистели пушечные ядра, а все-

го в полумиле от него трещали мушкеты, изрыгая свинец и клубы порохового дыма, поднимавшегося над рядами солдат...

— Вам нужно имя, — сказал Инек. — Пусть это будет имя Улисс. Должен же я как-то вас называть.

— Согласен, — ответил пришелец. — Но могу я спросить, почему именно Улисс?

— Потому что это имя великого представителя моего народа.

Дико, конечно. Они нисколько не были похожи — сутуловатый американский генерал времен Гражданской войны и это существо, что стояло напротив Инека на крыльце.

— Вот мы и познакомились. Я рад, что теперь у меня есть имя, — произнес Улисс. — Мне кажется, оно звучит возвышенно и благородно, и, между нами говоря, я буду даже счастлив носить это имя. А тебя я буду звать просто Инек, как водится между друзьями, — ведь нам предстоит работать вместе много твоих лет.

Мало-помалу к Инеку возвращалось трезвое понимание происходящего, и ему стало немного не по себе. Может быть, и к лучшему, подумал он, что сначала меня все это так ошарашило. Я даже не мог понять, в чем дело.

— Что ж, может, и так, — сказал он, инстинктивно сопротивляясь подсказываемому сознанием выводу, уж слишком быстро теснящему привычный ход мыслей. — Я могу предложить тебе перекусить. И приготовлю кофе.

— Кофе... — Улисс причмокнул тонкими губами. — У тебя есть кофе?

— Я сделаю большой кофейник. И разобью туда сырое яйцо, чтобы осела гуща.

— Замечательно! — воскликнул Улисс. — Сколько я напитков перепробовал на разных планетах, но кофе мне понравился больше всего.

Они прошли на кухню. Инек поворошил угли в печке и подбросил еще несколько поленьев. Затем налил в кофейник воды и поставил его на огонь. Принес из кладовой яйца и слазил в подпол за окороком. Улисс сидел неподвижно в кресле и наблюдал за его действиями.

— Ты ешь ветчину и яйца? — спросил Инек.

— Я ем все, — ответил Улисс. — Моя раса очень легко приспосабливается к чему угодно. По этой причине меня и послали на твою планету в качестве... Как это называется?.. Высматривателя?

— Разведчика, — подсказал Инек.

— Да, верно. Разведчика.

Инек удивился, что с ним так легко разговаривать — почти как с обычным человеком, хотя, видит Бог, на человека Улисс совсем не походил. Скорее, на какую-то дикую карикатуру человека.

— Ты уже так долго живешь здесь, — сказал Улисс, — и, наверное, любишь свой дом?

— Я тут родился. Правда, отсутствовал четыре года, но родной дом всегда родной.

— Я тоже жду не дождусь, когда смогу вернуться домой. Давно я там не был. Но такие задания, как это, всегда отнимают много времени.

Инек положил на стол нож, которым резал ветчину, и тяжело опустился на стул, глядя на Улисса, сидящего по другую сторону стола.

— Ты отправишься домой?

— Конечно, — ответил Улисс. — Я почти закончил свою работу, и у меня тоже есть дом. А ты как думал?

— Не знаю, — тихо произнес Инек. — Я еще ничего об этом не думал.

Вот оно как... Ему и в голову не пришло, что у такого существа тоже может быть дом. Дом, в его представлении, мог быть только у человека.

— При случае, — сказал Улисс, — я расскажу тебе о своем доме, и, возможно, ты даже будешь когда-нибудь моим гостем.

— Там, среди звезд...

— Сейчас тебе все кажется странным, — сказал Улисс. — Ты не сразу привыкнешь. Но, узнав нас лучше — всех нас, — ты многое поймешь. И я надеюсь, мы понравимся тебе. Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи.

Звезды, застывшие в одиночестве космоса... Инек даже представить себе не мог, насколько они далеки, и что они такое, и для чего существуют. Другой мир — нет, неверно! — много других миров. И там живут люди. Много других людей. Самые разные люди на каждой из этих звезд. И один из них сидит у него в кухне, ждет, когда закипит вода в кофейнике и поджарится яичница с ветчиной.

— Но почему?.. — спросил Инек. — Зачем я тебе нужен?

— Мы все — путешественники. И нам нужна здесь пересадочная станция. Мы хотели бы превратить этот дом в станцию, а ты стал бы ее смотрителем.

— Этот дом?

— Мы не можем построить новую станцию, потому что твои люди начнут задавать вопросы: кто строит, для чего? Мы вынуждены использовать уже существующие строения и переделывать их для наших целей. Но только внутри. Снаружи мы оставляем все, как есть. Я хочу сказать, внешний вид остается прежним. Мы не хотим, чтобы кто-то задавал вопросы. Это важно...

— А путешествия?

— Мы путешествуем от звезды до звезды быстрее, чем ты можешь об этом подумать, — сказал Улисс. — Быстрее, чем ты

моргнешь. У нас есть то, что ты назвал бы машинами. Но это не машины, во всяком случае не те, которые ты знаешь.

— Извини, — произнес Инек в замешательстве, — но все это кажется совершенно невероятным.

— Ты помнишь, когда в Милвилл пришла железная дорога?

— Помню. Я тогда был совсем еще мальчишкой.

— Тогда представь себе: это просто еще одна железная дорога, и Земля на ней — просто городок, а твой дом — станция для новой, необычной дороги. Разница только в одном: никто на Земле, кроме тебя, не будет знать о существовании новой дороги. И этой станции. Совсем маленькая станция — место, где можно немного отдохнуть и пересесть на другой поезд. Однако на Земле никто не сможет купить на него билет.

В таком виде, конечно, это звучало просто, но Инек чувствовал, что на самом деле все несравненно сложнее.

— Вагоны в космосе? — спросил он.

— Не вагоны, — ответил Улисс. — Это нечто совсем иное, и я даже не знаю, как тебе объяснить...

— Может, тебе стоит подыскать кого-то другого. Кого-то, кто сможет понять.

— Пока что на этой планете нет никого, кто сумел бы понять меня пусть даже приблизительно. Так что, Инек, ты устраиваешь нас так же, как любой другой. И во многих отношениях даже больше, чем любой другой.

— А знаешь...

— Ты что-то хотел сказать?

— Нет, ничего.

Он просто вспомнил, как сидел на крыльце и думал о том, что остался совсем один и надо начинать новую жизнь. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала.

И вдруг вот оно, — начало — удивительное, пугающее. Такое не привиделось бы ему даже в самом безумном сне!

ГЛАВА 11

Инек отправил сообщение в архив и послал подтверждение:
Номер 406302 получен. Кофе на плите. Инек.

Убрав текст с экрана, он подошел к приготовленному перед уходом жидкостному контейнеру номер три. Проверил температуру и уровень раствора, еще раз убедился, что контейнер надежно закреплен под материализатором.

После этого Инек прошел ко второму материализатору, стоявшему в углу, — для официальных визитов и аварийных ситуаций — и внимательно проверил приборы. Как всегда, все было в порядке, но Инек обязательно осматривал материализатор перед

каждым визитом Улисса. Сам он, конечно, починить его не мог, и в случае поломки ему полагалось просто послать срочное сообщение в Галактический Центр, после чего на станцию через рейсовый материализатор явился бы кто-нибудь, кто в состоянии справиться с этой задачей.

Такой порядок объяснялся тем, что материализатор для официальных визитов и аварийных ситуаций предназначался только для тех целей, какие предполагало название: для визитов сотрудников Галактического Центра и для возможных непредвиденных обстоятельств. И управление осуществлялось не со станции, а из Галактического Центра.

В качестве инспектора этой и нескольких других станций Улисс имел право пользоваться материализатором в любое время и без уведомления. Но за все годы их дружбы, вспоминал Инек с гордостью, Улисс ни разу не забыл предупредить его о предстоящем визите. Своего рода знак внимания, и, как Инек знал, его заслужили далеко не все станции огромной транспортной сети Галактики, хотя наверняка есть смотрители, к которым в Галактическом Центре относятся с таким же уважением.

Сегодня, подумал Инек, он, может быть, расскажет Улиссу о начавшейся слежке. Наверное, следовало сделать это раньше, но очень уж не хотелось все это объяснять, — ведь тем самым он признал бы, что человечество может создать для галактической системы какие-то сложности.

Безнадежное дело, конечно, эта его одержимость, стремление доказать, что люди Земли добры и разумны. Потому что они довольно часто бывают и не добры, и не разумны. Человечество, наверное, просто еще не повзрослело. Да, земляне стремительно прогрессируют, они, случается, проявляют друг к другу сострадание и даже способны понять друг друга, но как же жалки их достижения во многих других областях...

Если бы только появился у людей шанс, говорил себе Инек, если бы как-то помочь им, если дать понять, какой огромный мир там, в космосе, тогда бы они спохватились, поумнели, и со временем их приняли бы в огромное братство звездных народов.

А когда их примут, они докажут, что достойны его, и многое смогут свершить, потому что люди — еще молодая раса, энергичная. Порой даже слишком энергичная.

Инек тряхнул головой, прошел через комнату и сел за стол, затем освободил пачку газет и журналов от бечевки, которой их перевязал Уинслоу, и разложил почту на столе: несколько ежедневных газет, еженедельник новостей, два журнала — «Природа» и «Наука» — и письмо.

Отодвинув газеты в сторону, он взял в руки письмо: авиа, на штемпеле — Лондон, а над обратным адресом — незнакомое ему имя. Странно, с чего это вдруг незнакомый человек пишет ему из

Лондона? Впрочем, напомнил он себе, любой человек из Лондона или еще откуда-нибудь будет для него незнакомым. Ни в Лондоне, ни где-то еще он никого не знает.

Инек разрезал конверт, развернул листок и пододвинул лампу поближе, чтобы свет падал прямо на письмо. Он прочел:

«Уважаемый сэръ, я подозреваю, что Вы меня не знаете, но я один из редакторов британского журнала «Природа», который Вы выписываете много лет подряд. Я не воспользовался редакционным бланком, поскольку это письмо личное, неофициальное, и, возможно, даже несколько бестактное.

Вам, быть может, будет небезынтересно узнать, что Вы являетесь нашим старейшим подписчиком. Уже более восьмидесяти лет мы высылаем Вам наш журнал.

Понимая, что это, строго говоря, меня не касается, мне все же хотелось бы спросить у Вас, выписываете ли Вы весь этот срок журнал сами или его выписывал в свое время Ваш отец (или кто-то из близких), а Вы просто оставили подписку на его имя?

Мой вопрос, безусловно, свидетельствует о непрошеном и непростительном любопытстве, поэтому, если Вы, сэръ, предпочтете оставить его без ответа, — это, разумеется, Ваше право, и Вы поступите вполне естественно. Однако, если Вы все же сочтете возможным ответить мне, я буду Вам чрезвычайно признателен.

В свое оправдание могу только сказать, что я проработал в журнале очень долгое время и испытываю определенную гордость оттого, что кто-то считал его достойным внимания более восьмидесяти лет подряд. Честно говоря, я сомневаюсь, что многие издания могут похвастаться столь продолжительным интересом со стороны одного человека.

Позвольте заверить Вас в моем бесконечном уважении.

Искренне Ваш».

И подпись.

Инек отодвинул письмо в сторону.

Вот оно, снова, подумал он. Еще один наблюдатель. Впрочем, вежливый и корректный. Никаких осложнений здесь, скорее всего, не будет.

Но тем не менее это еще один наблюдатель, который его заметил, который заинтересовался, обнаружив, что один и тот же человек выписывает журнал в течение восьмидесяти с лишним лет.

С годами таких любопытствующих будет все больше и больше. Видимо, ему следует беспокоиться не только из-за наблюдателей, засевших вокруг станции, — ведь сколько еще будет других! Человек, как бы он ни старался, не может спрятаться от мира. Рано или поздно мир его заметит и соберется у порога его

жилища сгорающей от любопытства толпой, чтобы узнать, почему он прячется.

Инек отдавал себе отчет в том, что времени у него почти не осталось. Толпа уже подступала к порогу.

«Что им от меня нужно, — думал он. — Может быть, они отстанут, если объяснить им, в чем дело?» Но объяснить-то он как раз и не мог. Даже если рассказать им правду, все равно найдутся такие, что не уйдут, не отвяжутся...

Материализатор в другом конце комнаты подал сигнал, и Инек обернулся.

Прибыл путешественник с Турбана. В контейнере плавала темная шарообразная масса, а над ней покачивался на поверхности раствора какой-то прямоугольный предмет.

Видимо, багаж, подумал Инек. Хотя в сообщении говорилось, что путешественник будет без багажа. Он заторопился к контейнеру и на полпути услышал доносящиеся из контейнера частые щелчки — гость с Турбана заговорил:

— Подарок. Для тебя. Мертвое растение.

Инек уставился на плавающий в контейнере куб.

— Возьми, — прощелкал инопланетянин. — Это тебе.

В ответ Инек неуверенно простучал пальцами по прозрачной стенке контейнера:

— Благодарю тебя, милостивый странник.

Назвав это шарообразное существо «милостивым странником», он тут же засомневался, правильное ли выбрал обращение. За долгие годы он так и не разобрался до конца в тонкостях галактического этикета и иногда допускал ошибки. С некоторыми существами полагалось разговаривать таким вот цветистым стилем (само обращение тоже зависело от каждого конкретного случая), с другими можно было общаться при помощи вполне обычных, простых слов.

Инек склонился над контейнером, извлек куб и увидел, что это кусок тяжелой древесины — черной, как эбеновое дерево, и такой плотной, что поверхность ее казалась гладкой, будто камень. Инек усмехнулся про себя: благодаря Уинслоу он уже стал, в некотором роде, экспертом, понимает толк в дереве.

Положив куб на пол, он повернулся к контейнеру.

— Не объяснишь ли ты мне, — обратился к нему инопланетянин, — для чего оно вам нужно? У нас это совершенно бесполезная вещь.

Инек помедлил, тщетно пытаясь отыскать в памяти код, соответствующий слову «вырезать».

— Для чего же? — повторил гость.

— Прошу прощения, милостивый странник. Я не очень часто пользуюсь этим языком. Мне не хватает слов.

— Пожалуйста, не называй меня «милостивым странником». Я самое обычное существо.

— Мы придаем ему форму, — простучал Инек. — Другую форму. Если ты обладаешь способностью видеть, я могу показать тебе такую вещь.

— Нет, я не обладаю этой способностью, — ответил гость. — Мы можем многое другое, но видеть нам не дано.

Прибыл путешественник с Турбана в форме шара, но теперь он начал медленно растекаться в стороны.

— Ты, — прощелкал он, — существо двуногое?

— Да.

— Твоя планета твердая?

Твердая? А, твердая или жидкая — вот что интересуется гостя, догадался Инек.

— Поверхность на одну четверть твердая. Оставшаяся часть покрыта жидкостью.

— Моя планета почти вся жидкая. Совсем мало тверди. Очень удобный мир.

— Я хотел задать тебе вопрос, — простучал Инек.

— Спрашивай.

— Ты математик? Я имею в виду, вы все математики?

— Да, — ответило существо. — Занятие математикой — превосходный отдых.

— Ты хочешь сказать, что вы не используете математику в практических областях?

— Когда-то использовали. Но теперь в этом нет необходимости. Все, что нам нужно, у нас уже есть. Теперь это отдых.

— Я слышал о вашей системе счисления...

— Она сильно отличается от тех, что распространены на других планетах. Наша система гораздо лучше.

— Ты можешь рассказать мне о ней?

— А ты знаком с системой счисления, которой пользуются жители Полариса-VII?

— Нет, — ответил Инек.

— Тогда это бессмысленно. Сначала нужно изучить их систему.

Вот так, подумал Инек. Этого следовало ожидать. В Галактике накоплено так много знаний, а он ознакомился лишь с крохотной их частью и при этом понял только малую долю того, с чем ознакомился.

Однако на Земле есть люди, которые способны понять гораздо больше. Люди, которые отдадут последнее даже за то немногое, что стало доступно ему, и наверняка найдут способ употребить эти знания в дело.

Там, среди звезд, накопился колоссальный запас знаний и новые открытия в развитие тех, что уже известны человечеству, и такие науки, о которых человечество еще даже не догадывается. Может быть, так и не догадается, если по-прежнему будет предоставлено самому себе.

Ну хорошо, пройдет еще лет сто... Сколько нового узнает он за сто лет? За тысячу?

— Теперь я хочу отдохнуть, — прощелкал гость с Турбана. — Приятно было с тобой поговорить.

ГЛАВА 12

Повернувшись к контейнеру спиной, Инек поднял с пола брусок. На полу осталась маленькая блестящая лужица натекшей с него жидкости.

Он отнес подарок к окну в противоположном конце комнаты и принялся внимательно его разглядывать: черная тяжелая древесина с очень плотной структурой, в одном месте остался кусок коры. Видно было, что куб опилен со всех сторон. Кто-то подгонял размеры, чтобы он тут, на станции, поместился в контейнер.

Инеку вспомнилась статья, которую он прочел в одной газете всего день или два назад. Автор этой статьи, ученый, утверждал, что на планетах, не имеющих суши, разумная жизнь возникнуть не может.

Разумеется, ученый ошибался, потому что цивилизация Турбана-VI возникла именно на такой планете, и в галактическое содружество входило много других миров, поверхность которых сплошь покрыта жидкостью. Человечеству, если оно когда-нибудь узнает о существовании галактической культуры, предстоит не только учиться, но во многом еще и переучиваться.

Например, представление о том, что скорость света — это предел...

Если бы ничто не могло двигаться быстрее света, галактическая транспортная система была бы просто невозможна.

Однако не стоит слишком строго судить за это человечество, напомнил себе Инек. Наблюдения — это единственный способ получения данных, посредством которого человек — или, если на то пошло, кто угодно — может делать выводы о природе Вселенной. И поскольку человечество пока не обнаружило ничего такого, что движется быстрее света, оно вправе предположить, что ничто и в самом деле не может двигаться быстрее. Но только предположить. Не больше.

Потому что импульсная система, переносившая путешественников от звезды к звезде, работала почти мгновенно независимо от расстояния...

Размышляя об этом, Инек признался себе, что даже ему самому порой с трудом в это верится.

Секунду назад существо, плавающее в контейнере, находилось в таком же контейнере на другой станции, где материализатор скопировал его целиком — не только тело, но и то

неуловимое нечто, делавшее его существом одушевленным, — а затем практически мгновенно перенес в виде импульса через бездну пространства в материализатор этой станции, воссоздавший и тело, и разум, и память, и жизнь существа, оставшегося за много световых лет отсюда и теперь уже мертвого. В контейнере возникло новое тело с новым разумом, памятью, жизнью — совершенно новое существо, но точно такое же, как и прежде. Его личность, его сознание остались неизменными, и лишь на ничтожно малое мгновение прервалось течение мысли, — так что существо это осталось во всех отношениях прежним.

Разумеется, возможности импульсной системы были не безграничны, но не скорость накладывала ограничения, поскольку импульс мог пересечь всю Галактику практически мгновенно. Проблема заключалась в том, что при определенных условиях характеристики импульса нарушались, и, чтобы воспрепятствовать этому, требовалось много пересадочных станций — многие тысячи станций. Пылевые облака, скопления межзвездного газа, области с высокой ионизацией — все это могло разрушить импульс, и в тех районах Галактики, где встречались подобные опасности, станции строились гораздо ближе друг к другу. Нередко их строителям приходилось прокладывать маршруты в обход больших концентраций газа или пыли, способных исказить сигнал.

Сколько уже безжизненных тел, подумал Инек, оставило это существо позади, на других станциях, расположенных вдоль пути его следования? Таких же безжизненных, каким станет это тело, плавающее в контейнере, спустя несколько часов, когда существо в виде импульса отправится дальше.

Длинная цепочка безжизненных тел, протянувшаяся среди звезд, — каждое из них должно быть уничтожено кислотой и смыто в глубинный резервуар, а само существо тем временем продолжает свой путь от станции к станции, пока не доберется туда, куда влечет его цель путешествия.

Но что, какие задачи влекут в дорогу жителей Галактики от станции к станции, через космическую бездну? Их так много, этих существ, а значит, и цели у них разные. Иногда из разговоров с гостями Инек узнавал о целях путешествия, но по большей части оставался в неведении, да и не считал он себя вправе вмешиваться.

Хозяин постоялого двора, думал Инек, хотя многим существам он и в такой роли не всегда нужен. Но во всяком случае, человек, который следит за надежностью станции, работает здесь, готовит, что надо, к приему путешественников и отправляет их дальше, когда подходит время. А также выполняет мелкие просьбы и поручения, если в этом возникает необходимость.

Инек взглянул на деревянный куб и представил себе, как обрадуется Уинслоу. Такое дерево — черное и плотное — попадалось крайне редко.

Как бы повел себя Уинслоу, если бы узнал, что его статуэтки вырезаны из дерева, выросшего на неизвестной планете за много световых лет от Земли? Должно быть, он не раз задавал себе вопрос, откуда берется такое дерево и как Инеку удастся его добывать. Но он никогда не спрашивал напрямую. Конечно же, Уинслоу чувствовал, что в этом человеке, который каждый день встречает его у почтового ящика, есть что-то странное. Но он ни о чем его не расспрашивал, никогда.

Видимо, потому, что они друзья, говорил себе Инек.

И этот кусок древесины, что он держал в руке, тоже свидетельство дружбы, — дружбы, установившейся между жителями звезд и обычным, незаметным смотрителем станции, затерявшейся в одном из спиральных рукавов Галактики, далеко-далеко от ее центра.

Очевидно, с годами по Галактике разнесся слух, что на этой станции есть смотритель, который коллекционирует экзотические породы дерева, — и он стал получать подарки. Не только от тех существ, которых он считал своими друзьями, но и от незнакомцев вроде этого, что отдыхал сейчас в контейнере.

Инек положил полешко на стол и подошел к холодильнику. Достал кусок выдержанного сыра, что привез Уинслоу несколько дней назад, и пакетик фруктов, который днем раньше подарил ему путешественник с Сирра-Х.

— Проверено, — сказал он Инеку. — Ты можешь употребить это в пищу без всякого вреда. Никакой опасности для метаболизма. Может быть, ты уже пробовал их раньше? Нет? Жаль. Восхитительный вкус. Если тебе понравится, я в следующий раз привезу еще.

Из шкафа рядом с холодильником Инек достал небольшую плоскую буханку хлеба — часть рациона, ежедневно предоставляемого Галактическим Центром. Хлеб, испеченный из неизвестной на Земле муки, слегка отдавал орехами и какими-то инопланетными специями.

Инек разложил все на кухонном столе — так он его называл, хотя на самом деле кухни как таковой в доме не было, — затем поставил на плиту кофейник и вернулся к письменному столу.

Раскрытое письмо все еще лежало посередине. Он сложил его и убрал в ящик.

Сняв коричневые обертки с газет, он отобрал «Нью-Йорк таймс» и сел читать в свое любимое кресло.

«Договоренность о новой мирной конференции» — значилось на первой же странице.

Кризис назревал уже больше месяца — последний из серии кризисов, что уже несколько лет подряд угрожали миру и спокойствию на Земле. И хуже всего, говорил себе Инек, это то, что большинство из них созданы искусственно, — то одна сторона, то

другая пытается добиться преимуществ в бесконечном шахматном матче силовой политики, начавшемся сразу после второй мировой войны.

В посвященных конференции статьях «Таймс» ощущался какой-то отчаянный, почти фаталистический подтекст, словно авторы, а может быть, и дипломаты, и все остальные непосредственные участники событий уже знали, что конференция ни к чему не приведет и, возможно, даже углубит кризис еще больше.

«Столичные обозреватели (писал один из сотрудников вашингтонского бюро «Таймс») отнюдь не убеждены, что конференция оттянет конфликт, как случилось на прошлых конференциях, или послужит продвижению вперед в спорных вопросах. Многие источники почти не скрывают, что конференция может вместо этого еще сильнее раздуть пламя вражды, так и не выработав в качестве компенсации каких-либо решений, которые откроют пути к компромиссу. Конференция, предположительно, должна предоставить возможность для трезвой оценки фактов и спорных доводов, однако сейчас мало кто верит, что предстоящая встреча послужит этой цели в полной мере».

Кофейник закипел, и Инек, отложив газету, бросился к плите, чтобы успеть его снять. Потом достал из шкафа чашку и поставил ее на стол.

Но прежде чем приняться за еду, он снова достал из ящика таблицу и развернул ее на письменном столе. В который раз уже его посетили сомнения, имеет ли она какую-либо практическую ценность, хотя временами ему казалось, что в определенных случаях таблица все же себя оправдывает.

Таблица основывалась на статистической теории, выработанной на Мицаре, но в силу природы изучаемого объекта он был вынужден заменить кое-какие величины и сместить влияние определенных факторов.

Поэтому Инек в тысячный раз задавал себе вопрос: не сделал ли он где-нибудь ошибку? Может быть, эти подстановки и замены свели достоверность результатов на нет? И если так, то каким образом он может исправить ошибки, чтобы восстановить объективность метода?

Вот они, факторы, думал Инек, все здесь: скорость прироста и численность населения Земли, смертность, официальные курсы денежных единиц, рост стоимости жизни, сведения о числе исповедующих различные религии, успехи медицины, прогресс технологий, темпы роста промышленного производства, состояние рынка рабочей силы, тенденции в мировой торговле и многие другие, включая даже то, что на первый взгляд может показаться не слишком важным, — цены, назначаемые на аукционах за про-

изведения искусства, передвижения населения во время отпусков и предпочитаемые районы отдыха, скорости транспортных средств и количества психических расстройств.

Он знал, что статистические методы, созданные математиками Мицара, пригодны для любых условий и для любых ситуаций, — но только если они применены правильно. Ему же пришлось подгонять модель ситуации на чужой планете к тому, что происходит здесь, на Земле. Не сказалась ли эта подгонка на работоспособности метода?

Инек снова взглянул на таблицу и вздрогнул. Если он нигде не ошибся, если все факты учтены правильно, если подгонка не нанесла ущерба самой концепции оценки, — то Земля движется к еще одной большой войне, к уничтожительной ядерной катастрофе...

Он отпустил края листа, и таблица сама свернулась в трубку.

Протянув руку, Инек взял плод, подаренный ему гостем с Сирра, и откусил. Покатал на языке, наслаждаясь необычным вкусом, и решил, что он действительно выше всяких похвал, как утверждало это странное, похожее на птицу существо.

Было время, когда он надеялся, что таблица, созданная на основе мицарской теории, подскажет ему если не способ покончить с войнами, то хотя бы путь к тому, как продлить мир. Но таблица ничем не могла ему помочь. Путь, который она указывала, неумолимо вел к войне. Сколько войн смогут еще вынести люди Земли? Никто, конечно, не ответит с уверенностью, но, вполне возможно, это будет последняя война. Сила оружия, которое люди готовятся пустить в ход, никем еще не проверена в полной мере, и ни один человек не знает точно, каковы могут быть последствия.

Когда-то люди сражались, держа все свое оружие в руках, и уже тогда война была достаточно страшна, но в любой современной войне смертоносный груз будет обрушиваться с небес, сметая с лица земли сразу целые города — не скопления войск, а города со всем их населением.

Инек протянул руку к таблице, но остановился. Какой смысл просматривать ее еще раз? Он и так помнит все наизусть. Никакого проблеска надежды! Он может корпеть над таблицей до второго пришествия, и это ничего не изменит. Никакой надежды. Над миром снова сгущались грозные тучи, и человечество неумолимо скатывалось к войне.

Он откусил еще кусочек — плод показался ему даже вкуснее. «В следующий раз, — сказала существо с Сирра, — я привезу тебе еще». Но, видимо, пройдет немало времени, прежде чем оно сюда вернется. А может быть, они никогда больше не увидятся. Многие путешественники показывались тут лишь единожды, хотя было и несколько таких, которые объявлялись чуть ли не каждую неделю, — постоянные посетители, они уже стали близкими друзьями.

Ему вспомнилась небольшая группа сиятелей, навестивших его много лет назад. В те далекие годы они заранее договаривались о длительных остановках на станции, чтобы можно было вволю посидеть за столом, поговорить с Инекком. Прибывали сиятели всегда словно на пикник — с огромными плетеными корзинами, полными всякой снеди и напитков.

Но в конце концов они перестали появляться. Инек уже давно не видел никого из них и грустил: с ними всегда было весело и интересно.

Инек выпил еще одну чашку кофе и все сидел за столом, вспоминая старые добрые времена, когда его посещала эта маленькая компания сиятелей.

Тут послышался легкий шорох, и, вскинув взгляд, он увидел на диване женщину в скромной юбке с кринолином, какие носили в шестидесятых годах прошлого века.

— Мэри! — удивленно воскликнул он, вскакивая на ноги.

Мэри улыбалась ему, как умела улыбаться только она одна. Какая она красивая, подумал Инек, с ней просто никто не сравнится.

— Мэри, — сказал он, — я так рад тебя видеть.

Тут Инек заметил, что в комнате появился еще один его друг: у камина стоял мужчина с пушистыми черными усами, в синей военной форме и с саблей на поясе.

— Привет, Инек! — сказал Дэвид Рэнсом. — Надеюсь, мы не помешали.

— Что ты! Как могут помешать двое лучших друзей!

Он стоял у стола, а вокруг него вставало прошлое, доброе, понятное прошлое, напоенное ароматом роз, прошлое, которое он не так уж часто вспоминал, но которое никогда его не покидало.

Откуда-то издалека доносились звуки флейты и барабана, бряцание оружия и амуниции, юноши уходили на войну под предводительством славного полковника при всех регалиях, гарцующего на великолепном черном скакуне; на порывистом июньском ветру реяли полковые знамена.

Инек прошел через комнату и остановился у дивана.

— Ты не возражаешь? — спросил он с легким поклоном.

— Садись, пожалуйста, — ответила она. — И если у тебя дела...

— Никаких дел. Я так надеялся, что вы придете.

Инек опустился на диван, но чуть поодаль от нее. Он смотрел на ее руки, чинно сложенные на коленях, и ему хотелось взять их хоть на мгновение, подержать в своих руках, но он знал, что не может этого сделать.

Потому что Мэри здесь не было.

— Прошла почти неделя с тех пор, как мы виделись в последний раз, — сказала Мэри. — Как твоя работа, Инек?

Он покачал головой:

— Все те же проблемы. За мной по-прежнему следят. А таблица предсказывает войну.

Дэвид прошел по комнате и, опустившись в кресло, положил саблю на колени.

— Война, если судить по тому, как сейчас воюют, — заявил он, — будет страшна и безжалостна. Мы в свое время воевали совсем не так.

— Да, — сказал Инек, — мы воевали не так. Но, хотя война ужасна сама по себе, сейчас может произойти нечто еще более ужасное. Если на Земле разразится еще одна война, мы закроем себе дорогу к галактическому братству — навсегда или по крайней мере на многие века.

— Может быть, это и не так плохо, — предположил Дэвид. — Мы пока еще не готовы присоединиться к жителям Галактики.

— Может быть, и не готовы, — произнес Инек. — Я тоже такого же мнения. Но когда-нибудь это должно произойти. А если у нас начнется война, этот день отодвинется далеко в будущее. Чтобы объединиться с другими расами, нужно хотя бы делать вид, что мы цивилизованны.

— А если они не узнают? — спросила Мэри. — Я имею в виду, про войну. Они ведь нигде, кроме этой станции, не бывают.

Инек покачал головой:

— Узнают. Я думаю, они за нами наблюдают. И уж во всяком случае, прочтут в газетах.

— В тех, что ты выписываешь?

— Я их сохраняю для Улисса. Вон та стопка в углу. Он каждый раз забирает их в Галактический Центр: за годы, что Улисс провел здесь, Земля очень заинтересовала его. И я подозреваю, эти газеты, после того как он их прочтет, попадают в самые разные уголки Галактики.

— Представляешь, — сказал Дэвид, — как бы удивились в отделах подписки, узнай они, сколь широко распространяются их газеты?

Инек улыбнулся.

— В Джорджии выходит одна газета, — добавил Дэвид. — Так вот, они пишут в своих рекламных объявлениях, что появляются «каждое утро так же регулярно и повсеместно, как роса на траве». Придется им придумать что-нибудь в таком же духе, только про всю Галактику.

«Наша «Перчатка», — живо отозвалась Мэри, — годится для всей Галактики!» Каково?

— Вот-вот.

— Бедный Инек, — произнесла Мэри с сожалением. — Мы тут сидим и развлекаемся шуточками, а у него столько проблем.

— Не мне их, конечно, решать, — ответил Инек, — но все-таки они меня беспокоят. Впрочем, чтобы избавиться от них, достаточно не выходить из дома, и все проблемы исчезнут. Когда дверь дома захлопывается, проблемы Земли остаются снаружи.

— Но ты не можешь так поступить.

— Не могу.

— Я думаю, ты прав, полагая, что другие расы наблюдают за нами, — сказал Дэвид. — Может быть, с намерением в один прекрасный день пригласить человечество присоединиться к ним. Иначе зачем бы им понадобилась станция здесь, на Земле?

— Они расширяют транспортную сеть постоянно. И станция в нашей Солнечной системе была нужна им, чтобы продлить маршрут в этом спиральном рукаве Галактики.

— Да, верно, — согласился Дэвид, — но почему именно на Земле? Они могли построить станцию на Марсе. Назначили бы смотрителем кого-нибудь из своих, и все было бы прекрасно.

— Я об этом часто думаю, — сказала Мэри. — Им понадобилась станция именно на Земле и смотритель — землянин. Должно быть, для этого есть какая-то серьезная причина.

— Я тоже надеялся, но, боюсь, они пришли слишком рано. Слишком рано для человечества. Мы еще не повзрослели. Мы все еще подростки.

— А как жаль! — вздохнула Мэри. — Мы могли бы многому у них научиться. Ведь они знают куда больше нас. Взять, например, их концепцию религии...

— Я не думаю, — сказал Инек, — что это на самом деле религия. У них нет тех привычных ритуалов, что мы ассоциируем с религией. И основано их мироощущение не на вере. В ней нет необходимости. Их понимание основано на знании. Они просто знают.

— Ты имеешь в виду энергию духовности...

— Да, и это такая же сила, как и все другие, из которых складывается Вселенная. Энергия духовности существует точно так же, как время, пространство, гравитация и все те факторы, что характеризуют нематериальную сторону Вселенной. Она просто есть, и люди галактического содружества научились ее использовать.

— Но, видимо, люди Земли тоже ее ощущают? — спросил Дэвид. — Они не знают о ее существовании, но чувствуют что-то. И тянутся к ней. Поскольку точного знания нет, людям остается только вера, которая имеет давнюю историю. Может быть, еще с пещерных времен. Это грубая, примитивная вера, но тоже вера, поиск, попытка.

— Очевидно, да, — ответил Инек. — Но на самом деле я думал не об энергии духовности. Я имел в виду другое — практические достижения, научные методы, философские концепции,

которые человечество могло бы использовать. Назови любую отрасль науки — и у них наверняка найдется что-то для нас новое, потому что они знают гораздо больше нас.

Однако мысли Инека возвращались к удивительной концепции энергии духовности и еще более удивительной машине, построенной много тысячелетий назад, с помощью которой жители Галактики черпали эту энергию. У машины было название, но подобрать близкое по значению на родном языке оказалось трудно. Ближе всего подходило слово «талисман», но Инек считал его слишком неточным, хотя именно такое слово употребил Улисс, когда они впервые разговаривали об этом много лет назад.

Там, в Галактике, существовало столько удивительного, столько различных концепций, и многие из них просто нельзя ни изложить, ни объяснить ни на одном из языков Земли. Талисман — это не просто талисман, и машина, которую так называли, — не просто машина. Помимо определенных механических принципов в нее заложили принципы духовные, может быть, некий резонатор психической энергии, неизвестной на Земле. Это и еще многое другое. В свое время он ознакомился с литературой, посвященной энергии духовности и Талисману, и, читая, осознавал, насколько далек от истинного понимания, насколько далеко от понимания все человечество.

Привести Талисман в действие могли лишь некоторые существа с определенными особенностями мышления и еще некими свойствами (может быть, думал он, это особые качества души?). Термин, которым этих существ называли, Инек перевел для себя как «восприимцы», хотя его и здесь не оставляли сомнения в точности соответствия. Хранился Талисман у наиболее способного, или наиболее умелого, или наиболее преданного из галактических восприимцев, который переносил его от звезды к звезде, — этакое бесконечное шествие. Через Талисман и его хранителя обитатели каждой планеты черпали вселенскую энергию духовности.

Мысль об этом буквально потрясала, наполняя душу восторгом. Мысль о возможности соприкоснуться с духовностью, заполняющей Галактику и, без сомнения, Вселенную целиком. Как это, должно быть, замечательно, думал он, и сколько рождает уверенности в том, что жизнь занимает особое место в великой схеме бытия, что даже один-единственный человек, независимо от того, сколь он мал, слаб и незначителен, все же наделен важной ролью в грандиозном действе, развертывающемся в пространстве и времени.

— Что-то случилось, Инек? — спросила Мэри.

— Нет, ничего, — ответил он. — Я просто задумался. Прошу прощения.

— Ты говорил о том, какие великие открытия ждут нас в Галактике, — сказал Дэвид. — Вот тот, например, раздел математики, о котором ты когда-то нам рассказывал...

— Ты имеешь в виду математику Арктура? Я и сейчас знаю не больше, чем тогда. Слишком для меня сложно. Этот раздел математики основан на поведенческом символизме.

Трудно даже назвать эту дисциплину математикой, думал он, хотя, если вдуматься, «математика» — самый подходящий термин. Это именно то, чего, без сомнения, не хватает ученым Земли, чтобы их социальные исследования оказывались эффективными и логичными в такой же степени, как эффективны и логичны механизмы, создаваемые на планете с помощью традиционных разделов математики.

— А вспомни биологию, созданную расой из созвездия Андромеды, которая заселила все эти непокорные планеты, — сказала Мэри.

— Да, я помню. Но Земля должна развиваться и интеллектуально, и морально, прежде чем мы сможем рискнуть по их примеру использовать такие знания. Хотя, я думаю, даже сейчас им нашлось бы применение.

При воспоминании о том, как андромедыне использовали свои знания, его охватывала дрожь. Видимо, это доказывало, что он все еще гражданин Земли, которому по-прежнему близки все пристрастия, предубеждения и привычки человеческого разума. Потому что андромедыне поступили в полном соответствии со здравым смыслом. Если ты не можешь колонизировать планету, оставаясь самим собой, в том виде, в каком существуешь, тогда ты просто изменяешься. Превращаешь себя в существо, которое способно на этой планете жить, и подчиняешь ее себе. Если надо стать червем, становишься червем. Или насекомым, или моллюском, или чем-то еще — чем или кем нужно. И меняешь ты при этом не только тело, но и разум, меняешь до такой степени, какая необходима, чтобы выжить на этой планете.

— А все их лекарства? — продолжала Мэри. — Все медицинские знания, которые можно было бы использовать на Земле. Хотя бы тот маленький набор, что прислали тебе из Галактического Центра.

— Да, набор лекарств, которые могли бы вылечить практически любую болезнь на Земле. Это мучит меня, пожалуй, сильнее всего. Знать, что они вот там, в шкафу, то есть уже на этой планете, где в них нуждается так много людей...

— Ты мог бы отправить образцы каким-нибудь медицинским организациям или производителям лекарств, — сказал Дэвид.

Инек покачал головой:

— Я уже думал об этом. Но я должен помнить и о Галактике, о своих обязательствах перед Галактическим Центром. Они так

старались, чтобы станция осталась незамеченной. Мне нужно думать об Улиссе и обо всех моих друзьях. Я не могу разрушить их планы. Не могу предать их. И вообще, если вдуматься, Галактический Центр и работа, которую они выполняют, — все это гораздо важнее, чем одна только Земля.

— И нашим и вашим, значит, — произнес Дэвид с легкой издевкой в голосе.

— Вот именно. Одно время — много лет назад, я хотел написать несколько статей для научных журналов. Не медицинских, разумеется, потому что я ничего не смыслю в медицине. Лекарства у меня есть, лежат себе на полке, и к ним даже приложены инструкции по использованию, но эти таблетки, порошки, мази или что-то там еще — все уже готовое. Однако я все же набрался кое-каких знаний в других областях, что-то понял. Не очень много, но, во всяком случае, достаточно, чтобы намекнуть, в каком направлении надо двигаться. Для людей сведущих это вполне могло бы послужить толчком.

— Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы, — заметил Дэвид. — У тебя нет практического опыта исследования. Ты нигде не учился и не связан ни с одним из колледжей или научных центров. Тебя бы просто не напечатали, если бы ты не представил каких-либо доказательств.

— Это я понимаю, конечно. Потому и не стал никуда писать. Я знал, что это безнадежно. Да и какие могут быть претензии к научным журналам — они ведь должны отвечать за то, что печатают. Их страницы открыты отнюдь не для любого желающего. Но даже если бы редакторы отнеслись к моим статьям уважительно и захотели их опубликовать, они непременно захотели бы узнать, кто я такой. А это привело бы их на станцию.

— Но даже если бы ты сумел остаться в тени, — добавил Дэвид, — не только в этом все дело. Вот ты говорил о своей лояльности к Галактическому Центру...

— Если бы на меня никто не обращал внимания, все было бы в порядке. Если бы я мог просто подбрасывать земным ученым идеи, чтобы они сами разрабатывали их дальше, это не принесло бы вреда Галактическому Центру. Главная проблема в том, чтобы не раскрывать источник идей.

— Видимо, даже в этом случае ты все равно не смог бы слишком много, — сказал Дэвид. — У тебя нет достаточно подробных данных, чтобы на их основе можно было сделать что-то значительное. Галактическая наука слишком далека от привычных наезженных дорог.

— Это я понимаю, — ответил Инек. — Например, психотехника Манкалинена-III. Если бы Земля располагала этими знаниями, люди наверняка нашли бы способы лечения нервных и умственных расстройств. Мы освободили бы бесчисленные заве-

дения для нервнобольных, а потом снесли бы их или стали использовать для чего-то другого. Они просто стали бы ненужными. Но, кроме жителей Манкалинена-III, нас некому научить. Сам я знаю только, что они достигли в психотехнике невероятных успехов, но больше мне ничего не известно. Но ведь я ничего не смыслю в этой науке. Точные знания можно получить только от них, от жителей звезд.

— Ты все время говоришь о неизвестных науках, — сказала Мэри. — Люди еще даже не подозревают об их существовании.

— И не только люди — мы тоже, — добавил Дэвид.

— Дэвид! — воскликнула Мэри.

— Нам незачем прикидываться людьми, — ответил Дэвид рассерженно.

— Но вы — люди, — сказал Инек с усилием. — Для меня вы — люди. Кроме вас, у меня никого нет. В чем дело, Дэвид?

— Мне кажется, пришло время сказать, кто мы на самом деле, — ответил тот. — Мы — иллюзии, плод воображения. Мы созданы тобой с единственной целью: появляться и разговаривать с тобой, заменяя тебе настоящих людей, общения с которыми ты лишен.

— Но ты ведь так не думаешь, Мэри! — крикнул Инек. — Ты не можешь так думать!

Он потянулся к ней и тут же безвольно уронил руки, с ужасом осознав, что хотел сделать. Впервые в жизни Инек попытался дотронуться до нее, впервые за все эти годы он забылся.

— Извини, Мэри. Мне не следовало этого делать.

Глаза ее заблестели слезами.

— Если бы это было возможно! — вздохнула она. — Я так хотела бы, чтобы это было возможно!

— Дэвид, — позвал Инек, не поворачивая головы.

— Дэвид ушел, — сказала Мэри. — Он не вернется. — Мэри медленно покачала головой.

— В чем дело, Мэри? Что происходит? Что я такое наделал?

— Ничего, — ответила она, — если не считать, что ты сделал нас слишком похожими на людей. Настолько похожими, что у нас появились все человеческие качества. И теперь мы уже не марионетки, не красивые куклы, мы — люди! Мне кажется, именно это мучило Дэвида больше всего — не то, что он человек, а то, что, став человеком, он по-прежнему остается тенью. Раньше, когда мы были куклами, это не имело значения. У нас не было тогда человеческих чувств.

— Прости меня, Мэри, — произнес Инек. — Прошу тебя, прости!

Она наклонилась к нему, и лицо ее озарилось нежностью.

— Ты ни в чем не виноват. Скорее, мы должны благодарить тебя. Ты создал нас, потому что любил, и это прекрасно — знать, что ты любима и нужна.

— Но теперь все по-иному, — молил Инек. — Теперь вы приходите ко мне сами, по собственной воле.

Сколько лет уже прошло? Должно быть, все пятьдесят. Мэри стала первой, Дэвид — вторым. Из всех, кого воскрешало его волшебство, они были ближе и дороже других.

А сколько лет минуло с тех пор, как он попытался сделать это впервые? Сколько лет провел он, изучая безымянную науку, созданную чудотворцами Альфарда-XXII?

Когда-то, в прежние дни, при его прежнем отношении к жизни, все это могло показаться ему черной магией, хотя черная магия была тут ни при чем. Скорее, упорядоченные манипуляции некими естественными характеристиками Вселенной, о которых человечество еще не подозревает. Может быть, оно никогда их не откроет. Потому что на Земле просто не существовало — по крайней мере в настоящее время — направления научной мысли, необходимого для появления исследований, которые могли бы привести к такому открытию.

— Дэвид чувствовал, — сказала Мэри, — что так не может продолжаться вечно. Эти наши благочинные визиты... Рано или поздно должно было наступить время, когда нам пришлось бы признаться себе, кто мы такие.

— И остальные тоже так решили?

— К сожалению, да, Инек. Остальные тоже...

— А ты? Ты сама, Мэри?

— Не знаю, — ответила она. — Для меня все это по-другому... Я люблю тебя.

— И я тебя.

— Нет, ты не понимаешь! Я и вправду влюблена в тебя.

Инек застыл, глядя на нее, и ему почудилось, что весь мир заполнился грохотом, словно он сам остановился, а пространство и время все так же несутся мимо него.

— Если бы все оставалось по-прежнему, как вначале... — произнесла Мэри. — Тогда мы радовались своему существованию, эмоции наши были не столь глубоки, и нам казалось, что мы счастливы. Как маленькие беспечные дети, что играют на улице под яркими лучами солнца. Но потом мы повзрослели. И, возможно, я больше, чем другие.

Она улыбнулась Инеку, но в глазах у нее стояли слезы.

— Не принимай это так близко к сердцу. Мы можем...

— Мэри, дорогая, — сказал Инек. — Я полюбил тебя с того самого дня, когда мы встретились впервые. А может быть, и еще раньше.

Он потянулся было к ней, но тут же опомнился и опустил руку.

— Я не знала этого... — проговорила Мэри. — Наверное, мне не следовало признаваться тебе... Если бы ты не знал, что я тоже тебя люблю, тебе, возможно, было бы легче.

Инек удрученно кивнул. Мэри склонила голову и прошептала:

— Боже праведный, за что ты обрушил на нас свою немилость? Мы ничем не заслужили такой кары.

Она подняла голову, посмотрела Инеку в глаза и добавила:

— Мне бы только коснуться тебя...

— Мы можем встречаться, как раньше, — сказал Инек. — Приходи в любое время, когда захочешь. Мы...

Она покачала головой:

— Теперь уже не получится. Для нас обоих это будет слишком тяжело.

Инек понял, что она права, что все кончено. Целых пятьдесят лет Мэри и другие люди-тени появлялись в доме, чтобы повидаться с ним. Но теперь они не вернутся. Сказочное королевство рассыпалось в прах, волшебные чары развеялись. Отныне он будет одинок — более одинок, чем когда-либо, чем до знакомства с ней.

Сама она не вернется, а у него не хватит духу вызвать ее снова, даже если бы он смог, — теперь мир теней и его любовь, единственная любовь в его жизни, уйдут навсегда.

— Прощай, моя любимая, — произнес он.

И откуда-то издалека, как поначалу показалось Инеку, до него донесся свист аппарата связи, требующего внимания к новому сообщению.

ГЛАВА 13

«Пришлось бы признаться себе, кто мы такие», — сказала Мэри.

А действительно, кто они? Не в его представлении, а на самом деле? Что они думают о самих себе? Может быть, им известно больше, чем ему?

Куда ушла Мэри? В каком неизвестном измерении растворилась она, покинув эту комнату? Существует ли она сейчас? И если да, то что это за существование? Может быть, она лежит, словно кукла, в коробке, куда маленькие девочки прячут свои игрушки, убирая их в шкаф. А рядом хранятся все остальные куклы...

Инек попытался представить себе это вневременное, затерянное измерение, и воображение рисовало ему серую пустоту, где его прежние друзья существовали в небытии, где не было ни пространства, ни времени, ни воздуха, ни цвета, ни видения — одна

бескрайняя пустота, которая простирается за пределами Вселенной.

«Мэри! — кричала его душа. — Мэри, что я натворил?»

Ответ лежал на поверхности — безжалостный и холодный.

Он вмещался в нечто такое, чего не понимал, и тем самым совершил еще больший грех, считая, что все понимает. На самом деле он понял самую малость — ровно столько, чтобы заставить принцип сработать, — но он не понял, не смог предугадать, какие будут последствия. Акт творения подразумевал ответственность, а он был готов лишь к моральной ответственности за причиненное зло, но ничем не мог помочь, а значит, был совершенно бессилен. Они ненавидели его, негодовали, и Инек даже не мог их за это осуждать, потому что именно он вызвал их из небытия, показал им мир людей, а затем вернул обратно! Он дал им все, чем располагает человек, за одним, но самым важным исключением — им не дано было способности существовать в мире людей. И они возненавидели его, все, кроме Мэри, но с Мэри было еще хуже. На нее он обрушил проклятье, ибо, вдохнув в нее все человеческое, он обрек Мэри на любовь к сотворившему ее чудовищу.

«Ты вправе ненавидеть меня, Мэри, — твердил он. — Как и все другие».

«Люди-тени» — так Инек их называл, но это всего лишь термин, который он придумал для собственного удобства, аккуратный ярлык, которым он всех их пометил, чтобы как-то отличать, когда о них думал.

Оказалось, ярлык неудачен, потому что они не тени и не призраки. Выглядели его творения так же материально, как и любые другие люди. И только если попытаться прикоснуться, становится понятно, что они нереальны: рука не чувствовала решительно ничего.

Игра воображения, как ему казалось прежде, но потом Инек начал сомневаться. Раньше они являлись, лишь когда он звал их, используя знания и приемы, приобретенные за годы изучения работ чудотворцев с Альфарда-XXII. Но в последние годы он ни разу не позвал их сам. Не приходилось. Они всегда появлялись сами. Словно чувствовали, что вот-вот понадобятся. Они предчувствовали, что он их позовет, знали это еще до того, как у него возникало желание увидеть их, и появлялись вдруг в комнате, чтобы провести с ним час или целый вечер.

Конечно, в определенном смысле они действительно плод его фантазии; создавая их, Инек сам не знал, почему создает именно такими. Позже понял, хотя старался гнать от себя это прозрение, предпочитая прежнее неведение. Долгие годы он старательно загонял объяснение в самый дальний уголок памяти. Но теперь, когда они покинули его, Инек наконец взглянул правде в глаза.

Дэвид Рэнсом был им самим, каким он мечтал себя видеть, каким хотел быть и, разумеется, каким он никогда не был. Удалой офицер северян, не в очень высоком звании — в том смысле, что не этаким отяжелевший солидный вояка, — но с определенным положением в обществе. Подтянутый, жизнерадостный и, без сомнения, отчаянный храбрец, которого любят все женщины и уважают все мужчины. Прирожденный вожак и в то же время хороший друг, человек, который везде чувствует себя на месте — и на поле битвы, и в светской гостиной.

А Мэри? «Странно, — подумал Инек, — что я всегда называл ее только по имени». У нее никогда не было фамилии, просто Мэри.

Но в ней слились две женщины — по меньшей мере две. Одна из них — Салли Браун, которая жила неподалеку от Уоллисов... Сколько лет уже прошло с тех пор, когда он в последний раз вспоминал Салли Браун? Странно, подумалось ему, что он так давно о ней не вспоминал, и теперь воспоминание о соседской девушке по имени Салли Браун буквально потрясло его. Ведь когда-то они любили друг друга, или по крайней мере им так казалось. Даже в более поздние годы, когда Салли вспоминалась уже сквозь романтическую дымку времени, Инек все равно не был уверен, любовь это была или просто фантазия молодого солдата, уходящего на войну. Робкое, еще неопределившееся чувство, любовь дочери фермера к сыну фермера-соседа. Они хотели пожениться, когда он вернется с войны, но спустя несколько дней после сражения под Геттисбергом Инек получил письмо, написанное тремя неделями раньше, в котором сообщалось, что Салли Браун умерла от дифтерии. Он, помнится, горевал, и, хотя в памяти не сохранилось, насколько сильно, видимо, сильно и долго, потому что в те времена это было принято.

Так что в Мэри воплотилась Салли Браун, но лишь отчасти. Точно так же в ней проявился и образ высокой, стройной дочери Юга, женщины, которую он видел только один раз, да и то мельком, когда их колонна двигалась пыльной дорогой под жарким солнцем Виргинии. Чуть в глубине от дороги высился особняк, один из тех больших домов, что строили тогда владельцы плантаций, и там, в портике, у высокой белой колонны, стояла женщина и смотрела на проходящих мимо врагов. Черные волосы и белая — белее, чем мрамор колонны, — кожа. Так прямо и гордо она держалась, глядела на них с таким вызовом и непокорством, что Инек запомнил ее и часто мечтал о ней, даже не зная ее имени, пока тянулись пропыленные, потные, кровавые дни войны. Вспоминая южанку, Инек все время думал: а не изменяет ли он тем самым своей Салли? Порой, сидя у костра или завернувшись в одеяло и глядя на звезды, он представлял, как после войны вернется в Виргинию и найдет эту женщину. Возможно, ее уже не

будет в том доме, но он обойдет весь Юг и обязательно отыщет ее. Конечно же, он туда не поехал, да и не помышлял об этом всерьез. Так, мечты у костра...

Одним словом, Мэри воплотила в себе их обеих — и Салли Браун, и ту неизвестную красавицу из Виргинии, что стояла у колонны, провожая взглядом марширующие войска. Она стала их тенью и, может быть, тенью многих других, — он бы затруднился сказать, кого именно, — своего рода символом всего того, что Инек знал о женщинах, что видел и чем восхищался. Идеал. Совершенство. Безукоризненная женщина, созданная его воображением. И вот теперь она ушла из его жизни — как Салли Браун, спящая в земле, как та красавица из Виргинии, затерявшаяся в тумане времени, как все другие, возможно, привнесшие что-то в образ Мэри.

Да, он любил ее, в ней слились воедино все женщины, которых он когда-то любил (а было ли это в его жизни?) или представлял себе, что любит, просто придумывая их образы.

Но что и она может полюбить его — такое никогда не приходило Инеку в голову. И потому он жил относительно спокойно, храня свою любовь глубоко в душе, понимая, что она и безнадежна, и невозможна, но другой ему не дано.

Где сейчас Мэри? Куда она ушла? В то вневременное измерение, что он пытался себе представить, или в какое-то странное небытие, откуда, не заметив унесшихся лет, она когда-нибудь снова возвратится к нему?

Инек спрятал лицо в ладонях, мучаясь от жалости к самому себе и чувства вины.

Она не вернется. И пусть не возвращается — он даже хотел этого. Так будет лучше для них обоих.

Вот только знать бы, где она сейчас. Только бы быть уверенным, что для нее наступило некое подобие смерти, что ее не терзают мысли и воспоминания. Невыносимо было думать, что она страдает.

Услышав наконец свист аппарата связи, Инек поднял голову, но не двинулся с места. Руки его потянулись к кофейному столику у дивана, уставленному наиболее яркими безделушками и сувенирами из тех, что дарили ему путешественники.

Взяв со стола первое, что попало под руку, — кубик, выполненный то ли из какого-то странного стекла, то ли из полупрозрачного камня, то ли из какого-то неизвестного вещества (он так до сих пор и не разобрался из чего), — Инек обхватил его ладонями и, взглядевшись внутрь, увидел крошечную панораму царства фей — трехмерную и с мельчайшими подробностями. Уютное сказочное местечко, лесная поляна в окружении цветистых грибов-поганок. Сверху медленно падали разноцветные сверкающие снежинки, легкие, воздушные; они блестели и искрились в

сиреневых лучах большого голубого солнца. На прогалине танцевали маленькие существа, похожие, скорее, на цветы, и двигались они так грациозно и вдохновенно, что от их танца в крови разгорался огонь. Затем царство фей исчезло, и на его месте возникла новая картинка — дикий, мрачный пейзаж с суровыми, изъеденными ветром, крутыми скалами на фоне злого красного неба. Вдоль отвесных скал метались вверх-вниз большие летучие твари, похожие на трепещущие на ветру рваные тряпки. Время от времени они усаживались на тощие коряги, торчащие прямо из отвесных скал, — очевидно, уродливые местные деревья. А откуда-то снизу, настолько издалека, что о расстоянии можно было только догадываться, доносился тяжелый грохот одинокой стремительной реки.

Инек положил кубик обратно на стол. Что же он видит в его глубинах? Впечатление такое, словно листаешь альбом с новым пейзажем на каждой странице, но без единого разъяснения, где находятся все эти удивительные места. Когда ему подарили кубик, он, словно зачарованный, часами держал его в руках, разглядывая сцену за сценой. За все это время Инек ни разу не нашел картины, которая хоть в чем-то повторила бы уже виденные, и конца им не было. Порой ему начинало казаться, что он видит не картинки, а сами эти далекие миры, и что в любое мгновение можно, не удержавшись, сорваться и полететь головой вниз прямо туда.

В конце концов это занятие ему приелось: бессмысленно просматривать длинные вереницы пейзажей, не зная, где эти места. Разумеется, бессмысленно для него, но не для жителя Энифа-V, который и подарил ему удивительный кубик. Не исключено, говорил себе Инек, что на самом деле вещь эта нужная и очень ценная.

Так случалось с большинством подарков. Даже те, которые доставляли ему радость и удовольствие, он, вполне возможно, использовал неправильно или, во всяком случае, не по назначению.

Однако среди всех этих даров встречались и такие, хотя их набралось не так уж много, назначение которых он действительно понимал и которыми дорожил, несмотря на то что ему порой не было от них никакого проку.

Например, маленькие часы, показывающие время для всех секторов Галактики: занятная вещица, даже в определенных обстоятельствах необходимая, но для него она большой ценности не имела. Или смеситель запахов — так он по крайней мере его называл, — который позволял создавать по желанию любые ароматы. Нужно только указать смесь, включить приборчик, и всю комнату тут же заполнял выбранный аромат, который держался, пока аппарат продолжал работать. Однажды студеной зимой эта

машина здорово его позабавила: после долгих проб и ошибок он подобрал наконец аромат яблоневого цвета и целый день наслаждался весной, хотя за окном завывала вьюга.

Инек протянул руку и взял со столика еще один предмет — красивую вещицу, которая всегда интриговала его, хотя он и не понял, для чего она нужна. Может быть, вообще ни для чего. Может быть, это произведение искусства, говорил он себе, просто красивая вещь, на которую нужно смотреть, и только. Однако у него каждый раз возникало ощущение (если это верное слово), что вещь должна выполнять какую-то конкретную функцию.

На вид — пирамида, сложенная из шариков, и чем выше расположены шарики, тем они меньше. Изящная игрушка дюймов четырнадцати высотой, у каждого шарика свой цвет и не только снаружи. Цвета такие глубокие и чистые, что с первого взгляда становилось понятно: шарик весь, от центра до поверхности, — одного ровного цвета.

Ни клея, ни чего-то похожего на клей не было заметно. Вся конструкция выглядела так, словно кто-то просто сложил шарики пирамидой, но они тем не менее прочно держались на местах.

Поворачивая пирамидку в руках, Инек тщетно пытался вспомнить, кто ему ее подарил.

Аппарат связи все еще свистел, напоминая, что пора заняться делом. Нельзя же, в конце концов, сидеть весь день на одном месте, сказал себе Инек, и предаваться размышлениям. Он поставил пирамидку на место, поднялся и пошел к аппарату.

Сообщение гласило:

Номер 406303 станции 18327. Житель Веги-XXI прибывает в 16 532.82. Время отбытия не определено. Багажа нет. Приемный контейнер. Условия местные. Прошу подтверждения.

Проглядывая текст, Инек почувствовал, как теплеет у него на душе. Будет неплохо снова повидать сиятеля. Последний был у него на станции уже больше месяца назад.

Он хорошо помнил, как встретил этих существ впервые, когда они прибыли сразу впятером. Случилось это году в 1914-м или, может быть, в 1915-м. В большом мире, как он знал, шла первая мировая война, которую все тогда называли Большой войной.

Сиятель появится примерно в одно время с Улиссом, и они прекрасно проведут вечер втроем. Не так уж часто случается, что прибывают сразу два хороших друга.

Он с удивлением отметил, что подумал о сиятеле как о друге, хотя, скорее всего, с тем, который должен прибыть, они никогда не встречались. Но это не имело значения: сиятель — любой сиятель — всегда оказывался другом.

Инек установил контейнер под материализатором и дважды удостоверился, что все работает как положено, затем подошел к аппарату связи и отправил подтверждение.

Все это время ему не давал покоя вопрос: в каком же году все-таки появился первый сиятель, в 1914-м или позже?

Выдвинув ящик картотеки, он отыскал Вегу-XXI. Первая дата — 12 июля 1915 года. Инек достал с полки дневник, отнес к столу и принялся листать, пока не нашел нужный день.

ГЛАВА 14

«12 июля 1915 года. Сегодня после полудня (15:20) прибыли пять существ с Веги-21, первые жители этой планеты на моей станции. Двунogie, человекоподобные, но кажется, что тела их не из плоти и крови (словно столь банальная материя слишком груба для таких существ), хотя на самом деле это плоть и кровь. Дело в том, что они светятся. Не то чтобы излучают свет, но за каждым из них неотступно следует какое-то сияние.

Насколько я понимаю, все пятеро — сожители, хотя, может быть, я ошибаюсь; такие вещи не всегда легко распознать. Счастливая компания близких друзей, чувствуется в них живой интерес и готовность радоваться — не чему-то конкретному, а самой Вселенной, словно они только что услышали какую-то понятную только им шутку про свою Галактику.

Они направлялись на отдых и собирались посетить фестиваль (хотя, может быть, это не совсем точное слово), который представители различных цивилизаций устраивали на далекой планете. Как и почему их туда пригласили, я не понял. Видимо, приглашение на такое событие — большая честь, но они, мне показалось, совсем об этом не думали, а приняли приглашение очень просто, как свое право. Сиятели были в тот вечер веселы, беззаботны и уверены в себе, однако со временем я решил, что они таковы всегда, и, признаться, позавидовал этой беззаботности и веселости. Более того, пытаясь представить себе, как эти существа воспринимают жизнь и Вселенную, я даже немного обиделся на них за то, что они так бездумны и счастливы.

В соответствии с инструкцией, я развесил по комнате гамаки, где мои гости могли отдохнуть, но они привезли с собой большие корзины с едой и напитками и, устроившись за моим столом, принялись пировать и беседовать. Пригласили и меня, предварительно выбрав два блюда и бутылку с напитком, которые, по их заверениям, безопасны для метаболизма человека, — все остальное вызывало у них некоторые сомнения. Еда оказалась вкуснейшая, за свою жизнь я ни разу не пробовал ничего подобного, — одно блюдо напоминало деликатесный выдержанный сыр, другое — нектар, буквально таявший во рту. В бутылке оказалось нечто похожее по вкусу на бренди — желтого цвета, но совсем не крепкое.

Гости расспрашивали меня о жизни на моей планете, обо мне самом — деликатно и, похоже, с искренним интересом, причем понимали объяснения почти сразу. Сами они направлялись на планету, название которой мне никогда раньше и слышать не доводилось, но оживленный, веселый разговор велся таким образом, что я не оставался в стороне. Из этого разговора я понял, что фестиваль будет посвящен какой-то незнакомой мне форме искусства. Не музыка или живопись, а нечто, сложенное из звука, цвета, эмоций, форм и многого другого, для чего на Земле даже не существовало названий. Я не очень хорошо понял, что это, уловив в данном случае лишь тему разговора, но у меня родилась догадка, что они говорят о некоей трехмерной симфонии (хотя это не очень точное выражение), которая создается сразу группой существ. Они с энтузиазмом обсуждали эту разновидность творчества, и я понял, что сами произведения исполняются даже не по нескольку часов, а целыми днями, что их нужно не просто слушать или смотреть, а как бы переживать, и публика, если она хочет воспринять их в полной мере, может и даже должна принимать в действе непосредственное участие. В чем это участие заключается, я, правда, не понял, но решил не выпрашивать. Они говорили о каких-то своих знакомых, с которыми должны там встретиться, вспоминали, когда видели их в последний раз, сплетничали, — впрочем, довольно добродушно, — и от всего этого создавалось впечатление, что они и множество других обитателей Вселенной путешествуют с планеты на планету просто потому, что они счастливы. Была ли у путешествий какая-либо иная причина, кроме поиска наслаждений, я не уяснил. Возможно, была.

Мои гости разговаривали о других фестивалях, посвященных не обязательно именно одному этому виду искусства, но и еще каким-то более специализированным областям творчества; что это за области, мне понять не удалось. Фестивали дарили им радость и истинное счастье, но, как мне показалось, не только искусство наполняло их ощущением безграничного счастья — было в фестивалях что-то еще, очень важное и значительное. В разговор на эту тему я не вступал — не представилось такой возможности. По правде говоря, мне хотелось расспросить их поподробнее, но почему-то так и не удалось. Может, мои вопросы показались бы им глупыми, однако меня это не пугало, просто не удалось их порасспрашивать. Но хоть я и не задавал вопросов, они каким-то образом заставляли меня чувствовать, что я тоже участвую в разговоре. Никаких очевидных попыток никто не предпринимал, но тем не менее мне постоянно казалось, что я не просто смотритель станции, с которым им случилось провести вместе несколько часов, а один из них. Временами гости говорили на языке своей планеты — один из самых красивых языков, ко-

торый мне доводилось слышать, — но по большей части они пользовались диалектом, распространенным среди множества гуманоидных рас, своего рода посредническим языком, созданным для удобства общения. Подозреваю, что это делалось из уважения ко мне. Похоже, сиятели наиболее цивилизованные люди из всех тех, с кем мне доводилось встречаться.

Я уже писал, что они светятся, и думаю, это свет души. Их постоянно сопровождает некое искрящееся золотое сияние, приносящее счастье всем, кого оно коснется, — будто они существуют в каком-то особом мире, который неведом другим. Когда я сидел с ними за столом, золотое сияние охватывало меня со всех сторон, и мою душу наполняло странное умиротворение, по всему телу струились глубинные токи счастья. Каким образом они и их мир достигли этого золотого благоденствия и возможно ли, что когда-нибудь мой мир придет к тому же, — вот что мне хотелось бы узнать.

Счастье их зиждется на присущей сиятелям кипучей энергии, на бурлящем, искрометном духе, стержень которого — внутренняя сила и любовь к жизни, заполняющая, кажется, каждую их клеточку, каждую секунду прожитого времени.

В распоряжении моих гостей было только два часа, но время промчалось стремительно, и мне даже пришлось напомнить им, что пора отправляться дальше. Перед отбытием они поставили на стол две коробки, сказав, что дарят их содержимое мне, затем поблагодарили меня за угощение (хотя благодарить-то должен был я), попрощались и забрались в контейнер (специальный, крупногабаритный), после чего я отправил их в путь. Но даже когда их не стало, в комнате еще больше часа мерцало золотое сияние. Как хотелось мне отправиться с ними на фестиваль на далекой планете!

В одной из оставленных коробок оказалась дюжина бутылок с похожим на бренди напитком; каждая из них — сама по себе произведение искусства, у каждой — своя неповторимая форма, причем изготовлены они не иначе как из алмаза, то ли искусственного, то ли целого — этого я определить не смог. Одно я понимал — они бесценны; каждая украшена поразительно богатым орнаментом, каждая красива по-своему. Во второй коробке лежал... За отсутствием другого названия назовем этот предмет музыкальной шкатулкой. Сама шкатулка сделана как будто из кости, желтоватой, гладкой, как атлас, и украшенной множеством схематических рисунков, значения которых мне, очевидно, никогда не понять. На крышке шкатулки — круглая рукоятка, обрамленная шкалой с делениями. Когда я повернул ее до первого деления, послышалась музыка, всю комнату заполнили многоцветные всполохи, а сквозь них как бы светилося знакомое золотое сияние. Еще эта шкатулка источала запахи, наплывы чувств,

эмоции — не знаю, что именно, но что-то такое, от чего становилось то грустно, то радостно, то еще как-то, как повелевали музыка, цвета и запахи. Целый мир вырывался из шкатулки, дивный мир, и ты жил в этом творении искусства, отдаваясь ему всем своим существом, — всеми эмоциями, верой и разумом. Я уверен, что это то самое искусство, о котором говорили мои гости. И не одна запись, а целых 206, потому что именно столько делений на круглой шкале и каждому делению соответствует новое сочинение. В будущем я обязательно проиграю их все, сделаю заметки, подберу, может быть, название каждому в соответствии с композицией, и, наверное, это будет не только развлечение, но и возможность узнать что-то новое».

ГЛАВА 15

Двенадцать алмазных бутылок, давно уже пустых, стояли теперь на каминной полке. Музыкальная шкатулка хранилась среди наиболее дорогих Инеку подарков в одном из шкафов. И за все эти годы, подумал он не без огорчения, ему так и не удалось проиграть весь набор композиций до конца, хотя пользовался шкатулкой он постоянно, — так много было уже знакомых, которые хотелось слушать снова и снова, что он едва перебрался за середину шкалы.

Сиятели, все та же пятерка, прибывали к нему на станцию не один раз — возможно, им чем-то понравилась эта станция, а может, и сам смотритель. Они помогли ему выучить веганский язык и, помимо разных других вещей, нередко привозили с собой свитки с литературными произведениями родной планеты; без всякого сомнения, они стали его лучшими друзьями среди инопланетян, если не считать Улисса. Но потом они вдруг перестали появляться, и Инек не мог понять почему; он спрашивал о них у других сиятелей, когда те прибывали на станцию, но так и не узнал, что случилось с его друзьями.

Теперь он понимал сиятелей, их искусство, традиции, обычаи и историю гораздо лучше, чем в тот день 1915 года, когда впервые описал их в своем дневнике. Однако даже сейчас многие привычные для них идеи давались ему с большим трудом.

С 1915 года он встречал много сиятелей, но одного из них запомнил особенно хорошо — старого мудреца-философа, который умер у него в комнате, на полу возле дивана.

Они тогда сидели рядом, разговаривали, и Инек даже помнил, о чем был разговор. Старик рассказывал об извращенном этическом кодексе, одновременно бессмысленном и комичном, выработанном странной расой растительных существ, с которой ему довелось встретиться во время посещения планеты на другом

краю Галактики, далеко в стороне от привычных маршрутов. Старый сиятель выпил за обедом пару бокалов золотистого напитка и, находясь в прекрасном расположении духа, с удовольствием рассказывал случаи из своей жизни.

Но вдруг, прямо посреди фразы, он умолк и резко наклонился вперед. Инек в растерянности протянул руку, но, прежде чем он успел до него дотронуться, сиятель соскользнул с дивана на пол.

Его золотистое сияние потускнело, несколько раз мигнуло и исчезло совсем, оставив на полу лишь тело — угловатое, костлявое, уродливое, — тело чужеродного, одновременно жалкого и чудовищного существа. Более чудовищного, казалось Инеку, чем все, что ему доводилось видеть раньше.

При жизни это было замечательное создание, но теперь, когда пришла смерть, оно превратилось в отвратительный скелет, заполняющий мешок из чешуйчатой натянутой кожи. Видимо, думал Инек, с трудом подавляя в себе смятение, именно золотистое сияние делало его таким замечательным и красивым, таким живым, стремительным и преисполненным величия. Это золотое сияние было самой жизнью, и, когда оно уходило, оставалось нечто ужасное, при одном только взгляде вызывающее отвращение.

Если этот золотистый туман и есть животворное начало сиятелей, то, очевидно, они носили его как окутывающий плащ — нечто вроде маскарадного костюма, скрывающего их истинный облик. И ведь как странно: они носили свое животворное начало снаружи, тогда как у всех остальных существ оно внутри.

Под крышей жалобно стонал ветер, а в окно Инек видел, как проносятся, то и дело закрывая луну, взбирающуюся по восточному небосклону, батальоны рваных облаков. На станции стало холодно, одиноко, и это одиночество, казалось, простирается далеко-далеко за пределы привычного земного одиночества.

На негнущихся ногах Инек подошел к аппарату связи. Вызвал Галактический Центр и стал ждать ответа, опершись на машину обеими руками.

— *К приему готовы,* — ответил Центр.

Коротко и как мог беспристрастно Инек обрисовал случившееся на станции. В Центре это не вызвало ни замешательства, ни вопросов. Они просто дали ему указания, как следует поступить (словно такое случалось нередко). Веганец должен остаться на планете, где застигла его смерть. С телом необходимо поступить, как того требуют местные обычаи. Таков закон жителей Вегги-XXI, и это его долг перед покойным. Веганец должен оставаться там, где он скончался, и это место навсегда становилось как бы частью Вегги-XXI. Такие места, сообщил Галактический Центр, есть по всей Галактике.

— На нашей планете, — напечатал Инек, — принято погребать покойных в земле.

— Тогда похороните веганца.

— Принято также зачитывать один-два стиха из нашей священной книги.

— Прочтите для веганца стих. Вы в состоянии справиться со всеми этими обязанностями?

— Да. Хотя обычно это делает священнослужитель, но в данных обстоятельствах приглашать его было бы неразумно.

— Согласны. Вы сможете сделать все сами?

— Да.

— Тогда делайте сами.

— Прибудут ли на похороны родственники или друзья покойного?

— Нет.

— Вы им сообщите?

— Да. По официальным каналам. Но они уже знают.

— Он умер только что.

— Тем не менее они знают.

— Как я должен оформить свидетельство о смерти?

— В этом нет необходимости. На Веге-XXI уже знают, отчего он умер.

— Что делать с багажом? Здесь целый контейнер.

— Оставьте себе. Он ваш. В благодарность за услугу, которую вы окажете высокочтимому покойному. Это также закон.

— Возможно, там что-то важное.

— Вы должны оставить контейнер себе. Отказ сочтут за оскорбление памяти покойного.

— Еще какие-нибудь указания будут?

— Нет. Действуйте так, как будто это человек Земли.

Убрав текст с экрана, Инек вернулся к дивану и остановился над сиятелем, собираясь с духом, чтобы наклониться и поднять его с пола. Очень не хотелось прикоснуться к телу. Ему казалось, что перед ним лежит что-то жуткое, нечистое, словно это какая-то подделка, муляж того сияющего существа, которое совсем недавно сидело рядом с ним и разговаривало.

Инек полюбил сиятелей с того самого дня, как встретил их впервые, он восхищался ими, и каждой новой встречи ждал с нетерпением — встречи с любым из них. А теперь он весь сжался от ужаса, не в силах заставить себя прикоснуться к мертвому сиятелю.

И дело было даже не в боязни, поскольку за долгие годы работы смотрителем ему не раз доводилось видеть совершенно кошмарных инопланетян. Он научился подавлять свои чувства и уже не обращал внимания на внешний вид гостей, воспринимая их просто как другие формы разумной жизни, как людей, как братьев.

Что-то иное беспокоило его — не страх, а какое-то непонятное, незнакомое ощущение. Но умерший гость, напомнил Инек себе, был его другом, и, как умерший друг, он заслуживает уважения и заботы.

Наконец Инек решился и взялся за дело. Он наклонился и поднял мертвого сиятеля с пола. Тот почти ничего не весил, словно с приходом смерти он как бы утратил объем, стал меньше, ничтожнее. Может быть, подумал Инек, само золотое сияние обладало каким-то весом?

Он положил тело на диван, выпрямил его, как мог. Затем прошел в пристройку, засветил там фонарь и направился в хлев.

Уже несколько лет минуло с тех пор, как он заглядывал сюда в последний раз, но ничего в хлеву не изменилось. Прочная крыша надежно защищала его от непогоды, внутри по-прежнему было сухо и прибрано, только везде лежала толстым слоем пыль, а с потолочных балок свисала паутина. Из щелей в потолке клочьями повывезло вниз старое-престарое сено. Запахи навоза и домашних животных давно уже выветрились, и теперь остался лишь один запах — сухой, сладковатый, пыльный.

Инек повесил фонарь на крюк в стене и взобрался по лестнице на сенник. Работая в темноте, — поскольку он не решился занести фонарь в заваленный пересохшим сеном чердак, — Инек отыскал дубовые доски, сложенные под самым скатом крыши.

Здесь, вспомнилось ему, в этом углу, была его потайная «пещера», где он, будучи мальчишкой, провел много счастливых часов в те дождливые дни, когда на улице играть ему не разрешали. Он представлял себя и Робинзоном Крузо на необитаемом острове, и каким-то безымянным беглецом, что скрывается от облавы, и переселенцем, спасающимся от индейцев, которые охотятся за его скальпом. У него было ружье, деревянное ружье, которое он сам выпилил из доски, а затем обстругал и зачистил стекляшкой. Инек очень дорожил этой игрушкой все свое детство — до того самого дня, когда ему исполнилось двенадцать и отец, вернувшись из поездки в город, подарил ему настоящую винтовку.

Инек перебрал в темноте доски, отыскал на ощупь те, которые могли пригодиться, отнес их к лестнице и осторожно спустил вниз. Потом слез сам и прошел в угол, где у него хранились инструменты. Открыв крышку сундука, он обнаружил, что там полно старых, уже давно оставленных мышинных гнезд. Инек выбросил на пол несколько охапок соломы и сена, которые грызуны использовали для устройства своих жилищ, и наконец добрался до инструментов. Металл потускнел оттого, что инструментом долго никто не пользовался, но ничего не поржавело, и режущие кромки все еще оставались острыми.

Прихватив с собой все, что ему было нужно, Инек взялся за работу. Вот так же, при свете фонаря, он делал гроб и век назад,

подумалось ему. Только тогда в доме лежал его отец. Дубовые доски высохли за долгие годы, затвердели, но инструмент сохранился совсем неплохо, и Инек продолжал работать — пилить, строгать, вколачивать гвозди. В воздухе стоял запах опилок. Огромный ворох сена наверху глушил жалобное завывание ветра снаружи, отчего в сарае было тихо и покойно. Готовый гроб оказался тяжелее, чем Инек предполагал. В стойле для лошадей он нашел приставленную к стене старую тачку, погрузил на нее гроб и, то и дело останавливаясь передохнуть, отвез его к маленькому кладбищу за яблоневым садом. Затем, прихватив из сарая лопату и кирку, снова отправился на кладбище и выкопал рядом с могилой отца еще одну, правда не такую глубокую — не положенные по обычаю шесть футов, — потому что понимал: если выкопать глубоко, он ни за что не сможет в одиночку опустить туда гроб. Копая при слабом свете фонаря, установленного на куче земли, Инек вырыл яму чуть меньше четырех футов глубиной. Из леса прилетел филин и, устроившись на ветке в саду, забормотал что-то, время от времени ухая в кромешной темноте. Луна сползала к западу, рваные облака поредели, и сквозь них проглянули звезды.

Наконец могила была готова, и Инек опустил туда гроб без крышки. Керосин в фонаре почти закончился, и он начал мигать, а стекло почернело от копоти, потому что фонарь долго стоял неровно.

Вернувшись на станцию, Инек первым делом нашел простыню, чтобы завернуть покойного. Затем положил в карман Библию, поднял запеленутого в саван веганца на руки и с первым проблеском зари отправился к яблоневому саду. Опустил покойного в гроб, приколотил крышку и выбрался из могилы.

Он встал на краю и, достав из кармана Библию, отыскал нужное место. Инек читал громко, и ему почти не приходилось напрягать зрение, вглядываясь в текст в предрассветном полумраке, потому что эту главу он перечитывал не один раз:

— В доме Отца моего обитателей много; а если бы не так, Я сказал бы вам...

Он читал и думал, что выбрал очень уместный отрывок: обитателей действительно должно быть много, чтобы разместить все души жителей нашей Галактики и других галактик, протянувшихся в космосе, очевидно, до бесконечности. Хотя, если бы в мире царило взаимопонимание, хватило бы и одной обители.

Закончив чтение, Инек произнес заупокойную молитву — как сумел, по памяти, хотя полной уверенности в том, что молитва сохранилась в памяти точно, у него не было. Но во всяком случае, подумалось ему, он помнит достаточно, чтобы передать смысл. После чего осталось только засыпать могилу землей.

Звезды и луна растаяли, ветер утих. В предутренней тиши небо на востоке начало окрашиваться в жемчужно-розовый цвет.

Инек, с лопатой в руках, еще стоял у могилы.

— Прощай, друг мой, — сказал он наконец и с первыми лучами солнца двинулся к станции.

ГЛАВА 16

Инек встал из-за стола, подошел к полке и поставил дневник на место. Затем повернулся и остановился в нерешительности. Нужно еще было просмотреть газеты, дополнить дневник и разобратся с двумя статьями в последних номерах «Журнала геофизических исследований».

Но делать ничего не хотелось. На душе у Инека было тревожно, многое огорчало, беспокоило, требовало осмысления.

Наблюдатели все еще наблюдали. А вот люди-тени ушли, оставив его в одиночестве. И мир по-прежнему катился к войне.

Хотя, может быть, ему не следует беспокоиться о том, что происходит в большом мире. Он может отказаться от него, отречься от человечества в любую минуту. Если он никогда не выйдет наружу, никогда не откроет дверь, какая разница, что делается в мире и что с этим миром случится? У него есть свой мир. Мир такой огромный, что его даже не сможет вообразить себе кто-нибудь за пределами станции. Земля ему просто не нужна.

Однако даже сейчас Инек понимал, что он никогда не примет подобных рассуждений. Потому что на самом деле Земля — как это ни странно и ни смешно — все-таки нужна ему.

Он прошел к выходу и произнес кодовую фразу. Дверь скользнула в сторону и закрылась сама, едва он оказался в пристройке. Обогнув дом, Инек сел на ступени крыльца.

Вот здесь, подумалось ему, все и началось. Здесь он сидел в то самое лето, больше века назад, когда звезды разглядели его через космическую бездну и остановили на нем свой выбор.

Солнце клонилось к западу, приближался вечер. Дневная жара уже спадала, и из низины между холмами, что спускалась к долине реки, тянуло прохладным ветерком. Над полем у самого края леса с карканьем кружились вороны. Это будет нелегко — захлопнуть дверь и никогда больше ее не открывать. Оставить за дверью и теплое солнце, и нежный ветер, и запахи, приходящие с переменой времени года. Человеку такое не под силу. Он не может ограничить свой мир только станцией и отречься от родной планеты. Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком.

Наверное, подумал Инек, следует делать это чаще — выходить на улицу и просто сидеть, глядя на деревья, на реку, на хол-

мы Айовы, поднимающиеся в голубой дали за Миссисипи, на ворон, что кружат в небе, и голубей, рассеявшихся на коньке сарая.

Пожалуй, оно того стоит. Даже если он постареет еще на один лишний час. Зачем беречь эти часы — теперь они ему ни к чему. Хотя, как знать, может, и наступит еще день, когда он снова начнет ревниво сберегать свое время, копить часы, минуты и даже секунды, жадно используя любую возможность...

Из-за дома послышались шаги — кто-то бежал, спотыкаясь, бежал, похоже, издалека и совсем выбился из сил.

Вскочив на ноги, Инек поспешно двинулся навстречу и, свернув за угол дома, чуть не столкнулся с бегущей девушкой, протянувшей к нему руки. Она споткнулась, но Инек успел подхватить ее и крепко прижал к себе.

— Люси! — проговорил он. — Что случилось, девочка?

Руки, обнимавшие ее за спину, почувствовали теплую липкую влагу, и, взглянув на ладонь, Инек увидел, что она в крови. Платье на спине у Люси промокло и потемнело.

Взяв Люси за плечи, он чуть отстранил ее от себя и взглянул ей в лицо. По щекам девушки текли слезы, в глазах застыл ужас — ужас и мольба.

Она шагнула назад и повернулась к нему спиной, затем растегнула платье, и оно само сползло до пояса. На плечах темнели длинные глубокие следы от кнута, из которых все еще сочилась кровь. Люси снова натянула платье, потом повернулась к Инеку, сложила ладони, словно молила его о чем-то, потом указала в сторону поля, что сбегало по холму к самому лесу.

Там было какое-то движение, кто-то шел по опушке леса у края поля. Видимо, Люси тоже заметила движение и, задрожав, шагнула ближе к Инеку, ища у него защиты.

Он наклонился, поднял ее на руки и побежал к пристройке. Инек произнес кодовую фразу, дверь открылась, и он шагнул внутрь, в помещение станции. Дверь за его спиной скользнула на место.

Минуту-другую Инек неподвижно стоял с Люси Фишер на руках. Он понимал, что совершил ошибку. Наверное, если бы у него было время подумать, он бы так не поступил.

Но он действовал импульсивно, думать было некогда. Девушка попросила защиты — и вот... Здесь она в безопасности, здесь ей ничто не угрожает. Но она — человек, а ни одному человеческому существу, кроме него самого, не положено было переступить порог станции.

Однако что сделано, то сделано, и ничего тут уже не изменишь. Она на станции: назад хода нет.

Инек посадил Люси на диван и отступил на шаг. Она сидела, подняв на него глаза, и несмело улыбалась, как будто сомнева-

лась, можно ли улыбаться в таком странном месте. Потом подняла руку, утерла слезы со щек и обежала комнату быстрым взглядом, после чего застыла, открыв рот от удивления. Присев на корточки, Инек похлопал ладонью по дивану и погрозил пальцем, надеясь, что она поймет и будет сидеть на месте. Потом обвел рукой помещение станции и строго покачал головой. Люси смотрела на него неотрывно, затем улыбнулась и кивнула, словно все поняла.

Инек взял ее руку и ласково погладил, стараясь успокоить и дать понять, что все будет в порядке, если только она останется на месте и не будет ничего трогать. Теперь Люси улыбалась, словно уже забыла о своих прежних сомнениях. Вопросительно взглянув на него, она трепетным жестом указала на кофейный столик, заваленный инопланетными сувенирами. Инек кивнул, и она занялась какой-то безделушкой, восхищенно разглядывая ее и поворачивая в руке.

Инек поднялся, снял со стены винтовку и вышел из дома навстречу тем, кто гнался за Люси.

ГЛАВА 17

По склону холма поднимались двое, и одного из них Инек узнал сразу — Хэнк Фишер, отец Люси. В прошлые годы он несколько раз встречал его во время своих прогулок, хотя встречи эти были очень короткими. Хэнк всегда смущался и пытался объяснить — чего от него никто не требовал, — что он, мол, разыскивает отбившуюся корову. Но по его вороватому взгляду и странному поведению Инек заключал, что дело вовсе не в корове: Хэнк темнил, скрывал что-то, хотя, что именно, Инек по-прежнему не догадывался.

Второй был моложе. Лет шестнадцать, от силы семнадцать. Скорее всего, один из братьев Люси, решил Инек, поджидая их у крыльца.

Хэнк нес в руке свернутый кольцом кнут, и Инек понял, отчего на плечах у Люси такие рубцы. В груди его всколыхнулась злость, но, сделав над собой усилие, он унял недоброе чувство. Лучше будет, если в разговоре с Хэнком он сохранит спокойствие.

Непрошенные гости остановились в двух-трех шагах от него.

— Добрый вечер, — сказал Инек.

— Ты не видел тут мою девчонку? — спросил Хэнк.

— А что если и видел?

— Я с нее шкуру спущу! — крикнул Хэнк, потрясая кнутом.

— В таком случае, — ответил Инек, — я, пожалуй, ничего тебе не скажу.

— Ты ее спрятал, — обвинил его Хэнк.

— Можешь поискать.

Хэнк шагнул было вперед, но тут же опомнился.

— Она получила по заслугам! — выкрикнул он. — И я с ней еще не разделался. Никому, даже собственной дочери, я не позволю напускать на меня порчу!

Инек молчал. Хэнк стоял в нерешительности.

— Она влезла не в свое дело, — сказал он. — Никто ее не просил. Ее вообще не касалось...

— Я натаскивал Батчера, только и всего, — пояснил его сын. — Это мой щенок, и я его готовлю охотиться на енотов.

— Верно, — сказал Хэнк. — Он ничего плохого не делал. Прошлым вечером ребяташки поймали молодого енота, а это, я тебе скажу, не так просто. Рой — вон он — привязал енота к дереву и натравливал на него Батчера на поводке. Чтобы они дрались между собой, значит. Все как положено. Когда они уж совсем в раж входили, Рой каждый раз оттаскивал Батчера за поводок и давал им передохнуть. А потом опять...

— Собаку для охоты на енотов только так и можно выучить! — вставил Рой.

— Точно, — сказал Хэнк. — Для того они его и поймали.

— Он нам был нужен, чтобы натаскивать Батчера, — добавил Рой.

— Все это прекрасно, — сказал Инек, — но только я не понимаю, при чем тут Люси.

— Она влезла не в свое дело, — ответил Хэнк. — Хотела отобрать у Роя собаку.

— Уж больно много эта бестолочь о себе воображает, — сказал Рой.

— Помолчи, — сурово приказал отец, поворачиваясь к нему.

Рой тут же отскочил назад, бормоча что-то себе под нос.

Хэнк повернулся к Инеку.

— Рой сбил ее с ног, — сказал он. — Хотя делать этого, может быть, и не следовало. Полегче нужно было, поосторожнее.

— Я не нарочно, — сказал Рой, оправдываясь. — Просто толкнул ее рукой. Хотел отогнать от Батчера.

— Верно, — продолжил Хэнк. — Просто оттолкнул чуть сильнее, чем следовало. Но ей совершенно незачем было делать то, что она потом сделала с Батчером, чтобы тот не смог драться с енотом. Даже пальцем его не тронула, понимаешь, но он и пошевеливаться не мог. Ну, Рой и разозлился. — Он взглянул на Инека и простодушно добавил: — А ты бы не разозлился?

— Не думаю, — ответил Инек. — Однако я ничего не понимаю в охоте на енотов.

Хэнк уставился на Инека: что, мол, тут непонятного? Но продолжил рассказ:

— Вот Рой и разозлился. Он Батчера сам вырастил и очень на него рассчитывал. Понятное дело, ему не понравилось, что кто-то — даже если это его родная сестра — напускает на собаку порчу. Рой хотел было задать ей трепку, но она сделала с ним то же самое, что и с собакой. Клянусь, я ничего подобного за всю свою жизнь не видел. Рой остановился как вкопанный и упал. Ноги прижал к груди, обхватил руками колени — короче, свернулся в комок и замер. Что он, что Батчер. А енота она даже не тронула, ничего с ним не сделалось. Только своих, значит...

— Но мне не было больно, — вставил Рой. — Совсем не больно.

— Я как раз сидел неподалеку, — сказал Хэнк, — заплетал вот этот самый кнут. У него конец обтрепался, и я решил придумать новый. Я все видел, но не вмешивался, пока Рой не свалился на землю. Вот тут-то я и сообразил, что дело зашло слишком далеко. Вообще-то я человек понятливый. Когда бородавки там заговаривают или еще что-нибудь такое, тут я не возражаю. На свете полно людей, которые это умеют, и ничего плохого здесь нет. Но когда собак или людей вот так вот, в узел...

— И ты отстегал ее гнупом, — сказал Инек.

— Это моя святая обязанность, — убежденно произнес Хэнк. — Только ведьм мне еще в семье не хватало! Я ей приложил пару раз, а она меня все остановить хотела, руками там что-то показывала. Но я свое дело знаю. Решил, что если ее хорошенько отлупить, то эта дурь из нее выйдет. И давай лупить ее еще. Ну тут она и на меня порчу напустила. Как на Роя и Батчера, но только по-другому. Она меня ослепила. Лишила зрения отца родного! Я вообще ни черта не видел. Только шатался по двору, орал и тер глаза. Потом все стало нормально, только она уже исчезла. Но я видел, как она побежала через лес, вверх по холму, и мы с Роем бросились вдогонку.

— И ты думаешь, она здесь?

— Я знаю, что она здесь.

— Ладно, — сказал Инек. — Можешь искать.

— И поищу, — мрачно пообещал Хэнк. — Рой, посмотри в хлеву. Может быть, она там спряталась.

Рой направился к хлеву, Хэнк заглянул в сарай, но очень скоро вернулся и прошел к покосившемуся курятнику.

Инек молча ждал с винтовкой на сгибе руки. Он понимал, что ситуация складывается неприятная; раньше с ним ничего подобного не приключалось. Но такого человека, как Хэнк Фишер, словами убедить непросто. А сейчас ему вообще ничего не втолкуешь. Оставалось только ждать, когда тот немного поостынет, и надеяться, что тогда можно будет с ним поговорить спокойно.

Хэнк с Роем вернулись.

— Там ее нигде нет, — сказал Хэнк. — Она в доме.

Инек покачал головой:

— Никто не может войти в этот дом.

— Рой, — приказал Хэнк. — Ну-ка поднимись по этим вот ступеням и открой дверь.

Рой испуганно взглянул на Инека.

— Валяй, — сказал тот.

Тогда Рой медленно двинулся вперед и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери, он взялся за круглую ручку и повернул. Попробовал еще раз и обернулся к отцу.

— Па, — сказал он, — я не могу. Дверь не открывается.

— Черт побери! — выругался Хэнк и добавил презрительно: — Ничего-то ты не можешь.

В два прыжка он преодолел ступени, протопал рассерженно по крыльцу, ухватился за дверную ручку и изо всех сил крутанул. Потом еще раз. И еще. Наконец он совсем разозлился и взглянул на Инека.

— Что за чертовщина? — заорал он.

— Я же тебе сказал, — ответил Инек, — что никто не может войти в этот дом.

— Еще как войду! — прорычал Хэнк.

Швырнув кнут Рою, он спрыгнул с крыльца, бросился к поленице у сарая и выдернул из колоды тяжелый топор с двусторонним лезвием.

— Поаккуратней с топором, — предупредил Инек. — Он у меня уже давно, и я к нему привык.

Хэнк даже не ответил. Он поднялся на крыльцо и встал перед дверью, широко расставив ноги.

— Ну-ка отойди, — сказал он Рою, — а то размахнуться негде.

Рой попятился.

— Постой, — сказал Инек, — ты что, собираешься рубить дверь?

— Вот именно, черт побери!

Инек кивнул с совершенно серьезным видом.

— Что такое? — спросил Хэнк.

— Ничего, все в порядке. Можешь попробовать, если очень хочется.

Хэнк изготовился, крепко ухватившись за рукоять. Сверкнув сталью, топор взлетел у него над плечом, и Хэнк обрушил на дверь страшный удар.

Топор коснулся поверхности и так резко отскочил, просвистев всего в дюйме от ноги Хэнка, что того даже развернуло на месте. Несколько секунд он просто стоял с глупым выражением лица, держа топор в вытянутых руках, и глядел на Инека.

— Можешь попробовать еще раз, — предложил тот.

Хэнка охватила ярость. Лицо его налилось кровью.

— И попробую, клянусь Богом! — крикнул он, опять повернулся лицом к дому и взмахнул топором, но на этот раз ударил не по двери, а рядом, по окну. Послышался высокий вибрирующий звон, и в воздухе пронеслись обломки сверкающей стали.

Присев и отскочив в сторону, Хэнк выпустил топор из рук. Он упал на доски крыльца и перевернулся. Вместо лезвия торчали лишь короткие зубья блестящего на изломе металла. На окне не осталось даже царапины.

Хэнк некоторое время стоял, разглядывая сломанный топор, словно все еще не мог поверить в случившееся. Затем молча протянул руку, и Рой вложил в нее кнут. Они вместе спустились по ступеням, остановились внизу и уставились на Инека. Рука Хэнка нервно сжимала рукоять кнута.

— На твоём месте я бы этого не делал, Хэнк. У меня очень хорошая реакция, — сказал Инек, поглаживая приклад. — Я отстрелю тебе руку, прежде чем ты успеешь взмахнуть кнутом.

— Ты спутался с дьяволом, Уоллис, — произнес Хэнк, тяжело дыша, — и моя дочь тоже. Вы оба заодно. Я знаю, что вы то и дело встречаетесь в лесу.

Инек молчал, наблюдая за отцом и сыном одновременно.

— Помоги мне Бог! — вскричал Хэнк. — Моя дочь ведьма!

— Советую тебе вернуться домой, — сказал Инек. — Если я найду Люси, я ее приведу.

Никто не двинулся с места.

— Мы еще встретимся, — пригрозил Хэнк. — Я знаю, что ты спрятал мою дочь где-то здесь, и я тебе это припомню!

— Когда пожелаешь, но только не сейчас, — ответил Инек и угрожающе повел стволом винтовки. — Проваливай. И чтобы я больше вас здесь не видел. Ни того ни другого.

Они постояли в нерешительности, глядя ему в лицо и пытаясь угадать, как он теперь поступит.

Затем повернулись и, держась рядом, пошли вниз по холму.

ГЛАВА 18

Их бы пристрелить обоих, как они того заслуживают, думал Инек. Носит же таких земля! Он перевел взгляд на винтовку и заметил, как крепко его руки сжимают оружие. Белые, онемевшие пальцы буквально впились в гладкое коричневое дерево. Инек судорожно вздохнул, борясь с клочущей, грозящей вырваться наружу яростью. Если бы они остались чуть дольше, если бы он не прогнал их от дома, ярость наверняка победила бы. И все могло быть гораздо хуже. Инек сам удивился, как ему удалось сдержаться. Но, слава Богу, удалось. Потому что и без того все плохо.

Фишеры скажут, что он сумасшедший, что он прогнал их, угрожая оружием. Они могут даже заявить, что он увел Люси и держит у себя против ее воли. Эта семейка ни перед чем не остановится, чтобы напасть на него как только можно.

Никаких иллюзий на этот счет Инек не питал, поскольку прекрасно знал такой тип людей — мелких и мстительных. Маленькие ядовитые насекомые.

Стоя у крыльца, он глядел Фишерам вслед. Даже странно, как такая замечательная девушка могла появиться в этом гнилом семействе. Может быть, ее несчастье помогло ей защититься от их влияния, может, именно потому она не стала одной из них. Не исключено, что, если бы Люси разговаривала с ними, слушала их, она со временем стала бы такой же никчемной и озлобленной, как все Фишеры.

Конечно, он совершил ошибку, вмешавшись в их конфликт. Человек, на котором лежит такая ответственность, не должен вмешиваться в подобные дела. Слишком велика может быть потеря, и поэтому ему следует держаться в стороне от всяких скандалов.

Но разве у него был выбор? Разве мог он отказать Люси в защите, когда она прибежала вся в крови от побоев? Разве мог он не откликнуться на ее мольбу, застывшую в испуганном, беспомощном взгляде?

Может быть, следовало поступить по-другому, думал Инек. Умнее, осторожнее. Но времени на размышления не было. Егохватило только на то, чтобы отнести Люси в дом, спрятать от опасности и выйти к преследователям.

Теперь Инек понимал, что лучше всего, возможно, было бы не выходить из дома вообще. Если бы он остался на станции, не случилось бы того, что случилось.

Он поддался чувству, вышел им навстречу. Совершенно естественный для человека поступок, хотя и не самый умный. Но он уже сделал это, все позади, и теперь уже ничего не поправишь. Если бы все повторилось снова, он поступил бы иначе, но такой возможности ему не представится.

Инек тяжело повернулся и пошел в дом.

Люси сидела на диване, держа в руке какой-то сверкавший предмет. В глазах ее светился восторг, а на лице было такое же трепетное, сосредоточенное выражение, как в то утро в лесу, когда на пальце у нее сидела бабочка.

Он положил винтовку на стол и остановился, но Люси, должно быть, заметила краем глаза какое-то движение и взглянула в его сторону. Затем снова занялась той блестящей штуковиной, что она держала в руке.

Инек увидел, что это пирамидка из шариков, но теперь все они медленно вращаются — одни по часовой стрелке, другие

против — и сияют, переливаясь своими особенными цветами, словно внутри у каждого из них скрывается источник мягкого, теплого света.

У Инека даже перехватило дыхание — так это было красиво и удивительно; удивительно потому, что он давно пытался разгадать, что это за вещица и для чего она предназначена. Он обследовал ее, наверное, раз сто, не меньше, колдовал над ней часами, но так и не обнаружил никакой зацепки. Скорее всего, решил он, это просто красивая вещица — любоваться, и только, — однако его не оставляло ощущение, что у нее все-таки есть какое-то назначение, что каким-то образом пирамидка должна действовать.

И вот теперь она действовала. Инек так долго пытался ее разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же все заработало.

Он заметил восторг, с каким она глядит на пирамидку. Может быть, она знает и ее назначение?

Инек подошел к Люси, тронул за руку и, когда она подняла на него взгляд, снова отметил про себя, каким счастьем и радостным волнением сияют ее глаза.

Он указал на пирамидку, потом постарался изобразить вопрос, мол, знает ли она, для чего эта игрушка предназначена. Но Люси его не поняла. А может, и поняла, да только знала, что объяснить будет невозможно. Люси протянула руку к столику с сувенирами, пальцы ее снова затрепетали, как тогда у родника, с бабочкой, и она даже как будто попыталась рассмеяться, — во всяком случае, такое у нее было выражение лица.

Прямо как ребенок, подумал Инек. Ребенок перед полным ящиком новых, удивительных игрушек. Интересно, что она в них нашла? И потому ли только она рада, что увидела сразу столько красивых незнакомых вещей?

Инек устало повернулся и пошел обратно к столу. Взял винтовку и повесил на стену.

Люси не положено находиться на станции. Ни одному человеку, кроме него, не положено находиться здесь. Приведя ее сюда, он нарушил негласную договоренность с инопланетянами, поручившими ему работу смотрителя. Оправдывало его в какой-то мере лишь то, что к Люси эти вполне понятные запреты относились меньше, чем к кому-либо другому: она ничего не могла рассказать о том, что увидела на станции.

Но он знал, что ей нельзя здесь оставаться. Ее нужно отвести домой. Если она не вернется, обязательно начнутся поиски. Пропала глухонемая девушка, и к тому же еще красивая.

Через день-два об этой истории обязательно пронюхают газетчики. Сообщения о том, что Люси до сих пор не найдена, напечатают во всех газетах, об этом объявят по радио, по телевиде-

нию, и вскоре в окрестных лесах появится множество поисковых отрядов.

Хэнк Фишер наверняка расскажет, как он пытался разбить дверь топором, после чего обязательно найдутся желающие сделать то же самое, и вот тут-то все и начнется.

Инека даже пот прошиб, когда он представил себе, что тогда произойдет.

Все долгие годы, что он хоронился от людей, стараясь быть незаметным, будут потрачены впустую. О таинственном старом доме на вершине холма станет известно всему миру, и к нему устремятся тысячи любопытных.

Он подошел к шкафу, где хранилась заживляющая мазь, присланная ему вместе с другими лекарствами из Галактического Центра. Открыв маленькую баночку, Инек увидел, что там осталось еще больше половины. Он, конечно, пользовался мазью все эти годы, но понемногу. Да и необходимость как таковая возникала довольно редко.

Вернувшись к дивану, где сидела Люси, он показал ей, что у него в руках. Затем жестами объяснил, что собирается сделать. Она расстегнула платье, стянула его с плеч, и Инек наклонился, чтобы разглядеть раны. Кровь уже не текла, но кожа вокруг покраснела и воспалилась.

Он осторожно втер мазь в оставленные кнутом длинные рубцы. Люси исцелила бабочку, подумалось ему, а вот себя вылечить не может.

Пирамидка на столе перед ней все еще светила и вспыхивала, разбрасывая цветные всполохи по всей комнате.

Игрушка оказалась действующей. Узнать бы еще теперь, для чего она все-таки предназначена.

Шарики в пирамидке светились и вращались, но, кроме этого, ничего не происходило.

ГЛАВА 19

Улисс появился, когда сгущающиеся сумерки уже готовились уступить место ночи. Инек и Люси только-только закончили ужинать и еще сидели за столом, когда слышались его шаги.

Инопланетянин остановился. В полумраке комнаты он больше обычного походил на жестокого клоуна. Его гибкое, словно текучее тело, казалось, было обтянуто дубленой оленьей кожей. Пятна на теле слабо люминесцировали, а резкие черты лица, гладкий лысый череп и острые приплюснутые уши придавали ему зловещий, даже устрашающий вид.

Если не знать о его мягком характере, подумал Инек, можно сойти с ума от страха, увидев такое создание.

— Мы ждали тебя, — сказал Инек. — Кофейник уже кипит. Улисс в нерешительности шагнул вперед и тут же остановился.

— Я вижу, ты не один. Насколько я могу судить, это человек Земли...

— Не беспокойся.

— Существо противоположного пола. Женщина, верно? Ты нашел себе жену?

— Нет, — ответил Инек, — она мне не жена.

— Все эти годы ты действовал мудро, — произнес Улисс. — В твоём положении завести семью — это не самый осторожный поступок.

— Не беспокойся. Эта девушка страдает серьезным недугом: ей не дано ни слышать, ни говорить.

— Это болезнь?

— Да. Она с самого рождения лишена слуха и голоса. И поэтому не сможет никому рассказать о том, что здесь увидела.

— А язык жестов?

— Она его не знает. Отказалась учиться.

— Вы друзья?

— Да, уже много лет, — ответил Инек. — Она искала у меня защиты — отец избил ее кнутом.

— Отец знает, что она здесь?

— Он так думает, но доказать не может.

Улисс медленно выступил из тени и остановился в круге света лампы. Люси взглянула на него, но ни страха, ни отвращения на ее лице не отразилось. Она даже не вздрогнула, взгляд ее остался ровным и безмятежным.

— Как спокойно она ко мне отнеслась, — заметил Улисс. — Не убежала и не закричала.

— Крикнуть она не сможет, даже если бы захотела, — сказал Инек.

— Но при первой встрече я любому человеку должен казаться совершенно ужасным.

— Люси видит не только внешнюю оболочку, но и какой ты на самом деле.

— Она не испугается, если я поклонюсь ей, как это делают люди?

— Я думаю, ей это будет даже приятно, — ответил Инек.

Улисс поклонился от пояса, приложив руку к кожистому животу, — получилось очень чинно и церемонно. Люси улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Видишь, — произнес Улисс, явно довольный собой, — похоже, я ей понравился.

— Почему бы тебе тогда не сесть к столу? — предложил Инек. — Попьем кофе втроем.

— А я и забыл про кофе. Увидел, что ты не один...

Улисс сел за стол, где ему уже была приготовлена чашка. Инек приподнялся, собираясь идти за кофейником, но Люси его опередила.

— Она понимает, о чем мы говорим? — спросил Улисс.

Инек покачал головой:

— Просто ты сел перед пустой чашкой.

Люси налила им кофе, а сама пошла к дивану.

— Почему она не осталась с нами? — снова спросил Улисс.

— Ее очень заинтересовали подарки, что лежат на столике. Один из них она даже привела в действие.

— Ты думаешь оставить девушку на станции?

— Я не могу, — ответил Инек. — Ее будут искать. Придется отвести Люси домой.

— Не нравится мне все это, — сказал Улисс.

— Мне тоже. Видимо, надо сразу признать, что мне не следовало ее сюда приводить. Но в ту минуту я не мог придумать ничего другого. У меня не было времени на размышления.

— Ничего плохого ты не сделал, — мягко сказал Улисс.

— Люси не помешает нашей работе, — добавил Инек. — Она ведь не сможет ничего рассказать.

— Дело не в этом, — сказал Улисс. — Она — просто небольшое осложнение. Хуже другое. Я прибыл сегодня, чтобы предупредить тебя о назревающих неприятностях.

— Что за неприятности? Ничего страшного пока не случилось.

Улисс поднял чашку и сделал большой глоток.

— Замечательный кофе, — сказал он. — Я уже брал с собой зерна и делал дома, но вкус почему-то не тот.

— Что за неприятности? — переспросил Инек.

— Ты помнишь веганца, который умер тут несколько твоих лет назад?

— Сиятель. Помню, — кивнул Инек.

— У этого существа есть правильное название...

Инек рассмеялся:

— Тебе не нравится мое?

— Но мы их так не называем.

— То, как я их называю, говорит о моем добром к ним отношении.

— Ты похоронил веганца?

— На нашем семейном кладбище, — сказал Инек. — И прочел над ним молитву. Как над своим собратом.

— Очень хорошо. Так и следовало поступить. Ты сделал все, как нужно. Но тело исчезло.

— Как исчезло? Этого не может быть! — воскликнул Инек.

— Тело из могилы забрали.

— Ты не можешь этого знать! — запротестовал Инек. — Как ты мог узнать?

— Это не я. Веганцы. Они знают.

— Но до них ведь множество световых лет...

Однако уверенность уже оставила Инека. В ту ночь, когда старый мудрец умер и он отправил сообщение в Галактический Центр, ему тоже сказали, что веганцы узнали о смерти, едва она наступила, и никакого свидетельства о смерти им не требовалось, потому что они уже знали, отчего он умер.

Казалось бы, это невозможно, однако в Галактике столько невозможного оказывалось возможным, что человеку не так-то легко во всем этом разобраться.

Может быть, размышлял тогда Инек, все веганцы поддерживают друг с другом постоянный мысленный контакт? Или какое-то центральное бюро (если дать земное название чему-то совершенно непонятному) поддерживает непрерывную связь с каждым из живых веганцев, зная, где он, как себя чувствует и что делает?

Видимо, что-то подобное возможно, признавал Инек. Ведь жители Галактики обладают самыми разными и удивительными способностями. Но поддерживать контакт с уже мертвым веганцем...

— Тело исчезло, — сказал Улисс. — В этом нет никаких сомнений. И тебя считают в какой-то степени ответственным.

— Веганцы?

— Да, они. И вся Галактика тоже.

— Я сделал все, что было в моих силах, — горячо возразил Инек. — И выполнил все требования веганских законов, отдав покойному дань уважения от себя и от своей планеты. Нельзя же считать меня вечно за него ответственным. Да и не верю я, что тело действительно исчезло. Кто его мог похитить? Никто просто не знал о захоронении.

— Ты рассуждаешь логично, — сказал Улисс, — если иметь в виду вашу логику. Но у веганцев иная логика. И в данном случае Галактический Центр поддержит скорее их.

— Но веганцы всегда были моими лучшими друзьями, — вспылил Инек. — За все это время я не встретил ни одного, который бы мне не понравился или с которым мне не удалось найти общего языка. Я уверен, что смогу с ними объясниться.

— Если бы это касалось только веганцев, не сомневаюсь, — сказал Улисс. — И я не стал бы беспокоиться. Но тут все куда сложнее. В самом происшествии, казалось бы, ничего сложного нет, но надо принимать во внимание и другие факторы. Веганцы, к примеру, узнали о том, что тело исчезло, уже давно, и это их, конечно, беспокоило. Однако в силу некоторых обстоятельств они пока молчали.

— И напрасно. Они могли явиться сюда. Правда, я не знаю, что тут можно сделать, но...

— Они молчали не из-за тебя. Есть другие причины.

Улисс допил свой кофе и налил себе еще, затем долил в чашку Инека и отставил кофейник в сторону. Инек ждал разъяснений.

— Ты, возможно, об этом не знаешь, — продолжил Улисс, — но, когда решался вопрос о строительстве станции на Земле, многие галактические расы выступали против. Как всегда бывает в подобных ситуациях, они приводили разные доводы, но за всеми этими спорами, если разобраться, крылось непрекращающееся соперничество между расами, которые хотели добиться преимуществ для себя или каких-то регионов Галактики. Насколько я понимаю, эта ситуация сродни тому, что происходит здесь, на Земле: бесконечные интриги и конфликты ради экономических преимуществ, выгодных какой-то группировке или нации. В масштабах Галактики, разумеется, экономические соображения редко служат причиной разногласий, но существует много других важных факторов.

Инек кивнул:

— Я догадывался, хотя не очень обращал на это внимание.

— В основном споры ведутся из-за выбора направлений, — разъяснил Улисс. — Раз Центр начал расширять транспортную сеть в этом спиральном рукаве Галактики, значит, у него будет меньше времени и возможностей для расширения в других направлениях. Одна большая группа цивилизаций, например, уже несколько веков добивается развития транспортной системы в сторону близлежащих шаровых скоплений. И определенный смысл здесь, конечно, есть. При том уровне технологии, которого мы достигли, переброска на большие расстояния к некоторым из этих скоплений вполне реальна. Кроме того, шаровые звездные скопления практически свободны от пыли и газа, так что, добравшись туда, мы получили бы возможность расширять транспортную сеть гораздо быстрее, чем во многих других регионах Галактики. Однако никто пока не знает, что нас там ждет. Об этом можно лишь догадываться. Не исключено, что, потратив так много времени и усилий, мы в конце концов не найдем там ничего достойного внимания, кроме новых свободных территорий. А этого добра хватает и в нашей Галактике. Тем не менее шаровые скопления обладают немалой притягательностью для существ с определенным складом ума.

Инек кивнул:

— Понятно. Это стало бы первой попыткой проникнуть за пределы Галактики. Первым маленьким шагом, который может привести нас к другим галактикам.

Улисс взглянул на него с удивлением.

— И ты туда же, — сказал он. — Впрочем, мне следовало догадаться.

— Да, наверное, у меня тот самый склад ума, — сказал Инек ехидно.

— Короче, эта фракция шаровых скоплений, — видимо, их можно охарактеризовать именно так — разразилась протестами, едва только мы начали продвижение в направлении Земли. Ты наверняка понимаешь, что мы находимся в самом начале работы: здесь чуть больше десятка станций, а нужна по меньшей мере сотня. Видимо, пройдет не один век, прежде чем работа над маршрутом будет закончена.

— Но та фракция по-прежнему предъявляет претензии, — догадался Инек. — И работы в нашем спиральном рукаве еще могут быть свернуты.

— Верно. И это меня беспокоит. Фракция не упустит шанс использовать инцидент с пропавшим телом как обладающий большим эмоциональным зарядом аргумент против расширения сети в этом направлении. К ним обязательно присоединятся различные другие группировки со своими специфическими интересами. Все они понимают, что, закрыв наш проект, они получают дополнительный шанс для реализации своих планов.

— Закрыв проект?

— Да, закрыв. И как только инцидент получит огласку, они начнут вопить, что такая варварская планета, как Земля, совсем не место для станции и что нужно ее закрыть.

— Но они не могут этого сделать!

— Могут, — сказал Улисс. — Они будут утверждать, что для нас унижительно и небезопасно держать станцию на варварской планете, где грабят могилы и тревожат прах высокочтимых покойных. Столь эмоциональный довод встретит широкое понимание и поддержку в некоторых областях Галактики. Веганцы старались, как могли. Ради завершения проекта они даже пытались скрыть это происшествие. Ничего подобного им никогда делать не приходилось. Это гордый народ, и они чувствительны в вопросах чести — более чувствительны, может быть, чем другие галактические расы, — однако ради дела они готовы были стерпеть даже оскорбление. Наверное, и стерпели бы, если бы инцидент удалось скрыть. Но каким-то образом история получила огласку, — без сомнения, в результате хорошо продуманной информационной диверсии. И теперь, когда их позор стал известен всей Галактике, стерпеть они не могут. Веганец, который прибудет сюда сегодня вечером, — официальный представитель их планеты, он должен будет вручить ноту протеста.

— Мне?

— Тебе. А через тебя всей Земле.

— Но Земля тут ни при чем. Земля ни о чем не знает.

— Конечно, нет. Только для Галактического Центра ты и есть Земля. Для них ты представляешь Землю.

Инек покачал головой. Сумасшествие какое-то! Но с другой стороны, чему тут удивляться? Чего-то подобного даже следовало ожидать. Он просто слишком узко, слишком ограниченно мыслит. С самого рождения он привык подходить ко всему с земными мерками, и даже после стольких лет этот образ мышления сохранял силу. До такой степени, что любой другой, если ему случалось вступать в конфликт с уже привычным, автоматически казался неверным.

Взять хотя бы предложение закрыть станцию. Какой в этом смысл? Скорее всего, одна закрытая станция никак не помешает завершению проекта. Но человечеству уже не на что будет надеяться.

— Если вам придется оставить Землю, — сказал Инек, — вы можете поставить станцию на Марсе. Если нужна станция в нашей звездной системе, здесь есть много других планет.

— Ты не понимаешь, — ответил Улисс. — Эта станция — лишь одно направление атаки. Зацепка. Начало. А цель — закрыть проект целиком, чтобы можно было перебросить усилия на какой-то другой. Если мы будем вынуждены убрать станцию, это нас в какой-то степени дискредитирует, и тогда у них появятся основания для критической переоценки всех наших мотивов и замыслов.

— Но даже если проект закроют, — возразил Инек, — нет никакой уверенности, что какой-то из группировок это принесет пользу. Снова начнутся дебаты о том, куда потратить высвободившиеся время и энергию. Ты говорил, что сейчас против нас объединяются много различных фракций. Предположим, они победят. Тогда им придется разбираться уже между собой.

— В том-то и дело, — согласился Улисс, — но у каждой из них появляется шанс добиться желаемого. По крайней мере они так думают. В настоящее время у них нет таких шансов. Чтобы они появились, нужно закрыть наш проект. Одна из группировок, базирующаяся на противоположном конце Галактики, мечтает, например, добраться до малонаселенного региона на краю нашего звездного скопления: они до сих пор верят в древнюю легенду, которая гласит, что их цивилизация якобы появилась в результате эмиграции из другой Галактики, чьи жители обосновались на далекой окраине, а затем в течение долгих галактических лет проникали к центру. Они считают, что, вернувшись в окраинные районы Галактики, смогут найти доказательства легенды и сделать ее частью истории к вящей своей славе. Другая группировка хочет получить возможность исследовать маленький спиральный рукав Галактики, потому что они располагают какими-то источниками, свидетельствующими, что в свое время их далекие пред-

ки поймали не поддающиеся расшифровке сигналы, которые, по их убеждению, были посланы именно оттуда. История эта обрастала подробностями много тысячелетий, и теперь они просто убеждены, что там обитает раса феноменальных интеллектуалов. И, разумеется, по-прежнему не угасает стремление поглубже исследовать ядро Галактики. Ты ведь понимаешь, что мы только начали, что Галактика по большей части еще не изучена и что тысячи цивилизаций, сформировавших Галактический Центр, — первопроходцы. В результате Центр постоянно подвергается нападкам и давлению со всех сторон.

— Похоже, — сказал Инек, — у тебя уже не осталось надежды сохранить станцию здесь, на Земле.

— Почти никакой, — ответил Улисс. — Но у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на Земле и жить обычной жизнью земного человека, а можешь, если захочется, получить место на другой станции. В Галактическом Центре надеются, что ты выберешь последнее и продолжишь работу.

— Значит, все уже решено?

— Боюсь, да, — сказал Улисс. — Извини, что на этот раз я прибыл с плохими новостями.

Инек сидел словно в оцепенении. Плохие новости! Это еще мягко сказано. Конец всему!

Рушился не только его собственный мир, но и все надежды Земли. Без станции планета снова окажется в глуши, на задворках Галактики — без надежды на помощь, без шансов на признание, без понимания того, какой чудесный, большой мир ждет людей за пределами Солнечной системы. Одинокое, беззащитное человечество, оступаясь и ошибаясь, пойдет прежним путем к своему слепому, безумному будущему.

ГЛАВА 20

Сиятель оказался в летах. Окружавшее его золотое сияние давно потеряло искрометный блеск молодости. Оно уже не слепило, как у молодых веганцев, а заливало все вокруг мягким, густым, теплым светом. Держался он с большим достоинством, а мерцающий белоснежный хохолок на макушке — не перья, не волосы, а что-то совсем непонятное — придавали ему сходство со святым. В лице мягкость, чуткость — иногда такие лица с множеством добрых морщин можно увидеть у стариков и здесь, на Земле.

— Мне действительно жаль, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами, — обратился он к Инеку. — Но тем не менее я рад знакомству, поскольку мне уже рассказывали о тебе. Не так часто случается, что смотрителем станции работает су-

щество с планеты, которая не входит в галактическое содружество. Признаться, именно поэтому ты меня и заинтересовал. Я все пытался представить себе, каким ты окажешься на самом деле.

— Опасения в данном случае были излишни, — произнес Улисс немного резко. — Я за него ручаюсь. Мы давние друзья.

— Да, я забыл. Ведь ты его и нашел, — сказал сиятель, потом окинул комнату взглядом. — Еще одно существо. Я не знал, что их будет двое. Мне говорили только про одного.

— Это друг Инека, — пояснил Улисс.

— Значит, произошел контакт? Контакт с планетой?

— Нет, контакта не было.

— Тогда нарушение секретности?

— Может быть, — сказал Улисс, — но при таких обстоятельствах, при которых и я, и ты были бы вынуждены поступить так же.

Люси поднялась со своего места и двинулась через комнату к ним — медленно, спокойно, словно она плыла.

Сиятель обратился к ней на посредническом языке:

— Я рад познакомиться с тобой. Очень рад.

— Она не разговаривает, — сказал Улисс. — И слышать ей тоже не дано. Она лишена возможности нормального общения.

— Зато она наделена другими способностями, — сказал сиятель.

— Ты так полагаешь? — спросил Улисс.

— Даже не сомневаюсь.

Сиятель сделал несколько шагов навстречу Люси. Та стояла не двигаясь.

— Оно... вернее, она... насколько я понял из твоих слов, это женщина, — она совсем меня не боится.

— Она не испугалась даже меня, — усмехнулся Улисс.

Сиятель протянул руку Люси. Та несколько секунд стояла неподвижно, затем подняла свою руку и коснулась пальцев — скорее даже, щупалец — сиятеля.

Инеку на мгновение показалось, что окутывающее веганца золотое сияние обволокло и ее. Он моргнул, и наваждение — если это было наваждение — исчезло: в ореоле золотистого света стоял один только сиятель.

Но почему, подумал он, Люси не испугалась ни Улисса, ни веганца? Может быть, она действительно видит сквозь внешнюю оболочку или как-то ощущает скрытую в этих существах человечность (помоги мне Бог, я даже сейчас думаю не иначе как земными понятиями!). А если так, то, может, в ней самой есть что-то такое, чего обычным людям не дано. По происхождению и по виду она, безусловно, человек Земли, но ее не коснулось деформирующее влияние земной культуры. Таким, возможно, был бы

человек, если бы его не стесняли узкие рамки правил поведения и условностей, которые с годами затвердевают и превращаются в законы, определяющие отношение к жизни.

Люси опустила руку и вернулась на диван.

— Инек Уоллис, — произнес сиятель.

— Я слушаю.

— Она твоей расы?

— Да, конечно.

— Но она совсем другая. Как будто вы принадлежите к двум различным цивилизациям.

— На Земле только одна раса людей.

— А есть еще такие же, как она?

— Я не знаю.

Тут к сиятелю обратился Улисс:

— Кофе. Ты не хочешь кофе?

— Кофе?

— Совершенно удивительный напиток. Одно из наивысших достижений Земли.

— Мне этот напиток незнаком. Пожалуй, я откажусь, — ответил сиятель и обратился к Инеку. — Ты уже знаешь, зачем я здесь?

— Похоже, знаю.

— Как это ни печально, — сказал сиятель, — но я вынужден...

— Если ты не возражаешь, — предложил Инек, — давай считать, что протест уже выражен и выслушан. Я заранее его принимаю.

— Может, так оно и лучше будет, — сказал Улисс. — Похоже, это избавит нас троих от довольно болезненной процедуры.

Сиятель все еще сомневался.

— Конечно, если ты считаешь, что должен... — сказал Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Меня вполне удовлетворит, если ты великодушно примешь мой невысказанный протест.

— Согласен, но с одним условием. Я хочу убедиться, что это обоснованное обвинение. Мне нужно сходить и проверить.

— Ты мне не веришь?

— Здесь дело не в доверии. Просто, раз есть возможность проверить, я не могу принять обвинение против меня самого и моей планеты, не сделав хотя бы этого.

— Инек, — обратился к нему Улисс, — веганцы всегда проявляли доброе отношение к Земле. Им и сейчас не хотелось затевать это дело. Они так старались защитить и Землю, и тебя...

— Ты хочешь сказать, что я поступлю неблагодарно, если не приму это обвинение на веру?

— Извини, но я именно это и хотел сказать.

Инек покачал головой:

— Долгие годы я стремился понять и принять этику и образ мышления существ, что проходили через мою станцию. Я отталкивал в сторону свои человеческие инстинкты и привычки. Пытался понять чужие точки зрения, проникнутые иным видением мира, хотя порой это оказывало губительное воздействие на мое прежнее мировоззрение. Но я счастлив, что мне выпала такая доля, что мне представился шанс вырваться из узких земных рамок. Несомненно, я что-то приобрел, но Земли это не коснулось — только меня одного. Однако сейчас происходит нечто такое, что скажется на судьбе всей Земли, и я должен подходить к этому как житель планеты Земля. Сейчас я не просто смотритель галактической станции.

Ни один из его гостей не ответил. Инек подождал еще немного, но инопланетяне по-прежнему молчали, и он направился к двери.

— Я скоро вернусь, — сказал он, затем произнес кодовую фразу, и дверь поползла в сторону.

— Если ты позволишь, — обратился к Инеку сиятель, — я пойду с тобой.

— Хорошо. Идем.

Снаружи было темно, и Инек зажег фонарь. Сиятель следил за его действиями, не отрывая настороженного взгляда.

— Ископаемое топливо, — пояснил Инек. — Фитиль пропитывается им и горит.

— Но у вас должны быть более совершенные системы. — Сиятель был несколько ошарашен.

— Они есть, — ответил Инек. — Это я несколько старомоден в своих привычках.

Он шел впереди и нес в руке фонарь, отбрасывавший небольшой круг света.

— Какая дикая планета, — сказал сиятель.

— В этих местах, пожалуй, да. Но у нас есть и совсем освоенные регионы.

— Нашей планетой мы овладели целиком. Там все давно распланировано.

— Я знаю. Мне доводилось разговаривать со многими веганцами, и они рассказывали о своей планете.

Они дошли до сарая.

— Может, ты хочешь вернуться? — спросил Инек.

— Нет, — ответил сиятель. — Мне это даже интересно. А вот там что — дикие растения?

— Мы их называем деревьями.

— И ветер у вас дует самопроизвольно?

— Да. Мы еще не научились управлять погодой.

Инек взял лопату, стоявшую сразу за дверью сарая, и они направились к саду.

— Ты, конечно, уже поверил, что тело исчезло, — сказал сиятель.

— Я к этому готов.

— Тогда зачем мы идем?

— Я должен убедиться лично. Тебе, наверное, трудно это понять.

— Несколько минут назад, на станции, ты говорил, что старался понять всех нас. Может быть, настало время хотя бы одному из нас постараться понять тебя...

Инек вел сиятеля по тропе, идущей через сад, и вскоре они оказались у грубой ограды, поставленной вокруг могил. Инек прошел за калитку, сиятель последовал за ним.

— Здесь ты его и похоронил?

— Это наше семейное кладбище. Здесь похоронены мои родители, и веганца я похоронил рядом с ними.

Он отдал фонарь сиятелю и, подойдя к могиле, воткнул лопату в землю.

— Пожалуйста, держи свет поближе.

Сиятель сделал два шага вперед. Инек опустился на колени и отгреб в сторону нападавшие листья. Под ними оказалась свежая, мягкая, недавно перекопанная земля. Потом он заметил углубление с небольшим отверстием в центре. Разгребая землю, Инек слышал, как кусочки высохшей глины падают в это отверстие и ударяются обо что-то твердое.

Сиятель переступил с ноги на ногу, и свет фонаря снова ушел в сторону. Однако Инеку и не нужно было больше смотреть. Копать — тоже. Он и так знал, что найдет под землей. Видимо, ему следовало заглядывать сюда почаще, проверять. И, наверное, он зря поставил камень, который, скорее всего, и привлек к могиле внимание. Хотя, с другой стороны, в Галактическом Центре сказали: «Действуйте так, как будто это человек Земли». Что он и сделал. Инек распрямил спину, но все еще стоял на коленях, ощущая, как сырость пропитывает брюки.

— Мне никто не сказал, — тихо произнес сиятель.

— О чем?

— О памятнике. И о том, что на нем написано. Я не знал, что тебе знаком наш язык.

— Я уже давно его выучил — мне хотелось прочесть кое-какие свитки самому. Но, боюсь, здесь я наделал ошибок.

— Две, — заметил сиятель, — и одна маленькая неточность. Но это неважно. Значение имеет лишь то, что ты, когда писал эти строки, думал, как мы.

Инек поднялся с колен и протянул руку к фонарю.

— Идем обратно, — неожиданно резко, даже нетерпеливо сказал он. — Я понял, кто это сделал. И я его отыщу.

Кроны деревьев над головой стонали под напором ветра. Впереди замаячили в слабых отсветах фонаря белые стволы высоких берез. Они росли на краю глубокого обрыва, и Инек знал, что в этом месте надо брать правее, чтобы спуститься по склону холма.

Он обернулся. Люси следовала за ним. Она улыбнулась и показала жестом, что все в порядке. Инек в свою очередь показал рукой, куда им нужно свернуть, и попытался объяснить ей жестами, чтобы не отставала. Хотя, подумал он тут же, это, возможно, лишнее: Люси знала окрестные холмы ничуть не хуже его, а может быть, даже и лучше.

Свернув направо, Инек прошел по краю обрыва, затем спустился по промоине к склону холма. Слева доносилось журчание стремительного ручья, сбегавшего по каменистому ложу из родника у края поля. Вскоре холм стал круче, и им пришлось идти наискось.

Странно, думал Инек, что даже в темноте он легко узнает знакомые приметы: искривленный ствол дуба, торчащего чуть ли не под прямым углом к склону; дальше — старая дубовая роща, венчающая куполообразную каменную насыпь, где деревья выросли так близко друг к другу, что ни один дровосек даже не пытался их срубить; маленькое болотце, заросшее рогозом и словно втиснутое в нишу, вырытую на склоне холма...

Далеко внизу засветились окошки дома, и Инек повернул в том направлении. Потом снова оглянулся, но Люси по-прежнему следовала за ним. Через какое-то время они наткнулись на старую, полуразвалившуюся ограду, пробрались между жердями, и дальше уже земля стала ровнее.

Где-то в глубине двора залаяла собака. К ней тут же присоединилась вторая, затем еще несколько, и секунду спустя навстречу им уже неслась целая собачья свора. Псы на всем ходу обогнули Инека с фонарем и бросились к Люси. Только теперь они вдруг преобразились, это были уже не свирепые сторожевые псы, а этакий приветственный комитет: собаки проталкивались вперед, вставали на задние лапы и повизгивали. Люси приласкала, погладив по голове, одну, вторую, и они, словно по сигналу, принялись радостно носиться вокруг.

Чуть дальше за забором начинался огород, и Инек пошел вперед, осторожно ступая по дорожкам между грядками. Вскоре они оказались во дворе перед домом. Очертания этого просевшего, покосившегося строения скрывала ночная тьма, и только окна кухни светились мягким, теплым светом.

Инек подошел к двери кухни и постучал. Изнутри слышались торопливые шаги, дверь открылась, и в освещенном проеме появилась Ма Фишер — высокая костлявая женщина в каком-то

балахоне, похожем на мешок. Она уставилась на Инека одновременно с испугом и вызовом, но тут заметила позади него свою дочь.

— Люси!

Девушка бросилась вперед, и мать заключила ее в объятия. Инек поставил фонарь на землю, сунул винтовку под руку и шагнул через порог.

Семейство ужинало, сидя за большим круглым столом, стоявшим посередине кухни. Хэнк поднялся, но трое его сыновей и незнакомец остались сидеть.

— Привел, значит, — сказал Хэнк.

— Да, я ее отыскал.

— А мы только-только вернулись. Собирались идти искать снова.

— Ты помнишь, что сказал мне сегодня днем? — спросил Инек.

— Я много чего говорил.

— Ты сказал, что я спутался с дьяволом. Так вот, если ты хотя бы еще раз ее ударишь, я тебя самого к дьяволу отправлю. Понял?

— Нечего меня страшить! — огрызнулся Хэнк, но по тому, как он весь напрягся, было видно, что угроза подействовала.

— Я тебя предупредил. Не испытывай мое терпение.

С минуту они стояли лицом к лицу, затем Хэнк не выдержал и сел.

— Ужинать с нами будешь? — буркнул он.

Инек покачал головой и перевел взгляд на незнакомца.

— Это вы женьшень ищете? — спросил он.

Незнакомец кивнул.

— Мне нужно с вами поговорить. Выйдем...

Клод Льюис встал.

— Незачем тебе выходить! — вскинулся Хэнк. — Еще приказывает! Пусть здесь говорит.

— Да я не против, — сказал Льюис. — Мне и самому давно хотелось с ним поговорить. Вы ведь Инек Уоллис, верно?

— Он самый, — буркнул Хэнк. — Ему следовало помереть от старости лет пятьдесят назад, а ты глянь на него! Я же говорю, он с дьяволом спутался.

— Помолчи, Хэнк, — сказал Льюис, вышел из-за стола и направился к двери.

— Спокойной ночи, — попрощался Инек со всем семейством.

— Мистер Уоллис, — обратилась к нему Ма Фишер, — спасибо вам за то, что вы привели мою девочку. Хэнк ее больше не тронет. Я вам обещаю.

Инек вышел на улицу, прикрыл за собой дверь и поднял с земли фонарь. Льюис поджидал его во дворе.

— Отойдем немного, — сказал Инек.

Они дошли до огорода и остановились.

— Вы за мной наблюдали, — сказал Инек.

Льюис кивнул.

— Это санкционировано? Или праздное любопытство?

— Боюсь, санкционировано. Меня зовут Клод Льюис. И мне нет смысла скрывать от вас, что я сотрудник ЦРУ.

— Я не изменник и не шпион, — заявил Инек.

— Никто так и не думает. Мы просто наблюдаем за вами.

— Вам известно о кладбище?

Льюис снова кивнул.

— Вы забрали из могилы тело.

— Да. Из той, где надгробный камень со странной надписью.

— Где оно?

— Тело, вы имеете в виду? В Вашингтоне.

— Этого делать не следовало, — мрачно произнес Инек. — Ваши действия повлекли за собой большие неприятности. Нужно вернуть тело в могилу. И как можно скорее.

— На это потребуются время, — сказал Льюис. — Придется доставлять его самолетом, но все равно получится не меньше суток.

— А быстрее?

— Ну, может быть, немного быстрее.

— Верните тело как можно скорее. Это очень важно.

— Хорошо, Уоллис. Я не знал...

— И вот что еще, Льюис...

— Да?

— Не вздумайте хитрить. Никаких фокусов. Просто сделайте, что я сказал. Я пошел на переговоры с вами, потому что это единственный путь. Но один ваш неверный шаг...

Инек схватил Льюиса за рубашку и притянул к себе:

— Вы меня поняли, Льюис?

Тот стоял, даже не пытаясь освободиться.

— Да. Я все понял.

— За каким чертом вы вообще это сделали?

— Работа такая, — ответил Льюис.

— Работа... Вам положено наблюдать за мной, а не грабить могилы. — Инек отпустил наконец его рубашку.

— А скажите... — неуверенно начал Льюис, — там, в могиле... Что это было?

— Вас это не касается, — отрезал Инек. — Но доставить тело обратно — ваша прямая обязанность. Вы уверены, что сумеете это сделать? Вам никто не мешает?

— Все будет в порядке. Я позвоню, как только доберусь до телефона. Скажу, что дело крайне важное.

— Так оно и есть, — подтвердил Инек. — Если вы вернете тело на место, это будет самая важная работа в вашей жизни. Не забывайте об этом ни на минуту. Ситуация касается абсолютно всех на Земле. Вас, меня — всех. И если вы меня подведете, вам не поздоровится в первую очередь.

— Имеется в виду вот это? — спросил Льюис, кивнув на винтовку.

— Возможно, — ответил Инек. — И не вздумайте шутить со мной! Можете не сомневаться: если потребуется вас убить, я сделаю это без колебаний. Положение таково, что я готов пойти на все...

— Уоллис, но хоть что-то вы мне можете объяснить?

— Ничего, — ответил Инек.

— Вы домой?

Инек кивнул.

— Похоже, вы не возражаете против нашей слежки?

— Не возражаю. Но только против слежки. Верните тело и можете продолжать, если вам хочется. Но ко мне не суйтесь. Не давите на меня. Не вмешивайтесь. Держитесь подальше.

— Но что происходит, черт побери? Скажите же хоть что-нибудь!

Инек задумался.

— Хотя бы намекните, — продолжал Льюис. — В общих чертах...

— Верните тело на место, — с нажимом проговорил Инек. — Тогда мы, может быть, поговорим.

— Вернем, — заверил его Льюис.

— Если не вернете, считайте себя покойником, — сказал Инек и, резко повернувшись, двинулся через огород к подножью холма.

Льюис долго стоял во дворе и, пока раскачивающийся фонарь не скрылся из виду, смотрел Инеку вслед.

ГЛАВА 22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. Турбанца он отправил своей дорогой, а сиятеля послал обратно на Вегу-XXI. На плите снова грелся кофейник, а сам Улисс разлегся на диване.

Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул ее на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут, — произнес он. — Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесет какую-то пользу, — сказал Улисс. — Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством доброй воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело. — Инек решил перевести разговор на другую тему. — Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал и где оно сейчас.

— Видимо, да, — отозвался Улисс, — но, я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Все остальное — твоя задача. Как-никак он представитель потерпевшей стороны, их оскорбили. Он должен был помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти, — заметил Инек. — Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического Центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда все изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе, как через несколько тысячелетий жители Галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть, — но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь почти как землянин, — сказал Инек. — Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какого-то следа... Кстати, ты произвел на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось, — сказал Инек. — Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне... Именно она на него и подействовала.

— Я сделал ее не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно. И еще потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать все честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества, — сказал Улисс, — я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и не представляешь... Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой:

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом Центре было бы гораздо легче, если бы сиятели поддерживали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошел его снять. Улисс тем временем отодвинул сложенные на кофейном столике сувениры, освобождая место для двух чашек. Инек наполнил их и поставил кофейник на пол.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало, — неожиданно сказал он. — Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический Центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор... — Он взглянул на Инека и спросил: — А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет, — ответил Инек, — не совсем так. Я знал, что у вас тоже существуют противоположные точки зрения и случаются конфликты. Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентельменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности...

Инек кивнул:

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не все понятно, но я готов принять ее существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию...

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины...

— Видимо, можно и так назвать, — согласился Улисс. — Хотя слово «машина» не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он собой представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель Галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось, а его творец не оставил после себя ни чертежей, ни схем, ни даже единой записочки. Так что Талисман по-прежнему остается загадкой для всех.

— Но, надо полагать, — сказал Инек, — против изготовления дубликата никто бы не возражал? Никаких священных запретов тут нет? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез. — Инек даже подскочил в кресле.

— Исчез?

— Да, — подтвердил Улисс. — Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось.

— Но я даже не...

— Верно, ты не мог об этом слышать. — Улисс печально улыбнулся. — Потому что мы никому не сообщали. Не решались. Жители Галактики не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время.

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это несложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету, где Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число жителей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам: они просто путешествуют по Галактике. На некоторых планетах между посещениями хранителей проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определенному сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и на их планете.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да, — сказал Улисс. — Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой:

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом Центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему...

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь... Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьез обеспокоен, — сказал Инек. — Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает — кроме Галактического Центра и... — как бы это поточнее сказать?.. — иерархии, что ли. Организации посвященных, которая занимается вопросами духовности. Но даже при том, что никто еще не знает, Галактика уже дает слаbinу и кое-где трещит по швам. Со временем все вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы Галактики, оказывая свое воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман все равно где-то существует, — заметил Инек. — Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь, — напомнил Улисс, — что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант и действует в качестве некоего посредника, позволяющего восприимцу выполнять свою функцию.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но это одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же самые склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю Галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентельменски, достойно и тактично.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к негромкому свисту ветра за стенами дома.

— Не забивай себе голову, — сказал наконец Улисс. — У тебя и так забот хватает. Зря я тебе все рассказал. Довольно опрометчиво с моей стороны.

— Ты имеешь в виду, что я никому не должен об этом говорить? Можешь быть спокоен.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. И никогда не думал иначе.

— Но ты действительно считаешь, что отношения между галактическими расами портятся? — спросил Инек.

— Когда-то все они были заодно, — ответил Улисс. — Конечно, по многим вопросам жители Галактики придерживались различных позиций, однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но, когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. Потому что они этого хотят. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности, мы добьемся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но все же содружество прогрессировало. Мелкие обиды и разногласия мы просто отметали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут еще мельче, а потом и вовсе исчезнут. Но теперь все по-другому. Откуда-то из темных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются

до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это здорово напоминает Землю, — заметил Инек.

— Да, очень, — ответил Улисс. — Внешне. Хотя речь идет о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул:

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война, — без околичностей заявил Инек.

Улисс поежился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает, — сказал Инек.

— В Галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь, — сказал Улисс. — Раза два и мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входят много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть еще надежда. Нужно только переболеть этим.

— На это требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории, — сказал Инек. — По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы все ясно.

— Но дело не в таблице. Я работал над ней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Какое-то решение. Если бы мы только нашли его или знали, где искать, у кого спросить.

— Такой способ есть, — произнес Улисс.

— Ты хочешь сказать, что тебе известно...

— Но это радикальная мера. И применять ее можно, лишь когда ничего другого уже не остается.

— А ты считаешь, что у нас еще есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — все уничтожит, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьет почти все живое на планете.

— Этот твой способ... Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы даже не стали бы об этом думать, если бы сомневались в успехе.

— Его можно использовать на Земле?

— Да. Ты должен дать запрос.

— Я?!

— Как представитель Земли, ты можешь обратиться в Галактический Центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и, если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-нибудь еще с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический Центр. Но, чтобы туда обратиться, нужно прежде всего знать о его существовании, а ты единственный человек на Земле, которому о нем известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. Долго работал смотрителем станции. У тебя безупречный послужной список. К тебе там прислушаются.

— Но я же один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми...

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Тоже верно...

Ему самому мысль о галактическом содружестве разумных существ и раскинувшейся среди звезд транспортной сети давно уже перестала казаться странной. Время от времени на него еще накатывало восторженное удивление, но ничего странного он тут уже не находил. Хотя, конечно же, чтобы привыкнуть, потребовались годы. Годы, в течение которых он все это видел своими глазами и лишь потом постепенно принял. Но рассказать такое любому другому землянину, — и тот подумает, что рассказчик просто рехнулся.

— Что это за способ? — спросил Инек, хотя внутри у него все сжалось от волнения и он приготовился к самому худшему.

— Оглупление, — ответил Улисс.

Инек судорожно вздохнул.

— Оглупление? Не понимаю. Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто не только на Земле, но и по всей Галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, что делают возможной грозящую Земле войну. О неспо-

способности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не научится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Инек застыл, выпрямившись в кресле, не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало леденящим ужасом, но в мозгу роилось множество мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера, — добавил Улисс. — Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку, — проговорил Инек. — Это никому не под силу...

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война...

— Я знаю. Если начнется война, будет еще хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди все равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами, — сказал Улисс. — Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во всяком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь.

Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война — кроме мелких локальных конфликтов — станет невозможна.

— Ужасная картина... — произнес Инек.

— Война не менее ужасна, — сказал Улисс. — Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек. — Мы же оглупеем не навсегда?

— На несколько поколений, — ответил Улисс. — Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходиться на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем, фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но, спустя еще несколько поколений, они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет тем же путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны.

— Но это слишком большой груз для одного человека...

— Есть одно обнадеживающее обстоятельство, — добавил Улисс, — и тебе необходимо иметь это в виду. Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать, — сказал Инек.

Однако он понимал, что времени на раздумья практически не осталось.

ГЛАВА 23

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать свое дело. И со всеми вокруг произойдет то же самое. У людей ни с того ни с сего пропадут знания и опыт, необходимые, чтобы выполнять стоящие перед ними задачи. Они, конечно, будут пытаться работать, как прежде, но, видимо, не очень долго. А поскольку никто не сможет работать, корпорации, конторы, заводы просто перестанут действовать. Не закроются, не обанкротятся, а просто останутся. И не только потому, что никто не сможет работать или ни у кого уже не хватит ума, чтобы управлять производством, — транспорт и связь, от которых зависит бизнес, тоже прекратят существование.

Локомотивы, самолеты и корабли останутся на своих местах, потому что не будет никого, кто мог бы вспомнить, как управлять этими машинами. Множество людей, которые еще недавно обладали всеми необходимыми знаниями, вдруг поймут, что они уже ничего не умеют. Возможно, найдется кто-то, кто все равно захочет попробовать, но, скорее всего, такая попытка закончится трагически. У кого-то еще, видимо, останутся смутные воспоминания о том, как водить легковой автомобиль, грузовик или автобус, потому что они просты в управлении и люди, как правило, делают это почти инстинктивно. Но когда машины сломаются, не останется уже ни одного автомеханика, способного их починить, и они тоже встанут.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в затерянном мире, где расстояние — один из важнейших факторов. Мир увеличится, океаны снова превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнутся паника, суматоха, бегство, отчаяние перед свершившимся, перед действительностью, которую никто не в состоянии понять.

Сколько пройдет времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнется голод? Что произойдет, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, лишённые средств и возможностей для нормального функционирования, превратятся в ничто, связь исчезнет, закон и порядок канут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнет медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаяния. Со временем положение стабилизируется, и мир привыкнет к новому образу жизни, но в процессе утряски слишком многие погибнут и многие другие потеряют все то, что означало для них нормальную жизнь или смысл жизни.

Однако будет ли это хуже, чем ядерная война?

Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснется огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие. Когда закончится начальная фаза перемен, человечество получит шанс выжить и построить новую цивилизацию.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но всегда остается надежда, что Земля все-таки избежит этой опасности, что мир — пусть хрупкий и неустойчивый — удастся сохранить. В таком случае уже не будет отчаянной нужды в радикальном средстве против войны, что предлагают жители Галактики. Прежде чем решать, необходима уверенность. Но где ее взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, все равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? По какому праву может один человек принимать решение, которое повлияет на всех остальных, на миллиарды людей? И оправдают ли последующие годы его выбор?

Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглушение? Видимо, не под силу. Разве можно представить себе, оценить и ту и другую катастрофу?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти все-таки к окончательному решению — пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью...

Инек встал и подошел к окну. Звук шагов отдавался в помещении станции глухим эхом. Он взглянул на часы и увидел, что уже за полночь.

Среди жителей Галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, неплохо — в том смысле, что появилось бы все-таки определенное решение, но разве не принижает оно или не отменяет вовсе значимость каких-то граней проблемы, которые для человечества не менее важны?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к темной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если ее обитатели в порыве вражды пустят в ход чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падет на землю, и уже не будет никакой разницы, где живет человек. Рано или поздно война дотянется до него, если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, сыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой, и сложил в пачку, отметив, что Улисс забыл забрать с собой те, которые он приготовил для него раньше. Разумеется, инопланетянин был расстроен, иначе он не забыл бы газеты. Боже, подумал Инек, у каждого из нас полно тревог.

День выдался нелегкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в «Таймс», касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причем событиями серьезными и зловещими.

Более ста лет все шло хорошо. Бывали дни плохие, бывали хорошие, однако в целом жизнь текла спокойно и без тревожных инцидентов. Но вот наступил день сегодняшний, и все безмятежные годы как ветром сдуло.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он принесет родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закроют, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради

спасения которой Галактический Центр готов провести радикальную и унижительную акцию.

Наверное, еще не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочел и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звездам, к еще большим знаниям и тому возвышенному пониманию Вселенной, которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Но ждать этого дня придется долго, а последние события, о которых ему стало известно, отодвинут его еще дальше. Впрочем, и информация, собранная с таким трудом за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, которые он мог бы получить за следующий век (или тысячелетие), что просто стыдно было предлагать ее людям Земли. Если бы только ему было отпущено больше времени... Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как все это произойдет, — как он откажется от работы в Галактическом Центре, как променяет целую Галактику на одну-единственную планету, пусть даже эта планета его родная.

Терзая свой разум, он мучительно искал ответ, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один.

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю, и Галактику.

ГЛАВА 24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно, и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадеживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чувствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять заснуть, они уйдут, затеряются где-то и, когда он проснется, их уже не будет?..

Но что-то еще было не так, что-то, помимо забот и проблем... Шея и плечи болели невыносимо, все тело как будто свело, а подушка казалась слишком твердой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола. Пошевелив губами, Инек почувствовал во рту противный привкус, как того и следовало ожидать. Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затекшие мышцы и онемевшие суставы. Пока он стоял у стола, беспокойство, все его проблемы и ужасная необходимость искать ответы просочились из темных уголков памяти обратно. Инек мысленно отмахнулся от них — не очень успешно, но все же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Подойдя к плите, он поискал кофейник, потом вспомнил, что вечером поставил его на пол рядом со столиком. Две чашки с кофейным осадком на дне все еще стояли среди сувениров, где в куче других безделушек, что Улисс отодвинул в сторону, освобождая место для чашек, лежала на боку пирамидка из шариков. Она по-прежнему светилась и вспыхивала, а шарики, как и раньше, вращались каждый в свою сторону.

Инек взял пирамидку в руку и провел пальцами по основанию, на котором покоились шарики, но ни кнопки, ни рычажка, ни какого-нибудь углубления — ничего такого, чем можно было бы включать игрушку и выключать, — он так и не нашел. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он не один раз смотрел... Однако днем раньше Люси что-то с ней сделала, и пирамидка включилась. Она работала уже двенадцать часов, но пока ничего не произошло. Хотя, может быть, ничего такого, что он в состоянии заметить...

Вернув игрушку на столик, Инек составил чашки одну в другую, потом наклонился за кофейником, но взгляд его по-прежнему удерживала пирамидка.

Чертовщина какая-то. Ему Бог знает сколько лет не удавалось ее включить, а Люси сумела сделать это за несколько минут. Теперь вот неизвестно, как ее выключить, хотя, судя по всему, работает она или нет, разницы никакой.

Чашки и кофейник Инек отнес в раковину. На станции царил тишина — тяжелая, давящая тишина, но, скорее всего, сказал он себе, это ему просто кажется.

Инек подошел к аппарату связи, экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возмо-

жно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придется закрыть и все остальные станции, идущие за ней. В этом спиральном рукаве Галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся, и аппаратура простаивала так же, как сейчас.

Нервы у меня шалют, подумал Инек. Нервы.

Конечно же, ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он повернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет обратно и достал два последних яйца из той дюжины, что привез ему из города Уинслоу неделю назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня не ходить? Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но, вовсе не обязательно идти сегодня только потому, что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы на станции — никогда не запускать дневник. Случалось, он делал записи чуть позже, но, даже когда у него не хватало времени, Инек ни разу не позволил себе пропустить что-то мало-мальски значительное. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытал прилив гордости и удовлетворения от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашел отражение между обложками этих дневников. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человеческое общество; здесь все, что он

видел, слышал и о чем думал в течение ста с лишним лет общения с жителями Галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Какое-то время Инеку удавалось как бы не замечать их — совсем недолго, только чтобы прийти в себя и справиться с усталостью, но теперь он уже не противился. Решать все равно придется.

Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и стал завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось еще достаточно.

ГЛАВА 25

У родника его ждал «искатель женьшеня».

Инек заметил Льюиса издали и с раздражением подумал: уж не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идее отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями.

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в свое время убивать, но то было давно, на войне, и вопрос тогда стоял по-другому: или ты, или тебя. Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих через пороховой дым. Эти люди поднимались вверх с одной только целью — убить его и всех тех, кто был рядом с ним. Отнюдь не в первый раз пришлось ему тогда убивать и далеко не в последний, но все долгие годы сражений почему-то свелись у него в памяти к одному этому моменту — не к тому, что произошло позже, а к этому тягучему, страшному мгновению, когда он увидел перед собой ряды солдат, неотвратно приближающихся по склону холма, чтобы его убить.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действие, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безрассудной яростью, что живет значительно дольше породившего ее инцидента; действие совершенно нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своем долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то, по крайней мере, все те материальные и духовные ценности, что были

символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошел к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь, — сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете...

Инек молча перешагнул через небольшую заводь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером, — продолжал Льюис. — Из Вашингтона в Мадисон самолетом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать, — кивнул Инек.

— Мое руководство настаивало, чтобы я еще раз спросил у вас, чье это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете, — сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец, — осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время все меняет.

— Все, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит, — усмехнулся Инек. — Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и все, что с вами связано, на веру. Ничего не понимаю, но, по крайней мере, уже принял. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы все оставалось без изменений. Теперь, когда я с вами познакомился, я даже рад, что выбрал такой путь. Но все-таки это неверно. Мы ведем себя, как враги, как два незнакомых пса, но не так же все должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но я не хочу никоим образом вмешиваться...

— Вы уже сделали это, — сказал Инек. — Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. При чем вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счет. Вы навлекли беду на все человечество.

— Ничего не понимаю, — сказал Льюис. — Я очень сожалею, но все равно не понимаю. Там на камне была надпись...

— Вот это уже моя ошибка, — перебил его Инек. — Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет рыскать тут и...

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано, — сказал Льюис. — Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, кроме того, что мы вернем тело?

— Можно... Не исключено, что мне потребуется помощь.

— Говорите, — поспешно сказал Льюис. — Если это выполнимо...

— Возможно, мне понадобится грузовик, — ответил Инек. — Перевезти кое-какие вещи, записи и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарем. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они еще и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьезностью.

— Я доставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Все будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да, — сказал Льюис. — Мы свяжем вас, с кем пожелаете.

— И еще одно...

— Слушаю.

— Умение забывать, — сказал Инек. — Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придется оставить все как прежде. И если это произойдет, смогли бы вы и те другие люди, о которых вы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, что это возможно, — ответил Льюис. — Но я продолжу наблюдения.

— Хотелось бы. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помощь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? спросил Льюис.

Инек покачал головой:

— Ничего. Все остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал Инек, он и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И может ли он быть уверен, что вообще на кого-то можно положиться?

Однако, если он решится оставить Галактический Центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помощь. Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой дневники и подарки? Ему придется действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о Галактике? Найдет ли в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдет время решать, сможет ли он разом оборвать все, что связывало его с другими жителями Галактики и загадками других звезд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно все решил, договорился, как организовать свое возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь, у этого родника, постоянно кто-то будет, — сказал Льюис. — Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится, — сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого, — ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него на душе — словно что-то до сих пор было не так, а теперь все встало на свои места; словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашел.

ГЛАВА 26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе. — Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика, — ответил Уинслоу, — а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, угощает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Угощает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного, — сказал Инек, — Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал ее, чтобы он немного поостыл.

— Наверное, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверное, избил бы ее до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить неприятности.

— Он еще вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увел девчонку, а потом испугался и привел обратно. Говорит, ты спрятал ее в доме, но, когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный, и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет, — сказал Инек. — Хэнку просто померещилось.

— Пока все спокойно, — добавил почтальон. — На трезвую голову да еще среди бела дня никто из них никуда не пойдет. Но ближе к вечеру они все наберутся и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобратся...

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— Рассказывает. И много чего другого, — ответил Уинслоу. — Я там, наверное, полчаса сидел слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и, отдав ее Инеку, продолжал:

— Я тебе вот что еще скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей... И живешь — всех сторонишься, и вообще странный ты. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке. Я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю, но тем, кто с тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит... — Уинслоу не закончил фразу и умолк.

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой?

Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил, — сказал Инек.

— А это правда, что никто не сможет забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Похоже, правда. Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоём месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высовывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно, — произнес Уинслоу, — вроде я все рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне до дороги придется ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь, — сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая ее взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ, и секунду спустя развалюха скрылась за кустами, вымахавшими по обеим сторонам дороги.

Инек повернулся и побрел к станции.

Только пьяной толпы ему не хватало...

Орущая толпа вокруг станции... Рассвирепевшие люди колотят в окна и двери, лупят из ружей по стенам... Если и оставалась еще какая-то смутная надежда на то, что Галактический Центр не станет закрывать станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто стремится прекратить расширение транспортной сети в этом спиральном рукаве Галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему все случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъяренная толпа, вопрос о закрытии станции будет решен однозначно, но и это еще не все: в такой ситуации у него не останется выбора — придется принять предложение Галактического Центра и стать смотрителем на другой станции. Остаться на Земле будет невозможно при всем желании... Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже висит на волоске. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлеченным в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придется давать объяснения и рассказывать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберется. Вряд ли люди поверят болтовне Хэнка Фишера, и, возможно, все еще обойдется.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа, если они вообще соберутся, он будет на станции один, и никто в Галактическом Центре о случившемся не узнает. Если повезет, то все обойдется. А ему просто должно повезти: уже несколько дней подряд на него сваливаются одни только неприятности.

Инек подошел к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом, — ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким он знал его в детстве.

Сам дом выглядел как и прежде, разве что в те далекие времена на окнах еще были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились все гуще, пышнее и запутаннее; вязы, что посадил его отец, из прутиков футов шести высотой превратились в могучие деревья; куст желтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а несколько грядок с пряно-стями у ворот совсем задушили сорняки.

От старой каменной ограды, уходившей в обе стороны от ворот, оставалась теперь просто длинная утрамбованная насыпь. Сотня холодных зим, ползучие вьюнки и трава, долгие годы пренебрежения сделали свое дело. Пройдет еще век, и ограда совсем сровняется с землей, — от нее даже и следа не останется. А на склоне холма, где поработала эрозия, уже сейчас были длинные участки, где она исчезла совсем.

Все эти изменения произошли давно, но Инек почти не замечал их. А сейчас заметил и удивился: почему это вдруг? Может, потому, что скоро ему предстоит вернуться к Земле? Но ведь он никогда и не покидал здешних просторов, солнца, воздуха, физически он всегда оставался на Земле, хотя долгие годы — куда дольше, чем большинству людей вообще выделяет судьба, — можно сказать, путешествовал по множеству миров, разбросанных среди звезд.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришлось задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний, что будут брести рядом сквозь годы и расстояния независимо от того, какую жизнь он себе избрет — на Земле или среди звезд? Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни Галактику, задолжавший и тем и другим, но не способный ни с кем расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того и другого?

Инек поднялся на холм, у подножья которого бил из земли родник; от ощущения вновь обретенной принадлежности к человечеству на душе у него потеплело. Теперь его связывало с этим

миром что-то вроде мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому Центру? Да и хочется ли ему снова стать человеком?

Инек медленно прошел за ворота. В его мыслях беспрестанно сталкивались вопросы — огромный, неиссякающий поток вопросов, на которые нет ответов. Впрочем, подумал он, это не так. Ответы есть, но их слишком много.

Может быть, его навестят сегодня Мэри, Дэвид, все остальные люди-тени, и ему удастся обсудить с ними... Тут Инек вспомнил, что ни Дэвид, ни кто-то еще уже не придет. Они посещали его годами, но теперь все кончено. Волшебный свет померк, иллюзии разбились, и он остался один.

Совсем один, пронеслась горькая мысль. Все — иллюзии. У него никогда не было ничего настоящего. Долгие годы он обманывал себя — весьма охотно и добровольно, населяя угол у камина творениями своего собственного воображения. Мучаясь одиночеством, не имея возможности видеть и слышать людей, он создал по инопланетной методике существа, способные обмануть любое чувство, кроме осязания.

В общении с ними подводило даже чувство меры.

Странные создания, подумал он. Несчастливые создания, не принадлежащие ни миру теней, ни миру живых. Слишком человеческие для мира теней и слишком бесплотные для Земли.

Мэри, если бы я только знал заранее... Я никогда бы этого не сделал. Мне самому было бы легче остаться в одиночестве...

Но теперь ничего уже не поправишь. И помощи ждать неоткуда.

«Однако, — встревожился Инек, — что-то со мной происходит? В чем дело?»

Он совершенно перестал соображать. Пообещал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если те явятся к дому, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело сиятеля.

И если они появятся одновременно, тут черт знает что начнется.

Сраженный этой мыслью Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А он просто обязан это сделать. Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи.

Придется рискнуть, решил Инек.

Может быть, толпа еще не нагрянет. А если это все же произойдет, какой-нибудь выход из положения наверняка найдется.

Он что-нибудь придумает.

Должен придумать.

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушенного гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил ее на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займет немало времени. Выйдет, пожалуй, несколько страниц, даже если писать плотно, и события надо излагать четко, последовательно, чтобы все выглядело так, словно о вчерашних событиях он написал вчера, а не день спустя. Нужно описать каждое событие, каждую грань происшедшего и все, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен сделать сегодня. Ему это неизменно удавалось, потому что он создал для себя как бы особую нишу — не на Земле, не среди галактических просторов, а в каком-то неопределенном мире, который можно было бы назвать бытием. И работал там, словно средневековый монах в своей келье. Он был всего лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль, и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, но тем не менее он оставался именно наблюдателем, никак не вовлеченным в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и Галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранить объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а такое отношение всегда служило ему основой для работы над дневниками.

Инек подошел к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашел то место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника оставалось лишь несколько чистых листков — видимо, слишком мало, чтобы записать все, что требовалось. Скорее всего, ему не хватит места и придется начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера, всего два дня назад. Но, казалось, она повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал еще до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь

или перейдет на новую станцию на другой планете. Земля для Галактики все равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. Негодование на свою судьбу (если такая штука вообще существует), на недомыслие (это касалось и Земли, и жителей Галактики), на мелочные ссоры, грозящие остановить шествие галактического братства, которое только-только достигло этого сектора пространства. И на Земле, и во всей Галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полет мысли.

Инек чувствовал в себе смутное, неосознанное стремление что-то делать — мерить станцию шагами, словно зверь в клетке, бежать за ворота, кричать изо всех сил, крушить, чтобы избавиться от гнева и разочарования.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, высыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдается в ушах тяжелым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал ее холодность, унылость и положил винтовку на место.

Какое мальчишество, подумал он, вымещать свое раздражение и злость на чем-то несущественном. Тем более что серьезных причин для таких эмоций, в общем-то, нет. И в том, как складываются события, тоже нет ничего неожиданного, — ему следовало сразу понять это и принять как совершенно естественное явление. К подобным вещам человеку, живущему на Земле, положено привыкнуть уже давно.

Инек окинул станцию взглядом: все как будто замерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой. Нелепое это занятие или нет, оно, по крайней мере, отвлечет его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем.

Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

ГЛАВА 28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены терялись в полумраке за рядами огней, которые Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные туннели и комнаты были

вырезаны прямо в камне, вытолкнутом из толщи тектоническими силами и ставшем основанием холму.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие на неизвестном Земле принципе. А глубоко внизу, под каменным полом, покоились гигантские цистерны с кислотами и кашицеобразной жидкостью, получившейся из тех существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в темноту галерее. Нащупав выключатель, он зажег свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, уставленные бесчисленными подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов Галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — или практическое, или эстетическое. Узнать бы только, какое именно. Хотя, конечно, далеко не в каждом случае это может пригодиться землянам.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно: каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек, по крайней мере, знал, для чего они предназначены, а в отдельных случаях и каков их принцип действия. Некоторые из них не представляли собой ничего особенного, другие обладали потенциальной ценностью, третьи на данный момент вообще никак не соотносились с человеческим образом жизни, и был там еще ряд предметов, помеченных красными бирками. При мысли об этих «сувенирах» Инека каждый раз пробирала дрожь.

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетить.

Инек подошел к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошел в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше, месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножья холма волнами колыхалась высокая жесткая трава. Ветра не было, но трава все равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тыся-

чи разозленных боровов дрались там из-за отборных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть, прямо от самой реки, слышался монотонный рев, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чуял опасность, знал о ее присутствии, и в то же время ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку все еще казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой темный лес. За лесом высились на фоне неба темно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но насколько хватало глаз сохраняли темно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вообще.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга. Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напоминали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели, как два старика, накинувшие на плечи волчьи шкуры и собравшиеся на маскарад. Но картину портили мертвенно-бледные морды и болтающиеся языки, ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в ухмылке беззубые пасти. Темный густой лес казался почти черным, а листва странно отсвечивала, как будто каждый отдельный лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появились сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута три в высоту. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки все еще доносился хриплый рев, а между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевел взгляд на выползающих из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две похожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюрбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогредел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передернув затвор, прицелился во вторую тварь. Еще один толчок в плечо, и зверь подпрыгнул в воздухе, перевернулся, упал на землю, проскользнув по инерции чуть вперед, а затем покатился по склону холма обратно вниз.

Инек снова передернул затвор — на солнце блеснула вылетевшая гильза — и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но, едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рев, доносившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь, Инек оглядел окрестности: похоже было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья он все еще слышал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были все еще так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несет.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли еще ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра. Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дернулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на нее наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость желтого цвета — видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжание громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюканье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издает этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Черный

шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнушимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом с четырьмя длинными ходулями, несшими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев.

Он почувствовал, что по спине у него забегали мурашки. Шею закололо, словно, подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но, даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нащупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжание стало еще громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскачивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие на изготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это клювы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжание перешло в вопль, который становился все пронзительнее, все тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеренное, словно удары метронома, хрюканье пробирающегося над лесом черного шара.

Безотчетным движением Инек прижал приклад к плечу, выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали, как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу, — огромные смертоносные стрелы, направленные прямо в него...

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съежилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалилась куда-то в сторону. Передернув затвор, Инек выстрелил еще раз, и закувыркалась вторая «птица». Снова щелкнул затвор, и раздался еще один выстрел. Третья тварь скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке.

Остальные вдруг прервали стремительное пикирование, круто развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда-то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжелой поступи, а

из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рев. Черный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища, если что-то столь карикатурное и отвратительное можно вообще назвать лицом, с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперед губами и еще десятком каких-то одинаковых органов, очевидно глаз. Черный шар — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи уголья. Теперь же ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял в плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными черными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, а съезжившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясали конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донесся дробный шорох черных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удушливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали ему на одежду. Тварь на ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю.

Окружавший Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами. Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблескивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

ГЛАВА 29

Инек опустил винтовку и сделал глубокий, осторожный вдох.

Возвращаясь в свой, знакомый, мир после коротких посещений мира иллюзорного, он каждый раз входил туда медленно, постепенно.

Включая тир, он понимал, что его ожидает иллюзия, и, когда все заканчивалось, у него тоже не возникало на этот счет никаких

сомнений. Но события, заключенные между двумя этими мгновениями, казались абсолютно реальными и достоверными.

Когда строилась станция, его спросили, есть ли у него какое-нибудь увлечение — что-то такое, для чего они могли бы оборудовать специальное помещение. Инек сказал тогда, что было бы неплохо построить стрелковый тир, и не ожидал в общем-то ничего более сложного, чем длинный коридор, в конце которого перемещаются на цепи жестяные утки или вертится колесо с глиняными трубками. Но это, конечно же, было слишком примитивно для эксцентричных архитекторов и шустрых строителей станции.

Сначала они не понимали, что он имеет в виду, и пришлось объяснять, что такое винтовка, как она действует и для чего используется. Инек рассказал им, как это здорово — выйти солнечным осенним утром и поохотиться на белок или выгнать по первому снегу зайца из-под куста (хотя на зайцев ходят не с винтовкой, а с охотничьим ружьем), или пострелять осенним вечером енотов, или подстеречь у тропы, ведущей к водопою, оленя. Впрочем, Инек не был до конца откровенен и не стал рассказывать, как еще можно использовать винтовку и как он занимался этим четыре долгих года.

Он поделился с ними своей юношеской мечтой об охотничьей экспедиции в Африку, хотя даже в тот момент понимал, как далеко до ее исполнения. Но после ввода станции в действие ему не раз доводилось охотиться на зверей гораздо более странных, чем самые экзотические животные Африки.

Откуда, с каких планет взялись все эти твари (если только они не плод воображения инопланетян, программировавших ленты, которые воспроизводили охотничьи сцены), Инек не имел ни малейшего понятия. Он пользовался тиром тысячи раз, но за долгие годы ни сами сцены, ни животные еще никогда не повторялись. Возможно, думалось ему, набор сюжетов когда-нибудь кончится и все начнется сначала, но это его совершенно не беспокоило: едва ли он припомнит в деталях приключения, которые ему довелось пережить так много лет назад.

Инек не понимал технологии и научных достижений, сделавших этот фантастический тир реальностью, но, как и многое другое, просто принимал на веру, не задаваясь лишними вопросами и надеясь, что когда-нибудь ему удастся отыскать ключ к двери, ведущей от слепой веры к пониманию не только удивительного тира, но и всего остального.

Он часто пытался представить себе, что думают инопланетяне об этом его увлечении стрельбой, о древнем инстинкте, заставляющем человека убивать не ради удовольствия, но ради победы над опасностью, ради стремления противопоставить силе зверя еще большую силу, ответить на коварство хищника

мастерством. Может быть, тем самым он дал своим галактическим друзьям повод для переоценки человеческого характера? Что они думают о способности человека провести грань между убийством других форм жизни и существа своего вида? Да и есть ли какое-то убедительное различие между охотой и войной? Особенно для жителей Галактики. Ведь животные, на которых человек издавна охотился, ему гораздо ближе, чем большинство инопланетян.

Что такое война? Проявление инстинкта, за которое каждый отдельный человек так же ответствен, как политики или так называемые государственные деятели? Может быть, и не совсем так, но в каждом человеке продолжает жить этот боевой инстинкт, агрессивный дух, стремление обязательно опередить, а такие качества, дай им свободно развиваться, рано или поздно приводят к конфликтам.

Инек сунул приклад под руку и подошел к стенной панели. Из щели в самом низу торчал кончик ленты. Он вытянул ее и принялся разбирать условные обозначения. Результаты оказались не слишком утешительными.

Он промахнулся, стреляя в первую атакующую тварь, похожую на волка с лицом старика, и где-то там, в иллюзорном мире, два рычащих хищника уже раздирали окровавленное тело Инека Уоллиса в клочья.

ГЛАВА 30

Возвращался Инек по той же галерее, заставленной подарками инопланетян, словно пыльная мансарда обычного земного дома, куда складывают всякие ненужные вещи.

Лента все еще беспокоила его. Маленький кусочек ленты, который сообщал, что первая пуля прошла мимо цели. Это нечасто случалось, потому что тысячи «охотничьих экспедиций» в тире приучили его за долгие годы именно к такой вот стрельбе — навскидку, когда опасность появляется совершенно неожиданно, когда не знаешь, что случится в следующее мгновение, когда действует один только закон — «или ты, или тебя». Может быть, успокаивал он себя, в последнее время он просто не слишком часто тренировался. Да и не было у него никаких серьезных причин заботиться о сохранении формы: стрелял он ради удовольствия, а винтовку брал с собой на утренние прогулки только в силу привычки, как кто-то берет с собой, скажем, трость или палку. Когда эта привычка у него появилась, и оружие было не то, и времена другие. В те дни никто не удивлялся, если человек, выходя на прогулку, брал с собой ружье. Однако все изменилось, и Инек даже улыбнулся,

представив себе, сколько разговоров вызвала эта привычка у людей, встречавших его в лесу.

Почти в самом конце галереи на глаза ему попался громоздкий черный контейнер, торчавший из-под нижней полки. Он его задвинул к самой стене, но контейнер все равно выступал в проход на фут с лишним.

Инек прошел мимо, потом вдруг обернулся. Этот контейнер, вспомнил он, принадлежал сиятелю, что умер у него на станции. Своего рода наследство, оставленное существом, чье тело должны были вернуть в могилу вечером.

Он подошел к полке, прислонил винтовку к стене и, наклонившись, выдвинул контейнер в проход. Когда-то давно, прежде чем перетащить ящик сюда на хранение, Инек заглянул в него, но в то время, вспомнилось ему, содержимое контейнера не очень его заинтересовало. Теперь же он вдруг почувствовал жгучее любопытство.

Откинув крышку, Инек присел рядом и, ни к чему не прикасаясь, обвел взглядом предметы, лежавшие сверху.

Аккуратно свернутый сверкающий плащ — возможно, какое-то церемониальное одеяние. В складках плаща — маленький пузырек, горевший отраженным светом, словно алмаз, выдолбленный изнутри. Рядом лежала гроздь матовых шариков темно-фиолетового цвета, больше всего похожих на обычные шарики для настольного тенниса, из которых кто-то слепил грубое подобие сферы. Только на самом деле они свободно перемещались в пределах этой сферы, словно в контейнере с жидкостью. Вытащить хотя бы один шарик не удавалось никакими силами, но все они двигались относительно друг друга. Разглядывая фиолетовую гроздь в первый раз, Инек решил, что это, скорее всего, некий калькулятор, хотя утверждать наверняка он бы не стал, поскольку все шарики выглядели совершенно одинаково и отличить один от другого было просто невозможно. Во всяком случае, человеку. Не исключено, что сиятели могут их отличать, однако он все равно не представлял себе, что это за калькулятор. Математический? Этический? Философский? А может быть, он и ошибается: никто никогда не слышал о калькуляторах для этических или философских проблем. Вернее, на Земле никто не слышал. Возможно, это и не калькулятор вовсе, а что-нибудь другое — допустим, игра.

Будь у него побольше времени, он, может быть, и догадался бы, что это за штука, но ни времени, ни желания тратить его на один-единственный экспонат среди сотен столь же фантастических и загадочных у него не было. Стоит только начать разгадывать что-нибудь одно, как тут же одолевают сомнения: а не трратишь ли ты свое время на самый незначительный и ненужный экспонат во всей коллекции?

Заваленный многочисленными инопланетными дарами, по большей части непонятными, Инек стал в каком-то смысле жертвой этого музейного изобилия.

Он протянул руку и достал из контейнера сверкающий пузырек, что лежал поверх плаща. Подняв его к глазам, он увидел, что на стекле (или на алмазе?) выгравирована надпись. В свое время Инек выучился читать на языке сиятелей, если не бегло, то, по крайней мере, вполне сносно, но уже несколько лет не брал в руки веганских текстов и многое забыл. Путаясь в символах и подолгу задумываясь, он тем не менее сумел перевести надпись на пузырьке: «принимать при первых признаках заболевания».

Лекарство! Лекарство, которое нужно принимать при первых симптомах болезни. Но, видимо, эти симптомы проявились так неожиданно, что бывший владелец пузырька даже не успел до него дотянуться и умер.

Чуть ли не с благоговением Инек положил пузырек на место, в маленькое углубление, выдавленное им в ткани плаща. Столь многое отличает их от нас в большом, думал Инек, и в то же время в мелочах мы так похожи, что это порой просто пугает. Взять хотя бы пузырек с лекарством, который он только что держал в руке: такую же бутылочку с наклеенным предписанием врача можно купить в любой земной аптеке.

Рядом с гроздью шариков лежала деревянная шкатулка с защелкой на боку. Инек достал шкатулку из контейнера и, откинув крышку, увидел внутри листки материала с металлическим блеском, который сиятели использовали вместо бумаги.

Он осторожно поднял верхний лист, и у него в руках оказалась длинная полоса, сложенная гармошкой. Под ней лежали другие листки из такого же материала. Инек поднес полоску поближе к глазам, силясь разобрать выцветшие строки.

«Моему... другу». (Хотя на самом деле последнее слово следовало перевести, скорее, как «кровный брат» или, может быть, «коллега»; два прилагательных, стоящих перед ним, Инек вообще не понял.) Текст давался нелегко: написан он был на официальном диалекте веганцев. Кроме того, в почерке заметно отразилась личность писавшего, и многочисленные росчерки и завитушки скрывали порой истинную форму символов. Инек медленно пробирался от строки к строке. Многого он не понимал, но общий смысл улавливал почти везде.

Автор письма рассказывал о своем пребывании на чужой планете. Или, может быть, на своей, но в каких-то далеких местах. Название планеты (или этих мест) Инеку никогда не доводилось слышать. Во время своего визита автор совершил некий ритуал (в чем он заключается, понять было невозможно), имевший отношение к его приближающейся смерти.

Инек удивленно перечитал строку еще раз, и, хотя многое оставалось непонятным, фраза «моя приближающаяся смерть» сомнений не вызвала. Ошибиться в переводе тут было невозможно, все три слова он узнал без труда.

Далее автор письма советовал своему дорогому другу (?) поступить так же, уверяя, что его ждут душевный покой и ясное понимание пройденного пути.

Больше в письме ничего не объяснялось. Автор просто сообщал, что сделал некие, по его мнению, необходимые приготовления к смерти. Как будто он знал, что смерть уже рядом, но это его не пугало и даже не беспокоило.

После этого (абзацы в письме отсутствовали) рассказывалось о встрече с каким-то другим существом и о беседах на совершенно непонятную для Инека тему. Читая этот отрывок, он просто запутался в незнакомой ему терминологии.

А дальше шел такой текст: *«Меня крайне беспокоят посредственные способности (некомпетентность? непригодность? слабость?) очередного хранителя (загадочный символ, который можно было перевести как «Талисман»), поскольку (следующее слово, судя по всему, означало длительный отрезок времени) с тех самых пор, как умер предыдущий хранитель, Талисман используется очень плохо. Прошло уже (еще один длительный отрезок времени) с тех пор, как нам удалось найти последнего настоящего (восприимца?), который действительно мог работать с Талисманом. Многие прошли проверку, но достойного среди них не оказалось, и по причине отсутствия такового Галактика отошла от своих главенствующих принципов. Мы все тут в (святилище? храме?) весьма обеспокоены тем, что без надлежащего единения людей с (несколько непонятных слов) Галактика придет к хаосу и (целая строка, которую Инек не смог расшифровать)».*

Следующее предложение касалось уже новой темы — планов какого-то фестиваля, связанного с едва понятной Инеку формой искусства.

Он медленно сложил письмо и спрятал его обратно в шкатулку, чувствуя себя немного неловко оттого, что прочел его и словно заглянул без спроса в чужую дружбу. Мы все тут в одном храме... Возможно, письмо было написано одним из веганских посвященных и адресовано его другу, старому философу. Остальные письма тоже, видимо, от него, и старик-сиятель так ими дорожил, что, отправляясь в путешествие, взял с собой.

Плечи у Инека похолодели, и ему показалось, что в галерее потянуло легким ветерком — даже не ветерок, скорее какое-то необъяснимое движение в холодном воздухе. Он взглянул в глубь коридора, но все выглядело спокойно. Да и ощущение это уже ушло, словно никакого дуновения и не было. Как будто дух пролетел, подумалось Инеку.

Есть ли у сиятелей духи?

Соотечественники сиятеля на Веге-XXI узнали о том, что он умер и даже как умер в тот самый момент, когда это случилось. Точно так же они узнали и о пропаже тела. А о приближении смерти в письме говорилось совершенно спокойно — большинству людей это вряд ли под силу.

Может быть, на самом деле сиятели знают о жизни и смерти что-то такое, о чем люди еще просто не догадываются? Может, где-то, в каких-то галактических хранилищах информации уже давно лежат труды, в которых все это исчерпывающе объяснено?

Есть ли там ответ на загадку жизни?

Возможно, есть. Возможно, кто-то уже знает, в чем смысл и назначение жизни. От этой мысли, от надежды на то, что разумные существа уже решили самое таинственное уравнение Вселенной, на душе становилось спокойнее. А может быть, им известно и то, какую роль в этом уравнении играет энергия духовности — идеалистическая сестра пространства, времени и всех остальных базовых элементов, из которых состоит Вселенная.

Он попытался представить себе, что значит вступить в контакт с энергией духовности, и не смог. Не исключено, что даже те, кому доводилось испытывать подобные ощущения, не могут передать их словами. Наверное, о них просто невозможно рассказать. В конце концов, человек всю жизнь живет в теснейшем взаимодействии и с пространством, и со временем, но разве может он передать словами, что это означает или как он это чувствует?

Улисс, очевидно, не сказал ему всей правды. Он говорил о пропаже Талисмана, но ни словом не обмолвился о том, что в последние годы его сила и престиж померкли, поскольку очередной хранитель оказался не в состоянии обеспечить надежный контакт между жителями Галактики и энергией духовности. И еще тогда начали ослабевать узы галактического братства, подтачиваемые, словно ржавчиной, несостоятельностью хранителя. То, что происходит сейчас, началось отнюдь не после пропажи Талисмана. Процесс длился гораздо дольше, чем инопланетянам хотелось бы признать. Хотя, возможно, большинство из них об этом и не подозревали.

Инек захлопнул шкатулку и вернул ее на место в контейнер. Как-нибудь в другой день, когда у него будет соответствующее настроение, когда ему будет не столь тревожно, а чувство вины за это подглядывание в чужую жизнь притупится, он переведет письма добросовестно и по всем правилам. Он не сомневался, что в письмах сиятелей наверняка найдет какие-то откровения, которые помогут ему еще глубже понять эту удивительную расу и еще выше оценить их человечность — не в том смысле, в каком

слово употребляется применительно к жителю Земли, а в более широком, имея в виду, что в основе определения любой расы должны лежать некие правила поведения. Так же, как термин «человечность» в его привычном значении определяет расу людей.

Он протянул руку, чтобы закрыть контейнер, но что-то его остановило.

Как-нибудь в другой день... Но вдруг другого дня уже не представится? Видимо, живя на станции, он просто привык думать, что всегда будет «другой день». Здесь дни уходили в прошлое и тянулись в будущее бесконечной чередой. Станция ломала привычную временную перспективу, даруя возможность спокойно вглядываться в длинный, а может и бесконечный, поток времени. Но все это может теперь кончиться. Время вдруг сожмется и вернется в свое обычное состояние. Если ему придется покинуть станцию, бесконечная череда будущих дней просто оборвется.

Он снова откинул крышку контейнера, достал шкатулку с письмами и поставил на пол, решив забрать ее с собой наверх и положить где-нибудь с другими ценными вещами, которые, если придется покинуть станцию, нужно будет вынести в первую очередь.

Если придется покинуть... Вот и ответ на один из мучивших его вопросов. Как-то незаметно для себя самого Инек пришел к окончательному решению, и теперь оставалось только его выполнить.

Но раз это решение принято, то он готов и к его последствиям. Оставив станцию, он уже не сможет просить Галактический Центр излечить Землю от войны.

Улисс назвал его представителем Земли. Но может ли он в самом деле представлять ее интересы? Он, человек девятнадцатого века, имеет ли право представлять двадцатый? Человечество меняется с каждым поколением очень заметно. А он не только вырос в девятнадцатом веке, но и больше ста лет прожил в особых условиях, совсем не похожих на те, в которых жило все человечество.

Стоя перед контейнером на коленях, Инек размышлял о себе с удивлением и жалостью. Кто он? Человек ли еще? Или безотчетно он впитал в себя столько чужих воззрений, что превратился в некий странный галактический гибрид?

Захлопнув крышку, Инек задвинул контейнер на место под стеллаж. Сунул шкатулку с письмами под мышку, поднялся на ноги и, прихватив винтовку, пошел к лестнице.

ГЛАВА 31

В углу кухни он нашел несколько пустых картонных коробок, в которых Уинслоу привозил из города заказанные продукты, и начал упаковывать вещи.

Сложенные по порядку дневники заняли целую коробку и половину второй. Туда же, во вторую коробку, Инек уложил двенадцать алмазных графинов, обернув их в несколько слоев старыми газетами. Потом достал из шкафа веганскую музыкальную шкапу и, завернув ее в бумагу, упаковал в третью коробку. В четвертую он сложил всю инопланетную литературу, что скопилась у него за много лет. В столе не оказалось ничего нужного — кое-какие бумаги, прочая ерунда да еще таблица. Инек скомкал ее и бросил в мусорную корзину.

Заполненные коробки он отнес к двери. Льюис обещал держать грузовик наготове, но, если Инек попросит его о помощи, машина не появится в ту же минуту, пройдет какое-то время. А сложив все ценное заранее, он сможет вынести коробки из дома и дождаться ее снаружи.

Все ценное... Кто будет решать, что тут ценное, а что нет? Дневники и инопланетная литература — это, конечно, нужно вывезти в первую очередь. А остальное? Ведь для Земли каждый предмет в доме может представлять интерес, и поэтому надо забирать все. Если будет достаточно времени и если никто не помешает, это вполне реально — вывезти сначала то, что находится в комнате, а затем и то, что хранится в подвале.

Все эти вещи — его, потому что их ему подарили, а значит, он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя Галактический Центр наверняка может с ним не согласиться и даже попытаться помешать.

Если обстоятельства сложатся именно так, важно успеть передать хотя бы наиболее ценное. Может быть, есть смысл спуститься в подвал и перетащить наверх по крайней мере те вещи, назначение которых он уже знает. Лучше взять предметы, о которых ему хоть что-то известно, чем тащить множество вещей непонятных и, возможно, бесполезных.

Остановившись в нерешительности посреди комнаты, Инек разглядывал свои сокровища. Конечно же, нужно будет взять все, что лежит на кофейном столике, включая и маленькую сверкающую пирамидку, которую привела в действие Люси.

Потом он заметил, что Малыш снова сполз со стола и упал на пол. Наклонившись, Инек взял его на руки. С тех пор как он рассматривал его в последний раз, Малыш отрастил две или три новые шишки и приобрел нежно-розовую окраску. Раньше он был голубого цвета.

Возможно, подумал Инек, ему не следовало называть его Малышом, поскольку он даже не знал, живая эта штуковина или нет. Трудно представить себе, что жизнь может существовать и в такой форме: не камень, не металл, но что-то очень похожее. Напильник не оставлял на нем никакого следа. Несколько раз Инека подмывало стукнуть по нему молотком и

посмотреть, что получится, но почему-то он был уверен, что Малышу все равно ничего не сделается. Он медленно рос и иногда двигался, но совершенно непонятно, каким образом. Стоило забыть о нем, а потом вернуться, и он уже передвинулся — совсем чуть-чуть, но передвинулся. Более того, он чувствовал, когда за ним наблюдают, и в таких случаях лежал неподвижно. Насколько Инек понимал, Малыш ничего не ел, и соответственно вокруг него всегда было чисто. Иногда он вдруг менял окраску, но совершенно бессистемно.

Малыша года два назад подарило ему существо, прибывшее с планеты, которая находилась где-то в созвездии Стрельца, и такого гостя Инек, конечно, забыть не мог. Может быть, он и не был ходячим растением, но выглядел именно так: корявый, худосочный куст, которому и земля досталась неважная, и воды вечно не хватало, но он тем не менее вырос, и на его ветвях расцвело множество дешевых браслетов, позвякивавших, словно серебряные колокольчики, при каждом движении.

Инек попытался узнать у него, что собой представляет подарок, но ходячий куст только тряс браслетами, заполняя всю станцию веселым перезвоном, и ничего не отвечал.

Положив Малыша на край стола, Инек забыл о нем, но спустя несколько часов, когда гость давно уже отправился своей дорогой, он заметил, что «камень» лежит на другом краю. Поверить в то, что эта штуковина может двигаться сама, было невозможно, и Инек подумал, что просто не помнит, куда положил подарок. Только спустя два или три дня он все-таки убедил себя, что с памятью у него все в порядке, а «камень» действительно ползает.

Все это нужно будет взять с собой — и Малыша, и пирамидку Люси, и куб, который показывает инопланетные пейзажи, и многое-многое другое...

Инек стоял посреди комнаты, держа Малыша в руке, и только сейчас вдруг задумался: с чего это он уже собирается?

Он действовал так, словно окончательно решил оставить станцию, словно уже выбрал Землю, а не Галактику. Но когда и как пришло к нему это решение? Ведь для того чтобы решить, необходимо осмыслить, оценить варианты, а ничего подобного он не делал. Не взвешивал «за» и «против», не пытался продумать все до конца. Решение пришло к нему само, решение, казавшееся невозможным, но теперь такое понятное и доступное.

Может быть, неосознанно вобрав в себя странную смесь чужих систем мышления и этических представлений, он, сам того не замечая, обрел способность думать по-новому, принимать решения на подсознательном уровне, и эта способность дремала в нем до сегодняшнего дня, пока в ней не возникла необходимость?

Инек вспомнил про несколько пустых коробок, лежавших в сарае, и подумал, что нужно перетащить их в дом. Потом можно будет спуститься в подвал и заняться предметами, назначение которых ему известно. Он взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что времени у него остается мало — солнце уже садилось. Скоро стемнеет.

Поесть он за весь день так и не успел, но решил, что это подождет. Позже можно будет перехватить что-нибудь на ходу.

Повернувшись к столу, чтобы положить Малыша на место, Инек вдруг услышал знакомый звук и замер. Легкий шелест заработавшего материализатора невозможно было спутать ни с чем другим — слишком часто ему доводилось слышать его за годы работы на станции.

И, видимо, это служебный материализатор, поскольку без предварительного сообщения никто не мог воспользоваться вторым.

Очевидно, Улисс, подумал Инек. Или кто-то еще из Галактического Центра, потому что Улисс всегда предупреждал его о своих визитах заранее.

Инек сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть материализатор, и в этот момент там появился темный силуэт какого-то существа.

— Улисс! — произнес Инек и тут же понял, что это не он.

На мгновение ему показалось, что существо одето в элегантный черный фрак с длинными фалдами, белую манишку и остроконечную шляпу, но он тут же понял, что это огромная крыса с гладкой черной шерстью и острой мордочкой, как у всех земных грызунов, только она ходит на задних лапах. Существо бросило взгляд в его сторону, и Инек заметил красные блестящие глаза. Затем крыса отвернулась, и он увидел, как она достает из висящей на поясе кобуры какой-то отсвечивающий металлическим блеском предмет.

Что-то тут было не так. Прибывшему полагалось, по крайней мере, подойти, поздороваться со зрителем. Вместо этого существо лишь зыркнуло на него своими красными глазищами и отвернулось.

Когда оно извлекло металлический предмет из кобуры, Инек понял, что это пистолет или, во всяком случае, какое-то оружие.

Может быть, так они и закрывают станции? Один выстрел без слов, и зритель падает на пол. Только Улисса не послали, потому что он не смог бы убить друга.

Винтовка все еще лежала на столе, но он вряд ли успеет ее схватить...

Однако похожее на крысу существо даже не повернулось в его сторону. Оно стояло, глядя в угол. Рука с оружием поднялась...

В голове Инека словно зазвучал сигнал тревоги. Он размахнулся и, непроизвольно вскрикнув, запустил в крысу Малышом.

До него вдруг дошло, что крыса хочет убить не его, Инека, она хочет уничтожить саму станцию. Там в углу, куда крыса собиралась стрелять, не было ничего, кроме комплекса управления — центра станции, ее сердца. Если его уничтожить, станция будет мертва, и, чтобы вернуть ее к жизни, группе специалистов с ближайшей станции придется добираться сюда космическим кораблем, а на это уйдет несколько лет. Когда Инек вскрикнул, крыса, чуть присев, резко обернулась, и кувыркающийся Малыш попал ей в брюхо. Не удержавшись, она отшатнулась к стене и выронила пистолет. Раскинув руки, Инек бросился вперед и еще в прыжке почувствовал исходивший от крысы отвратительный запах. Он обхватил ее руками за туловище и швырнул через комнату. Крыса оказалась вовсе не такая тяжелая, как он ожидал. Она упала, проскользнула по полу и остановилась, врезавшись в кресло. Потом вскочила, распрямившись, словно пружина, и рванулась к пистолету.

Инек настиг ее в два прыжка, ухватил сзади за шею и, оторвав от пола, несколько раз потрянул. Пистолет снова выпал у нее из лапы, а висевшая через плечо сумка застучала по волосатой груди, как пневматический молот.

Вонь стояла такая плотная, что казалось, ее вот-вот можно будет увидеть. Инека замутило. Но вонь еще усилилась и стала совсем невыносимой, словно в ноздри Инеку врывается огонь, а по голове лупили палкой. Он расцепил руки и, шатаясь, отскочил назад. Давясь сухим кашлем, он согнулся, поднял руки к лицу, стараясь отогнать от себя эту вонь, прущую в нос, в рот, в глаза.

Сквозь пелену слез он увидел, как крыса схватила с пола пистолет и понеслась к выходу. Кодовой фразы Инек не расслышал, но дверь скользнула в сторону и, выпустив крысу наружу, тут же закрылась.

ГЛАВА 32

Инек, шатаясь, добрался до стола и оперся о него руками. Отвратительный запах постепенно улетучивался, голова прояснилась, но ему даже не верилось, что все это действительно произошло. Такое просто не могло случиться. Крысоподобное существо прибыло через служебный материализатор, которым пользовались только сотрудники Галактического Центра. Однако никто из них, Инек был уверен, не повел бы себя так, как этот непрощенный гость. С другой стороны, существо знало кодовую фразу, открывающую дверь, а ее опять же не мог знать

никто, кроме самого Инека и сотрудников Галактического Центра...

Протянув руку, Инек взял со стола винтовку. Станция цела, и пока ничего страшного не произошло, подумал он. Если не считать того, что на Земле оказался инопланетянин, а этого допускать нельзя, потому что Земля как планета, не входящая в галактическое содружество, для инопланетян закрыта.

Он понимал, что должен вернуть крысу на станцию.

Произнеся на ходу кодовую фразу, Инек выбежал из дома и свернул за угол. Крыса неслась через поле и почти уже достигла леса. Инек со всех ног бросился за ней, но она скрылась за деревьями, когда ему оставалось до них несколько сот футов.

В лесу начало темнеть. Косые лучи заходящего солнца еще касались вершущек деревьев, но внизу уже сгущались тени. Оказавшись в подлеске, Инек огляделся и заметил крысу в небольшой ложине, где она карабкалась по противоположному склону, пробираясь через заросли папоротника, вымахавшего почти ей по пояс.

Если она будет двигаться в том же направлении, подумал Инек, тогда все в порядке. Дальний склон лощины выходил к каменной гряде, обрывавшейся с другой стороны отвесными скалами. Место там совершенно изолированное, и, хотя выкурить оттуда инопланетянина, если тот решит схорониться где-нибудь среди камней, будет нелегко, по крайней мере он окажется в тупике и обратно уже не выберется.

Впрочем, напомнил себе Инек, времени осталось не так много: солнце уже садится, скоро станет совсем темно.

Он свернул к западу, чтобы обойти ложину, но старался не упускать мелькавшую за деревьями фигуру из виду. Крыса продолжала взбираться по склону, и Инек прибавил ходу. Теперь он точно знал, что она в ловушке: крыса миновала то место, где еще можно было вернуться и уйти в сторону. Скоро она доберется до гряды, и ей останется только спрятаться там среди обломков скал.

Инек бегом пересек заросшую папоротником поляну и вышел на склон холма в сотне ярдов ниже каменной гряды. Здесь кустарник рос не так плотно, и лишь кое-где встречались деревья, но мягкий лесной грунт уступил место россыпи мелких обломков камня, которые в течение долгих-долгих лет откалывались зимними морозами от скал и скатывались вниз по склону. Пробирается по этим обломкам, покрытым кое-где толстым слоем мха, стало гораздо труднее.

Поднимаясь, Инек обвел взглядом лежащую впереди гряду, но инопланетянина нигде не было. Потом он заметил краем глаза какое-то движение и бросился на землю за куст орешника. Оттуда уже, сквозь переплетение ветвей, он увидел на фоне темного

неба крысу. Она вертела головой из стороны в сторону, осматривая склон внизу и держа оружие наготове.

Инек замер, удерживая винтовку в вытянутой руке. Костяшки пальцев саднило — ободрал о камни, когда нырнул под куст.

Крыса скрылась за валунами, и Инек медленно подтянул к себе винтовку. Теперь, если представится возможность, можно стрелять.

Но хватит ли у него духу? Осмелится ли он убить инопланетянина?

Ведь тот мог убить его там, на станции, когда Инек чуть не потерял сознание от дикой вони, но не сделал этого и просто скрылся. Может быть, существо было напугано и думало только о том, как бы убежать? Или оно просто не осмелилось поднять руку на смотрителя станции — точно так же, как и он сам не мог сейчас решиться на убийство?

Инек внимательно оглядел лежавшие впереди глыбы, но теперь никакого движения не заметил. Надо подниматься выше, подумал он, поскольку время работает против него, но на руку беглецу. До полной темноты осталось от силы полчаса, и надо успеть закончить это дело: если крысе дать ускользнуть, потом ее уже не поймаешь.

Но откуда вдруг такое беспокойство по поводу инопланетянина, прорвавшегося на Землю? Вопрос всплыл перед ним, словно его задало взирающее со стороны второе «я» Инека. Разве ты сам не собирался сообщить Земле о населяющих Галактику существах? И без разрешения передать своей планете все те инопланетные знания и артефакты, которые оказались в твоём распоряжении? Почему ты остановил инопланетянина, когда тот пытался уничтожить станцию? Ведь это обеспечило бы ее изоляцию на долгие годы. Если бы это произошло, у тебя появилась бы возможность поступить с сокровищами станции по своему разумению. Если бы события развивались своим чередом, все закончилось бы как нельзя лучше.

«Но я не мог, — мысленно выкрикнул Инек. — Разве ты не понимаешь, что я не мог? Не понимаешь?»

Из задумчивости его вывел шорох кустарника слева, и он тут же вскинул винтовку.

Всего в двадцати футах от него стояла Люси Фишер.

— Уходи! — крикнул он, забыв, что она не услышит.

Она, конечно же, не обратила на его крик никакого внимания, потом чуть повернулась влево, взмахнула рукой и указала на каменистую гряду впереди.

— Уходи! Уходи отсюда, — пробормотал Инек, показывая рукой, что ей нужно вернуться.

Люси покачала головой и, пригнувшись, побежала вверх по левой стороне склона. Инек вскочил на ноги и бросился за ней, но

в этот момент в воздухе что-то прошкворчало, и вокруг запахло озоном. Он снова упал и немного ниже увидел участок булькающей, исходящей паром земли фута три диаметром, где яростным жаром уничтожило всю растительность, а камни превратило в кипящую жижу. Лазер, догадался Инек. Лазер, обладающий колоссальной мощностью и довольно узким лучом.

Собравшись с духом, он сделал еще одну короткую перебежку и бросился на землю за бугорком, из которого росло несколько кривых березок.

Над головой опять прошкворчало, полыхнуло жаром, и снова запахло озоном. Земля на другой стороне лощины задымилась. Сверху посыпался пепел. Инек осторожно поднял голову и увидел, что верхнюю половину березок снесло начисто. С обгоревших пеньков лениво поднимались струйки дыма.

Неизвестно, что бы инопланетянин мог сделать там, на станции, но сейчас, похоже, он настроился серьезно. Он понял, что его загнали в угол, и теперь ему оставалось только убить противника.

Инек прижался к земле, и тут же в голову пришла мысль о Люси: успела ли она спрятаться? И что ей здесь понадобилось? Да еще в такое время! Хэнк опять решит, что ее украли, и пойдет искать. Что на нее сегодня нашло?

Темнота сгущалась. Последние лучи уходящего солнца цеплялись за верхние ветви деревьев. Из речной долины потянуло прохладой, сочно запахла влажная земля. Где-то пустила печальную трель птица козодой.

Инек выскочил из-за укрытия и, рванувшись вверх по склону, добрался до толстого поваленного дерева. Крысы не было видно, и на этот раз лазерной вспышки не последовало. Вглядываясь вперед, он решил, что сделает еще две перебежки — сначала до маленькой кучи камней, а затем прямо к валунам, и тогда его положение будет гораздо лучше, чем у прячущейся крысы. Вот только что делать дальше? Двигаться вперед, видимо, и отлавливать инопланетянина. Заранее тут ничего не продумаешь. Нужно добраться до первых валунов и действовать по обстановке, используя любое укрытие. Только стрелять он все-таки не станет. Придется ловить его живьем и, если понадобится, силком тащить упирающегося и визжащего инопланетянина к станции. Оставалось надеяться, что на воздухе крысе не удастся использовать против него свой омерзительный запах. Во всяком случае, не так успешно, как это случилось на станции. И тогда справиться с ней будет гораздо легче.

Инек оглядел нагромождение валунов от края до края, но не увидел ничего такого, что могло бы указать на спрятавшегося инопланетянина. Медленно, осторожно, чтобы не выдать себя шумом, он приготовился к новому броску, но тут краем глаза за-

метил движущуюся тень чуть ниже на склоне холма. Одним молниеносным движением он перевернулся на спину, сел и перехватил винтовку, но навести уже не успел. Тень навалилась на него, прижав к земле, и ладонь с широко расставленными пальцами зажала ему рот.

— Улисс! — успел выдавить Инек, но инопланетянин только зашипел, чтобы он молчал.

Улисс осторожно сполз в сторону и убрал руку, затем показал на каменную гряду. Инек кивнул. Улисс подтянулся поближе, наклонился к Инеку и прошептал в самое ухо:

— Талисман! У него Талисман!

— Талис...?! — воскликнул было Инек, но на полуслове заглушил свой возглас, вспомнив, что нельзя выдавать себя шумом. Сверху загрохотал покотившийся камень, и Инек прижался к земле.

— Ложись! — крикнул он Улиссу. — Ложись! У него лазер!

В этот момент рука Улисса тряхнула его за плечо:

— Инек! Смотри!

Инек рывком поднял голову и увидел на фоне темного неба два сцепившихся силуэта.

— Люси! — закричал он.

Очевидно, она сумела подкрасться. Черт бы ее!.. Пока крыса следила за склоном холма, Люси обошла ее сбоку, тихо подползла ближе и набросилась. В поднятой руке Люси было что-то вроде дубины — очевидно, старый сломанный сук, которым она собиралась ударить крысу, но та успела схватить Люси за запястье.

— Стреляй! — произнес Улисс упавшим голосом.

Инек вскинул винтовку, но в сгустившейся темноте прицелиться оказалось нелегко. Да и стояли крыса с Люси слишком близко друг к другу.

— Стреляй! — закричал Улисс.

— Не могу. — Инек даже всхлипнул от отчаяния. — Слишком темно.

— Ты должен! — В голосе Улисса зазвучала твердость. — Ты должен рискнуть!

Инек снова прицелился. На этот раз он нашел цель почти без труда и понял, что дело было не в темноте: мешало воспоминание о том первом выстреле, когда он промахнулся, стреляя в фантастическом тире, где бродили над лесом огромные хрюкающие твари на ходулях. Если он промахнулся тогда, может промахнуться и сейчас...

Мушка остановилась на голове крысоподобного существа, но оно качнулось в сторону. Потом обратно.

— Стреляй! — снова крикнул Улисс.

Инек нажал на курок. Раздался сухой треск выстрела. Крыса, наверное, еще целую секунду стояла на камнях, хотя от ее

головой осталась только половина, с которой в разные стороны разлетались, словно стремительные насекомые, черные ошметки, едва заметные на фоне потемневшего неба. Выронив винтовку, Инек упал на землю и вцепился пальцами в мягкий мох. При мысли о том, что могло бы случиться, его била дрожь, но тут же накатила слабость, вызванная чувством облегчения и благодарности за то, что этого не произошло, за то, что годы тренировок в его фантастическом тире наконец-то окупилась сторицей.

Странно, подумалось ему, как много бессмысленных вещей формирует наши судьбы. Тир предназначался для одной только цели — ублажать зрителя станции. Казалось бы, совершенно бессмысленное занятие, как бильярд или игра в карты, однако время, что он там провел, выкристаллизовалось в одно это короткое мгновение на склоне холма.

Беспокойство и боль постепенно оставляли его — будто уходили в землю, и в душе воцарялся покой. Покой леса, покой холмов, покой первых тихих шагов наступившей ночи. Небо, звезды и само пространство словно склонились над Инексом, нашептывая о том, что он един с ними, что он тоже частица этого большого мира. На мгновение ему показалось, что он сумел ухватиться за краешек какой-то великой истины, а вместе с истиной к нему пришли успокоение и неведомое ранее ощущение величия жизни.

— Инек, — прошептал Улисс. — Инек, брат мой...

В его голосе Инеку послышался судорожный, взволнованный вздох. Раньше он никогда не называл землянина братом.

Инек поднялся на колени и увидел над грядой камней мягкий, восхитительный свет, словно там зажег свой фонарик гигантский светлячок. Свет перемещался, спускаясь по камням к ним, а рядом шла Люси, как будто она несла в руке горящую лампу.

Рука Улисса протянулась откуда-то из темноты и сдавила плечо Инека.

— Ты видишь? — спросил Улисс.

— Да, вижу. Что это?

— Это Талисман, — произнес Улисс восхищенно и от волнения немного хрипло. — А рядом его новый хранитель. Именно такого хранителя мы искали долгие-долгие годы.

ГЛАВА 33

Привыкнуть к такому просто невозможно, говорил себе Инек, когда они возвращались лесом к станции. Талисман наполнял своим теплым сиянием каждое мгновение его жизни, и хотелось

сохранить это ощущение навсегда. Разумеется, Талисман будет рядом не вечно, но он точно знал: ему никогда уже не забыть того, что произошло у него в душе.

Охватившее его чувство не поддавалось описанию: было в нем что-то от материнской любви и от гордости отца, и от обожания милой сердцу женщины, и от товарищеской верности, и еще многое-многое другое. Это чувство приближало далекое, а сложное делало простым и понятным, оно уносило прочь страх и печаль, хотя в нем самом тоже звучала нотка печали, словно бы от понимания, что никогда в жизни не будет больше такого возвышенного мгновения, что в следующую секунду оно уйдет безвозвратно и отыскать его уже не удастся. Однако мгновение длилось.

Крепко прижимая к груди сумку с Талисманом, Люси шла между ними, и, глядя на нее, Инек невольно представлял себе маленькую девочку с любимым котенком на руках.

— Наверное, уже несколько веков, а может быть, и вообще никогда, не светился Талисман так ярко, — проговорил Улисс. — Я, во всяком случае, такого не припоминаю. Замечательно, да?

— Замечательно, — ответил Инек.

— Теперь мы снова станем едины, — сказал Улисс. — Снова почувствуем, как на самом деле близки. И снова будет не много народов, а одно галактическое содружество.

— Но это существо, которое...

— Хитрый негодяй, — сказал Улисс. — Он хотел получить выкуп за Талисман.

— Значит, Талисман все-таки был украден?

— Мы еще не знаем всех обстоятельств этой истории, но, разумеется, узнаем. Какое-то время они шли молча. Далеко на востоке появились над верхушками деревьев первые отсветы поднимающейся луны.

— Я одного не понимаю... — начал было Инек.

— Спрашивай.

— Как могло это существо носить с собой этот Талисман и не чувствовать его? Ведь если бы оно чувствовало, разве пришло бы ему в голову украсть Талисман?

— Среди многочисленных жителей Галактики попадаете лишь один на несколько миллиардов, кто способен... как бы это вернее сказать?... настроить Талисман, привести его в действие. На меня или на тебя он просто не отреагирует. Но стоит этому одному существу прикоснуться к Талисману, как он тут же оживает. Нужна особая восприимчивость, которая связывает машину с резервуарами вселенской энергии духовности. Дело не в самой машине — она лишь помогает избранному существу дать нам возможность ощутить энергию духовности.

Машина, аппарат, инструмент — технологический родственник мотыге или гаечному ключу, но как же далеки они друг от друга! Как человеческий мозг от первой аминокислоты, зародившейся на Земле, когда эта планета была еще молода. Можно даже сказать, что это предел эволюции инструмента, последняя вершина, выше которой уже не подняться. Впрочем, это неверное заключение. Скорее всего, развитию нет предела, последней вершины тоже нет; едва ли наступит время, когда какое-то существо или группа существ остановится в своем развитии у определенной точки и скажет: «Все. Дальше мы не пойдём. В этом нет смысла». Ведь каждый шаг вперед открывает, в свою очередь, множество новых возможностей, множество новых путей, и следующий шаг по одному из них снова открывает новые дороги. И нет им конца...

Они добрались до края поля и пошли напрямик к станции. Откуда-то спереди слышались быстрые шаги — кто-то бежал им навстречу.

— Инек! — донесся из темноты знакомый голос. — Инек, это ты?

— Да, Уинслоу. Что случилось?

Почтальон подбежал ближе и, переводя дух, остановился за кругом света, падающего от Талисмана.

— Инек, они все-таки собрались! Погрузились в две машины и едут. Но, надеюсь, мне удалось их задержать. В том месте, где начинается грунтовая дорога к твоему дому, я высыпал в колеи фунта два кровельных гвоздей, и на какое-то время они там застрянут.

— Кровельных гвоздей? — недоумевающе спросил Улисс.

— Толпа, — пояснил Инек. — Они собираются расправиться со мной. А гвозди...

— Понятно, — сказал Улисс. — Чтобы проколоть шины...

Уинслоу шагнул ближе, пристально глядя на светящийся сквозь ткань сумки Талисман.

— Это Люси Фишер, да?

— Точно, — ответил Инек.

— Ее старик только что примчался в город и начал вопить, что она опять исчезла. Там все вроде бы уже поутихло, но Хэнк их снова накрутил. Я послушал-послушал и двинул в скобяную лавку. Прихватил гвоздей и успел сюда раньше их.

— Толпа? — снова переспросил Улисс. — Я не...

— А этот тип, что искал женьшень, ждет тебя у дома, — перебил его Уинслоу, захлебываясь от желания поскорее рассказать все, что ему известно. — У него там грузовик.

— Это Льюис с телом сиятеля, — пояснил Инек Улиссу.

— Он, по-моему, здорово расстроен, — добавил Уинслоу. — Говорит, ты должен был его ждать.

— Может быть, нам не стоит тогда задерживаться, — сказал Улисс. — Я не все понимаю, но догадываюсь, что назревает некий кризис.

— Послушай, что здесь происходит? — удивленно спросил Уинслоу. — Что это за штука у Люси в руках? И кто это стоит рядом с тобой?

— Потом, — сказал Инек. — Я все объясню тебе потом. Сейчас не до объяснений — надо спешить.

— Но, Инек, сюда направляется пьяная толпа...

— Когда они появятся, я и с ними разберусь. А сейчас есть более важное дело.

Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс, все четверо бегом поднялись по склону. Впереди, на фоне ночного неба, темнело угловатое здание станции.

— Они уже у поворота! — задыхаясь, крикнул Уинслоу. — Я только что видел, как там мелькнул свет фар.

Инек, а за ним и остальные вбежали в ворота и, не сбавляя шага, бросились к дому. В отсветах Талисмана уже можно было разглядеть массивный кузов грузовика. От темного силуэта машины отделилась фигура человека и заторопилась им навстречу.

— Уоллис, это вы?

— Да, — ответил Инек. — Извините, что меня не оказалось на месте.

— Я, признаться, расстроился, когда понял, что вас тут нет.

— Непредвиденные обстоятельства, — коротко сказал Инек. — Мне срочно потребовалось отлучиться.

— Тело почтенного мыслителя в машине? — спросил Улисс.

Льюис кивнул:

— К счастью, нам удалось его вернуть.

— Через сад тело придется нести, — сказал Инек. — Машина туда не пройдет.

— В прошлый раз тело нес ты, — произнес Улисс.

Инек кивнул.

— Друг мой, я надеялся, что сегодня ты согласишься мне эту почетную обязанность.

— Конечно, — ответил Инек. — Думаю, и он не стал бы возражать.

На язык просились другие слова, но Инек сдержался, решив, что было бы неуместно благодарить Улисса за то, что он снял с него тяжкую необходимость приносить покаяние перед умершим.

— Они уже идут, — пробормотал Уинслоу, стоявший рядом. — Я слышу на дороге какой-то шум.

И действительно, со стороны дороги доносился звук шагов, неторопливых, уверенных, точно поступь чудовища, которому

незачем спешить — жертва все равно никуда не денется. Инек стал лицом к воротам и вскинул винтовку.

За его спиной заговорил Улисс:

— Наверное, будет правильнее и достойнее похоронить его при полном свете нашего возвращенного Талисмана...

— Она тебя не слышит, — сказал Инек, не оборачиваясь. — Ты забыл, что Люси глухонемая. Надо ей показать.

Не успел он договорить, как все окружающее пространство озарилось вдруг ослепительным сиянием. Со сдавленным возгласом удивления Инек повернулся к своим товарищам и увидел, что сумка, где хранился Талисман, лежит у ног Люси, а сама она гордо держит над головой маленькое солнце, заливающее светом и двор, и древний дом, и даже край поля.

Стало так тихо, будто весь мир затаил дыхание и замер, встревоженно ожидая страшного грохота, который вот-вот должен прокатиться по земле, но его все не было и не было.

А вместе с тишиной пришло устойчивое ощущение мира и спокойствия, заполнившее каждую клеточку каждого живого существа вокруг. Не просто мир, который объявили и которому пока позволяют остаться, нет, — настоящий, прочный мир, покой в мыслях, какой приходит вместе с закатной прохладой после долгого жаркого дня или с теплым призрачным сиянием весенней зари. Мир в душе и вокруг, достигающий самых дальних пределов бесконечности; устойчивый, надежный мир, который сохранится до последнего дыхания вечности...

Опомнившись, Инек медленно повернулся к полю и увидел на границе освещенного участка серые силуэты людей, сбившихся в кучу, словно стая присмиривших волков в слабых отблесках костра. Пока он смотрел, люди по одному таяли в темноте и исчезали в том же направлении, откуда пришли. Вскоре скрылись все, кроме одного, который вдруг сорвался с места и бросился вниз по склону холма к лесу, подвывая от ужаса, как испуганная собака.

— Это Хэнк побежал, — заметил Уинслоу.

— Жаль, что мы его напугали, — серьезным тоном произнес Инек. — Никто не должен этого бояться.

— Он сам себя боится, — сказал почтальон, — потому что живет со страхом в душе.

Видимо, он прав, подумал Инек. Человек всегда был таким.

Человек долго жил со страхом и больше всего на свете боялся самого себя.

ГЛАВА 34

Все пятеро стояли у невысокого земляного холмика. Беспокойный ветер шелестел в ветвях залитого лунным светом яблоне-

вого сада, а где-то вдалеке у реки переговаривались в серебряной ночи козодои.

Инек попробовал прочесть надпись, выбитую на грубо отесанном камне, но лунного света не хватало. Впрочем, он и так помнил ее наизусть:

Здесь лежит гость с далекой звезды, но эта земля ему не чужая, ибо, умерев, он вернулся в большую Вселенную.

«Ты, когда писал эти строки, думал, как мы», — сказал ему посланник с Веги-XXI всего днем раньше. Инек тогда ничего ему не ответил, но сиятель был неправ, потому что суждение это не только веганское, но и вполне земное.

Язык сиятелей — не самый легкий на свете, и, выбивая зубилом слова, Инек допустил две или три ошибки. Но камень был гораздо мягче мрамора или гранита, которые обычно используются в таких целях, и неумело сделанную надпись вряд ли ждала долгая жизнь. Через несколько десятков лет солнце, дожди и морозы раскрошат выбитые на плите символы, а спустя еще такой же срок они исчезнут вовсе, и там, где были слова, останутся лишь шероховатые выступы. Но слова все равно сохранятся, если не на камне, то в памяти. Инек взглянул на Люси, стоявшую по другую сторону могилы. Талисман вернулся в сумку, и свечение стало немного слабее, но Люси по-прежнему прижимала его к груди, и на лице ее сохранялось все то же восторженное, отрешенное выражение, словно она жила уже не в этом мире, а в каком-то другом измерении, где, кроме нее, не было никого, где не существовало прошлого.

— Ты думаешь, она пойдет с нами? — спросил Улисс. — Я имею в виду, мы сможем взять ее с собой в Галактический Центр? Земля отпустит?..

— Земли это не касается, — сказал Инек. — Мы свободные люди, и она сама решит, как ей поступить.

— Как по-твоему, она согласится?

— Думаю, согласится. Мне кажется, этого дня Люси ждала всю жизнь. Может быть, она предчувствовала его даже без Талисмана.

Она и вправду жила словно в каком-то особом мире, недоступном всему остальному человечеству. Что-то было в ее душе такое, чем не обладал ни один другой житель Земли. Это всегда чувствовалось, хотя не поддавалось описанию. Ей очень хотелось использовать свой дар, и она пробовала — слепо, неуверенно, неумело. Заговаривала бородавки, лечила бабочек, Бог знает что еще делала.

— А ее отец? — спросил Улисс. — Тот, что убежал от нас с криками?

— С Хэнком я договарюсь, — сказал Льюис. — Мы с ним хорошо знакомы.

— Ты хочешь взять ее с собой в Галактический Центр прямо сейчас? — спросил Инек.

— Если она согласится, — ответил Улисс. — И надо срочно сообщить им радостную весть.

— А из Центра в путешествие по всей Галактике?

— Да. Она нам очень нужна.

— А нам вы ее одолжите на денек-другой?

— Одолжить?..

— Ну да, — сказал Инек. — Земле Люси тоже нужна. Просто необходима.

— Конечно, — сказал Улисс, — однако...

— Льюис, — перебил его Инек, — как вы полагаете, сможем ли мы уговорить кого-нибудь в правительстве, например государственного секретаря, включить Люси Фишер в состав делегации на мирную конференцию?

Льюис начал что-то говорить, поперхнулся, потом наконец выговорил:

— Думаю, это можно будет организовать...

— Представляете себе, какой эффект произведет девушка с Талисманом за столом переговоров!

— Кажется, представляю, — сказал Льюис, — но государственный секретарь непременно захочет поговорить с вами, прежде чем объявить о своем решении.

Инек повернулся к Улиссу, но тот понял его и без вопроса.

— Конечно. Дайте мне знать когда, и я тоже с удовольствием поучаствую в разговоре. Кстати, можете передать уважаемому секретарю, что было бы неплохо сразу приступить к формированию всемирного комитета.

— Какого комитета?

— По вопросу вступления Земли в галактическое содружество. Разве это дело, если хранитель Талисмана будет с неприсоединившейся планеты?

ГЛАВА 35

У края скалы, что возвышалась над рекой, деревьев было совсем мало, и камни, лежавшие под открытым небом, белели в лунном свете, словно огромный скелет какого-то доисторического зверя.

Инек остановился у большого валуна и взглянул на мертвого инопланетянина, лежавшего темным комом среди каменных глыб.

Жалкий неудачник... Умереть так далеко от дома, и, главное, ради чего?

Впрочем, отчего же жалкий? В его мозгу, теперь уже безвозвратно погибшем, зародился колоссальный план — нечто сравни-

мое с планами Алéксандра, Ксеркса или Наполеона, циничная мечта о беспредельной власти, требующая осуществления любой ценой, мечта столь грандиозная, что она просто вытеснила все другие моральные соображения.

Инек попытался представить себе такой план и понял, что это ему не под силу: слишком многого он не знал о Галактике, слишком многого не понимал.

Тем не менее что-то в этом плане не сработало. Ведь ясно, что Земля там учитывалась разве что в качестве запасного варианта, укромного уголка, где можно отсидеться в случае непредвиденных осложнений. Лежащее среди камней существо привела сюда последняя, отчаянная попытка скрыться, однако и это ему не удалось.

Но вот ирония судьбы — беглец с украденным Талисманом попал буквально к порогу дома настоящего восприимца, хотя вряд ли кому пришло бы в голову искать восприимца здесь, на Земле. Вспоминая недавние события, Инек уже не сомневался, что Люси каким-то образом почувствовала присутствие Талисмана и ее потянуло к нему, как иголку к магниту. Она, наверное, ничего больше и не осознавала, кроме того, что Талисман рядом, что он непременно нужен ей, что это именно то, чего она ждала всю свою одинокую жизнь, не понимая, чего ждет, и не надеясь дождаться. Как ребенок, который вдруг замечает на рождественской елке сверкающий шар и, решив, что на свете нет ничего прекрасней, хочет во что бы то ни стало им завладеть.

Должно быть, думал Инек, это существо обладало и значительными способностями, и большой изобретательностью. Иначе ему вряд ли удалось бы украсть Талисман, долгие годы скрывать его от всех и проникнуть в секреты Галактического Центра. Но разве стало бы это возможно, если бы Талисман действовал в полную силу? — размышлял Инек. Если бы Талисман действовал в полную силу, ни у кого бы просто не возникло мысли о допустимости подобного шага и не расцвела бы так пышно алчность, побудившая к краже.

Однако теперь все это позади. Талисман нашелся, и, что не менее важно, у него появился новый хранитель — глухонемая девушка с Земли. А на самой Земле будет мир, и со временем она присоединится к галактическому содружеству.

И никаких теперь проблем, и не надо ничего решать. Люси избавила от необходимости принимать решения сразу всех. Станция теперь никуда не денется. Можно будет распаковать коробки и поставить дневники обратно на полки. Теперь он может вернуться на станцию и заняться своей обычной, будничной работой.

«Прости, — мысленно произнес Инек, обращаясь к мертвому инопланетянину, — я очень сожалею, что именно моя рука оборвала твою жизнь».

Он повернулся и пошел к обрыву, где далеко внизу, у подножья скалы, несла свои воды река. Постоял немного, держа винтовку в поднятой руке, а затем швырнул ее изо всей силы вперед и долго смотрел, как она падает, медленно переворачиваясь и поблескивая сталью в лунном свете. Река приняла ее еле заметным всплеском, но до вершины скалы по-прежнему доносилось только удовлетворенное журчание воды, протекающей по камням у подножья и уплывающей в какие-то далекие края.

Теперь на Земле установится мир, подумал Инек. Войны уже не будет. Если за стол переговоров на конференции будет Люси, ни у кого и мысли не возникнет о войне. Даже если кто-то не выдержит живущего в душе страха — страха, который окажется настолько сильным, что заслонит красоту и покой, даруемые Талисманом, даже тогда войны все равно не будет.

Но человечеству предстоит пройти долгий путь, прежде чем подлинный, прекрасный мир поселится в каждом сердце.

Настоящий мир не наступит, пока будет скулить от страха (любого страха) хотя бы один человек. Род человеческий не добьется мира, пока не выбросит оружие (любое оружие) последний его обитатель. И винтовка, подумалось Инеку, далеко не самое страшное оружие из того, что создано на Земле. Можно сказать, это наименее жестокое проявление человеческой бесчеловечности, скорее, символ оружия по сравнению с другими, более смертоносными его видами.

Он стоял на краю скалы, глядя на речную долину и темнеющий в ночи лес. Рукам словно чего-то не хватало без винтовки, но Инек чувствовал, что всего несколько минут назад вступил в новую полосу времени, как будто закончилась целая эпоха и он оказался в совершенно ином мире — новом, чистом, не замаранном прежними ошибками.

Внизу текла река, но реке было все равно. Ей безразлично, что происходит в мире. Она примет и бивень мастодонта, и череп саблезубого тигра, и скелет человека, и мертвое, пропитавшееся водой дерево, и камень, и винтовку, примет, занесет илом или песком, спрячет и потечет дальше.

Миллион лет назад здесь, возможно, не было реки, а спустя еще миллион лет снова не будет, но и через миллион лет здесь будет Человек или, во всяком случае, какое-то существо, которому небезразличен мир. В этом, наверное, и заключено великое таинство Вселенной — в существовании тех, кого что-то заботит.

Инек повернулся и не спеша побрел обратно, пробираясь между валунами. В опавшей листве шуршали мелкие ночные зверушки, и один раз до него донесся сонный вскрик разбуженной птицы. Лес стоял, окутанный покоем и уверенностью того теплого света, что дарил Талисман, не такого, конечно, яркого и заво-

раживающего, как от самого Талисмана, но отблески его словно еще жили здесь.

Выйдя из леса, Инек двинулся через поле по склону холма, на вершине которого темнело прямоугольное здание станции. Только теперь оно казалось ему не просто станцией, но еще и домом. Много лет назад это действительно был всего лишь дом, потом он превратился в галактическую пересадочную станцию, а сейчас стал и станцией, и снова домом.

ГЛАВА 36

Дома стояла тишина — даже немного пугающая тишина. На столе горела лампа, а среди безделушек на кофейном столике по-прежнему вспыхивала огнями маленькая пирамидка, сложенная из шариков. Почему-то она напомнила вдруг Инеку хрустальные шары, с помощью которых в двадцатые годы превращали танцевальные залы в настоящие волшебные замки. Маленькие мерцающие всполохи бегали по всей комнате, словно веселые разноцветные светлячки. Инек прошел в комнату и остановился в нерешительности. Чего-то не хватало, и он тут же понял, в чем дело. Все эти годы он первым делом вешал винтовку на крючья или клал ее на стол. Но теперь винтовки не стало. Что ж, сказал он себе, пора браться за работу. Для начала надо распаковать коробки и убрать все на место. Потом дополнить дневник, просмотреть нечитанные газеты и журналы. Дел достаточно. Улисс и Люси отбыли часа два назад в Галактический Центр, но Инек так живо чувствовал Талисман, словно он все еще оставался на станции. Хотя, может быть, подумал Инек, дело и не в станции вовсе, а в нем самом, в душе. Может быть, это ощущение останется в нем теперь навсегда, где бы он ни оказался.

Он не спеша прошел по комнате и сел на диван. Прямо перед ним разбрызгивала фонтаны света пирамидка. Инек протянул было к ней руку, но потом передумал. Что толку? Если за долгие годы ему так и не удалось разгадать ее секрет, почему это должно произойти сейчас?

Милая вещица, но бесполезная.

Интересно, как там Люси, подумал Инек, и тут же ответил сам себе: наверняка с ней ничего теперь не случится. А ему снова надо работать, а не рассиживаться. Дел полно. Да и время его отныне уже не будет принадлежать ему одному, потому что Земля вот-вот постучится в дверь. Конференции, встречи и тому подобное... Через несколько часов здесь уже, возможно, появятся газетчики. Впрочем, Улисс обещал вернуться помочь и, может быть, с ним придут другие инопланетяне.

Сейчас он чего-нибудь поест, а потом примется за работу. Если не ложиться спать, можно много успеть.

Одинокими ночами так хорошо работается... А сейчас ему и в самом деле одиноко, хотя именно сегодня одиночеству положено бы отступить — ведь теперь все изменилось. Теперь у него есть и Земля, и Галактика, и Люси, и Улисс, и Уинслоу, и Льюис, и старый философ-вегонец, что спит под каменным надгробьем.

Инек поднялся, прошел к столу и, взяв в руки статуэтку, которую подарил ему Уинслоу, принялся рассматривать ее, медленно поворачивая в свете лампы. В деревянной фигурке человека тоже чувствовалось одиночество, теперь он это увидел: одиночество путника, шагающего бесконечно долгой дорогой.

Но ведь по-иному и быть не могло. Он должен был идти один. Выбирать тут не приходилось, потому что этого требовала работа. И теперь она... нет, не закончена, поскольку сделать нужно еще очень много. Но закончилась ее первая часть, и уже начинается вторая.

Он поставил статуэтку на место и вспомнил, что не успел отдать Уинслоу кусок древесины, который привез ему путешественник с Турбана. Кстати, теперь можно будет рассказать ему, как здесь оказались все эти деревяшки. Они могут даже вместе пройти по дневникам и выяснить, когда и откуда попала на Землю каждая из них. Уинслоу это занятие наверняка понравится.

Инек услышал шорох шелка и резко обернулся.

— Мэри! — воскликнул он.

Она стояла на границе падающего от лампы света, и всполохи, разбрасываемые пирамидкой, делали ее похожей на сказочную фею. Да, пронеслось у него в голове, именно так, потому что утерянная сказочная страна вдруг вернулась обратно.

— Я чувствовала, что должна прийти, — сказала Мэри. — Тебе было одиноко, Инек, и я не могла не вернуться.

Да, не могла. Возможно, так оно и есть. Очевидно, создавая ее образ, он невольно запрограммировал в нее стремление быть рядом с ним, когда ему одиноко.

Ловушка, подумал он; ловушка, из которой ни он, ни она не могут вырваться. Вместо свободы воли — абсолютная точность механизма чувств, им же самим и созданного.

Ей не следовало возвращаться, и, наверное, она знала это не хуже его, но ничего не могла с собой поделать. Неужели так будет вечно?

Инек стоял неподвижно, словно окаменев: всей душой он рвался к ней и в то же время остро осознавал ее иллюзорность.

Первой сделала шаг в его сторону Мэри. Вот она уже близко и сейчас должна остановиться — ведь ей так же, как ему, известны правила игры и так же больно признавать, что она всего лишь иллюзия.

Но Мэри не остановилась и подошла так близко, что Инек уловил исходивший от нее легкий запах яблоневого цвета. Она протянула руку и коснулась его запястья.

Не сделала вид, а на самом деле коснулась! Он почувствовал прикосновение ее пальцев, их прохладу.

Инек стоял неподвижно, и ее рука лежала на его руке.

«Всполохи света! — догадался он. — Пирамидка, сложенная из шариков!»

Ну конечно же! Инек сразу вспомнил, кто подарил ему эту игрушку — путешественник с одной из тех планет в системе Альфа-рада, где обитали чудотворцы. С помощью их книг он и освоил искусство сотворения иллюзий. Путешественник хотел помочь ему и подарил пирамидку, а он тогда не понял ее назначения. Вернее, они не поняли друг друга, что, в общем-то, случается нередко. В галактическом Вавилоне очень легко ошибиться или просто не найти нужных знаний.

Пирамидка оказалась несложным, но очень занятным механизмом — своего рода фиксатором, превращавшим иллюзии в реальность. Нужно лишь придумать что-то, а затем включить пирамидку, и созданное воображением становится таким же реальным, как окружающий мир.

Только себя все равно не обманешь, потому что иллюзия всегда остается иллюзией...

Инек потянулся к Мэри, но она отпустила его руку и медленно шагнула назад. В комнате повисло тяжелое молчание — ужасное, пронзительное молчание одиночества. Шарик в пирамидке продолжали вращаться, разбрасывая радужные огоньки, и по стенам все так же бегали, словно юркие мыши, цветные всполохи.

— Прости, — сказала Мэри, — но это все равно бессмысленно. Самих себя не обманешь.

Инек стоял, не в силах вымолвить слово.

— Я так ждала... мечтала и надеялась, что когда-нибудь это произойдет.

— Я тоже, — произнес Инек. — Хотя я никогда не думал, что такое возможно.

Видимо, в этом все и дело. Пока ничего подобного не могло случиться, оставалась возможность предаваться романтическим мечтам о далеком и недоступном. Да и романтическими они казались только потому, что были несбыточными.

— Слово ожившая кукла... — проговорила Мэри, — или любимый плюшевый мишка. Прости, Инек, но нельзя же любить куклу или плюшевого мишку, которые вдруг ожили. Ты всегда будешь помнить, как было раньше: кукла с глупой нарисованной улыбкой, медведь с торчащей из шва ватой...

— Нет! — вскричал Инек. — Нет же!

— Мне жаль тебя, — сказала Мэри. — Тебе будет нелегко. Но я ничем не могу помочь. Тебе предстоит долгая жизнь наедине со своими воспоминаниями.

— А как же ты? Что ты собираешься делать?

Не у него, а у Мэри хватило духу признать истинное положение вещей, посмотреть правде в лицо.

Но как она смогла почувствовать, понять?

— Я уйду, — ответила Мэри. — И никогда больше не вернусь. Даже когда буду очень нужна тебе. По-другому не получится.

— Но ты же не можешь уйти. Мы с тобой в одной ловушке.

— Как странно все случилось, — сказала она. — Мы оба оказались жертвами иллюзии.

— И ты тоже?

— И я. Точно так же, как ты. Ведь ты не можешь любить куклу, а я не могу любить мастера, ее изготовившего. Раньше нам обоим казалось, что это возможно, а сейчас, когда стало понятно, что это не так, мы все еще тянемся друг к другу и от этого мучаемся и страдаем оба.

— Если бы ты осталась... — сказал Инек.

— Чтобы потом возненавидеть тебя? Или, еще хуже, чтобы ты возненавидел меня? Пусть уж лучше мы оба будем страдать. Это не так страшно, как ненависть.

Она шагнула к столику, схватила пирамидку и подняла ее над головой.

— Нет! Только не это! — закричал Инек. — Не надо, Мэри!..

Пирамидка засверкала, кувыркаясь в полете, и ударилась о каминную кладку. Огоньки погасли, и, раскатившись по полу, зазвенели осколки.

— Мэри! — крикнул Инек, бросившись вперед, в темноту.

Но ее уже не было.

— Мэри! — вскрикнул он снова, даже не вскрикнул, а простонал.

Мэри ушла и никогда уже не вернется к нему.

Даже когда ему очень захочется ее увидеть, она все равно не придет.

Инек стоял в безмолвии станции, прислушиваясь к голосу прожитых лет.

Жизнь тяжела, говорил голос. В жизни нет легких путей.

И та девушка, дочь соседа-фермера, что жила чуть дальше по дороге, и красавица южанка, которую он видел, проходя в строю солдат мимо ее поместья, и теперь Мэри — все они ушли из его жизни навсегда.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел к столу, к свету. Постоял, окидывая комнату взглядом. Здесь, вот на этом самом месте, где стоит сейчас стол, раньше была кухня, а там, где камин, —

гостиная. Дом переменялся, и уже давно, но Инек ясно видел его прежним, словно это было еще вчера.

Однако те дни ушли, и вместе с ними люди.

Теперь он остался один.

Остался, потеряв свой прежний мир, покинув его в прошлом.

Впрочем, сегодня то же самое произошло со всеми живущими на планете.

Возможно, они об этом еще не знают, но их прежний мир остался в прошлом. И никогда уже он не будет прежним.

За свою жизнь Инеку много раз приходилось прощаться — с друзьями, с прошлым, с любовью, с мечтами.

— Прощай, Мэри, — произнес он тихо. — Прости меня, и да хранит тебя Господь.

Он сел за стол и, придвинув к себе дневник, отыскал нужную страницу.

Впереди ждала большая работа.

И теперь Инек был готов к ней.

С прошлым он уже распрощался.

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ФОНД ПРИЗРЕНИЯ

Я только что покончил с ежедневной колонкой о муниципальных фондах призрения, и ежедневно эта колонка была для меня форменной мукой. В редакции крутилась прорва юнцов, способных сварганить такого рода статейку. Даже мальчишки-рассыльные могли бы ее сострять, и никто не заметил бы разницы. Да никто эту колонку и не читал, разве что зачинатели каких-нибудь новых кампаний, но, в сущности, нельзя было ручаться даже за них.

Уж как я протестовал, когда Пластырь Билл взвалил на меня фонды призрения еще на год! Я протестовал во весь голос. «Ты же знаешь, Билл, — говорил я ему, — я веду эту колонку три, если не четыре года. Я сочиняю ее с закрытыми глазами. Право, пора влить в нее новую кровь. Дал бы ты шанс отличиться кому-то из молодых репортеров, может, им бы удалось как-нибудь ее освежить. А что до меня, я на этот счет совершенно исписался...»

Только красноречие не принесло мне ни малейшей пользы. Пластырь ткнул меня носом в журнал записи заданий, где фонды призрения числились за мной, а уж ежели он занес что-то в журнал, то не соглашался изменить запись ни под каким видом.

Хотелось бы мне знать, как он в действительности заработал свою кличку. Доводилось слышать по этому поводу массу рассказов, но сдается мне, что правды в них ни на грош. По-моему, кличка возникла попросту от того, как надежно он приклеивается к стойке бара.

Итак, я покончил с колонкой о муниципальных фондах призрения и сидел, убивая время и презирая самого себя, когда появилась Джо-Энн. Джо-Энн у нас в редакции специализируется по душещипательным историям, и ей приходится писать всякую чепуху. Что факт, то факт. Наверное, я по натуре расположен сочувствовать ближнему — однажды я пожалел ее и позволил поплакаться у меня на плече. Вот и вышло, что мы познакомились так близко. Потом мы разобрались, что любим друг друга, и стали задумываться, не стоит ли пожениться, как только мне повезет наконец получить место зарубежного корреспондента, на которое я давно уже зарился.

— Привет, детка! — сказал я. А она в ответ:

— Можешь себе представить, Марк, что Пластырь припас для меня на сегодня?

— Он пронюхал очередную чушь, — предположил я, — например, откопал какого-нибудь однорукого умельца, и хочет, чтобы ты слепила о нем очерк...

— Хуже, — простонала она. — Старушка, празднующая свой сотый день рождения.

— Ну что ж, — сказал я, — может, старушка предложит тебе кусок праздничного пирога.

— Не понимаю, — попрекнула она меня, — как ты, даже ты можешь потешаться над такими вещами. Задание-то определенно тухлое.

И именно тут по комнате разнесся зычный рев: Пластырь требовал меня к себе. Я подхватил текст злополучной колонки и отправился к столу заведующего отделом городских новостей.

Пластырь Билл зарылся в рукописи по самые локти. Трезвонил телефон, но он не обращал внимания на звонки и вообще для столь раннего утреннего часа был взмылен сильнее обычного.

— Ты помнишь старую миссис Клейборн?

— Конечно. Она умерла. Дней десять назад я писал некролог.

— Так вот, я хочу, чтоб ты подъехал туда, где она жила, и слегка пошлялся вокруг да около.

— Чего ради? — поинтересовался я. — Она что, вернулась с того света?

— Нет, но там творится что-то странное. Мне намекнули, что ее, похоже, немножко поторопили преставиться.

— Слушай, — сказал я, — на этот раз ты перегнул палку. Ты что, в последнее время смотрел по телевидению слишком много боевиков?

— Я получил сведения из надежных источников, — заявил он и снова зарылся в работу.

Пришлось снять с вешалки шляпу и сказать себе: не все ли равно, как провести день, денежки все равно каплют, а меня не убудет...

Хотя, если по чести, мне порядком осточертели бредовые задания, в которые Билл то и дело втравливал не только меня, но и весь штат отдела. Иногда эти задания оборачивались статьями, а чаще нет. И у Билла была отвратительная привычка: всякий раз, когда из погони за призраками ничего не выходило, он делал вид, что виновен в этом тот, кого послали на задание, а он сам ни при чем. Вероятно, его «надежные источники» сводились к обыкновенным сплетням или к болтовне случайного соседа в баре, который он удостоил своим посещением накануне.

Старая миссис Клейборн была одной из последних представительниц увядающей знати. Некогда, устраиваясь на жительство, знать почтила своим выбором Дуглас-авеню. Но семья разлетелась кто куда, миссис Клейборн осталась одна и умерла, всеми забытая: в большом доме — несколько слуг, приходящая сиделка и никого из родственников, достаточно близких, чтоб облегчить ее предсмертные часы своим присутствием.

Маловероятно, внушал я себе, что кто бы то ни было выгадал, дав ей тройную дозу лекарства или ускорив ее кончину каким-либо иным способом. И даже если бы так, почти нет шансов это доказать — а сюжеты такого толка никак нельзя пускать в печать, пока не раздобудешь свидетельств, подписанных черным по белому.

Я подъехал к дому на Дуглас-авеню. Тихий, довольно приятный дом в глубине обнесенного заборчиком дворика, в окружении деревьев, расцвеченных всеми красками осени. Во дворике садовник ворошил граблями опавшую листву. Я двинулся по дорожке к дому — садовник меня не заметил. Он был очень стар, работал спустя рукава и, похоже, бормотал что-то себе под нос. Позже выяснилось, что он еще и глуховат.

Поднявшись по ступенькам, я позвонил и стал ждать с замиранием сердца, гадая, что сказать, когда меня впустят. Об истинных моих намерениях нечего было и заикаться, следовательно, надо было подобраться к цели каким-то окольным путем.

Дверь открыла горничная.

— Доброе утро, мэм, — выпалил я. — Я из «Трибюн». Могу я войти и продолжить разговор под крышей?

Она даже не ответила, просто поглядела на меня пристально и захлопнула дверь. Поделом мне — можно было предвидеть заранее, что только так оно и может кончиться.

Пришлось повернуться, спуститься с крыльца и направиться напрямик туда, где трудился садовник. Он не замечал меня вплоть до минуты, когда я чуть не сбил его с ног. Но как только он меня увидел, у него даже лицо просветлело, он уронил грабли и присел на тачку. Мое появление дало ему повод передохнуть — повод не хуже любого другого.

— Привет, — сказал я.

— Хороший денек, — откликнулся он.

— Точно, хороший.

— Говорите громче, — предложил он. — Я вас совсем не слышу.

— Как печально, что миссис Клейборн...

— Да, конечно, — произнес он. — Вы живете где-то поблизости? Что-то я вашего лица не припомню.

Я ответил кивком. Не так уж нагло я соврал — всего миль на двадцать или вроде того.

— Чудесная была старая леди, — сказал он. — Мне ли не знать — работал у нее пятьдесят лет без малого. Благословение Божие, что ее не стало.

— Да, надо полагать...

— Она умирала так тяжело, — сказал он. Сидя на осеннем солнышке, он кивал самому себе, и было почти слышно, как его память бродит по пространству этих пятидесяти лет. На какое-то время, я уверен, он вообще забыл о моем существовании, но потом продолжил, обращаясь более к себе, чем ко мне: — Сиделка рассказывала странную штуку. Наверное, ей просто привиделось. Она же, сиделка, очень устала...

— Да, я слышал краем уха, — подбодрил я старика.

— Сиделка вышла на минутку, а когда вернулась, то клянется, что в комнате кто-то был. И сиганул в окошко в ту секунду, как она вошла. Там было темно, она толком не разглядела. Помоему, ей просто примерещилось. Хотя на свете порой происходят странные вещи. Такие, про которые мы и ведать не ведаем...

— Ее комната была вон там, — я показал на дом. — Помню, несколько лет назад...

Старик хмыкнул, поймав меня на неточности.

— Ошибаешься, сынок. Ее комната была угловая, на верхнем этаже...

Он неспешно поднялся с тачки и снова взялся за грабли.

— Приятно было побеседовать, — сказал я. — У вас такие красивые цветы. Не возражаете, если я поброжу здесь и погляжу на них?

— Почему бы и нет? А то через недельку-другую их прихватит морозом...

Я испытывал ненависть к себе за то, что приходилось делать, и тем не менее поплелся по дворику, притворяясь, что любуюсь цветочками, а на самом деле подбираясь поближе к углу, на который он указал. Под окном росли петунии, и вид у них был довольно жалкий. Я присел на корточки, притворяясь, что они привели меня в восторг. Восторга я не испытывал, просто высматривал какое-нибудь свидетельство того, что кто-то выпрыгнул из окна.

Сам не ожидал, что найду такое свидетельство, однако нашел.

На клочке обнаженной земли в том месте, где петунии уже отцвели, был отпечаток ноги — ну, может быть, не ноги, но так или иначе отпечаток. Он выглядел как утиный след — с той только разницей, что утка, оставившая такой след, должна была вымахать ростом со здорового пса.

Не вставая с корточек, я уставился на этот след, и по спине у меня поползли мурашки. В конце концов я встал и двинулся прочь, принуждая себя идти медленно, в то время как каждая клеточка тела требовала — беги!

Выйдя за ворота, я и впрямь побежал. Побежал что было сил. И когда добрался до ближайшего телефона, в аптеке на углу, то сперва посидел в кабинке, чтоб отдышаться, и только потом позвонил в отдел городских новостей.

— Что у тебя? — прорычал Пластырь.

— Сам не знаю, — чистосердечно ответил я. — Может, и во все ничего. Кто был врачом миссис Клейборн?

Он назвал мне имя. Тогда я еще спросил, не известно ли ему имя сиделки, а он в ответ осведомился, какого черта я себе думаю и как он может это знать, так что осталось лишь повесить трубку.

Я отправился к врачу, который меня вышвырнул. Потратил полдня, разыскивая сиделку, а когда разыскал, она меня тоже вышвырнула. Так что целый день пошел псу под хвост.

Когда я вернулся в редакцию, близился вечер. Пластырь накинулся на меня с порога:

— Добыл что-нибудь?

— Ничего, — ответил я. Не было никакого смысла рассказывать ему об отпечатке под окном. Да я и сам к тому времени начал сомневаться, не пригрезился ли мне отпечаток: уж очень все это было неправдоподобно.

— Слушай, до каких размеров может вырасти утка? — спросил я у Пластыря, но он только зарычал на меня и уткнулся в работу. Тогда я раскрыл журнал записи заданий на странице, отведенной под следующий день. Он-таки опять всучил мне фонды призрения, а еще: «Встретиться с д-ром Томасом в унив-те — магнетизм». И я заинтересовался: — А это что такое? Вот это, про магнетизм?

— Мужик корпит над этой петрушкой много лет, — пробурчал Пластырь. — Мне сообщили из надежных источников, что у него там что-то наклеывается...

Опять «надежные источники»! А по сути такой же туман, как и большинство любезных ему «жареных» тем.

Кроме того, терпеть не могу брать интервью у ученых. Чаще всего они порядочные зануды, склонные смотреть на газетчиков свысока. А ведь девять газетчиков из десяти зарабатывают, как этим умникам и не снилось, и на свой манер выкладываются не меньше их, однако не разводят вокруг себя невразумительной говорильни.

Заметив, что Джо-Энн собирается домой, я придвинулся к ней и спросил, чем обернулось ее задание.

— У меня, Марк, осталось странное чувство, — сказала она. — Давай выпьем, и я с тобой поделюсь...

Мы отправились в бар на перекрестке и заняли столик подальше от входа. К нам тут же прилип бармен Джо и стал жаловаться на упадок в делах, что было на него непохоже:

— Если б не вы, газетчики, я б уже закрылся и пошел домой. Мои завсегдатаи, наверное, именно так и сделали. Сегодня уж точно никто не зайдет. Хотя что может быть противнее, чем идти с работы прямо домой? Как по-вашему?

Мы ответили, что и по-нашему так, и в знак того, что он ценит сочувствие, он даже протер нам столик, чего тоже почти никогда не делал. Потом он принес нам выпивку, и Джо-Энн принялась рассказывать мне про старушку, отметившую свой сотый день рождения.

— Это было ужасно. Она сидела посреди гостиной в качалке и знай себе качалась взад-вперед, взад-вперед, тихо, учтиво, как умеют только старушки из почтенных семей. И при том она была рада мне и так светло улыбалась, знакомя меня со всеми подряд...

— Очень мило! И много было народу?

— Ни души.

Я поперхнулся глотком.

— Но ты же сказала, что она тебя познакомила...

— Знакомила. С пустыми стульями.

— Боже правый!

— Все ее гости давно умерли.

— Слушай, выражайся яснее!..

— Она сказала: «Мисс Эванс, познакомьтесь, пожалуйста, с моей старинной приятельницей миссис Смит. Она живет на нашей улице, совсем рядом. Хорошо помню день, когда она стала нашей соседкой, еще в тридцать третьем. Тяжелые были времена, можете мне поверить...» И продолжала щебетать, понимаешь, как обычно щебечут старушки. А я стою как дура, смотрю на пустые стулья и не понимаю, как тут поступить. И, Марк, не знаю, права я была или нет, но я сказала: «Здравствуйте, миссис Смит. Рада с вами познакомиться». И представляешь, что случилось потом?

— Не представляю, конечно.

— Старушка добавила самым обычным тоном, между прочим, будто речь шла о чем-то совершенно естественном: «Понимаете, мисс Эванс, миссис Смит умерла три года назад. Ну, как по-вашему, не славно ли с ее стороны, что она заглянула ко мне сегодня?

— Да разыграла тебя твоя старушка! Некоторые из них с возрастом становятся очень лукавыми.

— Нет, не думаю. Она познакомила меня со всеми своими гостями. Их было шесть или семь, и все до одного — мертвецы.

— Но она-то была счастлива, воображая, что у нее полно гостей. Тебе, в конце концов, какая разница?

— Все равно это было ужасно, — заявила Джо-Энн.

Пришлось выпить еще по одной, чтобы смыть ужас. А бармен Джо не унимался:

— Ну видели ли вы когда-нибудь что-либо подобное? Сегодня здесь хоть из пушки стреляй — все равно никого не заденешь. Обычно в этот час у стойки очередь выстраивалась, и редко когда выпадал скучный вечер, чтоб никто ни с кем не подрался, хотя, как вам известно, у меня приличное заведение...

— Конечно, конечно, — перебил я. — Садись-ка с нами и выпей за компанию...

— Не надо бы мне пить, — засомневался Джо. — Пока торговля не кончилась, бармен не должен разрешать себе ни рюмки. Но сегодня мне так паршиво, что я, пожалуй, поймаю вас на слове, если вы не передумали.

Он потопал к стойке, достал бутылку и стакан для себя, и мы выпили еще, а потом еще.

На перекрестке, тянул свое Джо, всегда было такое хорошее место — дело шло с самого утра, в полдень большой наплыв, а уж к вечеру яблоку негде упасть. Но вот недель шесть назад торговля начала засыхать на корню и теперь, по сути, прекратилась совсем.

— И так по всему городу, — жаловался он, — в одних местах чуть получше, в других похуже. А здесь у меня едва ли не хуже всех. Прямо не знаю, что на людей нашло...

Мы ответили, что тоже не знаем. Я выудил из кармана какие-то деньги, оставил их на столе, и мы удрали. На улице я предложил Джо-Энн поужинать со мной, но она отказалась на том основании, что уже договорилась играть в бридж в клубе. Я завез ее домой и поехал к себе.

В редакции надо мной частенько подтрунивали: чего это ради я решил поселиться так далеко от города. Но мне загородная жизнь нравилась. Домик мой обошелся мне дешево и уж во всяком случае был лучше, чем парочка тесных комнатенок в третьеразрядном отеле, а оставайся я в городе, ни на что лучшее я бы рассчитывать не мог.

Соорудив себе на ужин бифштекс с жареной картошкой, я спустился к причалу и выгреб на озеро, правда, недалеко. И просто посидел в лодке, глядя, как по всему берегу перемигиваются освещенные окна, и впитывая звуки, каких днем не услышишь: проплыла ондатра, тихо перекрякиваются утки, а то вдруг шлепнула хвостом выпрыгнувшая из воды рыба.

Было холодновато, и какое-то время спустя я подгреб обратно к причалу, размышляя о том, сколько еще всякой всячины надо успеть сделать до прихода зимы. Лодку надо проконопатить, просмолить и покрасить, да и самому домику слой свежей краски не повредит, если только у меня дойдут до этого руки. Зимние вторые рамы — две из них нуждаются в новых стеклах, а по совести надо бы еще и прошпатлевать их все до одной. Труба на крыше — никуда не денешься, надо заменить кирпичи, которые в этом году

выбило ураганом. И еще не забыть поставить утепляющие прокладки на входную дверь.

Я немного посидел, почитал, затем отправился на боковую. Перед сном мне мимолетно вспомнились две старушки: одна — счастливая в своих фантазиях, другая — упокоенная в могиле.

На следующее утро я первым делом свалил с плеч колонку о фондах призрения. Затем взял из библиотеки энциклопедию и усвоил кое-что про магнетизм. Ведь прежде чем увидеться с этим умником из университета, следует получить хоть какое-то представление о предмете разговора.

Однако я мог бы и не тревожиться — доктор Томас оказался вполне свойским парнем. Мы славно посидели и потолковали. Он рассказал мне про магнетизм, а когда выяснилось, что я живу на озере, мы поговорили о рыбалке и к тому же нашли общих знакомых, так что все прошло очень хорошо.

Кроме одного — статьей здесь и не пахло. Все, что я из него выжал, это неопределенное:

— Может, что-нибудь и получится, но не раньше, чем через год. Как только это произойдет, я дам вам знать. — Такие посулы я тоже слыхивал, так что попытался связать его обещанием. И он сказал: — Обещаю, вы узнаете о результатах первым, раньше всех остальных.

Пришлось тем и ограничиться. Нельзя же требовать от человека, чтоб он подписал по такому поводу формальный контракт.

Я уже искал случай откланяться, однако почувал, что он еще не все сказал. И решил немного задержаться — не каждый день находишь кого-то, кто искренне хочет с тобой поговорить.

— Да, я определенно думаю, что статья будет, — он говорил и выглядел озабоченным, словно боялся, что ни черта не будет. — Я же вгрызался в эту проблему годами. Магнетизм — одно из явлений, о которых мы до сих пор мало что знаем. Когда-то мы ничего не знали об электричестве да и сегодня не разобрались до конца во всем, что с ним связано. Но кое-что мы все-таки выяснили, а раз выяснили, то запрягли электричество в работу. Что-то подобное может произойти и с магнетизмом, если только мы установим основные закономерности...

Тут он запнулся и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы в детстве верили в домовых? — Вопросик застал меня врасплох, и от него это, надо полагать, не укрылось. — Ну в таких маленьких вездесущих помощников? Если ты им понравишься, они с радостью сделают за тебя все что угодно, а от тебя требуется только одно — выставлять им на ночь площадку с молоком...

Я ответил, что читал такие байки и, наверное, в свое время принимал их за чистую монету, хотя в данный момент поклясться в том не могу.

— Будь я в силах поверить в такое, — заявил он, — я бы решил, что здесь в лаборатории завелись домовые. Кто-то или что-то перевернул или перевернуло мои заметки. Я оставил их на столе, водрузив на них пресс-папье, а на следующее утро они оказались разбросаны и частично сброшены на пол.

— Возможно, уборщица? — предположил я.

Он усмехнулся:

— Я здесь сам себе уборщица.

Мне показалось, что он высказался, и я недоумевал, к чему вся эта болтовня про заметки и домовых. Я потянулся за шляпой, и тут он решился поставить точки над «і»:

— Вся соль в том, что два листочка остались под пресс-папье. Один из них оказался тщательно сложен пополам. Я уже вознамерился бросить их в общую кучу, чтоб рассортировать заметки когда-нибудь потом, но в последний момент все-таки прочел то, что было записано на этих двух листках. — Он глубоко вздохнул. — Понимаете, две отрывочные записи, которые я по своей инициативе, наверное, никогда не связал бы друг с другом. Иногда мы странным образом не видим того, что у нас под носом, смотрим на предмет с такого близкого расстояния, что не можем его разглядеть. Так и тут — два листка по какой-то случайности оказались вместе, да еще один из них сложен пополам и вложен в другой. Это и подсказало мне идею, до какой я бы иначе не додумался. С тех самых пор я работаю именно в этом направлении и питаю надежду, что работа может увенчаться успехом.

— И когда это случится...

— Я вам сообщу.

Я взял шляпу и откланялся. И по дороге в редакцию от нечего делать размышлял о домовых.

Только-только я вернулся в редакцию и решил побездельничать часок-другой, как старику Дж. Х., нашему издателю, припичило закатиться в отдел с одним из эпизодических визитов доброй воли. Дж. Х. — напыщенный пустозвон, не сохранивший ни грана честности. Он знает, что нам известно об этом, и мы знаем, что ему известно наше мнение, и все равно он продолжает ломать комедию, изображая из себя нашего доброго товарища, да и мы с ним заодно.

Он задержался подле моего стола, хлопнул меня по плечу и изрек зычно, так что голос раскатился по всей комнате:

— Ты потрясающе ведешь тему муниципальных фондов призрения, мой мальчик. Просто потрясающе.

Чувствуя себя последним идиотом и борясь с тошнотой, я встал и проямлил:

— Благодарю вас, Дж. Х. Это очень любезно с вашей стороны.

Что от меня и требовалось. Почти священный ритуал.

Сграбастав мою ладонь, а другую руку возложив мне на плечо, он удостоил меня энергичного рукопожатия и сжал плечо чуть не до боли. И будь я проклят, если у него не увлажнились глаза, когда он объявил мне:

— Продолжай в том же духе, Марк, просто делай свое дело. Ты никогда об этом не пожалеешь. Мы можем не показывать этого демонстративно, но мы ценим честную работу и преданность газете. И каждодневно следим за тем, что делает каждый из вас.

С этими словами он бросил меня, будто обжегшись, и отправился приветствовать других.

Я опустился на стул, понимая, что остаток дня отравлен. Ежели я заслужил похвалу вообще, то предпочел бы, чтоб меня похвалили за что угодно, только не за фонды призрения. Паршивая колонка, я сам признавал, что паршивая. И Пластырь признавал, и все остальные. Никто не попрекал меня тем, что она паршивая, никому на свете не удалось бы выжать из фондов призрения ничего иного, эти статейки обречены быть паршивыми. Но душу мне происшедшее все равно не грело.

И еще во мне зародилось неприятное подозрение, что старик Дж. Х. каким-то образом пронюхал о запросах, которые я разослал в полдюжины других газет, и дал мне мягко понять, что осведомлен об этом и что лучше бы мне поостеречься.

Перед полуднем ко мне подступился Стив Джонсон. Он ведет в нашей лавочке медицинские темы наряду со всеми прочими, как-то Пластырю заблагорассудится ему всучить. В руках он держал пачку вырезок и выглядел озабоченным.

— Очень совестно просить тебя об одолжении, Марк, и все-таки не согласишься ли ты меня выручить?

— Ну о чем речь, Стив!

— Речь об операции. Я должен бы проверить, как там дела, но не успеваю. Надо нестись в аэропорт брать интервью. — Он плюхнул вырезки мне на стол. — Тут все изложено.

И умчался за своим интервью. А я перебрал вырезки и вчитался в них. Да, история была из тех, что берут за душу. Мальца всего-то трех лет от роду приговорили к операции на сердце. К операции сложной, за какую до того брались лишь самые знаменитые хирурги в больших больницах Восточного побережья, да и вообще ее делали считанное число раз и никогда — пациентам столь юного возраста.

Трудно было заставить себя поднять телефонную трубку и позвонить: я почти не сомневался в том, что именно мне ответят. Я все-таки пересилил себя и, разумеется, нарвался на неприятности, каких следует ждать непременно, когда пытаешься что-то

выяснить у медицинского персонала, словно они стерильно чисты, а ты грязная дворняжка, норовящая пролезть к ним со всеми своими блохами. Однако в конце концов я добрался до кого-то, кто сказал мне, что малец, вероятно, выживет и что операция, по-видимому, прошла успешно.

Тогда я набрался смелости и позвонил хирургу, проводившему операцию. Должно быть, я застал его в счастливую минуту и он не отказался снабдить меня подробностями, каких мне недоставало.

— Вас, доктор, надо поздравить с успехом, — сказал я, и вот тут он впал в раздражительность.

— Молодой человек, — сказал он, — при операциях такой сложности руки хирурга — это всего лишь один фактор. Есть великое множество других, которые никто не вправе считать своей личной заслугой. — Внезапно его голос зазвучал устало и даже испуганно. — Произошло чудо. — И после паузы: — Только не вздумайте ссылаться на эти мои слова!..

Последнюю фразу он произнес на повышенных тонах, почти прокричал в трубку.

— Даже не подумаю, — заверил я.

А после этого снова позвонил в больницу и поговорил с матерью мальчика.

Статья вышла что надо. Мы успели тиснуть ее в местном выпуске четырьмя колонками на первой полосе, и даже Пластырь слегка смягчился и поставил мою фамилию вверху под заголовком.

После обеда я подошел к столу Джо-Энн и застал ее в растрепанных чувствах. Пластырь подсунул ей программу церковного съезда, и она как раз клеила предварительную статейку, перечисляя будущих ораторов, членов всяческих комитетов и все создаваемые в этой связи комиссии и намечаемые мероприятия. Вот уж дохлая работенка, самая дохлая, какую вам могут навязать, — пожалуй, даже похуже, чем фонды призрения.

Я послушал-послушал, как она сетует на жизнь, и задал вопрос: могу ли я рассчитывать, что у нее останется хоть немного сил по завершении рабочего дня?

— Я совсем измочалена, — сказала она.

— Спрашиваю потому, что надо вытащить лодку из воды и кто-то должен мне помочь.

— Марк, если ты считаешь, что я поеду к черту на рога, чтобы возиться с лодкой...

— Тебе не придется ее поднимать, — заверил я. — Может, чуть-чуть подтолкнуть, и только. Мы используем лебедку и поднимем ее на таях, чтоб я позднее мог ее покрасить. Мне нужно

только, чтобы ты ее придержала и не дала ей крутиться, покуда я тащу ее вверх.

Уломать Джо-Энн было не так-то просто. Пришлось забросить дополнительную приманку.

— По дороге можно будет остановиться в центре и купить парочку омаров, — заявил я. — Ты так хорошо готовишь омаров. А я бы сделал соус рокфор, и мы с тобой...

— Только без чеснока, — отозвалась она.

Я пообещал обойтись без чеснока, и тогда она согласилась.

Так или иначе, до вытаскивания лодки руки у нас в тот вечер не дошли. Нашлись занятия значительно интереснее.

Полужинав, мы разожгли огонь в камине и сели рядом. Она положила голову мне на плечо, нам было так удобно и уютно.

— Давай притворимся, — предложила она. — Притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь. Притворимся, что мы в Лондоне, и это наш коттедж на равнинах Кембриджшира...

— Там же болота, — ответил я, — а болота — не лучшее место для коттеджа.

— Вечно ты все испортишь, — попрекнула она. — Начнем сначала. Давай притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь...

Дались ей эти кембриджширские болота!

Возвращаясь на озеро после того, как отвез ее домой, я засомневался: а получу ли я эту работу хоть когда-нибудь? В данный момент перспектива вовсе не выглядела розовой. Не то чтобы я с такой работой не справился: я заведомо знал, что справлюсь. Полки у меня дома были заставлены книгами о мировых проблемах, и я пристально следил за развитием международных событий. Я хорошо владел французским, мог объясниться по-немецки, а на досуге, случалось, воевал с испанским. Всю свою жизнь я мечтал стать частицей братства журналистов-международников, отслеживающих состояние дел по всему свету.

Утром я проспал и опоздал в редакцию. Пластырь отнесся к этому факту кисло:

— И чего ты вообще трудился появляться в конторе? — прорычал он. — Чего ради ты вообще сюда ходишь? Вчера и позавчера я посылаю тебя на два задания, а где статьи?

— Не было там никаких статей, — ответил я, изо всех сил стараясь сдержаться. — Просто очередные сплетни, которые ты где-то выкопал.

— Однажды, — заявил он назидательно, — когда ты станешь настоящим репортером, ты будешь выкапывать темы статей сам,

без подсказки. В том-то и беда с нынешними сотрудниками, — добавил он, внезапно распаяясь. — И с тобой то же самое. Полное отсутствие инициативы, сидите себе и ждете, чтоб я выкопал что-нибудь и преподнес вам как задание. Никто ни разу не удивил меня тем, что принес материал, за которым я его не посылал. — И тут он спросил, сверля меня взглядом: — Ну почему бы тебе хоть разок не удивить меня?

— Уж я-то тебя удивлю, пропойца, — сдержил я и вернулся к своему столу.

И задумался. Думал я о старой миссис Клейборн, которая умирала так тяжело, а потом умерла внезапно и легко. Я припомнил, что рассказал мне садовник, и припомнил отпечаток под окном. Подумал я и о старушке, которой исполнилось сто лет и к которой по этому случаю заглянули ее давние умершие друзья. И о физике, у которого в лаборатории завелись домовые. И о мальце, перенесшем операцию, которая вопреки ожиданию прошла успешно.

И меня осенило.

Я поднял подшивку и перелистал ее на глубину трех недель, день за днем, полоса за полосой. Я сделал кучу выписок и даже сам слегка испугался, но убедил себя, что все это — не более чем совпадение. А потом написал:

«Домовые вернулись к нам снова. Знаете, такие маленькие создания, которые делают для вас всевозможные добрые дела и не ждут от вас ничего взамен, кроме ложки с молоком на ночь».

При этом я не отдавал себе отчета, что почти точно воспроизвожу слова, которые употребил физик. Я не написал ни о миссис Клейборн, ни о столетней старушке с ее гостями, ни о самом физике, ни о малыше, подвергшемся операции. Ни один из этих сюжетов не заслуживал насмешки, а я писал, не скрывая иронии.

Зато я воспроизвел две-три кратеньких, по одному абзацу, заметки, схоронившихся в глубине просмотренных мной подшивок. Все это были рассказы о неожиданной удаче, историйки со счастливым концом, но без серьезных последствий для кого бы то ни было, кроме тех, кого они касались непосредственно. О том, как кто-то нашел вещь, которую на протяжении месяцев или лет считал безнадежно утраченной, как вернулась домой заплутавшая собака, как школьник, к удивлению родителей, выиграл конкурс на лучший очерк, как сосед безвозмездно помог соседу. В общем, мелкие приятные заметульки, попавшие в газету только оттого, что надо было заткнуть зияющие дыры на полосах. И таких заметок набралось множество, пожалуй, гораздо больше, чем можно было ожидать.

«Все это случилось в нашем городе за последние три недели», — написал я в конце. И добавил еще одну строчку: «Выставили ли вы на ночь ложку с молоком?»

Закончив, я посидел минутку в безмолвном споре с самим собой: а стоит ли вообще сдавать такую муру? Но в конце концов я решил, что Пластырь сам напросился на это, когда позволил себе сморозить лишнее. Я швырнул свое сочинение в ящик для готовых статей на столе заведомом и, вернувшись на место, взялся за очередную муниципальную колонку.

Пластырь ничего не сказал мне о прочитанном, да я его ни о чем и не спрашивал. Вообразите себе, как у меня вылезли глаза на лоб, когда рассыльный принес из типографии свежие оттиски и моя писанина про домовых оказалась заверстанной как гвоздь номера — вверху первой полосы на все восемь колонок!

И никто это никак не откомментировал, кроме Джо-Энн, которая подошла, потрепала меня по голове и даже заявила, что гордится мной, хотя одному Богу известно, было ли тут, чем гордиться. Потом Пластырь послал меня на новое высосанное из пальца задание — к кому-то, кто якобы мастерит самодельный ядерный реактор у себя на заднем дворе. Оказалось, что это старый болван, однажды уже построивший вечный двигатель, разумеется, не работоспособный. Как только я узнал про вечный двигатель, мне так все опротивело, что я не стал возвращаться в редакцию, а поехал прямо домой.

Я соорудил блок с талями и кое-как вытащил лодку на берег, хоть без помощника пришлось попотеть. Затем я съездил в деревушку на другом конце озера и купил краску не только для лодки, но и для домика. И был очень рад тому, как удачно начал работу, неизбежную в осенние месяцы.

А на следующее утро, когда я добрался до конторы, там был сумасшедший дом. Коммутатор не успокаивался всю ночь и был обвешан записками читателей, как рождественская елка. Одна из телефонисток хлопнулась в обморок, и ее как раз пытались привести в чувство. Глаза Пластыря пылали диким огнем, галстук у него съехал набок. Заметив мое появление, он ухватил меня за локоть, подвел к моему месту и чуть не силком усадил на стул.

— А ну, черт тебя побери, за работу! — заорал он, плюхнув передо мной грудку записок.

— Что тут происходит?

— Это все твоя затея с домовыми! — надрывался он. — Звонят тысячи людей. У всех домовые, всем помогают домовые, а кое-кто даже видел домовых...

— А как насчет молока? — осведомился я.

— Молока? Какого еще молока?

— Ну как же, молока, которое надо ставить домовым на ночь.

— Откуда я знаю! — возмутился он. — Почему бы тебе не позвонить в две-три молочные компании и не справиться у них?

Я так и сделал — и, чтоб мне провалиться, молочные компании оказались на грани тихого помешательства. Шоферы напере-

гонки возвращались за дополнительным молоком, поскольку большинство постоянных покупателей брали пинту-другую сверх обычного. Возле складов возникли очереди машин, растянувшиеся на целый квартал, — поджидали новых поставок молока, а поставки шли туго.

У нас в конторе в то утро не осталось никого, кто делал бы что-нибудь еще, кроме как сочинял байки про домовых. Мы заполнили ими весь номер — всевозможными историями о домовых, помогающих людям. С одной оговоркой — в большинстве своем люди и не догадывались, что им помогают именно домовые, пока не прочитали мое сочинение. До того они просто думали, что ухватили за хвост удачу.

Когда первый выпуск был готов, мы какое-то время сидели сложа руки, как бы переводя дыхание, хотя звонки не прекращались, и готов поклясться, что моя пишущая машинка раскалилась к тому времени докрасна.

Наконец свежую газету подняли наверх, каждый получил по экземпляру и углубился в него, и тут до нас донесся рык из кабинета Дж. Х. Мгновением позже Дж. Х. вынырнул лично, размахивая зажатой в руке газетой, а его физиономия была на три порядка багровее свежеекрашенной пожарной машины. Он рысью подбежал к столу заведомом, швырнул газету Пластырю под нос и прихлопнул ее кулаком.

— Как это понять? — гаркнул он. — Ну-ка изволь объяснить. Мы теперь станем общим посмешищем!..

— Но, Дж. Х., по-моему, это отличный розыгрыш и...

— Домовые!.. — фыркнул Дж. Х.

— Столько звонков от читателей, — пролепетал Пластырь Билл. — Звонки продолжают до сих пор. И я...

— Довольно, — проревел Дж. Х. — Ты уволен!.. — Повернувшись к заведомом спиной, он уставился на меня. — Это ты затеял! Ты тоже уволен!..

Я поднялся со своего места и подошел к бывшему заву.

— Мы вернемся попозже, — заявил я, адресуясь Дж. Х., — за выходным пособием.

Он слегка вздрогнул, но не отступился. Пластырь снял со стола пепельницу и выпустил ее из рук. Она упала на пол и разбилась, а Пластырь отряхнул пепел с ладоней и пригласил:

— Пошли, Марк. Выпивка за мной.

Мы отправились в бар на перекрестке. Джо притащил бутылку с парой стаканов, и мы взялись за дело. Вскоре в бар стали заглядывать и другие ребята из конторы. Принимали с нами по рюмочке и возвращались на работу. Тем самым они давали нам понять, что соболезнают и жалеют о том, как все обернулось.

Вслух никто ничего не говорил, просто они заглядывали один за другим. За весь день не набралось и нескольких минут, когда мы сидели бы вдвоем и никто не составил бы нам компанию. А уж нам с Пластырем пришлось накачаться основательно.

Мы с ним толковали про домовых, сперва довольно скептически — всему, мол, виной человеческое легкоеверие. Но чем больше мы задумывались и чем больше пили, тем искреннее верили, что без домовых и впрямь не обошлось. Прежде всего, слепая удача не ходит косяками, как вроде бы получалось у нас в городе на протяжении последних недель. Удача скорее склонна рассредотачиваться в пространстве и времени, а если иной раз собирается в ручейки, то и они на поверку оказываются жиденькими. А у нас удача, по-видимому, посетила многие сотни, если не тысячи людей.

Часам к трем-четырем пополудни мы окончательно согласились, что за этой заварушкой с домовыми кроется что-то реальное. И, само собой, стали прикидывать, кто такие домовые и чего ради им помогать нам, людям.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Пластырь. — По-моему, они инопланетяне. Пришельцы со звезд. Может, те самые, что прежде летали в тарелках.

— Но с какой стати инопланетяне станут нам помогать? — не замедлил возразить я. — Они, конечно, принялись бы наблюдать за нами, постарались бы выяснить все, что смогут, а спустя какое-то время попробовали бы вступить с нами в контакт. Может даже, им захотелось бы нам помочь — но помочь нам как племени, а не как отдельным людям...

— А может, они по натуре хлопотуны, — предположил Пластырь. — Есть же такие и у нас на Земле. Помешанные на том, чтоб творить добро, сующие свой нос куда их не просят, не способные оставить людей в покое ни на секунду.

— Нет, не думаю, — не отступался я. — Если они стараются нам помочь, то, наверное, это для них что-то вроде религии. Как монахи, что бродили по Европе в прежние века. Как добрые самаритяне. Или как Армия спасения.

Но он не соглашался взглянуть на это моими глазами.

— Хлопотуны, и только, — настаивал он. — Может, у них там всего в избытке. Может, на их родной планете все делают машины и каждый уже обеспечен выше крыши. Может, для них дома уже и дел никаких не осталось — а, сам знаешь, нам обязательно нужно найти себе хоть какое-нибудь занятие, чтоб не скучать и не утратить уважения к себе.

Часов в пять в бар заявила Джо-Энн. У нее был выходной, и она не ведала ни о чем, пока кто-то из конторы не догадался ей

позвонить. Тут уж она не замешкалась. И прежде всего рассердилась на меня и не желала слушать моих оправданий, что в подобных обстоятельствах мужчина имеет право на стаканчик-другой. Она вытащила меня из бара, посадила в мою собственную машину, но за руль не пустила и отвезла к себе. Накачала черным кофе, после чего заставила что-то съесть и только часов в восемь пришла к выводу, что я достаточно протрезвел, чтобы попытаться доехать домой.

Я ехал осторожно и доехал, но голова у меня раскалывалась и к тому же никак не желала забыть, что я остался без работы. Хуже того, ко мне теперь до конца дней моих приклеится ярлык психа, затеявшего аферу с домовыми. Уж можно не сомневаться, что телеграфные агентства не пропустили такой подарок и что новость подхвачена на первых полосах в большинстве газет от побережья до побережья. Нет сомнений и в том, что радиокомментаторы и их коллеги-телевизионщики изгаляются на этот счет до изнеможения.

Домик мой стоял на небольшом крутом бугре, своеобразном взгорке между озером и дорогой, и подъехать прямо к крыльцу было нельзя. Приходилось ставить машину на обочине у подножья бугра, а потом взбираться наверх на своих двоих. Чтобы не сбиться с тропки при лунном свете, я брел, опустив голову, и почти достиг цели, когда слышал звук, заставивший меня встрепенуться.

И увидел их.

Они соорудили не то леса, не то подмости, и четверо взгромоздились на них, бешено маля стены краской. Еще трое взобрались на крышу и клали кирпичи взамен выбитых из трубы. Вторые рамы были расставлены по всему участку, и на них шустро клали шпатлевку. Ну а лодку — ту было почти не разглядеть, такое их число облепило ее, окрашивая в три слоя.

Я стоял разинув рот, челюсть чуть не доставала до грудной клетки. Внезапно раздался свист, и я поторопился отступить с тропки в сторону. И правильно сделал — добрая дюжина их пронеслась под гору, на ходу разматывая шланг. Времени прошло меньше, чем нужно на этот рассказ, а они уже мыли мне машину.

Меня они, казалось, не замечали вовсе. То ли они были так заняты, что не могли отвлечься, то ли принятые у них правила приличия не позволяли обращать внимание на того, кому они решили помочь.

Они действительно очень походили на домовых, какими их рисуют в детских книжках, но были и определенные отличия. Точно, они носили остроконечные шапочки, но когда я подобрался вплотную к одному из них — он увлеченно шпатлевал рамы, я разглядел, что никакая это не шапочка. Это его голова сходилась на конус острием вверх, и венчала ее не кисточка, а хохолок из во-

лос или перьев, и я так и не сумел понять, из чего именно. И они носили куртки с большими вычурными пуговицами, только у меня не знаю как сложилось впечатление, что на деле пуговицы — нечто совершенно другое. И не было огромных несуразных клоунских ботинок, в каких их обычно рисуют. На ногах у них просто ничего не было.

Трудились они усердно и споро, не тратя даром ни минуты. С места на место они не ходили, а перебегали рысью. И их было так много!

И вдруг их бурной деятельности пришел конец. Лодка была покрашена, домик тоже. Окрашенные, прошпатлеванные рамы прислонили к деревьям. Шланг втащили наверх и свернули аккуратным кольцом.

Я понял, что они шабашат, и попытался созвать их всех вместе, чтоб хотя бы поблагодарить, но они по-прежнему не обращали на меня внимания. Закончили все дела и исчезли, а я остался стоять в одиночестве. Обновленный домик сверкал под луной, воздух загустел от запаха свежей краски. Наверное, я еще не вполне протрезвел, несмотря на ночную прохладу и весь тот кофе, который Джо-Энн влила в меня. Будь я трезв как стеклышко, я, может статься, справился бы получше, сообразил бы что-нибудь. Боюсь, что я напортачил и упустил редкий случай.

Я ввалился в дом. Входная дверь затворилась с усилием и не сразу. Недоумеваемая, в чем дело, я наконец-то разглядел, что она утеплена.

Включив свет, я с удивлением осмотрелся по сторонам. За все годы, что я жил здесь, в доме никогда не бывало такого порядка. Нигде ни пылинки, каждая железка сверкает. Кастрюльки и сковородки расставлены по местам, разбросанная одежда убрана в шкаф, книги все до одной на полках, и журналы лежат там, где им положено, а не валяются как попало.

С грехом пополам я добрался до постели и попытался все обдумать, но кто-то огрел меня по башке тяжелой колотушкой, и больше я ничего не помню вплоть до мгновения, когда меня разбудил чудовищный трезвон. Я дополз до его источника быстро, как только мог.

— Ну что еще? — рявкнул я. Разумеется, отвечать так по телефону не годится, но как я себя чувствовал, так и ответил.

Это оказался Дж. Х.

— Что с тобой? — заорал он. — Почему ты не в редакции? Ты соображаешь, что творишь, если...

— Минуточку, Дж. Х. Вы что, не помните, что вчера сами указали мне на дверь?

— Ну ладно, Марк, — изрек он, — не держи на меня зла. Мы все вчера были взволнованы...

— Только не я.

— Слушай, Марк, ты мне нужен. Тут кое-кто хочет тебя видеть.

— Ладно, приеду, — сказал я и повесил трубку.

Но торопиться я не стал, собирался с прохладцей. Если я понадобился Дж. Х. и кому-то еще, оба с тем же успехом могут и подождать. Я включил кофеварку и принял душ. После душа и кофе я опять ощутил себя почти человеком.

Выйдя во двор, я направился было к тропке и, следовательно, к машине внизу на обочине, как вдруг увидел такое, что замер как вкопанный. В пыли по всему участку виднелись следы — такие же, как на клумбе под окном миссис Клейборн. Опустившись на корточки, я уставился на тот, что был у меня перед носом: хотелось удостовериться, что это не наваждение. Нет, мне не примерещилось — следы были такие же точно, один к одному.

Следы домовых!

Я просидел на корточках довольно долго. И все вглядывался в следы, размышляя: верить или не верить? Приходилось верить — неверию больше не оставалось места.

Сиделка была права — в ночь, когда скончалась миссис Клейборн, ее комнату действительно посетили. Благословение Божие, сказал садовник, сказал просто потому, что усталость и простодушие преклонного возраста затуманили ему разум и речь. А на проверку это был акт милосердия, доброе дело — ведь старушка умирала так тяжело и надежды на выздоровление не было.

Важно, что добрые дела оборачивались не только смертью, но и жизнью. При операциях такой сложности, заявил мне хирург, есть множество факторов, которые никто не вправе считать своей личной заслугой. Произошло чудо, заявил он, только не вздумайте ссылаться на мои слова...

И некто — не уборщица, а кто-то другой или что-то другое — перевернул или перевернуло записи, сделанные физиком, и сложил-сложило вместе два листочка, два из нескольких сот, с тем чтобы можно было связать две записи между собой и эта связь подсказала плодотворную идею.

Совпадения? — спросил я себя. Неужели все это совпадения — что старушка умерла, а малец выжил, что ученый нашел путеводную нить, которую иначе проглядел бы? Нет, уже не совпадения, когда под окном остался след, а записи оказались разбросаны, кроме двух, под пресс-папье.

Да, я чуть не забыл про другую старушку, у которой побывала Джо-Энн. Про ту, что радостно качалась в своей качалке, поскольку ее навестили все ее давние умершие друзья. Случается, что слабоумие тоже может стать проявлением доброты.

Наконец я поднялся и спустился к машине. По дороге я продолжал размышлять о волшебных прикосновениях доброты со звезд, о том, что на нашей Земле, похоже, поселилась наряду с че-

ловечеством еще одна раса с иным кругозором и иными жизненными целями. Не исключено, что этот народец и раньше время от времени пытался вступить в союз с людьми, но его каждый раз отвергали и вынуждали прятаться — по невежеству, из суеверия, а затем в силу слишком жестких и нетерпимых представлений о том, что возможно, а что невозможно. И похоже, что нынче они предприняли новую попытку подружиться с нами.

Дж. Х. поджидал меня с видом кота, безмятежно устроившегося в птичьей клетке и не желающего помнить, что к усам прилипли перышки. С ним сидел какой-то большой летный начальник — радуга орденских планок поперек груди и орлы на плечах. Орлы были надраены так ярко, что, казалось, испускали искры.

— Марк, это полковник Дуглас, — объявил Дж. Х. — Он хочет с тобой побеседовать.

Мы обменялись рукопожатием, причем полковник вел себя гораздо любезнее, чем можно было ожидать. После чего Дж. Х. вышел из кабинета, оставив нас вдвоем. А мы еще посидели и помолчали, как бы оценивая друг друга. Не ведаю, что чувствовал полковник, а я со своей стороны готов признаться, что мне было не по себе. Я невольно задавался вопросом, что такого я натворил и к какому наказанию меня приговорят.

— Интересно, Лэтроп, — обратился ко мне полковник, — расскажете ли вы мне честно, как это произошло? Как вам удалось выяснить про домовых?

— А я ничего не выяснял, полковник. Это был просто-напросто розыгрыш.

Я рассказал ему, как Пластырь распустил язык, обвиняя всех штатных сотрудников в отсутствии инициативы, и как я придумал байку про домовых ради того, чтобы свести с ним счеты. А он свел счеты со мной тем, что взял и напечатал ее.

Только полковника моя версия не устроила. Так он и сказал:

— За этим кроется что-то еще.

Я не сомневался, что он меня не отпустит, пока я не вывалю все начистоту, и хоть он не намекал на это ни словом, за его плечами вставали контуры Пентагона, комитета начальников штабов, операции «Летающая тарелка» или как там ее называли, а еще за его плечами витали ФБР и множество иных неприятностей. Так что я облегчил себе душу, рассказав все в подробностях, и отдельные подробности безусловно звучали очень и очень глупо. Однако он словно не заметил глупостей и спросил:

— И что вы теперь думаете обо всем этом?

— Прямо не знаю, что и думать. Может, они из космоса или... Он спокойно кивнул.

— Нам известно уже довольно давно, что они совершают посадки. Однако теперь они впервые намеренно привлекли к себе внимание.

— Но что им нужно, полковник? Чего они добиваются?

— Сам бы хотел это понять, — ответил он. Помолчал и тихо добавил: — Разумеется, если вы вздумаете сослаться на меня в печати, я буду отрицать все напропалую. И вы поставите себя по меньшей мере в двусмысленное положение.

Бог весть, что еще он намеревался сказать, может, всего ничего. Но тут зазвонил телефон. Я поднял трубку — вызывали полковника. Он бросил короткое «да» и стал слушать. Слушал молча, только мало-помалу бледнел. А когда повесил трубку, то вид у него был прямо-таки больной.

— Что стряслось, полковник?

— Звонили из аэропорта. Случилось нечто несусветное и буквально только что. Эти друзья появились непонятно откуда и накиннулись на самолет. Чистили его и полировали, навели на него глянец и снаружи и изнутри. Персонал не мог ничего поделать, только хлопал глазами...

Я усмехнулся.

— Что же тут плохого, полковник? Просто они отнеслись к вам по-доброму.

— Вы еще ничего не знаете! Когда они навели на самолет красоту, то в завершение намалевали на носу домового!..

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о проделках домовых. Их атака на самолет полковника осталась, по сути, их единственным публичным выступлением. Но если они стремились к гласности, то добились своего — создали запоминающееся зрелище. В аэропорт в то утро завернул один из наших фотографов, суматошный малый по имени Чарльз: он никогда не появлялся там, куда его вызывали, зато неизменно возникал без приглашения на месте необычных событий и катастроф. Никто не посылал его в аэропорт — его отправили на пожар, который, к счастью, обернулся всего-то небольшим возгоранием. За каким чертом его занесло в аэропорт, он и сам впоследствии объяснить не мог. Однако он очутился именно там и снял домовых, полирующих самолет. И не один-два снимка, а дюжины две, израсходовав всю наличную пленку. Более того, он ухитрился снять их телескопическим объективом, который в то утро засунул в саквояж по ошибке — раньше он никогда им не пользовался. С тех пор он с этим объективом не расставался, но, по моим сведениям, ему больше ни разу не выпадало повода его применить.

Снимки вышли — полная прелесть. Лучшие из них мы отобрали для первой полосы, разверстав их на всей ее площади, да еще не поскупились и заняли остальными снимками две внутренние полосы. Агентство «Ассошиэйтед пресс» приобрело на сним-

ки права и распространило по всей стране, и их успели напечатать во многих крупных газетах, пока кто-то в Пентагоне не прослышал об этом и не наложил вето. Но поздно: что бы ни предпринял теперь Пентагон, снимки уже разошлись. Может, они причинили зло, а может, добро, — так или иначе, исправить этого было уже нельзя.

Наверное, если бы полковник узнал про снимки, он попробовал бы запретить их опубликование или даже конфисковал. Но о существовании снимков стало известно только тогда, когда полковник убрался из нашего города, а то и вернулся в Вашингтон. Чарли где-то застрял — скорее всего в пивной — и объявился в конторе лишь под вечер.

Когда все в целом дошло до сведения Дж. Х., он принялся метаться по редакции, рвать на себе волосы и грозил уволить Чарли. Но кому-то из нас удалось его утихомирить и водворить обратно в кабинет. Снимки поспели к последнему вечернему выпуску, заняли несколько полос на следующий день, и мальчишки, продающие газету в розницу, всю неделю ходили с вытаращенными глазами — так расхватывали номер с домовыми, запечатленными на пленку.

В середине дня, как только ажиотаж чуточку спал, мы с Пластырем опять отправились в бар на перекрестке пропустить по паре стаканчиков. Раньше я не особо жаловал Пластыря, но тот факт, что нас с ним уволили вместе, создал между нами что-то вроде приятельских уз: в конце концов, Билл показал себя неплохим парнем.

Бармен Джо был горестен, как всегда.

— Это все они, домовые, — выпалил он, обращаясь к нам, и уж можете мне поверить: никто никогда не говорил о домовых в таком тоне. — Явились сюда и принесли каждому столько счастья, что выпивка больше просто не требуется.

— Я с тобой заодно, Джо, — проронил Пластырь. — Мне они тоже не сделали ничего хорошего.

— Ты получил назад свою работу, — напомнил я.

— Марк, — изрек он торжественно, наливая себе по новой, — я не слишком уверен, что это хорошо.

Разговор мог бы выродиться в первостатейный конкурс по сотованиям и стенаниям, если бы в бар не ввалился Лайтнинг, самый прыткий из всех наших рассыльных, невзирая на свою косолапую походку.

— Мистер Лэтроп, — сообщил он мне, — вас просят к телефону.

— Приятно слышать, — отозвался я.

— Но звонят из Нью-Йорка!

Тут до меня дошло. Ей же ей, впервые в жизни я покинул бар так стремительно, что забыл допить налитое.

Звонок был из газеты, куда я обращался с запросом. Человек на том конце провода заявил, что у них открывается вакансия в Лондоне и что он хотел бы потолковать со мной на этот счет. Сама по себе вакансия, добавил он, вряд ли выгоднее той работы, какая у меня есть, однако она дает мне шанс приобщиться к роду деятельности, о котором я мечтаю.

Когда я мог бы приехать для переговоров, задал он мне вопрос, и я ответил: завтра с утра.

Повесив трубку, я откинулся на спинку стула. Мир вокруг мгновенно окрасился в радужные тона. И я понял в ту же минуту, что домовые обо мне не забыли и продолжают меня опекать.

На борту самолета у меня была бездна времени на размышление. Часть его я потратил на обдумывание всяких деталей, связанных с новой работой и с Лондоном, но больше всего я размышлял о домовых.

Они прилетали на Землю и раньше — уж в этом, по крайней мере, не возникало сомнений. А мир не был готов их принять. Мир окутал их туманом фольклора и предрассудков, мир еще не набрался разума и не сумел извлечь из их добровольной помощи пользу для себя. И вот сейчас они решили попробовать снова. На этот раз мы не вправе обмануть их ожидания — ведь еще одного случая может и не быть.

Возможно, одной из причин их предыдущей неудачи — хоть и не единственной — явилось отсутствие средств массовой информации. Рассказы о домовых, об их поведении и добрых делах передавались из уст в уста и неизбежно искажались. К правдивым историям добавлялись свойственные той эпохе вымыслы, пока домовые не превратились в волшебных маленьких человечков, весьма потешных, а иногда и полезных, но принадлежащих к одной породе с великанами-людоедами, драконами и тому подобной нечистью.

Сейчас ситуация иная. Сейчас у домовых больше шансов на то, что их деятельность получит правдивое освещение. И несмотря на то, что для правды в полном объеме люди еще не созрели, современное поколение в состоянии кое о чем догадаться.

Очень важно, что о них теперь широко известно. Люди должны знать, что домовые вернулись, должны поверить в них и доверять им.

Оставалось недоумевать: почему для того, чтоб объявить о своем прибытии и продемонстрировать свои достоинства, они выбрали именно наш город, не большой, не маленький, обычный город американского Среднего Запада? Я немало бился над этой загадкой, но так и не нашел ответа — ни тогда, ни до сего дня.

Когда я прилетел из Нью-Йорка с новым назначением в кармане, Джо-Энн встречала меня в аэропорту. Я высматривал ее, спускаясь по трапу: так и есть, она прорвалась за контроль и бежит к самолету. Тогда я бросился ей навстречу, сгреб ее в охапку и расцеловал, а какой-то идиот не преминул снять нас, полыхнув лампой-вспышкой. Я хотел было с ним разделаться, да Джо-Энн не позволила.

Был ранний вечер, однако на небе уже загорелись первые звезды и посверкивали, несмотря на ослепительные прожектора. До нас донесся рев только что взлетевшего самолета, а в дальнем конце поля другой самолет прогревал двигатели. Вокруг были здания, огни, люди и могучие машины, и на довольно долгий миг почудилось, что аэропорт — наглядная демонстрация силы, быстроты и компетентности нашего человеческого мира, его уверенности в себе. Наверное, Джо-Энн испытала сходное ощущение, потому что вдруг спросила:

— Все хорошо, правда, Марк? Неужели они и это изменят?

И я понял, кого она имела в виду, не переспрашивая.

— По-моему, я догадываюсь, кто они такие, — сказал я. — Кажется, я сообразил наконец. Ты знаешь о кампаниях муниципального фонда призрения — одна сейчас как раз в самом разгаре. Так вот, они затеяли нечто в том же духе — назовем это Галактическим фондом призрения. С той разницей, что они не тратят деньги на бедных и малоимущих, их благотворительность носит иной характер. Вместо того, чтоб одаривать нас деньгами, они одаривают нас любовью и душевным теплом, дружбой и доброжелательством. И не вижу в том ничего плохого. Не удивлюсь, если из всех племен Вселенной мы оказались теми, кто нуждается в такой помощи больше всего. Они явились сюда вовсе не с целью решить за нас все наши проблемы, а просто слегка подсобить, освободив нас от мелких хлопот, которые подчас мешают нам обратить свои усилия на действительно важные дела или, может, мешают разобраться, какие именно дела важные.

Все это было столько лет назад, что не хочется подсчитывать, сколько, и тем не менее помню все так четко, будто события произошли накануне. Однако вчера и в самом деле случилось кое-что, всколыхнувшее мою память.

Я проходил по Даунинг-стрит неподалеку от дома № 10, резиденции премьер-министра, когда заметил маленькое существо. Сперва я принял его за карлика и, обернувшись, понял, что оно наблюдает за мной. А затем существо подняло руку выразительным жестом, замкнув большой и указательный пальцы колечком — давний добрый американский символ: мол, все в полном порядке.

И исчезло. Вероятнее всего, нырнуло в один из переулков, но поручиться за это не могу.

Тем не менее спорить не приходится. Все действительно в полном порядке. Мир полон надежд, холодная война почти закончилась. Мы, похоже, вступаем в первую безоговорочно мирную эру за всю историю человечества.

Джо-Энн собирается в дорогу и ревет: ведь приходится расставаться со многим, что дорого. Зато дети вне себя от восторга, предвкушая настоящее приключение. Завтра утром мы вылетаем в Пекин, где я, первый из американских корреспондентов за тридцать лет, получил официальную аккредитацию.

Но пугает шальная мысль: что если там, в этой древней столице, я нигде — ни на запруженной грязной улочке, ни на помпезной Императорской дороге, ни за городом, у подножия Великой стены, возведенной на страх другим народам много-много веков назад, что если я больше нигде и никогда не увижу еще одного маленького человечка?

МИРАЖ

Они вынырнули из марсианской ночи — шестеро жалких крошечных существ, истомленных поисками седьмого.

Они возникли на краю круга света, отбрасываемого костром, и замерли, поглядывая на троих землян своими совиными глазами.

И земляне застыли, захваченные врасплох.

— Спокойно, — выдохнул Уомпус Смит уголком бородатого рта. — Если мы не шелохнемся, они подойдут поближе.

Издалека донесся чей-то слабый, тягучий стон — он проплыл над песчаной пустыней, над остроконечными гребнями скал, над исполинским каменным стрельбищем.

Шестеро стояли на самой границе света. Пламя расцветчивало их мех красными и синими бликами, и они будто переливались на фоне ночной пустыни.

— Древние, — бросил Ларс Нелсон Ричарду Уэббу, сидящему по другую сторону костра.

Уэбб поперхнулся, у него перехватило дыхание. Перед ним были существа, которых не надеялся увидеть не только он сам, но и никто из людей, — шестеро марсианских «древних», вынырнувшие вдруг из пустыни, из глубин тьмы, и замершие в свете костра. Многие — это он знал наверняка — провозглашали расу «древних» вымершей, затравленной, погибшей в ловушках, истребленной алчными охотниками-песковиками.

Сначала все шестеро казались одинаковыми, неотличимыми друг от друга. Потом, когда Уэбб присмотрелся, он заметил мел-

кие различия в строении тел, выдающие своеобразие каждого. «Шестеро, — подумал он, — а ведь должно быть семь...»

«Древние» медленно двинулись вперед, все глубже вступая в освещенный круг у костра. И один за другим опустились на песок, лицом к лицу с людьми. Никто не проронил ни слова, и молчание в круге огня становилось все напряженнее, лишь откуда-то с севера по-прежнему доносились стенания, словно острый тонкий нож взрезал безмолвную ночь.

— Люди рады, — произнес наконец Уомпус Смит, переходя на жаргон пустыни. — Люди долго вас ждали.

Одно из существ заговорило в ответ. Слова у него получались полуанглийскими, полумарсианскими — чистая тарабарщина для непривычного слуха.

— Мы умираем, — сказало оно. — Люди долго вредили. Люди могут немного помочь. Теперь, когда мы умираем, люди помогут?

— Люди огорчены, — ответил Уомпус, но даже в тот миг, когда он старался напустить на себя печаль, в голосе у него проскользнула радостная дрожь, какое-то неудержимое рвение, как у собаки, взявшей горячий след.

— Нас тут шесть, — сказало существо. — Шесть — мало. Нужен еще один. Не найдем Седьмого — умрем. Все древние умрут без возврата.

— Ну не все, — откликнулся Уомпус.

— Все, — настойчиво повторил «древний». — Есть другие шестерки. Седьмого нет нигде.

— Чем же мы можем вам помочь?

— Люди знают, где Седьмой. Люди прячут Седьмого. Уомпус помотал головой.

— Где же мы его спрячем?

— В клетке. На Земле. Чтобы другие люди смотрели.

Уомпус снова качнул головой.

— На Земле нет Седьмого.

— Был один, — тихо вставил Уэбб. — В зоопарке.

— В зоопарке, — повторило существо, будто пробуя незнакомое слово на вкус. — Так мы и думали. В клетке.

— Он умер, — сказал Уэбб. — Много лет назад.

— Люди прячут Седьмого, — настаивало существо. — Здесь, на этой планете. Сильно прячут. Хотят продать.

— Не понимаю, — выговорил Уомпус, но по тому, как он это выговорил, Уэбб догадался, что тот прекрасно все понял.

— Найдите Седьмого. Не убивайте его. Спрячьте. Запомните — мы придем за ним. Запомните — мы заплатим.

— Заплатите? Чем?

— Мы покажем вам город, — ответило существо. — Древний город.

— Это он про ваш город, — пояснил Уэббу Нелсон. — Про руины, которые вы ищете.

— Как жаль, что у нас в самом деле нет Седьмого, — произнес Уомпус. — Мы бы отдали его им, а они отвели бы нас к руинам.

— Люди долго вредили, — сказало существо. — Люди убили всех Седьмых. У Седьмых хороший мех. Женщины носят этот мех. Дорого платят за мех Седьмых.

— Что верно, то верно, — откликнулся Нелсон. — Пятьдесят тысяч за шкурку на любой фактории. А в Нью-Йорке за пелеринку из четырех шкурок — полмиллиона чистоганом...

Уэббу стало дурно от самой мысли о такой торговле, а еще более от небрежности, с какой Нелсон помянул о ней. Теперь она, разумеется, была объявлена вне закона, но закон пришел на выручку слишком поздно — «древних» уже нельзя было спасти. Хотя, если разобраться, зачем вообще понадобился этот закон? Разве может человек, разумное существо, охотиться на другое разумное существо и убивать его ради шкурки, ради того, чтобы получить пятьдесят тысяч долларов?

— Мы не прячем Седьмого, — уверял Уомпус. — Закон говорит, что мы вам друзья. Никто не смеет вредить Седьмому. Никто не смеет его прятать.

— Закон далеко, — возразило существо. — Здесь люди сами себе закон.

— Кроме нас, — ответил Уомпус. — Мы с законом не шутим. «И даже не улыбнулся», — подумал Уэбб.

— Вы поможете? — спросило существо.

— Попробовать можно, — уклончиво сказал Уомпус. — Хотя что толку. Вы не можете найти. Люди тоже не найдут.

— Найдите. Покажем город.

— Мы поищем, — пообещал Уомпус. — Хорошо поищем. Найдем Седьмого — приведем. Где вы будете ждать?

— В ущелье.

— Ладно, — произнес Уомпус. — Значит, уговор?

— Уговор.

Шестеро не спеша поднялись на ноги и вновь повернулись лицом к ночи. На краю освещенного круга они приостановились. Тот, что говорил, обернулся к людям.

— До свидания, — сказал он.

— Всего, — ответил Уомпус.

И они ушли обратно к себе, в пустыню.

А трое людей еще долго сидели, прислушиваясь непонятно к чему, выцеживая из тишины мельчайший шорох, пытаясь уловить в нем отголоски жизни, кишашей вокруг костра.

«На Марсе, — подумал Уэбб, — мы все время прислушиваемся. Такова плата за право выжить. Надо прислушиваться, надо всматриваться, замирать и не шевелиться. И быть безжалостным. Надо наносить удар, не дожидаясь, пока его нанесет другой. Успеть увидеть опасность, услышать опасность, быть постоянно в готовности встретить ее и опередить хотя бы на полсекунды. А главное — надо распознать опасность, едва заведев, едва слышав ее...»

В конце концов Нелсон вернулся к занятию, которое прервал при появлении шестерых, — править нож на карманном оселке, доводя его до остроты бритвы. Тихое, равномерное дзиньканье стали по камню звучало как сердцебиение, как пульс, рожденный далеко за костром, пришедший из тьмы, как мелодия самой пустыни.

Молчание нарушил Уомпус.

— Чертовски жаль, Ларс, что мы не знаем, где найти Седьмого.

— Угу, — ответил тот.

— Могло бы получиться неплохое дельце, — продолжал Уомпус. — В этом древнем городе — клад на кладе. Так все говорят.

— Просто врут, — проворчал Нелсон.

— Камушки, — продолжал Уомпус. — Такие крупные и блестящие, что глаза лопаются. Целые мешки камушков. С ног свалишься, пока перетаскаешь.

— Да больше одного мешка и не понадобилось бы, — поддержал Нелсон. — Один мешок — и на всю жизнь хватит.

Тут Уэбб заметил, что оба они пристально смотрят на него, щурясь при свете костра. Он произнес почти сердито:

— Я про кладу ровно ничего не знаю.

— Но вы же слышали, что говорят, — бросил Уомпус.

Уэбб ответил кивком.

— Можно сказать и по-другому — кладу меня не интересуют. Я не рассчитываю ни на какой клад.

— Но и не откажетесь, если подвернется, — вставил Ларс.

— Это не играет роли, — отрезал Уэбб. — Что так, что иначе — мне все равно.

— Что вам известно про древний город? — требовательно спросил Уомпус, и даже младенцу стало бы ясно, что вопрос задан неспроста, вернее, не без тайных надежд. — Ходите кругом да около, роняете разные намеки, нет чтоб открыться и выложить все начистоту...

Секунду-другую Уэбб молча глядел на Уомпуса, потом проговорил с расстановкой:

— Известно одно. Я прикинул, где мог стоять этот город — исходя из географических и геологических данных и из опреде-

ленных представлений об истоках культур. Я прикинул, где могла течь вода, где могли расти леса и травы, когда Марс был цветущим и юным. Я попробовал установить теоретически самое вероятное место зарождения цивилизации. Только и всего.

— И вы никогда не задумывались ни о каких кладах?

— Я думал о том, чтобы разгадать загадку марсианской культуры, — ответил Узбб. — Как она развивалась, почему погибла и на что была похожа.

Уомпус сплюнул.

— Вы даже не уверены, что город вообще существует, — буркнул он возмущенно.

— До недавних пор действительно не был, — отозвался Узбб. — Теперь уверен.

— Потому что о нем заговорили эти зверушки?

— Именно поэтому. Вы угадали.

Уомпус хмыкнул и умолк. Узбб не сводил глаз со своих спутников, вглядываясь в их лица сквозь пламя костра.

«Они считают, что я «с приветом», — подумал он. — И презирают меня за то, что я «с приветом». Они не колеблясь бросили бы меня на произвол судьбы, а то и пырнули ножом, если бы им это понадобилось, если бы у меня нашлось что-нибудь, чем они захотели бы завладеть...»

Но он отдавал себе отчет, что выбора у него, в сущности, не было. Он не мог уйти в пустыню один — попытайся он путешествовать на свой страх и риск, он, наверное, не прожил бы и двух дней. Чтобы выжить здесь, нужны специальные знания и навыки, да и особый склад ума. Чтобы на Марсе рискнуть выйти за пределы поселений, надо развить в себе особую способность к выживанию.

А поселения теперь остались далеко-далеко. Где-то там, на востоке.

— Завтра, — произнес Уомпус, — мы меняем маршрут. Мы пойдем на север, а не на запад.

Узбб ничего не ответил. Лишь рука скользнула к поясу и нащупала пистолет — захотелось убедиться, что пистолет на месте.

Он сознавал, конечно, что нанимать этих двоих не следовало. Но и другие, вероятно, оказались бы не лучше. Они все были одной породы — закаленные и ожесточившиеся, они скитались по пустыне, охотясь, расставляя капканы, копая шурфы, подбирая все, что попадется. Просто в ту минуту, когда Узбб явился в факторию, выбирать было не из кого. Все песковики, кроме Уомпуса и Нелсона, ушли за неделю до его прибытия, разбрелись по своим охотничьим угольям.

Поначалу эти двое держались почтительно, чуть ли не подобострастно. Но дни шли за днями, проводники обретали все большую уверенность в себе и понемногу наглели. Теперь-то Узбб

догадался, что его попросту обвели вокруг пальца. Теперь-то он смекнул, что эти двое застряли в фактории по одной причине: у них не было снаряжения, и никто не хотел поверить им в долг. Пока не подвернулся он со своей затеей. Он дал им все, что только могло понадобиться им в пустыне. А теперь, когда дал, превратился в обузу.

— Я сказал, — повторил Уомпус, — что завтра мы пойдем на север. — Уэбб по-прежнему хранил молчание. Уомпус повысил голос: — Вы меня слышали?..

— Еще в первый раз, — отозвался Уэбб.

— Мы пойдем на север, — повторил Уомпус, — и мы будем спешить.

— Вы что, припрятали там на севере Седьмого?

Ларс хихикнул:

— Подумать только, какая чертова канитель! Требуется целых семеро там, где у нас вполне хватает одного мужчины и одной женщины.

— Я спрашиваю, — повторил Уэбб, адресуясь к Уомпусу. — Вы что, загодя заперли Седьмого в клетку?

— Нет, — ответил Уомпус. — Просто пойдем на север, и все.

— Я нанял вас, чтобы вы шли со мной на запад.

— Так я и думал, — проворчал Уомпус, — что вы заявите что-нибудь в таком роде. Мне не терпелось узнать, что вы на этот счет думаете.

— Вы решили бросить меня на произвол судьбы, — сказал Уэбб. — Вы заграбастали мои денежки и вызвались быть моими проводниками. Теперь вам взбрело на ум что-то новенькое. Одно из двух: или у вас есть Седьмой, или вам кажется, что вы знаете, где его найти. А если я тоже узнаю об этом и проболтаюсь, вам несдобровать. Так что остается самая малость — придумать, как со мной поступить. Можно прикончить меня на месте, а можно просто бросить, и пусть кто-нибудь или что-нибудь прикончит меня за вас...

— Но мы хоть предоставляем вам выбор, не правда ли? — осклабился Ларс.

Уэбб перевел взгляд на Уомпуса, и тот кивнул:

— Выбирайте, Уэбб.

Разумеется, он успел бы выхватить пистолет. Успел бы, по всей вероятности, прихлопнуть одного из них, прежде чем другой прихлопнет его самого. Но чего бы он этим добился? Он был бы все равно мертвец — такой же мертвец, как если бы его застрелили без предупреждения. И коль на то пошло, он уже и сейчас мертвец: ведь между ним и поселениями пролегли сотни миль, и даже если бы он каким-то чудом одолел эти мили, где гарантия, что он сумеет найти поселения?

— Мы выезжаем без промедления, — сказал Уомпус. — Не очень-то удобная штука путешествовать в темноте, да нам не привыкать. Через день-другой будем уже далеко на севере...

Ларс добавил:

— А когда вернемся в фабрику, Уэбб, непременно выпьем за упокой вашей души.

Уомпус решил поддержать настроение:

— Выпьем чего-нибудь поприличнее, Уэбб. Уж тогда-то мы сможем позволить себе приличную выпивку.

Уэбб не промолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он сидел на песке неподвижно, почти расслабленно. «Вот это, — сказал он себе, — пожалуй, и есть самое страшное. Что я могу сидеть, отлично зная, что сейчас произойдет, и вести себя так, словно это меня вовсе не касается...»

Наверное, тому виной были пройденные мили — мили суровой, изрезанной пустыни, где человека на каждом шагу подстерегают хищники, жестокие и кровожадные, алчущие добычи, всегда готовые подкрасться, напасть и убить. Жизнь в пустыне сведена к самым примитивным потребностям, и новичок быстро усваивает, что от смерти ее отделяет в лучшем случае тонкая-тонкая нить...

— Ну так что, — произнес наконец Уомпус, — что же вы выбираете, Уэбб?

— Предпочитаю, — ответил Уэбб угрюмо, — рискнуть и попробовать выжить.

Ларс пощелкал языком по зубам.

— Плохо дело, — сказал он. — Мы надеялись, что вы предпочтете иной выход. Тогда мы могли бы забрать себе все добро. А так придется вам кое-что оставить.

— Вы же всегда успеете вернуться, — ответил Уэбб, — и пристрелить меня, как крольчонка. Это будет легче легкого.

— Хм, — откликнулся Уомпус, — стоящая идея!

— Отдайте-ка мне свою пушку, Уэбб, — сказал Ларс. — Я швырну вам ее обратно, когда будем уезжать. К чему рисковать, что вы продырявите нас, пока мы собираемся...

Уэбб вытащил пистолет из кобуры и беспрекословно отдал Нелсону. А затем сидел, не меняя позы, и следил, как они пакуют снаряжение и складывают в нутро пескохода. Сборы были недолгими.

— Мы оставляем вам достаточно, чтобы продержаться, — объявил Уомпус. — Более чем достаточно.

— Наверное, вы прикинули, — ответил Уэбб, — что я долго не протяну.

— На вашем месте, — сказал Уомпус, — я бы предпочел легкий и быстрый конец.

Уэбб еще долго сидел без движения, прислушиваясь к мотору пескохода, пока звук не затих вдали, а потом поджидая внезапно-

го выстрела, который бросит его вниз лицом прямо в яркое пламя костра. Прошло немало минут, прежде чем он поверил, что выстрела не будет. Тогда он подбавил в костер топлива и залез в спальный мешок.

Утром он направился на восток — назад по следам пескохода. Он знал: следы будут заметны в течение недели, может, даже чуть дольше, но рано или поздно исчезнут, стертые сыпучими песками и слабеньким подвывающим ветерком, который нет-нет да и пронесется над унылой и неприятной пустыней.

Но, по крайней мере, пока он идет по следам, он будет знать, что идет в нужную сторону. И более чем вероятно, что ему суждено погибнуть куда раньше, чем исчезнут следы: пустыня щедра на внезапную смерть, и никто не посмеет поручиться, что не расстанется с жизнью буквально мгновение спустя.

Уэбб шел, сжимая в руке пистолет, поминутно оглядываясь по сторонам, останавливаясь на гребнях дюн и изучая лежащую впереди местность, прежде чем спуститься в ложбину.

Непривычная ноша — неумело скатанный спальный мешок — наливалась тяжестью с каждым часом, стирая плечи до крови. День выдался теплым — настолько же теплым, как ночь была холодна, — и в горле колом вставала мучительная жажда. Уэбб бережно отмерял по капельке воду из оставленного ему скудного запаса.

Он понимал, что никогда не вернется к людям. Где-то между дюнами, среди которых он брел сейчас, и линией поселений он умрет от недостатка воды, или от укуса насекомого, или от клыков какого-нибудь свирепого зверя, или просто от изнеможения.

Подумать только — так не стоило и пробовать добраться к людям, на успех у него не оставалось и одного шанса из тысячи. Но Уэбб даже не сбавил шага, чтобы подсчитать свои шансы, — он шел и шел на восток, по следам пескохода.

Потому что в нем жила чисто человеческая черта — пытаться, несмотря ни на что; он должен двигаться, пока не иссякнут силы, должен избегать смерти так упорно, как только сможет ее избегать. И он шел, напрягая волю и силы и упорно избегая смерти.

Он заметил колонию муравьев как раз вовремя, чтоб обойти ее стороной, но обход получился слишком близким, и насекомые, почуяв пищу, устремились за ним следом. Пришлось бежать, и он бежал целую милю, прежде чем оторвался от преследователей.

Он разглядел припавшую к песку, окрашенную под цвет песка тварь, поджидающую, чтоб он подошел поближе, и уложил ее на месте. Немного позже из-за россыпи камней выскочило другое чудище, но пуля угодила чудищу точно между глаз, прежде чем оно покрыло половину разделявшего их расстояния.

Добрый час, не меньше, он просидел не шевелясь на песке, пока гигантское насекомое — по виду шмель, но вовсе не шмель, — кружило над той точкой, где только что кого-то видело. Но так как псевдошмель умел распознавать только движущуюся добычу, то в конце концов отступился и улетел. Тем не менее Уэбб сидел неподвижно еще с полчаса на случай, если враг не улетел насовсем, а прячется где-то неподалеку в надежде вновь уловить движение и возобновить охоту.

Четыре раза ему удалось обмануть смерть, но он понимал — пробьет час, когда он не заметит опасности или, заметив, не среагирует достаточно быстро, чтоб остановить ее.

Его одолевали миражи, отвлекая внимание от всего другого, за чем надлежало следить неустанно. Миражи мерцали в небе, как бы вырастая из почвы, рисуя мучительные картины, каких на Марсе не было и быть не могло, а если и были, то давным-давно, в незапамятные времена.

Картины широких медленных рек с косым парусом на середине. Картины зеленых лесов, взбегающих по холмам, — такие ясные, такие близкие, что среди деревьев можно было без труда различить пятнышки диких цветов. А иногда вдалеке чудилось что-то наподобие увенчанных снежными шапками гор — это в мире, не ведавшем, что такое горы.

Продвигаясь вперед, он не забывал высматривать, где бы разжиться топливом, — а вдруг из-под песка выступит краешек «консервированного» ствола, уцелевшего от той смутной поры, когда окрестные холмы и долины были покрыты зеленью, кусочек дерева, избегнувший ножей времени и застрявший высохшей мумией в безводье пустыни.

Однако топлива не находилось, и он отдал себе отчет, что, скорее всего, ему предстоит провести ночь без огня. Заночевать без огня на открытом воздухе было бы полнейшим безумием. Не пройдет и часа после наступления сумерек, как его попросту сожрут. Значит, надо искать убежища в одной из пещер, что в изобилии встречались среди диких скал, раскиданных по пустыне. Надо найти подходящую пещеру, очистить ее от зверья, которое может там гнездиться, завалить вход камнями и тогда уж прилечь, не выпуская пистолета из рук.

На первый взгляд, задача была несложная — пещер попадалось много, и тем не менее приходилось отвергать их одну за другой: на поверку входы пещер оказывались чересчур широкими, завалить их не представлялось возможным. А пещера с незаваленным входом — это было известно даже ему — в мгновение ока превращалась в ловушку.

До заката оставалось меньше часа, когда Уэбб наконец выбрал пещеру, которая, казалось, удовлетворяла всем требованиям. Пещера располагалась среди скал на склоне крутого холма.

Уэбб провел несколько долгих минут, стоя у подножия холма и оглядывая склон. Никакого движения. Нигде не возникало никаких подозрительных цветных бликов.

Тогда он не торопясь начал подъем, глубоко увязая в сыпучем песке откоса, с трудом завоеывая каждый фут, надолго замирая, чтобы перевести дух и обследовать склон впереди снова, снова и снова.

Одолев откос, он осторожно двинулся к пещере с пистолетом наизготовку: кто знает, не выпрыгнет ли оттуда какая-нибудь нечисть? И вообще, что теперь делать: посветить в пещеру фонариком в надежде разглядеть, есть ли кто там? Или, недолго думая, вскинуть пистолет и полить все внутреннее пространство смертоносным огнем?

«Церемониться тут нечего, — убеждал он себя. — Лучше ухлопать безобидную тварь, чем пренебречь возможной опасностью...»

Он не слышал ни звука, пока когти хищника не заскрежетали по камню у него за спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, он убедился, что зверь совсем рядом, успел заметить разверстую пасть, убийственные клыки и крохотные глазки, пылающие холодной жестокостью.

Оборачиваться и стрелять было уже поздно. Было поздно предпринимать что бы то ни было, разве что...

Ноги Уэбба распрямились с силой, как рычаги, швырнув его тело вперед, в пещеру. Задев плечом об острый камень у входа, он распорол куртку и ободрал руку, зато миновал узкий вход, очутился внутри, где стало просторнее, и покатился куда-то. Что-то задело его по лицу, потом он перекатился через кого-то, кто издал протестующий визг. В дальнем углу пещеры съежился какой-то тихо мяукающий комок.

Встав на колени, Уэбб перекинул пистолет из руки в руку, повернулся ко входу лицом и увидел массивную голову и плечи зверя, который продолжал атаку, пытаясь втиснуться внутрь. Потом голова и плечи оттянулись назад, и на смену им пришла гигантская лапа, начавшая шарить по пещере в поисках укрывшейся там добычи.

Вокруг поднялся шум — Уэбб различил не менее десятка голосов, бормочущих на жаргоне пустыни:

— Человек, человек, убей, убей, убей...

Пистолет Уэбба изрыгнул огонь, лапа обмякла и нехотя выползла из пещеры. Большое серое тело отпрянуло, потеряло опору, и было слышно, как оно ударилось вниз о склон и покатилося по осыпи.

— Спасибо, человек, — шелестели голоса. — Спасибо...

Уэбб медленно сел, пристроив пистолет на колене.

Теперь он расслышал, как жизнь шевелится вокруг со всех сторон.

Пот выступил у него на лбу, побежал ручейками по спине.
Что таилось в пещере? Кто был тут вместе с ним?

То, что они заговорили, не означало ровным счетом ничего. Половина так называемых животных Марса умела изъясняться на жаргоне пустыни, состоящем из двухсот-трехсот слов частично земного, частично марсианского, а частично Бог весть какого происхождения. Ведь многие из этих животных были на самом деле отнюдь не животными, а выродившимися потомками тех, кто некогда создал сложную цивилизацию. Среди них «древние» достигли в прошлом наивысшего развития — недаром они до сих пор сумели в какой-то степени сохранить облик двуногих, — но существовали, видимо, и другие расы, стоявшие на более низких ступенях культуры и выжившие лишь благодаря миролюбию и терпимости «древних».

— Ты в безопасности, — услышал он голос. — Не бойся. Закон пещеры.

— Закон пещеры?

— Убивать в пещере нельзя. Снаружи — можно. А в пещере нельзя.

— Я не стану убивать, — откликнулся Уэбб. — Закон пещеры — хороший закон.

— Человек знает закон пещеры?

— Человек не нарушит закон пещеры.

— Хорошо, — произнес тот же голос. — Тогда все хорошо.

Уэбб с облегчением спрятал пистолет в кобуру и снял со спины спальный мешок, расстелил его рядом с собой и потер свои натруженные, в ссадинах и волдырях, плечи.

«В это можно поверить, — сказал он себе. — Такое стихийное и простое установление, как закон пещеры, нетрудно понять и принять. Ведь этот закон исходит из элементарной жизненной потребности — потребности слабейших с приходом ночи забыть взаимные распри, перестать гоняться друг за другом и найти общее убежище от более сильных и свирепых убийц, от тех, что выходят на охоту после заката...»

Другой голос произнес:

— Придет утро. Человек захочет убить.

И еще голос:

— Человек соблюдает закон ночью. Утром закон ему надоест. Утром он начнет убивать.

— Человек не будет убивать утром, — заверил Уэбб.

— Все люди убивают, — объявило одно из существ. — Убивают ради меха. Убивают ради мяса. Мы — мех. Мы — мясо.

— Этот человек не будет убивать, — повторил Уэбб. — Этот человек — друг.

— Друг? — переспросил голос. — Мы не знаем, что такое друг. Объясни.

Объяснять Уэбб не стал. Он понимал: объяснить бесполезно. Они все равно не осознают нового слова — оно чуждо этой пустыне. В конце концов он спросил:

— Камни тут есть?

И какой-то голос откликнулся:

— Камни в пещере есть. Человеку нужны камни?

— Завалить вход в пещеру, — пояснил Уэбб. — Чтобы хищники не могли сюда попасть.

Они не сразу уловили суть предложения, но наконец один из них решил:

— Камни — это хорошо.

Они принялись таскать камни и камушки и с помощью Уэбба плотно запечатали вход в пещеру.

Было слишком темно для того, чтобы что-нибудь толком разглядеть, но во время работы существа невольно задевали его, и одни были мягкими и пушистыми, а другие — чешуйчатыми, как крокодилы, и их чешуя обдирала кожу. Встретилось и существо, которое казалось не просто мягким, а рыхлым до отвращения.

Уэбб устроился в углу пещеры, прислонив спальный мешок к стене. Он с удовольствием забрался бы внутрь, но для этого пришлось бы сначала вынуть из мешка все припасы, а если он вынет их, то, ясное дело, к утру от них не останется даже воспоминания.

«Быть может, — обнадеживал он себя, — теплота тел существ, сбившихся на ночь в пещере, не позволит ей слишком сильно остыть. Она, конечно, остынет все равно, но, быть может, не настолько, чтобы холод стал опасным для жизни. Рискованно, да что ж поделаешь...»

Проводить ночи в дружбе, убивать друг друга и спасаться друг от друга с приходом зари... Они называли это законом. Законом пещеры. Вот о чем бы книги писать, вот на что нет и намека во всех толстенных томах, которые он когда-либо прочел.

А прочел он их множество. Какими-то безмолвными чарами Марс всегда привораживал Уэбба, приводил его в восторг. Тайнственность и отдаленность, пустота и упадок дразнили его воображение и в конце концов заманили сюда, чтобы попытаться хотя бы приподнять завесу таинственности, попытаться нащупать причину упадка и, пусть приблизительно, измерить былое величие культуры, в незапамятные времена потерпевшей крах.

В марсианской археологии насчитывалось немало незаурядных работ. Аксельсон с его дотошными исследованиями символики водяных кувшинов, наивные подчас потуги Мейсона проследить пути великих переселений. Потом еще Смит, который годами бродил по этому пустынному миру, записывая смутные истории о древнем величии, о золотом веке, те истории, что нашептывали друг другу маленькие вырождающиеся существа. Разумеется, в большинстве своем это мифы, но где-то, в каком-то

из мифов кроется и ответ на волнующие Уэбба вопросы. Фольклор никогда не бывает чистой выдумкой, в основе его обязательно лежит факт; потом к одному факту прибавляется другой, два факта искажаются до неузнаваемости, и рождается миф. Но в конечном счете за любыми напластованиями непременно прячется изначальная основа — факт.

Точно так обстоит, так должно обстоять дело и с тем мифом, где говорится о великом, блистающем городе, который возвышался над всем на Марсе и был известен до самых дальних его пределов. Средоточие культуры — так объяснял себе это Уэбб, — точка, где сходились все достижения, все мечты и стремления эпохи былого величия. И тем не менее за сто с лишним лет поисков и раскопок археологи с Земли не нашли и следа самого завалящего города, не говоря уж о Городе всех городов. Черепки, захоронения, жалкие лачуги, где в относительно недавние времена ютились уцелевшие наследники великого народа, — такого было хоть отбавляй. Но мифического города не было и в помине.

А ведь должен быть! Уэбб ощущал уверенность, что миф не может лгать: о городе рассказывали слишком часто в слишком отдаленных друг от друга точках, рассказывали слишком многие и слишком разные звери, все, что некогда назывались людьми.

«Марс приворожил меня, — подумал Уэбб, — и все еще привораживает. Но теперь я знаю, что это смерть моя: только смерть способна так приворожить. Смерть на следующем переходе, уже занявшая свой рубеж. А то и смерть прямо здесь, в пещере: кто помешает им убить меня, едва забрезжит рассвет, просто ради того, чтоб я не убил их? Кто помешает им продлить свое ночное перемирие ровно на столько секунд, сколько понадобится, чтобы прикончить меня?..»

И что такое закон пещеры? Отголосок минувших дней, некое напоминание о давно утраченном братстве? Или, напротив, нововведение, вызванное к жизни веком зла, который пришел братству на смену?

Он откинул голову на камень, закрыл глаза и подумал:

«Если они убьют меня — пусть убьют, я их убивать не стану. И без меня люди уже убивали на Марсе сверх всякой меры. Я по крайней мере верну хоть часть долга. Я не стану убивать тех, кто приютил меня».

И тут он вспомнил, как подкрадывался к пещере, обсуждая сам с собой вопрос: заглянуть туда сначала или без долгих слов поднять оружие и выжечь в ней все и вся — простейший способ увериться, что там не осталось никого и ничего вредоносного...

— Но я не знал! — воскликнул он. — Я же не знал!

Мягкое пушистое тельце коснулось его руки, и он услышал голосок:

— Друг — значит не обидит? Друг — значит не убьет?

— Не обидит, — подтвердил Узбб. — Не убьет.

— Ты видел шестерых? — осведомился голосок. Узбб вздрогнул, отпрянул от стены и оцепенел. Голосок повторил настойчиво: — Ты видел шестерых?

— Я видел шестерых, — ответил Узбб.

— Давно?

— Одно солнце назад.

— Где шестеро?

— В ущелье, — ответил Узбб. — Ждут в ущелье.

— Ты охотишься на Седьмого?

— Нет, — ответил Узбб. — Я иду домой.

— А другие люди?

— Они ушли на север. Охотятся на Седьмого на севере.

— Они убьют Седьмого?

— Поймают Седьмого. Отведут его к шестерым. Чтоб увидеть город.

— Шестеро обещали?

— Шестеро обещали, — ответил Узбб.

— Ты хороший человек. Ты человек-друг. Ты не убьешь Седьмого?

— Не убью, — подтвердил Узбб.

— Все люди убивают. А Седьмых прежде всего. У Седьмых хороший мех. Дорого стоит. Много Седьмых погибли от рук людей.

— Закон говорит — нельзя убивать, — провозгласил Узбб. — Закон людей говорит, что Седьмой — друг. Нельзя убивать друга.

— Закон? Как закон пещеры?

— Как закон пещеры, — подтвердил Узбб.

— Ты Седьмому друг?

— Я друг вам всем.

— Я Седьмой, — произнес голосок.

Узбб сидел неподвижно, выжидая, чтобы мозг стряхнул с себя оцепенение.

— Слушай, Седьмой, — сказал он наконец. — Иди в ущелье. Найди шестерых. Они ждут. Человек-друг рад за тебя.

— Человек-друг хотел увидеть город, — откликнулось существо. — Седьмой — друг человеку. Человек нашел Седьмого. Человек увидит город. Шестеро обещали.

Узбб едва сдержался, чтобы не разразиться горьким хохотом. Вот ему и выпал случай, на который он почти не надеялся. Вот и свершилось то, чего он так страстно желал, то, зачем он вообще прилетел на Марс. А он не может принять дар, который ему предлагают. Физически не в силах принять.

— Человек не дойдет, — сказал он. — Человек умрет. Нет еды. Нет воды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся о тебе, — ответил Седьмой. — У нас никогда не было человека-друга. Люди убивали нас, мы убивали людей. Но пришел человек-друг. Мы позаботимся о таком человеке.

Уэбб немного помедлил, размышляя, потом спросил:

— Вы дадите человеку еду? Вы найдете для человека воду?

— Мы позаботимся, — был ответ.

— Как Седьмой узнал, что я видел шестерых?

— Человек сказал. Человек подумал. Седьмой узнал.

Вот оно что — телепатия... След бывшего могущества, остаток величественной культуры, еще не совсем позабытой. Интересно, многие ли другие существа в пещере наделены тем же даром?

— Человек пойдет вместе с Седьмым? — спросил Седьмой.

— Человек пойдет, — решил Уэбб.

«В самом деле, почему бы и нет?» — сказал он себе. Идти на восток, в сторону поселений — это не решение. У него не хватит пищи. У него не хватит воды. Его подстережет и сожрет какой-нибудь хищник. У него нет ни малейшей надежды выжить.

Но если он пойдет за крошечным существом, что встало рядом с ним во мраке пещеры, надежда, быть может, забрезжит опять. Пусть не слишком твердая, но все-таки надежда. Появятся пища и вода — или по крайней мере надежда на пищу и воду. Появится спутник, который поможет ему уберечься от внезапной смерти, странствующей по пустыне, который предостережет его и подскажет, как опознать опасность.

— Человеку холодно, — произнес Седьмой.

— Холодно, — согласился Уэбб.

— Одному холодно, — объявил Седьмой. — Двоим тепло.

Пушистое создание залезло к нему на грудь, обняло за шею. Спустя мгновение Уэбб осмелился прижать существо к себе.

— Спи, — произнес Седьмой. — Тепло. Спи...

Уэбб доел остатки своих припасов, и тогда семеро «древних» вновь сказали ему:

— Мы позаботимся...

— Человек умрет, — настойчиво повторял Уэбб. — Нет еды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся, — твердили семь маленьких существ, выстроившись полукругом. — Позаботимся позже...

Он понял их так, что сейчас еды для него нет, но позже она должна появиться.

Они снова двинулись в путь.

Пути, казалось, не будет конца. Уэбб падал с ног и кричал во сне. Он дрожал мелкой дрожью даже тогда, когда удавалось отыскать древесину и они сидели, скорчившись у костра. День за днем только песок да скалы — ползком вверх на крутой гребень, кубарем вниз с другой стороны или шаг за шагом по жаркой равнине, по морскому дну давно минувших эпох.

Путь превратился в монотонную мелодию, в примитивный ритм, в попевку из трех звенящих нот, заунывную, нескончаемую, которая бьется в висках весь день и еще многие часы после того, как настала ночь и путники остановились на отдых. Стучит до головокружения, пока мозг не отупеет от стука, пока глаза не откажутся четко видеть мир и мушку пистолета — надо встретить огнем нападающего, подползающего или пикирующего врага, вдруг возникающего ниоткуда, а она превращается в расплывчатый шарик.

И повсюду их подстерегали миражи, вечные марсианские миражи, которые, казалось, вплотную граничат с реальностью. В небе вспыхивали мерцающие картины: вода и деревья, и неоглядные зеленые степные дали, каких Марс не видел на протяжении бесчисленных столетий. Словно, как говорил себе Уэбб, минувшее крадется за ними по пятам, словно оно по-прежнему существует и пытается нагнать тех, кто ушел вперед, оставив былое позади против его воли.

Он потерял счет дням, заставляя себя не думать о том, сколько еще таких дней до цели; в конце концов ему стало мерещиться, что так будет продолжаться вовеки, что они не остановятся никогда и это их пожизненный удел — встречать утро в голой пустыне и брести по пескам вплоть до прихода ночи.

Он допил остатки воды и напомнил семерым, что не сможет жить без нее.

— Позже, — ответили они. — Вода позже.

И действительно, в тот же день они вышли к городу, и там в туннеле, глубоко под лежащими на поверхности руинами, была вода — капля за каплей, мучительно медленно, она сочилась из разбитой трубы. Но все равно — вода, даже еле капающая, на Марсе была чудом из чудес.

Семеро пили сдержанно: они столетиями приучали себя обходиться почти совсем без питья, приспособились к безводью и не страдали от жажды. А Уэбб лежал у разбитой трубы часами, подставляя под капли ладони, стараясь накопить хоть немного воды, прежде чем выпить ее одним глотком, а то и просто отдыхая в прохладе, что было само по себе блаженством.

Потом он заснул, проснулся и выпил еще немного. Теперь он отдохнул и жажды больше не чувствовал, но тело кричало криком, требуя еды. А еды не было, и не было никого, кто мог бы ее принести. Маленькие существа куда-то скрылись.

«Они вернутся, — успокаивал он себя. — Они ушли ненадолго и скоро вернутся. Они ушли, чтобы достать мне еды, и вернутся, как только достанут...»

Все его мысли о семерых были именно такими, добрыми мыслями.

Не без труда Узбб выбрался наверх тем же туннелем, который привел его к воде, и наконец очутился подле развалин. Развалины лежали на холме, господствующем над окружающей пустыней; с вершины холма открывался вид на многие мили, и в каком направлении ни взгляни, местность шла под уклон.

По правде говоря, от развалин почти ничего не осталось. Легче легкого было бы пройти мимо холма и не заметить никаких следов города. Тысячелетия кряду здания осыпались, обрушивались, а то и крошились в пыль; в проемы просачивался песок, покрывая остатки стен, заполняя пространство между ними, пока руины не стали просто-напросто частью холма.

То здесь, то там Узбб натыкался на осколки камня со следами обработки, на керамические черепки, но сам понимал, что, не ищи он их специально, он спокойно мог бы пройти мимо, приняв эти осколки и черепки за обычные обломки породы, без счета разбросанные по поверхности планеты.

Туннель вел в недра погибшего города, в усыпальницу рухнувшего величия и померкшей славы народа, потомки которого ныне бродили, как звери, по древней пустыне, еле-еле сохранив диалект — жалкое воспоминание о культуре, процветавшей во время оно в городе на холме. Узбб нашел в туннеле свидетелей тех далеких дней — большие глыбы обработанного камня, рухнувшие колонны, плиты мостовой и даже нечто, бывшее некогда, по-видимому, прекрасной статуей.

В глубине туннеля он подставил ладони под трубу и снова напился, потом вернулся на поверхность и сел возле входа в туннель, меряя взглядом пустынные марсианские просторы.

Нужны силы и инструменты — силы многих людей, чтобы перекопать и просеять песок и открыть город миру. Понадобятся годы кропотливого, упорного труда — а у него нет даже обыкновенной лопатки. А еще того хуже — нет и времени. Если семеро не вернутся с едой, ему не останется ничего другого, как спуститься вновь в темноту туннеля, чтоб его человеческий прах с течением лет смешался с древней пылью чужого мира.

«А ведь была лопатка, — вдруг припомнил он. — Уомпус и Ларс, когда бросили меня, оставили мне лопатку. Вот уж воистину редкая предусмотрительность...» Но из снаряжения, что он унес тем памятным утром от потухшего костра, сохранились лишь два предмета: спальный мешок и пистолет у пояса. Без всего остального можно обойтись, эти два предмета были абсолютно необходимы.

«Эх ты, археолог, — подумал он. — Археолог, натолкнувшийся на величайшую находку за всю историю археологии и не способный предпринять по этому поводу ровным счетом ничего...»

Уомпус и Ларс подозревали, что здесь зарьгты сокровища. Только зря: не было тут никакого определенного сокровища, которое можно откопать и взять в руки. Он подумал о славе, но и славы тут не было. Подумал о знаниях, но без лопатки и какого-то запаса времени знаний не было тоже. Если не считать за знание тот голый факт, что он оказался прав и город действительно существовал.

Впрочем, кое-какие знания ему все же удалось приобрести. Например, он узнал, что семь разновидностей «древних» еще не вымерли и, следовательно, их раса может продолжать себя, невзирая на выстрелы и капканы, невзирая на жадность и вероломство песковиков, затеявших охоту на Седьмых ради пятидесятитысячедолларовых шубок.

Семь крошечных существ семи различных полов. И все семь необходимы для продолжения рода. Шестеро безуспешно искали Седьмого, а он, Уэбб, нашел. И, поскольку он нашел Седьмого, поскольку выступил в роли посредника, раса «древних» продлит себя по крайней мере еще на одно поколение.

«Но что за смысл, — спросил он себя, — продлевать дни расы, утратившей свое назначение?..»

Он покачал головой.

«Смири гордыню, — сказал себе Уэбб. — Кто дал тебе право судить? Или смысл есть во всем на свете, или смысла нет ни в чем, и не тебе это решать. Есть смысл в том, что я добрался до города, или нет? Есть смысл в том, что я, очевидно, здесь и умру? Или моя смерть среди руин — не более чем случайное отклонение в великой цепи вероятностей, которая движет планеты по их орбитам и приводит человека под вечер к порогу родного дома?..»

И еще он приобрел четкое представление о безграничных просторах и о жестоком одиночестве, которые вместе взятые и есть марсианская пустыня. Представление о пустыне и о странной, почти нечеловеческой отрешенности, какой она наполняет душу.

«Да, это урок», — подумал он.

Урок, что человек сам по себе — лишь мельчайшая пометка на полотне вечности. Урок, что одна жизнь относительно несущественна, если сравнивать ее с ошеломляющей истиной — чудом всего живого.

Он поднялся и встал в полный рост — и осознал с пронзительной ясностью свою ничтожность и свое смирение перед лицом необжитых далей, убегающих во все стороны, и перед аркой неба, изогнувшейся над головой от горизонта к горизонту, и перед мертвой тишиной, царящей над планетой и над просторами неба.

Умирать от голода — занятие нудное и непривлекательное.

Некоторые виды смерти быстры и опрятны. Смерть от голода не принадлежит к их числу.

Семеро не вернулись. Однако Уэбб по-прежнему ждал их и, поскольку все еще испытывал к ним симпатию, искал оправдания их поведению. «Они не понимают, — убеждал он себя, — как недолго человек может протянуть без еды. Странная физиология, — доказывал он себе, — требующая участия семи личностей, приводит, вероятно, к тому, что зарождение потомства превращается в сложный и длительный процесс, немилосердно долгий с человеческой точки зрения. А может, с ними что-нибудь случилось, может, у них какие-нибудь свои заботы. Как только они справятся с этими заботами, они вернутся и принесут мне еду...»

Он умирал от голода, преисполненный добрых мыслей и терпения, куда большего, чем мог бы ожидать от себя даже в более приятных обстоятельствах. И вдруг обнаружил, что, несмотря на слабость от недоедания, проникающую в каждую мышцу и в каждую косточку, несмотря на изматывающий страх, пришедший на смену острым мукам голода и не стихающий ни на мгновение даже во сне, — несмотря на все это, разум оказался не подвластен демонам, разрушающим тело; напротив, разум как бы обострился от недостатка пищи, как бы отделился от истерзанного тела и стал самостоятельной сущностью, которая впитала в себя все его способности и сплела их в тугой узел, почти не подверженный воздействию извне.

Уэбб часами сидел на гладком камне, некогда составлявшем, по-видимому, часть горделивого города, а ныне валяющемся в нескольких ярдах от входа в туннель, и неотрывно глядел на умытую солнцем пустыню — миля за милей она стелилась до недостижимого горизонта. Своим обостренным умом, проникающим, казалось, до самых корней бытия и истоков случайности, он искал смысла в череде произвольных факторов, скрытых под мнимой упорядоченностью Вселенной, искал хоть какого-то подобия системы, доступной пониманию. Зачастую ему мерещилось даже, что он вот-вот нащупает такую систему, но всякий раз она в последний момент ускользала от него, как ускользает ртуть из-под пальцев.

Тем не менее он понимал: если Человеку суждено когда-либо найти искомое, это может произойти лишь в местах, подобных марсианской пустыне, где ничто не отвлекает внимания, где есть перспектива и нагота, необходимые для сурового обезличивания, которое одно оттесняет и сводит на нет непоследовательность человеческого мышления. Ведь достаточно размышляющему подумать о себе как о чем-то безотносительном к масштабу исследуемых фактов — и условия

задачи будут искажены, а уравнение, если это уравнение, никогда не получит решения.

Сперва Уэбб пытался охотиться, чтобы раздобыть себе пищу, но странное дело: в то время как пустыня кишмя кишела хищными тварями, подстерегающими других, нехищных, зона вокруг города оставалась практически безжизненной, словно некто очертил ее магическим меловым кругом. На второй день охоты Уэбб подстрелил зверушку, которая на Земле могла бы сойти за мышь. Он развел костер и зажарил свою добычу, а позже разыскал высушенную солнцем шкурку и без конца жевал и высасывал ее в надежде, что в ней сохранилась хотя бы капля питательности. Но, кроме этой зверушки, он не убил никого — убивать было некого.

И пришел день, когда он понял, что семеро не вернутся, что они и не собирались возвращаться, а бросили его точно так же, как до них его бросили люди. Он понял, что его оставили в дураках, и не один раз — дважды.

Уж если он тронулся в путь, то и должен был идти на восток, только на восток. Не следовало поворачивать вслед за Седьмым, чтобы присоединиться к шестерым, поджидающим Седьмого в ущелье.

«А может, я и добрался бы до поселений, — говорил он себе теперь. — Вот взял бы и добрался. Разве это исключено, что добрался бы?..»

На восток! На восток, в сторону поселений!

Вся история человечества — погоня за невозможным, и притом нередко успешная. Тут нет никакой логики: если бы человек неизменно слушался логики, то до сих пор жил бы в пещерах и не оторвался бы от Земли.

«Пробуй!» — сказал себе Уэбб, впрочем, не вполне понимая, что говорит.

Он опять спустился с холма и побрел по пустыне, двигаясь на восток. Здесь, на холме, надежды не оставалось; там, на востоке, теплилась надежда.

Пройдя примерно милю от подножия холма, он упал. Потом протащился, падая и поднимаясь, еще милю. Потом прополз сто ярдов. Именно тогда его и отыскали семеро «древних».

— Дайте мне есть! — крикнул он им и почувствовал, что хотел крикнуть в полный голос, а не издал ни звука. — Есть! Пить!..

— Мы позаботимся, — отвечали семеро и, приподняв Уэбба за плечи, заставили сесть.

— Жизнь, — обратился к нему Седьмой, — обтянута множеством оболочек. Словно набор полых кубиков, точно вмещающихся один в другом. Внешняя оболочка прожита, но сбрось ее — и там внутри окажется новая жизнь...

— Ложь! — воскликнул Уэбб. — Ты не умеешь так связно говорить. Ты не умеешь так стройно мыслить. Тут какая-то ложь...

— Внутри каждого человека скрыт другой, — продолжал Седьмой. — Много других...

— Ты про подсознание? — догадался Уэбб, но, задав свой вопрос в уме, мгновенно понял, что губами не произнес ни слова, ни звука. И еще понял наконец, что Седьмой тоже не произносил ни звука — потому только и возникали слова, каких не могло быть в жаргоне пустыни: они отражали мысли и знания, совершенно чуждые боязливым существам, прячущимся в самой дальней марсианской глуши.

— Сбрось с себя старую жизнь и вступишь в новую, прекрасную жизнь, — заявил Седьмой, — только надо знать как. Есть строго определенные приемы и определенные приготовления. Нельзя браться за дело, не ведая ни того, ни другого, — только все испортишь.

— Приготовления? — переспросил Уэбб. — Какие приготовления? Я никогда и не слышал об этом...

— Ты уже подготовлен, — заявил Седьмой. — Раньше не был, а теперь подготовлен.

— Я много думал, — отозвался Уэбб.

— Ты много думал, — подхватил Седьмой, — и нашел частичный ответ. Сытый, самодовольный, самонадеянный землянин ответа не нашел бы. Ты познал себя.

— Но я и приемов не знаю, — возразил Уэбб.

— Мы знаем приемы, — заявил Седьмой. — Мы позаботимся.

Вершина холма, где лежал мертвый город, вдруг замерцала, и над ней вознесся мираж. Из могильников, полных запустения, поднялись городские башни и шпили, пилоны и висячие мосты, сияющие всеми оттенками радуги; из песка возникли роскошные сады, цветочные клумбы и тенистые аллеи, и над всем этим великолепием заструилась музыка, летящая с изящных колоколен.

Вместо песка, пылающего зноем марсианского полудня, под ногами росла трава. А вверх по террасам, навстречу чудесному городу на холме, бежала тропинка. Издалека донесся смех: там под деревьями, на улицах и садовых дорожках, виднелись движущиеся цветные пятнышки...

Уэбб стремительно обернулся — семерых и след простыл. И пустыню как ветром сдуло. Местность, раскинувшаяся во все стороны, отнюдь не была пустыней — дух захватывало от ее красоты, от живописных рощ и дорог и неторопливых водных потоков.

Он опять повернулся в сторону города и присмотрелся к мельканию цветных пятнышек.

— Люди!.. — удивился он.

И откуда-то, неизвестно откуда, послышался голос Седьмого:

— Да, люди. Люди с разных планет. И люди из далей более дальних, чем планеты. Среди них ты встретишь и представителей своего племени. Потому что из землян ты здесь тоже не первый...

Исполненный изумления, Уэбб зашагал по тропинке вверх. Изумление быстро гасло и, прежде чем он достиг городских стен, угасло безвозвратно.

Уомпус Смит и Ларс Нелсон вышли к тому же холму много дней спустя. Они шли пешком — пескоход давно сломался. У них не осталось еды, кроме того скудного пропитания, что удавалось добыть по дороге, и во флягах у них плескались последние капли воды, — а воды взять было негде.

Неподалеку от подножия холма они наткнулись на высушенное солнцем тело. Человек лежал на песке лицом вниз, и только перевернув его, они увидели, кто это.

Уомпус уставился на Ларса, замершего над телом, и прокаркал:

— Откуда он здесь взялся?

— Понятия не имею, — ответил Ларс. — Без знания местности, пешком, ему бы сюда вовек не добраться. А потом это было ему просто не по пути. Он должен был идти на восток, туда, где поселения...

Они обшарили его карманы и ничего не нашли. Тогда они забрали у него пистолет — их собственные были уже почти разряжены.

— Какой в этом толк! — бросил Ларс. — Мы все равно не дойдем.

— Можем попробовать, — откликнулся Уомпус.

Над холмом замерцал мираж — город с блистающими башнями и головокружительными шпилями, с рядами деревьев и фонтанами, брызжущими искристой водой. Слуха людей коснулся — им померещилось, что коснулся, — перезвон колокольчиков. Уомпус сплюнул, хоть губы растрескались и пересохли, и слюны давно не осталось:

— Проклятые миражи! От них того и гляди рехнешься...

— Кажется, до них рукой подать, — заметил Ларс. — Подойди и тронь. Слово они отделены от нас занавеской и не могут сквозь нее прорваться...

Уомпус снова сплюнул и сказал:

— Ну ладно, пошли...

Оба разом отвернулись и побрели на восток, оставляя за собой в марсианских песках неровные цепочки следов.

ПОВЕДАЙ МНЕ СВОИ ПЕЧАЛИ

Была суббота, и дело шло к вечеру, так что я устроился на крылечке и решил как следует поддаться. Бутылку я держал под рукой, настроение у меня было приподнятое и поднималось все выше, и тут на дорожке, ведущей к дому, показались двое — пришелец и его робот.

Я сразу смекнул, что это пришелец. Выглядел он в общем-то похожим на человека, но за людьми роботы по пятам не таскаются.

Будь я трезв как стеклышко, у меня, может, глаза слегка и полезли бы на лоб: с чего бы пришельцу взяться у меня на дорожке, — и я бы хоть чуточку усомнился в том, что вижу. Но трезв я не был, вернее, был уже не вполне трезв.

Так что я сказал пришельцу «добрый вечер» и предложил присесть. А он ответил «спасибо» и сел.

— Ты тоже садись, — обратился я к роботу и подвинулся, чтоб ему хватило места.

— Пусть стоит, — ответил пришелец. — Он не умеет сидеть. Это просто машина.

Робот лязгнул на него шестеренкой, а больше ничего не сказал.

— Глотни, — предложил я, приподнимая бутылку, но пришелец только головой помотал.

— Не смею, — ответил он. — Метаболизм не позволяет.

Это как раз из тех хитроумных слов, с какими я немного знаком. Когда работаешь в лечебнице у доктора Абея, поневоле поднахватаешься медицинской тарабарщины.

— Какая жалость! — воскликнул я. — Не возражаешь, если я хлебну?

— Нисколько, — сказал пришелец.

Ну я и хлебнул от души. Видно, чувствовал, что выпить надо позарез. Потом я поставил бутылку, вытер губы и спросил, нет ли чего другого, чем можно бы его угостить. А то с моей стороны ужасно негостеприимно было сидеть и лакать виски, а ему даже и не предлагать.

— Вы можете рассказать мне про этот город, — ответил пришелец. — Кажется, его имя Милвилл?

— Милвилл, это точно. А что тебе надо про него знать?

— Всевозможные грустные истории, — сказал робот, наконец решивший заговорить.

— Робот не ошибается, — подтвердил пришелец, устраиваясь поудобнее в позе, явно выражающей предвкушение. — Поведайте мне обо всех здешних бедах и несчастьях.

— А с чего начать? — поинтересовался я.

— Хотя бы с себя.

— С меня? У меня никогда не было никаких несчастий. Всю неделю я подметаю в лечебнице, а по субботам надираюсь в дым. За воскресенье мне надо протрезветь, чтобы с понедельника начать подметать снова. Поверь мне, мистер, — втолковывал я ему, — нет у меня несчастий. Сижу я на своем месте крепко. Свою концы с концами...

— Но, вероятно, есть и другие...

— Что есть, то есть. Ты за всю жизнь не слышал столько жалоб, сколько нынче развелось в Милвилле. Тут у всех, кроме меня, целая прорва всяких бед. Еще куда бы ни шло, если б они не трепались про эти беды направо и налево...

— Вот и расскажите мне, — перебил он.

Пришлось хлебнуть еще разок и рассказать ему про вдову Фрай, что живет чуть дальше по улице. Я сказал, что вся ее жизнь была сплошной мукой: муж сбежал от нее, когда сынишке исполнилось три годика, и она брала стирку, а потом, когда сыну исполнилось тринадцать или четырнадцать, не больше, он угнал машину, и его отправили на два года в исправительную колонию в Глен-Лейк.

— И это все? — спросил пришелец.

— В общих чертах все, — ответил я. — Но я, конечно, упустил многие цветистые и мрачные подробности из тех, до которых так охоча вдова. Послушал бы ты, как она сама об этом рассказывает...

— А вы можете это устроить?

— Что устроить?

— Чтобы она сама мне обо всем рассказала.

— Обещать не могу, — заявил я честно. — Вдова обо мне невысокого мнения. Она со мной и говорить не захочет.

— Но я не понимаю...

— Она достойная, богобоязненная женщина, — объяснил я, — а я подлый бездельник. Да еще и пьяница.

— Она что, не любит пьяниц?

— Она полагает, что пить — грех.

Пришелец вроде как вздрогнул.

— Ясно. Видно, всюду, как присмотришься, одно и то же.

— Значит, и у вас есть такие, как вдова Фрай?

— Не совсем такие, но с такими же взглядами.

— Ну что ж, — сказал я, приложившись еще разочек, — значит, другого выхода у нас нет. Как-нибудь продержимся...

— Вас не слишком затруднит, — осведомился пришелец, — рассказать мне еще про кого-нибудь?

— Что ты, вовсе нет, — заверил я.

И рассказал ему про Элмера Троттера, который зубами прогрыз себе дорогу в юридическую школу в Мэдисоне, не гнушаясь никаким занятием, лишь бы заработать на учебу,

ведь родителей у него не было. Он окончил курс, сдал экзамены на адвокатское звание, вернулся в Милвилл и открыл собственную контору.

Я не мог сообщить пришельцу, как это случилось и почему, хотя про себя всегда считал, что Элмер был по горло сыт бедностью и ухватился за первый шанс зашибить деньги. Никто, наверное, не понимал лучше него, что сделка бесчестная, — он же был юрист, не что-нибудь. Однако он все равно не отступился, и его поймали.

— И что потом? — спросил пришелец, затаив дыхание. — Он был наказан?

И я рассказал ему, что Элмера лишили права на адвокатуру, а Элиза Дженкинс расторгла помолвку и вернула ему кольцо, и пришлось Элмеру стать страховым агентом и влачить самое жалкое существование. Как он только ни пыжился, чтобы вернуть себе адвокатскую практику, да ни шиша у него больше не вышло.

— Ты все записал? — спросил пришелец у робота.

— Все записано, — ответил тот.

— Какие потрясающие нюансы! — воскликнул пришелец. — Какая жестокая, всеподавляющая реальность!..

Я не мог взять в толк, о чем это он, ну и попросту еще выпил.

А потом продолжил, не дожидаясь новых просьб, и рассказал про Аманду Робинсон и ее несчастную любовь и про то, как она стала самой благодетельной и унылой из милвиллских старых дев. И про Эбнера Джонса и его бесконечные неудачи: он никак не желал расстаться с убеждением, что родился великим изобретателем, и семья у него жила впроголодь и в рванье, а он только и знал, что изобретать...

— Какая скорбь! — воскликнул пришелец. — Какая замечательная планета!..

— Лучше бы вы закруглялись, — предупредил его робот. — Вам же известно, что будет дальше...

— Ну еще одну, — взмолился пришелец. — Я же ни в одном глазу! Одну самую-самую последнюю...

— Послушай, — сказал я ему. — Я не против рассказывать тебе байки, раз тебе этого хочется. Но, может, ты сначала расскажешь хоть немножко о себе. Я понимаю так, что ты пришелец...

— Разумеется, — ответил пришелец.

— И ты прилетел к нам в космическом корабле?

— Ну не то чтобы в корабле...

— Но если ты пришелец, отчего ты говоришь по-нашему так гладко?

— А, вот вы про что, — сказал пришелец. — Это для меня не очень приятный вопрос.

Робот сокрушенно пояснил:

— Они обобрали его до нитки.

— Значит, ты заплатил за это?

— Непомерно много, — ответил робот. — Они увидели, что ему невтерпез, и взвинтили цену.

— Но я с ними расквитаюсь, — вставил пришелец. — Если я не сумею извлечь из этой поездки прибыль, пусть меня никогда больше не назовут...

И он произнес что-то длинное, заковыристое и совершенно бессмысленное.

— Это тебя так зовут? — спросил я.

— Конечно. Но вы зовите меня Вильбур. А работа — работа можете звать Лестер.

— Привет, ребята. Очень рад с вами познакомиться. Меня зовут Сэм, — сказал я и глотнул еще чуточку.

Мы сидели на крылечке, и всходила луна, и светлячки мерцали в зарослях сирени, и мир готов был пуститься в пляс. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

— Ну еще одну, — умоляюще произнес Вильбур.

Тогда я пересказал ему несколько историй болезни, заимствованных из психолечебницы. Я старался выбирать случаи потяжелее, и Вильбур принялся реветь, а робот заявил:

— Сами видите, что вы наделали. У него пьяная истерика.

Но тут Вильбур вытер глаза и сообщил, что все в порядке и чтобы я только не останавливался, а уж он постарается как-нибудь сдержаться.

— Что такое? — спросил я, слегка удивившись. — Ты что, хмелеешь от этих грустных историй?

— А вы что думали? — ответил робот Лестер. — Зачем бы ему иначе сидеть и слушать вашу болтовню?

— А ты тоже хмелеешь? — осведомился я у Лестера.

— Конечно, нет, — ответил Вильбур. — Он лишен эмоций. Это просто машина.

Я хлебнул еще разок и хорошенько все обдумал, и все сделалось ясно как день. И я поведал Вильбуру свою жизненную философию:

— Сегодня субботний вечер, самое время налакаться и поплакаться в жилетку. Так что давай...

— Я — за, — всхлипнул Вильбур, — пока у вас язык ворочается, я — за...

Лестер лязгнул шестеренкой, вероятно, выражая свое недовольствие, но смолчал.

— Запиши все до слова, — приказал Вильбур роботу. — Мы заработаем на этом миллион. Надо же вернуть себе то, что переплачено за обучение! — Он тяжело вздохнул. — Нет, я не жалею о деньгах. Что за прелестная, преисполненная скорбей планета!

И я завелся и уже не снижал оборотов, и ночь становилась все краше с каждой благословенной минутой.

Где-то к полуночи я надрался до того, что едва мог сидеть, а Вильбур — до того, что икал от слез, и мы, вроде как по обоюдному согласию, сдались. Мы поднялись с крылечка и в обнимку прошли через дверь в дом, правда, я потерял Вильбура по дороге, но до кровати кое-как добрел, а больше ничего не помню.

Когда я проснулся, то сразу понял, что уже воскресное утро. Солнце било сквозь окно, было ясно и пахло ханжеством, как всегда по воскресеньям в наших краях.

Обычно по воскресеньям тихо, и этого одного довольно, чтобы не любить воскресений. Однако сегодняшнее выдалось вовсе не тихим — снаружи доносился ужасный шум, словно кто-то швырял камнями в пустую консервную банку.

Я выкатился из постели, и вкус у меня во рту был такой пако-стный, какого и следовало ожидать. Тогда я протер глаза, а то в них будто песку насыпали, и потопал в другую комнату, и только перешагнул порог, как едва не наступил на Вильбура.

Сперва я здорово испугался, а потом припомнил, кто это, и застыл, глядя на него и не слишком веря своим глазам. Подумал, что он, не дай Бог, мертв, но тут же убедился — живой. Он лежал на спине плашмя, раскрыв свою плоскую, как у сома, пасть, и похожие на перья усики у него над губой при каждом вздохе вставляли торчком, а затем опадали.

Я перешагнул через него и направился к двери разобраться, что за тарарам на дворе. Там стоял Лестер, робот, в точности на том месте, где мы оставили его вечером, а на дорожке собралась ватага ребятни и кидала в него камнями. Ребятня попала меткая, как по заказу: что ни бросок, то в Лестера, почти без промаха.

Я цыкнул на них, и они бросились врассыпную. Им ли было не знать, какую я могу задать трепку...

Только-только я собрался вернуться в дом, как на дорожку влетела машина. Из нее выпрыгнул Джо Флетчер, наш констебль, и я сразу понял, что настроеннице у него — не приведи Господи. Джо остановился перед крыльцом, упер руки в боки и принялся сверлить нас взглядом — сначала Лестера, потом меня.

— Сэм, — спросил он с отвратительной усмешкой, — что тут происходит? Один из твоих сиреневых слонов ожил и явился к тебе на постой?

— Джо, — сказал я торжественно, пропуская оскорбление мимо ушей, — разреши представить тебе Лестера.

Джо совсем уже изготовился заорать на меня, как вдруг в дверях показался Вильбур.

— А это Вильбур, — добавил я. — Вильбур — пришелец, а Лестер, как ты сам понимаешь...

— Вильбур кто? — гаркнул Джо.

Вильбур выступил на крыльцо и объявил:

— Что за скорбное лицо! И сколь благородное при том!..

— Он тебя имеет в виду, — пояснил я констеблю.

— Если вы вздумаете продолжать в том же духе, — прорычал Джо, — я засажу вас обоих в каталажку.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Вильбур. — Если я ненароком задел ваши чувства, то готов принести извинения.

Чувства Джо — с ума сойти можно!

— Вижу с первого взгляда, — продолжал Вильбур, — что жизнь вас не баловала...

— Чего не было, того не было, — согласился Джо.

— Мне тоже пришлось несладко, — сказал Вильбур, усаживаясь на ступеньку. — А теперь настали деньки, когда, как ни старайся, не отложишь и цента.

— Мистер, вы правы, — откликнулся Джо. — Ну точно это же я сказал своей хозяйке нынче утром, когда она взялась пилить меня, что у детишек башмаки прохудились...

— Просто чудо, как еще удастся заработать себе на хлеб.

— Слушайте, вы же еще ничего не знаете!..

И разрази меня гром, не успел я и до трех сосчитать, как Джо уселся рядом с пришельцем и начал выкладывать ему свои горести.

— Лестер, — предупредил Вильбур, — не забудь записать все это...

Я поплелся обратно в дом и быстренько опрокинул стопку, чтоб успокоить желудок, прежде чем приступать к завтраку. Есть в общем-то не хотелось, но я понимал, что надо. Я отыскал яйца и бекон и задумался, чем же кормить Вильбура. Мне вдруг припомнилось, какой у него странный метаболизм, что не выносит спиртного, а если пришельцу не по нутру доброе виски, то не похоже, чтоб он набросился на яичницу с беконом.

Не успел я покончить с завтраком, как через заднюю дверь ко мне на кухню ворвался Хигмен Моррис. Хигги — наш мэр, сполп церкви, член школьного совета, директор банка и вообще шишка на ровном месте.

— Сэм, — завопил он, — довольно наш город от тебя натерпелся! Мы мирились с твоим пьянством, с твоей никчемностью и с отсутствием патриотизма. Но это уже слишком!

Я вытер яйца с подбородка.

— Что — слишком?

Хигги едва не задохнулся от негодования.

— Это публичное представление! Это бесплатный цирк! Нарушение общественного порядка! И еще в воскресенье!..

— Вон оно что, — сказал я, — вы намекаете на Вильбура и его работа.

— Перед домом собирается толпа, мне звонили уже человек десять, а Джо сидит себе там с твоим... твоим...

— Пришельцем, — подсказал я.

— И они ревут, обнявшись как трехлетние дети, и... Что? Пришельцем?...

— Точно, — подтвердил я. — Кем же еще он, по-вашему, может быть?

Хигги дрожащей рукой подтянул к себе стул и бессильно опустился на сиденье.

— Сэмюель, — тихо сказал он, — повтори-ка свои слова еще раз. Кажется, я чего-то недослышал.

— Вильбур — пришелец, — повторил я ему, — из другого мира. Он и робот явились к нам, чтобы слушать грустные истории.

— Грустные истории?

— Точно. Ему нравятся грустные истории. Одним нравятся истории веселые, другим похабные, а ему вот грустные.

— Он пришелец, — произнес Хигги, ни к кому не обращаясь.

— Пришелец, пришелец, не сомневайтесь, — отозвался я.

— Ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно.

Хигги разволновался.

— Неужели ты не понимаешь, что это значит для Милвилла! Наш малюсенький городок — первое место на Земле, которое посетил пришелец!

Я хотел только одного: чтоб он заткнулся и убрался восвояси — и дал мне отпрокинуть стопку после завтрака. Хигги не употреблял спиртного, особенно по воскресеньям. Он, чего доброго, умер бы от ужаса.

— К нам теперь будут ломиться со всего света! — закричал Хигги. Вскочив со стула, он кинулся из кухни в комнату. — Я обязан официально приветствовать высокого гостя!..

Я поплелся следом за ним — я не простил бы себе, если б упустил такое зрелище.

Джо успел уйти, Вильбур сидел на крылечке в одиночестве, и я-то видел, что он уже основательно нагрузился. Хигги приблизился к нему, выпятил грудь, простер вперед руку и завел торжественно, по полной форме:

— Мне как мэру города Милвилла доставляет величайшее удовольствие передать вам наш сердечный привет...

Вильбур пожал ему руку и сказал:

— Быть главой города — высокая честь и большая ответственность. Уму непостижимо, как вы не сгибаетесь под тяжестью подобной ноши.

— Признаться, временами... — вымолвил Хигги.

— Но вы, как видно, принадлежите к числу людей, озабоченных всецело благополучием ближнего своего, а потому, естественно, вынуждены повседневно сталкиваться с непониманием и неблагодарностью...

Хигги грузно опустился на ступеньки.

— Сэр, — обратился он к Вильбуру, — вы не поверите, сколько мук мне приходится выносить.

— Лестер, — произнес Вильбур, — не забудь записать...

Я ушел в дом. Этого я переварить не мог.

На улице уже собралась целая толпа: мусорщик Джейк Эллис, хозяин «Веселого мельника» Дон Майерс и множество других. И там же — ее оттирали кому не лень, а она все равно высывалась, — крутилась вдова Фрай. Люди как раз шли в церковь, ну и останавливались по пути поглазеть, потом топали дальше, но на их месте тут же появлялись другие, и толпа нисколько не редела, а, напротив, росла и росла.

Я пошел на кухню и опрокинул свою стопку, вымыл посуду и опять задумался, чем бы покормить Вильбура. Хотя в данный момент он, судя по всему, не слишком-то нуждался в еде.

Потом я перешел в комнату, сел в кресло-качалку и скинул с ног сапоги. Я сидел в качалке, шевеля пальцами ног и размышляя о том, что за дикая у Вильбура привычка надуваться печалью вместо доброго алкоголя.

День выдался теплый, а я притомился, и покачивание, должно быть, навеяло на меня дремоту, потому что вдруг я очнулся и понял, что не один. Я не сразу увидел, кто это, но все равно знал, что в комнате кто-то есть.

Это оказалась вдова Фрай. Она надела свое воскресное платье — после стольких-то лет, когда она проходила мимо по противоположной стороне улицы, словно вид моей халупы или мой собственный вид могли осквернить ее зрение, — после стольких-то лет она явилась ко мне, разодевшись и сияя улыбкой! А я сижу себе похмельный и в одних носках.

— Сэмюэль, — сказала вдова Фрай, — не могу не поделиться с тобой. По-моему, твой мистер Вильбур — просто чудо...

— Он пришелец.

Я едва-едва проснулся и был еще порядком не в себе.

— Какая мне разница, кто он! — воскликнула вдова. — Он джентльмен, преисполненный такого сочувствия... Ни капельки не похож на жителей этого ужасного города.

Я вскочил на ноги, не зная, в сущности, что предпринять. Она застала меня врасплох, в самом что ни на есть непрезентабельном виде. Уж кого-кого со всего белого света я мог ждать к себе в гости, только не ее. Я чуть не предложил ей выпить, да хорошо — в последнюю секунду опомнился.

— Вы что, говорили с ним? — спросил я, заикаясь.

— И я, и все остальные, — ответила вдова Фрай. — Он такой обаятельный! Поделишься с ним своими заботами — и они вроде как улетучатся. Там целая уйма народу ждет своей очереди.

— Ну что ж, — сказал я ей, — рад слышать это от вас. Но как он выдерживает такую нагрузку?

Вдова придвинулась поближе ко мне и снизила голос до шепота.

— По-моему, он изнемогает. Я бы сказала... я бы сказала, что он в состоянии опьянения, если бы не боялась его обидеть.

Я быстренько взглянул на часы.

— Мама родная! — вырвалось у меня.

Было уже почти четыре часа дня. Вильбур просидел там шесть или семь часов подряд, поглощая без разбора все печали, какие только мог предложить ему этот городишко. Сейчас он, дело ясное, насосался до самых бровей.

Я кинулся к двери — и точно, Вильбур сидел на крылечке, слезы текли у него по лицу, и слушал он не кого-нибудь, а Джека Риттера, а врать нахальнее, чем старина Джек, не встретишь ни в нашей округе, ни в соседних. Он, наверняка, выкладывал Вильбуру чистый бред, который выдумывал сходу.

— Извини, Джек, — бросил я, поднимая Вильбура на ноги.

— Но я как раз говорил ему о том...

— Ступай домой! — цыкнул я на него. — И остальные тоже! Вы его вымотали до упора...

— Мистер Сэм, — признался Лестер, — как я рад, что вы пришли. Меня он совсем не слушался.

Вдова Фрай придержала дверь, а я втащил Вильбура в дом и положил его на свою кровать, чтоб он проспался. Вдова подождала меня на крылечке.

— Знаете что, Сэмюель, — сказала она, — я приготовила на ужин цыплят. Их у меня больше, чем я могу съесть одна. Не хотите ли зайти и составить мне компанию?

Я просто онемел на мгновение, потом покачал головой.

— Спасибо за приглашение, только я должен последить за Вильбуром. На работа он — ноль внимания.

Вдова была разочарована.

— Может, как-нибудь в другой раз?

— Да, как-нибудь в другой раз.

Когда она удалилась, я вышел снова и пригласил в дом Лестера.

— Ты можешь сесть, — спросил я, — или должен стоять?

— Я должен стоять, — ответил Лестер.

Тогда я успокоился — пусть стоит, — а сам сел в качалку.

— Что ест Вильбур? — спросил я. — Он, наверное, проголодался.

Робот раскрыл дверцу посередине груди и достал странного вида бутылочку. Он встряхнул ее, и я услышал, как внутри что-то задребезжало.

— Вот его пища, — сказал Лестер. — Он принимает по бутылочке в день.

Лестер уже собирался отправить бутылочку обратно, как вдруг из дверцы выпала тугая объемистая пачка. Робот нагнулся и подобрал ее.

— Деньги, — пояснил он.

— Значит, у вас там тоже есть деньги?

— Эти нам дали, когда мы прошли обучение. Стодолларовые купюры.

— Стодолларовые?..

— Иначе получилось бы слишком громоздко, — учтиво ответил Лестер, запихнул деньги и бутылочку обратно в глубь груди и защелкнул дверцу.

Я сидел, как в тумане. Стодолларовые купюры!..

— Лестер, — посоветовал я, — не следовало бы, пожалуй, показывать эти деньги кому попало. Неровен час, попробуют отнять.

— Знаю, — ответил Лестер, — и держу при себе.

Он похлопал себя по груди. Такой хлопок без труда снес бы человеку голову с плеч.

Я сидел, покачиваясь в кресле, и от обилия разных мыслей казалось, что мозг мой тоже раскачивается взад-вперед в черепе — в такт с креслом. Во-первых, Вильбур со своим диковинным способом напиваться, во-вторых, поведение вдовы Фрай, да еще эти стодолларовые купюры!

Особенно стодолларовые купюры.

— Слушай, что там у вас получилось с обучением? — поинтересовался я. — Ты упомянул, что оно нелегальное...

— Самое что ни на есть нелегальное, — ответил Лестер. — Этим занимается один растленный тип, который прокрался сюда и записал все на пленку, а теперь торгует потихоньку...

— Но почему прокрался? Почему потихоньку?

— Запретная зона, — ответил Лестер. — Вне пределов разрешенного. За чертой дозволенного. Ясно ли я выражаюсь?

— И этот растленный тип догадался, что можно продать вам информацию, записанную на пленку, и эту... Как ты сказал?..

— Модель чужой культуры, — ответил Лестер. — Ваша логика ведет вас по верному пути, однако это в действительности не столь просто.

— Наверное, нет, — согласился я. — И тот же растленный тип заграбастал ваши денежки, не так ли?

— Вот именно. Заграбастал целую кучу денег.

Я посидел еще немного, потом пошел взглянуть на Вильбура — тот спал без просыпа, при вдохе втягивая усики в свою со-

мовью пасть, а при выдохе выплевывая их обратно. Тогда я отправился на кухню и приготовил себе обед.

Только-только я поел, как в дверь постучали. На сей раз это оказался доктор Абель из лечебницы.

— Добрый вечер, док, — сказал я. — Сейчас я организую чего-нибудь выпить.

— Проживу без выпивки, — отозвался док. — Лучше покажи мне своего пришельца.

Он двинулся в комнату, увидел Лестера, да так и остолбенел. Лестер, надо думать, понял, что доктор удивлен не на шутку, и постарался тотчас же его успокоить:

— Я так называемый робот пришельца. Невзирая на тот очевидный факт, что я просто машина, я в то же время преданный слуга. Если вы хотите поведать нам свои печали, можете конфиденциально сообщить их мне. А я не премину передать их своему хозяину.

Доктор как будто слегка попятился, но на ногах все же удержался.

— Вы принимаете любые печали, — спросил он, — или вам желателен какой-то особый сорт?

— Хозяин, — отвечал Лестер, — предпочитает глубокую скорбь, но не отказывается и от печалей всякого иного рода.

— Вильбур от них косеет, — вставил я. — Сейчас он в спальне, дрыхнет с перепоею.

— Более того, — продолжал Лестер, — говоря между нами, такой товар нетрудно и продать. У нас дома найдется немало страстных охотников до первосортных горестей, присущих данной планете.

Брови у доктора взлетели так высоко, что почти коснулись шевелюры.

— Тут все по чести, — заверил я его. — Без всяких фокусов. Хотите взглянуть на Вильбура?

Док кивнул. Я подвел его к кровати, и мы постояли у изголовья, глядя на Вильбура сверху вниз. Когда пришелец спал вытянувшись, то представлял собой премерзкое зрелище.

Док поднял руку ко лбу и с силой провел ею по лицу, оттягивая челюсть и приобретая сходство с ищейкой. Его большие, толстые, отвислые губы издали под ладонью хлюпающий звук.

— Будь я проклят! — произнес док.

Тут он повернулся и вышел из спальни, а я потащился следом. Док, не задерживаясь, направился к двери и вышел на улицу. Спустился немного по дорожке, потом остановился и подождал меня, а потом внезапно, вытянув руки, схватил меня за грудки — рубаха до того натянулась, что чуть не лопнула.

— Сэм, — сказал он, — ты у меня работаешь много лет и вроде становишься стар. Большинство других на моем месте уволи-

ли бы тебя, старика, и наняли кого помоложе. Я вправе уволить тебя в любую минуту, когда захочу.

— Наверное, так, — ответил я и испытал гнусное чувство: раньше я ни разу не задумывался, что меня когда-нибудь уволят. Подметаю я в лечебнице на совесть и не чураюсь грязной работы. Представляете, как это будет скверно, когда придет очередная суббота, а у меня не окажется денег на выпивку!

— Ты был преданный и честный работник, — продолжал между тем док, вцепившись мне в рубаху, — а я добрый хозяин. Я всегда ставил тебе бутылку на рождество и еще одну на пасху.

— Все точно, — подтвердил я. — Все до последнего слова.

— Ты же не станешь водить за нос своего друга доктора, — сказал док. — Всех остальных в этом глупом городишке, может, и станешь, а своего друга доктора — нет.

— Но, док, — запротестовал я, — я и не вожу никого за нос...

Док наконец отпустил мою рубаху.

— Бог с тобой, я и не думаю, что водишь. Все действительно так, как мне говорили? Он сидит, выслушивает чужие беды, и те, кто побеседовал с ним, сразу чувствуют себя лучше?

— Вдова Фрай уверяет, что да. Говорит, посидела с ним, и заботы вроде как улетучились.

— Святая правда, Сэм?

— Святая правда.

Доктор Абель разволновался. Он опять схватил меня за рубаху.

— Ты что, не видишь, что на нас свалилось? — чуть не заорал он.

— На нас? — переспросил я.

Он не обратил на это внимания.

— Величайший психиатр, — изрек док, — какого когда-либо знал мир! Крупнейший вклад в психиатрию с самого начала времен! Понимаешь, к чему я клоню?

— Пожалуй, понимаю, — сказал я, хотя не понял ровным счетом ничего.

— Больше всего, — изрек док, — человечество нуждается в ком-то или в чем-то, на кого или на что можно перевалить свои заботы. В ком-то, кто одним магическим касанием изгонит все тревоги. Суть дела тут, разумеется, в исповеди — в том, чтобы символически переложить свою ношу на чужие плечи. Один и тот же принцип срабатывает в церковной исповедальне, в профессиональной психиатрии и в дружбе — дружба глубока и прочна лишь тогда, когда на плече у друга можно поплакаться...

— Док, вы правы, — сказал я, начиная помаленьку соображать, что к чему.

— Беда в том, что принимающий исповедь тоже человек. И по-человечески ограничен. Тому, кто исповедуется, это известно.

Исповедник не в силах гарантировать, что сумеет разделить любое несчастье, любую страсть. А здесь перед нами нечто принципиально иное. Пришелец — существо со звезд, не связанное человеческими предрассудками. Из самого определения следует, что он в состоянии принять любые печали и вобрать их своим нечеловеческим естеством...

— Док, — завопил я, — если бы вы заполучили Вильбура в лечебницу!..

Док мысленно потирал руки.

— Именно об этом я и подумал.

С каким удовольствием я дал бы себе пинка под зад за свой неумеренный восторг! Теперь я сделал все, что мог, лишь бы вернуть утраченные позиции.

— Не знаю, док. С Вильбуром, наверное, не сговориться.

— Ну что ж, давай вернемся и попробуем.

— Не знаю, — упирался я.

— Нельзя терять ни минуты. К утру слухи расползутся на много миль, и здесь будет не продохнуть от газетчиков, телевизионных фургонов и Бог весть кого еще. Набегут ученые сопляки, правительственные агенты, и дело выскользнет из наших рук.

— Лучше я потолкую с ним с глазу на глаз, — сказал я. — У него, неровен час, язык с перепугу отнимется, если вы начнете путаться под ногами. А меня он знает и, может, послушает...

Как ни крутился док, как ни мялся, но в конце концов согласился.

— Я подожду в машине, — предложил он. — Если понадобится, позовешь.

Хрустя гравием, он ушел по дорожке к своей машине, а я возвратился в дом.

— Лестер, — обратился я к роботу, — мне необходимо поговорить с Вильбуром. Это очень важно.

— Никаких грустных историй, — предупредил Лестер. — На сегодня с него хватит.

— Нет-нет. У меня к нему предложение.

— Предложение?

— Сделка. Деловое соглашение.

— Ладно, — согласился Лестер, — я его подниму.

Поднять его оказалось не так-то просто, но в конце концов мы вынудили его проснуться и сесть в постели.

— Вильбур, слушай меня внимательно, — начал я. — Я тут припас кое-что специально для тебя. Есть такое место, где всех терзают страшные заботы и ужасающие печали. Понимаешь, некоторых, а всех без исключения. Эти люди настолько озабочены и скорбны, что не могут жить с другими вместе.

Вильбур выбрался из постели и, покачиваясь, встал на ноги.

— В-веди м-меня туда немедленно, — произнес он.

Я толкнул его обратно на кровать.

— Это не так просто. Туда нелегко проникнуть.

— Но вы как будто сказали...

— Понимаешь, у меня есть друг, который может это для тебя устроить. Но, пожалуй, потребуются деньги...

— Приятель, — заявил Вильбур, — денег у нас вагон. Сколько тебе нужно?

— Трудно сказать заранее.

— Лестер, передай ему деньги, чтоб он обо всем договорился.

— Хозяин, — воспротивился Лестер, — не знаю, стоит ли...

— Сэм заслуживает доверия, — заявил Вильбур. — Он не хачуга и не потратит ни на цент больше, чем необходимо.

— Ни на цент, — пообещал я.

Лестер отворил дверцу у себя на груди и вручил мне пачку стодолларовых купюр, а я кое-как запихнул ее в карман.

— Ждите меня здесь, — объявил я им, — пока я не увижусь со своим другом. Я скоро вернусь.

И я быстренько занялся сложением и вычитанием, теряясь в догадках, какую же сумму можно вытрясти из доктора Абея. Не мешает сперва заломить побольше, чтобы было что уступить, когда док примется рычать, стонать и плакать и напоминать мне, что мы с ним старые друзья и что он всегда ставил мне бутылку на рождество и еще одну на пасху.

Я собрался уже выйти из комнаты — и остолбенел.

В дверях стоял второй Вильбур. Хотя, едва я пригляделся к нему попристальнее, сразу уловил некоторую разницу. И не успел новый Вильбур и слова вымолвить, не успел и шагу ступить, как я испытал тошнотворное чувство, что все покатилося вкривь и вкось.

— Добрый вечер, сэр, — сказал я. — Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне.

Он и ухом не повел.

— Я вижу, у вас гости. Прискорбно, но придется разлучить их с вами.

Лестер заскрежетал у меня за спиной, словно у него шестеренки поотваливались, а Вильбур — я увидел уголком глаза — вытянулся, будто палку проглотил, и побелел как полотно.

— Ну зачем же так, — вступился я. — Они едва-едва прибыли...

— Вы не улавливаете сути дела, — сообщил пришелец, стоящий в дверях. — Они нарушители закона. Я уполномочен забрать их.

— Приятель, — обратился ко мне Вильбур, — я искренне сожалею. Так я и знал, что ничего у нас не выйдет.

— Теперь, — заявил Вильбуру второй пришелец, — вы окончательно убедились в этом и оставите свои попытки...

Все было яснее ясного, довольно было чуть пошевелить мозгами, — даже удивительно, как я не додумался до этого раньше. Ведь если Земля запретна для авантюристов, собиравших информацию для обучения Вильбура, то тем более...

— Мистер, — обратился я к пришельцу, что торчал в дверях, — тут имеется кое-что, в чем вы, по-видимому, не отдаете себе отчета. Не могли бы мы с вами обсудить это дело один на один?

— Буду рад, — отвечал пришелец вежливо до боли, — но, пожалуйста, поймите, что я обязан выполнить свой долг.

— Ну о чем речь, — сказал я.

Пришелец отделился от двери, подал знак — и в комнату ввалились два робота, до того стоявшие за дверью, где я их не видел.

— Меры безопасности приняты, — заявил пришелец, — и мы вправе удалиться для разговора. Готов слушать вас со всем вниманием...

Тогда я вышел на кухню, а он следом за мной. Я сел у стола, он напротив.

— Должен принести вам извинения, — степенно сказал он. — Этот негодяй проник на вашу планету и лично к вам обманным путем.

— Мистер, — сказал я в ответ, — ничего-то вы не поняли. Мне этот ваш перебежчик нравится.

— Нравится? — переспросил он, потрясенный. — Но это немыслимо! Он — ничтожный пропойца, более того...

— Более того, — закончил я за пришельца, перехватывая инициативу, — он приносит нам уйму пользы!

Пришельца будто током ударило.

— Вы не ведаете, что говорите! Он тащит из вас ваши печали и смакует их самым омерзительным образом, и записывает на пленку, чтобы пережевывать их снова и снова к вашему вечному стыду, и более того...

— Да вовсе это не так! — крикнул я. — Нам идет на пользу, когда мы вытаскиваем свои печали и выставляем их напоказ...

— Отвратительно! Более того — нескромно! — Он запнулся. — Что вы сказали?..

— Расписывать свои печали идет нам на пользу, — произнес я так торжественно, как только мог. — Это вопрос мироощущения.

Пришелец стукнул себя ладонью по лбу, и перья вокруг сомовьей пасти встали торчком и затрепетали.

— А вдруг это правда? — сказал он, объятый ужасом. — Если цивилизация столь примитивна, так погрязла в грехах и бесстыдстве...

— Как мы, например, — поддержал я.

— На нашей планете, — заявил пришелец, — нет ни тревог, ни печалей. Ну, во всяком случае, их не очень много. Мы в совершенстве приспособлены к жизни.

— Кроме таких, как Вильбур?

— Вильбур?..

— Ваш приятель, который в той комнате, — пояснил я. — Я не сумел выговорить его имя, так я назвал его Вильбуром. Между прочим...

Он провел рукой по лицу, и что бы он там ни болтал, было ясно как день, что в тот момент его обуревали тревоги.

— Зовите меня Джейк. Зовите меня как вам заблагорассудится, лишь бы найти выход из этого дурацкого положения.

— Нет ничего проще, — ответил я. — Оставьте Вильбура здесь, только и всего. На самом-то деле вы им вовсе не дорожите, не так ли?

— Им? Дорожим? — взвыл Джейк. — От него и ему подобных одни неприятности. Но мы их породили — нам за них и отвечать. Мы не вправе взваливать эту ношу на ваши плечи.

— Стало быть, есть и другие такие же, как Вильбур?

Джейк печально кивнул.

— А мы заберем их всех, — решил я. — И будем их очень любить. Всех до единого.

— Вы с ума сошли!

— Конечно, — подтвердил я. — Потому-то они нам и нужны.

— Вы в этом уверены? У вас нет и тени сомнения?

— Совершенно уверен.

— Приятель, — заявил Джейк, — тогда по рукам!..

Я протянул руку, чтобы он пожал ее, но он моей руки, кажется, не заметил. Он поднялся со стула, и видели бы вы, какое безмерное облегчение отразилось на его лице. Потом он повернулся и горделиво зашагал из кухни прочь.

— Эй, погодите минутку! — завопил я. Ведь надо было еще утрясти кое-какие детали... Но, мне кажется, он меня уже не слышал.

Я бросился в комнату, однако Джейком там и не пахло. Я — в спальню, но обоих роботов тоже след простыл. Вильбур и Лестер пребывали в блаженном одиночестве.

— Говорил я вам, — обратился Лестер к Вильбуру, — что мистер Сэм все уладит...

— Глазам своим не верю, — отозвался Вильбур. — Неужели они в самом деле ушли? Ушли навсегда? И ни при каких обстоятельствах не явятся обратно?

Я вытер лоб рукавом.

— Больше они вас не потревожат. Наконец-то вы от них избавились.

— Прекрасно! — воскликнул Вильбур. — Ну а как насчет той сделки?

— Сейчас, — ответил я. — Минуточку. Только выйду и повидаюсь с тем человеком.

Я выбрался на крылечко и постоял там чуток, чтоб унять дрожь в коленках. Джейк со своими двумя роботами чуть было не погубил все на свете. Хотелось выпить, как никогда в жизни, но я не смел замешкаться. Я должен был взять доктора за жабры, пока не стряслось еще чего-нибудь.

Я приблизился к машине.

— Сколько можно ждать? — раздраженно произнес док.

— Пришлось уламывать Вильбура, чтоб он согласился, — ответил я.

— Но он согласился?

— Да, согласился.

— А тогда, — спросил док, — чего же мы ждем?

— Десять тысяч долларов, — сказал я.

— Десять тысяч?..

— Такая у Вильбура цена. Я продаю вам своего пришельца.

— Твоего пришельца? Вовсе он не твой!

— Может, и не мой, — ответил я, — да велика ли разница! Скажу ему словечко, и никуда он с вами не пойдет.

— Две тысячи, — провозгласил док. — Ни центом больше.

Поторговавшись, мы сошлись на семи тысячах долларов. Если бы я захотел убить на это всю ночь, то выколотил бы восемь с половиной. Но я был выжат до изнеможения, и стопка мне нужна была куда больше, чем лишних полторы тысячи. Так что мы сговорились на семи.

Мы вернулись в дом, и док выписал чек.

— Ты, конечно, сам понимаешь, что уволен, — сказал док, вручая его мне.

— Об этом я как-то еще не думал, — ответил я. И ответил честно. В руке я держал чек на семь тысяч долларов, а в кармане топорщилась пачка стодолларовых купюр, и сколько же выпивки можно закупить на такие деньги!

Я вызвал из спальни Вильбура с Лестером и сказал:

— Старина док соглашается взять вас.

И Вильбур ответил:

— Я так счастлив, так благодарен. Надеюсь, уговорить его оказалось не слишком сложно?

— Да, пожалуй, нет. Он не запросил лишнего.

— Эй, — окликнул нас док с кровожадным блеском в глазах, — что тут происходит?

— Ничего особенного, — заверил я.

— Мне померещилось...

— Вот ваш пришелец, — перебил я. — Забирайте его, если хотите. А если вдруг передумали, я буду рад оставить его себе. Найдутся и другие охотники...

И я протянул ему чек обратно. Рискованная была штука, но, по-моему, настала самая пора сблефовать.

Доктор отстранил чек — он по-прежнему подозревал, что его провели, только не мог сообразить, на чем. Но и упустить Вильбура он не хотел ни при каких обстоятельствах. Я видел, что он уже все взвесил и намерен, держа инопланетянина в неволе, сделаться с его помощью мировой знаменитостью.

Правда, была тут одна тонкость, о которой он понятия не имел. Он и не догадывался, что пройдет немного времени, и на Земле появятся другие Вильбуры. И я хохотал от души — про себя, конечно, — пока док бережно выводил Вильбура и Лестера за дверь.

Прежде чем перешагнуть порог, он обернулся ко мне.

— Что-то тут нечисто, — сказал он, — дай мне только докопаться, в чем дело, я вернусь и спущу с тебя шкуру.

Я не ответил ни слова, просто стоял и слушал, как они втроем хрупают по гравию на дорожке. Когда я услышал, что машина отъехала, я отправился на кухню и достал бутылку.

Я хлопнул полдюжины стопок одну за другой. Потом опустился на стул у кухонного стола и попытался взять себя в руки. С этой целью я высосал еще полдюжины стопок, но с расстановкой.

Потом я принялся размышлять обо всех прочих Вильбурах, которых Джейк согласился прислать на Землю, и пожалел, что не сумел его хоть слегка подоить. Но я просто-напросто не успел: он вскочил и исчез в тот самый миг, когда я вознамерился приступить к делу.

Оставалось только надеяться, что он передаст их мне — или перед крыльцом, или на дорожке, но ведь он ничего подобного не обещал. Какой мне интерес, если он возьмет да и бросит их где попало!

Я недоумевал, когда же он их пришлет и сколько их в конечном счете окажется. Какое-то время ему, понятно, потребуется: ведь прежде чем отправить их на Землю, надо провести с ними курс обучения, а вот что касается их числа, тут я терялся в догадках. Из речи Джейка вроде бы следовало, что их наберется десятка два, если не больше. С таким-то отрядом нетрудно будет зашибить огромные деньги, если, конечно, взяться за это с головой.

Впрочем, коль на то пошло, у меня и так поднакопилась кругленькая сумма.

Я выудил из кармана пачку стодолларовых купюр и попробовал пересчитать их поточнее, но, режьте меня на части, не мог удержать цифры в памяти. Я был пьян — и даже не в субботу, а в

воскресенье. Я остался без работы, зато теперь смогу надираться в любой день, когда захочу.

Так я и сидел, прикладываясь к бутылке, пока не отключился.

Проснулся я от чудовищного грохота и не сразу понял, где я. Спустил какое-то время до меня дошло, что я заснул за кухонным столом: шею совсем свело, а уж похмелье было — страшнее не придумаешь.

Я с грехом пополам поднялся на ноги и посмотрел на часы. Десять минут десятого.

А грохот все продолжался.

Я перебрался из кухни в комнату, потом открыл входную дверь. Вдова Фрай чуть не растянулась на полу — так яростно она колотила по филенке.

— Сэмюэль, — задыхаясь, произнесла она, — ты слышал?

— Ничего я не слышал, — ответил я ей, — пока вы не начали барабанить в дверь.

— Да нет, по радио!

— Вы же знаете, черт вас возьми, что у меня нет ни радио, ни телефона, ни телевизора. У меня нет времени на всякую новомодную ерунду...

— Про пришельцев, — сказала она. — Про таких точно, как твой. Про славных, добрых, участливых пришельцев. Они повсюду. Повсюду на всей Земле. Их множество, куда ни глянь. Тысячи, а может, миллионы...

Я кинулся мимо нее к двери.

Пришельцы сидели на каждом крылечке вниз и вверх по улице, ходили взад-вперед по мостовой, а на пустыре неподалеку собрались гурьбой и затеяли игру, гоняясь взапуски друг за другом.

— И так теперь везде! — надрывалась вдова Фрай. — По радио так прямо и сказали. Их теперь хватит, чтобы каждый на Земле завел себе своего собственного пришельца. Ну не чудо ли это?

«Грязный мошенник Джейк», — выругался я про себя. А говорил-то, словно их совсем-совсем немного. Распинался: мол, цивилизация у них такая культурная и совершенная, что и психов почти не осталось...

Хотя, говоря по чести, он ведь цифр не называл. И, может, все, кого он вышвырнул на Землю, — лишь горстка по сравнению с численностью их населения, если взять его целиком.

И тут я внезапно вспомнил еще кое о чем. Я выхватил из кармана часы и поглядел на них снова. Было только четверть десятого.

— Миссис Фрай, — бросил я, — извините меня. У меня срочное поручение, я должен бежать...

И почесал вниз по улице быстро, как только мог. Один из Вильбуров отделился от группы и припустил рядом со мной.

— Мистер, — спросил он, — нет ли у вас печалей, которые вы хотели бы мне поведать?

— Нет, — отмахнулся я. — Нет у меня никаких печалей.

— Ну хотя бы забот?

— Забот тоже нет.

Тогда-то мне и пришло в голову, что забота есть, да еще какая — и не для меня одного, для всей планеты.

Потому что с помощью всех Вильбуров, которых Джейк сослал на Землю, у нас вскоре не останется ни единого собственного психа. Не останется никого, кто будет чем-то опечален или озабочен. Ну и скукотища же наступит, не приведи Бог!

И все равно мне было не до того.

Я мчался по улице с предельной скоростью, с какой только меня несли ноги.

Я должен был попасть в банк раньше, чем док успеет приостановить платеж по чеку на семь тысяч долларов.

СМЕРТЬ В ДОМЕ

Когда Старый Мозе Абраме бродил по лесу, разыскивая коров, он нашел пришельца. Мозе не знал, что это пришелец, но перед ним было живое страдающее существо, а Старый Мозе, несмотря на все рассказы соседей, был не из тех, кто может покинуть в лесу раненого.

На вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно внушало отвращение далее на расстоянии в двадцать футов: оно воняло.

Оно заползло, вернее, пыталось заползти, в заросли орешника, но у него ничего не получилось: верхняя часть его тела находилась в кустах, а обнаженное туловище лежало на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело; оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь как одинокий ветер, тоскливо воющий под широким карнизом. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, в нем звучали такое отчаяние и страх, что у Старого Мозе на голове волосы стали дыбом.

Старый Мозе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, между тем как большинство людей, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Впрочем, в подобной ситуации одной только заурядной храбрости было недостаточно. Тут нужна была храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало дикое раненое существо, и он не мог его там оставить, поэтому Мозе приблизился к нему, опустился рядом с ним на колени, и, хотя на существо было тяжело смотреть, в его отталкивающем безобразии таилось какое-то неизъяснимое обаяние — словно оно притягивало к себе именно потому, что было настолько отвратительно. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Мозе не был неженкой. В округе он отнюдь не славился своей привередливостью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Раз в год, если у него доходили руки, он выгробал из дома груды мусора, но остальное время уже ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, окажись на его месте кто-либо другой. Но зато Мозе смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, собравшись с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Мозе словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под раненого руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались точно черви в консервной банке. И тут-то Мозе чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Но он выдержал.

Он сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, ему стало еще страшнее.

Мозе был упрям. Только упрямый человек мог тащить на себе такую жалкую ферму. Упрямый и ко многому равнодушный. Но, конечно, не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял его на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что существо весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Мозе.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке вверх, к дому, и ему показалось, что запах стал слабее. Страх его почти прошел, холод больше не сковывал его тела.

Потому что существо теперь несколько успокоилось и выло значительно тише. И хотя Мозе не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к

взрослому испуганный и голодный ребенок, когда тот берет его на руки.

Старый Мозе вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке, или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался он недолго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь, пока не вспыхнуло пламя.

Тогда он придвинул к кровати стул и принялся внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и казалось гораздо спокойнее, чем в лесу. Он с такой нежностью подоткнул его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, какие из его припасов годились бы существу в пищу, впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы он смог покормить существо, ведь у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться, — сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хоть я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он давеча искал, вернулись домой сами.

— Мне нужно подоить коров и еще кое-что поделаться по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему на кровати. — Но это недолго. Я скоро вернусь.

Старый Мозе подбросил в плиту дров, чтобы в кухне было тепло, еще раз заботливо подоткнул одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадей и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

Потом он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Мозе зажег стоявшую на столе керосиновую лампу, потому что он был против электричества. Он отказался дать свою подпись, когда Периферийная Электрическая Компания проводила здесь линию, и многие соседи обиделись на него за то, что он откололся. Это его, понятно, нисколько не тронуло.

Он взглянул на лежавшее в постели существо. Судя по виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок или теленок, Мозе сразу смекнул бы, хуже ему или лучше, но это существо было совсем иным. Тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и опять задумался над тем, как бы покормить существо и как ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но это ли было нужно подобному

существо или следовало сделать для него что-то другое? Он не знал.

Мозе было подумал, не обратиться ли к кому-нибудь за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если бы, измученный и больной, он очутился в неведомом далеком краю и никто не мог бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему следует вызвать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме. Если бы оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимость никуда не годилась, а поскольку к тому же сам Мозе был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и десятки раз грозился выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Мозе все-таки удалось объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Мозе повесил трубку и постоял немного просто так, ничего не делая, как вдруг его поразила мысль, что в лесу могут быть другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что они могут здесь делать, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чужестранцем, прибывшим из очень далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек или любое другое живое существо предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Мозе это не имело никакого значения, потому что он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. Сейчас здесь было жутко, но одного ночного леса было мало, чтобы испугать Старого Мозе. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел то место, где нашел существо, но там никого не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто вроде огромной птичьей клетки, сплетенной из металлических прутьев, которая запуталась в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она так прочно застряла в ветвях, что не сдвинулась с места.

Он огляделся вокруг, чтобы понять, откуда она попала сюда. Ему удалось увидеть наверху сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а за ними в вышине холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Мозе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился этому, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него было шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Он пошел назад к дому, и, едва он успел задуть фонарь и повесить его на место, как послышался шум подъезжающей машины.

Когда доктор подошел к двери, он несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Мозе.

— Вы что-то не похожи на больного, — сварливо произнес он. — Пожалуй, не так уж вы больны, чтобы нужно было тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Мозе.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Мозе. — Надеюсь, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел, и Мозе закрыл за ним дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем худо, но теперь я уже немного привык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Мозе услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, замер на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся к Мозе, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

— Мозе, — взвизгнул он, — что это такое?

— Сам не знаю, — сказал Мозе. — Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не смог его там оставить.

— Вы считаете, что оно болеет?

— Я знаю это, — сказал Мозе. — Ему немедля нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой, чтобы лучше рассмотреть его. Он оглядел существо со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и издал языком тот таинственный шелкающий звук, который умеют делать одни лишь доктора.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Мозе, — произнес он, — я ничего не могу для него сделать.

— Но ведь вы же доктор!

— Я лечу людей, Мозе. Мне не известно, что это за существо, но это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще у него что-нибудь не в порядке. А если бы мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. Я даже не уверен, что это животное. Много в нем говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Мозе, где он нашел существо, и Мозе рассказал, как все это произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку, потому что сама мысль о ней казалась настолько фантастической, что у него просто язык не повернулся рассказать о ней. Достаточно того, что он вообще нашел это существо и принес его в дом, так как незачем было совать сюда еще и клетку.

— Вот что я вам скажу, — произнес доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать себе над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с ним. Они непременно захотят его исследовать.

Мозе подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно подшучивая над его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Но Мозе с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — заявлял он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

Вопреки опасениям Мозе, судя по всему, доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Мозе пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу, никого, кто знал бы хоть какое-нибудь средство.

Он сидел и слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают в плите дрова.

Он смотрел на лежавшее в постели существо, и в нем внезапно вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка так покорежена, ему волей-неволей придется остаться. И Мозе надеялся, что так

оно и будет, ведь уже теперь в доме не чувствовалось прежнего одиночества.

Сидя на стуле между плитой и кроватью, Мозе вдруг понял, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоусер, было еще не так плохо. Он попробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому, что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоусера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Он, конечно, мог бы взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли; она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямым и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Мозе больше серебра по было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху набитого монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провел, Мозе хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось прнюхать об этом. Сам-то он им никогда не скажет. Если уж им суждено узнать, как-нибудь обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле, с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя скрещенными руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

Его смерть не вызывала сомнений. Существо похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начала засыхать — как с концом роста засыхает под ветром в поле стебель кукурузы.

Мозе прикрыл его одеялом и, хотя было еще рано начинать обычную работу по ферме, он вышел и сделал все, что нужно, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, городского клерка, который был одновременно секретарем кладбищенской ассоциации.

— Эб, — сказал Мозе, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас же есть участок, — запротестовал Эб.

— Так то семейный участок, — возразил Мозе. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу, — сказал Мозе. — Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо бы сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерег Эб.

— Все в свое время, — сказал Мозе, и не думая этого делать. — Так как же насчет участка?

И, сняв с себя всю ответственность за эту историю, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Мозе отправился в похоронное бюро Альберта Джонса.

— Эл, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Эл, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет, у меня нет его.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак.

Наконец он раздраженно хлопнул трубкой и повернулся к Мозе.

— Мне не известно, что вы там пытаетесь провернуть, — злобно набросился он на Мозе, — но док говорит, что этот ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, собак, или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Для того чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен человек. Кстати, не вздумайте закопать его на кладбище, это незаконно.

Сильно упав духом, Мозе вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Мозе присел на стул, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Пастор, — произнес он, — я хочу рассказать вам все, как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдается мне, что этого не знает никто. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище и придется, видно, подыскать для него местечко на

ферме. Вот я и думаю, не согласились бы вы приехать, чтобы сказать пару слов над могилой.

Пастор погрузился в глубокое размышление.

— Мне очень жаль, Мозе, — произнес наконец он. — Думаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит подобный поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал Старый Мозе, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор еще немного подумал и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что не может этого сделать.

Мозе спустился по улице к тому месту, где он оставил свою машину, и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски он уже употребил на починку свинарника.

Мозе вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба он хотел использовать вместо савана, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но зато выкопал белую льняную скатерть. Он решил, что сойдет и это, и отнес ее на кухню.

Он откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым, ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что оно могло бы оставить после себя на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на нее. И в этот момент он заметил на его теле карман, если это было карманом, нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть его грудью. Он провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть побольше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или из какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как само тело существа.

Он покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, где нашел его, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его

в сад и опустил в яму. Торжественно став в головах у могилы, он произнес несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь поналезут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и искать могилу, в которой он похоронил найденное в лесу существо. И чтобы скрыть место, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. А может, это и к лучшему, сказал он себе. Что смог бы он написать или вырезать на кресте?

К этому времени уже перевалило за полдень, и он проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому что еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и она вытащила ее оттуда наилучшим образом. Потом он погрузил клетку на телегу, привез на холм, затащил в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз тогда, когда он уже кончал пахать, подкатила машина и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — что вы нашли кое-что в лесу.

— Так оно и есть, — согласился Мозе.

— Говорят, будто бы это существо умерло в вашем доме.

— Шериф, вы не ослышались.

— Мозе, мне хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Мозе, — сказал шериф, — мне не хочется причинять вам неприятности, но вы нарушили закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, когда им вдруг вздумается умереть в вашем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул.

— Он сказал, что ничего подобного никогда раньше не видел. Что это был не человек.

— Ну тогда, — произнес Мозе, — мне кажется, что вам тут делать нечего. Если это был не человек, то не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь никто пока что не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

— Никто. Пожалуй, это и так. А где это вы изучали законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. Я вообще никогда ничего не изучал. Я просто здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университетов — будто они могут захотеть взглянуть на него.

— Вот что, шериф, — сказал Мозе. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. У живого у него было свое достоинство, а умерев, оно потребовало к себе какого-то уважения. Когда все вы отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Мозе, — произнес шериф, — пусть будет по-вашему.

Он повернулся и прошествовал обратно к машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Мозе смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф повел машину на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку рассердился.

Когда Мозе убрал на место плуг и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйственными делами, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Мозе до конца борозды, завел разговор. Этот репортер не очень-то понравился Старому Мозе. Слишком уж нахально он вел себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Мозе прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней появился какой-то человек из университета и показал Мозе статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. Статья высмеивала Мозе.

— Я очень сожалею, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу то, что они пишут.

— А мне все равно, — сказал Мозе.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Мозе только покачал головой.

— Оно покоится в мире, — сказал он. — Я не потревожу его.

И человек, негодуя, впрочем вполне сохраняя достоинство, удалился.

В течение нескольких дней мимо проезжали какие-то люди, любопытные бездельники заглядывали на ферму, появился и

кое-кто из соседей, которых Мозе не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, так что вскоре они оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он было снова подумал, не взять ли ему собаку, но, вспомнив Тоусера, так и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень странно, и первым побуждением Мозе было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтересовало его. Он никогда ничего похожего не видел и решил дать ему хотя бы немного подрасти и посмотреть, что это такое. Это было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Приезжал еще один посетитель, самый из них чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Мозе с найденным им в лесу существом, и, по всей видимости, был ужасно разочарован, когда Мозе ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашел ли, часом, Мозе аппарат, в котором существо могло путешествовать, и в ответ на это Мозе солгал. Видя, в каком тот находится исступлении, Мозе испугался, что ему может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет клетку, спрятанную в дальнем углу гаража возле горна. Но вместо этого незнакомец пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Мозе пошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле, и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Мозе не поверил своим глазам, разглядев однажды, какие оно принимает очертания, и простаивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это было такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но уже не больное и жалобно стонущее, уже не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но все же оно было не совсем таким, как прежде. Мозе стоял, всматриваясь в существо, и видел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей, либо между отцом и сыном, либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Мозе, не чувствуя ничего необычного в том, что заговорил с ним. — Я рад, что ты вернулся.

Стоявшее во дворе существо не ответило ему. Но это не имело никакого значения: Мозе и не ждал, что оно отзовется. Значение имело только то, что ему теперь было с кем разговаривать.

— Я уйду, мне нужно сделать кое-какую работу по хозяйству, — сказал Мозе. — Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Мозе беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не могло воспользоваться стулом, так как его тело не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Мозе, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он решил, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Мозе, видимо, не стоит особенно беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот внешний покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда Мозе отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее тщательно осматривать. Потом оно повернулось к Мозе и словно бы сделало умоляющий жест.

Мозе подошел к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, тоже схватило конечностями этот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» вряд ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Мозе никак не мог уразуметь, что ему нужно. Потом существо легло на пол и показало ему, как прутья клетки прикреплялись к ее основанию.

Хотя Мозе через некоторое время и сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было объяснить, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенное количество силы под нужным углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит Бог, ничем нельзя было объяснить, почему это так получается.

Мозе развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать огонь мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо встало между ним и горном и не подпустило его к огню. Тогда Мозе понял, что ему нельзя было — или не полагалось — нагревать прут перед тем, как распрямлять его, и он, не задумываясь, принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это следует делать, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и начал выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Мозе казалось, что им придется немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но прут мгновенно скользнул на место.

Потом они выгнали другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Мозе уже появилась сноровка.

Но это был тяжелый и изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось целых четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась некошенной.

Однако Мозе нисколько не тревожился. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они вставили прутья на место, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая своим видом напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Мозе решил что, корзинка была чем-то вроде панели управления.

Существо явно расстроилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, как видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Мозе, и в его жестах опять были отчаяние и мольба. Мозе показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Мозе обрадовался — ему было немного стыдно за это чувство, но тем не менее он обрадовался.

Потому что он понимал, что, когда клетка будет исправлена, существо покинет его. По своей натуре он просто не мог поме-

шать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда оказалось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а в его доме больше не будет так одиноко. Как бы то ни было чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала на бок, крышка раскрылась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Мозе заметил, как существо кинулось за одним из них в погоню. Схватив монету и не выпуская ее, оно повернулось к Мозе, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгрестило еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Мозе упало, когда до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало именно серебро.

И Мозе опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно к коробку из-под сигар, и Мозе, взяв коробку, отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило ее на руке и, судя по его виду, огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Мозе видел, что оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро, подумал Мозе. Быть может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-нибудь другой металл.

Мозе достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил кастрюлю на плиту. Когда каша была готова и сварился кофе, он отнес еду на стол и сел завтракать.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, оно показало, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Мозе словно громом сразило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной. И он не мог решиться; это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он был не в силах с ними расстаться, ведь тогда существо получит возможность починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ему еще нужно монет.

— Уж это я никак не могу для тебя сделать, — сказал Старый Мозе. — Я ведь сделал все, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел тебя и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я, по крайней мере, защитил тебя от всех этих людей, и я не вырвал тебя, когда ты вновь начал расти. Неужели ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но это ни к чему не привело. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Он поднял доски, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Мозе, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить эти с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Мозе пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен в том, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды за его эгоизм, ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытаясь отблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь чтобы как-то скрасить это одиночество, у него теперь даже не было денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой за-

брошенной ферме; ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и, хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, остановившись на полпути, вылезло обратно и подошло к Старому Мозе.

— Прощай, друг, — сказал Мозе. — Я буду скучать по тебе. У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощанье конечность, и, схватив ее, Мозе почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее из руки существа в руку Мозе.

Существо отняло свою руку и, быстро подойдя к клетке, проскользнуло между прутьями. Оно потянулось к корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и клетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которые не дано постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы, захватив из дому ведра, пойти в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, поче-

му он счастлив. Существо в конце концов покинуло его, все его деньги пропали, и у него не было друзей, но, несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Сложив трубочкой заросшие щетиной губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что уже давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы пожать ему на прощанье руку.

А что касается подарка, то, каким бы он ни был чепуховым, как ни дешева была безделушка, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Мозе подарок.

В бездонных глубинах Вселенной было одиноко и тоскливо без друга. Кто знает, когда еще удастся обрести нового.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было дать.

ДУРНОЙ ПРИМЕР

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы — заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога — в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он — бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще былолюдно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть отворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский. Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер — славный парень. Элмер соображает, что к чему. Тобиас остановился, немного подобрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

— Тоуб, — сказал ему Элмер, — не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

— Ни боже мой, — запротестовал он, джентльмен с головы до пят. — Не по мне это — доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

— Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь! — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых. Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок Милвиллской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвиллская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал

он себе, это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относился к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, он начинает обрастать жирком самодовольства: жена у него — председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочери обнаружались недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди, — сказал он. — Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Пригладил свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что окажись поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена, — сказал Энди, — то попусту тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал, — смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил, — ядовито сказал Энди. — Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер — старая сплетница, — проворчал Тобиас, с трудом удерживаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь, — согласился Энди. — Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрее, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности — этому сложному комплексу эмоций и желаний — он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него — быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сиживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издали послышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближавшиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина завалилась набок, опрокидываясь в придорожную канаву. Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула на бок, с раздирающим уши скрежетом проехала по асфальту и легко, даже как-то плавно соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас спрыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрямилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступить. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся

щель и сразу почувствовал едкий запах горячей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины слышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горячей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она, — задыхаясь проговорил мужчина. — Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горячей изоляции прибавился клубами повалившийся дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, насмерть перепуганную девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела объятая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горячей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина — это Рэнди Фробишер, кумир футбольных болельщиков, а девушка — Бетти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горячей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего, — подумал Тобиас, — пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее оказаться подальше от места катастрофы,

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой Тобиас буквально трясся от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, свести на нет свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился — он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени, — подумал он, — и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился, хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к раковиннику, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое за день пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самим собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг — мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок — знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне может ужиться только один подонок: по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека, если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии удавалось обойти. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница-робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы-человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но, по крайней мере, он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений, никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать. Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забулдыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота. Он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался справиться с мыслями — уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жите-

лей Милвилла была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница-человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный паршивый пьяница-робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвиллу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорядочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить обязательства, зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем — все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множественных факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в непотребном виде

слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете — трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным выродком не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно размениваться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифицированную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заняться творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организуемой колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта, и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать.

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

«Как все нескладно», — подумал он. Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городку — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священно и нерушимо. Священно и нерушимо для робота.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многолюдных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной унижительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали — а он уже начал привыкать к мысли о том, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндсерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор «Милвиллского еженедельника».

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи — неприятность настолько серьезна, что от нее не спасешься. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробишер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что впору было расхохотаться.

— Тоуб, — сказал он, — уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — заверещала миссис Хэлворсен. — Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустяшное, — промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему представится такая возможность.

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме, — заговорил он. — Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб, — сказал редактор. — У вас найдется фотография? Хотя что я, откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но первым делом, — сказал банкир, — мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку. — Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен. — Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом, — чопорно пояснила супруга пастора. — Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет, — заявила она. — Нет человека, который бы...

— Да будет вам, — вмешался Фробишер. — Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага, — обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь, — отложим наш разговор до завтра.

— Э, нет, так не годится, — сказал банкир. — Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это — чего? — возмутилась миссис Хэлворсен. — Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в сторонке, спокойно наблюдая,

как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб, — сказал он. — Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь — лежи среди белых простынь, да еще Фробишер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так по-глупому. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но, с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был прошмыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него оставалась еще одна надежда, и, чем больше он думал, тем радужнее смотрел в будущее; мало-помалу на душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти непоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительнее, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно претворит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвилла.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто портач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда его мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной простыне, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться, — но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице. Пройдя обыч-

ным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробишер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнуло, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из школы ни с чем, что бежал сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой — и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Тоуб! — воскликнул Энди Донновэн. — Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю, — прервал его Энди. — Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей, — сказал Энди. — Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорее исправить положение.

— Энди, — заговорил он, — я все продумал. Я напьюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст, — сказал он. — Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так, значит... — произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел, — сказал Энди. — Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой, — снова заговорил Энди. — Пора тебе об этом сказать. Трудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди, — страдальчески проговорил Тобиас, — перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя, — сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее — Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он как робот в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика — мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвилле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику. Будут терпеть пьяницу — вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что, кроме него и Энди, в кладовой есть кто-то еще. Он стремительно повернулся на каблучках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена, — слегка усмехнувшись, сказал Энди. — Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, — предостерег Энди. — Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность Милвилла повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — рассеянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — воскликнул Тобиас. — Да, я был пьяницей, но, по крайней мере, я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Милвилла, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней, — сказал Тобиас. — Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего, — ответил Энди. — Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвилла.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он. — Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже, чем пьяница, — сказал Энди. — Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества.

Они всегда ясно представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, пытаясь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервозности, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, что они свалили дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов, — произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься, — возразил Энди. — Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвилла не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

ВАН ГОГ КОСМОСА

Планета была столь незначительной и находилась в такой космической глуши, что не имела названия, а только кодовое обозначение и номер, которые определяли ее местонахождение. У деревни же название было, но ни один человек при всем старании не мог произнести его правильно.

Перелет с Земли на эту планету стоил немалых денег. Вернее, не «перелет», а обычное полтирование. Однако, чтобы получить информацию, необходимую для уточнения координат этого полтирования, следовало изрядно раскошелиться: та планета находилась настолько далеко от Земли, что компьютеру нужно было произвести расчеты по высшему разряду — с точностью до одной десятимиллионной. В противном случае вы могли материализоваться эдак в миллионе миль от пункта назначения, в неизведанных глубинах космоса; или же, если вы все-таки оказывались неподалеку от намеченной планеты, материализация могла произойти в тысяче миль над ее поверхностью либо, что еще хуже, под поверхностью, на глубине в двести-триста миль. И то и другое было, естественно, крайне неудобно, а вернее — неизбежно приводило к гибели.

Ни у кого во всей Вселенной, за исключением Энсона Лэтропа, не возникало желания посетить эту планету. А Лэтроп должен был побывать на ней, потому что именно там ушел из жизни Рибен Клэй.

Итак, он отвалил солидную пачку купюр за то, чтобы ему помогли постичь нравы и обычаи аборигенов и обучили их языку, и еще мешок банкнот за вычисление параметров своего полтирова-

ния на эту планету, а также обратного — для возвращения отсюда на Землю.

Он появился там около полудня, но материализовался не в самой деревне — для этого было недостаточно даже расчета с точностью до одной десятимиллионной, а, как выяснилось позже, не более чем в двадцати милях от нее и футах в двенадцати над поверхностью планеты.

Он поднялся на ноги, стряхнул с одежды пыль и мысленно поблагодарил свой рюкзак, который уберег его от ушибов при падении.

Поверхность планеты, во всяком случае та ее часть, которая представилась его взору, выглядела довольно-таки уныло. Стоял пасмурный день, и окружавший Лэтропа ландшафт был настолько бесцветным, что трудно было различить границу между линией горизонта и небом. Вокруг него простиралась равнина без единого дерева или холма — только кое-где виднелись чахлые заросли какого-то кустарника.

Он упал неподалеку от тропинки и решил, что ему повезло, поскольку из той информации, которой его напичкали на Земле, следовало, что на этой планете не было никаких дорог, да и протоптанные дорожки попадались весьма редко.

Он подтянул ремни рюкзака, крепче укрепил его и зашагал по этой тропинке. Пройдя около мили, он увидел изъеденный непогодой столб с указательным знаком, и хотя Лэтроп не был до конца уверен, что разобрался в нацарапанных на дощечке символах, из надписи вроде бы следовало, что он идет не в ту сторону. И он повернул назад, надеясь, что правильно понял текст на дорожном знаке.

Уже смеркалось, когда он добрался до деревни — он прошел в полном одиночестве много миль, не встретив ни души, если не считать какого-то странного свирепого на вид животного, которое, словно ошеломленное появлением незнакомца, поднялось на задние лапы и издало резкий свистящий звук.

Да и в самой деревне он увидел немногим больше.

Как Лэтроп представлял, эта деревня более всего напоминала обиталище стаи степных собак — такие поселения этих животных встречаются на его родной планете Земле, в западной части Северной Америки.

На окраине деревни он заметил участки возделанной почвы, на них росли какие-то незнакомые ему растения; на некоторых участках в сгущающихся сумерках копошились маленькие, похожие на гномов фигурки. Когда он окликнул их, они лишь взглянули на него и снова принялись за работу.

Он пошел по единственной в деревне улице, которая была чуть пошире хорошо утоптанной тропы, пытаясь угадать, почему перед лазом в каждую нору, которые тянулись по обе стороны

улицы, возвышались холмики земли, извлеченной в процессе рытья. Все эти холмики выглядели почти одинаково, а лазы в норы практически ничем не отличались друг от друга.

То там, то здесь перед этими норами играли крошечные гномы — Лэтроп предположил, что это дети, а когда приблизился к ним, они быстро юркнули в темные лазы и больше не показывались.

Он прошел всю улицу до конца и остановился. Невдалеке перед ним возвышался холм побольше, на котором стояло нечто вроде грубого обелиска, похожего на обрубок копья, точно указующий перст нацеленного в небо.

Это его несколько удивило, ибо в полученной им на Земле информации не упоминались ни памятники, ни какие бы то ни было культовые сооружения. Однако он сообразил, что в сведениях о такой планете наверняка есть пробелы; не так уж много известно о ней и ее жителях.

Однако почему не допустить, что у этих гномов есть своя религия? На других планетах то и дело прослеживались зачатки верований. В ряде случаев они зарождались на самой планете, а иногда это были пережитки культов, привнесенных извне — с Земли или с каких-нибудь планет других солнечных систем, где некогда процветали могущественные религии.

Он повернулся и зашагал по улице назад. Посреди деревни он остановился. Никто не вышел ему навстречу, и он сел на тропу и стал ждать. Из рюкзака он вытащил пакет с завтраком, поел, напился воды из термоса, который прихватил с Земли, и задумался над тем, почему Рибен Клэй решил провести последние дни своей жизни в таком унылом месте.

Этот вопрос возник у него не потому, что в этой планете он усмотрел какое-то несоответствие с личностью Клэя. Напротив. Все здесь выглядело предельно скромно, а Клэй был человек скромный, замкнутый; когда-то его даже прозвали Ван Гогом Космоса. Он жил больше своей внутренней жизнью, чем жизнью Вселенной. Он не искал ни славы, ни оваций, хотя мог претендовать и на то и на другое. Порой даже казалось, что он бежит от них. Всю свою жизнь он производил впечатление человека, который пытается от всех скрыться. Человека, который от чего-то убегает, или, наоборот, за чем-то гонится, человека ищущего, которому никак не удается завладеть тем, что он пытается найти. Лэтроп покачал головой: трудно определить, кем на самом деле был Клэй — охотником или преследуемой добычей. Если добычей, то чего он боялся, от чего бежал? А если охотником, то за кем гнался, что искал?

Лэтроп услышал какое-то тихое шарканье и, повернув голову, увидел, что по тропе к нему идет одно из гномоподобных существ. Он понял, что это старик. Поседевший волосистой покров

на его теле казался серым, а когда он подошел ближе, Лэтроп разглядел и другие признаки старости: слезящиеся глаза, морщинистую кожу, поникшие кустики бровей, скрюченные пальцы рук.

Существо остановилось перед Лэтропом и заговорило, и тот понял его.

— Да будут зорки ваши глаза, сэр. (Не «сэр», конечно, а самый близкий по смыслу перевод этого слова.)

— Да будет острым ваш слух, — отозвался Лэтроп.

— Крепкого вам сна.

— Приятного вам аппетита, — продолжал Лэтроп.

Когда наконец все добрые пожелания были исчерпаны, гном внимательно оглядел Лэтропа и произнес:

— Вы похожи на того, другого.

— На Клэя, — уточнил Лэтроп.

— Только вы моложе, — сказал гном.

— Моложе, — согласился Лэтроп. — Но ненамного.

— Верно, — вежливо согласился гном, словно желая доставить этим собеседнику удовольствие. — И вы не больной.

— Да, я здоров, — сказал Лэтроп.

— Клэй был больной. Клэй... (Не «умер». Слово скорее переводилось как «прекратился» или «иссяк», но смысл его был ясен.)

— Я знаю. Я пришел, чтобы поговорить о нем.

— Он жил с нами, — произнес гном. — Мы были рядом с ним, когда он... (Умер?)

А давно ли это произошло? Как спросить «давно ли?» Лэтроп вдруг смешался, осознав, что в языке этих гномов не было слов, подходивших по смыслу для обозначения продолжительности отрезка времени. Глаголы в нем, конечно, употреблялись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но не было ни одного слова для измерения протяженности времени или пространства.

— Вы... — (Не было слов, переводимых как «похоронить» и «могила».) — Вы закопали его в землю? — спросил Лэтроп.

Он почувствовал, что этот вопрос привел гнома в ужас.

— Мы... его.

Съели его? — мучительно соображал Лэтроп. На Земле да и на некоторых других планетах жили в древности племена, которые поедали своих усопших, воздавая тем самым покойникам высшую почесть.

Но это не было слово «съели».

Тогда что же они сделали с Клэем? Сожгли? Повесили? Куда-то забросили?

Нет. Ни то, ни другое, ни третье.

— Мы... Клэя, — настойчиво повторил гном. — Он так хотел. Мы любили его. Мы не могли сделать для него меньше, чем он просил.

Лэтроп с благодарностью поклонился.

— Этим вы оказали честь и мне тоже.

Гном вроде бы несколько успокоился.

— Клэй был безвредный, — произнес он.

«Безвредный» — не совсем точный перевод. Быть может, «мягкий». «Не жесткий». Да еще «слегка чокнутый». Естественно, что из-за психологической несовместимости, недопонимания любой пришелец не может не показаться аборигенам «слегка чокнутым».

Словно прочтя его мысли, гном проговорил:

— Мы не понимали его. У него были какие-то вещи, и он называл их «кистекраски». Он делал ими полоски.

Полоски?

Кистекраски? Ну, конечно же, — кисти и краски.

Полоски? И это понятно — ведь местные жители видели все в одном цвете. Для них живопись Клэя, вероятно, была лишь совокупностью «полосок».

— Он их делал здесь, у вас?

— Да. Здесь.

— Интересно! А можно мне взглянуть на эти полоски?

— Можно, — сказал гном. — Пойдемте со мной, и вы их увидите.

Они перешли улицу и приблизились к лазу в одну из пор. Согнувшись, Лэтроп стал спускаться вслед за гномом по узкому туннелю. Когда они прошли футов десять-двенадцать, туннель расширился и они очутились в комнате — некоем подобии вырытой в земле пещеры.

В этой пещере было относительно светло. Но свет был неяркий, слабый — его испускали небольшие кучки какого-то вещества, разложенного по грубой работы глиняным мискам, которые стояли на земле.

Это гнилушки, подумал Лэтроп. Фосфоресцирующее гнилое дерево.

— Вот, — сказал гном.

Картина была прислонена к одной из стен комнаты-пещеры, чужеродное яркое пятно в этом странном месте. Обычную картину при слабом свете, испускаемом гнилушками, рассмотреть было бы трудновато, но эти мазки, оставленные кистью на холсте, казалось, светились сами по себе, и создавалось впечатление, будто этот красочный прямоугольник — окно в какой-то иной мир, находящийся вне сумрака едва освещенной гнилушками пещеры.

Когда Лэтроп взгляделся в вертикально стоящее полотно, ему показалось, почудилось, что свечение красок усилилось и картина постепенно как бы прояснилась и стала видна незаконченность мазков. Да это же не свечение, подумал Лэтроп. Это сияние.

Тут было все — высокое мастерство живописца, искусное сочетание сдержанности и недосказанности, деликатная манера письма и пронзительная яркость цветовой гаммы. И что-то еще — ощущение радости, но не торжествующей, а тихой.

— Он не закончил эту работу, — произнес Лэтроп. — Ему не хватило... (Не было слова, чтобы перевести слово «время».) Он (иссяк?), не успев ее закончить.

— Иссякли его *кистекраски*. Он сидел тут и смотрел на свои полоски.

Так вот в чем причина! Вот почему картина не закончена. У Клэя не осталось красок, а где и как мог он пополнить свой запас? Да и времени на поиски, наверно, уже не было.

И Рибен Клэй сидел в этой пещере и смотрел на свое последнее творение, зная, что больше ничего не напишет, и понимая, что нет никакой надежды закончить это великолепное полотно. Впрочем, сам Клэй, скорее всего, не считал эту картину великолепной. Для него создаваемые им живописные полотна всегда были лишь способом самовыражения. С их помощью он выплескивал наружу то, что таилось в глубине его души и ждало воплощения в произведении искусства, которое увидит Вселенная, — так Клэй общался со своими братьями по духу.

— Отдохните, — сказал гном. — Вы устали.

— Спасибо.

И Лэтроп сел напротив картины на плотно утрамбованный земляной пол, прислонившись спиной к стене.

— Вы его знали? — спросил гном.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Но вы же пришли сюда, чтобы с ним повидаться.

— Я искал того, кто бы мне о нем рассказал.

Каким образом можно объяснить этому гномику, что именно так заинтересовало его в личности Клэя, почему он шел по его следу, когда вся Вселенная уже предала его забвению? Как можно растолковать это таким вот аборигенам, видевшим все в одном цвете и наверняка не имевшим никакого представления о том, что такое живопись. Разве им объяснишь, каким великим художником был Клэй? Разве расскажешь о совершенстве техники его письма, удивительном чувстве цвета, почти сверхъестественной способности к проникновению в суть окружавшего его предметного мира? О способности к познанию истины и воплощению ее в своих живописных произведениях — причем не какого-нибудь одного ее аспекта, а целиком, во всех ее ипостасях, в присущей ей цветовой гамме; о способности передать смысл и настроение изображаемого с такой точностью, что достаточно было взглянуть на его творение, чтобы все понять.

Быть может, поэтому-то я и искал его, подумал Лэтроп. Быть может, поэтому я потратил двадцать земных лет и кучу денег, чтобы побольше узнать о нем. Монография, которую я когда-нибудь напишу, будет лишь слабой попыткой осмыслить цель моих поисков, логическим обоснованием моего труда. Но главные усилия я вложил в поиски истины. Да, это окончательный ответ — я пытался познать ту истину, которая открылась ему и которую он отобразил в своих творениях. Ведь и я некогда тоже к этому стремился.

— Колдовство, — сказал гном, глядя на картину

— В некотором роде, — согласился Лэтроп.

Возможно, именно поэтому они так тепло отнеслись к Клэю, надеясь, что его умение колдовать в какой-то мере распространится и на них, принесет удачу. Но, скорее всего, они не приняли его безоглядно, ибо Клэй не был тем простодушным, духовно однозначным человеком, которого могли бы полюбить такие примитивные существа.

Вероятно, кончилось тем, что они стали относиться к нему, как к своему соплеменнику, быть может, и не помышляя взимать с него плату за жилье и пищу. Не исключено, он немного работал с ними в поле и занимался каким-нибудь несложным ремеслом. Но в сущности Клэй был здесь лишь гостем, ибо ни один инопланетянин не сумел бы приспособиться к такой отсталой экономике и культуре.

Они оказали ему помощь в последние дни его жизни, ухаживали за ним умирающим, а когда он скончался, из уважения к нему воздали его телу какие-то особые почести.

Что же означало то слово? Лэтроп не мог его припомнить. Обучение, которое он прошел на Земле, оставляло желать лучшего: скудный словарный запас, пробелы в информации, то и дело ставившие его в тупик, что естественно, раз уж он оказался на подобной планете.

До него вдруг дошло, что гном ждет, чтобы он объяснил ему суть этого колдовства, причем объяснил лучше, чем сам Клэй. А может, Клэй и не пытался им что-либо объяснить, ибо вполне вероятно, что они его ни о чем не спрашивали.

А гном все ждал, надеясь, что Лэтроп растолкует ему особенность этого колдовства. Ждал молча, ибо не осмеливался спросить его напрямую. Ведь не принято выпрашивать инопланетян, как именно они колдуют.

— Это... (в его бедном словарном запасе не было слова, означавшего «картина»)... это место, которое видел Клэй. Он захотел показать его, оживить, рассказать вам и мне, что он там увидел... Ему хотелось, чтобы мы тоже это увидели.

— Колдовство, — еще раз произнес гном.

Лэтроп отказался от дальнейших объяснений. Это было бесполезно. Ведь для такого аборигена творчество Клэя — не более

чем колдовство. Пусть уж для него это останется колдовством. Колдовством, да и только.

На этом полотне Клэй изобразил долину, по которой в тени стройных, строгих деревьев, почти слышимо журча, протекал ручей, и все это купалось в каком-то необычном свете, но не солнечном, что лился на долину сверху. И нигде ни одного живого существа, что было характерно для творений Клэя, ибо как пейзажист он не писал ни людей, ни каких-либо иных существ инопланетного происхождения.

Счастливым уголком, подумал Лэтроп, но в этом счастье чувствуется какая-то торжественность, далее суровость. Словно он создан для того, чтобы бегать и смеяться, но бегать не слишком быстро, а смеяться вполголоса. Этот пейзаж вызывал какое-то безотчетное благоговение.

— Клэй видел много мест, — сказал Лэтроп гному. — И показал их на... (опять нет слов, чтобы сказать на языке аборигена «холст», «доска» или «полотно»)... на этой равнине. Он побывал на множестве разных планет и постарался своими полосками показать на таких вот равнинах их... (нет слова «настроение»)... как они выглядят.

И снова гном произнес:

— Колдовство. Клэй был могущественным колдуном.

Он прошел к дальней стене комнаты и поворошил в примитивной глиняной печи торфяные брикеты.

— Вы голодный, — сказал он.

— Я недавно поел.

— Вы должны поесть и с нами. Сейчас придут остальные. Уже слишком темно для работы в поле.

— Хорошо, я поем с вами, — согласился Лэтроп, ибо ему следовало разделить с ними трапезу. Для того чтобы его миссия увенчалась успехом, он должен сблизиться с ними. Быть может, не настолько, как Клэй, но, по крайней мере, стать для них менее чужим, чем сейчас. Как бы ни была отвратительна их пища, он обязан отведать ее вместе с ними.

Но может статься, их еда не так уж противна на вкус. Наверняка они питаются кореньями и овощами, ведь у них есть огороды. А возможно, и маринованными или подсоленными насекомыми да еще каким-нибудь возбуждающим, подобно алкоголю, варевом, которое он должен есть (или пить) с некоторой осторожностью.

Так что, хочет он того или нет, он должен делить с ними трапезу и ночлег и относиться к ним столь же дружелюбно и тактично, как и Клэй.

Ведь они могут многое поведать ему, рассказать то, узнать о чем он уже не надеялся: как прожил Рибен Клэй свои последние дни. А вдруг ему еще удастся получить ключ к разгадке тех «по-

терянных лет», которые Клэй провел неведомо где, исчезнув из его поля зрения?

Лэтроп спокойно сидел, вспоминая, как след Клэя оборвался на самом краю Галактики в немногих световых годах от планетки, на которую он только что явился. Год за годом он шел по его следу от звезды к звезде, собирая о нем сведения, беседуя с теми, кого тот встречал на своем пути, пытаясь выяснить, где находятся его живописные полотна. И вдруг этот след оборвался. Клэй покинул одну определенную планету, и никто не знал, куда он оттуда направился. Лэтроп потратил немало времени, чтобы обнаружить хоть намек на то, где мог находиться Клэй, и уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг узнал, что Клэй объявился на этой планете и вскоре умер. Но в полученной им информации Лэтроп нашел веские доказательства того, что Клэй прибыл сюда вовсе не с той планеты, где оборвался его след, а провел несколько лет в каком-то другом месте. Так что в его жизнеописании, которому посвятил себя Лэтроп, все еще оставался пробел — пробел из «потерянных лет», а сколько их было, этих лет, определить он не мог.

Кто знает, ведь не исключено, что именно здесь ему удастся найти ключ к разгадке того, где провел Клэй эти годы.

Однако, подумал Лэтроп, это будет лишь конец нити, которая, возможно, приведет меня к разгадке. Не более. На точные сведения рассчитывать не приходится, ибо эти крошечные существа не имеют представления о том, что такое время и пространство.

Скорее всего, разгадка тайны кроется в самом живописном полотне, стоящем в этой пещере. Вполне вероятно, что на нем изображен уголок никому не ведомой планеты, которую посетил Клэй перед тем, как отправиться сюда умирать. Но если это так, решил Лэтроп, тогда плохи дела — ведь можно потратить три жизни, а то и больше, прочесывая планету за планетой в тщетной надежде найти и узнать место, которое Клэй изобразил на этом холсте.

Он наблюдал, как гном бесшумно возится у плиты: единственным звуком, который улавливал его слух, было завывание ветра в трубе и у входа в туннель, что привел их в эту пещеру. Ветер, торфянистая, поросшая какой-то невысокой травой равнина да скученные в деревушке землянки — вот и все, что здесь есть, на самом краю Галактики, на ободке огромного колеса из множества солнц. А что, собственно, мы знаем, подумал он, об этом шарике материи, точно заброшенном в глубины космоса могучей рукой какого-то игрока в гольф? Мы не знаем, когда он зародился, для чего существует и когда перестал существовать. Мы подобны слепцам, которые ищут во мраке нечто реально осязаемое, и то немногое, что нам удастся отыскать, мы познаем не лучше, чем слепой — вещи в своей

комнате, определяя свойства предметов на ощупь. Ибо в сущности мы так же слепы, как он, — мы все, все наделенные разумом существа, населяющие Галактику. И несмотря на свою вводящую в заблуждение слепоту, мы самонадеянные выскочки, ибо прежде чем попытаться проникнуть в тайны Галактики, нам следует познать самих себя.

Мы ведь еще не разобрались в себе, даже приблизительно не представляем, для чего существуем. Мы придумывали всякие теории, чтобы объяснить смысл своего бытия — теории материалистические, используя при этом чисто логические выкладки, которые были отнюдь не так уж часты. И мы лгали себе — пожалуй, это главное, в чем мы преуспели. Мы смеялись над тем, чего не понимали, подменяя этим смехом знания, пользуясь им, как щитом, чтобы прикрыть свое невежество, пользуясь им, как наркотиком, чтобы заглушить в себе чувство страха. Некогда мы искали утешения в мистицизме, отчаянно сражаясь против каких бы то ни было его объяснений, ибо мистицизм давал нам утешение, пока оставался мистицизмом, то есть чем-то необъяснимым. Было время, когда мы уверовали в Бога и боролись за то, чтобы наша вера не подкрепилась вескими доказательствами, ибо в нашем искаженном мышлении укоренилось представление, будто вера куда сильнее, чем реально существующие факты.

А разве стали мы лучше, размышлял Лэтроп, изгнав из сознания веру и мистицизм, поспешив рассовать по тайникам древние верования и религии под приглушенный смех Галактики, которая верит в логику и все надежды возлагает лишь на реальность предметного мира. Мы ведь только на шаг, думал он, не более чем на шаг приблизились к истинной логике и познанию объективной реальности, возведя в культ поклонение этому фетишу. Быть может, в далеком будущем наступит день, когда мы познаем иную реальность, сохраним к ней логический подход и вновь обретем душевный покой, который утратили, когда потеряли веру в божественное начало.

Гном принялся за приготовление еды, и от его стряпни в пещере распространился приятный запах. Почти земной. Быть может, это блюдо окажется не таким уж противным на вкус, чего поначалу боялся Лэтроп.

— Вы такой, как Клэй? — спросил гном.

— Стараюсь быть таким же — он мне очень нравился.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Вы делаете то же, что и он? Такие же полоски?

Лэтроп отрицательно покачал головой:

— Сейчас я ничего не делаю. Я... (как сказать на их языке, что он ушел от дел?)... я закончил свою работу и теперь играю в одну игру. (Он сказал «играю» и «игру» за неимением других слов.)

— Играете?

— Я больше не работаю. Делаю, что хочу. Вот сейчас мне хочется узнать, как жил Клэй, и я... (нет слова «писать»)... я рассказываю о его жизни полосками, но не такими, какие делал он. Совсем, совсем другими.

Садясь на пол, Лэтроп поставил рядом свой рюкзак. Теперь он поднял его себе на колени, открыл и вынул из него блокнот и карандаш.

— Я делаю вот такие полоски, — сказал он.

Гном подошел к нему и стал рядом.

Лэтроп написал на листке блокнота:

Я был ученым-футурологом. С помощью логики, на основе фактического материала я пытался заглянуть в будущее человечества. Я искал истину.

— Вот такие полоски, — произнес он. — Я их сделал очень много, чтобы рассказать о жизни Клэя.

— Колдовство, — снова сказал гном.

В этом блокноте было записано все, что он узнал о Клэе. Все, кроме того, где и как он провел эти таинственные «потерянные годы». Страницы, заполненные информацией, которую нужно было систематизировать и облечь в форму связного повествования. Заметки, рассказывающие о странной жизни странного человека, который путешествовал в космосе от звезды к звезде, изображая на своих полотнах одну планету за другой и разбрасывая эти пейзажи по всей Галактике. Человека, скитавшегося словно бы в поисках чего-то иного, чем ландшафты, которые возникали перед его взором на этих планетах, чего-то нового, что он мечтал написать. Точно эти его пейзажи были всего лишь данью преходящему капризу, не более чем причудой и удобным способом заработать деньги, которые нужны были ему на пропитание и для того, чтобы оплатить очередное полтирование. За эти деньги он посещал по желанию любые солнечные системы. Он никогда не оставлял себе свои картины, продавая их все до единой, а иногда просто бросал их, перемещаясь на другую планету.

Но это не потому, что его пейзажи были плохи. Они были изумительны. Они с почетом экспонировались в картинных галереях (или помещениях сходного назначения) на многих планетах.

Клэй нигде надолго не задерживался. Он всегда спешил. Словно какая-то определенная цель, некий замысел гнали его от одной звезды к другой.

И его метание, его погоня за чем-то неведомым в результате привели к тому, что он кончил свои дни в этой пещере, годившейся лишь на то, чтобы укрыться в ней от ветра и дождя.

— А для чего? — спросил гном. — Для чего нужно делать полоски о жизни Клэя?

— Для чего? — переспросил Лэтроп. — Для чего это нужно? (И мысленно добавил: «Сам не знаю!»)

Но ответ на то, почему Клэй так стремительно перемещался с планеты на планету и почему он, Лэтроп, мчался по его следам, возможно, где-то совсем близко, стоит только протянуть руку. Наконец после долгих поисков он, возможно, получит ответ именно здесь.

Для чего вы делаете эти полоски?

А что на это ответить?

Что ответил на такой вопрос сам Клэй? Они же наверняка и его спрашивали об этом. Не о том, как он их делает, ибо если речь идет о колдовстве, подобный вопрос задавать не положено. Но для чего — об этом спросить можно. Не о таинстве самого колдовства, а о цели, которую преследует своими действиями колдун.

— Для того, чтобы мы узнали, — произнес Лэтроп, подбирая слова, — чтобы все мы — и вы, и я, и жители других планет — узнали, каким существом (человеком?) был Клэй.

— Он был... (добрый?). Он был нам близок. Мы любили его. Это все, что нам нужно знать о нем.

— Все, что нужно знать вам, — возразил Лэтроп. — Но этого недостаточно для других.

Хотя, вероятно, немногие прочтут его монографию, когда она будет написана. Жалкая горстка мыслящих существ потратит на это время, если вообще захочет ее читать.

Теперь наконец я понял то, подумал он, что знал всегда, но не хотел признавать это даже в глубине души: я собираю материал о Клэе не для других, а для себя. И делаю это не потому, чтобы заполнить свободное время, отработав свое и уйдя от дел, а по какой-то более важной причине, испытывая неодолимую тягу в такой деятельности. Из-за некоего еще не известного фактора, а может быть, желания (которого у меня прежде не было) удовлетворить эту пока не осознанную много потребностью. Чтобы достичь цели, смысл которой поразит меня, если я когда-либо вникну в него.

Гном вернулся к печи и снова взялся за свою стряпню, а Лэтроп продолжал сидеть на земляном полу, прислонившись спиной к стене пещеры. Теперь только он почувствовал, насколько устал. У него сегодня был трудный день. Само по себе полтирование не требовало особых усилий, его процесс субъективно казался легким, однако человека он выматывал. Вдобавок, чтобы добраться до этой деревни, Лэтроп прошел пешком миль двадцать.

Полтирование могло бы быть легким, но таковым не было, поскольку работа над усовершенствованием его процесса некогда была приостановлена из-за каких-то ошибочных представлений, а избавились от них только тогда, когда удалось покончить с

некоторыми суевериями и надуманными предубеждениями, которыми человек прикрывал свое невежество. Так уж повелось — если люди не понимали сути какого-либо явления, они относили его к категории суеверий и не пытались объяснить с научной точки зрения. Род человеческий мог с легкостью пренебречь такой глупостью, как суеверие, но не мог, не чувствуя за собой вины, отмахнуться от очевидных фактов.

Из туннеля донеслось шарканье, и в пещеру вошли четыре гнома. Они несли грубо сделанные орудия для полевых работ, которые прислонили к стене, а сами выстроились в ряд и молча уставились на сидевшего на полу человека.

Старый гном произнес:

— Это еще один, такой, как Клэй. Он будет жить с нами.

Все четверо подошли к Лэтропу и стали полукругом, обратив к нему лица. Один из них спросил стоявшего у плиты гнома:

— Он проживет с нами и... (умрет?)

— Этот, кажется, пока не... (умирает?), — возразил другой.

Похоже, они заранее предвкушали его смерть.

— Я не собираюсь здесь умирать, — поежившись заявил Лэтроп.

— Мы бы тогда... вас, — произнес еще один из четверки, повторив то слово, которое обозначало, что они сделали с Клэем, когда тот скончался, причем таким заносчивым тоном, словно предлагал человеку взятку за то, чтобы он остался с ними и умер.

— Но, может, он не захочет, — предположил другой гном. — Клэй сам сказал, чтобы мы так сделали. А этот может не захотеть.

От слов, произнесенных гномами, от их выжидающих взглядов в пещере повеяло ужасом, и у Лэтропа побежали по спине мурашки.

Старый гном прошел в дальний угол пещеры и взял там какой-то мешок. Вернувшись, он поставил этот мешок перед Лэтропом и потянул за шнур, которым была затянута горловина. Остальные с благоговением наблюдали за его действиями. Было ясно, что для них это — событие огромной важности. И если бы можно было вообразить почти невероятное — что эти приземистые неуклюжие существа способны торжественно приосаниться, то сейчас они выглядели так, будто всецело прониклись величием происходящего на их глазах действия.

Старый гном наконец распутал шнурок, перевернул мешок и, схватив его за основание, вывалил содержимое на земляной пол. В образовавшейся куче Лэтроп разглядел кисти, множество пустых тюбиков от масляных красок (почти из всех краска была полностью выдавлена), потрепанный бумажник и еще ка-

кой-то предмет. Старый гном поднял его с пола и протянул землянину.

Лэтроп взял его в руку, внимательно осмотрел и вдруг понял, что они сделали с Клэем, понял, ни на миг не усомнившись в том, что за великие последние почести ему отдали гномы, когда он скончался.

В горле у Лэтропа что-то заклокотало, но не хохот над забавным открытием, ибо в этом не было ничего смешного. Он хохотал над превратным восприятием ценностей, над противоречием концепций, над головоломкой, которую преподнесли ему гномы, решив воздать Клэю именно такие последние почести. И еще над своим внезапным прозрением.

Сейчас он даже мог себе мысленно все представить: как они день за днем носили землю, чтобы насыпать холм, который он видел сегодня в поле за деревней; трудились в поте лица, зная, что их друг, неизвестно откуда прибывший к ним, вот-вот умрет; как они обошли всю планету в поисках дерева — ведь на ней в основном рос чахлый кустарник — и в конце концов нашли его и принесли сюда на своих согбенных спинах, ибо не ведали, что такое колесо; как они маялись, когда деревянными гвоздями соединяли куски дерева, старательно проколував для этих гвоздей отверстия, поскольку не были знакомы с плотницким ремеслом.

И все это они делали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими на это время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, что они совершили с такой любовью.

Он взглянул на распятие и, казалось, наконец понял, в чем заключались странность личности Клэя и причина его бесконечных поисков, безумных лихорадочных метаний из одной солнечной системы в другую; отчасти это даже объясняло, откуда взялся его блестящий талант с такой ясностью выражать истину, едва проглядывавшую сквозь многие другие, о которых повествовала его кисть.

Ибо Клэй наверняка был одним из немногих, доживших до этого времени членов благородной древней секты землян; одним из тех представителей рода человеческого, ныне логически мыслящего и изучающего лишь доступные чувственному восприятию явления окружающего его мира, одним из тех, кто некогда был привержен мистицизму и вере. Впрочем, видно, Клэю одной веры было недостаточно так же, как духовные потребности его, Энсона Лэтропа, порой не удовлетворяла реальность предметного мира. И тем не менее ему и в голову не приходило, что порывы Клэя объяснить настолько просто — ведь все защищают свою веру от издевательских ухмылок вселенской Логики.

А, скорее всего, ни вера, ни реальность не могут существовать порознь; должно быть, они взаимосвязаны и воздействуют друг на друга.

Впрочем, сказал себе Лэтроп, мне лично вера не нужна. Работая, я долгие годы изучал факты и объяснял их суть, исходя из законов логики, — это все, что человеку нужно. Если у него возникает иная потребность, то ее стимулирует какой-то другой, пока еще не изученный фактор. У нас нет нужды возвращаться к вере.

Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам и вы получите нечто полезное для жизни. Подобно тому, как давным-давно Человек, очистив от насмешек такое явление, как полтергейст, открыл механизм и принцип полтирования и стал перемещаться из одной солнечной системы в другую с той же легкостью, как в древности, гуляя по улице, доходил до полюбившегося ему бара.

Однако Клэй, несомненно, относился к этому иначе: приемля лишь то, что реально существует, он не мог бы писать такие поразительные пейзажи, если б свет, который согревал его душу, не исходил от веры и он во имя веры всецело не посвятил себя творчеству. Вот почему его картины так зачаровывали.

И именно вера побудила его в поисках неведомо чего скитаться по всем планетам Галактики.

Лэтроп взглянул на картину и увидел, сколько в ней благородной простоты, нежности, счастья и как ощутимо прекрасен заливавший пейзаж свет.

Именно такой свет, думал Лэтроп, правда, выписанный не столь совершенно, я видел на иллюстрациях старинных книг, которые изучал, проходя на Земле курс сравнительного анализа древних религий. Он вспомнил преподавателя, посвятившего несколько учебных часов толкованию символики света.

Он выронил из руки распятие и поднял с пола три-четыре пустых тюбика из-под краски.

Клэй не завершил работу над этой картиной, сказал при встрече Лэтропу гном, потому что у него кончились краски. И верно, тюбики были плоскими и сплюснутыми до самых крышечек — можно было даже разглядеть отпечатки пальцев, которые выдавливали из них последние драгоценные капли.

Он метался по Галактике, подумал Лэтроп, но я его все-таки догнал.

Даже после того как он умер, я нашел его, внюхиваясь, точно ищейка, в остывающий след, который он оставил меж звезд. И я шел по этому следу, ибо я любил его — не человека по имени Клэй (я ведь не знал — да и откуда мне было знать? — каким он был человеком), — я следовал за ним потому, что почувствовал в его произведениях то, на что не обратили внимания искусствоведы. То, что нашло

отклик в моей душе. Быть может, во мне пробудилась та самая древняя, ныне утраченная вера. Простая, наивная вера, еще в незапамятные времена задушенная элементарной логикой.

Но теперь-то я понял Клэя, сказал себе Лэтроп. Понял с помощью миниатюрного распятия, символики его последнего произведения и грубой реальности холма, что высится на этой нищей планете в поле за деревней.

И он понял, почему Клэй выбрал такую нищую, убогую планету.

Потому что в этой нищете, как в самой вере, есть смирение, которым никогда не отличалась логика.

Лэтроп мог с закрытыми глазами все представить себе, как наяву: и мрачные облака в пасмурном небе, и унылую пустошь, и торфянистую равнину без конца и без края, и белую фигуру на кресте, и толпу низкорослых существ у подножия холма, на века отмеченных действием, смысл которого они не понимали, но которое вершилось благодаря их необычайно доброму отношению к тому, чья вера растрогала их сердца.

— Клэй когда-нибудь говорил вам, где он побывал перед тем, как появился здесь? — спросил гномов Лэтроп. — Откуда он пришел сюда?

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, не говорил, — ответили они.

Он был там, подумал Лэтроп, где растут такие деревья, которые он изобразил на этом полотне. Там, где все преисполнено покоем, нежностью и чувством собственного достоинства. И где светло.

Человек очистил от шелухи суеверий такое явление, как полтергейст, и обнаружил под ней рациональное зерно — принцип полтирования. То же самое Человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими парапсихологическими явлениями, но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под ней это самое рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности. Какой же она представлялась тем, кто верил в Бога, таким разным по своей психологической структуре да еще говорившим на разных языках? Счастливая загробная жизнь, рай, ад, небеса, дарованное немногим свыше блаженство? Что из всего порождено фантазией верующих, а что, быть может, существует в действительности? Этого не знает ни одно мыслящее существо, если только оно не живет одной только верой, а сейчас никто, за немногим исключением, так не живет.

А не может ли оказаться, что на последнем столь значительном пути, по которому течет жизнь Галактики и где она набирается знаний, есть какой-то другой принцип, более важный, чем объективная реальность и вера, — принцип, пока еще никем не

познанный, и осмыслят его лишь спустя тысячелетия. Не наткнулся ли Клэй, чей интеллект намного опередил свое время, а разум не подчинялся всеобщему процессу эволюции, на этот принцип, и кто, благодаря такой личностной особенности, получил о нем некоторое представление?

Вера потерпела поражение, ослепленная сиянием своей славы. А может, и объективно существующий предметный мир погубят резкие лучи испускаемого им света?

И разве человек, используя куда более мощное орудие — свою пронизательность, отказавшись как от веры, так и от исследования объективно существующих явлений, — разве не может он, обойдясь без поисков, найти искомое и с успехом достичь конечной цели, к которой сознательно или бессознательно стремится все живое с той поры, как у обитателей мириад планет Галактики появились первые проблески разума?

Лэтроп нашел тюбик из-под белой масляной краски, отвинтил крышечку и выдавил капельку белой субстанции. Зажав тюбик в одной руке, другой он поднял с пола кисть и бережно перенес на нее эту драгоценную каплю.

Он отбросил в сторону пустой тюбик, подошел к стоящей у стены картине, присел на корточки и в полумраке слабо освещенной пещеры стал пристально вглядываться в нее, стараясь найти точку, откуда льется на пейзаж этот удивительный свет.

Он обнаружил ее в левом верхнем углу картины, над горизонтом, хотя не был до конца уверен, что она находится именно там.

Лэтроп протянул к этому месту руку с кистью, но сразу же отвел ее.

Да, должно быть, свет льется отсюда. Человек, видно, стоял под этими могучими деревьями, обернувшись, лицом к его источнику.

А теперь действуй осторожно, говорил он себе. Очень, очень осторожно, ибо это не более чем символ. Лишь намек на цветное пятно. Один вертикальный штрих и другой покороче, горизонтальный, под прямым углом к первому, ближе к его верхнему концу.

Он держал кисть неловко, как человек, впервые взявший ее в руку.

Кисть коснулась холста, но он вновь отвел ее в сторону.

Что за глупость, подумал Лэтроп. С ума я схожу, что ли? У него ничего не получалось. Он не умел писать маслом, но знал, что даже легчайшее прикосновение кисти к холсту может оставить грубый неверный след, который все осквернит.

Кисть выпала из его разжавшихся пальцев и покатилась по полу.

«Я попытался», — мысленно сказал он Клэю.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

1

Полученное письмо словно громом поразило Эмби Уилсона, и он вдруг услышал, как рушится вся его жизнь. Письмо было официальное, его имя и звание выделялись — они были, по-видимому, отпечатаны на свежей машинописной ленте. В письме говорилось следующее:

Доктору Амброузу Уилсону
Исторический факультет

С сожалением должен уведомить Вас, что Совет попечителей, собравшись сегодня утром, принял решение по окончании семестра закрыть Университет. Это решение вызвано отсутствием средств и катастрофическим сокращением числа студентов. Вы, разумеется, уже осведомлены о сложившейся ситуации, однако...

Письмо на этом не заканчивалось, но Эмби не стал читать дальше. Он заранее знал, какой набор банальностей содержит оно, и ничего нового не ждал.

Рано или поздно это должно было случиться.

Чудовищные трудности давно донимали попечителей. Университет был практически пуст. А ведь когда-то тут звенела жизнь и пульсировали знания. Теперь он превратился в университет-призрак.

Впрочем, и сам город стал призраком.

«А я сам — разве я не стал призраком?» — подумал Эмби.

И он признался себе — признался в том, о чем и мысли бы не допустил день или даже час назад: вот уже тридцать лет, а то и больше жил он в призрачном, нереальном мире, всеми силами цепляясь за единственно известный ему старый, смутный образ жизни. И чтобы ощущать хоть какую-то почву под ногами, он лишь изредка позволял себе думать о том мире, который простирался за стенами города.

И на то были веские причины, подумал он, веские и основательные. Все, что находилось за городской чертой, не имело никакого отношения к его собственному, здешнему миру. Кочевой народец — абсолютно чуждые ему люди со своей некультурой, культурой упадка — наполовину из провинциализмов, наполовину из старых народных поверий.

В такой культуре нет места такому человеку, как я, думал он. Здесь, в университете, я поддерживал слабый огонек старых знаний и старых традиций; теперь свет погас, отныне старые знания и старые традиции канут в Лету

Как историк он не мог согласиться с подобным отношением к этим ценностям: история — истина и поиски истины. Скрывать, приукрашивать или пренебрегать каким бы то ни было событием — пусть даже самым отвратительным — не дело историка.

И вот теперь сама история взяла его в плен и поставила перед выбором: либо идти и оказаться лицом к лицу с *тем* миром, либо остаться, спрятаться от него. Третьего не дано.

Эмби брезгливо, словно какое-то мертвое существо, приподнял двумя пальцами письмо и долго смотрел сквозь него на солнце. Затем осторожно бросил его в корзинку. Потом, взяв старую фетровую шляпу, напялил ее на голову.

2

Подходя к дому, он увидел на ступеньках своего крыльца какое-то пугало. Заметив приближающегося доктора, пугало подобрало конечности и встало.

— Привет, док, — произнесло оно.

— Добрый вечер, Джейк, — поздоровался Эмби.

— Я совсем уж было собрался на рыбалку, — сообщил Джейк.

Эмби не спеша опустился на ступеньку и покачал головой:

— Только не сегодня, не до этого мне. Университет закрыли.

Джейк сел рядом с ним и уставился в пустоту по ту сторону улицы.

— Мне кажется, док, для вас это не такая уж большая неожиданность.

— Я ждал этого, — согласился Эмби. — Кроме отпрысков пузырей, занятий никто уже не посещает. Все новые ходят в свои университеты, если, конечно, то, куда они ходят, можно так назвать. Сказать по правде, Джейк, представить себе не могу, что за знания могут дать им эти школы.

— Но вы хоть обеспечены, насколько мне известно, — сказал Джейк успокаивающе. — Все эти годы вы работали и, наверно, смогли кое-что отложить. А вот мы всегда перебивались с хлеба на воду, и так оно, видать, и дальше будет.

— Да не так уж много у меня денег, — сказал Эмби, — но в общем-то не пропаду как-нибудь. Не так уж долго осталось — ведь мне почти семьдесят.

— Было время, когда мужчина в шестьдесят пять лет по закону мог выйти на пенсию, — сказал Джейк. Но эти новые расправились с законами, как и со всем прочим, правда.

Он поднял с земли коротенькую сухую веточку и стал рассеянно ковырять ею в траве.

— Всю жизнь я мечтал — вот скоплю деньжонок и куплю себе трейлер. Без трейлера нынче делать нечего. Теперь, когда времена изменились, без него никуда. Помню, когда я был еще маленький, всякий, у кого был свой дом, мог спокойно доживать свои дни. А ноне и дом не в цене. Ноне нужен трейлер.

Он с трудом распрямил конечности, встал — ветер развевал его лохмотья, посмотрел на продолжавшего сидеть Эмби.

— Как насчет рыбалки, док? Может, передумали?

— Я чувствую себя совсем разбитым, — ответил Эмби.

— Теперь, раз вы не работаете, — сказал Джейк, — у нас с вами будет куча времени, поохотимся. В округе полно белок, и крольчата скоро подрастут до нужных кондиций. А осенью нас должны порадовать и еноты. Теперь, раз уж вы больше не работаете, я буду делиться с вами шкурками...

— Стоит ли делить шкуру неубитого медведя? — заметил Эмби.

Джейк засунул большие пальцы рук за пояс и сплюнул на землю.

— Можно будет и по лесам побродить — не все ли равно, как убить время? Кто привык быть мужиком в доме, украдет, а денег зарежет. Правда, теперь уж не резон рыскать по брошенным домам в поисках добычи, только время зря потратишь. Кругом все порушено и рушится дальше, так что не знаешь, где какая ловушка тебя поджидает, стоит войти в дом. Разве угадаешь, что там рухнет на тебя, а то, глядишь, — и пол из-под ног уйдет. — Он поправил подтяжки. — Помните, как мы с вами нашли коробку, полную всяких драгоценностей?

Эмби кивнул:

— Помню. Вам их почти хватило бы на трейлер.

— Правда ведь? Хуже не придумаешь, чем пустить на ветер порядочную таки сумму. Купил я тогда ружье, патроны к нему, кое-какую одежонку для домашних — видит Бог, как мы в ней тогда нуждались! — и кучу жратвы. Я и опомниться не успел, как у меня осталось с гулькин нос, нечего было и думать о трейлере. Прежде, бывало, можно было купить в кредит. Всего и заплатил бы каких-нибудь десять процентов. Теперь об этом и думать нечего. Не осталось даже банков. И контор, где давали займы. Помните, док, сколько их в городе было?

— Все изменилось, — сказал Эмби. — Когда я оглядываюсь назад, все мне кажется неправдоподобным.

И тем не менее все так и было.

Прекратили свое существование города; фермы превратились в корпорации, а люди больше не жили в своих домах — в них оставались жить только пузыри и бродяги.

И такие, как я, подумал Эмби.

3

Это была сумасшедшая идея — по всей видимости, свидетельство старческого слабоумия. Человек в шестьдесят восемь лет, профессор с устоявшимися привычками, не пустился бы в

столь дикую авантюру, даже если бы весь мир рушился у него под ногами.

Он пытался не думать об этом, но не мог справиться с собой. Пока он готовил себе ужин, ел, мыл посуду, мысль об этом не покидала его.

Покончив с посудой, он взял кухонную лампу и направился в гостиную. Лампу он поставил на стол рядом с другой лампой, зажег и ее. Когда человеку для чтения нужны две лампы, подумал он, это значит, что со зрением у него дела плохи. Но, с другой стороны, керосиновые лампы дают слабый свет, не то что электрические.

Он достал с полки книгу и принялся за чтение, но не мог читать, не мог сосредоточиться. В конце концов он оставил это занятие.

Взяв одну из ламп, он подошел с ней к камину и поднял так, чтобы свет падал на висевший над ним портрет. А пока поднимал лампу, загадал, улыбнется ли она ему сегодня; он был почти уверен, что улыбнется, потому что всегда, когда он так нуждался в ее улыбке, она с готовностью нежно улыбалась ему.

И все же полной уверенности не было, но вот он увидел — улыбается, и остался стоять, вглядываясь в ее лицо, улыбку.

В последнее время он довольно часто разговаривал с ней, потому что помнил, с каким вниманием она всегда выслушивала его, рассказывал ли он о своих неприятностях или о победах, хотя, по правде говоря, побед у него было не так уж много.

Но сегодня он не мог говорить — она бы его не поняла. Мир, в котором он жил после ее ухода, перевернулся вверх тормашками, ей никогда не понять этого. Если он станет рассказывать ей о нем, она расстроится, встревожится, а он не мог, не смел допустить ничего подобного.

Ты думаешь, сказал он себе с укором, что самое лучшее — все оставить без перемен. Тебе есть где спрятаться. Есть возможность провести остаток дней своих в тепле и безопасности. И он точно знал, что именно такое решение его больше всего устроило бы.

Но занудный голос в мозгу настаивал: ты потерял свою работу и не жалеешь об этом. Ты закрыл на это глаза. Ты потерпел поражение, потому что смотрел только назад. Настоящий историк не вправе жить только прошлым. Он должен пользоваться знанием о прошлом для понимания настоящего; и он должен одинаково хорошо знать и прошлое, и настоящее, чтобы видеть, в каком направлении идет развитие, куда устремляется будущее.

Но я вовсе не хочу знать будущее, противился упрямый доктор Амброуз Уилсон.

Но занудливый голос настаивал: единственное, что достойно познания, это будущее.

Он молча стоял, держа лампу над головой и пристально вглядываясь в портрет, будто в ожидании, что она заговорит или подаст какой-нибудь знак.

Никаких знаков не последовало. Да и не могло их быть, он знал. В конце концов, это был всего лишь портрет женщины, умершей тридцать лет назад. Неразрывная близость, давнишние, горькие воспоминания, улыбка на губах — все это было в его сердце и памяти, а не на куске холста, на который умная кисть нанесла мазки, сохранившие на долгие годы блистательную иллюзию любимого лица.

Он опустил лампу и вернулся в свое кресло.

Как много нужно сказать, и некому, хотя, если, как к старому другу, обратиться к дому, он, может, и выслушает. Он был другом, подумал он. В нем стало одиноко только тогда, когда ушла она, но вне его стен станет еще более одиноко, потому что дом был частью ее.

Ему было спокойно в этом старомодном доме, покойно в этом покинутом людьми городе с его пустыми жилищами, одичавшем городе, где бегали белки и кролики, городе многоцветном и полном ароматов — ведь наступило время цветения одичавших лилий и уцелевших нарциссов, городе, полном бродяг, что предавались своим забавам в кустах на многочисленных лужайках и охотились в полуразрушенных строениях за остатками имущества, годного на продажу.

Сомнительные теории, думал он, согласно которым культуру можно создать, это просто рабское следование привычкам, характерное для любого общества.

Впервые распад культуры начался лет сорок назад. Нельзя сказать, что он произошел одномоментно, обвально. Рухнуло не все сразу, но согласно историческим меркам это не было постепенным процессом, скорее, это был внезапный скачок.

Барабанным боем прогрехотал по земле страх; насколько он помнил, это произошло в Год Кризиса, и каждый человек тогда ложился в постель, напряженно прислушиваясь, не летит ли бомба, хотя отлично понимал, что, как ни прислушивайся, все равно не услышишь ее приближения.

Страх — вот что послужило началом всего этого, думал он. А когда и каким будет конец?

Скорчившись сидел он в своем кресле, старик, затерявшийся между прошлым и будущим, и ежился от мысли о темном вандализме, господствовавшем там, за пределами его города.

4

— Что за красавец, док! — восклицал Джейк и опять шел осматривать его со всех сторон. — Право же, сэр, — похлопывая металлический бок, повторял он, — подлинный красавец! Не думаю, чтобы я когда-нибудь видел что-либо красивее это-

го трейлера, клянусь Богом! А сколько я перевидал их на своем веку!

— Теперь мы можем всласть попутешествовать на нем, — согласился Эмби. — Единственное, чего нам будет не доставать, это хороших дорог. Полагаю, они теперь совсем не такие, какими были раньше. Эти новые урезали дорожные налоги, и теперь у правительства не хватает денег на то, чтобы прилично содержать их.

— Приспособимся скоро, — доверительно сказал Джейк. — Нужно только глядеть по сторонам. И вскорости мы найдем стан, где нас примут. Готов поклясться, нам непременно попадетя такой, в котором мы сгодимся.

Он обошел трейлер и стер пыль с его полированного бока рукавом своей драной рубахи.

— Док, с тех пор как вы сказали нам, мы глаз не могли сомкнуть. Мерт, так она просто поверить не может и все спрашивает меня: «И чего это док решил взять нас с собой? Мы же ему никакие не близкие, всего только соседи».

— Староват я путешествовать в одиночку, — сказал Эмби. — Мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом, помогал вести машину, да и во всех прочих делах. А вы все это время только о том и мечтали, как бы отсюда выбраться.

— Что правда, то правда, — согласился Джейк. — Лучше не скажешь, док. Я так этого хотел, что ощущал прямо на вкус, и, смотрю я, всем нам того же хочется. Вы только взгляните, как идут дела в доме, как все пакуется, что не надо — выбрасывается. Мерт прямо вне себя. Док, говорю вам, не суйтесь в дом, пока Мерт не успокоится хоть немного.

— Да мне и самому нужно было бы кое-что упаковать, — сказал Эмби. — Не очень много, я ведь почти все оставляю.

Но он не сдвинулся с места — не хотелось ему смотреть на все это.

Покинуть свой дом тяжело, хотя уже сама мысль об этом устарела: нет больше домов. «Дом» — слово из прошлой эры. «Дом» — ностальгическое слово-рудимент для стариков вроде него, чтобы они пережевывали его в своих туманных воспоминаниях; это символ застойной культуры, которая сгинула во имя выживания Человека. Остаться, пустить корни и быть погребенным под ворохом барахла — не только физического, но и интеллектуального, традиционного, значило умереть. Вечное передвижение и неустойчивость, путешествия натошак, на голодном пайке, отсутствие лишней обузы — вот цена свободы и жизни.

Круг замкнулся, подумал Эмби. Мы вернулись на круги своя. От кочевой жизни — к городу и теперь опять — к кочевьям.

Джейк подошел и сел рядом.

— Скажите, док, скажите честно: зачем вы это делаете? Я-то, конечно, рад, иначе бы мне ни в жизнь не вырваться из этой крысиной норы. Но моя башка никак не может взять в толк, вы-то какого черта сматываете удочки? Не такой уж вы молодой, док, да и...

— Понятно, — сказал Эмби, — но, может, как раз в этом причина. Не так много осталось мне жить, и за оставшееся время я хочу сделать как можно больше.

— Вам хорошо живется, док, вам ничто в мире не грозит. Теперь, когда вы в отпуске, вы ж на все можете плевать и наслаждаться за милую душу.

— Мне нужно разобраться.

— Разобраться в чем?

— Не знаю, может, просто в том, что происходит. Они тихо сидели, поглядывая на трейлер во всем его блестящем великолепии. Издалека слышалось позвякивание кастрюль и банок. Мерт продолжала упаковывать вещи.

5

В первый вечер они остановились у покинутого становища, расположенного через дорогу от бездействующей фабрики.

Стан занимал большое пространство и казался покинутым совсем недавно — трейлеры укатили всего день или два назад. Оставались еще свежие следы от колес на пыльной дороге, обрывки бумаги шевелил ветер, на земле под водопроводными кранами темнели мокрые пятна.

Джейк и Эмби присели в тени трейлера и смотрели на безмолвные корпуса через дорогу.

— Чудно, — сказал Джейк, — и почему фабрика не работает? Судя по всему, она выпускает продукты питания. Вроде даже — завтраки. А может, елки зеленые, ее закрыли, потому что нет рынка сбыта?

— Может быть, — отозвался Эмби. — Впрочем, рынок для хлебных продуктов должен оставаться, ну хоть какой-то, чтобы поддерживать работу фабрики, пусть не на полную мощь.

— А не было ли тут каких-нибудь беспорядков?

— Не похоже, — сказал Эмби. — Такое впечатление — просто поднялись и поехали.

— А вон на холме большой дом. Вон, смотрите, там, наверху.

— Да, вижу, — сказал Эмби

— Не *пузырь* ли там живет?

— Вполне вероятно.

— Хотелось бы мне побыть *пузырем*. Сидишь себе и поглядываешь, как денежки сами валятся тебе в карман. А другие

пусть вкалывают на тебя. Получаешь все, чего твоя душенька пожелает. И ни в чем не нуждаешься.

— А мне кажется, — сказал Эмби, — что у *пузырей* теперь свои проблемы.

— Мне бы их проблемы, елки-моталки. Я прямо слюнками истекаю по их, черт бы их побрал, проблемам, хоть бы год или два пожить по-ихнему. — Он сплюнул на землю и выпрямился. — Пойти, что ли, да посмотреть, не попадетсЯ ли мне кролик или белочка. Не хотите со мной?

Эмби покачал головой:

— Я немного устал.

— Может, и не попадетсЯ ничего. Так близко к стану — небось, все вычистили под метелку.

— Вот отдохну немножко, — сказал Эмби, — и через некоторое время пойду прогуляюсь.

6

Дом на холме был действительно домом пузыря. От него так и несло богатством. Он был большой, высокий и широченный, очень ухоженный, окруженный газонами в цветах и кустарником.

Эмби присел на низенькую каменную изгородь возле газона и посмотрел назад, на тропинку, по которой шел. Там, внизу, виднелись фабрика и покинутая стоянка — большое вытоптанное пространство и на нем — только один его трейлер. Далеко за горизонт уходила белая под летним солнцем дорога, она была совершенно пустынна — ни машины, ни грузовика, ни трейлера — ничего и никого на ней не было. Все стало совсем другим, подумал он. Было время, эта дорога буквально кишела машинами.

Да, это был совершенно иной, не знакомый ему мир. Эмби пренебрегал этим миром более тридцати лет, и за эти тридцать лет он стал чужим для него. Он сам добровольно отгородился — и вот потерял этот мир. Теперь, когда он пытался вновь обрести его, этот мир удивлял, а порой путал его.

Сзади раздался голос:

— Добрый вечер, сэр.

Эмби повернулся и увидел человека среднего или чуть старше возраста, в костюме из твида, с трубкой во рту. Почти в традициях Старой Англии, подумал Эмби. Похож на деревенского помещика.

— Добрый вечер, — отозвался Эмби. — Надеюсь, я не нарушил границ.

— Нет, нет. Я видел, как вы припарковались внизу; очень вам рад.

— Мой партнер пошел поохотиться, а я вот сюда — прогуляться.

— А вы что, меняете?

— Меняем?

— Ну да, в смысле — меняете стоянку. Все только этим и занимаются... Правда, теперь пореже.

— Вы имеете в виду, что меняют один стан на другой?

— Вот именно. Сам процесс расселения, я о нем. Разочаруются в одном — снимаются с места и ищут другое.

— Пожалуй, — сказал Эмби, — настало время, когда эти перетряски должны прекратиться. Теперь каждый человек должен найти свое место.

Пузырь кивнул:

— Вполне возможно. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом.

— Да и я тоже, — откликнулся Эмби. — Мы только что выехали из города. Прикрыли мой университет, поэтому я купил трейлер. Мои ближайшие соседи составили мне компанию. Сегодня наш первый день.

— Мне частенько приходит в голову мысль, — сказал ему собеседник, — что было бы весьма приятно совершить небольшое путешествие. Когда я был еще мальчиком, мы не раз отправлялись в длительные поездки на машине и посещали разные города, но сейчас их, кажется, не так уж много осталось. Обычно в городах можно было остановиться на ночь в так называемых мотелях. И чуть ли не через каждую милю было где поесть, заправиться на бензоколонке. А теперь поесть или купить горючее можно только в каком-нибудь стане; но, поверьте, немало таких, где вам ничего не продадут.

— Но мы путешествуем не ради удовольствия. Мы намерены поселиться в каком-нибудь стане.

Пузырь подозрительно посмотрел на него и сказал:

— Глядя на вас, я бы никогда не подумал...

— Вы не одобряете мое намерение?

— Не обращайтесь внимания, — сказал пузырь. — В данный момент я порядком зол на них. Вчера они вдруг взяли и укатили от меня. Закрыли фабрику. Оставили меня здесь сидеть.

Он поднялся на горку и сел рядом с Эмби.

— Понимаете, они хотели отнять у меня все, — начал он свой рассказ, уместившись поудобнее. — У меня с ними был контракт, по нему они и нанялись работать на фабрике. Закупали сырье, сами распоряжались работами и поддерживали порядок. Они определяли производственную политику и выход продукции. Мне даже на посещение фабрики приходилось испрашивать их дозволения. Но и этого им показалось мало. Знаете, что они задумали?

Эмби покачал головой.

— Они задумали овладеть рынком сбыта. А ведь это было последнее, что еще оставалось у меня, и это последнее они решили у меня отнять. Им нужно было окончательно от меня отделаться. Платить мне проценты от прибыли и ничего больше.

— Да-а, — протянул Эмби, — не больно-то это справедливо.

— А когда я отказался подписывать новый контракт, они собрались и уехали.

— Забастовали?

— Пожалуй, другого слова и не подберешь. И весьма эффективно.

— И что вы теперь будете делать?

— Ждать, когда придут другие. Через некоторое время появятся. Увидят бездействующую фабрику и, если они народ рабочий, поднимутся сюда, ко мне, поговорить. Может, и сойдемся. Но даже если не получится с этими, появится еще какой-нибудь стан. Эти станы только тем и заняты, что носятся туда-сюда. Или стан, или стая.

— Стая?

— Это, знаете ли, вроде пчелиного роя. Когда в стане оказывается слишком много людей... слишком много для выполнения работ по контракту, который они подписали... вот тут происходят раскол и кучкование. Обычно молодежь пускается в новую жизнь стаями. С ними легче иметь дело, чем с сезонниками. Сезонники — это чаще всего всем недовольные радикалы, ни с кем ладить не умеют, а молодежь рвется начать свое дело, хоть какое.

— Все это очень интересно, — сказал Эмби, — но что будет с теми, кто уехал от вас? На какие деньги они позволили себе смотаться?

— Они при бабках, — сказал пузырь, — работали здесь почти двадцать лет. Сорвали капиталец — хватит корову придушить.

— Подумать только! — воскликнул Эмби.

Сколько же вокруг такого, о чем я и понятия не имею, подумал он. Не только манера мыслить, привычки, но даже их терминология во многом непонятна.

В прежние времена было совсем другое дело: каждый день газеты — и новое выражение или новая идея становились достоянием публики молниеносно; все сколько-нибудь значительные события на другой же день лежали перед вами, отпечатанные черным по белому. Но не стало ни газет, ни телевидения. Оставалось еще, конечно, радио, но оно не столь мощное средство информации, чтобы удовлетворить человека, да и, кроме того, что это было за радио, горе одно, он его никогда и не слушал.

Не было газет, не было телевидения, не было и многого другого. Не было мебели, потому что в трейлере не нужна никакая мебель: все необходимое уже встроено в него. Не было

ковров и занавесей. Мало было предметов роскоши, потому что в трейлере негде их хранить. Не было костюмов для приемов и официальных костюмов — кому они нужны в трейлерном стане, кто будет их надевать, да и не было места для дорогого гардероба, а жизнь в тесном ежедневном общении отбивает охоту от всяких формальностей. В трейлерном стане вся одежда, без всякого сомнения, скатится до единственно приемлемой — спортивной.

Не было банков, страховых компаний, кредитных контор. Государственная социальная защита приказала долго жить. Не стало нужды ни в банках, ни в кредитных компаниях, все это заменили профсоюзные фонды — наследие прежних профсоюзов. Профсоюзные фонды здоровья и благосостояния заняли место государственного социального страхования, медицинского страхования и государственных фондов гражданского благосостояния. И наконец также заимствованная у тредю-нионов идея военного фонда превратила каждый трейлерный стан в самостоятельное, самообеспеченное объединение.

Все шло нормально, потому что у резидента стана мало было денег на посторонние траты. Прежние погоня за развлечениями, потребность в дорогой одежде, расходы на домашнюю утварь — все это кануло в вечность: обстоятельства принуждали к бережливости.

Теперь даже налоги не платили — что о них говорить! Прекратили свое существование правительства штатов, муниципалитеты. Осталось только федеральное правительство, но и оно почти не контролировало ситуацию — это можно было предвидеть уже тогда, сорок лет назад. Жителям оставалось платить только пустячный налог на оборону и чуть более весомый налог на дороги, причем новые громко и страстно выступали даже против него.

— Все изменилось, — сказал *пузырь*, — профсоюзы совершенно отбились от рук.

— Но из всего сохранившегося только они могли как-то гарантировать жизнь людям, — возразил ему Эмби. — Только в них еще сохранялась какая-то логика, что-то надежное, на что могли опереться массы. И, естественно, профсоюзы с их идеологией заменили правительство.

— Правительству следовало бы поступить иначе, — сказал *пузырь*.

— Может быть, оно и поступило бы иначе, но все мы были слишком напуганы. Это все страх наделал; если бы мы не испугались до такой степени, все было бы в порядке.

Пузырь возразил:

— Если бы мы не испугались, нас, может быть, разнесло бы ко всем чертям.

— Вполне вероятно, — согласился Эмби. — Я помню, как это случилось. Вышел указ о децентрализации, и, как я теперь догадываюсь, промышленники были осведомлены лучше нас, они поднялись и рассеялись по всей стране без всяких возражений. Может, они точно знали, что правительство не обманывает, у них на руках могли быть документы, известные узкому кругу лиц. Хотя, насколько я помню, и общественное сознание склонялось к весьма мрачным прогнозам.

— Я тогда был подростком, — сказал *пузырь*, — но помню кое-что. Имущество потеряло всякую цену. Даже за самую мизерную плату ничего из городского имущества нельзя было продать. Рабочие не могли оставаться в городах, потому что их рабочие места уехали — уехали из городов в деревни. Децентрализация охватила большую часть страны. Крупные предприятия раскололись на мелкие, некоторые из них — на множество небольших ассоциаций.

Эмби кивнул:

— Таким образом, не оставили ни одной достаточно крупной цели для бомбы. Для уничтожения промышленности теперь им пришлось бы заплатить слишком дорогую цену. Там, где прежде хватило бы одной бомбы, сейчас понадобилось бы не меньше сотни.

— Черт его знает, — сказал *пузырь*, все еще не соглашаясь с концепцией доктора. — Думается мне, что правительство могло бы иначе распорядиться своей властью и не дать событиям развиваться таким путем.

— Полагаю, у правительства тогда проблем было выше головы...

— Согласен, было. Но прежде оно по самые уши увязло в делах строительства, причем в строительстве самых разнообразных дешевых домов.

— Но их главной заботой оставались промышленники, правительство старалось помочь им в создании новых предприятий. А в это время трейлеры решили жилищную проблему.

— Скорее всего, — согласился наконец *пузырь*, — так все и было.

И, конечно, именно так все и было.

Рабочие вынуждены были последовать за своими рабочими местами, или остаться, чтобы умереть с голоду. Лишенные возможности продать свои городские дома, на которые уже почти через сутки не было никакого спроса, они согласились на жизнь в трейлерах; и вскоре возле каждого небольшого промышленного предприятия вырос трейлерный лагерь.

Чем дальше, тем, по-видимому, больше нравилась им жизнь в трейлерах, хотя не исключено, что они просто боялись строить дома при мысли, что все может повториться, — не строили даже

те немногие, кто мог позволить себе это, но большинство и не имело на это средств. А может быть, они во всем разочаровались и им все опротивело. Но жизнь в трейлерах распространялась все шире, стабилизировалась, и даже те люди, которых децентрализация коснулась лишь боком, потихоньку присоединились к жителям трейлерных станов, пока наконец большинство поселков и городов не опустело.

Культ вещей был отринут. Снова возникла кочевая жизнь.

Первым сыграл свою роль страх, а затем свобода, свобода от имущества, свобода встать и ехать без оглядки, а также — профсоюзы.

Трейлеры покончили с гигантскими профсоюзными организациями. Профсоюзные боссы и бизнесмены, которым в свое время удавалось держать под своим контролем крупные профсоюзные организации, оказались совершенно беспомощными перед сотнями разбросанных единиц, на которые раскололись большие местные союзы. Но в каждом отдельно взятом стане местный профсоюз приобрел новую власть и значение. Он способствовал сплочению людей в крепкое единое сообщество. Он стал близок каждой семье, потому что удовлетворял ее интересы. Профсоюзное движение, если говорить с точки зрения простых людей и их интересов, обеспечивало существование трейлерных станов и их кочевой жизни.

— Я еще много чего могу рассказать о них, — сказал *пузырь*. — Они представляли собой весьма активную группу. Вели дела на фабрике куда лучше, чем я, всегда знали о дефиците и совершенствовали технологию. За двадцать лет, что работали здесь, они, по сути дела, перестроили производство полностью. Именно на это они и напирали при переговорах. Я объяснял им, что они делали это для себя же, тут они и взъелись и уехали все как один.

Он постучал трубкой об изгородь, выбивая из нее табак.

— Знаете ли, — продолжал он, — не очень уверен, но думаю, что, по всей видимости, у новых бандюг, которые придут сюда со дня на день, переделка всех этих наспех состряпанных сооружений, оставшихся от только что отбывших бродяг, займет не больше месяца. Вся моя надежда только на то, что они примутся за это не так скоро и не раздолбают все мое заведение.

Он рассеянно погладил свою трубку.

— Нет, поверьте, я хотел бы понять этих людей — просто для себя, раз уж ничего другого я не могу. Ведь стан-то был хороший, в основном здравомыслящий. Они были старательные работники, и, вплоть до последних дней, с ними было легко ладить. Большинство из них жили вполне нормально, но было в них что-то, чего я не могу взять в толк. Что-то вроде суеверия, и оно все возрастало. Они разработали огромный регистр запретов и,

черт бы их побрал, как бы заклинали, заручались чьей-то поддержкой. Вы, конечно, скажете, что и мы не без греха — скрещиваем, например, пальцы рук, или плюем через левое плечо, или еще там что-то, но мы ведь сами посмеиваемся над этим. У нас это, скорее, от нежелания расставаться с какими-то символами, связывающими нас с нашим прошлым. Но готов поклясться, эти дикари всерьез верили во все это, они этим жили.

— Сказанное вами, — отозвался Эмби, — лишний раз подтверждает мою мысль о том, что культура деградировала и стала эквивалентной культуре древних кочевников и, вероятнее всего, упала даже глубже, чем я думал. Почвой для этого стала жизнь изолированными, небольшими племенами. В более интегрированной среде нет места подобным суевериям, их убивает ирония; но в отгороженных клочках земли они глубоко пускают корни и произрастают...

— Хуже всего обстоят дела с фермерскими станами, — сказал *пузырь*. — Они танцуют мумбу-джумбу, чтобы вызвать дождь, колдуют ради хорошего урожая и делают много еще всякой всячины.

Эмби кивнул:

— Логично. В самой земле и в зерне уже заложена какая-то тайна, они продолжают мистицизм. Вспомните, какое обилие мифологических сюжетов, связанных с земледелием, возникло еще в доисторические времена — обряды в честь урожайного года, лунный календарь посевов и множество других фетишей.

Он сидел на каменной изгороди и смотрел вдаль; казалось, он вернулся в темные глубины начала человечества и слышит шаги огрубевших ног, ритуальное пение, вопли терзаемой жертвы.

7

На следующий день, выехав на вершину холма, они увидели фермерский стан. Он располагался на опушке небольшой рощицы, немного в стороне высились элеваторы, а вокруг стана на разбежавшихся во всех направлениях равнинах лежали в золоте и зелени необозримые поля.

— Вот место, где бы я с преобладающим удовольствием поселился, — сказал Джейк. — Тут и детей растить хорошо, и, как я погляжу, работенка не на убой. У них тут почти все работы механизированы, разъезжай себе на тракторе или на комбайне, или на сеновязалке, или на чем-нибудь еще. Прекрасная, здоровая жизнь — полно солнца и свежего воздуха, и к тому же страну посмотреть можно. Соберем урожай и всей оравой, прихватив скарб, тронемся в путь. И отправимся или на юго-запад за салатами и за другими овощами, или даже прямо на юг, на берег океана,

за фруктами. А как по-вашему, док, на юге есть зимние фермы, вы не знаете?

— Нет, не знаю, — ответил Эмби.

Он сидел рядом с Джейком и наблюдал, как тот правит машиной. Лучше Джейка, решил он про себя, никто с машиной не управится, с ним чувствуешь себя в полной безопасности и совершенно спокойно. Он никогда не гонит, не рискует и хорошо понимает машину.

На заднем сиденье дети устроили «кучу малу», и Джейк обернулся к ним:

— Эй, вы, малышня, если вы сейчас же не успокоитесь, я прямо здесь останавливаю авто и начинаю всех по очереди пороть. Вы, чертенята, отлично ведь знаете, что, будь здесь ваша мама, не стали бы устраивать весь этот базар. Она бы надрала вам уши и заставила сидеть смиренно.

Дети, не обращая на него внимания, продолжали свою возню.

— Я вот думаю, — обратился Джейк к Эмби, считая, по-видимому, что его отцовский долг выполнен, — что это самый ловкий ход в вашей жизни. Только, может, вам стоило бы пораньше так сходить. Все говорит за то, что такому образованному человеку, как вы, нечего беспокоиться, для него всегда найдется местечко, в любом стане. Похоже, у них не так уж много образованных людей, а образование, я всегда это говорил, образование — это все. Сам-то я не получил никакого образования, может, поэтому и остался бедняком. Пока мы жили там, в городе, я больше всего терпеть не мог, что мои дети бегают по улице и ничему не учатся. Мы уж с Мерт из кожи вон лезли, чтобы помочь им, но что мы могли им дать, кроме нашего алфавита, — какие из нас учителя.

— Вполне возможно, что в станах есть свои школы, — предположил Эмби. — Я, правда, никогда ничего о них не слышал, но знаю, что у них есть что-то вроде университетов, а прежде чем идти в колледж, необходимо хотя бы получить начальное образование. Я склонен думать, что станы зиждутся на хороших общественных программах. Стан — это что-то вроде деревни на колесах, и, скорее всего, в них соблюдаются те же порядки: там должны быть и школы, и больницы, и церкви, и все, что сопутствует жизни в городах и деревнях, хотя на всем этом, как мне представляется, лежит отпечаток тред-юнионизма. Культура — вещь странная, Джейк, но обычно в основных своих чертах и по своим результатам она почти везде одинакова. Различия в культурах примерно такие же, как различия в подходах к решению одинаковых проблем.

— Клянусь, — сказал Джейк, — сидеть и слушать ваши рассуждения для меня большое удовольствие! И особенно потому, что вы не только произносите все эти умные слова, но, похоже, знаете, что они означают.

Тут он свернул на грунтовую дорогу, которая вела к стану. Он до предела сбавил скорость, но они подскакивали на каждом ухабе.

— Посмотрите-ка, — сказал Джейк, — хорошенькое дело! Вон, видите, белье висит на веревках, цветочки в ящиках в окнах трейлеров и этот низенький забор из кольев, — совсем как раньше у нас были загончики. Я ничуть не удивлюсь, если здешние поселенцы окажутся такими же людьми, как и мы.

Они добрались до лагеря и, свернув с дороги, поставили машину в ряду других трейлеров. Вокруг тут же столпились ребятишки — стояли и наблюдали за ними. Женщина вышла и остановилась на пороге своего трейлера, оперлась на косяк и смотрела на них. К детям присоединились собаки, уселись рядом с ними и стали выкусывать у себя блох.

Джейк вылез из машины.

— Здорово, ребята, — сказал он.

Те в ответ застенчиво захихикали.

С заднего сиденья трейлера соскочили дети Джейка и встали рядом с отцом.

Выкарабкалась из трейлера и Мерт. Она обмахивалась куском картона.

— Ну и ну! — провозгласила она.

Все замерли в ожидании.

Наконец откуда-то появился старик. Ребятишки посторонились, пропуская его. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Чем могу служить, приезжий?

— Мы просто осматриваемся, — сказал Джейк.

— Смотрите, что хотите.

Он взглянул на оставшегося в машине Эмби.

— Здравствуйте, старина.

— Здравствуйте, — откликнулся Эмби.

— Что, старина, что-нибудь особенное присматриваете?

— Можно сказать, мы ищем работу; мы надеемся, что в каком-нибудь стане нас примут.

Старик покачал головой:

— У нас полно людей. Впрочем, поговорите с агентом по труду, ему лучше знать.

Он повернулся к ребятам и крикнул:

— А ну, сорванцы, пойдите найдите Фреда!

Они моментально бросились врассыпную, как испугнутые куропатки.

— Теперь мало наезжает таких, как вы, — сказал старик. — Несколько лет назад валом валили в поисках хоть чего-нибудь. По большей части из небольших городков, а многие — и из РФ.

Он заметил недоумение на лице Эмби.

— Это означало «разоренные фермеры», — объяснил старик. — Ну это которые не справились с хозяйством, все бросили, таких было много. Самые чокнутые. Дерутся, как бешеные. Приходили в расчете стать с нами на равных, думали, им это позволят. Считали, правительство сделало их поденщиками, и, по-моему, так оно и есть. И поденщиками оно сделало не только их, но и многих из нас. Нельзя же было все так разбазаривать, и при этом никто ведь не понес наказания. А по тому, как шли дела, нечего было и думать, что правительство продержится долго, да еще со всеми его программами. Нужно было попроще.

Эмби кивнул в знак согласия.

— Невозможно содержать непомерно раздутую бюрократию в системе, где господствуют доисторические технологии кочевников.

— Совершенно с вами согласен, — в свою очередь согласился старик с Эмби. — Что касается фермеров, то и тут было все так же. Мелкие земельные участки и их хозяева были обречены. Фермер-одиночка на таком участочке не мог развивать дело. Сельское хозяйство шло к созданию корпораций еще до того, как завершился процесс децентрализации в промышленности. Непосильно вести сельское хозяйство без машин, а, с другой стороны, какой смысл покупать технику для обработки нескольких акров хозяину фермы?

Он подошел к трейлеру и погладил крыло сучковатой рукой.

— Хорошая машина.

— Она у меня уже давно, — сказал Эмби. — Всегда ухаживаю за ней.

Старик просиял.

— Вот и мы тут придерживаемся того же правила. Каждый должен заботливо относиться ко всему, что у нас есть. Теперь не те времена, когда можно было пропить какую-нибудь вещь, или испортить, или потерять, а потом за ближайшим углом купить себе новую. В этом отношении у нас неплохой народ. Молодежь тратит почти все свое свободное время на возню с машинами. Вы бы посмотрели, что они понаделали с некоторыми из них — прямо очеловечили.

Он встал возле открытого окошка трейлера и прислонился к дверце.

— Ей-Богу, хороший у нас стан, — сказал старик. — С какой стороны ни взгляни. У нас самые ухоженные зерновые; а как мы землю обрабатываем, вы бы знали. И наш пузырь, владелец этих мест, высокого мнения о нас. Вот уже двадцать лет как мы каждую весну возвращаемся сюда. Если кто другой попробует занять наше место, *пузырь* и разговаривать с ними не станет. Он всегда ждет нас. Вряд ли найдется много еще таких станов. Но уж как наступит зима, нас не удержишь — отправляемся путешествовать, куда глаза глядят. И можем вернуться в любой город, где

мы уже побывали зимой, если захотим, и ничего нам не может помешать.

Он внимательно посмотрел на Эмби.

— А вы случаем, не знаете ли, как вызывать дождь?

— Несколько лет назад я что-то читал о работах на эту тему, — сказал Эмби. — Это, кажется, называлось «засеивать тучи». Но я забыл, что при этом применяли. Скорее всего, серебро. Еще какие-то реактивы...

— Понятия не имею ни о каком «засеивании», — сказал старик, — да и насчет того, применяют они какие-нибудь реактивы или нет... Ясное дело, — добавил он, опасаясь, что его не так поймут, — у нас тут имеются самые прекрасные спецы по дождю, их целый кагал, но в фермерском деле никогда не помешает иметь в запасе одного-двух специалистов. — Он взглянул на небо. — Сейчас-то нам дождь ни к чему, зачем тратить силы на то, чего не нужно. Вот кабы вы появились здесь в пору, когда в дождях большая нужда, тогда вы увидели бы парней за работой. Когда они начинают танцевать, от них глаз не оторвать, все на них оглядываются.

— Я так много читал о навагос... или нет, о моки, — сказал Эмби.

Но старика не интересовали ни навагос, ни моки.

— А какая у нас бригада овощеводов! — продолжал он свой рассказ. — Не хочу хвастать, но, ей-Богу, лучше наших не найти...

Его прервала орущая во всю глотку стайка ребятишек, что неслась со всех ног. Он оглянулся.

— Вот и Фред.

Легкой походкой Фред приближался к ним. Это был крупный мужчина с непокрытой головой, со спутанными черными волосами, густыми бровями и с полным ртом белых зубов.

— Привет, люди, — сказал он. — Чем могу быть полезен?

Джейк рассказал.

Фред в замешательстве почесал в волосах и смущенно помолчал.

— Да у нас полным-полна коробочка, к тому ж мы вот-вот уедем. И не соображу, на что нам еще одна семья. Если только у вас есть в загашнике что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Я хороший механик, — объяснил ему Джейк, — могу водить любую машину.

— Водителей у нас хватает. А как насчет ремонта? Может, смыслите по сварочному делу? Или токарному?

— Я... да нет.

— Нам приходится самим ремонтировать машины, содержать их в постоянной готовности. Бывает, сами запасные части делаем, чтобы заменить старые, изношенные. У нас нет времени

ждать, когда нам доставят их с завода, так что мы все тут на все руки мастера. Что там вождение машины — каждый умеет водить машину. Даже женщины и дети.

— А еще, вот док, — сказал Джейк, — образованный человек. Был профессором в университете, пока тот не прикрыли. Не подойдет ли он вам?

Фред оживился:

— Да что вы говорите! По агрономии...

— История, — сказал Эмби. — Я знаю только историю, ничего больше.

— Это, видите ли, не то... — Фред был разочарован. — Нам нужен специалист по сельскому хозяйству. На отдельных участках мы проводим эксперименты, но слишком мало знаем. В результате ни на одном из них ничего не получается. Идея состоит в том, чтобы вырастить лучшие сорта семян. Только успех эксперимента поможет нам в торговле — вся наша ставка на качественные семена. У каждого стана свой собственный сорт семян, и чем выше качество семян, тем меньше вы зависите от вашего пузыря. Мы выращиваем хорошие дурхамы, но теперь мы принялись за кукурузу. Если бы нам удалось вывести, скажем, такой сорт, который вызревает на декаду раньше...

— Весьма интересно, — сказал Эмби. — Но, к сожалению, я бессилён вам помочь. Никакого представления не имею.

— А я бы работал во всю мочь, — сказал Джейк, — если бы только вы позволили мне остаться. Я же двужилый, другого такого во всем вашем стане не сыскать.

— Прошу прощения, — сказал в ответ агент, — у нас лентяев не водится, все старательные. Если вам нужно пристанище, вам лучше всего обратиться к путешественникам. Они, возможно, примут вас. А такие старые станы, как наш, обычно не берут новичков, разве что они обладают какими-то необыкновенными способностями.

— Ладно, — сказал Джейк, — пусть будет по-вашему.

Он открыл дверцу и влез в машину. Дети нырнули на заднее сиденье. Вскрабкалась в трейлер и Мерт.

— Спасибо, — сказал Джейк агенту. — Извините, что отняли у вас столько времени.

Он развернул машину и поехал к шоссе. Долго молчал, наконец заговорил:

— Что это за штука такая — агроном? — спросил он.

8

И дальше, где бы они ни останавливались, все происходило примерно в том же духе.

— Не кибернетик ли вы? Нет? Жаль-жаль. Нам, конечно, подошел бы кто-нибудь из этих парней-кибернетиков.

— Сожалею, но нам нужен химик. Колдуем тут, производим топливо. А знаний никаких, кроме того, до чего сами докопаемся. В один прекрасный день наши ребята взорвут к чертовой бабушке весь наш стан.

— Если бы вы были врачом. Врач нам нужен.

— Вы знакомы с электроникой? Нет? Очень жаль.

— Историк... Боюсь, историк нам ни к чему.

— Вы случайно не доктор? У нас доктор уже совсем старенький.

— Нам бы инженера по ракетам. Есть у нас тут идейки... Нам бы парня, разбирающегося в ракетах.

— История? Не-а. На кой она нам?

Но есть все же польза и в истории, говорил Эмби.

— Я знаю, — сказал он, — есть ей применение. Прежде она всегда служила орудием. Не могла же она вдруг потерять свое значение, даже в нынешнем невежественном обществе.

Он забирался в свой спальный мешок и смотрел на небо.

Дома теперь уже осень, думал он. Падают листья, и стоит его город, захватывающе прекрасный, в своем осеннем наряде.

А здесь, на самом юге материка, все еще было лето, и странное, летаргическое чувство навевали темно-зеленая листва и густая синь неба — будто зелень и синева отпечатались на земле и останутся такими навеки, на земле, которой противопоставлены какие-либо изменения, и матрица ее существования отлита навсегда, без всякой надежды на перемены.

На фоне неба темной глыбой возвышался трейлер; внутри трейлера закончили свои стенания Джейк и Мерт, и стало слышно журчание ручья, протекавшего немного в стороне от их стоянки. Угасал костер, пока не стал похож на розу в белом пепле кострища, а где-то на опушке леса вдруг запела птаха, наверное, пересмешник, хотя песня не была такой прелестной, как он ожидал услышать.

И так всегда, подумал он. Наши фантазии никогда полностью не совпадают с действительностью, с тем, что есть на самом деле. Чаще всего в жизни все гораздо менее красиво и более прозаично, чем в воображении человека; но порой вдруг, в самом неожиданном месте, возникает перед тобой такое, что пригвоздит тебя к месту и затем определит всю твою дальнейшую судьбу.

Побывав в двух-трех станах, доктор убедился, что все они на один манер — на солидный американский манер, деловой и прагматичный; были в них и свои странности, но они переставали быть странностями, как только он постигал их истоки.

Вот, например, еженедельные военные сборы с их обычными военными играми; в них каждый рядовой должен пройти

все ступеньки маневров и со всей серьезностью отработать свою долю, без всяких там уверток и шуточек решить военную задачу, а в это время женщины и дети, как стая перепелок, разбегаются в поисках укромного места, чтобы спрятаться от воображаемого врага.

А дело все заключалось в том, что без этих сборов Федеральное правительство не получило бы даже свой пустячный налог на оборону. А так у него всегда есть предлог держать под рукой на случай чрезвычайной мобилизации граждан-солдат, готовых биться в страшной тотальной войне, как какие-нибудь фронтьеры или дикие индейцы, и разорвать на части любого неприятеля, посмевшего высадиться на берегах его родного континента, федеральное правительство содержало военно-воздушные силы, производило оружие, поддерживало военные исследования и осуществляло общее руководство и планирование. Люди, все до одного, составляли постоянную армию, готовую в любой момент к мобилизации, вымуштрованную до степени пальца на взведенном курке, и притом армия эта ни гроша не стоила федеральному правительству.

Увидев все эти военные игры и муштру, Эмби понял, что такое положение дел приведет в замешательство любого потенциального врага. Это было что-то новое в военной науке. Представьте себе страну, в которой нет ничего, что могло бы представлять достойную цель для бомбардировки, не осталось городов, которые можно было бы брать приступом и удерживать в своих руках, нет предприятий, подлежащих полному разрушению, и при этом каждый житель мужского пола в возрасте от 17 до 70 лет — готовый к бою солдат.

Так он лежал, размышляя о предметах, удивительно знакомых и незнакомых.

К примеру, народные обычаи, бытовавшие в пределах каждого стана, они образовались из легенд, суеверий, магии, школьных знаний, местного культа героев и всяких других, обязательных для полного завершения картины общественной жизни глупостей. Он понимал, что эти обычаи были частью неистовой, фанатичной верности своему родному стану, ставшей определяющей во взаимоотношениях его обитателей друг с другом. А за пределами этого господствовало фантастическое соперничество между различными станами, которое трудно было порой понять: оно проявлялось и в мелком хвастовстве добытой рыбешкой, и в тупом отказе лидеров стана делиться какими бы то ни было секретами и знаниями со своими соседями. Понять это было бы совсем невозможно, если не учитывать старых американских традиций, представлявших собой душу и тело американского бизнеса.

Странная ситуация, думал доктор Амброуз Уилсон, лежа в своем спальном мешке глубокой теплой, южной ночью, странная

ситуация, но вполне объяснимая если на нее посмотреть с определенной точки зрения.

Все ему понятно, кроме маленькой закавыки, с которой он никак не мог справиться. Это было скорее подспудное чувство, чем что-то реальное, чувство, что за всей этой неразберихой кочевой жизни лежит новый фактор, жизненно важный, его можно ощутить, но трудно найти ему определение.

Он лежал и раздумывал над этим новым, жизненно важным фактором, пытаясь проанализировать свои впечатления и найти ключ к разгадке. Но не было ничего реального, ничего, чтобы протянуть руку и пощупать, ничего, чему можно было бы дать название. Это была как бы солома без единого зерна, дым без огня, это было что-то новое, вероятно, в той же степени объяснимое, как и все другое, нужно только посмотреть с определенной точки зрения. Но где эта «точка зрения»?

Они пересекли огромные пространства, следуя по берегу великой реки с севера на юг, и видели много станов: зерноводческие с их многочисленными акрами хлебных и кукурузных полей; промышленные с дымящими трубами и грохотом машин; транспортные с множеством грузовиков и с фантастическими по масштабам перевозками грузов; станы по производству молочных продуктов со стадами коров и маслобойными и сырными заводами; станы по разведению кур; станы по производству грузового транспорта для фермеров; станы углекопов; станы по ремонту дорог, по лесоразработкам и так далее. И то тут, то там встречались им такие же бродяги, путешественники, летяги, как они.

Но куда бы они ни пришли, везде их ждал один ответ: «Очень жаль, но...», и кучки ребятишек, и чешущихся собак, и агенты по труду, сообщавшие, что для них в стане ничего нет.

В некоторых станах их встречали более благожелательно, кое-где они останавливались на день, а то и на неделю, отдыхали, приводили в порядок машину, расправляя затекшие ноги, встречались с разными людьми.

В таких случаях Эмби ходил по стану и, усаживаясь на солнышке или в тени — в зависимости от обстоятельств, заводил разговоры, и иногда ему начинало казаться, что он постиг этих людей. Но вслед за этим всегда появлялось ощущение неуловимой странности, смутной непохожести, будто кто-то, кого он не мог видеть, сидя в кругу собеседников, уставился на него испытующим взглядом, и тогда он остро осознавал, что между ним и этими людьми лежит пропасть в сорок лет забвения.

Он ловил их радиопередачи и слышал едва различимые голоса из других станов, иногда близких, иногда с другого конца континента, — все это выглядело пародией на любительские репортажи 1960-х годов, словом, радиосеть на деревенском уров-

не. Транслировалась в основном болтовня, но был в ней порой и вполне официальный смысл — официальные заявления, содержащие требование тонны сыра или грузовика сена, или просьбу заменить какие-либо сломавшиеся части машины, или подтверждение долга одного стана другому после какой-либо сделки или за какой-то продукт. Чаще всего разные станы хитрили между собой и платили по большей части обещаниями за обещания же. И все-таки было в этой их болтовне что-то специфическое, свойственное только этой фантастической культуре, которая в течение одной ночи вышла из предместий и превратилась в культуру кочевников.

И во всем присутствовала магия, странная, легкая магия, которая не причиняла людям вреда, служила только им на пользу. Ему казалось, что после продолжительного бегства из материального мира домовые и феи вернулись восвояси. Появились новые, причудливые обряды — они пришли из прошлого; вновь возникли амулеты и заклинания; возрождалась древняя, простая вера, забытая в самом недавнем нашем вчера, простая, детская вера в надежность мира. И, по-видимому, за всем этим скрывается что-то хорошее, подумал он.

Но самое удивительное было в том, что древняя магия и старые верования совершенно естественно сочетались с современными технологиями: кибернетика шагала нога в ногу с амулетами, танцы во имя пролития дождя сочетались с агрономическими науками.

Пытаясь найти объяснение всему этому, он рассматривал проблему с разных сторон — и в целом, и по частям, пытался отойти от стереотипов и вписать модель в определенную историческую эпоху; но чаще всего, когда, казалось, объяснение найдено и модель вписалась в достаточно разумную историческую схему, обнаруживалось в конце концов, что вся его работа не более чем поверхностный взгляд на проблему.

По-прежнему оставались за гранью понимания эти смутные ощущения и жизненно важный фактор.

Тем временем они продолжали свое путешествие под постоянный аккомпанемент всеобщего «очень жаль, но...». Он знал, что Джейк терзается и имеет на это полное право. Ночь за ночью, лежа в своем мешке, он слышал, как Джейк и Мерт, считая, что он и дети спят, разговаривали друг с другом. И как он ни старался из приличия лечь подальше и хотя бы не слышать каждое сказанное ими слово, по тону их стенаний он догадывался, о чем они толкуют.

Какой стыд, думал он. Как сильно надеялся Джейк, как глубоко он верил. Страшно наблюдать день за днем, как человек теряет веру, как она постепенно покидает его, словно вытекает из раны по капле его кровь.

Устраиваясь поудобнее, он покрутился в своем спальном мешке и закрыл глаза от звездного света. Он чувствовал, как сон, подобно древнему утешителю, успокаивает его; и в смутное мгновение, когда реальность ускользает, но еще не совсем покинула твое сознание, он опять увидел прекрасный портрет-идеал, который висел над камином, и свет от лампы падал на него.

Когда он проснулся, трейлера на месте не было.

Сначала он ничего не подумал: ему было тепло и уютно, свежий ветерок овеивал его лицо, радостно заливались птицы на каждом дереве и кусте, журчал ручей по галечному руслу.

Он лежал и думал, что хорошо жить на этом свете, и смутно представлял себе, чем одарит его новый день, и был благодарен тому, что ему нечего бояться.

А потом он заметил, что трейлера-то нет; еще какое-то мгновение он оставался спокоен, не постигая случившегося, пока гадкой пощечиной по лицу не дошел до него смысл происходящего.

Его охватила паника, но быстро отпустила — холодный ужас одиночества, заброшенности сменился взрывом гнева. Он обнаружил внутри спального мешка свою одежду, вылез из него и сел одеться. Он попытался восстановить картину того, что здесь произошло.

Стан находился глубоко в низине, возле шоссе, и он вспомнил, как они подкладывали под колеса трейлера камни, чтобы он не скатился вниз по склону. Скорее всего, Джейк вынул камни, отпустил тормоза и, не заводя мотор, скатился по склону до того места, откуда звук мотора уже не был слышен.

Он поднялся и тупо побрел вперед. Вот и те камни, которые они подкладывали под колеса, а вот и следы на росе.

Вскоре он обнаружил и еще кое-что: прислоненное к сосне стояло ружье двадцать второго калибра — вещь, которой Джейк гордился больше всего на свете, и, кроме того, старый, чем-то набитый рюкзак.

Он присел у дерева и развязал его. Там находились два коробка спичек, десять коробок боеприпасов, его запасной костюм, еда, тарелки, кастрюли, сковородки и старый плащ.

Он склонился надо всем этим хозяйством, разбросанным на земле, и почувствовал, как на глазах закипают слезы. Конечно, это было предательство, но и не совсем предательство — ведь они не забыли о нем. Украли, бросили его с самыми низкими побуждениями, но Джейк оставил ему свое ружье, а оно было как бы его правой рукой.

Их стенания, которые он не раз слышал, — не планировали ли они уже тогда в их ночных разговорах все это? Но что изменилось бы, если б он расслышал слова, а не тон их бесед, что, если бы он подкрался, подслушал и разоблачил их планы — что бы предпринял он тогда?

Он снова уложил рюкзак и потащил его и ружье к спальному мешку. Будет тяжело, но потихоньку-полегоньку он возьмет и понесет все с собой. В конце концов, утешал он себя, дела обстоят не так уж плохо: у него остался бумажник и в нем немного денег. Без особого сочувствия он подивился, на что Джейк, оставшийся без копейки в кармане, будет приобретать бензин и еду.

И ему показалось, что он слышит, как Джейк занудливо говорит: «Это все док. Это из-за него никто не хочет брать нас. Им стоило только взглянуть на него, и они уже понимали, что недалек день, когда он сядет им на шею. А на что им такие, которые через год-два будут бременем для них?»

Или немного иначе, так, например: «Говорю тебе, Мерт, это все из-за дока. Он им вешает лапшу на уши и тем только отпугивает их. Они же соображают, что он не их поля ягода. Ишь нос задирает! Ну а мы... Мы самые обыкновенные люди. Они бы нас вмиг приняли, если бы не доктор».

Или так: «Вот мы, нам любая работа нипочем, а док — специалист. Ничего мы не добьемся, если не отделаемся от дока».

Эмби покачал головой. Смешно, подумал он, на что только не пойдет отчаявшись человек. Благодарность и честь, и даже дружба — все это лишь хилые преграды на пути отчаяния.

«А я? — спросил он себя. — Что теперь буду делать я?»

Не сразу, конечно, но пришла ему на ум мысль о возвращении домой. Но это было невозможно: на севере примерно через месяц выпадет снег, и никаких его сил не хватит, чтобы пробиться сквозь него. Если уж идти домой, то надо дожидаться весны.

А пока оставалось только одно — продолжать свой путь на юг, но не так быстро. Было в его положении и свое преимущество. Теперь он был предоставлен самому себе, и у него появилось гораздо больше времени на раздумья. А в данной ситуации есть о чем поразмыслить, ибо было в ней много поразительного. Он знал, что где-то есть ключ к пониманию того жизненно важного фактора, который он постоянно ощущал в каждом стане, есть ответ на загадку. Стоит ему разобраться в этом явлении, и тогда можно будет сесть и писать историю, и таким образом он выполнит свое назначение.

Он положил ружье и рюкзак на спальный мешок, а сам спустился на дорогу. Остановившись посреди нее, он посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Дорога была длинной и безлюдной, таким же безлюдным и одиноким будет и его путешествие. У него никогда не было детей, а в последнее время — и друзей. Джейк, подумалось ему, был самым близким человеком; но Джейка нет, теперь не только пространство, не только пыльная дорога пролегали между ними, но и его поступок.

Он расправил плечи, изображая уверенность и мужество, которых на самом деле не было, и снова поднялся на стоянку, чтобы подобрать спальный мешок, ружье и рюкзак.

9

Месяцем позже он набрел на стоянку водителей грузовика. Случилось это под вечер; он подыскивал местечко, где бы переночевать, когда на перекрестке двух дорог заметил припаркованный там грузовик с прицепом.

У только что разложенного костра хлопотал мужчина, осторожно подкладывая в костер небольшие ветки. Второй открывал банки с едой. Из леса вышел третий, с ведром, по-видимому, принес воды из ближайшего ручья.

Мужчина у костра заметил Эмби и встал.

— Привет, незнакомец, — произнес он. — Ищете место для ночлега?

Эмби кивнул и подошел к костру. Он сбросил с плеч рюкзак и спальный мешок и бросил их на землю.

— Был бы очень вам признателен...

— Очень рады вам, — сказал мужчина. Он снова склонился над огнем, продолжая подкармливать его. — Обычно мы не останавливаемся на ночевку. Остановимся ненадолго, только чтобы приготовить поесть, а потом пускаемся в путь. У нас в машине есть койка, так что пока один ведет машину, другой спит. Теперь даже Том наловчился водить машину. — Он кивнул на парня, принесшего воду. — Том, вообще-то, не водитель. Он был профессор в университете, теперь — в отпуске, без сохранения содержания.

Том усмехнулся, взглянув через костер на Эмби.

— В годовом.

— Я тоже в отпуске, — сказал Эмби, — только в перманентном.

— Вот уж сегодня проведем ночь как ночь, — продолжал первый собеседник. — Не люблю спать под шум мотора. Да и нагреваться он стал чего-то. Надо его раскурочить.

— Раскурочить? Прямо здесь?

— Почему бы нет? Чем плохое место?

— Но...

Водитель хихикнул.

— Да мы его в один миг разделаем. Вон Джим, мой помощник, он такелажник. Он его извлечет, перетащит сюда, к костру, и мы тут с ним быстренько разберемся.

Эмби присел возле костра.

— Меня зовут Эмби Уилсон, — сказал он. — Я просто путешествую.

— Вы издалека?

— Из самой Миннесоты.

— Пройти пешком такой кусок — дело нелегкое, особенно для ваших лет.

— Часть пути я проехал на машине.

— Что, машина сломалась?

— Мой партнер сбежал вместе с нею.

— Ну, такие вещи я называю мерзким, низким обманом, — рассудительно заметил водитель.

— Да нет, Джейк не хотел причинить мне зла, он просто впал в панику.

— И вы пытаетесь его выследить?

— Какой смысл? Да и при всем моем желании я не смог бы его найти.

— Могли бы нанять фиксатора.

— Фиксатора? Что это такое?

— Отец, ты что, с луны свалился? — удивился водитель.

И Эмби ничего не оставалось, как принять за должное удивление водителя.

— Фиксатор — это телепат, — объяснил Том. — Особый вид телепата. Он почти всегда может проследить мысли и по ним обнаружить человека. Что-то вроде человека-ищейки. Работа тяжелая, и их не так уж много; но мы надеемся, что со временем их станет больше, и они будут совершенствоваться.

Так фиксатор — это телепат!

Вот тебе и на! Никак не ожидал.

«Особый вид телепата», то есть предполагается, что есть и другие виды телепатов.

Эмби сидел сгорбившись у костра и внимательно вглядывался в лица своих соседей — не появится ли у кого-либо из них усмешка на губах. Нет, никто не усмехнулся, они продолжали вести себя так, как будто телепаты — вещь самая обыкновенная.

Подумать только, неужели здесь, встретив этих людей, за несколько минут знакомства с ними он впервые раскрыл смысл всего этого головоломного фольклора и магии, о которых он часами раздумывал вот уже сколько дней!

«Фиксатор» — это телепат, значит, «такелажник» — это телекинетик, а «лесник зеленый» запросто может оказаться тем, кто обладает природным даром любить и понимать все живое на Земле.

Может быть, это и есть тот самый «жизненно важный фактор», который он ищет, та «странность», которую он ощущает в каждом стане; и не в этом ли состоит логика действий тех, кто танцами вызывает дождь и выделяет все эти штучки-дрючки, которые он рассматривал как всего лишь побочные явления, свойственные изолированным социальным группам?

Он крепко зажал руки между колен, чтобы они не дрожали. «Мой Бог! — думал он. — Если это так, то как многое становится понятным! Если это тот ответ, который я ищу, то это непревзойденная культура!»

Том прервал ход его мыслей:

— Вы сказали, что вы в отпуске, как и я. Только в перманентном. Вы тоже учитель?

— Был, — сказал Эмби. — Но университет закрыли. Это был один из старейших университетов, но кончились деньги, и почти не осталось студентов.

— Вы пытались найти работу еще где-нибудь?

— Я пошел бы в любую школу. Но, кажется, я никому не нужен.

— В школах не хватает людей, они бы уцепились за вас.

— Вы имеете в виду эти трейлерные университеты?

— Да, именно их.

— Вы не очень-то высокого мнения о них? — недовольным тоном спросил водитель.

— Я о них просто ничего не знаю.

— Они не хуже любой другой школы, это я вам говорю, — заявил водитель. — И никто не смеет говорить о них плохо.

Эмби наклонился к огню — в голове его все смешалось: надежда, и страхи, и множество всевозможных вопросов.

— Вы тут о фиксаторе говорили, — сказал он. — Вы говорили, что фиксатор — это один из видов телепата. А как же другие... они что, обладают другими способностями?

— Обладают некоторые, — сказал Том. — Похоже, что в наши дни появилось много разных талантов совершенно особого свойства. В наших университетах мы многих из них выявляем и пытаемся даже соответственно воспитывать их, но увы... Да и сами подумайте, как вы или я можем воспитать телепата? С какой стороны к этому подойти? Все, что мы можем, это создавать благоприятные условия для них, чтобы подобный талант имел все необходимое для развития.

Эмби смущенно покачал головой:

— И все-таки не могу понять... У нас ведь раньше никогда их не было — откуда же они взялись теперь?

— А может, они и были до процесса децентрализации, но немного. Должны были быть, хотя бы в скрытом состоянии, они просто ждали своего часа. А подходящий момент наступил только теперь. Возможно, их убивала конкуренция. Или эти способности гибли под воздействием уравнительной системы образования. Некоторые из тех, кто были телепатами, скрывали свои способности из страха показаться не такими, как все, а тогда, при той культуре, подобная непохожесть рождала неприязненное любопытство. И из чувства страха люди подавляли в себе

эти способности, пока они не исчезали окончательно. Но были среди телепатов и такие, кто втайне использовал свои способности к собственной же выгоде. Представьте себе, какие возможности открываются перед адвокатом, или политиком, или торговцем, обладай он телепатией?

— И вы в это верите?

— Не всегда. Но существует вероятность...

— Люди стали куда умнее теперь, — сказал водитель.

— Нет, Рей, дело не в этом. Люди остаются такими же. Были, конечно, и раньше талантливые люди, но, думаю, им не удавалось проявлять свои способности так часто, как сейчас. Мы освободились от очень многих запретов и условностей. Когда мы покинули свои дома и вместе с ними очень многое из того, что казалось нам необходимым, вместе со всем этим мы сбросили с себя и груз зависти. Оставили в прошлом и многие комплексы. И никто теперь не дышит нам в затылок. Мы теперь не заботимся о том, чтобы в чем-то не отстать от соседа, потому что сосед стал теперь другом, а не мерилком социального и экономического положения. Теперь у нас нет необходимости уложить двадцать восемь часов в двадцать четыре. Считайте, мы дали себе волю развиваться без всяких ограничений, чего не могли себе позволить раньше.

Джим, помощник водителя, повесил над костром на кованый прут котелок с кофе и принялся резать мясо.

— Сегодня у нас свинные отбивные, — сказал Рей. — Утром мы проезжали фермерский стан, а на дороге оказалась эта свинья. Я ничего не мог поделать...

— Да ты едва машину не разбил, чтобы только заполучить ее.

— Ну, это уж грязная клевета, — возразил Рей. — Я сделал все, чтобы объехать ее.

Джим продолжал резать мясо, бросая куски его на большую сковороду.

— Если вам нужна работа учителя, — сказал Том, — от вас немного требуется: зайдите в один из университетов. Ими тут сейчас пруд пруди. Большинство из них небольшие.

— Но как мне их найти?

— Поспрашивайте в округе. Их тут много околачивается. Надоедает в одном месте, они перебираются на новое. И вам повезло. Они сейчас сюда перекочевали, на юг. Весной они обычно направляются на север, а осенью — на юг.

Шофер присел на корточки и стал свертывать сигаретку. Он поднес к губам кусочек бумаги с насыпанным табаком, облизнул краешек, склеил и придавал форму сигареты. Он сунул ее в рот, и она свободно свисала у него с губы, пока он выуживал в костре веточку, чтобы прикурить.

— Вот что я вам скажу, — обратился он к Эмби, — почему бы вам не поехать с нами? Места хватит для всех. Наверняка по пути нам попадется целая куча университетов. Вы заглянете туда. А если надумаете, то давайте поедем вместе до самого побережья. И Том едет с нами на побережье, надеется навестить своих дальних родственников.

Том кивнул:

— Верно. Может, поедем с нами?

— Теперь совсем не то, что в прежние времена, — сказал Рей. — Мой старик тоже был шофером. Тогда все носились как сумасшедшие. И ни за что, бывало, не остановятся и не посочувствуют, если что. Едут себе — и никакого внимания.

— Да и все мы были не лучше, — сказал Эмби.

— Теперь нам легче, — сказал шофер. — Не надо спешить, и жизнь стала веселее, и никому нет никакого дела, приедем мы на день раньше или позже.

Джим поставил сковородку с отбивными на угли.

— Да, машину теперь вести куда проще, — сказал Рей, — особенно если у тебя есть помощник-такелажник. Если он у тебя есть, никаких проблем с погрузкой и выгрузкой. И в грязи застрять не страшно — он тебя запросто вытащит. А Джим у меня такой такелажник — в жизни другого такого не встречал.

Джим продолжал жарить котлеты.

Шофер выплюнул сигарету в направлении костра, она приземлилась на сковородку, прямо посреди котлет. Почти в тот же миг она поднялась со сковородки, описала в воздухе дугу и упала на угли.

Джим сказал:

— Рей, ты эти штуки брось. Думай все-таки, что делаешь. Ты истощишь мои способности, если будешь вот так заставлять подбирать за собой всякую дрянь.

Водитель снова обратился к Эмби:

— Ну так как, присоединяетесь? Посмотрите страну.

Эмби покачал головой:

— Надо подумать над вашим предложением.

Но он лицемерил. Не было никакой возможности думать над таким предложением.

Он знал заранее, что не поедет.

10

Он стоял у погасшего костра на перекрестке, прощально махал им рукой и смотрел, как в тумане раннего утра исчезает трейлер с прицепом.

Потом он наклонился, поднял рюкзак и спальный мешок и перебросил их через плечо.

Странное возбуждение охватило его — странное и счастливое. Как хорошо было снова ощутить его после стольких месяцев никчемной жизни! Как хорошо было осознавать, что у тебя опять есть дело!

Он остановился, оглядел место стоянки — неподвижный пепел костра, охапку неиспользованных дров и большое пятно на земле — пятно от машинного масла, которое вылилось из мотора и постепенно просочилось в почву.

Если бы он своими глазами не видел, он бы никогда не поверил, что такое возможно: Джим, когда отвернул гайки, поднял мотор, вынул из машины и перенес его к костру, ни разу не прикоснувшись к нему руками. А потом он наблюдал, как неподатливые, с сорванной резьбой гайки медленно и неохотно повернулись без всякого инструмента, поднялись над отверстиями, а затем спокойно встали в ряд.

Однажды, как ему показалось давным-давно, он беседовал с *пузырем*, и тот рассказал ему, как эффективно вели дела фабрики его работники, и жаловался при этом, что они настолько усовершенствовали технологии и механизмы на фабрике, что, по его словам, представителям другого стана понадобится, по крайней мере месяц, чтобы разобраться в устройстве.

Эффективно! Бог ты мой, конечно, они работали эффективно! Но, пытался теперь дознаться он, какими новыми, наполовину разгаданными методами смогли они так усовершенствовать фабрику?

А по всей стране, подумал он, сколько задействовано новых принципов и методов? Но люди в станах не считали их чем-то новым, способным многое изменить, на них смотрели просто как на профессиональные тайны, для них это было преимуществом в торговле, гарантией выживания стана. И сколько таких талантов по всей стране, прикидывал он, какое применение находит все это разнообразие талантов?

Новая культура, думал он, она непобедима тогда, когда осознает свою мощь, ее следует освободить от присущего ей провинциализма, освободить от суеверных наслоений новые силы. А это было самым трудным в его замысле, он понимал это: мистика служила им для того, чтобы закрыть глаза на собственное невежество и как-то объяснить непонятные явления. И, наверно, будет очень нелегко заменить мистику сознанием того, что в настоящий момент ограниченность знаний, недостаточное понимание происходящего приводит нас к простому принятию того, что есть, взывает к нашему терпению, пока станет возможным понимание всех этих явлений.

Он вернулся к дереву, где оставил ружье, и взял его. Он радостно поднял его над собой и поразился, насколько естественно легло оно в ладонь, как будто было частью его самого, продолжением его руки.

Что-то подобное, по-видимому, и происходило с этими людьми и с их способностями. Они настолько привыкли к своим фантастическим возможностям, что воспринимали их как нечто будничное, совершенно не осознавая всего величия их.

Господи, что же это за чудо! Стоит развить их таланты, и через какие-нибудь сто лет не понадобится теперешнее косноязычное радио, его заменят телепаты, вся страна будет окутана сетью коммуникаций, не подвластной ни разрушениям, ни состояниям атмосферы, — умная, гуманная система связи, без всяких ограничений, неизбежных в электронных системах.

Исчезнут и грузовики с появлением телепортеров, которые легко, быстро и спокойно, без всяких проволочек и задержек будут переправлять суда от одного побережья к другому и в любые точки Земли, и опять же ни погода, ни состояние дорог не будут служить им помехой.

И это совсем немного из великолепных картин, подсказанных ему воображением. Что тут говорить обо всех остальных — отчасти уже известных, отчасти подразумеваемых и отчасти пока невыполнимых?

Он вышел на дорогу и остановился в задумчивости. Куда двинулся тот стан, где их спрашивали, нет ли среди них инженера по ракетам? И где-то рядом с ним был тот, в котором интересовались химиком, потому что ребята что-то там химичили над горючим, а взрослые боялись от этого взлететь на воздух. И еще его мучила мысль, где бы ему достать такелажника. А еще бы лучше — хорошего, на все руки телепата.

Не такие уж грандиозные планы, признался он себе. Но для начала хватит.

— Подарите мне десять лет, — проговорил он. — Я прошу всего десять лет.

Но даже если у него оставалось всего два года, он должен был начать. Ведь если он хотя бы начнет, потом найдется кто-нибудь, кто продолжит его дело. Кому-то нужно начать. И именно он подходит для этой роли как человек, обладающий объективным взглядом на этот неокочевой мир в свете исторического прошлого. И ведь таких, как я, сохранилось не так уж много, подумал он.

Ему предстоит нелегкая работенка, он это знал, но считал, что дело свое знает хорошо.

И он пошел по дороге, весело насвистывая.

Вроде и дело не такое уж большое, но если удастся осуществить его, это будет сенсация. Стоит только сделать это, и каждый стан будет шпионить, интриговать, обманывать и пускаться во все тяжкие, чтобы овладеть тайной.

А пока, насколько он понимал, ему самому придется заняться чем-то вроде этого, чтобы хоть немного просветить их, чтобы они в конце концов поняли, какой силой владеют, нужно заста-

вить их задуматься над тем, как использовать их необычайные возможности, что произросли на почве социума.

Но все же, где тот стан, в котором нуждались в инженерере по ракетам?

Где-то возле этой вот дороги, дороги пыльной, наводившей на него когда-то уныние, но не теперь.

Нужно пройти какую-то часть этой дороги. Не так уж далеко — каких-нибудь сто или двести миль. А может, и больше?

Он шагал вперед, пытаюсь вспомнить. Но не просто было это сделать. Столько дней промелькнуло и столько станом. Дорожные ориентиры, подумал он, я всегда хорошо запоминал дорожные ориентиры. Но кругом их было слишком много.

11

Он все продолжал свой путь, останавливаясь во встречных станах, и на свой вопрос везде получал один и тот же ответ:

— Ракеты? Да нет, на кой они? Какому дураку нужны нынче ракеты?

И у него стали уже возникать сомнения — а был ли вообще такой стан, в котором проявили заинтересованность в инженерере по ракетам? Действительно, какому дураку нужны нынче ракеты? Какая от них польза?

Его вопрос уже опережал его — то ли благодаря телепатии, то ли радио, то ли слухам, но скоро он стал легендой. И он вдруг увидел, что его уже ждут, как будто предупрежденные, и встречали его везде одним и тем же приветствием, которое уже звучало как шутка:

— Не вы ли тот джентльмен, который ищет ракету?

Но именно это шутливое приветствие и легенда о нем сделали его своим среди них; однако, превратившись в одного из них, он оставался и сторонним наблюдателем: он видел величие, которого они не замечали, величие, сознание которого он должен был — *должен был!* — пробудить в них. Но ни слова, ни проповеди не способны были оживить в них это чувство.

Вечерами он, бывало, сидел с ними за общими беседами, спал с ними в трейлерах, если ему находилось место, помогал им по мелочам и слушал их побасенки. И сам рассказывал их. И при этом все чаще возникало в нем ощущение чего-то неординарного, чуждого, но теперь, когда он немного разобрался в природе этого явления, не тревожился больше, а иногда даже, оглядев кружок собеседников, вычислял того, кто возбуждал в нем это ощущение.

По ночам, лежа в постели, он много думал надо всем этим, и в конечном счете кое-что прояснилось для него.

Человек, даже, может быть, пещерный, всегда обладал этими способностями, но тогда, как и теперь, Человек не понимал своей силы и не развивал этого качества в себе. Он предпочел совсем другой путь прогресса — не разум совершенствовал он, а свои руки, и построил удивительную, потрясающую культуру — культуру машин. Своими руками и самоотверженным трудом он построил огромные, сложные машины, которые могли делать то, что сам мог бы делать всего лишь усилием собственного разума, догадайся он в свое время сделать правильный выбор. Но он предпочел упрятать способности разума за делами рук своих, за изобретениями, а потом, пытаясь определить свой менталитет, насмешками дискриминировал тот самый желанный дар, которого искал.

То, что в конце концов произошло, рассуждал Эмби, вовсе не причуда какая-то в развитии человечества, появление этого было так же неизбежно и необходимо, как появление солнца. Это было всего лишь возвращение на тропу, по которой и надлежало Человеку идти по мере своего развития. Заблуждавшееся на протяжении многих веков человечество снова оказалось на верном пути. И даже если бы никакой децентрализации не произошло и прежняя культура оставалась бы незыблемой, рано или поздно это случилось бы, потому что в самой технологии есть такой пункт, на котором она обязательно должна была прекратить свое существование. Машины все увеличивались в объемах, все усложнялись. Наступала сверхусложненность, которая была обречена на гибель как в машинах, так и в жизни.

Децентрализация ускорила процесс примерно на тысячу лет, но вся ее заслуга только в этом и состояла.

Но и здесь опять Человек изобрел умные — пошлые — слова, чтобы приглушить блеск того, чего он не мог постичь. Телекинетиков обозвали такелажниками, телепатов — фиксаторами, или болтунами, способность передвигать пространство на небольшой промежуток в будущее нарекли вторым видением, а того, кто это делает, водилой. А ведь существовало множество всяких других способностей — неопознанных, едва угадываемых. Они все вместе, без разбору шли под маркой «магия». Но не в названиях дело. Банальное, упрощенное слово служило в конечном счете не хуже, чем научная терминология, и даже могло бы служить более легкому восприятию явления. Но на сей раз самое главное заключалось в том, чтобы люди не отказались от вновь обретенных талантов, не утратили их. Нужно, обязательно нужно, чтобы случилось что-то такое, что повергло бы людей в шок и заставило бы их правильно оценить свой дар.

Так он шел от стана к стану, и не было нужды задавать свой вопрос, потому что вопрос опережал его самого.

Шел он по дороге, живая легенда, и тут услышал другую легенду — о человеке, который, переезжая из стана в стан, везде своим лекарством излечивал людей.

Вначале он отнесся к этому, как к очередной побасенке, но все чаще и чаще слышал легенду и наконец набрел на стан, где лекарь был за неделю до него. В этот вечер, сидя у костра, он услышал удивительные истории.

— Вот, к примеру, — рассказывала ему одна старуха, — миссис Купер, она страдала много лет. Все время блела. Целыми днями валялась в постели. Желудок уже ничего не принимал. А потом выпила бутылку этого снадобья, и все как рукой сняло. Посмотрели бы вы на нее — веселая, как птичка.

Старик по другую сторону костра согласно кивнул.

— Я страдал ревматизмом, — сказал он. — Казалось, никогда от него не избавлюсь. Слабость в ногах денно и нощно. Наш доктор уже ничего не мог поделать. Выпил я эту бутылочку и...

Он встал и в подтверждение сказанного ловко станцевал джигу.

И не только в этом — в двадцати других станах он слышал подобные рассказы о тех, кто вставал с одра и начинал ходить: болезни отступали, на другой же день прекращались боли.

Ну, вот и еще один из них, сказал себе Эмби. Еще один маг. Человек, у которого даже в кончиках пальцев заложено искусство врачевания. И нет им конца, подумал он.

И наконец он повстречал того лекаря.

Как-то в сумерки, в послеобеденный час, когда посуда уже убрана и люди располагаются вокруг костра и начинают свои разговоры, он подошел к стану и никого в нем не обнаружил. Возле трейлеров не было ни души, только одна-две собаки вылизывали консервные банки; улочки, образованные трейлерами, были настолько пустынные, что в ответ на каждый звук раздавалось эхо.

Он стоял в центре стана и думал, не закричать ли, чтобы как-то привлечь к себе внимание, но остерегся. Внимательно осмотрелся вокруг — так внимательно, что ни малейшее движение не осталось бы незамеченным. И тут увидел свет в южном конце стана.

С особой осторожностью он двинулся по направлению к свету и, еще не достигнув его, услышал говор толпы. На мгновение он остановился, сомневаясь, стоит ли идти дальше, но все же медленно пошел.

Наконец за станом, на опушке роши, он увидел людей. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на одинокий трейлер перед собой. Сцену освещали с полдюжины воткнутых в землю осветительных патронов.

На ступеньках лесенки, что вела в трейлер, стоял человек, его голос едва долетал до Эмби; но как ни тих и неразборчив был этот

голос, что-то в нем показалось очень знакомым. Оставаясь на месте, Эмби вспомнил вдруг свое детство и маленький городок, о котором он не вспоминал уже давным-давно, и звуки банджо, и беготню по улицам. Как же было весело, подумал он, и сколько было всяких разговоров. Он вспомнил, как старая леди Эдамс клялась на своем амулете, который некогда приобрела на выставке, а теперь терпеливо ждала, когда в город опять приедут с выставкой, чтобы приобрести там еще амулет. Но выставка так и не приехала.

Он стал пробираться сквозь толпу поближе к трейлеру, какая-то женщина повернулась к нему и прошептала истоиво: «Это он!», как если бы это был сам Всевышний. И снова вся обратилась в слух.

К этому времени оратор на ступеньках трейлера достиг апогея. Голос его не был громким, но увлекал, были в нем и спокойствие и пафос одновременно, но при этом еще и человечность и властность.

— Друзья мои, — говорил он, — я простой человек, не больше того. И не хочу, чтобы вы принимали меня за кого-нибудь другого. Не хочу и обманывать вас, говоря, что я что-то там особенное, потому что ничего подобного нет. Я даже говорить-то не умею правильно. И грамматики я не знаю. Впрочем, наверно, и среди вас есть немало таких, кто слаб в правописании, и, мне кажется, многие поймут меня, так что — все в порядке. Я мог бы спуститься к вам, в толпу, и разговаривать с каждым из вас по отдельности, но вы услышите лучше, если я буду говорить с вами отсюда, со ступенек. Не от желания важничать перед вами — не поэтому я взобрался сюда, повыше. Я не ставлю себя выше вас.

Ну вот, я сказал вам, что не собираюсь дурить вас. Я скорее вырву свой язык и брошу его на съедение свиньям, если скажу хоть одно слово лжи. Так что я не собираюсь превозносить до небес свое лекарство. Я просто начну с вами дела честь честью. Должен сказать вам, что я даже не врач. Никогда не учился медицине. И не понимаю в ней ничего. Я так думаю: я всего лишь посылный — значит тот, кто приносит новое.

С этим лекарством связана целая история, и, если вы еще не собираетесь расходиться, я расскажу ее вам. Началось все очень давно, и кое во что сейчас даже трудно поверить, но мне хотелось бы, чтобы вы поверили, потому что тут каждое слово — правда. Прежде всего я должен рассказать вам о своей старенькой бабушке. Много лет прошло с тех пор, как она умерла, царство ей небесное. И не знаю я женщины лучше и добрее, чем она; помню, был я тогда совсем пацаном...

Эмби отошел в сторонку и улегся прямо на землю.

«Какой наглец! — подумал он. — И сколько нахальства!»

Когда все кончилось, когда все бутылки до последней были распроданы, когда люди вернулись в стан, а владелец лекарства собирал с земли осветительные патроны, Эмби встал и подошел к нему

— Здравствуй, Джейк, — сказал он.

12

— Ах, док, должен вам признаться, — сказал Джейк, — что я был просто прижат к стенке. Ничто нам не светило. Не было денег на горючее, не было еды, а просить милостыню не так уж приятно. И в этом отчаянном положении я начал думать. И решил, что, если человек всю свою жизнь был честен, это не значит, что таким он должен оставаться вечно. Но и в бесчестье я никак не мог найти свою выгоду, не мог придумать, как оно поможет нам прожить — разве что воровством, но это опасно. Хотя я уже готов был на самое худшее.

— Верю, — сказал Эмби.

— О док, — взмолился Джейк, — и что вы все дуетесь? Какой вам смысл злиться? Мы раскаялись уже в тот момент, когда уехали от вас; мы хотели почти сразу повернуть назад и вернулись бы, да я побоялся. И все-таки — все ведь обернулось к лучшему.

Он слегка покрутил баранку, чтобы объехать камень на дороге.

— Так-то вот, сэр, — продолжал он. — В жизни все получается совсем не так, как думаешь. Только покажется тебе, что все, ты тонешь, как тебя подхватывает какая-то волна. Остановились мы как-то вот у этой реки половить рыбки, а детишки нашли мусорную кучу и давай в ней рыться — ну, вы же знаете, как это бывает. И нашли целую кучу бутылок — четыре или пять дюжин. И все совершенно одинаковые. Я представил себе человека, который волочил их с трудом на помойку. Я сидел, смотрел на бутылки — других дел у меня тогда не было — и соображал, смогу ли я пустить их в прибыльное дельце или они просто займут место в трейлере, и я зря поволоку их с собой. И тут будто что-то кольнуло меня. Все они были грязные, а некоторые — с отбитым горлышком, но мы взяли и перемыли их, отполировали, и...

— Скажи мне, что ты налил в бутылки?

— Ладно уж, док, вам я скажу все как есть: я не помню, чем я пользовался в первой партии.

— Насколько я могу судить, к лекарствам ваша смесь никакого отношения не имела.

— Док, да у меня нет никакого представления о том, из чего делаются лекарства. Единственное, чего я опасался, это чтобы в

бутылки не попало ничего такого, от чего люди могли бы умереть или серьезно заболеть. Но требовалось, чтобы оно было горьким, иначе они решат, что снадобье так себе, неважное. Мерт, она сначала так волновалась, а сейчас ничего, привыкла. Особенно с тех пор, как люди стали заявлять, что снадобье им помогает, хотя, сказать по совести, никак не могу понять, почему, елки зеленые, оно им помогает. Док, ради всего святого, скажите, как эта гадость может им помочь?

— Она им и не помогает.

— Но люди твердят, что помогает. Вот была тут одна старушонка...

— Это связано с верой, — сказал Эмби. — Они живут в мире магии и готовы поверить во что угодно. Они просто жаждут чуда.

— Так вы считаете, что это у них в голове?

— Все, до последней капли. Они не имеют никакого представления о том, что такое ложь, обман, иначе у тебя никогда ничего не вышло бы, они принимают на веру все твои слова. Они пьют твое снадобье и при этом так глубоко верят в то, что оно поможет, что оно действительно им помогает. Им никогда не забивали мозги мощными рекламными воззваниями, по крайней мере до известного возраста. Они не знают, что такое мошенничество, вранье или угроза. Поэтому они так легко верят всему.

— Да, пожалуй, так оно и есть, — согласился Джейк. — Я рад, что узнал об этом, а то что-то не давало мне покоя.

На заднем сиденье дети устроили очередную потасовку, Джейк прикрикнул на них, но они продолжали свою возню. Все было совсем так же, как в прошлые времена.

Эмби удобно откинулся на спинку сиденья, наблюдая за всем, что мелькало за окнами трейлера.

— Ты точно помнишь, где находится этот стан?

— Прямо вижу его перед собой, будто это было только вчера. Помню, как смешно эти парни говорили, что им нужен инженер по ракетам. И зачем он им?

Он сбоку посмотрел на Эмби.

— И что за охота на вас напала непременно найти именно тот стан?

— Есть идея, — ответил Эмби.

— А знаете, док, у меня тоже есть идея: почему бы нам, раз уж мы снова вместе, не составить одну команду. Вы с вашей седой головой и умением так много и складно говорить...

— Об этом забудь, — сказал Эмби.

— И чего плохого вы в этом углядели? — удивился Джейк. — Мы устроили такое шоу! Ведь именно с этого все и началось и привлекло их ко мне. У них ведь теперь жизнь совсем не та, что была раньше, — ни тебе телевизора, ни кино, ни бейсбольных сражений, ничего такого нет. Не слишком-то развлечешься в

нынешнее время, и даже просто послушать нас они обязательно придут.

Эмби ничего не ответил.

Это хорошо, что мы опять вместе, думал он. Следовало бы рассердиться на Джейка, но он не мог сердиться. Они все так искренне обрадовались, увидев его, даже дети и Мерт, и так старались загладить свою вину.

А случись им снова оказаться в подобной ситуации, и Джейк решит, что им выгоднее уехать от него, они так же точно бросят его. Но сейчас ему было хорошо с ними, и они ехали туда, куда ему было нужно. Он был доволен. Сколько еще времени промаялся бы он в поисках нужного стана, не подвернись ему Джейк с трейлером, подумал он. Да и вообще весьма сомнительно, что он сам смог бы отыскать его.

— А знаете, — продолжал разговор Джейк, — я тут надумал: почему бы мне в конгресс не податься? Мой лекарский опыт дал мне немалую практику публичных выступлений, и я придумал уловку, на которой я бы хорошо сыграл, — запретить дорожный налог. Ничто другое так не раздражает наш народ, как эти налоги.

— Тебя не примут в конгресс, — сказал Эмби. — У тебя нет постоянного местожительства. Ты даже не принадлежишь ни к какому стану.

— Вот об этих вещах я как-то не подумал. Может, если я немного поживу в одном из станов...

— Да нельзя запретить подорожный налог, если хочешь, чтобы дороги содержались в порядке.

— Наверное, вы правы, док, но ведь это позор — так докучать людям этим дорожным налогом. Они ужасно раздражены.

Он взглянул на часы.

— Если ничего не случится, — сказал он, — будем в вашем стане завтра к вечеру.

13

— Она не заработает, — заявили они.

Но он и раньше знал, что они так скажут.

— Она не заработает, если вы не скооперируетесь, — сказал Эмби. — Чтобы задействовать ее, нужно горючее.

— У нас есть горючее.

— Оно не годится, — возразил Эмби. — Оно негодное... А вот в соседнем стане получают горючее...

— Вы хотите, чтобы мы с протянутой рукой...

— Зачем же «с протянутой рукой»? У вас есть кое-что; у них тоже есть кое-что. Почему бы вам не наладить торговлю?

Они переваривали услышанное, сидя вокруг костра под старым дубом, что рос посреди стана. Он наблюдал за процессом переваривания, за их грубыми, озабоченными лицами, морщинистыми лицами янки девятнадцатого века, за их сжатыми между колен руками с глубоко въевшейся в них грязью и машинным маслом.

Их окружали трейлеры с прицепами, сушившееся на веревках белье, женские и детские лица, выглядывавшие из окон и дверей, на удивление молчаливые: проходил очень важный совет, и они знали свое место.

А за трейлерами возвышались корпуса завода сельскохозяйственных машин.

— Должен вам сказать, мистер, — начал агент по труду, — эти ракеты не более как наше хобби. Было такое дело: ребята нашли где-то книги о них, заинтересовались. А через некоторое время весь стан читал их и загорелся идеей. Но это для нас все равно что бейсбол или соревнования по стрельбе. Не такие уж мы одержимые. Дело это для нас вроде забавы.

— А если бы вы смогли пользоваться этими ракетами?

— Никаких предубеждений против использования ракет у нас нет и не было, но сначала нужно серьезно это обдумать.

— Вам понадобится несколько такелажников.

— У нас есть такелажники, у нас их много. Мы можем поднимать все что угодно. С их помощью мы снизили себестоимость продукции и теперь можем платить им столько, сколько они пожелают. Они работают у нас в основном в сборочном цехе.

Поднялся один из тех, кто помоложе.

— Есть один вопросик в связи с этим. Такелажник может поднять самого себя?

— А почему бы нет?

— Предположим, вы берете кусок трубы. Без всяких усилий вы поднимаете трубу. Но попробуйте встаньте на нее — тогда можете пыжиться сколько влезет, но с места ее не сдвинете.

— Такелажник может поднять себя, точно вам говорю, — сказал агент по труду. — У нас есть один парень в сборочном, так он летает на тех деталях, с которыми работает. Заявляет, что так у него быстрее получается.

— Ну так вот, — сказал Эмби, — посадите вашего такелажника в трейлер — как вы думаете, сможет он его поднять?

Агент по труду кивнул.

— Запросто.

— И управлять им? И приземлиться, не взорвавшись?

— Конечно.

— Но все равно — далеко-то он не уедет. Скажите-ка, какое расстояние он может преодолеть?

— Ну, миль так пять... или десять. Это только выглядит, что ему все это нипочем, а на самом деле это для него большой труд.

— Но если снабдить трейлер ракетным двигателем, тогда та-келажнику останется только поддерживать его на весу. Под силу это ему?

— Ну, точно я не скажу, — ответил агент по труду, — но, пожалуй, это для него не такой уж большой труд. Он хоть целый день может держать его в подвешенном состоянии.

— А если что-нибудь случится, например загорится ракета, он сможет посадить трейлер на землю невредимым?

— И посадит.

— Тогда чего ж это мы зря время теряем?

— Мистер, к чему вы ведете?

— К летающим станам, — сказал Эмби. — Неужели вы все еще ничего не поняли? Предположим, вы захотели перебраться на другое место или просто отправиться на отдых. Тут весь стан поднимается в воздух, и почти в тот же миг вы оказываетесь на месте.

Агент по труду потер подбородок.

— Может, так и будет, — допустил он. — Скорее всего, получится. Но чего ради нам суетиться? Если мы задумаем куда-нибудь поехать, мы соберемся и поедем. А торопиться нам некуда.

— И в самом деле, — подтвердил кто-то из присутствующих, — нам-то чего ради во все это влезать?

— Ну, хотя бы из-за дорожного налога, — сказал Эмби. — Если вы не будете пользоваться дорогами, то и дорожный налог вам не придется платить.

В наступившей тишине он оглядел всех и понял, что он их достал.

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ

I

Беда приключилась в сумерки, когда последний грузолет снижался к временному товарному складу и все его восемь небольших двигателей мерцали в полумраке голубыми огоньками.

Только что он плыл, медленно снижаясь, над землей, на нем громоздились грудой ящики, на этой гряде сидели сопровождающие роботы, а в следующее мгновение отказал один двигатель, за ним другой, и вдруг грузолет накренился. Ящики посыпались вниз, а сопровождающие роботы вместе с ними. Потеряв равновесие, грузолет ошалело завертелся и пронзительно воющим колесом яростно ринулся по стремительно сужающейся спирали вниз, к базе.

Стив Шеридан кинулся прочь от ящиков, сложенных рядом с его палаткой. В сотне ярдов от него, с громopodobным грохотом, перекрывшим даже завывание корабля, груз ударился о землю. Упаковка разбилась, и из нее вывалились исковерканные и раздавленные товары, образуя бесформенную грудку.

Пригибаясь, Шеридан ринулся к открытому входу в палатку, и в тот же миг, врезавшись во временную радиорубку, поставленную меньше часа назад, упал сам грузолет. Наполовину уйдя в землю, он выбросил из образовавшегося кратера песок и гравий, и они шквалом обрушились на палатку.

Лоб Шеридана оцарапал голыш, в щеку ударило песком, а потом он очутился внутри палатки, и его руки лихорадочно нащупывали сундучок с трансмогами, что стоял возле письменного стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия, где ты?

Он принялся торопливо перебирать связку ключей, наконец нашел нужный и вставил в замок. Один поворот — и с легким щелчком крышка сундучка открылась.

Снаружи слышался топот бегущих роботов.

Он откинул крышку и начал вынимать из сундучка секции, в ячейках которых размещались трансмоги.

— Езекия! — снова закричал он.

Именно Езекия знал, где какой трансмог; он мог не глядя сразу выудить нужный.

Брезент за спиной у Шеридана зашуршал, и в палатку вбежал Езекия. Он отстранил Шеридана.

— Разрешите мне, сэр, — сказал он.

— Нам будут нужны роботехники, — сказал Шеридан. — Ребята, наверное, здорово грохнулись.

— Вот они. Может, вставьте, сэр? У вас это получается лучше, чем у любого из нас.

Шеридан взял три трансмога и опустил в карман куртки.

— К сожалению, сэр, больше нет, — сказал Езекия. — Это все, что у нас имеется.

— Ну что поделаешь, — сказал Шеридан. — А что с радиорубкой? Там кто-нибудь был?

— Насколько я знаю, не было никого. Сайлас оттуда вышел как раз перед этим. Ему очень повезло, сэр.

— Это точно, — согласился Шеридан.

Пригнувшись, он выбрался из палатки наружу и побежал к грудке разбитых ящиков и упаковочных клетей. На ней, обезумело ее раскапывая, копошились роботы. Еще на бегу он увидел, как они наклоняются и вытаскивают из-под ящиков какой-то смятый металлический предмет. Они сволокли его вниз, оттащили в сторону, опустили на землю и, обступив, стали разглядывать.

Шеридан подбежал к группе, окружавшей кусок металла.

— Эйб, — переводя дух, спросил он, — вы вытащили обоих? Абрахам обернулся:

— Нет еще, Стив. Макс пока там.

Шеридан протолкался к искалеченному роботу и опустился возле него на колени. Середина корпуса была вдавлена с такой силой, что грудная пластина почти касалась спины. Ноги были сломаны, руки вывернуты и закручены под каким-то невероятным углом. Голова была свернута набок, а кристально чистые глаза глядели без всякого выражения.

— Лем, — прошептал он, — Лемуэль, ты меня слышишь?

— Нет, не слышит, — сказал Абрахам. — Его и вправду здорово тюкнуло.

— Роботехники у меня с собой, в кармане. — Шеридан поднялся. — Целых три. Кто возьмется? Работать придется быстро.

— Рассчитывайте на меня, — сказал Абрахам, — и вот на него, Эбenezера, и...

— И на меня тоже, — добавил Джошуа.

— Нужны инструменты, — сказал Абрахам. — Без инструментов мы не сможем ничего сделать.

— Вот вам инструменты! — крикнул, подбегая, Езекия.

— Я знал, что они вам понадобятся.

— И свет, — сказал Джошуа. — Становится темно, а нам, судя по всему, придется возиться с его мозгом.

— Нужно положить его куда-нибудь повыше, объявил Абрахам, — чтобы мы могли работать. Пока он лежит на земле, мы не сможем сделать ничего.

— Положите его на стол для заседаний, — предложил Шеридан.

— Эй, ребята! — заорал Абрахам. — Перетащите Лема на стол для заседаний!

— Мы откапываем Макса! — прокричал в ответ Гидеон. — Перетащите сами!

— Мы не можем! — закричал Абрахам. — Стив будет сейчас менять нам трансмоги...

— Сядьте, — приказал Шеридан. — Мне не достать, когда вы стоите. А свет у кого-нибудь есть?

— У меня, сэр, — сказал стоявший рядом Езекия и протянул Шеридану фонарик.

— Посвети, чтобы я мог сменить ребятам трансмоги.

Тяжело топая, трое роботов подняли изувеченного Лемуэля и понесли на стол для заседаний.

При свете фонарика Шеридан достал ключи и быстро нашел тот, который был ему нужен.

— Держи фонарь так. Я не могу делать это в темноте,

— А когда-то мог, — сказал Эбenezер. — Забыл, Стив?

— На Галанове. Правда, не разглядел наклейки на трансмогах и вставил Улиссу миссионерский, хотя тебе требовался лесоруб, — и он начал проповедовать, — Ну и ночка была!

— Помалкивай, — сказал Шеридан, — и сиди спокойно! Как, по-твоему, я могу их вставить, если ты все время ерзаешь?

Он ловко сдвинул вниз почти невидимую пластину на затылке Эбenezера, просунул внутрь руку и нащупал трансмог космического рабочего. Быстрым движением он вырвал его из гнезда и сунул в карман, а потом воткнул в гнездо трансмог роботехника, и тот, щелкнув, стал на место. Тогда он поднял пластину вверх и услышал, как негромко звякнул ее замок.

Не теряя времени, Шеридан принялся за следующего. Эбenezер едва успел встать на ноги и поднять ящик с инструментами, а он уже сменил трансмоги и у двух остальных.

— Пошли, — сказал Эбenezер, — надо приниматься за Лема. Размашистым шагом все трое удалились прочь.

Шеридан огляделся. Езекия и его фонарик исчезли — вероятнее всего, поспешили куда-нибудь, где тоже требовалось их присутствие.

Роботы все еще копались в куче товаров. Желая помочь им, он обежал груды вокруг и начал вытаскивать из нее одно, другое, третье и отбрасывать в сторону.

Гидеон, оказавшийся рядом, спросил:

— Обо что это ты стукнулся, Стив?

— Что?

— У тебя все лицо в крови.

Шеридан пощупал. Лицо было мокрое и клейкое.

— Наверное, галька, — сказал он.

— Скажи Езекии, чтобы он этим занялся,

— Когда разыщем Макса, — сказал Шеридан, возвращаясь к работе.

Максимилиана они нашли минут через пятнадцать, в самом низу кучи. Тело его было непоправимо изуродовано, но разговаривать он все же мог.

— Долго же вы копали, ребята, — сказал он.

— Помолчи-ка лучше, — сказал Рубен. — Наверное, сам все и подстроил, чтобы обзавестись новым корпусом.

Они вытащили его из кучи и поволокли. От сломанных рук и ног то и дело отламывались кусочки. Роботы бросили его на землю и побежали к радиорубке.

Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Взяли и бросили меня, как мусор!

Шеридан присел возле него на корточки:

— Не волнуйся, Макс. Грузолет ударил по радиорубке, и дела там плохи.

— А Лемуэль? Что с Лемуэлем?

— Не слишком хорошо. Мальчишки над ним работают.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Мы летели, все было прекрасно, и вдруг грузолет взбрыкнул и нас скинул.

— Отказали два двигателя, — объяснил Шеридан. — Почему — мы, наверное, никогда не узнаем: грузолет разбился. Ты и вправду чувствуешь себя хорошо?

— Правда. Но не давай им валять дурака. Это было бы на них похоже — не менять мне корпус. Просто так, смеха ради. Ты за ними проследи.

— Корпус ты получишь при первой возможности. На сколько я понимаю, как раз сейчас Езекия разыскивает запасные тела.

— Ну и ну! — сказал Максимилиан. — Переправили с орбиты почти весь груз, на миллиард долларов, не разбили ни...

— Так всегда и бывает, Макс. Против закона вероятности не пойдешь.

Максимилиан хихикнул.

— Ну и чудные же вы, люди! Все-то вы рассчитываете заранее, предчувствуете, и...

Из темноты вынырнул Гидеон.

— Стив, надо как-то остановить двигатель грузолета. Они будто с цепи сорвались, того и гляди, какой-нибудь из них взорвется.

— Но я думал, что вы...

— Стив, космическим рабочим самим здесь не управиться. Нужен атомный техник.

— Тогда пошли со мной.

— Эй! — завопил Максимилиан.

— Я вернусь, — успокоил его Шеридан.

Никаких следов Езекии в палатке не было. Шеридан как безумный начал рыться в сундуке с трансмогами. Наконец он нашел трансмог атомного техника.

— Кажется, идти придется тебе, — сказал он Гидеону.

— Хорошо, — согласился робот. — Но побыстрее, не то какой-нибудь двигатель взорвется и заразит радиацией всю округу. Нам-то ничего, но тебе придется туговато.

Шеридан извлек наружу трансмог космического рабочего и вставил на его место другой.

— До скорого, — сказал Гидеон и опрометью выбежал из палатки.

Шеридан не сводил глаз с разбросанных повсюду трансмогов. «Ну и задаст же мне Езекия!» — подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Белый фартук на нем был заправлен за пояс, а белый поварской колпак надет набекрень.

— Стив, — спросил он, — ты не возражаешь против холодного ужина?

— Нисколько.

— Этот грузолет не только повредил радиорубку, он еще в лепешку расплющил печь.

— Холодный ужин меня вполне устраивает. Послушай, ты не сделаешь для меня еще кое-что?

— Что именно?

— Там Макс остался один, искалеченный и напуганный. Ему очень одиноко. В палатке он почувствовал бы себя лучше.

Наполеон вышел, ворча:

— Я шеф-повар — и кого-то должен таскать...

Шеридан начал подбирать разбросанные по полу трансмоги и подыскивать для каждого нужную ячейку.

Вернулся Езекия. Он помог собрать трансмоги и разложил их по местам.

— С Лемуэлем будет все в порядке, сэр, — уверил он Шеридана. — Просто перепутались провода, и нервная система замкнулась. Пришлось вырезать большие куски провода. Голый мозг — вот почти все, с чем им приходится сейчас иметь дело. Понадобится время, чтобы поместить его в другой корпус и соединить все контакты.

— Мы еще легко отделались, Езекия.

— Пожалуй, вы правы, сэр. Я полагаю, Наполеон сказал вам о печке?

Наполеон втащил все, что осталось от Максимилиана, в палатку и прислонил к столу.

— Что-нибудь еще? — с убийственным сарказмом спросил он.

— Нет, спасибо, Наппи. Это все.

— Ну, — требовательно спросил Максимилиан, — так как насчет нового тела?

— Придется обождать, — сказал Шеридан. — Ребята заняты с Лемуэлем. Работы выше головы. Но скоро с ним будет все в порядке.

— Вот и хорошо, — сказал Максимилиан. — Лем робот что надо. Просто стыд был бы его потерять.

— Не так-то много мы и теряем, — заметил Шеридан.

— Это верно, — сказал Максимилиан. — Мы живучие, уничтожить нас ой как нелегко!

— Сэр, — сказал Езекия, — вас, кажется, немного поранило. Может, я позову кого-нибудь и вставлю в него трансмог врача?

— Пустяки, — сказал Шеридан. — Просто царапина. Вот если бы ты раздобыл воды мне умыться...

— Разумеется, сэр. Если повреждение незначительное, то, быть может, я смогу вам помочь.

Он пошел искать воду.

— Этот Езекия тоже хороший парень. — Максимилиан явно был благожелательно настроен к окружающим. Кое-кто иногда

считает его неженкой, но в серьезных случаях он не подводит никогда.

— Не знаю, что бы я делал без Езекии, — ровным голосом произнес Шеридан. — Мы, люди, не так неприхотливы, непритязательны, как вы. Нам нужно, чтобы о нас заботились. Езекия работает в лучших традициях своей профессии.

— Не понимаю, что тебе от меня нужно? — огрызнулся Максимилиан. — Я же сказал: он парень хороший.

С большой жестянкой воды и полотенцем вернулся Езекия.

— Вот вода, сэр. Гидеон просил вам передать, что с двигателями все в порядке. Они их выключили.

— Тогда, пожалуй, действительно все в порядке, если только они спокойны за Лемуэля, — сказал Шеридан.

— Похоже, сэр, что они очень спокойны.

— Вот и прекрасно, — со свойственной роботам безапелляционностью заявил Максимилиан. — Завтра утром можно начинать продажу.

— Да, — сказал Шеридан и, стоя над жестянкой с водой, начал снимать куртку.

— Это-то легко. Месяца через три, а то и раньше разделаемся подчистую и отчалим.

Шеридан покачал головой.

— Нет, Макс. Легко не бывает никогда.

Он наклонился над жестянкой и плеснул воду в лицо и на голову.

И так оно и есть на самом деле, сказал он себе. Чужая планета — это чужая планета, как на нее ни посмотри. Какой бы тщательной ни была предварительная разведка, прозорливым — планирование, всегда останется что-то, чего нельзя предвидеть заранее.

Быть может, думал он, если бы экипаж мог заниматься все время одним и тем же делом, в конце концов и удалось бы выработать безошибочный курс действий. Но когда работаешь для «Центральной торговли», и мечтать ни о чем таком не приходится.

Интересы «Центральной торговли» охватывают множество самых разных вещей. На Гарсоне IV это торговля в подлинном смысле этого слова. В другой раз и в другом месте это может быть дипломатическая миссия или оздоровительная акция. Пока тебе не сообщат нового задания, ты никогда не знаешь, какой сюрприз ждет тебя и твой экипаж роботов.

Шеридан потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер VII? — спросил он Максимилиана.

— Еще бы, Стив. Но там нам просто не повезло. Не вина Эбнезера, что он совершил эту небольшую ошибку.

— Передвинуть не ту гору — незначительная ошибка, — с нарочитым спокойствием заметил Шеридан.

— Это все из-за «Центральной». — В голосе Максимилиана зазвучали нотки возмущения. — Они не так пометили чертежи и...

— Давай-ка бросим трепаться, — предложил Шеридан. — Это было и прошло. Заводиться не к чему.

— Может, ты и прав, — сказал Максимилиан, — но все равно обидно. Мы летим туда и поворачиваем все так, как никакому другому экипажу и не снилось. И тут «Центральная» передергивает карты и во всем начинает винить нас. Нет, я тебе говорю: «Центральная» стала слишком большой и неповоротливой.

И слишком самодовольной, подумал, но не сказал Шеридан.

Слишком большой и слишком снисходительной к себе во многих отношениях. Взять, например, эту планету. «Центральной» давно следовало послать сюда торговую бригаду, но она только суетилась и волновалась, интриговала и бездействовала, назначала комиссии, чтобы те занимались создавшейся ситуацией, и иногда о ней упоминалось даже на заседаниях совета директоров. Но до тех пор, пока этот вопрос не прополз через весь, от начала до конца, ужасающий лабиринт инстанций, реально не делалось ровным счетом ничего.

Немножко конкуренции, сказал себе Шеридан, вот что по-настоящему нужно «Центральной»! Быть может, если бы какая-нибудь другая компания поставила себе целью перехватить у нее бизнес, «Центральная торговля» стряхнула бы с себя наконец свое большое, жирное чванство.

В палатку вошел, тяжело ступая, Наполеон и брякнул на стол тарелку, бутылку и стакан. На тарелке высилась горка холодного мяса и нарезанных овощей; в бутылке было пиво.

Шеридан взглянул на него с удивлением.

— Я и не знал, что у нас есть пиво.

— И я тоже, — сказал Наполеон, — но смотрю, вот оно. Все меньше и меньше знаешь, Стив, что вокруг тебя происходит.

Шеридан отшвырнул полотенце и сел за стол.

— Я бы предложил и тебе, — сказал он Максимилиану, наливая себе стакан пива, — но ведь знаю, что от него у тебя заржавеют кишки.

Наполеон захохотал.

— В настоящее время, — сказал Максимилиан, — у меня кишок, в общем, нет. Почти все вывалились.

Громко топая, стремительно вошел Абрахам.

— Говорят, вы куда-то упрятали Макса.

— Да вот я, Эйб! — с надеждой в голосе отозвался Максимилиан.

— Да-а, в хорошеньком ты состоянии, нечего сказать, — протянул Абрахам. — Все шло как по маслу, а вы, два клоуна, взяли и все испортили.

— Как Лемуэль? — спросил Шеридан.

— С ним все в порядке, — ответил Абрахам, — Те двое сейчас над ним работают, и я им, в общем, не нужен. Вот я и пошел искать Макса.

Он повернулся к Наполеону:

— Ну-ка берись покрепче и помоги мне перетащить его на стол.

Ворча, Наполеон ухватился за Максимилиана, и они с Абрахамом его подняли.

— Таскал его половину ночи, — пожаловался он. — Давайте не будем больше возиться с ним. Давайте выкинем его на свалку.

— Только этого он и заслуживает, — с притворной яростью сказал Абрахам.

Они вышли с ним из палатки и понесли его дальше. От Максимилиана по-прежнему отламывались и падали на землю куски.

С сундучком для трансмогов Езекия все закончил — аккуратно разложил трансмоги по местам и удовлетворенный опустил крышку.

— Теперь, когда мы одни, — сказал он, — разрешите мне посмотреть ваше лицо.

Шеридан пробурчал что-то набитым ртом.

Езекия осмотрел его.

— Только царапина на лбу, но по левой стороне лица, сэр, как будто кто-то прошелся наждачной бумагой. Вы точно не хотите вставить кому-нибудь трансмог врача? На это надо бы посмотреть медику.

— Да оставь, как есть, — сказал Шеридан. — Пройдет.

В палатку просунул голову Гидеон:

— Езекия, Эйб рвет и мечет по поводу тела, которое вы подобрали Максу. Говорит, старое, латаное. У тебя нет другого?

— Могу посмотреть, — сказал Езекия. — Было довольно темно. Там есть еще несколько. Можно их посмотреть.

Они вышли, и Шеридан остался один.

Продолжая есть, перебирал в уме события вечера.

Им не повезло, это правда, но все могло обернуться куда хуже. Не бывает, чтобы все шло гладко. Если подумать, так им просто повезло. Потеряли лишь время и один грузолет с товарами, а вообще-то вышли сухими из воды.

В конце концов, успокаивал он себя, начали они хорошо. Корабль и грузовые сани на орбитах, близких к поверхности, груз переправлен вниз, и на этом небольшом полуострове, врезавшемся в озеро, они в безопасности — в той мере, в какой вообще можно рассчитывать на безопасность, находясь на чужой планете.

Гарсонiane, безусловно, не были воинственными, но все равно никогда не следует забывать об опасностях.

Он доел и отодвинул тарелку в сторону. Вытащил из стопки карт и бумаг, лежавших на столе, папку. Медленно развязал тесемки и вытряхнул содержимое. В сотый раз начал просматривать отчеты, доставленные «Центральной торговле» первыми двумя экспедициями.

Люди впервые прибыли на эту планету двадцать с лишним лет назад, произвели предварительную разведку и привезли назад записи, фотоснимки и образцы. Обычная процедура; сколько-нибудь полного или хотя бы широкого обследования не производили. Никто ни на что особенное и не рассчитывал — просто еще одно дело в ряду похожих других. Много планет подвергалось выборочному обследованию подобного рода, и в девятнадцати случаях из двадцати это ничего не давало впоследствии.

Но в случае Гарсона IV это дало кое-что весьма осязаемое.

«Кое-что» был клубень, на вид ничем не примечательный, очень похожий, по сути, на мелкий сморщенный картофель. Доставленный экспедицией среди всякой всячины, собранной ею на этой планете, он, когда пришла его очередь, был подвергнут обычному лабораторному анализу. Результаты оказались потрясающими.

Из лодара, как называли клубень местные жители, было экстрагировано вещество, которому дали страшно длинное и труднопроизносимое название и которое, как выяснилось, было почти идеальным транквилизатором. Судя по всему, у него не было никаких нежелательных побочных эффектов: оно не приводило к летальному исходу, даже если его принимали слишком большими дозами; более того: те, кто им пользовался, легко к нему привыкали — качество самое привлекательное с точки зрения любого, кто мог быть заинтересован в продаже средства.

Для людей подобное средство было подлинным благословением. Год за годом искали в лабораториях транквилизатор с такими свойствами, и вдруг он появился — дар новонайденной планеты.

Через невероятно короткое, учитывая присущую «Центральной торговле» медлительность, время на Гарсон IV была послана вторая экспедиция с экипажем роботов, превращенных при помощи трансмогов в торговых экспертов, психологов и дипломатов. Экспедиция проработала на планете два года с удовлетворительными, в общем-то, результатами. Она увезла с собой на Землю груз лодаров, множество методично собранных данных и торговое соглашение, по условиям которого гарсонияне должны производить и хранить лодары до того дня, когда придет с товарами для обмена новая экспедиция.

То есть мы, подумал Шеридан.

И все было в порядке, если, разумеется, не считать того, что они запоздали на пятнадцать лет.

Ибо «Центральная торговля» после множества заседаний решила выращивать лодары на Земле. Это, указывали экономисты, было бы несравненно дешевле долгих и дорогостоящих путешествий, необходимых для того, чтобы доставлять лодары с далекой планеты. Тот факт, что, поскольку дело касалось торгового соглашения, гарсониане от этого потерпят убытки, по-видимому, никому не приходил в голову. Правда, учитывая характер гарсониан, это их, вероятно, не слишком расстроило.

Ибо гарсониане были существами в лучшем случае беспомощными, и вторая экспедиция, когда начала объяснять им, как осуществляется и почему ведется межзвездная торговля, на первых порах испытывала затруднения. Хотя справедливости ради следует сказать, что когда они все поняли, то проявили достаточный интерес.

Земная почва лодарам удивительно подошла. Они росли лучше и более крупными, чем на родной планете. Это и понятно, если принять во внимание, что свою почву гарсониане возделывали кое-как.

Лодары, привезенные второй экспедицией, были использованы как семена, а потом понадобилось еще несколько лет, прежде чем семенных лодаров накопилось достаточно для того, чтобы коммерчески оправдать их выращивание.

И наконец это произошло: первая небольшая партия чудо-лекарства была приготовлена и под рекламные фанфары по высокой цене выпущена в продажу.

Казалось, все идет как нельзя лучше.

Снова фермеры Земли получили с далекой планеты прибыльную культуру. Наконец-то у человека появился транквилизатор, который он искал столько лет.

Но по мере того как годы шли, энтузиазм начал вянуть. Ибо похоже было, что средство, вырабатываемое из лодаров, утратило свою силу. Или оно было не такое хорошее, как показалось поначалу, или при выращивании его на Земле исчезал какой-то существенный фактор.

Лаборатории лихорадочно работали над решением этой проблемы. Лодарами засадили экспериментальные участки на других планетах в надежде, что в почве, воздухе или общих характеристиках какой-нибудь из них окажется вдруг необходимый элемент, если беда была в том, что такого элемента недостает.

И тогда «Центральная торговля» со свойственной ей медлительностью и пристрастием к бюрократическому решению дел стала планировать ввоз клубней, вспомнив (быть может, несколько запоздало) о торговом соглашении, подписанном около двух де-

сятков лет назад. Но особенно она не торопилась — в любой день, как всем хотелось думать, мог быть найден ответ, который спасет будущее этой культуры на Земле.

Когда же ответ был получен, оказалось, что он полностью исключает Землю, как, впрочем, и все другие места, кроме родной планеты лодара. Как обнаружили лаборатории, стойкость воздействия лекарства в большой мере зависела от химических реакций простейшего организма, живущего в корнях лодара. А этому виду простейших хорошо жилось, по-видимому, только на Гарсоне IV.

И наконец, через пятнадцать с лишним лет, на Гарсон IV отправилась третья экспедиция. Она спустилась, переправила на планету груз и теперь была готова на следующее же утро начать скупку лодаров.

— Крохотные деревушки, — продолжал Езекия, — и в каждой на площади красный амбар. Выглядит, простите меня, сэр, как смесь Новой Англии с Нижней Растрепией.

— Ну уж ты скажешь — Нижней Растрепией! С нашими гарсоннианскими друзьями дело обстоит совсем неплохо. Может быть, они и вправду немного беспомощны и довольно-таки беспечны, но свои селения они содержат в чистоте, а уж дома их прямо сверкают.

Он вытащил из стопки бумаг фотографию:

— Вот, посмотри.

На фотографии можно было видеть деревенскую улицу, чистую и тихую, с рядами опрятных домиков, спрятавшихся в тени деревьев, вдоль улицы тянулись ряды ярких цветов, и кругом были люди — маленькие, веселые, похожие на гномов человечки.

Езекия взял фотографию.

— Готов признать, сэр, на вид они веселые. Хотя, быть может, не слишком сообразительные.

Шеридан поднялся:

— Пожалуй, посмотрю, что там происходит, и проверю, как идут дела.

— Все в порядке, сэр, — сказал Езекия. — Место падения ребята расчистили. К сожалению, сэр, должен сказать, что уцелела только небольшая часть груза.

— Удивительно, что хоть что-то осталось, если учесть, как все выглядело.

Шеридан неторопливо перебирал листы из папки. Вообще говоря, думал он, нет никакой необходимости снова смотреть на все эти данные, он и так знает их на память.

Зашуршал брезент, и в палатку вошел Езекия.

Шеридан поднял голову.

— Прекрасно, — сказал он, — вот ты и вернулся. Починили Макса?

— Мы нашли для него подходящее тело, сэр.

Шеридан отодвинул бумаги в сторону.

— Езекия, как твое впечатление?

— От планеты, сэр?

— Вот именно.

— Дело в том, что амбары... Вы их видели, сэр, когда мы опустились. По-моему, я говорил вам о них.

Шеридан кивнул:

— Строить их научила гарсониан вторая экспедиция, чтобы хранить в них лодары.

— Все они выкрашены в красный цвет, — сказал робот. — Точь-в-точь как амбары на наших рождественских открытках.

— Ну и что здесь не так?

— Вид у них, сэр, немного странный.

Шеридан рассмеялся.

— Странный не странный, но в этих амбарах для нас все! Они, наверное, битком набиты лодарами. Пятнадцать лет гарсониане их копили и почти наверняка ждали, когда же мы наконец прилетим торговать...

— Не уходите слишком надолго, — сказал Езекия. — Вам нужно хорошенько выспаться. День завтра предстоит нелегкий, вы будете на ногах еще до рассвета.

— Скоро вернусь, — пообещал Шеридан и, пригнув голову, вышел из палатки.

Уже стояли группами, отгоняя черноту ночи, прожекторы на столбах. С места, куда упал грузолет, доносились мерные звуки ударов по металлу. От грузолета не осталось и следа, и бригада роботов — космических рабочих хлопотливо возводила новую радиорубку. Еще одна бригада ставила шатер над столом для заседаний, где Абрахам с его роботехниками все еще колдовал над Лемуэлем и Максимилианом. А перед временной кухней, сидя на корточках, самозабвенно играли в кости Наполеон и Гидеон.

Шеридан увидел, что Наполеон снова установил свою печь под открытым небом.

Когда он подошел к роботам, они повернули головы в его сторону и поздоровались, а потом как ни в чем не бывало продолжили игру.

Шеридан понаблюдал за ними некоторое время, затем медленно побрел дальше.

Он покачал недоуменно головой: фанатичная увлеченность роботов азартными играми всегда его удивляла. Это, думал он, просто одна из тех многих вещей, которые человеческому существу никогда не понять.

Ведь, казалось бы, с точки зрения робота, азартные игры — совершенно бессмысленная затея. У роботов нет собственности, нет денег, нет вещей. Ни в чем этом они не нуждаются и ничего этого для себя не хотят и, однако же, играют в азартные игры как одержимые.

Возможно, говорил он себе, они лишь обезьянничают, подражают в этом людям. Сама природа робота надежно ограждает его от возможности предаваться человеческим порокам — почти всем. Но вот азартные игры даются ему так же легко, а может быть, даже легче, чем любому человеку.

Но что это им дает, изумлялся он. Никакой выгоды, никакой прибыли — таких вещей, как выгода и прибыль, для робота не существует. Быть может, волнующие переживания? Выход для их агрессивности?

Или же они ведут в уме эфемерный счет — мысленно подсчитывают выигрыши и проигрыши, — и тот из них, кто выигрывает в азартных играх больше других, приобретает некоторый престиж, не замечаемый человеком и, более того, тщательно от человека скрываемый?

Человеку, подумал Шеридан, не дано узнать своих роботов до конца, и, возможно, это даже к лучшему — было бы недостойно срывать с робота последние ключья индивидуальности.

Ибо если роботы многим обязаны человеку — своим изобретением, изготовлением и жизнью, то стольким же, если не большим, человек обязан роботам.

Без роботов человек не смог бы так далеко, или так быстро, или с такими результатами распространиться по Галактике. Из-за одного лишь недостатка средств для транспортировки квалифицированной рабочей силы продвигаться вперед ему пришлось бы черепашьими шагами.

Но с появлением роботов эта проблема была решена.

И подобным же образом с появлением трансмогов была ликвидирована нехватка знаний, навыков и умений (которая иначе ощущалась бы обязательно), нужных для решения многообразных проблем, возникающих на отдаленных планетах.

Шеридан подошел к краю лагеря и встал за линию прожекторов лицом к мраку, из которого доносились плеск бегущих волн и чуть слышное завывание ветра.

Он откинул голову, устремил взгляд в небо и изумился, как уже изумлялся не раз на многих других планетах, ужасающему чувству одиночества, которое испытываешь под чужими, незнакомыми звездами. Какие преходящие ориентиры выбирает себе человек, думал он, — случайную конфигурацию звезд, аромат цветка, цвет заката...

Но место, где он находился сейчас, совсем незнакомым, конечно, не было. Две экспедиции с Земли здесь уже побывали. И те-

перь прибыла третья, с санями, нагруженными целой горой товаров.

Он резко повернулся к озеру спиной и посмотрел туда, где лежал сложенный грудями, надежно укрытый плотными пластиковыми покрывалами, поблескивающими в свете звезд, груз. Он лежал на чужой почве, словно стадо горбатых чудовищ, расположившееся на ночлег.

Еще не построен корабль, способный перевезти за один раз столько груза, — самый большой может вместить в себя лишь ничтожную часть товаров, нужных для межзвездной торговли. Для этого существуют грузовые сани.

Сани, выведенные на орбиту вокруг планеты, где они построены, нагружает снующий взад-вперед флот грузолетов. Нагруженные сани снабжают экипажем роботов, и экспедиционный корабль дает старт их долгому путешествию. Благодаря двигателям самих саней и тяге экспедиционного корабля скорость все растет и растет.

Трудный момент наступает, когда достигают скорости света, но после этого становится легче, хотя для межзвездных перелетов нужна скорость, превышающая скорость света во много раз.

И так сани несутся вперед, следуя за экспедиционным кораблем, который, как лоцман, ведет их через ту удивительную серую область, где пространство и время скручиваются во что-то совсем другое, нежели обычные пространство и время.

Без роботов грузовые сани были бы невымыслимы: никакой экипаж, состоящий из людей, не смог бы, летя на грузовом корабле, непрерывно проводить необходимые осмотры и проверки груза.

Шеридан снова повернулся к озеру и засомневался, действительно ли он видит белые завитки на гребнях волн или же это только плод его воображения. Тихо стонал ветер, и наверху светили незнакомые звезды, и по ту сторону вод лежали, свернувшись, гарсонiane в своих деревнях с большими красными амбарами, высящимися в свете звезд на деревенских площадях

II

Утром, когда роботы собрались вокруг стола заседаний под цветным шатром, Шеридан и Езекия достали металлические коробки с наклейками: «специальный — Гарсон IV».

— Теперь, я думаю, — сказал Шеридан, — если вы, джентльмены, соблаговолите уделить мне немного внимания, мы можем приступить к делу. — Он открыл одну из металлических коробок. — Здесь несколько трансмогов, изготовленных специально

для работы, которая нам здесь предстоит. Мы располагали кое-какой предварительной информацией об этой планете и потому смогли изготовить специальный набор. Так что в данном случае нам не придется начинать с пустого места, как сплошь и рядом бывает...

— Хватит болтать, Стив, — крикнул Рубен, — давай приступим к делу!

— Пусть говорит, — возразил Абрахам. — У него есть на это право, как и у любого из нас.

— Спасибо, Эйб, — сказал Шеридан.

— Продолжай, — сказал Гидеон. — Рубу просто надо было разрядиться от излишнего напряжения.

— В основе своей это трансмоги продавцов. Такой трансмог даст каждому из вас личность и специальные знания продавца. Но вдобавок они содержат информацию о положении вещей на этой планете, язык гарсонин и массу фактов о Гарсоне IV.

Он открыл замок другой коробки и откинул крышку.

— Ну как, начнем? — спросил он.

— Давай, да поскорее, — потребовал Рубен. — Этот трансмог космического рабочего мне до смерти надоел.

Вместе с Езекией, который нес за ним коробки, Шеридан обошел каждого из них. Вернувшись на место, он отодвинул в сторону коробки, теперь наполненные трансмогами космических рабочих и других профессий, перед ним сидела бригада продавцов.

— Ну, как оно? — спросил он.

— Прекрасно, — сказал Лемуэль. — Знаешь, Стив, я только теперь понял, до чего туп космический рабочий.

— Не обращай на него внимания, Стив, — явно возбужденно, сказал Абрахам. — Это его любимая шутка.

Максимилиан рассудительно заметил:

— Я думаю, дело пойдет неплохо. Этот народец уже привык смотреть на нас, как на торговых партнеров. Начального сопротивления быть не должно. Возможно даже, они с нетерпением ждут, когда начнется торговля.

— К тому же у нас с собой товары, интерес к которым они уже проявили, — вставил Дуглас. — Нам не придется тратить время на то, чтобы выяснять во всех подробностях, что им от нас нужно.

— Судя по всему, картина рынка проста, — неторопливо сказал Абрахам. — Осложнений быть не должно. Главное, по-видимому, установить цены, чтобы они знали, сколько лодаров им придется отдать за лопату, сколько — за мотыгу или другие товары, которыми мы располагаем.

— Цены придется устанавливать методом проб и ошибок, — сказал Шеридан.

— Придется здорово поторговаться, — заговорил Лемуэль, — чтобы установить фиктивную розничную цену, а потом отдать им все оптом, этот прием часто дает хорошие результаты.

Абрахам встал.

— Так принимаемся за дело. Ты, Стив, я думаю, останешься в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду около радио ждать от вас сообщений — как только у нас появится что сообщить.

Роботы принялись за дело. Они начали скрести и шлифовать друг друга и занимались этим, пока не засверкали. Достали из ящичков блестящую мишуру и прикрепили ее к себе магнитными скрепками. Тут были разноцветные шарфы, ряды сверкающих кусочков металла, ювелирные изделия, выполненные хоть и не в самом лучшем вкусе, однако рассчитанные специально на то, чтобы произвести впечатление на гарсоньян.

Приготовив грузолеты, они нагрузили их образцами товаров из торгового склада. Шеридан развернул карту и показал каждому его деревню. Быстро проверили рации, посмотрели, не забыли ли взять с собой доски для записи заказов.

К полудню все улетели.

Шеридан вернулся в палатку, сел на складной стул и через уступы берега устремил взгляд на озеро, искрившееся в лучах полуденного, высоко стоящего солнца.

Наполеон принес обед и, аккуратно подобрав на колени белый фартук, чтобы не мести им землю, уселся рядом на корточки. Свой высокий белый колпак он сдвинул набок, и от этого вид у него стал прямо-таки ухарский.

— Как, по-твоему, все обернется, Стив?

— Заранее никто ничего не скажет, — ответил Шеридан. — Ребята настроились на то, что будет легко, и я хочу надеяться, что они окажутся правы. Но это чужая планета, а за жителей чужой планеты никогда нельзя ручаться.

— Считаешь, что есть риск?

— Я ничего не считаю. Сижу, жду и пытаюсь надеяться на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если ты так тревожишься, то почему бы тебе не отправиться и не посмотреть самому?

Шеридан покачал головой.

— Наппи, подумай сам: я не продавец, а эта бригада — продавцы. Нет никакого смысла отправляться туда самому — я ведь не получил нужной подготовки.

И если уж говорить начистоту, вообще никакой, подумал он. Он не продавец, он не космический рабочий, он ничто из того, что есть или чем могут быть роботы.

Он только человек, и все: шестеренка, необходимая для экипажа, составленного из роботов.

Закон гласил: задание роботу или группе таковых может быть дано лишь в том случае, если за выполнением его будет наблюдать человек. Но дело было не только в этом законе. Существовало, пожалуй, что-то органически свойственное роботам, не встроенное в них специально, но нечто такое, что всегда в них было и, очевидно, всегда будет: нерасторжимая связь между роботом и его хозяином.

Отправленный без человека экипаж роботов начал бы делать ошибку за ошибкой, все бы у них шло вкривь и вкось и под конец развалилось бы совсем — они не только не приносили бы пользы, они принесли бы вред. Когда же их сопровождал человек, почти не было предела тому, что хотели или могли совершить роботы.

Возможно, думал он, они испытывают потребность в руководстве, хотя, если говорить правду, люди не такие уж и хорошие руководители, возможно, им необходим какой-то символ авторитета, и, однако, отдавая дань уважения и внимания своему хозяину, роботы на самом деле никаких авторитетов не признают.

Тут что-то более глубокое, сказал себе Шеридан, чем просто руководство или просто авторитет. Это можно сравнить с привязанностью и пониманием, которые связывают такими прочными узами человека и собаку, и, однако, тут нет и намека на поклонение, с которым собака взирает на человека.

Он сказал Наполеону:

— Ну, а ты? Неужели тебе никогда не хочется побродить? Только скажи, и ты пойдешь.

— Мне нравится готовить, — заявил Наполеон. Он поковырял в земле металлическим пальцем. — Пожалуй, Стив, правильно будет сказать, что во мне довольно много от старого слуги.

— Стоит сменить трансмог, и все будет по-другому.

— А кто тогда станет для тебя готовить? Ты же знаешь, повар ты никудышный.

Шеридан съел обед и остался сидеть на стуле, глядя на озеро и дожидаясь первых радиосообщений.

Наконец-то они приступили к делу. Все, что ему предшествовало — погрузка, долгое путешествие в космосе, выход на орбиту и разгрузка, — было не более чем простой подготовкой к сегодняшнему дню.

Да, наконец они приступили, но и только. Предстоят еще месяцы работы. Предстоит множество затруднений и тысяча неприятностей. Но они провернут все, гордо и уверенно сказал он себе. Ничто, абсолютно ничто не остановит его ребят.

Уже к вечеру пришел Езекия и принес весть:

— Сэр, радирует Абрахам. Там, кажется, что-то неладно.

Шеридан вскочил на ноги и побежал к радиорубке. Он подвинул стул и потянулся за наушниками:

— Это ты, Эйб? Как дела?

— Плохо, Стив, — сказал Абрахам. — Они не заинтересованы в торговле. Товары им нужны, это видно по тому, как они на них смотрят. Но они не покупают. Знаешь, что мне кажется? По-моему, им нечего нам предложить.

— Но это смешно, Эйб. Они выращивали лодар все эти годы. Амбары набиты ими доверху.

— Их амбар заколочен, — сказал Абрахам. — Поперек дверей перекладыны, а окна заколочены досками. Когда я попробовал к нему подойти, они повели себя не очень-то учтиво.

— Я скоро буду, — сказал Шеридан. — Хочу посмотреть на это сам. — Он поднялся и вышел из радиорубки. — Езекия, приготовь автолет, мы отправляемся к Эйбу. А ты, Наппи, побудь около радио. Я буду в деревне, где Эйб, свяжись со мной, если что-нибудь случится.

— Я никуда не отлучусь, останусь здесь, — обещал Наполеон.

Езекия посадил автолет на деревенской площади, рядом с грузолетом, на котором все еще громоздились товары.

Абрахам подошел сразу же, как только они сели.

— Рад, что ты здесь, Стив. Они хотят, чтобы я отсюда убрался. Не хотят, чтобы мы здесь были.

Шеридан сошел с автолета и, с трудом переступая затекшими ногами, остановился посреди площади. Что-то было не то и с деревней, и с жителями — что-то изменилось к худшему, стало не так.

На площади было много народу, одни стояли в дверных проемах, прислонившись к косякам, другие — прислонившись к деревьям. Несколько жителей маячили перед заколоченной дверью массивного амбара на площади, будто стража, которой поручено его охранять.

— Когда я только спустился, — сказал Абрахам, они столпились вокруг грузолета и стали пялиться на товар. По всему было видно, что они еле удерживаются от того, чтобы не потрогать его руками. Я пытался было с ними заговорить, но они особо не стали разговаривать — сказали только, что у них ничего нет. Ну а теперь стоят поодаль и пялятся.

Рядом с крохотными домиками деревни амбар выглядел монументальным зданием. Он высился — квадратный, прочный, совсем без украшений — и был здесь чужим пришельцем с чужой планеты, Земли. Ибо, осознал вдруг Шеридан, это был такой же амбар, какие он видел на фермах Земли где-нибудь в лесной глухомани: огромная шатровая крыша, широченная дверь, к которой надо подниматься по пологому скату, и даже вытяжная труба, оседлавшая конек крыши.

Человек и двое роботов тонули в омуте враждебного молчания. Гарсониане, стоявшие в ленивых позах, не сводили с них глаз, и что-то решительно было не так.

Шеридан медленно обвел площадь взглядом и вдруг понял, что изменилось.

Все, вокруг было заброшенное, а то и просто-напросто грязное. Запущенные домики потеряли свой опрятный вид, улицы были завалены мусором. И соответственно выглядели сами жители.

— Сэр, — сказал Езекия, — на них жалко смотреть.

И он был прав.

В лицах жителей была какая-то обреченность, они горбились и казались усталыми.

— Не понимаю, — удивленно сказал Абрахам. — Если верить нашим данным, это был беззаботный народец, но посмотрите на них сейчас. Может, данные были неверные?

— Нет, Эйб. Изменились сами жители.

Ибо совершенно исключалось, что данные могут быть неверные. Их собирал отряд специалистов, один из самых лучших, и у человека, его возглавлявшего, был многолетний опыт работы на чужих планетах. Экипаж провел на Гарсоне IV два года и сделал все для того, чтобы узнать об этой цивилизации как можно больше.

С местными жителями явно что-то произошло. Неизвестно почему, но они утратили свойственные им веселое расположение духа и чувство собственного достоинства. Они перестали заботиться о своих домах. Дошли до того, что стали племенем грязнуль.

— Вы, ребята, оставайтесь здесь, — сказал Шеридан.

— Не надо, сэр, — встревоженно сказал Езекия.

— Будь осторожен, Стив, — предупредил Абрахам.

Шеридан отправился к амбару. Стоявшие перед входом не шевельнулись. Метрах в двух от них он остановился.

Вблизи, живые, они больше походили на гномов, чем на фотографии, привезенных на Землю исследовательским экипажем. Сморщенные гномики, но не жизнерадостные, как прежде. Вид у них был болезненный, чувствовалось, что они затаили обиду на что-то и, быть может, злобу. В них было что-то виноватое, и кое-кто даже шаркал ногами от смущения.

— Я вижу, вы нас не понимаете, — непринужденно начал Шеридан. — Мы слишком долго не возвращались — куда дольше, чем рассчитывали.

Он боялся, что не справляется с их языком. Вообще-то говоря, это был не самый легкий язык в Галактике. На какой-то миг он ощутил острое сожаление, что не существует чего-нибудь вроде трансмога, чтобы вставить в человеческий мозг, — насколько легче было бы тогда в моменты, подобные этому!

— Мы вас помним, — угрюмо сказал один из гарсониан.

— Вот и чудесно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан. — За эту деревню говорите вы?

«Говорите» — потому что не было вождя, не было руководителя, не было вообще никакой власти, а были только, время от времени, бестолковые обсуждения повседневных дел, проходившие возле местного эквивалента деревенской лавки, и лишь изредка — в тех случаях, когда возникала какая-нибудь критическая ситуация, — подобие общего собрания, но никаких должностных лиц, которые бы претворяли принятые решения в жизнь.

— Я могу говорить за них, — несколько уклончиво ответил гарсонианин. Медленно, шаркая ногами, он шагнул вперед. — У нас были другие, похожие на вас, — это случилось много лет назад.

— И вы с ними подружились?

— Мы дружим со всеми.

— Но особенно с ними. Вы обещали им, что будете хранить лодары.

— Слишком долго их хранить нельзя. Лодары гниют.

— У вас для них был амбар.

— Сперва сгнил один лодар. Вскоре сгнило два. А потом сгнило сто лодаров. Амбар не годится для того, чтобы их хранить. Никакое место не годится, чтобы их хранить.

— Но мы — те, кто был здесь до нас, — научили вас, что нужно делать. Лодары нужно перебрать и гнилые выбросить. Тогда другие лодары останутся хорошими.

Гарсонианин пожал плечами:

— Слишком трудно. Очень долго это делать.

— Но ведь не все же лодары сгнили! Часть из них наверняка сохранилась.

Гарсонианин развел руками:

— У нас были плохие времена, друг. То слишком мало дождя, то слишком много. Все не так, как надо. Урожай был все время плохой.

— Но мы привезли вещи в обмен на лодары. Много вещей, которые вам нужны. Нам было очень трудно их доставить. Мы прилетели издалека. Нам пришлось лететь очень долго.

— Жаль, — сказал гарсонианин. — Лодаров нет. Вы сами видите, мы очень бедны.

— Но куда же подевались все лодары?

— Мы, — стоял на своем гарсонианин, — больше лодаров не выращиваем. Мы выращиваем теперь другое. С лодарами нам очень не повезло.

— Ну, а эти растения на полях?

— Мы не называем их лодарами.

— Неважно, как вы их называете. Это лодары?

— Лодаров мы не выращиваем.

Шеридан резко повернулся на каблуках и пошел назад, к роботам.

— Заело. Что-то здесь произошло. Они стали морочить мне голову, а под конец, чтобы выбить у меня из рук карты, заявили, что больше лодаров не выращивают.

— Но ведь у них поля лодаров! — возмутился Абрахам. — Если прежние сведения верны, то они даже увеличили посевные площади. Я, когда подлетал, проверил. Они выращивают сейчас больше, чем прежде.

— Знаю, — сказал Шеридан. — Получается какая-то ерунда. Езекия, свяжись, пожалуйста, с базой и узнай, что там происходит.

— Минуточку, — сказал Абрахам. — А торговое соглашение, которое мы с ними заключили? Имеет оно какую-нибудь силу?

Шеридан покачал головой:

— Не знаю. Может быть, и стоило ткнуть им этим соглашением в нос и посмотреть, что из этого получится.

Это могло бы послужить чем-то вроде психологического клина — немного позднее, когда нам удастся чуточку их смягчить.

— Если удастся.

— Сегодня наш первый день здесь, и это всего лишь одна деревня.

— По-твоему, использовать соглашение как дубину мы не сможем?

— Послушай, Эйб, я не юрист, и у нас нет с собой трансмога юриста по дьявольски простой причине — на этой планете никакой правовой системы нет. Но допустим, мы сумели бы как-нибудь затащить их в галактический суд. Кто подписывался от имени этой планеты? Какие-то ее жители, которых выбрали мы, а не сами жители планеты; подписи их никого ни к чему не обязывают. Вся эта затея с составлением контракта была не более чем пышной церемонией без какой-либо правовой основы — просто чтобы гарсонiane побоялись отказаться вести с нами дела.

— Но вторая экспедиция, по-видимому, считала, что это подействует.

— Ну, разумеется. У гарсонинан довольно сильное нравственное чувство — у каждого в отдельности и в семьях. Сможем ли мы добиться, чтобы они расширили круг тех, к кому оно применяется? Вот в чем проблема, которую нам предстоит разрешить.

— Иными словами, нам нужно придумать подход, — сказал Абрахам. — Хотя бы для одной этой деревни.

— Если такое положение только в этой деревне, — сказал Шеридан, — то пусть сидят на своих лодарах. Мы сумеем обойтись и без них.

Но такое положение было не только в этой деревне. Точно так же обстояло дело и в других.

Новость эту принес Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится ни у кого, — объявил он. — Никто ничего не продал. Судя по тому, что он говорит, везде одно и то же.

— Пожалуй, надо всех собрать, — сказал Шеридан. — Положение следует обсудить. Придется выработать курс действий. Нельзя расплющить силы в десятке разных подходов.

— И еще, пожалуй, надо собрать побольше лодаров, — подал голос Абрахам, — и посмотреть, лодары это или что-нибудь другое.

III

Шеридан вставил в голову Эбенезеру трансмог химика, и Эбенезер произвел анализ. С ним он и явился на обсуждение торговых дел, участники которого собрались за столом для заседаний.

— Есть только одно различие, — сказал он. — В лодарах, которые я подверг анализу, содержание калентроподенсии (так называется средство, используемое в качестве транквилизатора) выше, чем в лодарах, которые привезли первая и вторая экспедиции. Разница примерно в десять процентов, хотя не исключено, что она меняется от поля к полю в зависимости от погодных и почвенных условий — особенно, мне кажется, почвенных.

— Выходит, они лгали, когда говорили, что не выращивают лодаров, — сказал Абрахам.

— По их собственным меркам, — заметил Сайлес, — они, возможно, нам вовсе и не лгали. Не всегда легко понять инопланетную этику с человеческой точки зрения. По словам Эбенезера, химический состав клубня в известной мере изменился. То ли благодаря лучшей обработке почвы, то ли благодаря лучшим семенам, или обилию осадков, или более высокому содержанию в почве связанной с лодаром бактерии, а может быть, благодаря каким-то действиям, намеренно совершенным местными жителями, чтобы вызвать это изменение...

— Сай, — сказал Гидеон, — я не понимаю, куда ты клонишь.

— А вот куда. Если они об этом знали, это могло послужить для них основанием изменить название лодара. А возможно, какие-то особенности их языка потребовали, чтобы они изменили название. Или, чтобы оставить себе лазейку, они прибегли к какому-то словесному трюку. А сможет, дело просто в суеверии. Гарсонинин в деревне сказал Стиву, что им не повезло с лодарами.

И потому, быть может, они решили, что переименование лодара принесет им удачу.

— По-твоему, это этично?

— Для них — возможно, да. Вы, друзья, все попутешествовали немало и должны бы знать, что местные жители остальной части Галактики в своих действиях редко руководствуются тем, что мы с вами считаем логикой и этикой.

— Все же я не понимаю, — сказал Гидеон, — к чему им менять название, если только не специально для того, чтобы с нами не торговать. Тогда, изменив название, они получают возможность сказать нам, что лодаров они не выращивают.

— Мне кажется, именно для того они их и переименовали, — сказал Максимилиан. — И все это как-то связано с заколоченными амбарами. Они знали, что мы прибыли. Невозможно себе представить, чтобы они этого не знали. Целый рой наших грузовиков сновал вверх-вниз, и не увидеть они их просто не могли.

— В деревне, где мы были, — сказал Шеридан, — у меня создалось впечатление, что они как-то неохотно говорили нам о том, что не выращивают лодаров. Оттягивали сколько могли, словно это был последний аргумент, которым, они надеялись, им не придется воспользоваться, отчаянный, последний довод на случай, если остальные не подействуют, и...

— Просто пытаются вздуть цену, — тоном, не допускающим возражений, перебил его Лемуэль.

Максимилиан покачал головой.

— Не думаю. Ведь никакой исходной цены предложено не было. Как можно вздуть цену, которой нет?

— Есть цена или ее нет, — раздраженно заявил Лемуэль, — все равно они в состоянии создать ситуацию, которая позволила бы им обобрать нас до нитки.

— Есть другое обстоятельство, и оно может оказаться для нас благоприятным, — сказал Максимилиан. — Если они переименовали растение для того, чтобы оправдать свое нежелание торговать с нами, то из этого следует, что вся деревня ощущает по отношению к нам моральный долг, и ей нужно как-то оправдать свой отказ.

— Иными словами, — сказал Шеридан, — мы можем попытаться их уговорить. Что ж, возможно. Во всяком случае, попробуем.

— Слишком уж все здесь не так, — вмешался Дуглас. — Слишком уж многое изменилось. У лодаров новое название, амбары заколочены, вид у гарсониян неопрятный, их деревни запущены. Все на планете перевернулось. Помоему, прежде всего нужно выяснить, что здесь случилось. Когда выясним, тогда, быть может, появится надежда, что мы что-нибудь сумеем продать.

— Я бы не прочь заглянуть в амбары, — сказал Джошуа. — Что в них? Как вы думаете, можем мы как-нибудь исхитриться и посмотреть?

— Только применив силу, — сказал Абрахам. — Мне кажется, пока мы здесь, они будут охранять их денно и ночью.

— Применение силы исключается, — сказал Шеридан. — Все вы прекрасно знаете, что с нами случится, если мы применим силу не для целей самозащиты, против жителей другой планеты. У экипажа отберут лицензию, и все вы, друзья, проведете остаток жизни, полируя до блеска полы в дирекции.

— Может, нам просто прокрасться как-нибудь? Как сыщикам...

— Это мысль, Джош, — сказал Шеридан. — Не знаешь, Езекия, есть у нас трансмоги для сыщиков?

— Мне о таких не известно, сэр. И я даже не слышал, чтобы какой-нибудь экипаж такими пользовался.

— Ну, а что, если бы они даже были? — заметил Абрахам. — Все равно нам было бы чертовски трудно замаскироваться.

— Если бы среди нас нашелся доброволец, — с некоторым воодушевлением сказал Лемуэль, — мы могли бы переконструировать и изменить его внешний вид и...

— Мне лично кажется, — сказал Сайлес, — что нам надо разработать все мыслимые подходы. Тогда один мы сможем испытать на одной деревне, другой — на другой, и так до тех пор, пока не натолкнемся на подход, который сработает.

— Что предполагает, — назидательно произнес Максимилиан, — что все деревни будут реагировать в принципе одинаково.

Сайлес сказал:

— Я бы исходил именно из этого. В конце концов, культура одна и та же, а средства связи, по-видимому, примитивные. Пока не пройдет некоторый, пусть небольшой, отрезок времени, ни одна из деревень не будет знать, что происходит в другой, это обстоятельство для наших экспериментов превращает каждую из деревень в идеальную морскую свинку.

— Я думаю, ты прав, Сай, — сказал Шеридан. — Так или иначе, но нам придется найти способ преодолеть их сопротивление. В настоящий момент мне все равно, какую цену нам придется платить за лодары. Пожалуйста, вначале пусть обдирают нас как липку. Лишь бы стали продавать, а там уж мы сможем начать сбивать цену и под конец сочтемся по справедливости. В конце концов, самое главное — нагрузить на наши сани столько лодаров, сколько они смогут увезти.

— Хорошо, — сказал Абрахам, — тогда за работу.

И они взялись за работу. Провели за ней целый день. Наметили самые разные коммерческие подходы. Выбрали каждый себе деревню. Шеридан разделил роботов на бригады, и каждая брига-

да получила собственное задание. Выработали все детали. Не оставили на волю случая ничего.

Когда Шеридан сел ужинать, у него было такое чувство, что все, что нужно, сделано, что теперь все в порядке, — если не сработает один подход, сработает другой. Вся их беда заключалась в том, представлялось ему теперь, что они не провели заблаговременного планирования. Они были до того уверены, что все пройдет гладко, что ринулись торговать, ничего не продумав.

Утром работы, преисполненные оптимизма, отправились в путь.

Бригаде Абрахама предоставлялось обойти все дома в своей деревне, и они поработали на совесть. Они не пропустили ни одного дома, и ответ в каждом был «нет», иногда это была дверь, захлопнутая у них перед носом, иногда ссылка на бедность.

Одно было ясно как день: с гарсоньянами поодиночке управиться ничуть не легче, чем со всеми гарсоньянами вместе.

Гидеон и его бригада попробовали применить трюк с образцами товаров — они стали дарить образцы жителям одного дома за другим и при этом сообщали, что вернутся с другими товарами. Оказалось, что гарсоньянам абсолютно ничего не нужно. Брать образцы они отказывались.

Лемуэль устроил лотерею. Лотерея, как утверждали ее сторонники, взывает к жажде наживы, присущей каждому индивиду. А лотерея эта была задумана так, чтобы взывать к ней максимально. Цена была самой низкой, какую только можно было вообразить: один лодар за билет. Выигрыши же были просто сказочными. Но, судя по всему, гарсоньян жажда наживы не обуревала. Ни одного билета продано не было.

И самым странным во всем этом, неразумным, не укладывающимся в сознании, попросту невозможным, было то, что получить товары гарсоньянам явно хотелось.

— Было видно, как они борются с собой, — сообщил Абрахам на вечернем заседании. — Было видно, что какая-то вещь из тех, что мы продаем, им нужна, но невероятным усилием воли они заставляли себя отказываться.

— Возможно, что они уже почти готовы, — сказал Лемуэль. — Возможно, достаточно небольшого толчка, и дело будет в шляпе. Не начать ли нам кампанию распространения слухов? Может, стоит распустить слух, что некоторые деревни покупают у нас вовсю. Вероятно, это поколебало бы их сопротивление.

Но Эбенезер засомневался.

— Надо докопаться до причин. Надо выяснить, что кроется за этой забастовкой. Возможно, что-нибудь совсем простое. Если бы только знать...

Эбенезер побывал со своей бригадой в отдаленной деревне. Они захватили с собой заранее приготовленный магазин самооб-

служивания и установили его на деревенской площади. Заманчиво разложили на полках товары. Создали вокруг шумную ярмарочную атмосферу. Развесили по селению громкоговорители, и оттуда с оглушительным ревом повалили выгодные предложения.

Абрахам и Гидеон возглавили бригады с говорящими рекламными досками. Они облетели округу, расставляя яркие, радующие глаз доски с записанной на магнитной пленке рекламой. Еще до начала операции Шеридан вставил в Оливера и Сайлеса трансмоги специалистов-семантиков, и те наговорили эти пленки — дело очень тонкое, требующее большого умения. На коммерческую сторону, хотя она, несомненно, там присутствовала, они слишком не нажимали. Кое-где тон был вкрадчивый, кое-где откровенный, но не было ни одного слова, которое бы звучало неискренне. Они превозносили гарсониян, этот народ, такой достойный и негибачаемый; произносили прочувственные проповеди о честности, добропорядочности и обязательности; пытались представить себя чем-то средним между недоумками, перехитрить которых проще простого, и благотворителями.

Пленки крутили день и ночь. Они забрасывали беззащитных гарсониян льстивой, вкрадчивой рекламой, и эффект должен был быть фантастическим, ибо ни с какой рекламой гарсониянам никогда еще не приходилось сталкиваться.

Лемуэль остался на базе и тяжело топал взад-вперед по берегу, сжав руки за спиной и с остервенением размышляя. Временами он останавливался — ровно на столько времени, сколько было нужно, чтобы, лихорадочно спеша, записать новую мысль.

Он обдумывал, как применить к делу старый коммивояжерский ход, который, он был уверен, наверняка подействует, если повернуть его понятным гарсониянам образом, — этот старый как мир трюк: «Я работаю, чтобы заплатить за свое ученье».

Джошуа и Таддеус пришли к Шеридану и попросили штучки две трансмогов драматурга. Шеридан сказал, что таких у них нет, но Езекия с его неизменным оптимизмом погрузился на самое дно сундучка с трансмогами и вынырнул с одним, на котором была наклейка «аукционер», и с другим с наклейкой «оратор» — самое близкое к желаемому из всего, что ему удалось найти. Джошуа и Таддеус с негодованием их отвергли, уединились и стали сочинять, вкладывая в эту работу всю душу, номера для юмористического представления.

Например, как следует писать шутки для жителей другой планеты? Что их смешит? Непристойность? Великолепно — только для того, чтобы так шутить, нужно досконально знать интимную жизнь существ, для которых такая шутка предназначена. Шутка про тещу? В этом случае тоже нужно знать, как к ней отнесутся: существует множество мест, где тещи пользуются глубоким ува-

жением, но есть и другие, где одно упоминание о них считается дурным тоном. Юмор, построенный на использовании диалектов и говоров, разумеется, исключался напрочь, как он того и заслуживал. Точно так же, поскольку дело касалось гарсониан, исключалась и шутка ловкача-бизнесмена. Гарсониане — народ совершенно не деловой, и шутка такого рода была бы им попросту недоступна.

Однако Джошуа и Таддеуса все это, в общем-то, не обескуражило. Они отобрали у Шеридана папки, где хранились сведения о планете, и провели над ними не один час, анализируя те стороны гарсонианской жизни, которые они, ничем не рискуя, могли бы использовать для своего либретто. Они делали горы выписок и заметок. Вычерчивали сложные графики, демонстрирующие отношения между словами гарсонианского языка и хитросплетениями местной социальной жизни. Писали и переписывали, перечитывали заново и оттачивали. В конце концов либретто они смастерили.

— Ничем нельзя так расположить к себе, — убежденно сказал Шеридану Джошуа, — как веселым представлением. Зрителям становится хорошо, и они растормаживаются. Кроме того, они начинают чувствовать себя в некотором смысле в долгу перед тобой. Ты их развлекаешь, и они, вполне естественно, не могут не испытывать потребности сделать тебе приятное.

— Надеюсь, это подействует, — сказал Шеридан без особого энтузиазма.

Ибо ничто другое не действовало.

В отдаленной деревне, где был построен магазин, гарсониане расшевелились в достаточной мере для того, чтобы его посмотреть, но только посмотреть, а не покупать в нем товары. Казалось, будто магазин для них — какой-то огромный музей или выставка. Они шли гуськом по проходам, глазели на товары, иногда даже протягивали руку и трогали их, но не покупали. Более того, когда высказывалось предположение, что они, возможно, хотят что-нибудь купить, они делали оскорбленную мину.

В других селениях говорящие рекламные доски привлекли к себе широкое внимание. Вокруг них собирались толпы и целыми часами слушали. Но вскоре блеск новизны исчез, и теперь местные жители обращали на магнитные записи очень мало внимания. И они все так же игнорировали роботов. И даже еще более подчеркнуто — игнорировали или резко пресекали любые попытки что-нибудь им продать.

От этого опускались руки.

Лемуэль перестал ходить по берегу и выбросил свои записи. Он признал, что потерпел фиаско. Здесь, на Гарсоне IV, не было никакой надежды довести до сознания местных жителей, что зна-

чит быть студентом, который торговлей зарабатывает себе на ученье.

Болдуин со своей бригадой попытался распространять слухи. Но жители решительно отказывались верить, будто какая-то деревня могла хоть что-нибудь у них купить.

Оставалось попробовать юмористическое представление, и Джошуа с Таддеусом создали труппу и принялись репетировать. Дело немного затруднялось тем, что даже Езекии не удалось найти актерских трансмогов, но все равно получалось у них неплохо.

Несмотря на то что ни одна из их попыток не дала результатов, роботы снова и снова отправлялись в деревни, трудились не покладая рук, снова и снова пытались продать товары в надежде, что рано или поздно они найдут ключ, который поможет им отпереть дверь скрытности и упрямства, за которой прячутся местные жители.

В один прекрасный день Гидеон радировал на базу откуда-то издалека, где он был один:

— Стив, тебе бы надо посмотреть самому кое на что здесь под деревом.

— Кое на что?

— На существо совсем другой породы. Вроде бы разумное.

— Гарсонианина?

— Тоже гуманоида, но не гарсонианина.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — Оставайся на месте, чтобы ты мог мне его показать.

— Оно, наверно, меня заметило, — сказал Гидеон, — но я к нему близко не подходил. Я подумал, что тебе, может быть, захочется заняться им самому.

Существо, как и говорил Гидеон, сидело под деревом. Перед ним была расстелена искристо поблескивавшая скатерть, на ней стоял затейливо разукрашенный сосуд, и существо было занято тем, что доставало разные разности из чего-то, что, очевидно, служило корзиной для провизии.

Будучи, как и гарсониане, гуманоидом, существо, однако, выглядело куда приятнее, чем они. Лицо было точеное, а тело — змеино-гибкое в своей стройности. Его облекали одежды из роскошных тканей, и на нем было множество драгоценностей. Вид у него был явно светский.

— Привет, друг, — сказал по-гарсониански Шеридан.

Кажется, существо его поняло, но высокомерно улыбнулось. Судя по всему, появление Шеридана его не обрадовало.

— Быть может, — сказало оно не сразу, — у вас найдется время присесть?

Тон, каким это было сказано, ясно и недвусмысленно предлагал Шеридану сказать: нет, он благодарит, но не может, ему надо идти.

— С радостью, — вместо этого сказал Шеридан. — Большое вам спасибо.

Он сел и стал смотреть, как существо достает из своей корзины со съестным все новые и новые припасы.

— Для нас с вами несколько затруднительно, — сказала существо, — общаться друг с другом на этом варварском языке. Но другого выбора, я полагаю, у нас нет. Вы, случайно, не говорите на балльском?

— Увы, — сказал Шеридан. — Я даже никогда о нем не слышал.

— Я подумал: а вдруг? На нем говорят многие.

— Мы вполне сможем объясниться и на языке этой планеты, — спокойно сказал Шеридан.

— О, безусловно! — согласилось существо. — Надеюсь, я не вторгся ненароком в ваши владения? Если да, то я, разумеется...

— Что вы! Я был рад вас здесь встретить.

— Я бы предложил вам пообедать вместе со мной, но боюсь. Ваш обмен веществ наверняка отличен от моего. Мысль, что я могу отравить вас, для меня непереносима.

Шеридан кивнул в знак благодарности. Пища и вправду выглядела весьма привлекательно. Вся в красивой упаковке, и кое-что на вид было так соблазнительно, что у него потекли слюнки.

— Я посещаю эти места для того, чтобы...

Существо искало гарсоннианское слово и не находило его.

Шеридан попытался помочь:

— На своем родном языке я бы, пожалуй, назвал это пикником.

— Поесть-на-воздухе, — сказал незнакомец. — Это самое близкое, что я могу обнаружить в языке наших любезных хозяев.

— Мы с вами думаем одинаково.

От этого свидетельства взаимопонимания настроение существа ощутило поднялось.

— По-моему, мой друг, у нас много общего. Быть может, я могу оставить вам часть пищи с тем, чтобы вы сделали ее анализ? Тогда в следующий раз, когда я снова здесь буду, вы смогли бы составить мне компанию.

Шеридан покачал головой:

— Не думаю, чтобы я задержался здесь надолго.

— Ах вот как? — сказал незнакомец, кажется приятно удивленный. — Так вы здесь тоже только на время? Шорох крыльев в ночи — только что был рядом и уже унесся навеки.

— Весьма поэтично, — сказал Шеридан, — и весьма образно.

— Впрочем, — сказала существо, — я здесь бываю довольно часто. Мне понравилась эта планета. Чудесное место для того,

чтобы поест на воздухе. Все так спокойно, просто, неторопливо. Никакой суеты, и жители так чистосердечны в своей приветливости, хотя, увы, грязноваты и чрезвычайно, чрезвычайно глупы. Но, заглядывая в свое сердце, я обнаруживаю, что люблю их за неискренность, за близость к природе, за ничем не омраченный взгляд на жизнь и за простоту, с которой они эту свою жизнь проживают.

Он умолк и испытующе посмотрел на Шеридана.

— Вы с этим не согласны, мой друг?

— Разумеется, согласен! — довольно поспешно сказал Шеридан.

— В Галактике так мало мест, — загрустил незнакомец, — где можно побыть в блаженном уединении. О, я не имею в виду уединение полное — кого-то ты встречаешь и здесь; но в уединении в том смысле, что есть где повернуться, что ты перестаешь быть игрушкой слепых ненасытных желаний и тебя не душит неодолимый напор чужих характеров. Существуют, конечно, ненаселенные планеты, ненаселенностью своей обязанные лишь тому, что на них невозможно жить физически. Их мы исключаем.

Он ел понемножку, изящно, даже манерно, однако из сосуда с затейливыми украшениями отхлебнул изрядно.

— Вкус превосходный, — сказал незнакомец и протянул сосуд Шеридану. — Может, рискнете все-таки?

— Нет, я лучше воздержусь.

— Это, пожалуй, мудро, — признал тот. — Жизнь не принадлежит к числу тех вещей, с которыми расстаются, не раздумывая.

Он глотнул еще, поставил сосуд к себе на колени и теперь, продолжая разговор, то и дело его поглаживал.

— Это отнюдь не означает, — сказал он, — что я ставлю жизнь превыше всего. У вселенского бытия наверняка есть и другие грани, ничуть не менее...

Они просидели за приятной беседой до самого вечера.

Когда Шеридан пошел к автолету, сосуд у незнакомца был уже пуст, а сам он лежал, раскинувшись, в блаженном опьянении, среди остатков пикника.

IV

Хватаясь за одну нить, за другую, Шеридан судорожно искал в общей картине место, куда бы вписался любящий пикники пришелец с другой планеты, но такого места не находилось.

Быть может, он, в конце концов, и есть то, чем хочет казаться, — путешествующий бездельник, одержимый страстью есть в одиночестве на воздухе и любовью к бутылке.

И в то же время он знает местный язык и, по его словам, бывает здесь часто, — и одно это более чем странно. Ему, по-видимому, доступна вся Галактика, так что же тянет его к Гарсону IV — планете (во всяком случае, на человеческий взгляд), весьма мало к себе располагающей?

И еще: как он сюда попал?

— Гидеон, — спросил Шеридан, — ты, случайно, не заметил где-нибудь там, поблизости, транспортного средства, на котором наш друг мог прибыть сюда?

Гидеон покачал головой:

— Теперь, когда ты об этом заговорил, я могу точно сказать, что нет. Я бы увидел, обязательно.

— Не приходило ли вам в голову, сэр, — спросил Езекия, — что он, быть может, владеет способностью к телепортации? Это не исключено. Например, та цивилизация, на Пилико...

— Верно, — сказал Шеридан, — но пиликоане одолевали сразу не больше мили или около того. Помнишь, как они скакали? Будто большой заяц прыгнет на целую милю, но так быстро, что самого прыжка и не видно. А этот тип, судя по всему, прыгнул через световые годы. Он спрашивал меня о языке, о котором я никогда не слышал. Сказал, что этот язык широко распространен, по крайней мере, в некоторых частях Галактики.

— Сэр, вы уделяете этому слишком много внимания, — сказал Езекия. — Нам следует подумать о делах более важных, чем этот праздношатающийся инопланетянин с его любовью к странствиям.

— Ты прав, — согласился Шеридан. — Если дело с торговлей не пойдет, мне головы не сносить. Но ему так и не удалось окончательно отделаться от мыслей о той встрече под деревом. Он попытался оживить в своей памяти их долгую праздную болтовню и, к своему изумлению, обнаружил, что она-таки действительно была совершенно праздною. Он не помнил, чтобы существо рассказало ему о себе хоть что-нибудь. Битых три часа, а то и дольше, оно говорило не умолкая и ухитрилось не сказать за все это время ровным счетом ничего. Вечером Наполеон, когда принес ужин, присел на корточки возле стула, на котором сидел Шеридан, аккуратно подобрал белоснежный фартук к себе на колени.

— Наши дела плохи, ведь так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— Как нам быть, Стив, если мы так и не сможем ничего сделать — вообще не достанем лодаров?

— Наппи, — сказал Шеридан, — я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

Но теперь, когда Наполеон об этом заговорил, Шеридан живо себе представил, как будет реагировать «Центральная торговля»,

если весь груз стоимостью в миллиард долларов ему придется доставить назад. И даже, в несколько более ярких красках, что ему придется выслушать, если он просто оставит его здесь и вернется без груза.

Каким угодно способом, но продать груз он должен!

Если не продаст, карьере его конец.

Хотя, осознал он вдруг, на карту поставлена не только его карьера. Затронуты интересы всего человечества.

Существует реальная и настоятельная потребность в транквилизаторе, изготовляемом из клубней лодара. Поиски такого лекарства начались сотни лет назад, и нужда в нем подтверждается тем фактом, что все это время поиски не прекращались. Это было нечто, в чем человек остро нуждался, по существу, с того самого мгновения, когда он перестал быть животным.

И здесь, на этой планете, находится ответ на эту острейшую человеческую потребность, ответ, которого их лишает и в котором им безрассудно отказывает этот упрямый и безалаберный народ.

— Если бы только эта планета была нашей, — сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к Наполеону, — если бы мы только сумели завладеть ею, мы бы смогли выращивать столько лодаров, сколько нам нужно. Мы бы сделали из Гарсона IV одно большое поле и выращивали бы лодаров в тысячу раз больше, чем в самые лучшие времена их выращивали гарсониане.

— Но мы не можем, — сказал Наполеон. — Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Противозаконно, и даже очень.

Ибо гарсониане были разумны, не потрясающе разумны, но, по крайней мере, разумны в том смысле, какой вкладывает в это слово закон.

А в отношениях с разумными существами нельзя делать ничего, что содержало бы в себе хотя бы намек на применение силы. Нельзя даже купить или арендовать у них землю, так как, говорит закон, покупая землю, ты лишаешь полноправную цивилизацию ее неотчуждаемых прав.

Можно работать вместе с ними и их учить — это всячески поощряется. Но научить гарсониан хотя бы чему-нибудь было не так-то просто. Можно, если только ты тщательно следишь за тем, чтобы не облапошивать их слишком уж беспардонно, вести с ними меновую торговлю. Но гарсониане теперь вести ее не хотят.

— Не знаю, что мы будем делать, — сказал Шеридан. — Как нам выпутаться?

— У меня есть предложение. Может, увлечь местных жителей сложностями игры в кости? Мы, роботы, как ты, наверное, знаешь, играть в кости большие мастера.

Шеридан поперхнулся. Медленно и очень осторожно он поставил чашку с кофе на стол.

— Обычно, — с напускной суровостью сказал он Наполеону, — я на такие методы смотрю косо. Но в данной ситуации... что, если ты и вправду соберешь несколько ребят и попробуешь?

— Буду рад, Стив.

— И... э-э, Наппи...

— Что, Стив?

— Я надеюсь, ты выберешь лучших игроков?

— Естественно, — сказал Наполеон, поднимаясь и разглаживая свой фартук.

Джошуа и Таддеус отправились со своей труппой в далекую деревню на совершенно девственной территории, которой ни одна из прежних попыток начать торговлю не коснулась, и выступили перед гарсоньянами со своим представлением.

Успех превзошел все ожидания. Местные жители, держась за животы и обессиленные от смеха, катались по земле. Они выли, задыхались, вытирали слезы, ручьями льющиеся из глаз. В восторге от веселых шуток, они били друг друга по спине, по плечам. Ничего похожего они не видели за всю свою жизнь, ничего похожего вообще никогда не было на Гарсоне IV.

И когда они совсем размякли от веселья, когда еще чувствовали себя вполне убогоустроенными, в тот точно рассчитанный психологический момент, когда сняты все торможения и смолкают голоса враждебности и упрямства, Джошуа предложил им начать торговлю.

Смех оборвался. Веселья как не бывало. Зрители теперь просто стояли и таращили на них глаза.

Труппа быстро собралась и в глубоком унынии потащилась назад, на базу.

Шеридан сидел в палатке и предавался созерцанию мрачного будущего. База словно вымерла. Никто не шутил, не пел, не смеялся, проходя мимо палатки: никто не топал по-добрососедски.

— Шесть недель, — горько сказал он Езекии. — Шесть недель — и ни одной сделки. Мы сделали все, что в наших силах, и даже с места не сдвинулись. — Он сжал руку в кулак и ударил по столу: — Если бы только выяснить, в чем дело! Наши товары им нужны, а покупать они отказываются. В чем же дело, Езекия? Тебе что-нибудь приходит в голову?

Езекия покачал головой.

— Ничего, сэр. Я просто озабочен. И не только я, но и все мы.

— Они там, в «Центральной», меня распнут, — сказал Шеридан. — Прибьют гвоздями и будут держать в таком виде в назидание другим ближайшие десять тысяч лет. Неудачи случались и раньше, но не такие.

— Не знаю, следует ли мне это говорить, — сказал Езекия, — но мы могли бы и дать деру. Может, это и есть наилучший для нас выход. Мальчики на это пойдут. Теоретически они преданы «Центральной», но фактически, если заглянуть поглубже, они более преданы вам. Мы могли бы погрузить все снова, и это дало бы нам капитал, вполне достаточный для начала...

— Нет, — твердо сказал Шеридан. — Попробуем еще — может, нам все-таки удастся разобраться в ситуации. Если нет, я подставляю шею и отвечаю за неудачу... — Он потер подбородок. — Кто знает, может быть, нас выручит Наппи со своими игроками. Кажется невероятным, но ведь случались вещи и более странные.

Наполеон и его товарищи вернулись подавленные и растерянные.

— Разделали нас под орех, — сказал, явно еще не оправившись от потрясения, Наполеон. — Эти парни просто самородки, прирожденные игроки. Но когда мы хотели выплатить проигрыш, они не стали брать наш товар!

— Придется встретиться с ними и поговорить начистоту. Как, по-твоему, Наполеон, если мы выложим карты на стол и расскажем им, в каком жутком положении мы оказались, подействует это на них?

— Не думаю, — ответил Наполеон.

— Будь у них правительство, — заметил Эбenezер, тоже входивший в сколоченную Наполеоном бригаду игроков, — встретиться с ними имело бы смысл. Можно было бы поговорить с кем-то, кто представляет все население. Но в реальных условиях, в тех, какие есть, придется говорить отдельно с каждой деревней, а это продлится целую вечность.

— Ничего не поделаешь, Эйб, — сказал Шеридан. Выбирать не из чего.

Но прежде чем они встретились с гарсоньянами, начался сбор лодаров. Гарсоньяне трудились на полях, как бобры, — выкапывали клубни, складывали их в кучи сушиться, ссыпали высушенные растения на тележки и свозили в амбары, используя исключительно собственную мускульную силу — никаких тягловых животных у гарсоньян не было.

Выкапывали и свозили в амбары, те самые амбары, где, клялись они, никаких лодаров у них не хранится. Но в этом, если задуматься, не было ничего удивительного: ведь точно так же они клялись, что вообще не выращивают лодаров.

Естественно было ожидать, что они распахнут большие двери амбаров, однако именно этого они делать не стали. Они просто открывали крохотную, в их рост, дверцу, вделанную в большую, и через нее ввозили лодары. И стоило показаться вблизи кому-нибудь из участников экспедиции, как всю деревенскую площадь моментально окружала усиленная охрана.

— Лучше их не трогать, — посоветовал Абрахам. — Если мы попробуем на них давить, потом хлопот не оберешься.

И роботы вернулись на базу и стали ждать, когда гарсониане кончат собирать урожай. Наконец те кончили, и Шеридан посоветовал роботам не предпринимать ничего еще в течение нескольких дней, чтобы дать гарсонианам возможность вернуться к их повседневным делам.

Тогда они отправились к гарсонианам снова, и на этот раз на одном из грузолетов вместе с Абрахамом и Гидеоном полетел Шеридан.

Деревня, куда они прибыли, нежилась в лучах солнца, безмолвная и ленивая. Не видно и не слышно было никого живого.

Абрахам посадил грузолет на площадь, и все втроем они сошли с него.

Площадь была пуста, и вокруг царило молчание — глубокое, гробовое.

Шеридан почувствовал, как по спине побежали мурашки, ибо в этом безмолвии таилась какая-то скрытая неестественная угроза.

— Может, они устроили засаду? — вслух подумал Гидеон.

— Не думаю, — сказал Абрахам. — По складу характера гарсониане миролюбивы.

Настороженные, они пересекли площадь и медленно двинулись вдоль одной из улиц.

По-прежнему не видно было ни души.

И что было еще более удивительным, двери некоторых домов были распахнуты настежь. Окна, казалось, следили за пришельцами слепыми глазами, и занавесок из пестрой домотканой ткани в них больше не было.

— Быть может, — предположил Гидеон, — они ушли на какой-нибудь праздник урожая или что-то в этом роде.

— Они бы не оставили дверей открытыми настежь ни на один день, — заявил Абрахам. — Я прожил бок о бок с ними не одну неделю и хорошо их изучил. Я знаю, как они бы поступили: они бы тщательно закрыли двери и еще проверили, хорошо ли те закрыты.

— Может, ветер?..

— Исключено, — твердо стоял на своем Абрахам. — Одну дверь — мог. Но я отсюда вижу четыре открытых двери.

— Надо, чтобы кто-нибудь посмотрел, — сказал Шеридан. — Да пожалуй, я сам.

Он свернул в калитку перед домом, одна из дверей которого была распахнута, и медленно пошел по дорожке. У порога он остановился и заглянул внутрь. В комнате было пусто. Он перешагнул порог и пошел из комнаты в комнату, и все они оказались пусты — не было не только жителей дома, но и вообще ничего.

Ни мебели, ни орудий труда, ни домашней утвари. Не было никакой одежды. Не было ничего. Дом был мертв, гол и пуст — рухлядь, за ненадобностью брошенная его обитателями.

Шеридан почувствовал, как в душу ему закрадывается чувство вины. А что, если прогнали их мы? Что, если своими домогательствами мы довели их до того, что они решили бежать, лишь бы больше нас не видеть?

Но это же смешно, подумал он. Для этого невероятного, массового исхода должна быть какая-то другая причина.

Он вернулся назад. Абрахам и Гидеон зашли в другие дома. Всюду было пусто.

— Может, только эта деревня? — предположил Гидеон. — Может, в остальных все по-прежнему?

Но Гидеон ошибался.

Вернувшись на грузолет, они связались с базой.

— Не понимаю, — сказал Езекия. — То же сообщили четыре другие группы. Я как раз собирался вам радировать, сэр.

— Пошли все грузолеты, какие у тебя есть, — сказал Шеридан. — Пусть проверят все деревни в округе. И ищи гарсоннан. Может, они где-нибудь в лесах или на полях. Не исключено, что они на празднике урожая.

— Если они на празднике, сэр, — спросил Езекия, — то почему взяли с собой свое имущество? Никто не берет с собой мебель, когда отправляется на праздник.

— Знаю, — сказал Шеридан. — Ты попал в точку. Разошли всех, пожалуйста.

— Существует отдаленная вероятность, — снова заговорил Гидеон, — что они переселяются. Быть может, у них есть обычай раз во столько-то лет строить для себя новую деревню. Быть может, дело в древнем санитарном законе, согласно которому через определенный промежуток времени лагерь надо переносить на другое место.

— Возможно, — устало сказал Шеридан. — Поживем — увидим.

Абрахам ткнул большим пальцем в сторону амбара.

Шеридан заколебался было, потом отбросил осторожность.

— Валяй, — сказал он.

Гидеон по скату поднялся к двери, протянул руку и ухватился за одну из прибитых поперек досок. Раздался болезненный скрип выкручиваемых гвоздей, и доска отлетела в сторону. За ней последовала другая, потом еще одна, и тогда Гидеон нажал плечом, и одна из створок двери распахнулась.

Внутри, в полутьме амбара, тускло поблескивал металл — на полу, загородив собой проход, стояла огромная машина.

Холодный, пустой ужас сковал Шеридана.

Нет, подумал он. Машины здесь быть не может.

Гарсонианам просто не полагалось иметь машины. Их культура не знала никаких механизмов. Вершиной их достижений оставались пока мотыга и колесо — они еще не додумались даже соединить их вместе, чтобы получился плуг.

Когда лет пятнадцать назад отправлялась в обратный путь вторая экспедиция, машин у гарсониан не было, и преодолеть за такой короткий промежуток времени свое отставание они не могли. За эти пятнадцать лет они, по всем внешним признакам, не продвинулись ни на дюйм.

И однако проход амбара перегораживала машина.

Это был солидных размеров цилиндр, поставленный на попу, и с одной стороны у него была дверь. Верх венчал куполообразный колпак. Если бы не дверь, цилиндр был бы очень похож на огромную тупоносую пулю.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. За время между отбытием второй экспедиции и прибытием третьей кто-то побывал на этой планете.

— Гидеон! — сказал он.

— Что, Стив?

— Отправляйся на базу и привези оттуда сундучок с трансмогами. Скажи Езекии, чтобы он как можно скорее переправил сюда мою палатку и все прочее. Отзови несколько мальчиков с разведки — нас ждет работа.

Кто-то здесь побывал, снова подумал он. Ба, да ведь вот кто! Изысканно вежливое существо, что сидело под деревом, перед расстеленной для пикника скатертью, прикладывалось к сосуду, проговорило битых три часа и ухитрилось при этом не сказать ровным счетом ничего!

V

Посланец «Центральной торговли» посадил свой небольшой корабль на краю деревенской площади, неподалеку от места, где теперь стояла палатка Шеридана. Прозрачный колпак сдвинулся в сторону, и он вылез из сиденья.

Он постоял несколько секунд, сверкая на солнце, пока поправлял значок со словами «*специальный курьер*», скособочившийся на его металлической груди. Затем решительно зашагал к амбару, направляясь к сидевшему на скате Шеридану.

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, окидывая курьера внимательным взглядом. Великолепная вещь!

— Найти вас оказалось нелегко. Ваша база, похоже, брошена?

— Мы столкнулись с некоторыми трудностями, — спокойно сказал Шеридан.

— Не слишком серьезными, надеюсь? Я вижу, ваш груз сохранил свой первоначальный вид.

— Скажем так: особенно нам не докучали.

— Понятно, — сказал робот, разочарованный тем, что происходящего ему пока не объясняют. — Меня зовут Тобиас, и я кое-что должен вам передать.

— Я слушаю.

Иногда, сказал себе Шеридан, бывает просто необходимо сбить с этих роботов из штаб-квартиры хоть чуточку спеси.

— Передать устно. Могу вас заверить, что меня полностью ввели в курс дела. Я в состоянии ответить на любой вопрос, который вы пожелаете задать.

— Будьте добры, — сказал Шеридан. — Сначала послание.

— «Центральная торговля» желает сообщить вам, что фирма, именуемая себя «Галактическими предприятиями», предложила поставлять «Центральной торговле» лекарство, именуемое калентроподенсией, практически в неограниченных количествах. Мы хотели бы знать, можете ли вы пролить какой-нибудь свет на это событие.

— «Галактические предприятия», — сказал Шеридан. — Никогда о таких не слышал.

— «Центральная торговля» тоже. Не скрою от вас, что мы несколько растеряны.

— Могу себе представить.

Тобиас расправил плечи:

— Мне поручено обратить ваше внимание на то, что вас послали на Гарсон IV для приобретения груза лодаров, из которых изготавливается вышеназванное лекарство, и что задание, ввиду предварительной работы, уже сделанной на планете, не должно было быть настолько трудным, чтобы...

— Минуточку, минуточку, — остановил его Шеридан. — Давайте не будем заводиться. Если это хоть сколько-нибудь успокоит вашу совесть, можете записать, что я получил от вас взбучку, которую вам было поручено мне дать.

— Но вы...

— Насколько я понимаю, «Галактические предприятия» заломили за свою калентроподенсию изрядную цену.

— Просто грабительскую. «Центральная торговля» затем и послала меня, чтобы выяснить...

— ...когда я доставлю груз лодаров. В настоящий момент я вам ответить на этот вопрос не могу.

— Но я должен привезти отчет!

— Сейчас это у вас не получится. Я не смогу сказать вам ничего определенного по меньшей мере в течение нескольких дней. Вам придется подождать.

— Но по инструкциям, которые я получил...

— Поступайте как вам угодно, — резко сказал Шеридан. — Дождитесь ответа или возвращайтесь без ответа. Мне наплевать на то, как именно вы поступите!

Он поднялся со ската и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, удалось наконец каким-то образом снять с огромной машины колпак, и теперь он лежал на боку в проходе — так, чтобы было видно, что там внутри.

— Стив, — горько сказал Абрахам, — ты только посмотри!

Шеридан посмотрел. Внутри колпака была грудка сплавившегося металла.

— Тут были какие-то рабочие части, — сказал Гидеон, — но они уничтожены.

Шеридан почесал затылок.

— Намеренно? Реле саморазрушения?

Абрахам кивнул.

— Они, видно, все закончили. Не будь здесь нас, они, я думаю, отправили бы и эту машину, да и все остальные, домой, где бы этот их «дом» ни находился. Но допустить возможность того, что хотя бы одна из них попадет к нам в руки... Это было слишком рискованно. И поэтому они нажали кнопку или что другое, и все их хозяйство — фьюить...

— Но есть другие машины. По-видимому, по одной в каждом амбаре.

— Наверно, там все так же, как здесь, — сказал, поднимаясь с колен, Лемуэль.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Шеридан.

— Машина для мгновенного перемещения материи, телепортатор — называй как хочешь, — ответил Абрахам. — Вывод, конечно, сделан не на основании чего-то в самой машине, но из всех обстоятельств дела. Посмотри на этот амбар. В нем ни одного лодара. Лодары куда-то исчезли. Этот твой друг, любитель есть на свежем воздухе...

— Они называют себя «Галактические предприятия», — сказал Шеридан. — Только что прибыл курьер. Говорит, те предлагают «Центральной торговле» лекарство, сделанное из лодаров.

— И теперь «Центральная торговля», — подхватил Абрахам, — вконец расстроенная и понесшая огромный материальный ущерб, свалит вину на нас, ссылаясь на то, что мы не поставили ей ни единого лодара.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Шеридан. — Все зависит от того, сможем мы разыскать наших местных друзей или нет.

— По-моему, надежды на это никакой, — сказал Гидеон. — Разведка показала, что деревни опустели на всей планете. Как ты думаешь, не могли они смыться через эти машины? Если машины транспортируют лодары, то могут транспортировать и людей.

— Может быть, все, что начинается с буквы «л»? — попытался состричь Лемуэль.

— Есть ли надежда узнать, как эти машины работают? — спросил Шеридан. — «Центральной» это могло бы очень пригодиться.

Абрахам покачал головой:

— Не могу сказать, Стив. Если учесть, сколько на планете таких машин — по одной в каждом амбаре, — есть некоторая статистическая вероятность, что нам попадется одна, которую не успели разрушить.

— Но даже если мы такую и найдем, — подхватил Гидеон, — есть большущая вероятность, что, едва мы начнем в ней копаться, как она моментально сама разрушится.

— А если мы не найдем целой?

— Не исключено, — признал Лемуэль. — Хотя невероятно, чтобы все они разрушали себя в одинаковой степени. И характер повреждения не всегда будет один и тот же. Вполне возможно, что, пересмотрев, скажем, тысячу таких машин, можно составить довольно ясное представление о том, какое устройство находилось в куполе.

— Ну, а если бы мы все же это выяснили?

— На это трудно ответить, Стив, — сказал Абрахам. — Даже если бы мы располагали одной, которая уцелела и работает, я, честно говоря, не знаю, смогли бы мы разобраться в принципе ее работы настолько, чтобы изготовить самим такую же. Не забывай, что пока еще роду человеческому не удалось достичь ничего хотя бы отдаленно похожего. Увы, этого Шеридан не понимать не мог. Видеть, как работает совершенно незнакомое устройство, более того, перенести его, до малейшей детали, на кальку, при отсутствии теоретической основы это не давало абсолютно ничего. А такой основы у них не было, и заполучить ее было куда труднее, чем чертеж или даже работающую модель.

— При помощи этих машин они переправляли куда-то лодары, — сказал он, — и, возможно, гарсонииан. И если это так, то гарсонииане наверняка пошли в машины по своей доброй воле. Если бы была применена сила, мы бы это знали... Эйб, ты можешь мне сказать, почему они отсюда ушли?

— Понятия не имею, — сказал Абрахам. — Во мне сейчас всего лишь трансмог физика. Дай мне трансмог социолога, и тогда я схлестнусь с этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и они разом повернулись к двери. По скату поднимался Эбenezер, в руках он нес крохотную фигурку, руки и ноги которой безжизненно болтались.

— Один из них! — задохнулся Гидеон. — Гарсониианин, точно!

Эбenezер встал на колени и осторожно опустил его на пол.

— Нашел в поле. Он там лежал в канаве. Боюсь, что его дела плохи.

Шеридан шагнул вперед и склонился над гарсонианином. Это был старик, один из тысяч стариков, которых он видел в деревнях. То же дубленое, старое лицо в морщинах, оставленных дождем и ветром, те же косматые брови, нависшие над глубоко посаженными глазами, те же редкие усы, то же выражение давно позабытой беспечности, а также обреченности и упрямства.

— Отстал, — сказал Эбenezер. — Отстал, когда уходили все остальные. Наверно, стало плохо, и он свалился там, в поле...

— Дай мою фляжку, — сказал Шеридан. — Она висит у двери.

Старик открыл глаза и окинул взглядом глядящие на него сверху лица. Он провел, оставляя грязные полосы, рукой по щеке.

— Я упал, — пробормотал он. — Помню, как падал. Упал в канаву.

— Вот вода, Стив, — сказал Абрахам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прижал его к своей груди и поднес фляжку к губам. Неопрятно, хлюпая, старик стал пить. Вода проливалась и капала, стекая по усам, ему на живот.

Шеридан убрал фляжку.

— Спасибо, — сказал гарсонианин, и Шеридан подумал, что это было первое вежливое слово, которое они услышали от местных жителей.

Старик снова провел по лицу грязной рукой.

— Ушли все?

— Все, — ответил Шеридан.

— Опоздал, — сказал старик. — Если бы не упал, то, может, успел бы. Они, наверно, меня искали...

Голос его все слабел и наконец совсем смолк.

— Если вы не против, сэр, — предложил Езекия, — я достану трансмог врача.

— Может, и стоит, — сказал Шеридан. — Хотя я сомневаюсь, что от этого будет много проку. Для него было бы лучше, если бы он умер там, в поле, еще несколько дней назад.

— Стив, — мягко сказал Гидеон, — врач, который лечит людей, инопланетянину помочь не сможет. Через некоторое время, если бы время у нас было, мы смогли бы узнать об этом бедняге больше — о биохимии, обмене веществ. Тогда бы мы смогли лечить его.

— Это верно, Стив, — сказал Абрахам.

Шеридан пожал плечами.

— Тогда, Езекия, трансмога не надо.

Он снова опустил старика на пол, потом поднялся с колен и, присев на корточки, закачался на пятках взад-вперед.

— Быть может, — сказал он гарсонианину, — ты ответишь на один вопрос. Куда ушел твой народ?

— Туда, — сказал старик, приподняв слабую руку и показав на машину. — Туда и оттуда они ушли так же, как ушел урожай, который мы собрали.

Шеридан сидел, не поднимаясь, на корточках возле немощного гарсонианина.

Рубен внес охапку травы и положил гарсонианину под голову вместо подушки.

Значит, гарсониане и вправду ушли, сказал себе Шеридан, взяли и покинули родную планету. Покинули, используя машины, которые были поставлены для транспортировки лодаров. А уж если «Галактические предприятия» располагают такими машинами, то до них, независимо от того, кто они и где они, «Центральной торговле» невероятно далеко. Ибо тяжеловесным грузовым саням «Центральной торговли», как черепахи ползущим сквозь световые годы, трудно конкурировать с такими машинами.

Он думал, вспомнил Шеридан, в первый же день, когда они сюда прибыли, что немного конкуренции — вот что нужно «Центральной торговле». И, пожалуйста, вот вам конкуренция; конкуренция без намека на этику. Конкуренция, прокравшаяся следом за «Центральной торговлей» и заграбаставшая рынок, в котором «Центральная торговля» нуждалась, — рынок, которым «Центральная» могла бы завладеть безраздельно, не занимайся она глупостями, не хитри и не ловчи так беспринципно, пытаясь приспособить культуру лодара к земным условиям.

Но интересно, где и когда, подумал он, узнали «Галактические предприятия» о лодарах и о важности лекарства, которое из лодаров вырабатывают? При каких обстоятельствах стал им известен отрезок времени, в течение которого они могли действовать на рынке лодаров, не боясь, что «Центральная торговля» им помешает? И не проявили ли «Галактические предприятия» в отношении этого отрезка времени излишний оптимизм и потому вынуждены были разрушить все эти великолепные машины?

Шеридан негромко рассмеялся. Ну и обидно же, наверно, было их разрушать!

Не трудно, однако, представить себе сто или тысячу разных способов, при помощи которых они могли узнать о лодарах, ведь они обворожительнейшие существа, их манеры просто обезоруживают. Он не удивится, если окажется, что кто-нибудь из них тайно орудует внутри «Центральной торговли».

Гарсонианин зашевелился. Он вытянул костлявую руку и дернул Шеридана за рукав куртки.

— Что, друг?

— Ты побудешь со мной? — В голосе гарсонианина звучала мольба. — Эти здесь не такие, как ты и я.

— Я все время буду с тобой, — обещал Шеридан.

— Мы, пожалуй, уйдем, — сказал Гидеон. — Может быть, мы его тревожим.

Роботы тихо вышли из амбара, оставив их вдвоем.

Протянув руку, Шеридан положил ее гарсонианину на лоб. Лоб был липкий и холодный.

— Дружище, — сказал он, — я думаю, может, ты должен мне что-нибудь?

Старик покачал головой — медленно повернул ее на травяной подушке сначала в одну сторону, потом в другую. И в глазах у него вспыхнул огонек упрямства и какой-то хитрости.

— Вам мы не должны ничего, — сказал он. — Мы должны другим.

И это, конечно, было вовсе не то, что имел в виду Шеридан.

Но вот они лежат перед ним — слова, которые объясняют все, решение загадки, которой является Гарсон IV.

— Так вот почему вы не хотели с нами торговать, — сказал Шеридан, обращаясь скорее к себе, чем к лежащему на полу старому гарсонианину. — Вы так задолжали тем, другим, что для выплаты долга вам нужны были все лодары, какие у вас были?

И так, очевидно, оно и было на самом деле. Теперь, когда он думал об этом, он видел, что это дает логическое объяснение всему, что произошло. Реакция гарсониан, их отчаянное сопротивление торговле — это ведь как раз то, чего следует ожидать от тех, кто по уши влез в долги.

Вот почему так запущены дома, а одежда в лохмотьях. И вот почему на смену беспечности и беззаботности пришли забитость, загнанность и отчаяние. Подгоняемые, затравленные, обуянные страхом (а вдруг выплатить долг не удастся?) они заставляли себя работать все больше и больше, выбивались из сил, выжимая из земли все лодары, какие она могла им дать.

— В этом было дело? — спросил он резко. — Именно в этом?

Гарсонианин неохотно кивнул.

— Они пришли к вам и предложили такую мену, что отказаться было просто невозможно. — На машины, быть может? Машины, которые отправят вас в другие места?

Гарсонианин покачал головой:

— Нет, не на машины. В машины мы клали лодары, и лодары уходили. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да, — сказал гарсонианин. А потом добавил, и в голосе его послышалась гордость: — Но теперь мы расплатились сполна.

— Прекрасно, — сказал Шеридан. — Очень хорошо, когда ты честно платишь свои долги.

— Они уменьшили нам платежи на целых три года, — почувствованно сказал гарсонанин. — Правда, они поступили хорошо?

— Ну конечно, — с горькой усмешкой сказал Шеридан.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к слабому шепоту ветра на чердаке и к хриплому дыханию гарсонанина.

— Но потом твой народ использовал эти машины для того, чтобы отсюда уйти. Не можешь ты мне сказать, почему?

Старого гарсонанина сотряс раздирающий кашель, и громкие вдохи и выдохи стали похожи на рыдания.

Шеридана охватил стыд за то, что ему приходится делать. Я бы должен дать ему умереть в мире, подумал он. Я не должен загонять его, как загоняют животное. Я должен бы дать ему уйти с достоинством, а не травя и допрашивая его до последнего вздоха.

Но оставался еще тот, последний ответ — его Шеридану нужно было получить непременно.

Он тихо спросил:

— Но скажи мне, друг, на что вы менялись? Что они давали вам взамен?

Услышал ли тот? Не было никаких признаков того, что гарсонанин его слышит.

— Что они дали вам взамен? — спросил Шеридан снова.

— Планету, — наконец ответил гарсонанин.

— Но у вас была планета!

— Это была другая, — еле слышно прошептал гарсонанин. — Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда не умрет.

Сидя на корточках, Шеридан оцепенел в потрясенном, полном гнева молчании.

И из молчания пришел шепот — шепот, все еще исполненный веры и сожаления, шепот, который будет преследовать до конца дней услышавшего его человека.

— Вот что я потерял, — шептал старик. — Вот что я потерял...

Шеридан сжал руки, мысленно сдавливая руками точеную шею, обрывая гладко льющийся поток изысканных слов.

Если бы он мне попался, подумал он, если бы только он мне теперь попался!..

Он вспомнил расстеленную для пикника скатерть и кувшин с затейливыми украшениями, и аппетитную пищу; вспомнил ни к чему не обязывающую, ни на чем не задерживающуюся болтовню и ту уверенность, с которой его собеседник держался. И даже методичность, с которой тот напивался для того, чтобы их встреча закончилась без неприятных вопросов и ненужных подозрений. Вспомнил высокомерие, с которым тот спросил, не знает ли он балльского, сам почти наверняка умея говорить по-английски.

Так что теперь наконец у «Центральной торговли» есть конкурент. Теперь «Центральной торговле» придется драться, и драться, прижавшись спиной к стене. Ибо эти шутники из «Галактических предприятий» не чисты на руку и идут ва-банк.

Конечно, гарсониане были наивными дурачками, но «Галактическим предприятиям» наверняка по плечу и куда более трудные дела. Они, несомненно, подбирают каждой рыбе особую наживку, но на старую басню о бессмертии, если ее умно подать, могут клюнуть даже самые искушенные.

Козырями «Галактических предприятий» были абсолютная неразборчивость в средствах и телепортирующие машины.

Какая же судьба постигла жителей этой планеты, думал Шеридан? Куда они девались после того, как вслед за своими лодарами входили в эти машины?

Не нашли ли случайно где-нибудь молодцы из «Галактических предприятий» рынок для нескольких миллионов рабов? Или же они просто решили отправить гарсониан куда-нибудь подальше, чтобы прервать поставку лодаров «Центральной торговле» и таким путем обеспечить легкую и выгодную продажу своих запасов калентроподенсии?

А может, они хитростью сманили гарсониан с планеты для того, чтобы захватить ее самим?

В случае если верно последнее (а может быть, и в любом случае), «Галактические предприятия» эту первую схватку определенно проиграли. Может быть, сказал себе Шеридан, на самом деле они не такие уж острые.

Они дали нам как раз то, в чем мы нуждались, осенило его вдруг, и он довольно усмехнулся. Они оказали нам услугу!

Неповоротливая, самодовольная старуха «Центральная торговля» в конечном счете выиграла первый раунд.

Он встал и двинулся к двери. Но вдруг остановился и повернулся к гарсонианину.

— Быть может, друг, — сказал он, — повезло именно тебе.

Но этих слов гарсонианин уже не услышал.

У дверей его ждал Гидеон.

— Как он? — спросил робот.

— Умер, — сказал Шеридан. — Ты не позаботишься о похоронах?

— Конечно, — сказал Гидеон. — Покажешь мне отчеты — этот обряд мне нужно подзубрить.

— Но сперва сделай для меня кое-что другое.

— Только скажи, Стив.

— Знаешь этого Тобиаса, курьера из «Центральной торговли»? Найди его и проследи за тем, чтобы он не улетел.

Гидеон растянул рот в улыбке:

— Можешь быть спокоен.

— Благодарю.

По пути к палатке Шеридан прошел мимо корабля курьера. В нем, обратил он теперь внимание, все было подчинено скорости — в нем не было почти ничего, кроме пульта управления и сиденья, закрепленных на мощном двигателе.

На таком корабле, подумал он, пилот и вправду может выиграть время.

Уже почти у самой палатки ему встретился Езекия.

— Пошли со мной, — сказал он, — у меня есть для тебя работа.

В палатке он сел на стул и взял лист бумаги.

— Езекия, — сказал он, — поройся в сундучке. Найди самый лучший трансмог дипломата, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он, — сказал, уже копаясь в сундучке, Езекия.

Он достал нужный трансмог и положил на стол.

— Езекия, — сказал Шеридан, — слушай меня внимательно. Запомни каждое мое слово.

— Сэр, — обиженно сказал Езекия, — я всегда слушаю внимательно.

— Знаю. К тебе я испытываю полнейшее доверие. Поэтому я и посылаю тебя в «Центральную».

— В «Центральную», сэр? Вы, конечно, шутите? Вы же знаете, что мое место здесь. Кто будет заботиться о вас, сэр? Кто будет следить за тем, чтобы вы...

— Я смогу управиться и один. Ты скоро вернешься. И, кроме того, у меня есть Наполеон.

— Но я хочу остаться здесь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Мы вставим в тебя этот трансмог и...

— Но ведь это займет недели, сэр!

— Не на курьерском корабле. Вместо курьера на нем полетишь ты. Я напишу документ, который даст тебе все полномочия представлять меня. Как будто ты — это я.

— Но ведь есть Абрахам. Или Гидеон. Вы могли бы послать любого из остальных...

— Только тебя, Езекия. Ты самый старый мой друг.

— Сэр, — сказал Езекия, став по стойке «смирно», — что я должен буду там сделать?

— Ты должен сообщить «Центральной», что Гарсон IV ныне необитаема. Должен сказать, что ввиду этого я формально, от имени «Центральной торговли», заявляю на нее права. Передай, что мне срочно нужны пополнения: не исключено, что «Галактические предприятия» попытаются ее у нас отнять. Для начала «Центральная торговля» должна прислать одни сани, нагруженные роботами (авангард оккупирующих и колонизирующих сил),

и еще одни — с сельскохозяйственными орудиями, чтобы мы могли приступить к выращиванию лодаров. Заодно все до последнего лодары, какие у них есть, на семена. И, Езекия...

— Да, сэр?

— Насчет роботов. Пусть их уложат в разобранном виде. Так смогут погрузить побольше. Мы их здесь соберем.

Езекия подавил дрожь.

— Я им скажу, сэр.

— Прости, Езекия.

— Все в порядке, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Передай «Центральной торговле», — сказал он, — что постепенно мы превратим всю эту планету в одно огромное засаженное лодарами поле. Но пусть не теряют ни минуты. Никаких обсуждений, комиссий, никаких заседаний дирекции, никакой волокиты. Не оставляй их в покое ни на секунду.

— Я не дам им покоя, сэр, — заверил его Езекия.

VI

Курьерский корабль скрылся из виду. Сколько ни вглядывался Шеридан, он больше не мог его разглядеть.

Добрый старый Езекия, подумал он, уж этот сделает все как надо. «Центральная торговля» долго потом не сможет опомниться.

Он наклонил голову и потер ноющую шею.

Потом сказал Гидеону и Эбенезеру:

— Теперь можете его отпустить.

Те, широко улыбаясь, поднялись с распростертой фигуры Тобиаса.

Тобиас встал. Он был взбешен.

— Мы еще поговорим об этом, — пообещал он Шеридану.

— Да, я знаю, — сказал Шеридан. — Ты бы съел меня с потрохами.

Абрахам шагнул вперед:

— Что теперь?

— Теперь, — сказал Шеридан, — я думаю, нам всем придется собирать клубни.

— Клубни?

— Наверняка остались лодары, которых гарсонiane, когда их собирали, не заметили. Все, какие мы только найдем, нам понадобятся на семена.

— Но ведь все мы тут физики, инженеры-механики, химики и тому подобное. Ты, конечно, не ждешь, чтобы специалисты такой высокой квалификации...

— Это поправимо, — сказал Шеридан. — Я думаю, мы сумеем разыскать трансмоги космических рабочих. Они сойдут, пока «Центральная» не пришлет сельскохозяйственных рабочих.

Тобиас шагнул вперед и стал рядом с Абрахамом:

— Требую, чтобы, пока мне приходится быть здесь, для меня нашли занятие. Болтаться без дела не в натуре работа.

Шеридан хлопнул по карману куртки и ощутил выпуклость трансмога, который он вынул из Езекии.

— Кажется, у меня есть как раз то, что тебе нужно, — сказал он Тобиасу.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСЧАДИЯ РАЗУМА. <i>Перевод О. Битова</i>	5
ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ. <i>Перевод Г. Темкина</i>	149
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	305
ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ФОНД ПРИЗРЕНИЯ. <i>Перевод О. Битова</i>	307
МИРАЖ. <i>Перевод О. Битова</i>	331
ПОВЕДАЙ МНЕ СВОИ ПЕЧАЛИ. <i>Перевод О. Битова</i>	353
СМЕРТЬ В ДОМЕ. <i>Перевод С. Васильевой</i>	372
ДУРНОЙ ПРИМЕР. <i>Перевод С. Васильевой</i>	389
ВАН ГОГ КОСМОСА. <i>Перевод С. Васильевой</i>	405
КРУГ ЗАМКНУЛСЯ. <i>Перевод Б. Клюева</i>	422
ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ. <i>Перевод В. Рыбкина</i>	462

Клиффорд САЙМАК
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Т О М 2

Редактор *А. Александрова*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Т. Фатюхина*
Корректор *Л. Черкасова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599185.
Подписано в печать 13.04.99 г.
Гарнитура Таймс. Формат 60×90^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,0.
Уч.-изд. л. 34,98. Заказ № 606.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02693-X

9 785300 026936